

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 1–2 2015
January-February**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2015**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

Nº 1–2 2015 (January-February)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief

Petra Busch, Austria

Consulting editors

Jolanta Lewicka, Poland

Rostislav Komarov, Russia

International editorial board

Egor Rachynski, Ukraine

Natalia Bondarenko, Russia

Rima Dzhansarayeva, Kazakhstan

Nikolay Inshin, Ukraine

Alajos Fazekas, Hungary

Slavka Konstantinova, Bulgaria

Tatiana Yashkova, Russia

Jennifer Mathieson, Scotland

Hong Han, China

Alessandro Massaro, Italy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review

“East West” Association for Advanced Studies
and Higher Education GmbH, Am Gestade 1

1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Anthropologie

*Emelyanov Andrej Sergeevich,
Kursk State University,
postgraduate student of Department of Philosophy
E-mail: andrei.e1992@mail.ru*

Crisis in Anthropology and an ability to be a human

Abstract: The author of this article pays attention to one of the most important problems in philosophy — a human's problem. The research is based on the retrospective analysis of phenomenological tradition in the first half of 20th century, represented by V. Dilthey, M. Scheler, E. Husserl and M. Heidegger. Researching achievements in hermeneutics and phenomenology, the author points at "the crisis features" of anthropology in the beginning of the 20th century. A human hasn't got his classical and metaphysical status as a subject of nature's being. As a result Heidegger's program of existential analytics becomes a program about the return of the own dignity to a human and about an ability to be a human.

Keywords: a human, Crisis in anthropology, existential analysis, being, an ability to be a human.

Introduction

At the turn of the 19th and 20th centuries such constituents as meaninglessness, doubtfulness, instability, revaluation of values, absurdity, anti-systematicity, Nietzsche's phrase "God has died" became main metaphysical features of that world and period. Changes of worldview ideal and symbolic concepts of human being in the world represented a human at the edge of an absence, which a human has to overcome. Desacralization and demythologization of a human environment put the person before a dilemma of rationality and existence. The lack of the rational ways of cognition and isolation of idealistic doctrines from a human existence (crisis of idealism) showed conscious instruments of person's practice and some irrational methods of the life and also it recognized their main and leading role in psychology. First the author tells about such concepts as will, life, anxiety, despair, melancholy, value, absurd, isolation, freedom etc.

Metaphysical changes, which a human had during that period, caused a sense of anxiety against the own ontological egoism and independence. A human and the world are in danger, it can't be understood and it hasn't got its own place. Although the sense of anxiety appeared by a person, who is ontologically free, he has got some problems and he recognizes his being as being of a mortal person. This is Kierkegaard's opinion [13]. The sense of anxiety appeared because of your own inability to overcome your own death and because of a risk to use your freedom wrong. So the sense of anxiety is a situation, where human's freedom appears. Personal privacy, which such freedom is against, represents an intrapersonal aspect of human's existence. A philosopher, who describes this world, becomes a part of this described world. «Everything will change as soon as a person follows his destiny and mission ... A human becomes really free, when he follows a mission, which refers him to his historical being, so a person obeys consciously, not will-weakly» [26, 77]. So a philosopher pays attention to his own environment,

which is connected with his experience — his troubles about the being and troubles about one being with each other. Worries of being (Dasein) are worries about your own being (Dasein), a philosopher is a part of this being. His worries about the being tell, that he has being. Here being means already being. It means that there is somebody, somebody exists [29, 160].

The being's way is person's own way to survival and adoption of self-standing in the world in the own way to keep himself as a human.

Materials and methods

The theoretical and methodological features of the work are based on such philosophical principles of scientific research as system and objectivity, connection between the retrospective analyses and the history, the value of modern theories and trends, especially phenomenology, hermeneutics, life's phenomenology, the unity of historical and logical methods, the theoretical analyses of historical, philosophical and lexicographic literature. The multidimensional and metaphysical nature of analyzed theoretical material demands a wide range of interdisciplinary approaches and identification of worldwide and general historical base of questions for solution of researching tasks.

Results

1) Crisis in anthropology

The question about human's being in M. Heidegger's fundamental ontology is a significant question in the analytics. To this philosopher's mind it is able to solve the problem of the difference between "being as consciousness" and "being as reality" by Husserl; the fundamental ontology originated from the phenomenology, it's necessary to remember the causes of this question. It's worth noticing the phenomenology was influenced by two people — Søren Kierkegaard and Wilhelm Dilthey [4; 26]. The first one influenced on the ideas of the second. First it refers to changes of rationalistic and idealistic culture in the human's question. The human is considered.

The life has its meaning and aims because of the human's freedom, which is concentrated on Kierkegaard's phrase "I can" (Note 1). Although concerning despair and free it's possible to say about the special influence through the human life analysis. Kierkegaard's main ideas are different from Heidegger's ones. God's existence in Kierkegaard's system, despite his reformatory ideas in protestant sense, represents dramatic art of an ambiguity and heterogeneity of the project and its contests. If its topic and contest are aimed on ideas of a person, Kierkegaard's philosophy is in the philosophy of rationalism, he understands a person like a person as home animal rational, so he concerns the human's being as transcendental being. This opinion is based on human's special aspiration to God or to the Absolute. Aspiration is considered. The transcendence is considered as an aspiration as an exit in something different from itself. The human's aspiration to itself, to its own being is the main idea. Kierkegaard's philosophy can be considered as revolutionary only as a project in using of expression's graphic means, but not in semantic. Here falsehood or senselessness of the previous ideas and its aims isn't approved. They are useful and necessary in its own competence. So in excessive aspiration to God through belief and love it is possible to roll down to religionism and in excessive aspiration to the Absolute through the rationalism and spirit — to "schizophrenia." In excessive aspiration to God or Absolute the most valuable can be lost. That's why Kierkegaard's philosophy is a drama, because the human's aspiration to God ends sadly.

Wilhelm Dilthey's project of personal psychology is rather different [16, 451]. There is always a connection between phenomenology and psychology, the phenomenology comes from Brentano's psychology and Heidegger appreciated high his works about polysemy in Aristotle's philosophy, so Husserl after "Logical researches" was keen on creation of personal psychology based on phenomenological ideas like his followers M. Scheler, K. Jaspers etc. After that the active period of interference between phenomenology and psychology began [27]. Dilthey's philosophy, psychology and hermeneutics, his project of science disposal of metaphysically substantive forms or platonism had the main role. In the end of the 19th century he announced his idea, which was familiar to Heidegger's (Nelson, 2008), "any knowledge is a way of idea's participation" [23, 316]. Then Dilthey found "invisible, but stronger similarity than that, which existed between an idea and a thing, because the knowledge is carried out by thinking reason, which is the ideal substance [17, 150]. Based on interests for a thing, it is necessary to divide the science into sciences about the nature, which is based on empirical definitions of a subject of thinking and science about spirits, discussing the reality [20, 118]. Because of science division Dilthey represented the original anthropology as a study about knowledge participants or "a performance of acts" as later M. Scheler would say, where there is no subject, but a human in the centre of gnoseological system and a human is represented as a being with much power, he has in himself, "a thought about a human with much power as a being, who wants, has senses and being [17, 153]. To Dilthey's mind, the

life of a person is a way of human's being. Because of this idea was represented "the new understanding" of historical process and hermeneutics importance as a disclosure method of the life's senses, of human's culture and its existence. History is a kind of life that's why history and life are connected with each other. So what the human is, can be learnt not in thinking about yourself, not in psychological experiments, but only in history, because the life is a direct experience, It's always human's life.

Heidegger wasn't the only philosopher, who used rationalistic approach to understand human's being in existence study. Besides Husserl's tries to create personal psychology, the other representative of phenomenological philosophy Max Scheler tried to solve this task. Husserl's ideas directed for solving difference problems between consciousness and reality, his ideas were based on his "logical researches" and conscious acts, language and he allocated a subject with psychological features. Scheler refused from Marburg's logicism, which was connected with the first theory and was concentrated on Baden's human's interpretation as a personality, which came from Kant's criticism. Personality for Scheler is space of act's performer with conscious life features. Personality isn't a thing or a substance. Human's personal aspect is connected with the own evolution as a spirit. Personality isn't real or substantial being [21, 245]. It is individual, whose being cannot be dissolved to be a subject of mind's acts, which are subordinated with definite laws [21, 278]. Personality as spirit's evolution for Scheler is represented as the unity of his individual experience. "Personality is direct unity of experience" [21, 247]. This method allowed to consider the reflection of a human and about a human not as a moment of world's reality or as its "perception". It is against the general psychological objectivization and it is equivalently with depersonalization. That's why rationality and severity, which are typical for Husserl, are an idea of homo animal rationale, as Scheler considered a human as "the eternal here — there", as Pascal looked for the God, as Tatsian's way to God [22, 103].

Heidegger based on Scheler's ideas about a person of the Middle Ages. This person aspired to God and to divine. The human's reality is surrounded by the divine mystery and into transcendental space, which then is replaced by human's aspiration to absolute spirit. And from this point the main subject of Nietzsche's critic was chosen right; it was Christianity, as the dominating idea of our time, where science exists, to Heidegger's mind, and thanks to it arose science on our modern and present understanding. That's why Husserl announced about the science crisis.

2) *An ability to be a human*

The being's question became important in person's return to existence sources in Heidegger's fundamental ontology. The being's question is not a simple question about the importance of ontological concept. This question is a question about the being of the asking person. Analyzing, understanding, choice are methods of asking and modes of definite being, which we are [9, 14].

One Heidegger's feature should be concerned. He told about the real as the first aim about the being's thing, Heidegger used several times the phrase "who we are" or "Who we are always". Many thought Heidegger thought here about a person.

Although the being is considered not as a man. Otherwise his existential analytics was the same as anthropology, and the question “What is the being?” was the same as “What is a human?” Heidegger’s ideas come not from anthropological but from being’s problems. Heidegger’s main idea is the question about the being, but not about a human. From the other side the question about being turns into the question about a human, it became the question about the nearest for us “here being” is not only ontologically near or the nearest — we are beings always with us [8, 112]. The being is an opportunity because of its meta-physical and historical features; Dasein and analyze of already being is one of the being and extrapolation’s ways in human’s life. In Heidegger’s fundamental ontology during his early period we can suppose, that Dasein realizes the being’s opportunity only in real human’s existence. Only in human’s life the main being ability to be can be understood like his existence. Only in human’s life “the nearest and important being” has an opportunity to be clear. The being tells about itself through a human or thanks to a human; it has a language and begins to sound — Heidegger says to us. In other words being in human’s presence as a substance has and follows its own opportunity for a human.

A certain dynamism, variability and the polyphony in understanding of Dasein connected with borders of its understanding and realization — human life, goes back to ontologic dynamism of Heraclitus and Aristotel (Note2) and to Heidegger’s period and to “the life’s philosophy” of Dilthey, Bergson and Nietzsche. Dasein was used for being detection and its historical destiny, Dasein becomes the realization of its internal intension, historical logic, which was caused by Schopenhauer’s ideas and Nietzsche’s will to the power; it becomes a wish structure, which dominates over the human and it causes the human’s basis. It is a cause of human’s aspiration to the own ability to be. “Already being” has a tendency to understand the being from that being, which it refers to [6, 241]. The biological understanding here is not the same. Here the world, human and Dasein become the only borders and opportunities of the realization. The real, for which it is discussed about the being, refers to the being as the most important opportunity. Already being is always the own opportunity and has not only features of Already being defines as the real from the opportunity, which it has and understands in its real. This is a formal sense of Already being existence [7, 118].

The already being is not the aim of this opportunity and this wish. In the existential analytics Dasein it has features of daily actual presence, it is characterized as indifferent. Dasein is the only an ability for being to be a human or to be human’s being. The being’s question in human’s being becomes united in a human, through and thank to that we understand our being and ourselves as the most important opportunity and result of our wish in controlling ourselves and others. Although appeared question “How can be this wish caught?” this being tendency, this important ability to be and which features can be fixed. Desire analytics realizes Already being, which is based on fundamental constituents and categories of the own presence and history, which keeps main metaphysical ideas of the whole period and all nations. Constituents and categories are main

opportunities of the being character [1]. Based on ontological and existential categories of a person in the world it is obvious the main task in analytics of the ability to be in existential analytics of already being appeared a task, whose importance is not less than the real question: finding out this question, which has to appear, that the philosophical sense of a question can be possible “What is a human?” [9, 370].

Conclusion

Despite of this Heidegger criticizes the personal psychology like Dilthey and Husserl, who tried to create it on the base of phenomenology and Scheler’s anthropology, which was based on the old methods of the human’s question. “First that circumstance, that this discussion is not only considered the question about the reality and objectivity; the second this method to personality represents the definite reflexion about the experience, the third (it is important) this is the main definition of the united collection of a man as nature’s research”, following Decartes –cogito, ergo sum. Although in Decartes’s analysis Heidegger has a methodological fault, paying attention to sum and existence, and so the connection with that, what is discussed, his attention to being in human’s problem can be compared with discovery, which Tadeush Kantor’s postdramatical theatre made in world’s theatre.

In Heidegger’s fundamental ontology the focus of human topology is that place, where can be “progress” in the being. Only in “human’s” borders the being has a language and can tell, what is similar and how to be heard. The human is the centre of the being and the own being. That’s why examining a human we study his being.

Acknowledgments

I express my gratitude for his valuable advice and assistance in carrying out this study of Department Chair of «Foreign Languages and Communication professionally» Prof. Lebedeva S. V. As well, would like to thank to my supervisor Prof. Torubarova T. V., and Dean of the Faculty of Philosophy, Sociology and Cultural Studies Koroleva L. G. In particular, I would like to thank my cousin Denis, that is suffering the infantile cerebral paralysis, and Sapogova I. G. per moral and financial assistance.

Note

Note 1: In the field of subjectivity where freedom primarily determines the mode of being of the subject and this mode of being is characterized by the I-can, capacity (*Vermögen*), i. e. possibility, is higher in relation to (*Wirklichkeit*). Here it is not actuality that constitutes existence but rather the I-can as I-am-capable-of (*das Ich-kann als Ich-vermag*) [6, 378, 379; 7, 312].

Note 2: I pay your attention to the following investigations: Pangle, Lorraine Smith (2003). *Aristotle and the Philosophy of Friendship*. Cambridge: Cambridge University Press., Halper, Edward C. (2009). *One and Many in Aristotle’s Metaphysics, Volume 1: Books Alpha — Delta*, Parmenides Publishing, Luchte, James (2011). *Early Greek Thought: Before the Dawn*. London: Bloomsbury Publishing., Heidegger M. Heraklit. Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1923–1944. Band 55. Vittorio Klostermann. Frankfurt am Main, 1979.

References:

1. Emelyanov A. Der Begriff des Verstehen und das Sein als die Sorge in der Phänomenologie von M. Heidegger. Science and Education [Text]: materials of the international research and practice conference, Wiesbaden, June 27–28, 2012/publishing office «Bildungszentrum Rodnik e. V.» – c. Wiesbaden, Germany. – 2012.
2. Foucault M. *Le Gouvernement de soi et des autres I*, Paris, Gallimard, – 2008, – 382 p.
3. Geroulanos S. An Atheism That is Not Humanist Emerges in French Thought. – Stanford: Stanford University Press., 2010.
4. Fagniez G. Heidegger lecture de Dilthey. Heidegger Studies – 2003. – 19: 109–126.
5. Halper E. C. One and Many in Aristotle's Metaphysics, – Volume 1: Books Alpha – Delta, Parmenides Publishing. – 2009.
6. Heidegger M. Phenomenological Interpretations of Kant, trans. P. Emad and K. Maly, Bloomington: Indiana University Press. – 1997
7. Heidegger M. Heraklit. Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1923–1944. Band 55. Vittorio Klostermann. – Frankfurt am Main. – 1979.
8. Heidegger M. Phänomenologische Interpretationen von Kants Kritik der reinen Vernunft, 3rd edn, ed. I. Görland, – Frankfurt: Klostermann. – 1995.
9. Heidegger M. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1923–1944. Band 20. Vittorio Klostermann GmbH. – Frankfurt am Main. – 1979.
10. Heidegger M. Sein und Zeit. Gesamtausgabe. II. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914–1970. Band 2. Vittorio Klostermann. – Frankfurt am Main. – 1977.
11. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischer Philosophie. Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. Halle a. d. S. – 1922.
12. Husserl E. (2012) Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Hrsg. v. Elisabeth Ströker, 3. Aufl. Meiner, Hamburg 1996.
13. Husserl E. Logische Untersuchungen: Band 1, Prolegomena zur reinen Logik. 2. Aufl.: Niemeyer, Halle. – 1913.
14. Kierkegaard S. Fear and Trembling; Ed. By C. Stephen Evans and Sylvia Walsh; Trans. By Sylvia Walsh. – Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press. – 2006.
15. Kojève A. Note sur Hegel et Heidegger/Ed. par B. Hesbois//Rue Descartes. – № 7. – 1993.
16. Luchte J. Early Greek Thought: Before the Dawn. – London: Bloomsbury Publishing. – 2011.
17. Makreel R. A. & Villani A. Kant, Dilthey et l'idée d'une critique du jugement. Historique et de Morale – 2001. – 4 (4): 445–464.
18. Makreel R. A. The Cogition-Knowledge Distinction in Kant and Dilthey, and the Implications for Psychology and Self-Understanding//Studies in History and Philosophy of Science Part A – 2003. – 34 (1): 149–164.
19. Nancy J. L. La Declosion: la deconstruction du christianisme. – Paris: Galilee, – 2005. – P. 57, 206, 213.
20. Nelson E. S. Interpreting Practice: Dilthey, Epistemology, and the Hermeneutics of Historical Life//Idealistic Studies – 2008. – 38 (1/2): 105–122.
21. Nelson E. S. The world Picture and its Conflict in Dilthey and Heidegger//Humana Mente – 2008. – 18: 19–38.
22. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die material Wertethik (mit besonderer Berücksichtigung der Ethik Immanuel Kant's), II, Teil, IV. Formalismus und Person, in Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung, 2. – 1916. – Bd: 242–464.
23. Tatian Rede an die Griechen übersetzt und mit Einleitungen versehen von Dr. V. Gröne, Kempten, – 1872. – cap. 15.
24. Schatzki T. R. Living Out of the Past: Dilthey and Heidegger on Life and History. Inquiry – 2003. – 46 (3): 301–323.
25. Smith P. L. Aristotle and the Philosophy of Friendship. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2003.
26. Scharff R. S. Becoming a Philosopher: What Heidegger learned From Dilthey, 1919–25. British Journal for the History of Philosophy – 2013. – 21 (1): 122–142.
27. Bessonov B. N. Heidegger: existentia – that's the essence of being human. Heidegger's phenomenological ontology: the origins, sense, value. Social Theory and modernity. – Moscow, RAGS, – 1995. – vol. 20.
28. Vlasova O. A. The origins of the phenomenological psychiatry: German classical philosophy and philosophical phenomenology [Istoki fenomenologicheskoy psixiatrii: nemeckaya klassicheskaya filosofiya i filosofskaya fenomenologiya]. Kursk. Bulletin of the Kursk State University. A series of «Philosophy» – 2008.
29. Vlasova. O. A. The phenomenological psychiatry and existential analysis: history, thinkers, problems [Fenomenologicheskaya psixiatriya i e'kzistencial'nyj analiz: istoriya, mysliteli, problemy]. – Moscow. Territoriya budushhego. – 2010.
30. Istochnikova A. V. The problem of the analysis of Being as a strategic plan hermeneutics of M. Heidegger [Problema analiza Bytiya kak strategicheskij zamysel germeneytiki M. Xajdeggera]. Vestnik MGTU, – 2006. – Volume 9, 1:159–62

Section 2. Study of art

*Mammadova Rubaba Maharram,
Azerbaijan National Conservatory,
postgraduate student, the Faculty of Musicology
E-mail: mamedova-rubaba@mail.ru*

Genre and dramaturgy of mugham-opera — studying paradigms

Abstract: Observing the problems of researching genre and dramaturgy of mugham-opera is the main object of this research. In an historic-theoretical context are consider genre and dramaturgic features of the organisation of mugham-opera.

Keywords: Key words: mugham-opera, dramaturgy, lyric opera.

*Мамедова Рубаба Магеррам кызы,
Азербайджанская Национальная Консерватория
аспирант, музыковедческий факультет
E-mail: mamedova-rubaba@mail.ru*

Жанр и драматургия мугамной оперы — парадигмы изучения

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, связанные с изучением жанра и драматургии мугамных опер. В историко-теоретическом контексте рассматриваются особенности жанровой и драматургической организации мугамных опер.

Ключевые слова: опера-мугам, драматургия, лирическая опера.

Основа, составляющей принципа формирования лирической оперы — является лирический образный строй оперы, лирическая основа. Под понятием «лирическая основа» мы подразумеваем раскрытие в опере, внутреннего мира героя (героев) — переживания, ожидания, мотивирующие его (их) поступки. Даже при использовании в качестве сюжетной канвы шедевры мировой литературы, опера утрачивает глубокую философскую идею произведения, выдвигая на первый план любовную драму.

Как в эпической опере, принцип организации лирической оперы является диалектическая взаимосвязь номерного и сквозного принципов — свойство, получающее иное воплощение по сравнению с эпической драматургией. В лирической опере, вместо гипертрофированных построений «большой» оперы (развитыми хоровыми сценами и ансамблями), номерной принцип реализуется через романс, каватина, баллада, ариозо, то есть сугубо камерными сценическими формами. В них отражается краткий миг, мгновение переживаемого героем (героями) чувства, которое, обладая определенной архитектурной завершенностью (поскольку оно высказывается, излагаясь в «рамках» времени), связано с раскрытием симультантного состояния. Сквозной принцип связан с различными диалогическими и жанрово-бытовыми сценами. Благодаря ему происходит активное продвижение линии сюжет канвы, интриги оперы.

Как известно, термин «мугам-опера», как разновидность нового жанра в опере, сочетающий структуру классической оперы с сольной вокальной импровизацией (мугамом) на стихи впервые вошёл в музыкознание для определения жанровой основы оперы У. Гаджибейли «Лейли и Меджнун» (по мотивам одноимённой поэмы М. Физули). Несмотря на то, что в основу мугамных опер азербайджанских композиторов составляет эпико-романтическая «ветвь» поэзии Востока, однако преобладание ярко выраженного лирического начала, которое проявляет себя главным образом в гуманистической направленности основы сюжетной канвы, где главной темой является побеждающая сила любви, позволяет нам причислить мугамные оперы к жанру лирической оперы.

Композиция лирического произведения, как известно, также отличается свободой, однако эта свобода несколько иного плана. Если в эпосе она возникает в результате нарушения повествования путём «вторжения» разного рода вставок или отступлений, то в лирическом произведении «эффект свободы» в развитии сюжетной канвы связан с воспроизведением непосредственного, ничем не скованного течения размышлений и переживания лирического героя.

Лирические тенденции мугамных опер проявляется через сольные номера-портреты или хоровых номеров, отражающих моменты внутреннего состояния героев, воспроизводящие модус того или иного эмоционального

состояния-размышления; эпизоды внешнего отстранения, возникающие на протяжении развития действия имеющих важную драматургическую роль — предвосхищая сценические действия или косвенно раскрывая мысли, мотивы поступков героя (героев). Например, хор девушек «Aхşam oldu» («Вечер настал») из оперы «Асли и Керем» У. Гаджибейли, на первый взгляд, данный хор производит впечатление вставного номера, выполняющего фоновую — бытовую функцию (здесь, в вечерней девичьей песне поётся о печальной женской доле в семье нелюбимого мужа). В действительности же хор играет важную роль в драматургии оперы — эмоционально предвещает трагическую развязку оперы. А хор девушек «Образ тот с любимой схож» из оперы «Лейли и Меджнун» У. Гаджибейли, раскрывающий виденье Меджнуна в облаках образа любимой Лейли, углубляет психологическую характеристику главного героя. Боль Меджнуна не утихла, она даже усилилась, сделалась ещё глубже, но миру безысходного мрака и скорби противопоставляется мир больших человеческих переживаний, поэтической грезы.

Следует отметить, что данный драматургический приём, введённый У. Гаджибейли в своих мугамных операх — метод предвосхищения, направляя слушателей в определённое русло образных ожиданий — широко использовался впоследствии в лирических операх азербайджанских композиторов. В качестве примера приведём оперу «Багадур и Сона» С. Алескерова — первое грустное ариозо Соны и её центральная ария во второй картине, в которой раскрывается её тревога, предчувствие трагедии.

Как и в лирической опере, основой движения сюжетно-фабульного действия мугамных опер становятся

ансамблевые номера (в основном через дуэты — например, дуэт Лейли с матерью, дуэт Лейли с Ибн-Саламом из оперы «Лейли и Меджнун» У. Гаджибейли, дуэт Аслан шаха и Визиря из оперы «Шах Исмаил» М. Магомаева и т. п.).

Несмотря на то, что мы в целом относим мугамные оперы к жанру лирической оперы, по сути, данные оперы можно отнести к смешанному оперному жанру, в котором тесно переплелись лирическое начало (вышеуказанные признаки), эпической оперы (поэтическая основа сюжета и особый размеренный повествовательный тон развития сценического действия) и драматической оперы (наличия трёх обязательных начал: конфликта, единого действия и «драматического узла» обстоятельств и «событий, противоборствующих герою или группе лиц и одновременно разжигающих его желания» [1, 19]).

Если непосредственно рассматривать драматургическую структуру мугамных опер, то пятиактная опера «Лейли и Меджнун» стала своего рода образцом в плане построения мугамных опер, как в творчестве самого композитора, так и в творчестве других азербайджанских композиторов. В качестве примера приведём сравнительный анализ построения драматургии известных мугамных опер (табл. 1).

Пятиактная структура стала основополагающей и для мугамных опер композиторов «постгаджибековского периода». В качестве примера приведём структуру оперы «Скала невесты» Шафиги Ахундовой. Несмотря на то, что опера имеет два акта, структура оперы разделена на 5 картин — первый акт (две картины) и второй акт (три картины) (табл. 2).

Таблица 1. – Сравнительный анализ построения драматургии известных мугамных опер

Акты	Опера «Лейли и Меджнун» У. Гаджибейли	Опера «Асли и Керем» У. Гаджибейли	Опера «Шах Исмаил» М. Магомаева
I акт	Экспозиция главных героев, завязка действия	Экспозиция главных героев, завязка основной линии конфликта (Асли и Керем — Гара кешиш)	Экспозиция главного героя, завязка основной линии конфликта (Шах Исмаил — Аслан Шах)
II акт	Дальнейшее развития экспозиции (неудачное сватовство Меджнуна)	Дальнейшее развития экспозиции (бегство Гара кешиша с дочерью в Исфаган)	Развитие лирической линии сюжета (Встреча Шаха Исмаила с Гюльзар)
III акт	Центральное действие в раскрытии образа главного героя (Меджнун в пустыне)	Центральное действие в раскрытии образа главного героя (Странствование Керема)	Центральное действие в раскрытии образа главного героя и введение нового персонажа — Араб-Зенги
IV акт	Кульминация, усиление конфликта (отказ Меджнуна от Лейли и смерть последней)	Усиление конфликтного начала (встреча Асли и Керема, гнев Гара кешиша)	Лирическая кульминация (спасение Гюльзар)
V акт	Развязка действия (смерть Меджнуна на могиле Лейли)	Кульминация и развязка действия (соединение влюблённых, проклятие Гара кешиша и смерть влюблённых)	Кульминация и развязка действия (смерть Аслан шаха и восхождение Исмаила на трон)

Подытоживая вышесказанное, отметим, что, взаимодействие лирического и драматического начал в мугамной опере также является важной закономерностью, свойственной драматургии жанра. Драматическая направленность, присутствующая в лирической опере, определяет

и распределяет направление и непрерывный «ток» сценического действия. Лирическое и драматическое начало в мугамных операх порой столь тесно переплетаются между собой, что можно говорить о смешенном типе – лирико-драматической опере.

Таблица 2. – Структура оперы «Скала невесты» Шафиги Ахундовой

I акт	1 картина	Экспозиция главных героев, завязка основной линии любовного конфликта (Гюльбахар – Джамал – Хан)
	2 картина	Дальнейшее развития экспозиции (сцена заговора против Джамала)
II акт	3 картина	Центральное действие (Свадьба Гюльбахар и Джамала, прерываемая поручением хана)
	4 картина	Усиление конфликтного начала (Неприятие Гюльбахар любовного признания хана, её пленение, возвращение Джамала)
	5 картина	Кульминация и развязка действия (убийство Гюльбахар Хана, смерть Гюльбахар)

Список литературы:

1. Волькенштейн В. Драматургия – М.: Советский писатель, 1969.

*Siryatskaya Tatyana Aleksandrovna,
the Kharkov national university of arts I. P. Kotlyarevsky,
PhD, Associate Professor, Department of general piano
E-mail: stet-hr69@mail.ru*

Art-acoustic realization of the author's composition based on its interpretation (on the example of the Second Concerto for piano and orchestra by R. Shchedrin)

Abstract: the article considers the peculiarities of performing activities in the context of artistic and acoustic realization of the author's composition based on its interpretation. As an example, the author suggests the Second concert R. Shchedrin.

Keywords: musical interpretation, composer-performing arts, piano, performing techniques.

*Сирятская Татьяна Александровна,
Харьковский национальный университет имени И. П. Котляревского,
к. искусствоведения, доцент, доцент кафедры специального фортепиано
E-mail: stet-hr69@mail.ru*

Художественно-акустическая реализация авторской композиции на основе ее интерпретации (на примере Второго концерта для фортепиано с оркестром Р. Щедрина)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности исполнительской деятельности в контексте художественно-акустической реализации авторской композиции на основе ее интерпретации. В качестве примера автором предложен Второй концерт Р. Щедрина.

Ключевые слова: исполнительская интерпретация, композиторско-исполнительское творчество, фортепиано, исполнительские приемы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном арт-пространстве с усложнением художественно-коммуникативных процессов возникает проблема переосмысления роли интерпретатора в звуковой реализации художественного замысла музыкального произведения. Новые критерии музыкального языка, формы, жанра, стиля и музыкального мышления композитора формируют новую парадигму современной исполнительской интерпретации.

Для современного исполнителя-интерпретатора важно понимать музыкально-исполнительский процесс как единство композиционных, семантических и исполни-

тельных средств реализации звукообразной концепции музыкального произведения.

Таким образом, проблема исследования роли исполнителя-интерпретатора в системе трансформации культурных парадигм последней трети XX – начала XXI вв. является актуальной и требует детального исследования.

В статье сделана попытка раскрыть художественно-акустическую реализацию авторской композиции на основе ее интерпретации. В качестве интерпретатора выбран известный пианист Денис Мацуев, которому Р. Щедрин сам предложил исполнить концерт на юбилейном вечере,

так как его стиль игры наиболее близок к замыслу автора. При этом объектом работы является Второй фортепианный концерт Р. Щедрина, а предметом — роль исполнителя-интерпретатора.

В творческом наследии Р. Щедрина концерты для фортепиано с оркестром занимают особое положение. Р. Щедрин окончил Московскую консерваторию по двум специальностям — и как композитор (класс Ю. А. Шапорина) и как пианист (класс Я. В. Флиера).

Р. Щедрин — исполнитель-виртуоз, который с успехом выступал на концертной эстраде, исполняя свои произведения. Премьеры первых трех своих фортепианных концертов автор презентовал сам. Жанр фортепианного концерта постоянно привлекает Р. Щедрина, так как дает блестящую возможность продемонстрировать оба дара: сочинителя и пианиста. Мотивацией для композитора при обращении к жанру концерта является возрастание уровня исполни-

тельного искусства: «по существу сейчас уже никаких пределов технических невозможностей и в оркестровой игре, и тем более в сольной уже не существует» [7, 154].

В первой части представлен принцип традиционного состязания сольного инструмента и оркестра с кластерными гармониями и аккордовой фактурой. В «Диалогах» прослеживается внутренняя конфронтация «стабильного» и «нестабильного начал», которая зависит от характера выбранной композиторской техники.

Композиторский замысел реализуется основной темой, которая представляет собой 12-ти тоновый ряд, являющийся относительно стабильным элементом. Характерно в этой теме тритоновое соотношение тональностей (*F-dur* – *H-dur*), что напоминает «скрябиновский тип» модуляции. Тема-основа исполняется решительно, но вместе с тем, нисходящие скачки создают ощущение неустойчивости, неуверенности (фрагм. 1).

Фрагмент 1.

После *sf* оркестра в теме появляется нисходящее движение со скрытой линией мелодического голоса. Авторская ремарка *articolato sempre* (постоянно артикулировать) свидетельствует о токкатном принципе мышления композитора. Тема сыграна на едином выдохе, на однообразном ритмическом движении тридцатьвторыми. Доминирующей интонацией в теме является интервал секунды.

Исполнитель нам демонстрирует виртуозно-моторную сторону произведения, передавая замысел автора — «движение».

Развернутое соло фортепиано представляет собой ведущую музыкальную мысль. По мнению исследователя М. Тараканова «здесь ощущается трудное сосредоточенное размышление, которое составляет пафос многих полифонических пьес старых мастеров, основанных на принципе инвенции, понимаемой как свободное изобретение на основе строго выдержанного единого принципа» [5, 195].

У солирующего инструмента партия построена на равномерном движении, что не предвещает никаких перемен, стимулов к дальнейшему активному становлению формы. Исполнитель Денис Мацуев аккуратно относится к штрихам и подчеркивает стонущие интонации, благодаря чему пианист достигает максимального художественного эффекта. Слушая эту тему, задумываешься о глубинах человеческой души.

После соло фортепиано, некий «застой» в движении сменяется репликой оркестра (цифра 4), и в партии фортепиано появляется триольное движение шестнадцатыми,

которое композитор обозначает ремаркой *espressivo ma ritmico* (выразительно, но ритмично). С одной стороны, это дает свободу исполнителю, а с другой — относительное ограничение. При переходе к ц. 4 в басовой партии композитор дает обозначение *distinto* (отдельно) вместе с графемой акцента.

«Диалоги» переходят к новому этапу «общения». Пассажи сменяются остановкой на долгом звуке, размеренность создается равномерным движением восьмых. Стабильность общего принципа тут прослеживается, но вместе с тем «нестабильность» в том, что пассаж не повторяется с точностью. И все же тематическое сходство со вступлением (ц. 6) мы видим в ц. 10, то есть найденное ядро Р. Щедриным оказалось весьма устойчивым, создавая тематическую арку (фраг. 2).

Разве мог Р. Щедрин просто повторить это ядро? Ведь в поисках средств, обеспечивающих слушательский интерес, Р. Щедрин проявляет максимальную затейливость: создавая фортепианную музыку, вводит струнную ремарку штрих *détache* — в переводе с французского — отдельный, изолированный. Теперь даже один звук будет воспроизведен неординарным способом. *Détache* — прием звукоизвлечения, предполагающий отдельное движение смычка на каждую ноту. Используя этот штрих в фортепианной технике, утверждается определенный способ звуковоспроизведения, который принципиально отличен как от *non legato*, так и *staccato*.

Исполнитель, перенося этот штрих на фортепиано, исполняет максимально обособленно и четко каждый звук, как будто «припечатывает» движение руки.

Далее разворачивается состязание между оркестром и партией фортепиано, оркестр в этом диалоге стремится занять лидирующую позицию и выступает на первый план в кульминации «диалогов» ц.17.

Интерпретация первой части Второго концерта Р. Щедрина пианистом Денисом Мацуевым является органично близкой к идее автора. Исполнитель чувствует себя вполне комфортно в таком сложном сочинении композитора. Его стилю присущ драматизм, мужественность и напор, свойственный этой музыке.

Понятие «Импровизация» всегда вызывает ассоциации о свободном, произвольном звукотворчестве. Этого мы не увидим в полной мере во Второй части концерта, так как импровизация ограничена. Ведь основная тема построена на четкой структуре почти нормативного

экспозиционного периода из двух предложений, правда, тональный план неустойчив. Именно эта шуточно-скерцозная, отчасти токкатная тема задает основной образ (фрагм. 3).

Базовое ядро темы составляет характерная ритмоформула и репетиции начального тона. Остальная часть темы при дальнейших проведениях будет варьироваться, снова выявляя сопоставление стабильного (ритмоформула) и нестабильного (звукорисующая организация).

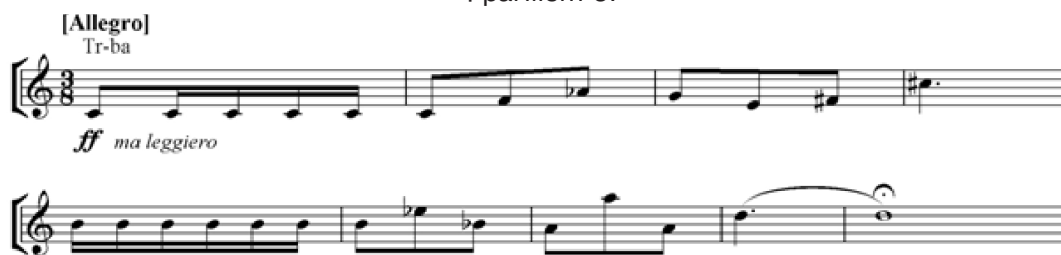
Ритмическая импровизация начинается в ц. 37, где на фоне четкой основной темы звучат пассажи у фортепиано, которые по ремарке автора необходимо «повторить несколько раз с любым интервалом во времени». Таким образом возникает ритмическая двойственность (фрагм. 4).

Ожидаемая нами импровизация возникает в ц. 57, которую автор оговаривает «одноголосная импровизация: любые ноты любого регистра клавиатуры» [8, 114] (фрагм. 5).

Фрагмент 2.

Фрагмент 3.

Фрагмент 4.

Фрагмент 5.

Fragment 5 shows measures 57 to 61. The piano part (I) is highly rhythmic and complex, while the cor part (II) is more melodic. The dynamics are *sff*, *f*, and *ma non troppo e non marcato*.

Этот фрагмент представляет собой алеаторический принцип организации звукового материала. У исполнителя свобода в звуковысотном экспромте и вместе с тем четкое пульсирование ритма, что близко к восприятию функциональной роли фортепиано как ударного инструмента.

Денис Мацуев насыщает свою партию острыми диссонансами, используя также контраст регистров. Создается впечатление массивности и увесистости каждого созвучия в этом быстротечном и безудержном натиске основной темы. Артикуляционная ремарка *non marcato* завуалированно указывает на джазовые истоки темы. Именно джаз станет стилевым стержнем контраста в финале сонатного цикла Второго концерта.

Денис Мацуев исполняет вторую часть концерта на едином дыхании, «рисует» виртуозный орнамент к основной теме, в импровизациях используя принцип ударности крупными «мазками» — массивными диссонансами, угадывая меру безупречным артистическим чутьем. В то же время, лирические эпизоды контрастны, в них он «проживает» каждую мелодическую линию

отдельно, выстраивая свою драматургию. Вторая часть концерта в композиционном плане близка к рондальности, так как основу развития составляет тема и ее многократное проведение с разной фактурой и искрометными контрастами. Хотя рондальность так и не реализуется в своем классическом виде.

Финал этого концерта обобщает и разрешает весь конфликт. Само название «Контрасты» воссоздает специфику композиции, сопоставлений на уровне стиля, которые кажутся в данном процессе чужеродными.

Сама композиция концерта очень целостна и автор выявляет сходство и родство в совершенно разных музыкальных стилях. Это ставит задачу перед исполнителем максимально полно понять задуманное автором и интерпретировать текст, что достигается серьезным отношением к музыке, глубиной чувств исполнителя.

Исполнитель очень четко следует авторской ремарке *stridente* (резко), создавая эффект накопления энергии, которое «выливается» через стилистическую модуляцию в джаз (фрагм. 6).

Фрагмент 6.

Fragment 6 shows measures 68 to 72. The piano part (I) is highly rhythmic and complex. The cor part (II) is more melodic. The jazz battery part includes a solo for the C-b. solo pizz. b. n. The dynamics are *sub. p con elegante* and *m. g. dolcissimo*.

Здесь этюдообразное движение и оживленный диалог с вибратоном роднит именно «экзерсисность», определенные стереотипные ритмоформулы джаза.

Нотный текст графически отражает только выразительно-смысловую «основу», слуховые представления о его звуковой реализации передаются музыкантами-исполнителями «по цепочке», именно потому и важна интерпретация, которая является звукообразной, интонационно озвученной формой отражения субъективного мира личности.

Исполнительское мышление базируется на комплексном понимании всех этапов изучения музыкального произведения: от нотного текста, созданного композитором, до исполнительской интерпретации, которая отражает тип личности исполнителя. Реконструкция идеи произведения композитора — это не только первоочередное задание, а квинтэссенция исполнительской интерпретации, так как она подразумевает определенные принципы когнитивной деятельности исполнителя: выявление стилевых, семантических и композиционных особенностей произведения.

Следующий этап исполнительского процесса направлен на реализацию авторского замысла в контексте творческой личности исполнителя-интерпретатора, что предусматривает выбор средств исполнительской выразительности и способа их применения: характер звукоизвлечения, артикуляция, педализация, интонирование, фразировка, темпоритмическая и фактурная организация, динамический план. На понимании замысла композитора строится исполнительская традиция, на основе которой каждый исполнитель создает собственную интерпретацию, расшифровывая авторский замысел в преломлении с индивидуальными психологическими и социальными позициями. В общем, исполнительская интерпретация это отражение семантико-коммуникационных связей между композитором и исполнителем.

Для исполнения музыки XX века нужна большая скрупулезность, так как автор в нотах прописывает все до мельчайших деталей. Поэтому в отдельных фрагментах не остается возможности для разнообразия в исполнении. Если же автором определяется импровизационный момент, то он ограничен, как правило, ритмически партией оркестра (например, вторая часть концерта «Импровизация»). Очевидным является и возрастание полифоничности и трактовки фортепиано как инструмента близкого к ударному, усиливается роль фактуры и, вместе с тем, нивелируется роль мелодии, а все пласты звучащей фактуры являются равноправными и нуждаются в точности воспроизведения.

Полифоничность мышления уже очень обобщенная, ведь из 12-ти тоновой темы первой части Второго концерта Р. Щедрина остаются фактически осколки, которые собираются только в финале. В одной теме «закодированы» разные типы интонаций, распознавание которых представляет собой значительную трудность, особенно когда они проявляются на протяжении всего трехчастного цикла концерта.

Все это требует от исполнителя невероятной концентрации, проникновения и идеального слышания темы-тезиса и ее отдельных элементов, постижения его (композитора) мысли: как и почему она развивается, куда она идет; для того, чтобы воспроизвести все этапы ее «сборки». Тему-тезис можно трактовать как генеральную интонацию (термин В. Холоповой), которая создает целостность всей композиции концерта. В то же время она является и авторской интонацией, авторской трактовкой всех закладываемых в нее этических и эстетических индивидуальных представлений, технических средств.

Денис Мацуев как современного исполнителя, представителя «новой генерации» условно можно назвать «экстрапианистом», который обладает выдающимися виртуозными возможностями, особой выносливостью при исполнении специфического сверхсложного репертуара. Своей виртуозностью Денис Мацуев стремится превзойти природные качества фортепиано, вырваться за технические пределы инструмента.

Искусство как отражение общечеловеческой деятельности подвержено влиянию конкретной эпохи, соответственно и фортепианное исполнительское искусство отвечает высоким требованиям современного мира. Таким образом, возникает новый тип исполнителя — это интерпретатор-универсал, к которому, на наш взгляд, принадлежит творчество Д. Мацуева. Исполнитель прекрасно освоил разностилевой репертуар, имеет выразительную артистичную харизму, сильную волю и энергетику, умеет заинтересовать массовую аудиторию. Другими словами, современный музыкант-исполнитель — это творец, который гармонично объединяет разнохарактерные и разноплановые черты, которые выводят его за рамки однопланового понятия, направления (классического, романтического и др.).

Для Дениса Мацуева приоритетной является возможность подать собственную интерпретацию произведения и придать ему неповторное звуковое оформление, основываясь на сформированном высокохудожественном вкусе и опыте. Богатый собственный опыт, выбор средств исполнительской выразительности, их уместное использование, творческое дарование и профессиональное мастерство дают возможность интерпретатору исполнить произведение на наивысшем художественном уровне. Исполнение Второго концерта Р. Щедрина и вообще сочинений подобного рода — всегда пианистический подвиг. Интерпретатор справился с этим сложным произведением блестяще. Обладая редкой виртуозностью, Д. Мацуев направил усилия на раскрытие образов, что является главной задачей для интерпретатора. Р. Щедрин — его композитор, он играет его крупно, с превосходным чувством стиля и пониманием музыкальных идей исполняемого произведения. Значительная лепта в интерпретации современных произведений состоит в интуитивном видении Д. Мацуева как исполнителя-интерпретатора, что отражается в спонтанном, подсознательном участии в процессе музицирования.

Д. Мацуев как исполнитель-интерпретатор справился с задачей раскрытия звукообразных идей Р. Щедрина. Его интерпретационный процесс охватывает плюрализм идей и смыслов, характеризуется множественностью звукообразных концепций, которые, отчасти, отражают и собственную картину мира. Музыкальное искусство — это всегда творчество и композитора и исполнителя. Перспективными считаются компаративные исследования индивидуальных трактовок произведений на примере исполнительской деятельности выдающихся современных исполнителей-виртуозов.

Таким образом, художественно-эстетическая ценность фортепианных произведений Р. Щедрина не подлежит сомнению. Восприятие и интерпретация произведений композитора для современных пианистов представляет

определенную трудность, которая обусловлена сложностью его стиля. Истинное постижение музыки и ее интерпретация возможна только при условии глубоких знаний современной музыки музыкантом-интерпретатором. Исполнитель должен иметь богатый слуховой опыт, ориентироваться в разных композиторских техниках, чувствовать специфику разных музыкальных стилей произведения, творчества композитора.

Композитор Родион Щедрин — известный и признанный композитор, творчество которого является наиболее ярким и новаторским явлением отечественной музыки рубежа XX – XXI веков с одной стороны; Денис Мацуев — пианист-интерпретатор, представитель «новой генерации» академического пианизма с другой стороны, демонстрируют очень хороший творческий тандем.

Список литературы:

1. Демченко А. Золото первых десятилетий // Музыкальная Академия. – 2003. – № 1. – С. 66–70.
2. Зінська Т. В. Музично-виконавське мистецтво в соціокультурному просторі України кінця XX – початку XXI століття – К., 2011.
3. Медушевский В. Онтологические основы интерпретации музыки // Интерпретация музыкального произведения в контексте культуры. – М., РАМ им. Гнесиных. Сб. трудов. – Вып. 129. – 1994.
4. Музыкальная академия, – 1998, – № 2. – С. 6.
5. Тараканов М. Творчество Родиона Щедрина. – М., 1980. – С. 195.
6. Чернова І. Музичне виконавство в ситуації постмодернізму: Монографія. – Львів: АСВ, 2011. – 185 с.
7. Щедрин Р. – Власова Е. Искусство – это царство интуиции, помноженное на высокий профессионализм творца // Родион Щедрин. Материалы к творческой биографии. – М., 2007. – С. 154.
8. Щедрин Р. Второй концерт для фортепиано с оркестром. Переложение для двух фортепиано автора. – 1966.

Section 3. History and archaeology

*Bryzgalova Irina Genrihovna,
Southern Federal University, Associate Professor,
Institute of history and international relations
E-mail: ibrizgalova@yandex.ru*

February 1917: the formation of the structure of civic community, its specificity and the special feature: state and regional aspect (on the materials of Don and North Caucasus)

Abstract: In the article are examined the problems of the formation of the institutes of civic community and its participation in the creation of new Russian statehood after February 1917, its specificity and the special feature: state and regional aspect. Special interest causes the regional experience of the solution of this problem into the force of sociocultural special features, and also specific character of the economic and sociopolitical development of Don and North Caucasus.

Keywords: civic community, the organs of local self-guidance, councils, peasant committees, district council, the power structures of cossacks, civil executive committees, democratic polyarchy.

*Брызгалова Ирина Генриховна,
Южный Федеральный Университет, Доцент,
Институт истории и международных отношений
E-mail: ibrizgalova@yandex.ru*

Февраль 1917 года: формирование структуры гражданского общества, его специфичность и особенность: общегосударственный и региональный аспект (на материалах Дона и Северного Кавказа)

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы формирования институтов гражданского общества и его участия в создании новой российской государственности после Февраля 1917 года, его специфичность и особенности: общегосударственный и региональный аспект. Особый интерес вызывает региональный опыт решения данной проблемы в силу социокультурных особенностей, а также специфики экономического и социально-политического развития Дона и Северного Кавказа.

Ключевые слова: гражданское общество, органы местного самоуправления, Советы, крестьянские комитеты, земство, властные структуры казачества, гражданские исполнительные комитеты, демократическое многовластие.

Современные преобразования невозможны без глубокого научного осмысления исторического опыта развития нашей страны, и, в первую очередь, в период демократических преобразований с Февраля по Октябрь 1917 года. После Февраля в демократических преобразованиях были заинтересованы, в большей или меньшей степени, все слои общества. Задачи взаимоотношений между государственной властью и местным самоуправлением, органами общественной инициативы, привлечение масс к участию в формировании системы власти и в управлении государством, развитие и укрепление демократических начал в управлении встали в практическую плоскость.

Гражданское общество не существует вне государства. Наблюдаются два взаимосвязанных процесса: успешное развитие и укрепление гражданского общества в России соответственно сопровождается упрочением российской государственности, как необходимого условия для его развития, и наоборот сильная государственность не может быть без сформированного и развитого гражданского общества. Важнейшей политической функцией гражданского общества является активное участие всех слоев населения в жизни общества и государства. Это, прежде всего, выражается в создании органов общественной инициативы разной степени, а также в формировании органов власти разных уровней: от местного самоуправления

до высших государственных органов при самом активном и сознательном участии гражданского общества.

Первостепенной в настоящее время является также проблема гражданского мира и национального согласия в обществе, решение всех проблем эволюционным путем, путем политического диалога.

Все эти вопросы созвучны проблемам послефевральской России.

Процесс формирования новой государственности, общей системы власти и системы власти на местах, являлся важнейшим и первостепенным из всех вопросов, стоявших в политической повестке дня послефевральской России. И именно Февраль 1917 года поставил в практическую плоскость вопрос деятельного участия самых широких масс в управлении государством. Тогда же и сложились реальные предпосылки для развития и участия гражданского общества в России в процессе формирования новой государственности. В рамках осмысления данных вопросов ценен опыт такого региона как Дон и Северный Кавказ, исходя из его казачьей специфичности и полиэтничности.

Под гражданским обществом понимается совокупность институтов и социальных отношений, действующих горизонтально, тогда как вертикальные структуры и отношения иерархии определены как государство. Поэтому особый интерес вызывают вопросы: взаимодействия различных институтов, как властных, так и общегражданских, характерных черт российского гражданского общества, его состояние, роль и участие в формировании государственных органов разных уровней и политической власти в целом, в свете опыта Февраля 1917 года. Особый интерес в данном случае имеет региональный опыт решения данной проблемы, формирование властных структур при участии гражданского общества, его оформление, специфичность и особенность.

Одной из первых попыток, моментом первого расцвета российского гражданского общества стал 1917 год, короткий период Февраля (особенно: февраль–май 1917 года), но срыв революции в гражданскую войну, переход к жестким формам авторитаризма, а затем — к тоталитаризму привели к постепенному разрушению его структур. Февральская революция 1917 года: эти месяцы представляют собой качественно особый и самостоятельный этап в формировании системы новой государственной власти в России и в регионе. Это период был также временем очень активного осмысления проблем государственного устройства России различными партиями и общественно-политическими силами, которые представляли практически весь спектр общества. Особо выделяется период с февраля по май. Это эволюционный этап Февральской революции, для которого было характерно стремление практически всех общественных и политических сил решать проблемы социально-экономического и политического характера, а также проблемы государственного строительства мирным путем с привлечением самых широких слоев населения. Особенно это явственно прослеживается

в региональной практике, в силу социокультурных особенностей, а также специфики экономического и социально-политического развития региона.

Послефевральская Россия формировала структуры гражданского общества, исходя, прежде всего, из своих социокультурных особенностей. Образование гражданского общества в послефевральский период в России в целом и в регионах имело как общие характерные предопределенные условия и особенности в рамках страны, так и специфические региональные особенности.

Гражданское общество, сформировавшееся, в нашем государстве имело необычную основу, природу и традицию, складываясь и развиваясь на основе общих национальных ценностей. Определение гражданского общества, как «социального пространства, благоприятствующего чувству солидарности между людьми и любви к своему сообществу» [14, 18], близко русскому традиционалистскому пониманию данной концепции. «Гражданское общество — это общество граждан, обладающих не только определенным уровнем правосознания, но и чувством национальной гордости... любовью к своему отечеству» [10, 6].

После Февраля 1917 года гражданское общество складывалось, как общество переходного типа, от аграрной ступени развития к индустриальной. Поэтому в его организации и развитии важную роль играли доиндустриальные механизмы самоорганизации, базирующиеся на принципах общности, согласия, коллективизма, соборности. Это создавало своеобразную, уникальную базу для взаимодействия общества и власти, решения общественно — политических проблем и задач государственного строительства.

Формирование институтов гражданского общества в России имело свои особенности и специфику, шло по особому сценарию, с учетом исторически сложившихся условий, нетрадиционно по сравнению с мировой практикой. В данном процессе наблюдаются два взаимообразных направления.

Прежде всего, это означало, что в России шло формирование институтов гражданского общества на основе национальной традиции: создавались институты общественной самоорганизации и социализации (сюда могут быть отнесены, прежде всего, Советы, крестьянские комитеты), главной движущей силой этого процесса выступали сами народные массы.

А также формирование институтов гражданского общества происходило и на основе заимствованного опыта Западных государств (проводником выступало государство и политические силы, представлявшие его интересы): всевозможные органы местного самоуправления разных уровней и социальной направленности (институты общественной саморегуляции), политические партии, профсоюзы, политическая пресса.

После Февраля 1917 года начался процесс демократизации, обусловивший необходимость модернизации политических институтов. При проведении реформы

местного самоуправления в современной России определенным интерес представляет исторический опыт подобной реформы Временного правительства в период Февраля 1917 г., уникальный опыт русской демократии, именно тогда в стране повсеместно стали создаваться и получили дальнейшее развитие бессловесные органы земского и городского самоуправления с обширными полномочиями, существенные составляющие гражданского общества.

Важное значение в этот период принадлежало институтам общественной саморегуляции (органам местного самоуправления), в природе которых, оба элемента (традиционалистский и западный) тесно переплетались. В первую очередь оказались востребованы те из них, которые уже существовали и соответствовали новому уровню требований: земское, городское самоуправление, традиционные региональные сословные и национальные органы власти [1, 232–242].

В руках Временного Правительства были хорошо налаженные, уже функционирующие, органы власти: городское самоуправление (думы, управы) и земство, на них оно опиралось в общественно-политической и хозяйственной жизни. Все эти органы, по мнению правительства, — фундамент, на котором должно держаться местное самоуправление до создания его новых органов [12].

Временное Правительство взяло под защиту такие дореволюционные учреждения, как думы, считая их нужными и полезными. В марте — начале апреля 1917 года повсеместно самочинным путем, по инициативе населения, возникали новые временные районные думы в городах и населенных пунктах [7]. На данном этапе они стали своеобразной опорой нового строя и объединяющим началом в политической жизни для цензовых и нецензовых элементов, создавая условия для политического диалога различных сил, являясь своеобразной платформой для совместной практической работы.

Временное Правительство в решении вопроса создания новой государственности наряду с органами городского самоуправления также делало ставку и на земства. К Февралю 1917 года земства по существу, были проверенными практикой, надежным аппаратом управления. Они становились основой политического строя постсамодержавной России, своеобразным фундаментом нового государственного строя. По замыслу Временного Правительства реорганизация власти на местах предполагала не только передачу ее в руки председателей земских управ, но и подготовку к выборам в органы местного самоуправления. В данный период земства распространялись на новые территории, оно вводилось почти повсюду в стране, но с отличиями, вызванными местными, региональными особенностями.

Исходя из того, что в это время Временное Правительство разрабатывало законы о местном самоуправлении (городском и земском), на региональном уровне также велась работа в этом направлении. Казачьи правительства, занимались вопросами земства, так как это затрагивало

интересы большинства населения региона, о чем свидетельствуют документы казачьих съездов на Дону и Кубани (апрель 1917 года), заседаний 1-го Войскового Круга Терского казачьего войска (март, апрель 1917 года) [6].

Но главным, определяющим вопросом государственного строительства на Дону и Северном Кавказе был вопрос проведения реформы казачьего управления. Оно и в новых условиях оставалось основой для выработки модели государственного управления в регионе после Февраля 1917 года [2, 48–55]. Подготовкой реформы занимались местные казачьи учреждения, прежде всего Войсковые правительства [7], а также съезды Донского казачества в Новочеркасске и Кубанского в Екатеринодаре (апрель 1917 года) [6].

Уникальность Февраля 1917 года состояла в том, что с первых дней в стране стали формироваться два типа государственности, две властные системы и структуры — буржуазная и советская.

Особенностью и спецификой Февраля было и то, что в недрах государственности стали возникать совершенно новые органы власти, также представлявшие элементы гражданского общества. Они составили основу классического двоевластия в Центре страны: общественные (гражданские исполнительные) комитеты — органы власти Временного Правительства на местах, которые представляли общегосударственные интересы, и Советы (институты общественной самоорганизации и социализации), органы народной, общественной инициативы, эти органы играли важную роль во властной системе региона в рамках складывающейся системы управления.

На местах правительство делало ставку на свои органы — общественные (гражданские) комитеты. В лице местных общественных комитетов и других подобных органов Правительство видело зародыши местного демократического самоуправления, подготавливающее население к будущим реформам. Эти комитеты, по мнению Правительства, — фундамент, на котором должно было держаться местное управление до создания его новых органов. Институты власти Временного Правительства на местах весной 1917 г. были достаточно сильны, в их руках была реальная экономическая и политическая власть. В марте 1917 г. шла разработка и принятие Временным Правительством, а также его органами на местах документов о статусе органов местного самоуправления [7]. Гражданские исполнительные комитеты создавались как в городах и поселках, так и в сельской местности. Очень часто этот процесс шел снизу, органы власти Временного Правительства создавались инициативно самими представителями различных слоев населения, а потом на разных административных уровнях обсуждались вопросы их образования и задачи, стоящие перед ними. Образование органов Временного Правительства на местах заняло длительное время [13]. «Никто не смог предложить какой-либо другой путь создания механизма местной администрации в условиях, когда Центральное Правительство России вообще

не располагало, какими бы то ни было, средствами для усиления своей власти» [9, 159]. В состав комитетов входили представители всех наиболее важных (общественнозначимых) учреждений и организаций на местах [9, 159]. По характеру — это были общедемократические органы власти, как правило, они состояли из представителей общественных организаций [11]. Временным Правительством был определен статус данных организаций, а также их задачи и роль. Князь Львов отмечал: «В лице местных общественных комитетов и других подобных органов уже созданы зародыши местного демократического самоуправления, подготавливающие население к будущей реформе» [13].

В ходе Февральской революции возникли институты общественной самоорганизации и социализации (Советы, крестьянские комитеты). Своеобразие государственного строительства после Февраля заключалось в том, что появились совершенно новые нетрадиционные формы демократии — Советы. Они были порождены политической культурой самого народа и выражали эту культуру. Советы были низовыми демократическими организациями, по политическому статусу и форме — это были институты общественной самоорганизации и социализации, органы народной, общественной инициативы, представлявшие интересы большинства населения на местах. В Советах выразился особый (общинный) тип демократии. В силу народного характера революции, возникновение и деятельность Советов были важнейшим залогом сохранения демократических порядков в стране и условием, обеспечивающим дальнейшее развитие революции. Советы сумели найти и определить свое место в общей системе власти [4]. На Дону и Северном Кавказе в разных вариантах, в зависимости от социально-классового состава населения, создавались совместные Советы рабочих, солдатских, крестьянских, казачьих депутатов. Объединенные Советы представляли интересы различных социальных групп населения. Но самая распространенная и крупная группа Советов — это Советы рабочих и солдатских депутатов.

Очень популярной оказалась идея крестьянских комитетов. Уже с первых дней Февральской революции они создавались снизу по инициативе масс. Назывались они по-разному: волостные, гражданские, народные, земельные комитеты. А очень часто Советы крестьянских депутатов выполняли и совмещали их функции (как, например, это было в Ставропольской губернии) [3, 283–293]. Несмотря на различные названия, они имели общие черты: выбирались на основе всеобщих, равных прямых выборов, во многих местах по революционному почину масс, для подготовки населения к аграрной реформе, затем проведению этой реформы и выборов в Учредительное Собрание. Уже 18 марта 1917 г. Донским Исполнительным комитетом было предложено мировым судьям образовать в станицах и хуторах исполнительные комитеты [8].

Как показали события Февраля, либерально — буржуазное государство западного образца, которое могло бы быть результатом Февральской революции, складывалось

столь медленно, что не поспевало за реальными событиями. Идеологи Временного правительства, оставляли самые насущные, стержневые вопросы государственного строительства и проведение в жизнь важнейших реформ, а также и решение жизненно важных вопросов будущему Учредительному собранию, абсолютно по-другому вели себя Советы. Совершенно иначе, нежели у буржуазного государства, пошел процесс узаконения власти у Советов. Если Временное правительство, унаследовав аппарат монархической государственности, преобразовывало его и, создавая механизм новой государственности, сначала теоретически, затем образуя законодательное и правовое поле, и только потом, уже действовало на практике, то история обретения власти Советами проходила совсем по-другому сценарию, сценарию, который писала сама жизнь. А этот вариант гораздо убедительнее отвечал интересам, чаяниям и надеждам большинства населения. Данная практика была характерна в целом для России.

На Дону и Северном Кавказе, для успешного решения задач по формированию новой модели власти при участии гражданского общества, необходимо было решить первоочередную для региона проблему: оптимального сочетания военных и гражданских начал властвования: военных (организация властных структур казачества — сословный характер) и гражданских (широкое местное самоуправление — всесословный характер). Военные элементы управления были связаны с традиционной организацией властных структур казачества, гражданские — с широким местным самоуправлением (думы, управы, земство), которое имело всесословный характер и затрагивало интересы всех без исключения слоев населения. Необходимо было учитывать и наличие национальных традиций — элементы системы военно-народного управления (национальные районы Северного Кавказа).

Ключ к решению данной проблемы, как показал исторический опыт, находился в руках самого населения, которое имело большой опыт и уже обладало определенными навыками в области управления: общегосударственные (гражданские) формы самоуправления — казачье, национальное и вертикаль городского и земского управления, которые нуждались в дальнейшем развитии и совершенствовании. А также, исходя из новой исторической реальности после Февраля 1917 года, когда у населения появились новые формы управления: Советы и органы власти Временного Правительства, возможности влияния гражданского общества на процесс формирования властной системы значительно расширились.

На Дону и Северном Кавказе в силу специфических особенностей социально-экономического и политического развития все революционные процессы шли медленнее [5, 43–58], и поэтому регион имел все шансы на дальнейшее политическое равновесие всех властных элементов и стабильность, сохранение коалиционного характера органов власти, имея больший, чем Центр опыт в сфере взаимодействия политических сил. Все это в свою очередь

создавало пространство и возможности для компромиссов, политического диалога в решении насущных проблем того периода, формируя на данном этапе условия для гражданского мира в регионе, — основу гражданского общества.

Таким образом, весной 1917 года то, что на государственном уровне уже не представлялось допустимым, особенно после Апрельского кризиса, когда в Центре наметилось четкое противостояние двух основных центров власти: Советов и Временного Правительства, а именно: способность традиционных для страны институтов общественной саморегуляции: различных органов местного самоуправления и вновь созданных институтов общественной самоорганизации и социализации: Советов, крестьянских комитетов стать каркасом современного гражданского общества, на практике на Дону и Северном Кавказе, было потенциальной возможностью, и имело все предпосылки и шансы для осуществления.

Огромную роль в процессах оптимизации общего управления и становлении структуры гражданского общества играли все формы управления: при ведущей роли различных форм местного (гражданского) самоуправления, прежде всего уже сложившихся и проявивших себя на практике (сословное — казачье, национальное, городское и земское). Дальнейшее развитие местного самоуправления и всех форм управления разных уровней

совершалось на основе социальных и национальных особенностей региона. Феноменальной особенностью процесса формирования новой государственности на Дону и Северном Кавказе, при учете интересов всех категорий населения, было сохранение плюрализма различных форм власти: местного самоуправления (городского, сельского, земского), казачьих и национальных органов власти, а также Советов, органов власти Временного Правительства, что привело к образованию коалиционных органов власти разных уровней. И в результате к эффективному взаимодействию в регионе общегосударственных органов и органов местного самоуправления всех форм и уровней и созданию уникальной системы — «демократического многовластия». Традиционные для страны институты общественной саморегуляции: органы местного самоуправления: земство, думы, а также традиционные региональные казачьи, национальные органы управления и институты общественной самоорганизации и социализации: Советы и крестьянские комитеты в единых органах власти, совместно с гражданскими исполнительными комитетами (органами государственной власти), составившие уникальную систему «демократического многовластия», становились своеобразным фундаментом (остовом) для дальнейшего развития гражданского общества на Дону и Северном Кавказе.

Список литературы:

1. Брызгалова И. Г. Февраль 1917: Городское и земское самоуправление в структуре новой российской государственности на Дону и Северном Кавказе (специфика и особенности). «Европейский журнал социальных наук». — Рига-Москва. — № 4 — август 2011. — С. 232–242.
2. Брызгалова И. Г. Февраль 1917 года: казачье самоуправление — основа модели новой региональной государственности на Дону, Кубани и Тереке. «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики». — № 6 (20) — 2012. — часть 1. Тамбов: Из-во «Грамота». — С. 48–55.
3. Брызгалова И. Г. Формирование органов Временного Правительства и Советов как элементов системы регионального управления — «демократического многовластия» на Дону и Северном Кавказе после Февраля 1917 года: деятельность казачества и крестьянства. Всероссийский научный журнал «Общественные науки». — М.: Издательство МИИ НАУКА, — № 5. — 2011. — С. 283–293.
4. Брызгалова И. Г. Формирование и деятельность местных органов власти на Дону и Северном Кавказе весной 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук: — Ростов-на-Дону, 1995.
5. Брызгалова И. Г. Влияние особенностей социально-экономического и политического развития региона на процесс формирования институтов власти Временного Правительства и местного самоуправления после Февраля 1917 года (по материалам Дона и Северного Кавказа). // Сборник научных трудов: «Актуальные вопросы современной науки — Актуальные вопросы истории и политологии». — Новосибирск, 2011. — С. 43–58.
6. Вольный Дон. — 1917, 6–28 апреля.
7. Вольный Дон. — 1917, 29 апреля.
8. ГАРО (Государственный архив Ростовской области), ф. 3750, оп. 1, д. 1, л. 3.
9. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. — М., 1993. — С. 159.
10. Могильницкий Б. Г. Гражданское общество и историческое сознание // Гражданское общество и региональное развитие (научно-практическая конференция, 22.04.1994, Томск). Томская Областная Дума и Томский государственный университет, — 1995, — С. 6.
11. Приазовский край. — 1917, 4 марта
12. Приазовский край. — 1917, 8 марта
13. Приазовский край. — 1917, 18 марта.
14. «Civil Society After Communism: Rival Visions. Vaclav Havel and Vaclav Klaus with Commentary by Petr Pithart» // Journal of Democracy, — Vol. 7, — No. 1 — January 1996, — P. 18.

*Burchonova Sabo Tulanovna,
Taschkenter Finanzhochschule,
Lehrstuhl „Geschichte von Usbekistan“, Dozent
E-mail: shukurova@bk.ru*

Die Geistige Vervollkommnung wie die Grundlage der geistigen Erziehung der heranwachsenden Generation

Abstrakt: Die Inhaltsangabe: Im Artikel werden die Hauptaufgaben der Bildung der Grundlagen der neuen Weltanschauung und der ideologischen Immunität betrachtet; der Fertigkeiten des selbständigen Denkens bei der Jugend.

Stichwörter: Die Stichwörter: die geistige Vervollkommnung, die geistige Erziehung, die Geistesbildung.

*Бурханова Сабо Тулановна,
Ташкентский Финансовый институт, доцент,
кафедра «Узбекистон тарихи (История Узбекистана)»
E-mail: shukurova@bk.ru*

Духовное совершенствование как основа духовного воспитания подрастающего поколения

Аннотация: В статье рассматриваются основные задачи формирования основ нового мировоззрения и идеологического иммунитета; навыков самостоятельного мышления у молодежи.

Ключевые слова: духовное совершенствование, духовное воспитание, гуманитарное образование/

Опыт развития человечества свидетельствует, что высоких целей можно достичь только путем непрерывного духовного совершенствования. Духовность — это основа человеческой жизни, сила, питающая волю и совесть, важный критерий нравственных жизненных взглядов.

Каждый регион, каждая страна и народ имеют свою неповторимую историю, культуру и духовную основу, которой является религия. Территория Узбекистана исторически находится на пересечении континентальных магистралей, связывающих восток и запад. Здесь, на рубеже первых веков до нашей эры у исконных народов возникла одна из древнейших религиозных систем — зороастризм, создание которой, приписывают легендарному пророку Заратуштре, и также имеются свидетельства, что и древний религиозный сборник «Авеста» в своих первых вариантах был создан в Средней Азии, в Хорезме. Учение Зороастра стало первым религиозным учением, которое пришло на смену древним мифам и легендам о духах и богах. Священными считались луна, звезды, земля, вода. И конечно же как не вспомнить триаду зороастризма, которая как основа религиозных канонов актуальна и сегодня. И в наши дни основными постулатами всех мировых религий являются поистине вечные ценности, — **чистые помыслы, чистые слова, чистые дела**, как три кита, на которых, как верили в древности, держится мир. И действительно эти три основы духовного состояния человека должны присутствовать в его миропонимании всегда.

С веками, в исторически сложившихся обстоятельствах, на территории Узбекистана возникли различные религиозные направления — буддизм, христианство, ислам и иудаизм. Этническая культурная и религиозная

терпимость нашего народа — еще один неиссякаемый источник духовного Возрождения. На протяжении тысячелетия Центральная Азия была центром встречи и сосуществования самых различных религий, культур и укладов. Этническая терпимость и открытость стали естественными нормами, необходимыми для выживания и развития. Даже те, кто завоевывал эти территории, не только преклонялись перед культурой народов Центральной Азии, но и бережно перенимали традиционные элементы существовавшие на этой территории государственности.

В книге президента Узбекистана И. Каримова «Высокая духовность — непобедимая сила» есть фраза: «Именно на этой земле происходило глобальное взаимообогащение мировых культур на протяжении многих столетий. Здесь веками кочевые народы уживались с соседями, иранские племена с тюркскими, мусульмане с христианами и иудеями...».

Благодаря начавшемуся реформированию и обновлению нашей общественной жизни, открылись мощные пласты духовной культуры, резко «изменившие народную психологию в сторону патриотизма, национальной гордости, открытости для всего мира. Это первый признак мощи».

Большие требования предъявлены сегодня к преподавателям социально-гуманитарных дисциплин. Одной из главных задач профессорско-преподавательского состава, работающих в этой сфере, является качественное преподавание этих дисциплин, краеугольным моментом которого должен стать процесс воспитания молодежи в духе патриотизма и любви к своей Родине. Необходимо довести до сознания нашей молодежи понимание того, что в Конституции Узбекистана отражено уважение к свободе

совести. Подрастающее поколение должно понимать, что общечеловеческий принцип невмешательства государства в личные убеждения и вероисповедания граждан не позволяет нам пойти на придание государству религиозного характера. Оно должно знать, что основной закон обязывает граждан оберегать историческое, духовное и культурное наследие народов Узбекистана, предусматривает светский характер государственной системы образования. Сегодня подготовка специалистов с высшим образованием в Республике осуществляется в 66 высших учебных заведениях — университетах, институтах. Программы, по которым ведутся преподавания в ВУЗах республики, предусматривают в 1 блоке до 25 % социально-гуманитарных дисциплин. Такой процент данных дисциплин отвечает требованиям проводимых в стране реформ, согласно Национальной Программе по подготовке кадров.

Главными задачами изучаемых дисциплин является:

- формирование основ нового мировоззрения и идеологического иммунитета;
- навыков самостоятельного мышления у молодежи.

Одним словом, должна решаться благородная задача по воспитанию в духе патриотизма своей страны здорового и совершенного молодого поколения, имеющего творческое мировоззрение и живущего прогрессивными идеями человечества.

Конечным итогом в освоении социально-гуманитарных наук является социальное действие, т. е. применение знаний на практике, а не на освоение абстрактных и виртуальных понятий.

При изучении социально-гуманитарных дисциплин, мы предлагаем опираться на теоретические основы социологии, истории, философии, политологии, культурологии и т. д., которые раскрывают разнообразие и закономерности всех сторон жизни нашего общества. Но, важно подчеркнуть, что именно государственные идеи, которые мы определили на первом этапе собственного пути развития, будут иметь первостепенное значение.

Социальные дисциплины являются составной частью современного гуманитарного образования, и дают студентам, всем ее изучающим гражданам необходимую базисную подготовку по теории и методологии анализа духовной жизни, вырабатывает мировоззренческие ценностные критерии оценки общественных событий, умение связывать просветительские знания с духовной практикой.

Для полного счастья человеку мало материального благополучия, ему необходима духовная пища, моральное удовлетворение. Особое место должно отводиться духовной жизни и основа ее — вера, благодаря которой человек возвышается над своими пороками.

До 90-х годов мы использовали понятие «духовный человек». Сейчас духовность возведена в ранг научной дисциплины, это понятие расширено и углублено. И, как следствие, преподавание духовности стало обязательной частью учебной программы. Ведь мы должны дать больше информации учащимся, студентам о понятиях «духовность»,

«идея», «идеология». Раскрыть им наши духовные и культурные ценности, познакомить с обычаями и традициями народа. Особенно это важно, когда молодежи навязывают чуждые нам идеи и идеологию. Молодежь — это часть общества, со всеми ее плюсами и минусами, а значит, наша задача — способствовать укреплению в характере юношей и девушек высокой нравственности и культуры.

Наши великие предки суфии М. Яссавий, ат-Термизи, Накшбанди и другие оставили нам свое богатое наследие, которое мы, в свою очередь, должны в целости и сохранности передать будущим поколениям. Одной из важнейших целей духовного воспитания является осознание представителями подрастающего поколения того, что одной из важнейших гуманных ценностей в Узбекистане всегда будет всемерная поддержка семьи, присущая всей восточной цивилизации. Они должны понимать, что полноценное восприятие прав человека и уважение к его личности обогащают нашу национальную культуру и молодую государственность.

В студенческих аудиториях занимаются взрослые люди, как правило, со сформированной нравственной позицией. С раннего детства, в семье должны закладываться духовно-нравственные ориентиры в характере человека. У народа Узбекистана имеется богатый пласт национальных традиций и обычаев. Уважение к старшим, любовь к родной земле, к родителям — все это духовные ценности, которые закладываются и развиваются в семейном кругу.

Семья как общность людей, связанных отношениями супружества, родительского родства, совместного домохозяйства, как основная ячейка общества выполняет важнейшие социальные функции, играет особую роль в жизни человека, его защите, формировании личности, удовлетворении духовных потребностей, обеспечении первичной социализации. Семья является уникальным социальным институтом, посредником между индивидуумом и государством, транслятором фундаментальных ценностей от поколения к поколению. В ней заключен мощный потенциал воздействия на процессы общественного развития, воспроизводства рабочей силы, становления гражданских, нравственных отношений.

Семья — это та социальная среда, где закладывается фундамент психофизического благополучия ребёнка, формируются основные жизненные установки, первые уроки духовности, нравственности, культуры. Семья — самый главный воспитательный институт, духовно-нравственное воздействие которого человек испытывает на протяжении всей своей жизни.

Изучение социально-гуманитарных дисциплин, предоставляют возможность студентам научиться государственному мышлению и подходам к актуальным вопросам современности, высоким морально-этическим требованиям к политике, реально представлять возможности, достижения и просчеты людей по устройству и созиданию правового социального государства, гражданского общества.

Чтобы стать гражданином свободного, справедливого, демократического общества этому необходимо учиться,

овладевать определенными способностями, это прежде всего: коммуникабельностью, аналитическим мышлением, толерантностью по отношению к окружающим, самостоятельностью, предприимчивостью, инициативностью и т. д.

Долг преподавателей социально-гуманитарных наук — обучить студентов общечеловеческим ценностям, которые придают нашей многогранной жизни определенную осмысленность.

Список литературы:

1. Каримов И. А. Юсак маънавият – энгилмас куч (“Высокая духовность – непобедимая сила”), – Тошкент. “Маънавият”, – 2008, – 173 с.
2. Конституция Республики Узбекистан. – Ташкент. «Узбекистан», – 2012, – 39 с.
3. Вайндорф-Сысоева М. Е. Педагогика. Учебное пособие. – М., – 2005.
4. Эркаев А. Духовность и развитие. – Т.: Маънавият. – 2008.

*Eprikyan Armine Melsikovna,
Yerevan State Pedagogical University after Khachatur Abovyan,
A candidate of historical sciences, the Faculty of History and Law
E-mail: armineeprikyan@mail.ru*

Diplomatic and military steps of Turkey to capture Nakhijevan

Abstract: The province of Nakhijevan, which has been an inseparable part of historical Armenia, has always been an arguable and fighting subject between Armenia and Azerbaijan. Many trespasses had been made by Turkey towards it, England, the USA and Soviet Russia had taken the role of “intermediary”. There were a lot of words about the fact that it is not an arguing point that Nakhijevan belongs to Armenia. Armenian historical province Nakhijevan had been in a complex knot of military and diplomatic conditions, from 1917 to 1921. At present when the main task of Artsakh is internationally kindled the bitter luck of Nakhijevan and the Armenians who live there, who had unjustly been separated from the independent Armenian republic, facts about the condition of the policy of genocide, made by the Turkish government.

The article stirs up and scientifically discusses many questions which were risen at different conferences between Armenian- Azerbaijan, Russian- Armenian, Russian-Turkish held in Moscow, Alexandropoulos, Kars and Soviet Russia’s attitude concerning all this connected with the sovietization of Azerbaijan, many arguable territories and Nakhijevan problem.

Keywords: Nakhijevan, occupation, Azerbaijan, Bolshevik Russia, antagonism, arguable subjects, negotiations, Turkey, sovietization.

Armenian historiography especially signifies a number of developments connected with Armenian Nakhijevan in the frameworks of its serious diplomatic and military problems, which rose during these processes, its role in the relations between Armenian–Azerbaijan, Armenian–Russian and Armenian–Turkish.

In the result of all these facts the first Armenian Republic, later called soviet Armenia was expelled from the diplomatic process and transferred into the sphere of Russian-Turkish relationship.

It was proved when in 1923, June 16 the central council of Azerbaijan made a decision to unite Nakhijevan to Azerbaijan. It made the Turkish government irritated. Ten days later a note of complain from Turkey reached Moscow.

This connection of Nakhijevan to Azerbaijan was characterized by the Turkish government as an act of violation: Russian-Turkish contract of 1921, March 16, article 3 Moscow, Turkish-Transcaucasia contract of October 13, article 5, Kars. It was written “According to my governments’ evidence, I’m

authorized to inform the government of Soviet Russia that this connection is not valid, as it is considered to be an act of violation of the above mentioned contracts. The Turkish government resolutely complains against the territorial connection [9, 409].

This phase had of course several consequences. By the demand of Moscow the central government of Azerbaijan was obliged to review his decision and made a new one in 1924, February 9. As to that decision “Reconstruction of Nakhijevan to a Soviet Republic of Nakhijevan under Azerbaijan’s protectority” [1, 633].

By following the further intentions, Turkey interfered to prevent Nakhijevan’s connection with Turkey.

Scientifically it will be easy to be convinced in this, if we briefly looked through Turkey’s further plans connected with the occupation of Nakhijevan and Turkey’s diplomatic games.

Both Turkey’s and Soviet Azerbaijan’s purpose was to lead an aggressive policy in that region. Concrete steps were made to express it. Some days later after the summit, which was held in Ankara on April 23, 1920, Mustafa Kemal sent a

letter to V.I. Lenin and suggested an actual division of Transcaucasia. By this division Russia takes Azerbaijan and Georgia. Undertaking some military actions Turkey occupies imperialist Armenia and Nakhijevan [3].

Above mentioned proof will be represented below by a number of facts, messages, telegrams and decisions [2, 213].

- To amputate Armenia and divide it between Russia and Turkey;

- considering the dangerous situation Armenian government decided to discuss the problem with Turkey concerning the arguable territories. “In suppose that our troops should get total opportunity to be in touch with Turkey”, writes Russian diplomat Levon Karakhan to S. Orjonikidze. In addition it was written “Armenian population and troops will receive us without any resistance”. In his respond on May 24 Orjonikidze wrote “We can explode Armenia but it will bring food shortage” [5, 60]. I don’t think that the dashnaksutyun government will allow the transfer of our troops and weapons to Turkey. Your suggestion to cooperate with Turkey is an actual demand to Armenia, and will arose a great wave of annoyance within the masses. First.

It was actual that the authorities of the Bolshevik party had come to an agreement with the Turks. Early in May they sent a great number of weapons and troops to the Turkish nationalists assisting them in the war against national minorities. The Bolshevik party had alternative plans. After the occupation of Nakhijevan they wanted to conquer Kharabakh and Zangezur too.

After the exchange of telegrams it was obvious that Moscow aimed to sign the contract with the Turkish Anatolia. The main problem was still Armenian Nakhijevan.

S. Orjonikidze’s and N. Narimanov’s plans concerning the sovietization of Armenia failed. With the support of Turkey, Russian government made a decision on May 25 to organize the occupation of arguable territories in Nakhijevan.

In the telegram, which was directed to Moscow to Lenin, Stalin and minister of foreign affairs Chicherin it was added: “I think the regions of Shushi, Nakhijevan, Ordubad and Djulfa will be occupied without any resistance...” [9, 20].

On May 25 an anti-Soviet strike broke in Azerbaijan and the Turkish troops appeared in Nakhijevan In connection with this S. Orjonikidze, Mdivan and N. Narimanov changed their tactics which was previously written in the telegrams demanding to sovietize Armenia and Georgia by force.

About the missionary work of L. Shant and Russian-Armenian negotiations in Moscow

The acceleration to start the Armenian-Russian negotiations followed two facts. First it was the contrast between Azerbaijan and Russia and the other was the increasing contrast inside Armenian Republic. The government of Russian Federation undertook the initiation for the start of negotiations. Armenian government suggested holding the negotiations in Moscow. At the end of April a delegation was formulated in Yerevan. L. Shant (the leader of the delegation), members of RA parliament H. Terteryan and L. Zarafyan

were included in the staff. The delegation immediately left for Moscow. It took them a month. Armenian –Russian negotiations began at the end of May. Minister of foreign affairs G. Chicherin and his assistant L. Karakhan were the representatives of Russia. They participated in the negotiations. Government instructed Shant’s delegation to demand for Nagorni Kharabakh, Zangezur and Nakhijevan as a part of Armenia. L. Shant sent a telegram from Tbilisi to the diplomatic representative T. Bekjanyan on June 1st. It was written “... the demands of Armenia are justified but they are under the pressure of Turkey and Baku, therefore the signing of the contract should be delayed...”. It was written in the telegram “After long hesitations and negotiations the government announced about its decision. Under the pressure of Turkey, Baku demanded the actual solution of an arguable problems connected with Kharabakh, Zangezur, Nakhijevan and Sharur-Daralagyaz. They wanted to occupy those regions with the help of Russian troops. Finally they wanted to create a mixed commission and establish steady borders in the Caucasus” [6].

L. Shant’s delegation agreed to accept Nagorni Kharabakh as an arguable point. Thus he wrote: “We suppose there are three possible solutions:

1. If the troops stay without promotion, the questions concerning Kharabakh, Kazakh, Zangezur, Yelizavetpol and Akhtala will still be arguable and the signing if the contract will be cancelled. This yielding probably will be accepted.

2. According to the contract the Armenia’s territory should be renamed by general words as Kars, Yerevan, Elizavetpol, Tbilisi, and Batumi. But the most important thing was to decide the question of borders concerning Nakhijevan.

3. As Kharabakh’s problem is arguable, the agreement must be delayed, so we’ll return and continue the negotiations in our territory”.

Of all these points, the first one is the worst if we want the contract to be signed. But none of these could be solved in such situation. Turkey’s position was calm and safe in many factors:

- Azerbaijan’s aim was to keep provinces of Nagorni Kharabakh, Zangezur and Sharur-Daralagyaz.

- Kharabakh and Zangezur were under the Soviet authority and the above mentioned territories are considered a part of the Soviet Republic of Azerbaijan.

- Due to an active interference of Turkey, Nakhijevan is under the power of rebels for several months. Because of this all the legal demands of Armenian government were prohibited [10].

About some interfering circumstances of Armenian-Russian negotiations

The general directions of Turkish-Azerbaijan negotiations led to other negotiations in Moscow between Russians and Armenians. Even the furthest and weakest probability that Kharabakh and Zangezur could be included in the cast of Armenia, rose all the Muslims of Transcaucasia and active regions of Turkey. They tried by all means to hinder the treaty

between Russians and Armenians. A special delegation from Turkey and Azerbaijan was sent to Moscow. By occupying Zangezur they would join the tadgik forces through Nakhijevan, Sharur and Surmalu [7].

Communists in Moscow accepted that plan quietly; as they thought it would give them chance to join “Red Anatolia in other words Turkey. It inspired Azerbaijan a great deal. A new delegation by the leadership of Mamad Hasan was sent to Moscow. The purpose of that delegation was to demand Moscow for the realization of the territorial plans. They wanted to connect not only Kharabakh and Zangezur but also Nakhijevan, Sharur and Surmalu to Azerbaijan.

Out coming from that desperate situation Chicherin turned to the communist authorized representative of Russia S. Kirov who was then in Moscow. He wrote: “Armenian delegation agrees to recognize the problem of Kharabakh and Zangezur arguable points, but didn’t want to recognize Sharur-Daralagyaz, Nakhijevan, Ordubad and Djulfa”. Being an honest man and a diplomat he thus added: “... even the mustafians had never claimed on these regions. Under the support of Turkey Narimanov’s government would even reach Yerevan” [1, 86].

But there was another reason about which neither Shant nor Terteryan could know [9, 45].

It was the Kemal Turkey. On the 4th of July the minister of foreign affairs of Turkey Bekir Sami Bay sent a letter to Moscow. There was officially informed that “Turkish government accepts Russia’s plea about “Armenian–Turkish” problem”. Simultaneously he adds “... we support the principles of contracts between Brest–Litovski and Batumi concerning the question of constitution” [2, 55].

It meant that Turkey didn’t want to go on the compromise concerning the territories; moreover, it wanted to owe the half part of Armenian Republic (Kars region, Nakhijevan...). Numerous negotiations were failed because of Turkey’s aggressive reasons.

On the same day Chicherin made an order to create the military-revolutionary committee of the Caucasian army. According to the 7th point of the order the rights to control the territories had been limited by the Russian troops. In other words they had to be satisfied with the control over Shushi and Jebrail provinces. The aim of Russian troops was to establish peace in that territory. The question of state borders should be decided by the commission of representatives from both sides (Armenia and Azerbaijan) under the presidency of Russian federation, taking into consideration the local peoples’ will [8, 522-524].

This order hadn’t been discussed yet, when Russian troops approached the borders of Zangezur in 1920, July 5 and bombarded the positions of Armenian boundaries. On the same day the 32nd division of Red Army occupied Goris region and the 252nd regiment of the 83rd brigade occupied Sisian region. Despite the occupation of Zangezur, the soviet side had no clear plan concerning the status of that region. On July 8, Stalin sent a telegram to Orjonikidze instructing him to defend one of the sides in present situation (Azerbaijan and Turkey).

About the confrontation fight on the final occupation of Nakhijevan

Due to the interference of Russian communist government, Turkey stopped the pre-attack on Armenia, but kept his 22000 army near the borders. It was readily waiting for the suitable period to cross Armenia’s border and occupy Kars, Surmalu and especially Nakhijevan. Simultaneously, Turkey helped the Muslim rebellious regions, providing them with weapons and inciting Armenia against the government.

Two significant problems had to solve to improve the situation in the country:

- to obey those Muslim regions by decisive actions, rebelled in July-August 1919 with the assistance of Turkey and Azerbaijan and didn’t accept Armenia’s authority in those regions. They were Zangibasar, Vedibasar, Sharur and Nakhijevan.

- They wanted to occupy Alashkert valley, to settle it with west-Armenians, deprive the Muslim regions of Republic and connect it with Turks to get their support [8, 524]. But Armenian government could realize none of these, because they didn’t have corresponding forces [9, 66].

As Armenians were slow in military actions and diplomacy, the commander of eastern front of Turkish army Kyazim Karabekiz Pasha ordered the commander of division in Bayazet to send another unit to Nakhijevan in June 27 [4, 248].

Such an unorganized republic as it was Azerbaijan later declared that “Azerbaijan’s borders pass under Yerevan” [5, 120].

For two centuries Osmanic Turkey survived just playing on the confrontations between Western Europe and Russia. After the First World War, Turkey again holds the side of his enemies. At that time Russia was fighting against Atlanta.

The truth of this contains the following comparison.

“Azerbaijan turned red in one day and with the help of Russia again began to solve the territorial arguments with his neighbors”. The Turks living in Nakhijevan didn’t want to be back from their elder brothers: Osmanic Turkey and Azerbaijan. In his letter to Chicherin S. M. Kirov remarked about Nakhijevan. In the letter it was written that after the occupation of Nakhijevan, Turkey established there Soviet authority.

So in 1920, July 28 under the sponsorship of Russia, the red troops entered the whole abandoned region of Nakhijevan.

The next day the revolutionary committee of Nakhijevan blamed Armenian government for its imperialistic ambitions towards the citizens. They announced “The working people of Nakhijevan declared himself to be an inseparable part of the Soviet Republic of Azerbaijan and in his struggle leans on the powerful Russian, Turkish and Azerbaijan red armies, which have already occupied Nakhijevan and its region forever”.

Thus was the end of Armenian troops in the operation of Nakhijevan. Due to Russian red army, Turkey and Azerbaijan saved Nakhijevan from the “so-called” Armenian revenge. The crimes which were done against peaceful Armenian population in 1918–1919 could be called nothing but GENOCIDE.

There were many attempts to return Nakhijevan to Mother Armenia, but all was in vain.

– Conference which was held in Alexandropoulos gave nothing to us. It happened as it had been outlined by the Turkish diplomacy and the project connected with Armenia was over-fulfilled. They took much more from Armenia. Armenia lost Nakhijevan wholly.

– During the second Russian-Turkish conference in Moscow, Armenia's situation was much more diminishing. That conference was the greatest victory of Turkey. Turkey managed both to empty Nakhijevan and its regions and also

force Russia to connect Nakhijevan with Azerbaijan as an inseparable part of it.

– Kars conference put an end to all arguable questions dealing with Turkey and Azerbaijan. Some sections in north-west called "Gayli drunk" and "Yerankyuni goti" were also transferred to Azerbaijan. It provided a direct link between Turkey and Azerbaijan from the back of Armenia.

Such was a basis of the first Armenian Republic and its unsuccessful diplomacy at the beginning of the 20th century.

References:

1. Armenian genocide. Turkey's responsibility and duties of world community. Documents and comments. – M., 2003.
2. Documents of the internal policy of the USSR, – vol. 2, – M., 1958.
3. I suggest the occupation of Nakhijevan, Ordubad, and Djulfa. "Banber of Armenian archives", – Yerevan, 1993, – numb. 1–2.
4. Galoyan G. A. Armenia and great states 1917–1923. – Yerevan, 1999. – P. 248.
5. Kheyfets A. N. Soviet Russia and connection of Eastern countries, 1918–1920. – M., 1964.
6. NAA, F. 276, ts. 1, g. 218, n. 112.
7. NAA, F. 200, ts. 1, g. 484, n. 26.
8. Nagorni Kharabakh in 1918–1923.
9. Zohrabyan E. A. The main task of Nakhijevan (1920 May – 1921 October). – Yerevan, YSU publ. – 2010.
10. Zohrabyan E. A. 1920 Turkish–Armenian war and states. – Yerevan, 1997, – P. 74.

*Zaikova Tatyana Mihailovna,
a teacher of history and social,
Municipal budgetary educational institution,
«Secondary school № 4 Zelenodolsky
Municipal District of the Republic of Tatarstan»
E-mail: dthcfk@mail.ru*

Passionarity ethnogenesis theory and laws of historical development

Abstract: The article discusses the theory of ethnogenesis passionate Lev Gumilev, which is a hypothesis and describes the interaction with the host developing ethnic landscape and other ethnic groups, which specifies the drive of the excess of biochemical energy of living matter, which generates sacrifice, often for the sake of illusory purposes or as an irresistible inner urge to efforts to change his life, the environment, the status quo.

Keywords: ethnicity, ethnogenesis, passionarnost, sacrifice, with drive, the levels of drive.

*Зайкова Татьяна Михайловна,
учитель истории и обществознания
Муниципального бюджетного образовательного учреждения
«Средняя общеобразовательная школа № 4 Зеленодольского
муниципального района Республики Татарстан»
E-mail: dthcfk@mail.ru*

Пассионарная теория этногенеза и закономерности исторического развития

Аннотация: в статье рассматривается пассионарная теория этногенеза Льва Николаевича Гумилева, которая является гипотезой и описывает взаимодействие развивающихся этносов с вмещающим ландшафтом и другими этносами, которая определяет пассионарность как избыток биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность, часто ради иллюзорных целей или, как непреодолимое внутреннее стремление к деятельности, направленной на изменение своей жизни, окружающей обстановки, статуса-кво.

Ключевые слова: этнос, этногенез, пассионарность, жертвенность, пассионарии, уровни пассионарности.

Теория этногенеза (пассионарная теория этногенеза) Льва Николаевича Гумилева является первой общей теорией непротиворечиво и единообразно объясняющая исторический процесс на протяжении всего достоверно известного периода существования человечества.

Чем же так удивительна, оригинальна и актуальна теория этногенеза? Прежде всего, точным определением внутренней пружины исторического процесса — этноса, как последовательности сменяющих друг друга фаз развития и гипотезой о «пассионарности», как определяющей энергетической характеристики этноса. Гумилеву принадлежит приоритет открытия этноса, как явления самостоятельного, а не вторичного. Являясь гуманитарной теорией, в ней применена диалектическая логика: все явления рассматриваются в динамике доводящей их развитие до самоотрицания, эволюционные периоды чередуются с революционными преобразованиями (переходом накопленного количества в новое качество). В данной теории жизнь этноса подобна жизни отдельного человека, так как у этноса тоже есть родина (месторождение), родители (этноты-субстраты), он проходит последовательно рождение, детство, юность, взросление, старение и смерть.

Пассионарная теория этногенеза — гипотеза Льва Гумилёва, описывающая исторический процесс как взаимодействие развивающихся этносов с вмещающим ландшафтом и другими этносами, которая определяет пассионарность как избыток биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность, часто ради иллюзорных целей или, как непреодолимое внутреннее стремление к деятельности, направленной на изменение своей жизни, окружающей обстановки, статуса-кво. Деятельность эта представляется пассионарной особе ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни, счастья современников и соплеменников. Она не имеет отношения к этике, одинаково легко порождает подвиги и преступления, творчество и разрушение, благо и зло, исключая только равнодушие; она не делает человека героем, ведущим толпу, ибо большинство пассионариев находятся в составе толпы, определяя её потентность в ту, или иную эпоху развития этноса [1, 3–5].

Понимание пассионарности у Л. Н. Гумилёва несколько различается в разных работах. По сути, это социально-историческое явление, характеризующееся появлением в ограниченном ареале большого числа людей со специфической активностью (пассионариев). Мера пассионарности — удельный вес этих пассионариев в социуме. Часто под пассионарностью понимают наследуемую характеристику, определяющую способность индивида (и группы индивидов) к сверхусилиям, сверхнапряжению. Лев Гумилев как основоположник пассионарной теории этногенеза приводил примеры, но о природе и сущности пассионарности не говорит. Гумилёв лишь указывает, что пассионарность индивида, по сути, является психологической переменной и зависит, вероятно, от мутаций, вызываемых космическим излучением. «Каков характер этого

излучения? Здесь мы можем строить только гипотезы. Их две. Первая — о возможной связи пассионарных толчков с многолетней вариацией солнечной активности, обнаруженной Д. Эдди. Вторая гипотеза — о возможной связи со вспышками сверхновых» [3, 7–8].

Таким образом, в основе данной теории лежит понятие пассионарности, которое определяет степень готовности индивида жертвовать собой, его психологические характеристики, а так же внутреннее стремление к деятельности, которая может принести пользу, а может и навредить.

Лев Николаевич Гумилев предложил два уровня пассионарности, которые включают в себя:

а) базовую классификацию:

- пассионарность выше нормы («пассионарность» в узком смысле), которая проявляется в поведении как предприимчивость, готовность нести жертвы ради идеала, желание и способность изменять мир, в частности, свой ландшафт. Высокая пассионарность есть рецессивный признак;

- пассионарность на уровне нормы (гармоничность) означает, что её носитель будет пребывать в равновесии с окружающей средой;

- пассионарность ниже нормы (субпассионарность) означает склонность к лени, пассивности, паразитизму и предательству.

б) подробную классификацию, включающую девять её уровней:

1. высший — шестой, жертвенный, человек без колебаний готов пожертвовать собственной жизнью. Примерами таких личностей являются Ян Гус, Жанна Д'Арк, протопоп Аввакум, Сусанин;

2. несколько ниже лежит пятый уровень — стремление к идеалу победы — человек вполне готов рисковать жизнью ради достижения полного превосходства, но идти на верную смерть неспособен. Это патриарх Никон, Иосиф Сталин и др.;

3. то же самое, но в меньшем масштабе, проявляется на четвёртом уровне — стремление к идеалу успеха. Примеры — Леонардо да Винчи, А. С. Грибоедов, С. Ю. Витте. Это уровни перегрева, акматической фазы (четвёртый уровень — переходный);

4. ниже идут уровни, наиболее характерные для фазы надлома — стремление к идеалу знания и красоты и ниже (то, что Л. Н. Гумилёв называл «пассионарность слабая, но действенная») [1, 12–13]. Это все крупные учёные, художники, писатели, музыканты и т. д.;

5. для выхода из фазы надлома характерен второй уровень — поиск удачи с риском для жизни. Это искатель счастья, ловец фортуны, колониальный солдат, отчаянный путешественник, ещё способный рискнуть жизнью;

6. со снижением пассионарности на смену им приходят другие — пассионарии, стремящиеся к благоустройству без риска для жизни;

7. ещё ниже стоит обыватель — тихий человек, полностью приспособленный к окружающему ландшафту.

Это нулевой уровень. Количественно он преобладает почти во всех фазах этногенеза (кроме обскурации), но лишь в инерцию и гомеостаз является определяющим в поведении этноса. При дальнейшем снижении пассионарности приходят люди с отрицательными её значениями — субпассионарии. Они бывают двух уровней: –1-го и –2-го. Если первые ещё способны на какие-то действия, приспособление к ландшафту, то вторые не могут даже этого. Постепенно с их взаимоистреблением и давлением внешних причин либо происходит гибель этноса, либо берут своё гармоничники.

Таким образом, уровни пассионарности являются определяющими для исторической эпохи, так как они создают норму реакции для данного признака, а конкретное проявление определяется внешними условиями. Это может быть, умный обыватель и довольно глупый «учёный», волевой субпассионарий и безвольный «жертвенник» [1, 15–16]. Пассионарность, как и её отсутствие зависит от генетической природы человека. Активность этнической системы зависит от соотношения в ней перечисленных типов людей. Если пассионариев относительно много, этническая система активна. Если пассионариев мало, этническая система малоактивна.

Время от времени происходят массовые мутации, повышающие уровень пассионарности (пассионарные

толчки). Они продолжаются не дольше нескольких лет, затрагивают узкую (до 200 км.) территорию, расположенную вдоль геодезической линии и тянущуюся несколько тысяч километров. Особенности их протекания указывают на их обусловленность внеземными процессами. Мутационная природа пассионарного толчка следует из того, что пассионарные популяции появляются на поверхности Земли не произвольно, а одновременно в отдаленных друг от друга местах, которые располагаются в каждом таком эксцессе на территории, имеющей контуры протяженной узкой полоски и геометрию геодезической линии, или натянутой нитки на глобусе, лежащей в плоскости, проходящей через центр Земли. Это говорит, в свою очередь, о том, что центрально-симметричные поля Земли определяют геометрию пассионарного толчка. Таким полем, скорее всего, может быть электромагнитное поле, а, следовательно, причиной мутации должен быть внешний энергетический источник, с излучением которого это поле взаимодействует.

Из вышесказанного следует, что в основе теории пассионарного развития Гумилева определяющим является понятие пассионарности, которое определяет качества человека того или иного исторического периода, степень жертвенности человека и побуждение его к деятельности.

Список литературы:

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – Ленинград, 1989.
2. Гумилев Л. Н. От Руси до России. – Ленинград, 1992.
3. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. Популярные лекции по народоведению. – М.: Айрис-пресс, 2008.
4. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и великая степь. – М.: Эксмо, 2006.
5. Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. – М., 1938.
6. Янов А. Русская идея и 2000 год. – Нью-Йорк, 1988.
7. Библиотека имени Б. Н. Ельцина/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prilib.ru>

*Zvonkova Galina Leonidovna,
The Dobrov Centre for Scientific and Technological Potential
and Science History Studies NAS of Ukraine (Kyiv),
Research Assistant, Ph. D. of historical sciences
E-mail: zvonkova@ukr.net*

The features of the basic science of Ukraine (1920–1980)

Abstract: This article shows how scientists in the natural sciences and engineering began to conduct researches in the Ukrainian Academy of Sciences in 1920 years. This item focused on the implementation of the ideas of V. I. Vernadsky about the establishment of research institutes in Ukraine, development of fundamental science and its implementation. The activities of Ukrainian nuclear scientists, especially in the period of the Second World War and 1960–1980-ies are investigated by the author.

Keywords: Ukrainian Academy of Sciences (UAS), V. I. Vernadsky's, AS of the Ukrainian SSR, Kharkiv, Kharkov Institute of Physics and Technology (KIPT), fundamental and applied sciences.

The Ukrainian Academy of Sciences (UAS) was established in 1918 and since the beginning of 1920 began to carry out the research in natural sciences and engineering. It was the first time in the world when engineering sciences

were included into the structure of academic institution. The professionals — engineers, agronomists, technicians, scientifically-educated experts were prepared in the Kiev Polytechnic, Kharkov Technological, Odessa Polytechnic

and Ekaterynoslav Mining Institutes and since 1926 — the Donetsk Mining Institute. The activities of the scientists of technical universities focused on practical using of their achievements [1, 160–161; 2, 4].

The aim of this publication is to show how V. I. Vernadskiy's ideas on the establishment of research institutions were developed as well as how was formed the capacity of fundamental science and its special implementation in Ukraine.

During the 1920s there were established the network of scientific research institutes (SRI), industrial laboratories and research stations in Ukraine. In essence, from this time realization of V. I. Vernadskiy ideas outlined in the note "The State Network of Research Institutes", which he directed at the end of 1916 to the Commission on the Study of the industrial power of Russia was started. The scientist suggested to establish the special research institutes of applied and theoretical or mixed type in the country. In 1919, following the example of the Russian Academy of Sciences in the UAS the Commission on the study of the industrial power was created and headed by V. I. Vernadskij. The creation of the SRI provided two tasks: first, the institution had to contribute to the professional development of industrial engineers, secondly, it had to help arrange factory laboratories [3: 4–5, 66–67].

During 1920–1930-ies the Ukrainian SRI received the state task — to provide scientific support programs of the first Five-Year Plan (1929–1933) on the manufacture of main products. Issues on the strengthening of the protective ability of the country occupied a great place in that. In this connection the government financing of scientific institutions had been increased. The volume of publications on the results of studies was grown too [4].

Applied works in the Kharkov Institute of Physics and Technology (KIPT, was established in 1928, till 1938 it had been in the HCPI system — of the People's Commissariat of Heavy Industry, after that — in the People's Commissariat of Power plants of the USSR) in the field of cryogenic and vacuum technology were performed in the mid-1930s. In the 1935–1936 technology of the production of metal Dewars for the long-term storage of substances at a high or low temperature was designed and implemented at the Moscow autogenous plant for the first time in the Soviet Union. At the same time the oxygen apparatus with the use of liquid oxygen for the crews of high-altitude aircraft was developed. One of them was used by the M. M. Gromov's crew on the flight Moscow–North Pole–USA in 1937. In KIPT methane as automotive fuel was created and used at the first time in the world. The Institute was the organizer of the Experimental Station of Deep Cooling, which was designed to provide an oxygen steelmaking. In its laboratories were designed and developed the high-effective thinners of helium and hydrogen [6, 115–116].

The main research directions of the KIPT were: the nuclear physics, the physics of ultra-high frequency, the low temperature physics and the physics of crystals (their mechanical and optical properties). By the invitation of

S. Ordzhonikidze in 1935 F. F. Lange with his engineer Con-Peters and translator Rosa Kiperman came to Kharkiv from Germany. Here F. F. Lange began the creating of impulsive aggregates for getting of high voltages. He headed the Laboratory of a surge voltage. F. F. Lange and M. I. Korsunskiy created the impulsive aggregates with a voltage up to 4 million volts. In the KIPT F. F. Lange developed the weapons of radiation with the effect on 500–1000 m. surround. The generators he had developed were used as high X-ray machines for the "transmission" with the purpose of the products inspection in the Kharkiv enterprises — crankshafts, turbines, etc. The machines provided the ability to observe in the workpiece the cavity with size of 1 mm. The term "Lange's tube" came into the use by employees of high-voltage laboratories all over the world. In Kharkiv F. F. Lange built the world's largest (at that time) Marx's generator on the voltage of 5 million volts. Giving the great importance to the development of F. F. Lange, in February 27, 1939, the Commission on the Atomic Nucleus of the Physical and Mathematical Sciences of the USSR, adopted the resolution to engage him in the problems of uranium [7: 108, 110–111].

KIPT's researches in the area of nuclear physics led to the development of the different techniques for the accelerating to charge of particles and, as a consequence, to the constructing and commissioning of numerous electrostatic aggregates for the particles acceleration up to 3.5 million volts. In this field of physics the experiments of the Kharkiv scientists left behind the all laboratories in Europe. Thus, there were created the conditions for K. D. Sinel'nikov and A. K. Val'ter for the organizing and studying of the electrons interactions with the energy up to 3 million volts. Along with above-mentioned academician A. I. Leypunskiy provided the valuable science results from the studying of nuclei and neutrons interaction. Together with the other members of the KIPT he had been studying the gamma spectra of a series of natural radioactive elements. In the physics of ultra-high frequencies A. A. Slutskij conducted the studies, which played an important role in the practical use of decimeter and centimeter waves. These experiments enabled scientists to build and put into practice a few special-purpose devices in the time before and during World War II. A. I. Leypunskiy carried out the researches in the direction of studying the process of plastic deformation in crystals, and the study of absorption and fluorescence of crystals at low temperatures. In the area of low-temperature physics the researches of superconductivity, an intermediate state, the phase transformations and properties of helium had given important implications [8, 61–62].

The Institutes of Technical Sciences of the Ukrainian SSR in the second half of the 1930s developed a series of scientific and practical problems in the various fields of national economy. The members of the Institute of Physics S. D. Gertsriken and M. A. Revutskiy investigated the passage of X-rays through the glass "Geton". In 1937 in the factory "Svetlana" in Leningrad they began the mass production of X-ray tubes. That gave the opportunity to abandon their purchases from abroad [9, 257–258].

In 1935 the Institute of Mining Mechanics concluded six agreements on scientific and technical cooperation with the trust “Ukrburvugillia”. The development of these themes had to help to accelerate the pace of lignite mining in the areas of its occurrence at the depth of 4–6 meters, where the obstacles of its recovery to the surface were made by sand with water. Already in the next year Professor K. V. Tonka, the research assistants Rybkin and Shtundel’ had completed the experimental studies of the facility they created. It made possible to mechanize the individual processes of fossil. The expert commission assessed that facility and recommended its development and application in conditions of coal mining. The system was implemented in the mines of trust “Ukrburvugillia” [10, 121–122].

At the same time the Institute of Electric Welding (IEW) of the Academy of Sciences of Ukrainian SSR was being intensively involved into the development of methods of improvement of the welding process and its accelerated implementation into a practice of industrial production [11, 57]. In April, 1936 staff of the Institute had demonstrated to the participants of the All-Union Scientific Conference on the Electric Welding the arc welding process on devices and machines with various parameters of electric current using different electrode thickness and partial mechanization with the help of automatic welding head that had been designed and developed by Y. O. Paton and P. P. Burshtedt. It was implemented in the factories: “Azovstal” in Mariupol; “Krasny Arsenal” in Ordzhonikidzegrade, the passenger carriage-building in Mytishchi, the heavy wagon-building in Nizhniy Tagil, the Shipyard in Leningrad and others [12, 126–127]. In subsequent years the first time in the USSR under the leadership of Paton had been made the experimental welding of ceiling seams with a welding head in DC with the use of a welding daubed wire. The head was equipped with the wire feed mechanism driven by two motors [13, 23].

In the second half of 1941, being evacuated to the East, the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR retained the part of qualified scientists and also the most valuable scientific equipment. Its institutions had located in Ufa, Nizhniy Tagil, Sverdlovsk, Kopeysk, Alma-Ata. There the academic staff quickly resumed the research work related to the issues of the equipment of the Red Army with more perfect weapons and the development of new methods of defense. In that work the Division of Technical Sciences and the Department of Physics-Chemical and Mathematical Sciences were actively involved. Their main scientific researches were: the solving problems of tank-building, aircraft, engine-building; the issues related to the improvement of the quality of production. In clinics and hospitals the work on the early restoration of health of wounded defenders of the Motherland was conducted; in local libraries and museums development of knowledge in all scientific fields and the development of the Ukrainian culture was performed [8: 26, 28; 14; 15, 3–4].

The institutes of chemical profile, that were evacuated to the East of the country, along with performing specific

tasks, investigated new methods of the production control for defense industry, studied the questions: corrosion and fight against it; the improvement of the product quality in cracking plants; the industrial use of the oil refineries waste. The Institutes of Geological Science, Mining Mechanics and several other academic institutions solved the following issues: the development of fuel and energy base in Urals and Bashkiria; the studying of mineral resources; the studying of new building materials. The biological institutes of the Academy of Sciences in Ukrainian SSR paid much attention to the issues: the agricultural development of Bashkiria, the implementing of the new crops in its territory, such as sugar beets, kok-sagyz; increasing of crop yields; the fight against the pest of crops; a livestock development and the increasing of food resources. The Institutes of Physiology, Biochemistry and Microbiology developed the new methods of the wounds and fractures treatment, dealing with bleeding after combat wounds. The works mentioned above were carried out by 578 research assistants of the AS of the Ukrainian SSR in the collaboration with academic institutions of other republics [8, 28–31; 16, 274–275].

The conditions dictated by war demanded from scientists immediate action related to the quality and pace of the construction of new military equipment. For example, in order to increase the power of a fighter aircraft there was created the forced induction engine, some elements of which were overloaded and failing. At Ufa Engine Plant Academician of the AS of the Ukrainian SSR S. V. Serensen, the Corresponding Members of the AS of the Ukrainian SSR F. P. Beliankin and B. D. Grozin, the Senior Scientists A. D. Kovalenko and G. S. Pisarenko began an elimination of defects. They had been conducting the research concerning the study of a stress state crankcase, a crosshead, a crankshaft, elastic coupling gears. Those were the elements of the engine that had insufficient reserves in a strength power boost. The scientists proposed to strength the parts breaking in an operation of plane by replacing them with high-quality materials but not changing the design of their forms and sizes. The implemented offers of scientists enabled to get the reliable engine for a combat aircraft with certain parameters. That approach did not break the rhythm of production. Later, the similar studies were conducted in the laboratories of the Central Institute of Aviation Motors by the name of P. I. Baranov, where group of scientists consisted of S. V. Serensen, A. D. Kovalenko and G. S. Pisarenko from the factory was transferred in 1942 [17, 102; 18, 58–59].

The experience of the electric welding of the armored sheets had been gained in the IEW as far back as the eve of war. The electric welding of the armored hull of tank T-26 with the sheets thickness of 15–25 mm. in 1937 already replaced its production by riveting. That was achieved for the first time in the world. V. I. Diatlov created the first electrode with the high-quality plaster for the manual arc welding of stainless steels. During the work on this method the following theory was created: the innovator had begun

to consider welding processes as metallurgical extending in a split second. At the end of the 1930s V. I. Diatlov proposed and implemented into production the machines for welding with electrodes, swathed in paper cord and smeared with a clay mortar. It was developed a new flux, a silica manganese wire and the welding head for supplying consumable electrode. By the mid-1941 the automatic submerged arc welding was applied by 20 major factories of the country in the manufacture of cars and other products [19, 71].

The hull and turret of the first machine T-34, which was the recognized symbol of the Victory in the Great Patriotic War, were welded by hand with the electrodes covered with a special daubing. Multilayer manual arc electric welding had gained recognition and became the major technology in the manufacture of tanks. Before the war, the Kyiv scientists and the Kharkiv tank-builders had already had some experience of an advanced technology. In the IEW was prepared the large group of scientists and engineers. From Kyiv to Nizhnyi Tagil came only 20 people. Among them were: M. F. Aleksandrov, A. J. Asnis, G. Z. Voloshkevich, M. M. Grohotov, L. M. Gutman, I. K. Olejnik, B. Y. Paton, D. M. Rabkin, T. M. Slutskaya, P. I. Sevbo, A. I. Korennoy, A. M. Makara, S. S. Savenko, V. I. Diatlov, S. A. Ostrovskaya, M. I. Sidorenko, M. I. Tishchenko, K. K. Fride and Y. O. Paton. In the Urals with their efforts had been done the tremendous research work, which sharply accelerated the production of armored vehicles. The research assistants, besides a designing and investigating, had had to perform with their hands the wiring of electrical welding equipment, including the dirty work: to cut wires, to mount hardware, to plumb tips and to carry loads on their shoulders [20: 27, 32].

Even before the war G. V. Raevskiy under the leadership of Y. O. Paton in Kyiv complex of research and created the new welding construction of a railway wagon was done, so that was achieved a substantial retrenchment of metal. Likewise in Nizhnyi Tagil were carried out the important work to improve the processability of the tank corps, there was designed the scheme of the production of a stream line for welding of the body of the T-34 tank in its assembled form. That had greatly expanded the use of automatic submerged arc welding and accelerated the timing of the production of tanks [21, 60].

The attempts of the connection of special high-strength steels submerged could not be carried by anyone in the world. Welds on a tank had cracks. The head of the department of the IEW V. I. Diatlov and the engineer of the plant number 183 B. A. Ivanov had conducted an experiment and in the end of 1941 offered to lay before welding into the cavity edges to be joined, mild steel rods. The next year V. I. Diatlov discovered the phenomena of the self-regulation of arc processes that allowed to simplify the construction of the mechanism of a wire feeder and to create a single-engine welding heads. A welding head, except wire feed zone in metal smelting, was capable of feeding in the same area a flux and collect it immediately after the completing of welding processes. The welds accomplished in that way were uncracked.

V. I. Diatlov and B. M. Ivanov issued the request of that innovation. It was registered in the State Planning Bureau of Inventions of the Council of People's Commissars of the USSR and in 1944 the authors received the copyright certificate for that new product [19, 72; 20: 117–119, 127].

The great achievements of the Academy scientists during the war were marked greatly by the governments of the Soviet Union and Bashkiria. Many of them were awarded with the orders and medals of the USSR, in particular the military orders of Red Star. That emphasizes the particular importance of the labor achievements of the Academy staff at the front. Except O. Y. Paton, the high title of the Hero of Socialist Work was given to the president of the AS of the Ukrainian SSR A. A. Bogomolets [22, 79].

The global importance had acquired proposed by G. V. Raevskiy in 1944 the method of the industrial production of oversized structures, in particular, the tank for storages of crude oil and petroleum products with the rolling of method. The new technology was highly economical and created the favorable conditions for improving the quality of constructions, reduced labor costs, facilities and construction period of reservoirs. For the development of this technology the team of specialists was awarded with the Lenin Prize. Following that V. G. Raevskiy proposed the number of the new advanced technologies directed on the improving of the reliability of the structures made with welding. In particular, manufacturing techniques of cement and other rotary kilns. That made possible to use the industrial method for the manufacturing of buildings furnaces shells based on the technique of temporary deformation, to create the new support system for air bags, as they cannot be overloaded, to find the new decision of support unit with the use of a welded brace. In the postwar years V. G. Raevskiy together with the other researchers created the roll multilayer vessels of high pressure. They showed a significant advantage over the vessels with a monolithic wall (the ease of its fabrication and reliability). Thus was created the foundation for the organization in the USSR the production of the multilayer constructed equipment for chemical and petrochemical big ton industries. For that works V. G. Raevskiy was awarded with the State Prize of the USSR [21, 60].

The research in the field of nuclear physics in the Soviet Union began to develop rapidly in the KIPT. There in 1932 the so-called high-voltage team consisting of K. D. Sinel'nikov, A. K. Val'ter, G. D. Latyshev and A. I. Leypunskiy firstly in the world repeated the experiment of British scientists on nuclear fission with artificial protons. In 1937 the most powerful in the world electron-static accelerator was built. On the eve of World War II when the chain reaction fission of uranium had become a reality, F. Lange, V. Maslov and V. Shpinel' completely turned to a nuclear topic. It was submitted the application to Moscow for the invention of the atomic bomb and the ways of its implementation. The prominent scientists and, in particular, V. Hlopin, P. Kapitsa, A. Joffe and others had given a negative feedback on the proposal of the Kharkiv authors.

A negative answer was given also by the People's Commissar of the defense of the USSR S. Timoshenko. The copyright certificate for the invention of an atomic bomb had been given to its originators only in 1946. During the Great Patriotic War, by the order of the State Defense Committee (SDC) "On the organization of the labors on uranium" the AS USSR was obliged to resume the research on the use of nuclear energy using the fission of uranium nucleus and to submit to the April 1, 1943 the report on the feasibility of the creation of an atomic bomb or uranium fuel. With the same resolution the AS of the Ukrainian SSR was obliged under the guidance of Professor Lange to organize the developing of the project of the laboratory installation for the excretion of an uranium-235 using a centrifugation method and to the October 20, 1942 to pass the technical project to the plant of Kazan "Hammer and Sickle" of the Heavy Engineering People's Commissariat. It was necessary before the January 1, 1943 to create the laboratory installation of a centrifuge using the Professor Lange's project, that was being developed at the AS of the Ukrainian SSR [23, 4; 24: 4, 18–20, 39, 44–48; 25, 145–146].

In order of the People's Commissariat Soviet (CPS) of the USSR from the February 19, 1946 "On the organization of the Laboratory number 1 at the Kharkov Institute of Physics and Technology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR" was noted: for the ensuring of the special tasks entrusted to the institute to organize in it the Laboratory number 1 (based on the department of nuclear physics). The director of it was nominated the Professor K. D. Sinel'nikov. The People's Commissars of the Ukrainian SSR were instructed to perform the special tasks assigned to the Laboratory, as well as to aid Narkomtiazhsroy in the construction of the Laboratory number 1, the aid in ensuring of its building with a workforce and regional building materials. The lead agency on the issue of the USSR Atomic Project had become the Laboratory number 2 headed by I. V. Kurchatov. In 1944, in that laboratory worked the Academicians of the Ukrainian SSR A. I. Leypunskiy and A. I. Brodskiy, as well as assistants of the KIPT D. V. Timoshchuk and A. A. Chubakov [23, 4; 24: 52, 58].

The fundamental research in the nuclear physics, being held by the KIPT assistants during 1930–1940-ies created a solid foundation and on the stage of scientific technological revolution allowed to deploy widely the labors in the field of reactor materials. That had also such important aspect — the scientific relations with foreign countries were expanded. For example, for the first nuclear power plant in Jaslovske Bohunice of Czechoslovakia, implemented at the

end of 1972, its assistants and the scientists of the KIPT with their joint efforts had created the KS-150 reactor. The fuel elements and cassettes for the reactor, a metallic uranium core in a plastic firmly engaged with the core cover provided the high performance of reactor components. For the production mentioned the Kharkiv scientists proposed 20 processes, 15 types of non-standard equipment and appliances. All that provided a high performance and high quality products. That opened up the new prospects for the development of nuclear energy [6, 130–131].

K. D. Sinel'nikov and his closest associates A. K. Val'ter, B. G. Lazariev, A. I. Ahijezer, V. J. Ivanov since the mid-1960s had created the solid foundation for the enhancing of the contribution of the KIPT into the defense industries: nuclear, missile, space and others. The nature of research had changed qualitatively. Before that the Institute had been involved only into the tasks aimed at an ensuring of the I. V. Kurchatov's nuclear research program but then he began to work in the contact with the main constructors and manufacturers on the development, production and testing of the new models of a military equipment. After 1970 the Institute began to work on the creating of the space-based weapons under the "Star Wars" program [26, 501–504].

The 1960–1980-ies were the period of the intensive development of the fundamental and applied sciences for the academic institutes of the Ukrainian SSR. The Republic Academy of Sciences became the second center (after the Union Academy), where was generated the science that made the Soviet Union the superpower in the world. The scientific institutions of Ukraine came to the recognized leader position in the strategic areas of science — cybernetics, energy, materials, electric welding, heavy machinery, aerospace and rocket industry, in biotechnologies. The transformation of academic science was held in the direction of the concentration of its fundamental research and the transfer to the ministries and departments of the science and applied researches [27, 19].

Thus, it can be highlighted the features of the using of the fundamental research conducted by the Institutes of the AS of the Ukrainian SSR. The Academy itself was incorporated into the structure of the functioning of the single economic complex of the Soviet Union. The achievements of its scientists in the field of fundamental and applied sciences were aimed to the improving of the efficiency of social production spheres. Their innovations were directed into the improving of the economy efficiency, contributed to strengthen of the defense of the USSR.

References:

1. Vsesojuznaja shkol'naja perepis' 15. XII – 1927 g. T. II. X., – 1930. – 318 p. (In Russian).
2. Hrenov K. K. Vklad ukrainskikh uch'enyh v razvitije sovetsoj nauki i tehniki // Izvestija Akademii nauk USSR. – M., 1954. – No 1. – P. 3–13. (In Russian).
3. Problemy organizacii nauki v trudah covetskih uch'enyh 1917–1930 gody. – L., 1990. – 232 p. (In Russian).
4. CGAVOV Ukrainy (Central'nyj gosudarstvennyj arhiv vysshih organov vlasti Ukrainy). (In Russian) – Fund 6128. – Reg. 1. File 2. – Sheet 13–14; 5, – P. 198–199.

5. Istorija Nacional'noi Akademiji nauk Ukrainy v suspil'no-politychnomu aspekti. 1918–1998/Ed. J.O. Hramov. – K., 2000. – 528 p. (In Ukrainian).
6. Har'kovskij fiziko-tehnicheskij institut/Ed. K.K. Priadkin. – Kh., 1978. – 143 p. (In Russian).
7. Raniuk J.M. Dve laboratorii professora F. Lange//Nauka i naukovedenije. – K., 2002. – No 1. – P. 108–120. (In Russian).
8. Palladin A.V. Akademiya nauk Ukrainskoj Sovetskoj Socialisticheskoy Respubliki. 1919–1944. – M., 1944. – 109 p. (In Russian).
9. Izvestija Akademii nauk USSR. – 1936. – No 5–6. – P. 247–258. (In Russian).
10. Ton'ka K.V. Sistema panel'nyh trekov s vyborom skam'ji dlja razrabotki mestorozhdenij burogo uгля USSR//Izvestija Akademii nauk USSR. – 1936. – No 7–8. – P. 115–122. (In Russian).
11. Shlihter O.G. Promova tovarysha Stalina ha z'jizdi stahanovciv i zavdannia naukovu-doslidnoji roboty//Visti Akademiji nauk USSR. – 1936. – No 5–6. – P. 51–64. (In Ukrainian).
12. Nauchnye s'jezdy i konferencii//Izvestija Akademii nauk USSR. – 1936. – No 7–8. – P. 121–127. (In Russian).
13. Burshtedt P.P. Svarka potolochnyh shvov//Doklady Akademii nauk USSR. – K., 1939. – No 1. – P. 23–25. (In Russian).
14. Akademiya nauk USSR. – Ufa, 1942. – 24 p. (In Russian).
15. Doklady otdela fiziko-himicheskikh i matematicheskikh nauk. – Kujbyshev, 1944. – 243 p. (In Russian).
16. Istorija Ukrainskoj SSR. V 10 t. Ukrainskaja SSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny i vosstanovlenija narodnogo hozjajstva V 10 t. – V. 8. – K., 1984. – 583 p. (In Russian).
17. Kuriat R.I. Nauchnaja shkola G.S. Pisarenko (k 100-letiju so dnia rozhdenija)//Nauka i naukovedenije. – K., 2010. – No 4. – P. 101–118. (In Russian).
18. Pisarenko G.S. Zhizn' v nauke. – K., 1989. – 80 p. (In Russian).
19. K 100-letiju so dnia rozhdenija V.I. Diatlova//Avtomaticheskaja svarka. – K., 2008. – No 1. – P. 71–72. (In Russian).
20. Tankograd. – Kh., 2004. – 256 p. (In Russian).
21. K 100-letiju so dnia rozhdenija G.V. Rajevsogo//Avtomaticheskaja svarka. – K., 2009. – No 8. – P. 59–60. (In Russian).
22. Malinovskij B.M. Akademik B.Y. Paton – pratsia na vse zhyttia. – K., 2002. – 340 p. (In Ukrainian).
23. Raniuk J.M. Laboratorija No 1. Jadernaja fizika v Ukraine. – Kh., 2001. – 590 p. (In Russian).
24. Laboratorija No 1 i Atomnyj projekt SSSR, 1938–1956/Ed. J.N. Raniuk, O.S. Shevchenko. – Kh., 2011. – 370 p. (In Russian).
25. Akademik Anton Karlovich Val'ter/Ed. B.I. Shramko. – Kh., 2005. – 238 p. (In Russian).
26. Lazarev B.G. Zhizn' v nauke. Izbrannyje trudy. Vospominanija. – Kh., 2003. – 704 p. (In Russian).
27. Nauchnye doklady: 85 let Nacional'noj Akademii nauk Ukrainy. Istorija formirovanija otechestvennogo kompleksa fundamental'noj nauki: vystuplenije A.S. Onishchenko//Vestnik Nacional'noi Akademii nauk Ukrainy. – K., 2004. – No 1. – P. 15–22. (In Russian).

*Nikitin Denis Anatolevich,
Amanzholov Sarsen East Kazakhstan
State University, master student,
Faculty of History and International Policy
E-mail: deniss-2510@mail.ru
Kuznetsova Irina Georgievna,
the history teacher
Ryzkova Yelena Viktorovna,
teacher of Russian language*

Methodology of oral history in the context of studying in history of a family in the history of the settlement

Abstract: in article on the basis of methodology of oral history an attempt to track settlement history, through a prism of history of a separate family is made.

Keywords: micro history, “history from below”, oral history, methodology.

Никитин Денис Анатольевич,
 Восточно-Казахстанский Гуманитарный университет,
 магистрант факультета истории и международных отношений
 E-mail: deniss-2510@mail.ru

Кузнецова Ирина Георгиевна,
 учитель истории

Рыжкова Елена Викторовна,
 учитель русского языка и литературы

Методология устной истории в контексте изучения истории семьи в истории поселка

Аннотация: в статье на основе методологии устной истории предпринята попытка проследить историю отдельного поселка через призму истории семьи.

Ключевые слова: микроистория, «история снизу», устная история, методология.

В условиях современного Казахстана особенно актуализирована задача объективного и полноценного изучения национальной истории. Это связано со строительством и укреплением новой государственности. Поэтому представляется важным формирование государственного сознания у граждан, которое коренится в национальном самосознании. В таких условиях транзитного общества происходят новые процессы в сфере национальной самоидентификации [1, 13]. Часть общества по-новому осознает свою принадлежность к государству. В социальной жизни Казахстана динамично развиваются этнокультурный, этнический процессы. Ведь национальное самосознание питается историческим сознанием народа, формируемым качественными знаниями в области отечественной истории. Такая взаимообусловленность разновидностей общественного самосознания объясняется самой природой этих общественных явлений [2, 12].

Одним из важных направлений в развития современной исторической науки становится — устная история. Как современная технология сбора исторических источников и самостоятельное научное направление она сложилась после Второй мировой войны. Еще в 1938 г. профессор Колумбийского университета, специалист по истории Гражданской войны в США Аллан Невинс призвал своих коллег создать организацию для систематического сбора и записи устных рассказов и мемуаров «видных американцев». Весной 1948 г. по его инициативе был создан Кабинет устной истории для записи мемуаров людей, сыгравших значительную роль в жизни Америки. К 1971 г. Сотрудники Кабинета собрали 2,5 тыс. записей бесед общим объемом почти в 350 тыс. страниц [3, 3–7].

Заметим, что Невинс, первым введший в научный оборот термин «устная история», понимал под ней сбор и использование воспоминаний участников исторических событий. Однако впоследствии термину придали расширительную трактовку, обозначая им как различные виды устных свидетельств о прошлом, так и исследования, написанные на их основе. Популяризация нового направления

в США в 1940–1950-е гг. была связана с деятельностью американского журналиста Джозефа Гудда. Появившись как узкое направление в рамках прежде всего архивного дела, устная история постепенно завоевала признание профессиональных историков, нашедших в устных воспоминаниях исключительный источник информации о прошлом. Рождение в 1971 г. Журнала “Oral History” («Устная история») и появление несколько позже общества с одноименным названием во главе с одним из пионеров устной истории в Великобритании Полом Томпсоном свидетельствовало о стремлении шире использовать новые методики в познании общества [4, 5–8].

Методологию устной истории без сомнения можно переложить на изучение микроистории или «истории снизу». Авторы попытаются на основе интервью, представителей разных поколений семьи Зубовых проследить историю повседневности маленького поселка Зубовск, Зырянковского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Далее ведется повествование от первого лица.

«Уютный поселок Зубовск затерялся в глубокой котловине среди невысоких, округлых гор, на берегу реки Бухтармы. Основан поселок был в 1852 году. Основатель — Зубов Ефим Арсентьевич. Ефим Арсентьевич — уроженец города Барнаул. За оскорбление своей родной матери был осужден и сослан на пять лет каторжных работ в Зырянск пятнадцатилетним парнем. Отбыв каторгу, женился и поселился на месте теперешнего поселка Зубовск. Сначала поселение называлось заимка Зубова, затем — хутор Проходной, и только потом поселок Зубовск. У Ефима Арсентьевича родилось восемь детей: Степанова Мария Ефимовна, Яковлева Евдокия Ефимовна, Чернова Наталья Ефимовна, Литвинова Надежда Ефимовна, Сизова Федосья Ефимовна, Зубов Павел Ефимович, Зубов Кирилл Ефимович, Зубов Дементий Ефимович. От этих восьмерых детей идут ветви к потомкам династии основателя поселка — династии Зубовых. Зубова Кирилл Ефимович у него было пятеро детей: Рогозина Пелагея Кирилловна, Зубов Иван

Кириллович, Зубов Петр Кириллович, Зубов Константин Кириллович, Зубов Никифор Кириллович.

У Кирилла Ефимовича было двадцать семь внуков. Одной из них была моя прабабушка Кайгородова Клавдия Петровна. Она родилась в 1905 году. У нее было семеро детей, младшая из них моя бабушка Кусмарцева Вера Семеновна. Пятеро детей Клавдии Петровны живы до сегодняшнего дня и у меня была огромная возможность напрямую общаться с очевидцами многих событий поселка. По рассказам старожилов, в те далекие времена Зубовск окружала чудесная природа. Было много леса по горам и реке Бухтарме. Разнообразен был животный мир. Наш предок Ефим Арсентьевич и его дети в ста метрах от своего дома держали пасеку. В двадцати метрах от дома на речке Хуторянка (в настоящее время ее называют Грязнушкой) у Ефима Арсентьевича была мельница, но уже в 30-х годах от мельницы остались плотина да желоб, по которому еще текла вода и старшие сестры моей бабушки, когда были маленькими, катались по этому желобу.

В 1922 году в поселке была установлена Советская власть. В 1924 году в поселке было тридцать девять домов. В 1930 году была проведена коллективизация. На территории поселка был создан колхоз имени Калинина. Моя прабабушка Кайгородова Клавдия Петровна одной из первых вступила в колхоз. Это решение далось не просто, Советская власть насильно забирала скот у сельчан, чтобы те вступали в колхоз. У прабабушки забрали в колхоз лошадь, оставив только корову. Пахать землю стало нечем и чтобы прокормить своих детей она пошла работать в колхоз. Заработную плату в колхозе не давали, а только ставили трудовни (отмечали каждый отработанный день), а после уборки урожая за трудовни давали зерно и корм скотине. В этом же 1930 году были открыты ликбез и начальная школа. Первым учителем был Рогозин Павел Анатольевич.

В 1935 году в колхозе имени Калинина, т. е. в поселке Зубовск появились первые колесные трактора ХТЗ и СТЗ. Позже пошли гусеничные ЧТЗ, КАТИ. Первый колесный трактор встречали всем поселком. В первые годы коллективизации все работы по сенокосению, сеноуборке, уборке хлеба проводились вручную. Потом появились сенокосилки, самосброски и др. Некоторое время в колхозе была конная молотилка, которая работала с помощью конной силы, потом ее стали пускать в рабочее состояние с помощью колесного трактора. В дальнейшем появились прицепные комбайны. Только после Великой Отечественной войны появились самоходные комбайны.

Перед самой войной в Восточном Казахстане началось строительство автомобильной дороги «Восточное кольцо». Каждый колхоз обязан был предоставить на строительство бригаду рабочих. Мой прадед Кайгородов Семен Андреевич добровольцем уехал на строительство дороги. И бригада, в которой он работал, перевыполнила план на 300 %.

Накануне войны в поселок приехало много немцев с Поволжья, чеченцев. Согнанные насильно с родных мест, они испытывали неимоверные трудности и лишения,

голодали. Моя прабабушка Кайгородова Клавдия Петровна, имея своих семерых детей, помогала одной из немецких семей: лечила травами, давала картошку, капусту, молоко, чтобы не умерли с голоду. Позже эта семья, уезжая из поселка, в благодарность подарила прабабушке швейную машинку «Zinger». Это была первая швейная машинка в поселке, и бабушка стала шить для односельчан.

1941 год — началась Великая Отечественная война. Каждая семья в поселке провожала кого-то на фронт. Наша семья не осталась в стороне. На фронт ушел мой прадед Кайгородов Семен Андреевич, старший брат моей бабушки Кайгородов Петр Семенович, муж бабушкиной сестры Колмагоров Иван Николаевич, братья моей прабабушки: Зубов Иван Петрович, Зубов Владимир Петрович. Все они внесли свой вклад в дело Великой победы. Прадед Семен Андреевич чуть-чуть не дождался конца войны, после тяжелого ранения он умер в 1944 году. Петр Семенович прошел почти всю войну, воевал на Дальнем Востоке с японцами, попав в окружение и пролежав со своей частью трое суток в болоте, тяжело заболел туберкулезом легких и был комиссован домой. Был награжден медалью «За победу над Японией», т. к. участвовал в боях против японских империалистов, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и уже в 1948 году награжден юбилейной медалью «XXX лет Советской Армии и Флота». Колмагоров Иван Николаевич прошел всю войну и дошел до Берлина. Иван Петрович и Владимир Петрович воевали в битвах за освобождение города Орла. После войны они все вернулись на работу в колхоз. Владимир Петрович позже стал учителем музыки в школе, т. к. после ранений не мог работать на производстве.

Прабабушка всю войну трудилась в колхозе и награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Хотя в годы войны колхозники были не на линии боевых действий, но они также внесли свой вклад в дело Великой победы. Главный лозунг был «Все для фронта!». Работали от темна до темна. У кого поля были далеко от дома, те прямо на поле строили шалаши, чтобы как можно раньше начать работу и попозже закончить. Сено косили и убирали вручную, т. к. в колхозе остались практически одни женщины, из числа которых не было трактористов. Да к тому же не хватало топлива для техники, т. к. все отправляли на фронт. Хлеба косили косами и жали серпами, составляли в сусловы для просушивания. Веяли зерно на ветру, подбрасывая его деревянными лопатами. Старались сохранить каждое зернышко. Для себя оставляли самый минимум, зачастую просто недоедали, чтобы отправить хлеб на фронт».

Для историков интервью является не только ценным источником новых знаний о прошлом, но и открывает новые перспективы интерпретации известных событий. Интервью особенно обогащают социальную историю, давая представление о повседневной жизни, ментальности так называемых «простых людей», которое недоступно в «традиционных» источниках. При этом субъективность воспринимается

исследователем из области устной истории как неотъемлемая часть и качество, именно из-за которого и проводятся беседы с очевидцами событий. Устные воспоминания «независимее» письменных, потому что когда человек берется за перо, в нем невольно начинают работать и редактор, и цензор. Они ценны самой случайностью набора фактов и густотой подробностей [5, 34–35]. Благодаря сообщению, переданному устами свидетеля, историк получает возможность придать описанию истории более индивидуальный характер. Кроме того, значимость устных источников состоит в том, что они позволяют выделить и сопоставить два пласта исторического знания — обыденного и научного.

В исследовательском поле устной истории открывается особая роль исследователя, который изначально принимает решение о проведении интервью [6, 23; 7]. Обладает устная история и мощным потенциалом гражданственности, символизируя собой встречу двух поколений. Устная история интересна для нас как возможность выявить некую преемственность и механизм отождествления, самоидентификации как отдельного человека, так и коллектива. Это попытка сохранить личную и коллективную память, зафиксировать ценности уходящей культуры, красоту и богатство разговорного языка. Память о прошлом — это кропотливая историческая и культурная работа.

Список литературы:

1. Абусейтова М. Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. – Алматы: Дайк-Пресс, 1998. – С. 12–15.
2. Тұрсынов Е. Сөз өнері туралы // Культурные контексты Казахстана: история и современность. – Алматы: НИСА, 1998. – С. 222.
3. Томпсон П. Устная история. – М., 2003.
4. Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории. Источниково-ведение отечественной истории, – М., 1989. – с. 3–32.
5. Тургунбаев Е. М. О возможностях использования шежира как историко-этнографического источника (к постановке проблемы) // Сб. ст. аспирантов. Вып 1. – Алматы. Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР. – 1989. – С. 4.
6. Толстова Л. С. Исторические предания Южного Приаралья. – М.: Наука, 1984;
7. Толстова Л. С. Исторический фольклор каракалпачков как источник изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. – М.: Наука, 1977. – С. 24.

*Soltanova Nazilya Baguir,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Institute of Physics of NAS,
Institute of Physics G. M. Abdullaev, National Academy of Sciences
E-mail: muzeyfizika@yahoo.com*

University and Academic beginning in Azerbaijan (the end of XIX – the beginning of XX centuries)

Abstract: The article deals with the birth of the first institutions of higher education and science in Azerbaijan (XIX–XX).

Keywords: institute, university, academy.

*Солтанова Назиля Багировна,
Кандидат исторических наук, Доцент Института физики НАНА,
Институт физики им. Г.М. Абдуллаева Национальной
Академии Наук Азербайджана, Азербайджан, Баку
E-mail: muzeyfizika@yahoo.com*

Университетские и Академические начала в Азербайджане (конец XIX – начало XX вв.)

Аннотация: В статье рассматривается рождение первых учреждений высшего образования и науки в Азербайджане, что относится к периоду кон. XIX – нач. XX вв.

Ключевые слова: институт, университет, академия.

XIX век. Северный Азербайджан в составе Российского государства. В истории нашей национальной научной мысли общение двух разнополярных культур приобрело характер непрерывного диалога, взаимовлияния и взаимообогащения. Этот диалог сделал свои и положительные, и довольно отрицательные влияния. В Азербайджане XIX в. знаменателен не только подобным движением культурно-духовной жизни. Параллельно происходил процесс её интенсивной эволюции, стремительного развития. XIX век, как повторный пункт в истории мировой цивилизации, является знаменательным и для азербайджанской науки и культуры, её становления как средства самовыражения нации. В этот период азербайджанская научная мысль обогатилась в жанровом и формальном, содержательном и сущностном отношениях.

Политика Российской империи в XIX в. в отношении Азербайджана и захват территорий самостоятельных и полунезависимых азербайджанских ханств, включение региона, пусть даже силой оружия в состав России на первом этапе дали импульс к пробуждению национального самосознания, оказали определенное положительное воздействие на развитие производительных сил, культурной жизни, просветительской и научной мысли азербайджанского народа. Однако, параллельно шли и работы уничтожения острых глаз и умов народа. В честь мирового договора с Ираном Россия подарила ему большую часть нашей родной земли — Южный Азербайджан.

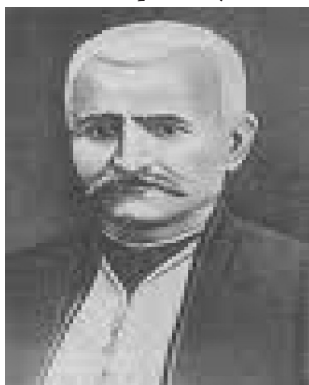
В первой половине XIX в. азербайджанская научная мысль, с одной стороны, сохранила и приумножила лучшие традиции и достижения средневекового Азербайджана, а с другой, приобщалась к русской и западноевропейской культуре. Этому способствовали появление и развитие в Азербайджане многих отраслей научного знания, проникновение в страну прогрессивных общественных идей. В этот период проблемы азербайджанской науки, наследие выдающихся представителей истории нашей науки и культуры стали изучаться на университетском и академическом уровнях.

Гасан бек Зардаби   Аббаскулу ага Бакиханов

XIX век выдвинул на арену истории целую плеяду блестящих ученых, философов и просветителей. Неоценимую роль в формировании национальной культуры в Азербайджане сыграли ученые: Аббаскули Ага Бакиханов, Мирза Джафар Топчибашев, Мирза Казым-бек, Мирза Фатали

Ахундов, Гасан бек Зардаби, Мирза Шафи Вазех, Касумбек Закир, Агабек Ядигаров, Исмаил бек Гутташенский, Мирза Казимбек Абдинов, Мирза Абдулла Гаффаров, Гаджи Зейналабдин Ширвани и многие другие, гуманическое содержание и общечеловеческая значимость наследия которых вошли в золотой фонд научной мысли азербайджанского народа.

Мирза Фатали Ахундов   Мирза Джафар Топчибашев

Мирза Джафар Топчибашев — один из выдающихся представителей научной мысли Азербайджана XIX века, популярный ученый — востоковед, первый азербайджанец, деятельность которого протекала в Петербургском университете, действительный член Великобританского королевского азиатского общества. После Топчибашева, в 1849 г. руководство кафедры персидского языка и литературы Петербургского университета перешло к другому талантливому его соотечественнику Мирзе Мухаммед Али Казым-беку, который в течение 45 лет вел большую научно-педагогическую работу в Казанском и Петербургском университетах. Мирза Казым-бек действительный член Российской Академии наук, член-корреспондент Британского королевского азиатского общества, ординарный член Азиатского общества в Париже, член-корреспондент Американского общества ориенталистов в Бостоне.

Мирза Мухаммед Али Казым-бек

Систематические и интенсивные исследования Российской Кавказа начинаются с XIX века. Большое внимание уделяется и Азербайджану в связи с включением его в 1828 г. в состав России. Для успешной колонизации страны в Азербайджан посылаются специальные чиновники, ученые и другие официальные лица растущей промышленности России. Изучаются вопросы экономики, истории, общесенно-экономического строя населения,

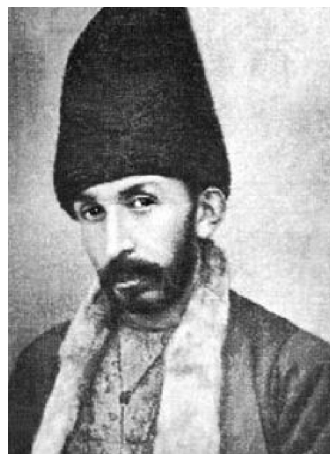
статистики, антропологии, этнографии, лингвистики и т. д. Эта деятельность направлялась рядом возникших учреждений и научных обществ на Южном Кавказе. Русские ученые и специалисты по направлению и под руководством этих обществ трудились в различных сферах и областях жизни Азербайджана. Эти общества являлись первыми научными центрами в дореволюционном Азербайджане, где стали проводиться научно-исследовательские работы в области химической технологии нефти, физики и т. д. Успехи химии и химической промышленности в Азербайджане тесно связаны также с деятельностью Русского физико-химического общества. Естественно-научное исследование Азербайджана дало крупные результаты. В общих чертах было выяснено геологическое строение территории края, дана её географическая характеристика и выявлены вопросы, подлежащие дальнейшему глубокому исследованию. Превращение Азербайджана в конце XIX – начале XX в. в один из нефтяных центров мира позволило за короткое время достичь высот, к которым многие народы стремились на протяжении веков. В результате общественных процессов, обусловленных международным характером развития экономики, Баку превратился в один из крупнейших индустриальных и культурных центров Российской империи, в нефтяную столицу мира. Этот период ознаменован большим оживлением в сферах образования, науки, искусства и литературы. В условиях развития капитализма в стране со второй половины XIX века рождалась и неуклонно росла потребность в специалистах в области науки, техники, образования и культуры. В этом же русле протекало формирование профессиональных групп интеллигенции, проявлялись характерные черты и специфические особенности данного процесса в конкретном временном пространстве. Следует отметить, что интеллигенция составляла в Азербайджане незначительную часть населения и была многонациональной. Получившие образование в России и в европейских городах инженеры, врачи, учителя, архитекторы, юристы стекались в «царство нефти и миллионов» не только в поисках высоких заработков, но и стремясь использовать благоприятные возможности для приложения своих интеллектуальных способностей, самореализации.

Формирование национальной интеллигенции тормозилось условиями колониального режима, дискриминационной политикой царизма в отношении мусульманских народов. Это обстоятельство резко отражалось на количественном росте специалистов в области культуры и науки. Тем не менее, начало XX в. можно охарактеризовать как новый этап в развитии интеллектуального потенциала азербайджанского народа. Параллельно со складыванием кадровых специалистов шел процесс формирования новых поколений интеллигенции.

На рубеже XX в. развитие капиталистической экономики в Азербайджане требовало быстрого роста естественных наук, среди которых особую актуальность приобретали геология и наука о нефти (химия и физика

нефти), в связи с чем большое значение приобретала подготовка научных кадров по этим специальностям. В борьбе за овладение новыми знаниями большое значение имела учеба представителей прогрессивной азербайджанской интеллигенции в России, где учились, в частности, такие выдающиеся представители азербайджанской научной интеллигенции второй половины XIX – начала XX в.в., как Г. Б. Зардаби., М. М. Навваб, А. Агаев, Н. Б. Везиров, А. Гусейнзаде, М. А. Шахтахтинский, Ф. Кочарли, С. М. Ганизаде, Дж. Гаджибеков, М. Т. Сидги, А. Сур, М. Т. Алиев, Абдулхалыг и Бахрам Ахундовы, Т. Байрамалибеков, М. Ханларов, Х. Мелик-Асланов, Ф. Султанов, М. Алибеков, М. Ю. Джафаров и др.

Видной фигурой в области естественных наук стал Гасан бек Зардаби (Меликов) — первый ученый-дарвинист, основоположник научной биологии, медицины, земледелия в Азербайджане, выпускник физико-математического факультета Московского университета с научной, кандидатской степенью, создавший ценные, оригинальные труды в области естествознания.

М. М. Навваб

Н. Б. Везиров

М. А. Шахтахтинский

В 80–90 годы XIX в. началась научно-исследовательская работа по органической химии первого химика — азербайджанца Мовсумбека Ханларова, получившего образование в Германии, в Страсбургском университете. Работая в лаборатории известного немецкого ученого Фиттида, Ханларов успешно защитил диссертацию, за которую ему присудили степень доктора химии.

В 1884 г. М. Ханларов переезжает в Баку и вступает в члены Русского физико-химического общества с рекомендациями таких видных ученых как Д. И. Менделеев, Н. А. Меншуткин и Д. П. Коновалов.

Другими видными представителями научной мысли XIX в. были просветитель-демократ, общественный деятель Мирза Фатали Ахундов, Нариман Нариманов, Мирза Алекпер Сабир, Джалил Мамедгулизаде и др..

Анализ истории и развития научной мысли Азербайджана с глубокой древности вплоть до начала XX столетия выявил, прежде всего, последовательное, поступательное развитие азербайджанской науки, разнообразные формы её выражения, богатство идейных контактов, связь с наукой различных географических, политических, религиозных регионов, что сказалось на масштабах и уровне научного наследия. Азербайджан, вступивший в XX век, добился важных успехов во многих сферах, в том числе в области науки, культуры и просвещения. В Азербайджане сформировалась национальная интеллигенция, которая начала играть важную роль в общественной жизни страны. Деятельность лучших представителей азербайджанской интеллигенции в этот период в различных областях науки служила национальному возрождению, национальному пробуждению, формированию национального духа азербайджанского народа.

Каспий с черным золотом, огненосные окрестности Апшерона всегда были соблазном для званных, а чаще незванных гостей.

Начало использования нефти на территории современного Азербайджана относится к IV веку до н.э; местные жители применяли ее в качестве горючего. По свидетельствам арабских географов (Масуди, Истахри и др.), посетивших район Баку в X веке, нефть и нефтяной газ применялись в бытовых, лечебных и военных целях. В этот период использовалась нефть, самоизливающаяся на поверхность из естественных выходов. В сочинении Марко

Поло (конец XIII века) говорится об источниках, бивших с такой силой, что в течении одного часа можно было нагреть нефтью целую сотню судов; отмечается сооружение примитивных нефтяных колодцев. Зарождение кустарной добычи нефти относится к XVI веку. Разработка заключалась в извлечении нефти из колодцев с глубины 30–40 м. А. Олеарий, посетивший в 1636 г. Каспийское побережье, отмечает, что нефть из колодца добывалась в большом количестве для продажи. Первое обстоятельное описание бакинского нефтяного промысла было сделано Э. Кемпфером в 1683 году. Из колодцев вычерпывалась нефть кожаными ведрами с помощью ручных воротов. Только один колодец (наиболее богатый нефтью) был оборудован специальным подъемным механизмом, приводимым в движение двумя лошадьми. В конце 40–начале 50 гг. XIX века стала внедряться скважинная добыча нефти.

В 1847 году на Биби-Эйбатском месторождении впервые в мире механическим путём была пробурена нефтяная скважина. В 1859 году Василий Кокорев построил в Сураханах под Баку первый керосиновый завод. В Баку начался приток иностранного капитала, открылись офисы Ротшильдов, братьев Нобелей и других предпринимателей. Баку стал известен как «Париж Кавказа». В 1860 году в Сураханах был построен первый нефтеперегонный завод, 1861 году — на острове Святой (ныне о. Артем) — парафиновый завод. В 1878 году в Балаханах был сооружен нефтепровод от промыслов до нефтеперерабатывающего завода, а в 1897–1907 гг. по проекту инженера В. Г. Шухова — введен в строй самый большой в то время в мире продуктопровод Баку-Батуми с 16 перекачивающими станциями. В Балаханах впервые в истории мировой нефтяной промышленности была использована компрессорная эксплуатация скважин. Корни самой высокой награды в мире — Нобелевской премии — награды за высокие достижения в науке, также заложены на нефти Каспия, скорее на бакинской нефти.

В 1879 г. Людвиг и Роберт Нобель основали в Баку Фирму «Братья Нобель», занимающуюся добычей и распродажей нефти

Первую иностранную фирму в Баку основали братья Нобель (1879). Это была семья известных шведских инженеров и изобретателей. Людвиг командирует младшего брата — Роберта Нобеля — в Ленкорань. Путь его лежал через Баку. Заинтересовавшись перспективами развития нефтяного дела, он исходил вдоль и поперек Черный город, побывал на многих нефтепромыслах и заводах. Предприимчивый молодой человек довольно быстро уразумел, что истинный источник богатства здесь, в Баку, что нефтяное дело — самое выигрышное и многообещающее. Роберт приобрел в Черном городе нефтеочистительный завод. За короткое время компаньоны стали владельцами промыслов в Сураханах, Балаханах, Биби-Эйбате. Взяв в аренду большие участки земли между Черным и Белым городом, они построили нефтеперегонные, сернокислотные, медеплавильные, чугунолитейные заводы и причалы. Когда праздновалось пятилетие фирмы «Братья Нобель», ее общий капитал равнялся 3 миллионам рублей. Впоследствии фирма превратилась в гигантского нефтяного магната, монополизировала торговлю нефтью и сконцентрировала в своих руках сбыт на самых важных рынках России. Нобели не жалели денег на совершенствование техники, транспортных средств, понимая, что это — самый верный путь к богатству. Попытки исследования природных ресурсов Каспия были сделаны не раз.

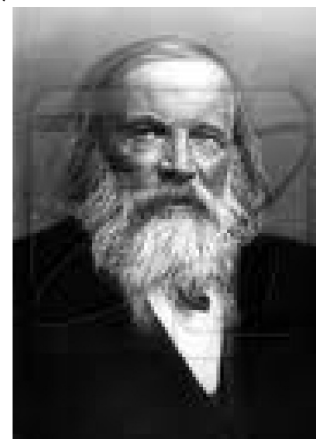
В. Г. Шухов

В 1877 году А. В. Бари пригласил В. Г. Шухова возглавить отделение фирмы в Баку. В 1880 году предложил ему должность главного конструктора и главного инженера в свою фирму «Техническая контора инженера А. В. Бари» (позже «Строительная контора инженера А. В. Бари»). В. Г. Шухов — автор проекта и главный инженер строительства нефтепровода Балаханы – Черный город (Бакинские нефтепромыслы, 1878 г.), построенного для нефтяной компании «Бр. Нобель»; проектировал и руководил работами постройки нефтепроводов фирмы «Бр. Нобель», «Лианозов и К°» и первого в мире мазутопровода с подогревом. Работая на нефтяных промыслах в Баку, В. Г. Шухов разработал основы подъема и перекачки нефтепродуктов, предложил метод подъема

нефти с помощью сжатого воздуха — эрлифт, разработал методику расчета и технологию строительства цилиндрических стальных резервуаров для нефтехранилищ. В статье «Нефтепроводы» (1884 г.) и в книге «Трубопроводы и их применение в нефтяной промышленности» (1894 г.), В. Г. Шухов привел точные математические формулы для описания процессов протекания по трубопроводам нефти, мазута, создав классическую теорию нефтепроводов. В 1896 году он изобрел новый водотрубный паровой котел в горизонтальном и вертикальном исполнении (патенты Российской Империи № 15 434 и № 15 435 от 27 июня 1896 года). В. Г. Шухов и его помощник — С. П. Гаврилов изобрели промышленный процесс получения автомобильного бензина — непрерывно действующую трубчатую установку термического крекинга нефти (патент Российской Империи № 12 926 от 27 ноября 1891 года). Установка состояла из печи с трубчатыми змеевиковыми нагревателями, испарителя и ректификационных колонн. В 1931 году по проекту и при техническом руководстве В. Г. Шухова был построен нефтеперерабатывающий завод «Советский крекинг» в Баку.

М. Ломоносов

Д. И. Менделеев

Конец XIX – начало XX в. в рассматриваемый нами период, как было выше отмечено, Азербайджан уже являлся частью царской России. Русские ученые М. Ломоносов, Д. И. Менделеев, И. М. Губкин, Д. В. Голубятников и др. были пионерами в исследованиях ресурсов Каспия. М. Ломоносов в своих трудах оставил заметки о газоносности окрестности Баку. Д. И. Менделеев не раз посещал г. Баку, ему принадлежит немалая заслуга в развитии физики и химии нефти и нефтепродуктов. В 1863 г. Менделеев прибыл в Баку, тогда он вел исследования по вопросам, касающимся перегонки нефти. Д. И. Менделеев предложил принцип непрерывной дробной перегонки нефти, он был инициатором ее разностороннего использования. В 1877 г. он выдвигает гипотезу происхождения нефти из карбидов тяжелых металлов. Д. И. Менделеев был тесно связан с нефтяной промышленностью. В своих многочисленных трудах он дал смелую программу использования нефтяных богатств Апшерона. По предложению Менделеева в 1879 г. было организовано *Бакинское отделение Русского технического общества*. Так, в Баку появился научный центр.

Нефтедобыча требовала научные исследования. Начинались первые шаги физики в Азербайджане как самостоятельной науки, только как физики нефти. Исследования, проведенные Менделеевым в области явления вязкости, теплового расширения, капиллярности жидкости, критического состояния веществ и установленные им выводы существования абсолютной температуры кипения (критическая температура) и обращение поверхностного натяжения жидкости в нуль при критической температуре сыграли очень важную роль в изучении жидкостей, также нефтей и нефтепродуктов Азербайджана.

В 1900 г. В. К. Зеленицким был сделан доклад, где выдвинут проект бурения морского дна на Апшеронской бухте при помощи вышек, установленных на сваях. Инженер С. И. Заковенко в 1905 г. предложил проект разведки нефти на дне моря, при помощи плавающих насосов. Технические нужды, потребности привели к постепенному налаживанию научных работ.

В 1911 году в Сураханах применили вращательное бурение. В 1915 году в Раманах нефть стали добывать глубинными насосами. А в 1916 году там же впервые был использован разливный способ добычи.

С 1904 г. по 1911 г. был опубликован четырехтомный труд горного инженера И. Н. Глушко «Руководство к бурению скважин». Эти книги стали учебным пособием для будущих инженеров. Русский инженер С. К. Квитко в 1916 г. продемонстрировал в г. Баку крекинг — установку, на которой режим протекал при температуре 404 °С.

На основе проведенных исследовательских работ в 1916 г. инженером А. Д. Дробинским в г. Баку был сооружен нефтеперерабатывающий завод.

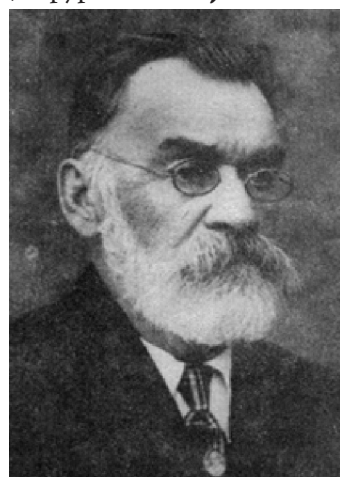
Рождающаяся научная мысль концентрировалась в лаборатории Бакинского технического общества, где под руководством С. К. Квитко впервые были стандартизированы методы исследования вырабатываемых нефтепродуктов.

Вопросами геологического изучения отдельных регионов Азербайджана занимались: Н. И. Андрусов, А. Б. Шелковников, К. И. Богданович, Л. К. Конюшевский, И. М. Губкин и др.

Руководитель лаборатории Азнефти Л. Г. Гурвич издал труд «Научные основы переработки нефти», который несколько раз переиздавался на иностранных языках. Теоретические работы Л. Г. Гурвича в области физико-химических наук, посвященные вопросам адсорбции, поверхностного натяжения и капиллярных свойств жидкостей привели к разрешению проблемы генерации отработанной отбеливающей глины, достигаемой экстракцией смол бензолом в присутствии спирта или ацетона.

Проводились также работы в области энергетики. Уместно будет назвать имена ученых-инженеров-практиков: Р. Э. Классона, Л. Б. Красина, А. В. Винтера и др. В числе ученых Бакинского отделения Русского технического общества были и азербайджанцы: М. Гаджинский, А. Мирзоев, И. Рзаев, Ф. Рустамбеков и др.

В новых исторических условиях, в **1918 г.** в Азербайджане впервые были провозглашены принципы парламентаризма и первая Демократическая Республика. Создание **Азербайджанской Демократической Республики** ознаменовало новый этап в истории развития азербайджанской научной мысли. Одним из ярких символов и ценных достижений этого периода явилось открытие в 1919 г. в Баку Бакинского государственного университета как первого центра высшего образования и науки в Азербайджане, флагмана азербайджанской демократической культуры. **1 сентября 1919 г.** парламент Азербайджанской Демократической Республики принял закон об учреждении университета в Баку — **Бакинский государственный университет (БГУ)**. **Первый ректор** университета — ученый-медик, хирург **В. И. Разумовский**.

В. Разумовский

Первые факультеты БГУ: медицинский и историко-филологический. В **1920 г.** в университете создан **физико-математический факультет**. В **1922 г.** по решению Наркомпроса БГУ преобразован в АГУ — **Азербайджанский государственный университет**. В **1930 г.** АГУ — **Азербайджанский государственный университет** распался. На базе факультетов АГУ были организованы **Азербайджанский медицинский институт, Высший педагогический институт** (уже существующие Высшие педагогические институты стали отделениями Высшего Педагогического института), **Институт Советского строительства и права, Торгово-кооперативный институт, Азербайджанский индустриальный институт**.

25 мая 1934 г. Советский Народный Комиссариат принял постановление «Об открытии **Азербайджанского государственного университета**» (4 факультета: физико-математический, биологический, химический, исторический). С 1934 г. по 1939 г. Азербайджанский государственный университет (АГУ) действовал как АГУ им. Ленина, с 1939 г. — АГУ им. Кирова, сегодня — Бакинский государственный университет.

В **ноябре 1920 г.** декретом Азербайджанского Наркомпроса создан **Азербайджанский политехнический институт (АзПИ)** на основе полученного из Петрограда Политехнического техникума и Бакинского технического училища.

Первый **ректор** — **проф. Н. А. Дубровский**. В 1923 г. Институт был назван им. М. Азизбекова. В 1930 г. Политехнический институт был преобразован в Азербайджанский нефтяной институт им. М. Азизбекова (АзНИ). С **1934 г.** АзНИ им. М. Азизбекова стал действовать как **Азербайджанский индустриальный институт (АзИИ)**, который сегодня – Азербайджанская государственная академия нефти.

С 1921 г. Бакинский государственный университет и Политехнический институт приступили к изданию научных журналов «Известия». При БГУ в 1921 г. было организовано научное общество — «Общество врачей и естествоиспытателей».

Азербайджанский педагогический университет прошёл свой исторический путь. В **1921 г.** Азербайджанское правительство приняло декрет об учпедении в Баку первого **Мужского педагогического института**. Высший мужской педагогический институт начал свою деятельность в составе физико-математического, естественно — химического и литературного факультетов. Директор института — Фатулла Рзабейли. Обучение шло на азербайджанском языке. В **1922 г.** образован **Высший женский педагогический институт**. Директор — А. Макинская. В **1922 г.** — **Бакинский институт народного образования** под руководством Б. В. Комаровского. Этот институт в 1924 г. был слит с факультетами АГУ. В **1930 г.** на основе факультетов АГУ и Высших педагогических институтов был создан **Высший педагогический институт**, дальше действующий как Азербайджанский педагогический институт им. В. И. Ленина (АПИ). Сегодня это — Азербайджанский педагогический университет.

В **1933 г.** Институты планово-экономический, финансово-экономический, советского строительства и права, социалистического учета были реорганизованы и слились в единый **Социально-экономический институт им. К. Маркса**. В дальнейшем это — Институт народного хозяйства, сегодня — Азербайджанский государственный университет экономики.

Так шло расширение образования и подготовка кадров с высшим образованием.

Созданием высших учебных заведений и кафедр физики в них и было положено основание целому ряду исследовательских лабораторий, в которых велись исследования.

В **1920 г.** было создано геологическое **бюро «Азнефти»**, при которой несколько позже стала функционировать Центральная химическая лаборатория. В **1921 г.** создана **Бакинская морская обсерватория**.

Одним из основных центров научной работы в республике стало Общество обследования и изучения Азербайджана. Идея создания в Азербайджане единого центра научной мысли, вокруг которого группировались бы научные работники, изучающие историю, культуру и природные богатства республики возникла еще в начале 20-х годов XX века. Инициаторами создания общества были видные общественные и государственные деятели Азербайджана: Н. Нариманов, С. Агамалиоглы,

А. Ахвердов, А. Баргий, П. Жузе, Д. Урусов, Н. Шахтахтинский и другие. По поручению правительства республики, коллегия Народного комиссариата просвещения Азербайджанской ССР приняла **5 мая 1923 г.** постановление об учреждении «**Общества обследования и изучения Азербайджана**» — первого научного центра республики и утвердила его устав, составленный Д. Урусовым. В связи с внезапной смертью инициатора Общества Д. Урусова, постановление осталось на бумаге. 2 ноября 1923 г. по инициативе редактора газеты «Коммунист» Габиба Джабиева в «Доме просвещения» состоялось организационное собрание в котором участвовало около 40 человек. В этот день было образовано Общество обследования и изучения Азербайджана. Почетными председателями Общества были избраны Самедага Агамалиоглы и А. Н. Самойлович — профессор Ленинградского государственного университета. Было избрано также правление — Совет Общества — в составе 9 человек, распределивших между собой следующие функции: председатель — проф. В. П. Смирнов-Логинов, его заместители — А. Ахвердов и И. Ф. Блинов, ученые секретари: А. Р. Зифельдт и М. Г. Бахарлы, казначей В. В. Смирнов, члены Совета — Г. Джабиев, проф. Д. Н. Головин и В. А. Рюмин. От секций в Совет вошли: проф. Н. Ашмарин, В. Ф. Трофимов, А. В. Багий и от АзЦИКа Т. Шахбази.

Действительными членами Общества стали избранные общим собранием видные государственные и общественные деятели — Р. Ахундов, Г. Султанов, С. М. Ефендиев, Т. Шахбази, Ч. Ильдым, М. Гаджикасумов, Д. Мамедзаде, П. Касумов.

Почетными членами Общества были избраны — председатель СНК республики Г. Мусабеков, нарком земледелия Д. Буният-заде, а также известные ученые: академики В. В. Бартольд (профессор Ленинградского университета), Н. Я. Марр (директор Академии Материальной культуры), С. Ф. Олденбург (Непременный секретарь Академии наук СССР), профессор М. Ф. Кепрюлю-заде (декан филологического факультета Константинопольского университета). Общим собранием был избран действительный член Общества — И. И. Мещанинов (проф. Ленинградского университета).

Членами-учредителями являлись профессора — М. Б. Абрамович, Н. И. Ашмарин, Е. И. Байбаков, А. И. Багий, Г. С. Губайдуллин, И. Г. Есьман, В. П. Смирнов-Логинов, П. К. Жузе, Д. Мамедзаде, Б. Чобанзаде, П. П. Фридолин, И. В. Фигуровский, доценты — А. Везир-заде, И. Датиев, Е. А. Пахомов, В. М. Сысоев, Т. Шахбази, Х. Мелик-Асланов, А. К. Алекперов, И. М. Джафарзаде и др.

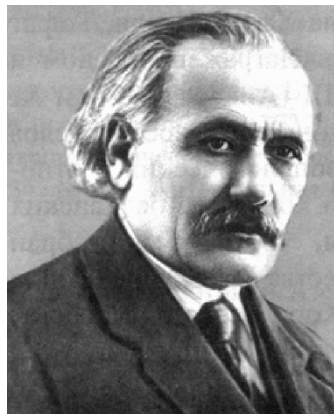
В состав действительных членов Общества были избраны также нарком просвещения республики Мустафа Кулиев, писатели — Абдуррагим Ахмедов, Сулейман Сани Ахундов, Джалил Мамедкулузаде, директор «Азернешра» Ханафи Зейналлы, директор Азгосархива Абдулла Субханвердиханов, редактор журнала «Экономический

вестник Азербайджана» Мамедгасан Бахарлы (Велиев), редактор журнала «Нефтяное хозяйство Азербайджана» И. Ф. Блинов, председатель Республиканского комитета профсоюза работников просвещения Панах Касумов, а также Нейматулла Шахтахтинский, Джамо Джабраил-бейли и др. Председателем президиума центрального совета Общества стал редактор республиканской газеты «Коммунист» Габиб Джабиев.

Работой Общества руководил писатель А. Ахвердов, который с 1924 г. являлся членом-корреспондентом Краеведческого бюро Академии наук СССР. Заместителем председателя президиума был Гамид Султанов, ученым секретарем президиума Общества был назначен А. Р. Зифельдт — член контрольной комиссии ЦК АКП (б).

Общество имело 3 секции: историко — этнографическую, экономическую и естественно — научную. Затем, в 1925 г. прибавилась и четвертая секция — тюркологическая. К 1924 г. функционировало 16 местных

отделений Общества, которое таким образом координировало и направляло всю научно-исследовательскую деятельность в республике, создавая тем самым серьезную научную базу и фактически превращалось в крупный научный центр.

А. А. Ахвердов

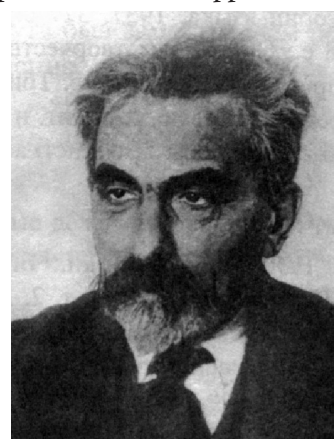
Здание Исмаиллиев, названное «Домом просвещения» было передано «Обществу обследования и изучения Азербайджана» (ныне Президиум Национальной Академии наук Азербайджана)

С 1925 г. издается журнал — «*Известия Общества обследования и изучения Азербайджана*», ставший одним из самых важных научных изданий в республике в те годы.

9 октября 1929 г. постановлением АзЦИКа «Общество обследования и изучения Азербайджана» было реорганизовано в *Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт (Аз.ГНИИ)*. В Институте действовало 7 отделений. Ученые Аз.ГНИИ публиковали свои работы в сборниках, выпускаемых институтом: «Пути изучения Азербайджана» и «Азербайджанский научный фронт». В 1932 г. вышел первый номер журнала «Азербайджанский научный фронт».

Время требовало организации крупного, многоотраслевого научного института. Ещё в 1917 г. в г. Тбилиси был организован Кавказский историко-археологический институт АН СССР, изучающий культуру народов Кавказа. В 1930 г. Институт был переименован в Закавказский историко-археологический институт. Постановлением Президиума АН СССР от 12.09.1931 институт стал Институтом кавказоведения. 25.10.1932 постановлением Совнаркома ЗСФСР Институт кавказоведения

преобразован в Закавказский филиал АН СССР, председателем которого стал Н. Я. Марр.

Н. Я. Марр (1864–1934)

Постановлением АзЦИКа от 29 декабря 1932 г. на базе Аз.ГНИИ и Азербайджанского института по изучению естественно — производительных сил было создано *Азербайджанское отделение Закавказского филиала АН СССР (Аз.ОЗФАН)*.

В постановлении указывалось, что основной задачей Отделения должно стать всестороннее изучение природных богатств и процессов исторического развития Азербайджана. В 2.04.1933 структура АзОЗФАН была утверждена Президиумом АН СССР и Отделение возглавил геолог, академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. В состав АзОЗФАН входило 11 секторов. За короткий период своего существования (1932–1935 гг.) АзОЗФАНом были проведены ценные научные исследования. АзОЗФАН проводил обследование и изучение районов республики, с последующей обработкой добытых материалов лабораторными и иными методами, публиковал результаты исследований и т. д. Его создание явилось важным событием в истории развития науки в республике, способствовало значительному расширению масштабов и перспектив научных исследований. В Отделении естествознания действовали секторы: физики, геологии, зоологии, ботаники, почвоведения и химии. Научно-исследовательские проблемы Секторов геологии и физики, главным образом, касались вопросов поиска нефти в неисследованных ещё отложениях, изучения полезных ископаемых и строительных материалов республики, определения физических констант горных пород, исследования радиоактивности этих пород и вод, климатических и сейсмических условий Апшерона и побережья Каспийского моря.

15 марта 1935 г. Закавказский крайком партии принял решение о реорганизации Закавказского филиала АН СССР и о создании на его основе трех самостоятельных филиалов (Азербайджанский, Грузинский, Армянский). **25 октября 1935 г.** президиум АН СССР подтвердил своё решение о создании филиала Академии наук СССР в Азербайджане — *Азербайджанский филиал АН СССР (АзФАН)*. *Председателем АзФАН* президиум утвердил академика **Ф. Ю. Левинсон-Лессинга**, заместителями председателя стали Рухулла Ахундов и Джафар Кязимов.

Рухулла Ахундов
(1897–1938)

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг
(1861–1939)

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг жил в Ленинграде и в Баку приезжал не часто. Работой филиала по гуманитарным проблемам руководил Рухулла Ахундов, первый по совместительству руководитель Института истории

и археологии и Института языка и литературы, а естественно-научной частью филиала руководил другой заместитель-геолог Джафар Кязимов. Президиум АН СССР утвердил также ученый совет филиала, в состав которого вошли представители АН СССР и местных научно-исследовательских и партийных организаций. В **1937 г.** председателем АзФАН утвержден **И. М. Губкин**, а его заместителем — А. А. Якубов. В **мае 1940 г.** руководителем филиала стал **С. С. Наметкин**.

Джафар Кязимов
(1897–1968)

И. М. Губкин
(1871–1939)

С начала 30-х годов наука в Азербайджане приобретает новый статус – академической науки.

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) завершилась победой советского народа над немецким фашизмом. Азербайджанский народ, как на фронте так и в тылу, сделал свой немалый вклад на пути к победе. На заводах Баку ремонтировалась военная техника (автоматы, бомбы, истребители ...) и возвращалась на фронт. В Баку действовало 41 военных госпиталей. Наше черное золото было великой силой для победы. 90 % керосина, 75 млн. тонн нефти пошло на фронт из Баку.

При активном содействии академика В. Л. Комарова 23 января 1945 г. Советским правительством было принято решение о преобразовании Азербайджанского Филиала Академии Наук СССР (АзФАН) в Академию наук Азербайджанской ССР (АНАзССР). **27 марта 1945 г.** Совет Народных Комиссаров Азерб.ССР вынес постановление «**Об организации Академии наук Азербайджанской ССР**». В соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 27 марта 1945 г. и решением ЦК КП (б) Азербайджана в нем было записано:

«1. Учредить Академию наук Азербайджанской ССР на базе существующего АзФАН и других научных учреждений.

2. Утвердить устав и структуру Академии наук — общее собрание Академии наук.

3. Установить постоянное место пребывания президиума Академии наук Азербайджана в г. Баку».

16 апреля 1945 г. **первым президентом АН АзССР** был избран **проф. док. мед. наук Мир-Касимов Мир Асадулла Мир Алекпер оглу** (с 1945 по 1947 гг.).

Академия Наук Азербайджанской ССР, сегодня – Национальная Академия Наук Азербайджана

М. А. Мир-Касимов

31 марта 1945 г. состоялось первое Общее собрание действительных членов АНАЗССР. На собрании присутствовали представители Президиума АН СССР.

25 октября 1945 г. состоялась первая торжественная Сессия АНАЗССР.

На заре возникновения воздушно-реактивной авиации азербайджанскими учеными, совместно с нефтепереработчиками, впервые в Советском Союзе было создано реактивное топливо марки Т-1, обладающее высокими эксплуатационными свойствами. В результате исследований, проведенных в 1946 г., был предложен новый вид топлива для воздушно-реактивных двигателей (топливо Т-1) из нефтей Азербайджана.

В космическом корабле «Восток», на котором поднялся в космос первый землянин Ю. Гагарин, использовался реактивный двигатель с топливом Т-1 азербайджанских нефтей.

Список литературы:

1. Абдуллаев Г. Б. Наука Советского Азербайджана. // Вопросы философии. АН СССР, – 1980, – N 5, – С. 46–56.
2. Азербайджанский Политехнический Институт. 40 лет. – Баку, 1957, – С. 3.
3. Азербайджанский педагогический Институт. – 1981, – 100 с.
4. Алиев Г. А. Советский Азербайджан – национальная политика КПСС в действии. // Вопросы философии. – 1980, – N 5, – С. 3–21.
5. Академия наук Азербайджанской ССР. // Под ред. Абдуллаева Г. Б. – Баку: Элм, 1976, – 192 с.
6. Академия наук Азербайджанской ССР 30 лет. // Под ред. Абдуллаева Г. Б. – Баку: Элм, 1975, – 283 с.
7. Алескеров М. и др. Бакинский Государственный Университет им. Кирова, 1919–1994. – Баку, 1995, – 200 с.
8. Бернал Д. Д. Наука в истории общества. – М., 1956, – 170 с.
9. Вейсов А. Б. Развитие физики в Советском Азербайджане. 1920–1960 гг. Автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук, – 1966. – 38 с.
10. Мамедалиев Ю. Г. 30-летию Октябрьской революции и расцвет науки и культуры в Азербайджане. // Известия АН Азерб. ССР, – 1947, – № 10, – С. 3–18.
11. Наука в Аз. ССР за 15 лет. АН СССР Азербайджанский филиал. // Труды АзОЗФАН, – N 30. – Баку, – 1936, С. 5–15.
12. Расцвет науки Советского Азербайджана. – Баку: Элм., 1980, – 250 с.

Soltanova Nazilya Baguir,
 Candidate of Historical Sciences,
 Associate Professor of the Institute of Physics of NASA,
 Institute of Physics G. M. Abdullaev, National Academy of Sciences
 E-mail: muzeyfizika@yahoo.com

Azerbaijani Scientists the writings of the Middle Ages

Abstract: Using researches of academician Z. Bunyadov was obtained interesting stuff about scientists of Azerbaijan of medieval period. We have tried to identify the names of scientists, whose activities were in the sciences, medicine and philosophy.

Keywords: mathematics, astronomy, philosophy.

Солтанова Назилия Багировна,
 Кандидат исторических наук,
 Доцент Института физики НАНА
 Институт физики им. Г. М. Абдуллаева
 Национальной Академии Наук Азербайджана
 E-mail: muzeyfizika@yahoo.com

Ученые Азербайджана в сочинениях Средневековья

Аннотация: Пользуясь исследованиями академика З. М. Буниятова, был получен интересный материал об ученых Азербайджана средневекового периода. Мы постарались выделить имена учёных, деятельность которых касалась точных наук, медицины и философии.

Ключевые слова: математика, астрономия, философия.

Средневековый период развития науки на Востоке был достаточно плодотворным. Ученые Азербайджана сыграли свою роль в этом развитии. Учёные того времени были многогранными, имели красивый почерк. Большая их часть были литераторами, поэтами, кадыями – законоведами. Ученые–энциклопедисты были врачами, астрономами, математиками и одновременно правоведами. Философия и логика были ведущими предметами средневековой науки. В трудах, оставленных нам со средневековых времен, мы постарались выделить имена учёных, деятельность которых была в области точных наук, медицины и философии. Пользуясь исследованиями академика З. М. Буниятова мы получили интересный материал об ученых Азербайджана того времени.

В статье отмечены пять сочинений Средневековья, где отмечены ученые Азербайджана, которые были философами, врачами, астрономами, математиками. Ученые того времени будучи врачами, астрономами, математиками, естественно, были и философами. Поэтому, в информациях о них часто одновременно пишется врач и философ или астроном и философ и т. п.

Камал ад-Дин Абу-л-Фадл Абд ар-Раззак ибн Ахмад ибн Мухаммад (Ибн ал-Фувати ал-Багдади). Он является автором огромного числа сочинений, среди которых 50-томное — «Маджма` ал-Адаб ал-мраттиб `ала` му` джам ал-асма` фи му` джам ал-алкаб» («Собрание сведений, составленных в алфавитном порядке имен в Словаре титулов»). Но до нас дошёл лишь сокращённый вариант этой работы – Ибн ал-Фувати создал также почерк

«сульс» и разновидность почерка «та`лик». Ал-Фувати был хранителем Марагинской библиотеки. Он умер в возрасте 81 года, в 1326 году.

Из сочинения «Талхис маджма` ал-адаб фи му` джам ал-алкаб» («Сокращенный сборник сведений в Словаре титулов») Ал-Фувати получена следующая информация:

Фахр ад-Дин Абу-л-Макарим Ахмад ибн ал-кадый Маджад ад-Дин Абдаллах ибн Имам ад-Дин Умар ибн Мухаммад ибн ал-Ху-сайн аш-Шариф ал-Хусайни ат-Табризи, финансовый инспектор и секретарь (хасиб, катиб) [1, 85].

Фахр ад-Дин Ахмад ибн Усман ал-Мараги ал-Амин, архитектор обсерватории в Мараге. Мавлана Насир ад-Дин Мухаммад ат-Туси доверял ему во всем, что приобретал и реализовал [1, 91].

Фахр ад-Дин Ахмад ибн Ариб-шах ибн Али ибн Джабра`ил ан-Нахичевани Абу Абдаллах, видный врач [1, 95].

Фахр ад-Дин Абу-л-Касим Ахмад ибн Мухаммад ибн Мухаммад ибн ал-Хасан ат-Туси Мухтаддан ал-Мараги, мунаджжим (астроном) по рождению, судья, мутавалли вакфов. Младший брат мавлана Насир ад-Дина ат-Туси. Служил Аргуну, сыну султана Абага. Убит в Сивасе 21 зуль-хиджжа 700 года (27. VIII 1301). Останки перевезены в Марагу и захоронены рядом с братом [1, 102].

**Фахр ад-Дин Абу Бакр Ахмад ибн Мика`ил ибн Абдаллах ал-Конийави,** врач, житель Табриза. Он занимался медициной у Баха` ад-Дина Абд ас-Сайида

ибн Исхака ибн Йайха ал-Исра'или, известного как Ибн ал-Мухаззиб ал-Йахуди («Еврей – воспитатель») который был глазным врачом и умер в 715 году. Его устаз (профессор) Ибн ал-Мухаззиб принял ислам от врача Бадр ад-Дина Хасана ибн Худа. Он родился в Коние в 663 году (24. X 1264 – 12. X 1265), затем переехал в Египет, где занимался врачеванием, а потом переехал в Дамаск, где практиковал у Ибн ал-Мухаззиба [1, 108].

Фахр ад-Дин Абу-л-Фадл Абд ал-Азиз ибн Абд ал-Джаббар ибн Умар ал-Хилати, врач. Был одним из пятых врачей-мудрецов, которые служили при Марагинской обсерватории в дни правления величайшего султана Хулагу в 657 году (29. XII 1258 – 17. XII 1259). Старшим среди этих пятых был Насир ад-Дин ат-Туси, далее Фахр ад-Дин ал-Хилати, Фахр ад-Дин ал-Мараги, Му'аййид ад-Дин ал-Уради и Наджм ад-Дин ал-Казвини. Это те самые, которых выбрал мавлана Насир ад-Дин ат-Туси, и султан выделял средства по их требованию. Фахр ад-Дин был искусным по врачебной науке. Родился он в 587 году (29. I 1197 – 17. I 1198) и умер в Магзаге в шаввале 680 года (13. I – 10. II 1282) [1, 215–216].

Изз ад-Дин Абу Мухаммад Абд ал-Ваххаб ибн Ибрахим ибн Мухаммад ал-хариджи, житель Табриза. Он был достойным ученым, знатоком логики, передатчиком мудрым и знающим. Когда в Тебриз прибыл мавлана Насир ад-Дин Туси, он попросил Абд ал-Ваххаб сочинить для него что-либо по астрономии. И он сочинил для него «ат-Тазкиру». Умер он в 660 году (26. XI 1261 – 14. XI 1262) [1, 274–276].

Фахр ад-Дин Абу-л-Лайс Мухаммад ибн Абд ал-Малик ибн Абу-л-Харис ибн Сумайм ал-Мараги ал-мухандис ар-расади (инженер обсерватории). Один из четырех руководителей обсерватории, о которых мавлана Насир ад-Дин ат-Туси упоминал в присутствии султана Хулагу и которые должны были строить обсерваторию. Это — Фахр ад-Дин ал-Мараги, Фахр ад-Дин ал-Хилати, Му'аййид ад-Дин ал-Уради и Наджм ад-Дин ал-Казвини. Он был сведущим человеком в астрономии, геометрии и законах. Он написал много книг по математике. Он лично руководил строительством качающейся башни, которую сделали для султана, и которая состояла из трёх линий (вращающийся квадрант). Он родился в 583 году (13. III 1187 – 1. III 1188) и умер в сафаре 667 года (10. X – 7. XI 1268) [1, 339].

Изз ад-Дин Абу Абу-л-Фадл Мухаммад ибн Йахйа, переселился в Табриз из Саве, астроном. Умер он в Тебризе в 694 году (21. XI 1294 – 9. XI 1295) и похоронен в Джарандабе [1, 344].

Фарид ад-Дин Абу-л-Хасан Али ибн Хайдар ибн Али ат-Туси, ар-Расади, ал-хаким. Прибыл в Марагу в 657 году (29. XII 1258 – 17. XII 1259) к мавлана Насир ад-Дину ат-Туси и находился на его службе до тех пор, пока не было заложено здание обсерватории. Его сын служил при сыне мавлана – Асил ад-Дине ал-Хасане – в 708 году (21. VI 1308 – 10. VI 1309). Он умер в 699 году (28. IX 1299 – 15. IX 1300) [1, 464–465].

Кутб ад-Дин Абу-с-Сана' Махмуд ибн Мас'уд ибн ал-Муслих аш-Ширази, по происхождению ал-Казирани, ученый инженер, кадый кадыев в Румском султанате, житель Табриза. Он прибыл в Марагу к Насир ад-Дину ат-Туси в 658 году (18. XII 1259 – 5. XII 1260) и занимался у мавлана математическими науками, логикой он занимался у Наджм ад-Дина ал-Казвини, астрономией и разнообразиями геометрии у Му'аййид ад-Дина ал-Уради. Все лекции он записывал. Получил должность кадыя в Румском султанате и некоторое время находился в Сивасе. Затем прибыл в Азербайджан и поселился в Табризе. Он родился в 630 году (18. X 1232 – 6. X 1233). Умер он в рамадане 710 года (22. I – 20. II 1311) и похоронен в Джарандабе.

Камал ад-Дин Абу-л-Фалл Мухаммад ибн Абу-л-Фада' ил ан-Нахчывани, врач, суфий. Он был весьма образованным человеком, обладающим познаниями в диагностике, профилактике и лечении. Он прибыл в Ахар на службу к мавлане Кутб ад-Дину ал-Ахари. Здесь он носил суфийскую хирку и жил в завие мавланы.

Му'аййин ад-Дин Абу-л-Фадл Бахтийар ибн Муханна ибн Абд арх-Рахман аш-Ширвани, философ. Был весьма приятным шейхом и литератором. Он прибыл к нам в Марагу в 662 году (1264) в присутствии мавлана ас-саи'да Насир ад-Дина Аби Джафара ат-Туси. Затем он отправился на его службу в войсковой лагерь великого султана Хулагу, который раскинулся на берегу реки Джагату, в окрестностях Мараги. Он умер в Табризе в месяце раби' I 665 года (декабрь 1266).

Муваффах ад-Даулла Исма'ил ибн Аби Мансур ал-Исра' или ал-Абхари, врач. Философ. Из рода известных философов и врачей.

Гийас ад-Дин Абу Наср Мухаммад ибн Абдаллах ибн Аббас аш-Ширвани, кадый, философ.

Айн ад-Кудат Абу-л-Ма' али Абдаллах ибн Мухаммад ибн Али ал-Аллама ал-Майанаджи; суфий, факих, философ [1, 1130–1132]. Имам Абу-л-Хасан ал-Байхаки в «Добавлении к «Тарих ал-Хукама'» [1, 123] говорит: «Он был одним из учеников Садр ал-маша'иха Мухаммада ибн Хаммавейха и имама Абу-л-Футуха Ахмада ибн Мухаммада ал-Газали. Он родился в 490 году (19. XII 1096 – 8. XII 1097). Он был факихом, имевшим склонность к суфиям. О был распят в Хамадане 7 Джумада II 525 года (7. V 1130)».

Салах ад-Дин ибн Халил ибн Айбек ас-Сафади (1296–1363) — ученый биограф, писатель — полигистор, автор сочинения Китаб ал-вафи вил-вафайат («Подробный [реестр] кончин») [2].

Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ибн Салах аш-Ширвани, суфий, шейх ханаки «аш-Шихабийя». Он был знатоком звезд, астрологии и юриспруденции. читал лекции по философии. Шейх имам Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Ибрахим, известный по имени Ибн ал-Акфани (он умер от чумы в 1348 г.) говорил мне (т. е. ас-Сафади): «Шейх Шамс ад-Дин ас-Суфи занимался со мной изучением Ишарат Абу Али ибн Сины в ханаке Са'ида ас-Су'ада' в Каире в конце 698 или начале 699 года (1298–99). Он говорил мне:

«Я изучал «Комментарии к Комментариям Ишарат» у Хваджи Насир ад-Дина ат-Туси, который изучал сами «Комментарии» у шейха Кутб ад-Дина Ибрахима ал-Мисри, который изучал их у великого имама Фахр ад-Дина ар-Рази, который изучал их у шейха Шараф ад-Дина Мухаммада ал-Мас'уди, который изучал их у шейха Абу-л-Фатха Мухаммада, известного как Ибн ал-Хайсам который изучал их у ученика самого Ибн Сины Бахманийара, который изучал их у самого автора — Ибн Сины». Шамс ад-Дин аш-Ширвани умер в 699 году (28. IX 1299–15. IX 1300) [2, 142–113].

Шараф ад-Дин Мухаммад ибн Абу Бакр Абу Абдаллах ал-Ардабили, суфий, благочестивый шейх. Он был весьма набожным улемом и обладал огромной памятью. Он всегда был нужен людям, которые учились у него мудрости. Он преподавал в медресе «ас-Сумайсатийя», где у него была уединенная келья, в которой он постигал учение суфиев. Умер он 4-мухаррама 675 года (18. VI 1276) и был похоронен рядом со своим учителем — шейхом Бурхан ад-Дином ал-Маусили, известным как Ибн ал-Хуванийя, близ могилы Сухайба ал-Руми. Ему было около семидесяти лет [2, 264].

Тадж ал-Дин Мухаммад ибн Хасан ал-Урмани, шафиит, мударрис в медресе «аш-Шарафийя» в Багдаде. Он был сподвижником имама Фахр ад-Дина ар-Рази. Он пользовался большим влиянием и уважением среди многих ученых мужей. Умер он в 653 или 655 году (1255 или 1257) в возрасте приблизительно 80 лет. Он автор Китаб ат-тахаййул [2, 353].

Тадж ад-Дин Абу Наср Абд ал-Ваххаб ас-Субки (1327–1370), богослов и юрист, автор сочинения Табакаат аш-шифийя ал-кубра («Классы знаменитых шафиитов») [3].

Мухаммад ибн Хабитуллах ибн Абдаллах шейх Садид ад-Дин ас-Салмаси. Был философом. Преподавал в медресе «ан-Низамийя» в Багдаде, умер в ша'бана 564 года (май 1169) [3, 23].

Тадж ад-Дин шейх Али ибн Абдаллах ибн Абу-л-Хасан ибн АбуБакр ал-Ардабили ат-Табризи. Переселился в Каир. В своей стране прославился как знаток большинства наук — рационализма, фикха, грамматики, математики и права. Учился у Кутб ад-Дина аш-Ширази, Ала' ад-Диня ан-Ну'мана ал-Хорезми и др. Он был великим и известным ученым, имел множество учеников и был уважаем среди суфийских шейхов. У него есть также труды по толкованию хадисов, по праву и математике. Он считал важным обучать своих учеников каждой науке. Умер он в Каире в рамадане 746 года (1345) [3, Т. X. с. 137–138].

Абдаллах ибн Йусуф ибн Абд ал-Кадир Абу-л-Музаффар, родом из Азербайджана. Учился он в Багдаде у Муджир ад-Дина ал-Багдади. Преподавал в медресе «ан-Низамийя» [3, 142].

Ганим ибн ал-Хусайн Абу-л-Гана'им ал-Мушили, из рода сирийца Мушила. Врач, христианин, родом из Урмии, города в Азербайджане Умер в Урмии в 525 году (1131) [3, 256].

Шейх Нур ад-Дин Фарадж ибн Мухаммад ибн Абу-л-Фарадж ал-Ардабили. Он имел много учеников. Он является автором комментариев к ал-Мин хадж ал-Байдави по фикху и комментариев к ал-Минхадж ан-Нури. Он знал произведения почти всех выдающихся ученых и изучал их. Был большим авторитетом в медицине. Шейх Нур ад-Дин умер в медресе «ал-Джарухийя» 13 джумада второго 749 года (8 сентября 1348) и был похоронен в Дамаске на кладбище «Баб ас-Сагир» [3, 380–381].

Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Абд ар-Рахман ас-Сахави (1427–1497), египетский историк, автор сочинения ад-Да'ал-лами' ли-ахл ал-карн ат-таси' («Свет, сверкающий на людей девятого века [хиджри]») [4].

Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Ибрахим иш-Ширвани аш-Шафи'и. Врач – уstad, один из редкостных умов своего времени. Я (т. е. ас-Суйути) учился у него искусству врача. Родился он в 780 году (1378), а умер в сафаре 873 года (21. VIII – 18. IX 1468) [4, 135].

Тадж ад-Дин Абу л-Хасан Али ибн Абдаллах ат-Табризи. Переехал в Каир. Был ученым-энциклопедистом и имел много трудов. Он умер в Каире в 746 году (1345) [4, 261].

Мудухаммад ибн Мухаммад ат-Табризи. Переехал из Азербайджана в Каир. Прославился знанием логики. У него в Каире было много учеников. Умер он в зу-л-хидже 776 года (май 1375) [4, 262].

ал-Бусати ва Ибн Хумам («Радующий и Сын Достойного») Шамс ад-Дин Мухаммад аш-Ширвини. Редкостный ученый своего времени в области рационализма и исследователь. Умер в 847 года (1443) [4, 264].

Шихаб ад-Дин Ахмад ибн ал-Хаджар ал-Аскалани (1371–1448), автор сочинения ад-Дурар ал-Камини фи а'йан ал-ми'а ас-самини («Скрытые жемчужины в биографиях видных людей восьмого века [хиджри]») [5].

Бади' ибн Нафис ат-Табризи, Садр ад-Дин, врач. Прибыл в Каир и был врачом султана Захира Баркука (1382–1399), который продвигал его по службе и назначил вместе с 'Ала' ад-Дином ибн Сагиром главой медицинской службы всего государства.

Состоял на этой службе до самой смерти, случившейся в месяце раби первом 799 г. (декабрь 1396). Бади' ибн Нафис является дядей Фатхаллаха ибн Муста'сима ибн Нафиса [5, 4–5].

Мухаммад ибн Мухаммад ибн Абу Бакр ибн Абд ар-Рахман ал-Гянджи: родился в 675 г. (1276). Был видным врачом, но как врач практиковал очень мало. Был очень скромным человеком и довольствовался очень малым. Умер в зу-л-када 731 г. (август 1331) [5, 11].

Мухаммад ибн Абу Мухаммад ат-Табризи, врач. Практиковал в своем городе Табризе. Затем переехал в Дамаск, где служил врачом в лечебнице «ал-Мансури». После этого преподавал в медресе при мечети «ал-Мардини». Умер в зу-л-хидже 776 г. (май 1375) [5, 17–18].

Мухаммад ибн Данийал ибн Йусуф ал-Мараги ал-Мавсили, Шамс ад-Дин, глазной врач (ал-каххал).

Благородный человек, адиб, достигший высот стихосложения. Автор урджузы под названием 'Укуд ан-низам фи ман валла Миср мин ал-хуккам' («Упорядоченный свод тех, кто правил Египтом»), в которой множество рассказов и преданий. Умер 12 джумада второго 710 г. (15 октября 1311) [5, 54].

Али ибн Абдаллах ибн Абу-л-Хасан ибн Абу Бакр ал-Ардабили, Тадж ад-Дин Абу-л-Хасан ат-Табризи аш-Шафи'и; родился в 667 г. (1268). После исправил дату своего рождения на 677 год (1278). Грамматике и фикху учился у Руки ад-Дина ал-Хадиси, риторике у Низам ад-Дина ат-Туси, медицине и логике у Бурхан ад-Дина Абдаллаха, комментариям к ал-Хаджибийя у самого автора Руки ад-Дина ас-Сайида, законоведению у Ала' ад-Дина ан-Ну'мана ал-Хорезми, математике и механике у философа эпохи файласуф ал-вакту Джамал ад-Дина Хасана аш-Ширази, лаконичности в фикхе у шейха Сирадж ад-Дина ал-Ардабили, наследственному праву и дифференциальным уравнениям у Салах ад-Дина ас-Сафади, суние у Фахр ад-Дина Джараллаха ал-Джандари. Все эти науки изучал до 30 летнего возраста. После 716 г. (1316) выехал в Багдад, где продолжал совершенствоваться в науке. В 722 г. (1322) уехал в Египет, где вскоре стал признанным авторитетом в различных науках. У него было множество учеников. Умер в Каире 17 рамадана 746 г. (11 января 1346) [5, 143–144].

Нафис ибн Давуд ибн 'Анан ад-Дарди ат-Табризи. В 654 г. (1656) переехал в Каир, где учился врачеванию у евреев, которые были довольны своим учеником. Об этом узнал наместник султана эмир Кубилай и Нафис вскоре вылечил его от ревматизма. Эмир подарил ему мула, но тот отказался от подарка. Он достиг совершенства в искусстве врача и в знании лекарств. Затем принял ислам и получил наделы икта'. После него ислам приняли многие его последователи и ученики [3, 169].

Умар ибн Ийяс ибн Йунис ал-Мараги. Абу-ал-Касим ас-Суфи Камал ад-Дин; родился в Азербайджане в 643 г. (1245). В 729 г. (1328) переехал в Дамаск. Ему в это время было более 80 лет. До этого 30 лет жил в Иерусалиме и 15 лет в Каире. Был учеником Насир ад-Дина ат-Туси. [5, 232].

Йусуф ибн Абдаллах ал-Ардабили, автор двухтомного сочинения Китаб ал-анвар фи-л-фикх. В 779 г. (1377) жил еще в Ардабиле и был шейхом Востока своей эпохи. Обладал большим авторитетом и имел большой вес в науке. Прожил 70 лет. Он — дед шейха Джалал ад-Дина Убайдаллаха сына шейха Тадж ад-Дина 'Ауда ибн Мухаммада ал-Ардабили, урожденного аш-Ширвани. Умер в 799 г. (1396) [5, 259].

Асил ибн аш-шейх Насир ад-Дин Мухаммад ибн Мухаммад ат-Туси; имел большой авторитет у монголов. Управлял вакфами государства и обсерваторией в Марате. Умер в сафаре 715 г. (7. V – 4. VI 1315) [5, 417].

Список литературы:

1. Бунятов З. М. Выдающиеся личности Азербайджана в сочинении Ибн ал-Фувати «Талхис Маджма' ал-Адаб фи Му' джам ал-Алкаб». Известия АНАЗССР, – 1970. – № 3–4. Серия истории, философии и права, – С. 157–173.
2. Салах ад-Дин ибн Халил ибн Айбек ас-Сафади Китаб ал-вафи вил вафайат («Подробный [реестр] кончин»), ч. II. – Стамбул, 1949, – 360 с.
3. Тадж ад-Дин Абу Наср Абд ал-Ваххаб ас-Субки Табакат аш-шифийя ал-кубра («Классы знаменитых шафиитов»), – Халеб, 1958, – 385 с.
4. Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Абд ар-Рахман ас-Сахави ад-Да' ал-лами' ли-ахл ал-карн ат-таси' («Свет, сверкающий на людей девятого века [хиджри]»), – Каир, 1966, – 265 с.
5. Шихаб ад-Дин Ахмад ибн ал-Хаджар ал-Аскалани ад-Дурар ал-Камина фи а'йан ал-ми'а ас-самина («Скрытые жемчужины в биографиях видных людей восьмого века [хиджри]»), – Каир, 1966, – 420 с.

*Starostenkov Nikolaj Vasilievich,
Russian state social university,
Doctor of historical science, Professor,
Head of Department of history of the Fatherland
E-mail: nstarostenkov@yandex.ru*

The legacy of the Fathers of the Church and its role in the formation of spiritual values of youth

Abstract: The article reveals the role of the Fathers of the Church and modern values in the system of spiritually-moral education of youth, indicated the specificity of interaction of the Russian Orthodox Church, the scientific and pedagogical community and youth organizations.

Keywords: History, the Russian Orthodox Church, The legacy of the Fathers of the Church, spiritually-moral education, state youth politics, youth organizations.

*Старостенков Николай Васильевич,
Российский государственный социальный университет,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории Отечества
E-mail: nstarostenkov@yandex.ru*

Наследие Отцов Церкви и его роль в формировании духовных ценностей молодежи

Аннотация: В статье раскрывается роль исторического наследия Отцов Церкви и современного значения в системе духовно-нравственного воспитания молодежи, обозначена специфика организации взаимодействия Русской Православной Церкви, научно-педагогического сообщества и молодежных движений.

Ключевые слова: история, Русская Православная Церковь, наследие Отцов Церкви, духовно-нравственное воспитание, государственная молодежная политика, молодежные движения.

Очевидный в последние годы рост интереса российского общества к православным традициям и ценностям сделал очевидным для нас утверждение, что изучение и современное прочтение наследия средневековых христианских теологов, признанных «Отцами Церкви» перешагнуло внутрицерковные рамки и превратилось в научно-общественную задачу глобального значения.

Все больший и больший интерес эта проблема вызывает у международного философского и теологического сообщества. Более того, уже шестая по счету встреча ученых европейских стран, изучающих средневековых христианских писателей, наследие Отцов Церкви, которая состоялась в венгерском городе Эстергом, способствовала выработке более четкого взгляда на формирование средневекового и современного христианского мировоззрения [1].

Не случайно известный богослов митрополит Диоклийский Каллист отмечал: «Православный христианин ... должен рассматривать отцов не только как наследие прошлого, но как живых свидетелей и современников» [2].

Действительно, духовное наследие Отцов Церкви может и должно сыграть важнейшую роль в формировании системы духовных ценностей молодежи в условиях современной России.

В этой связи для нас сегодня особое значение приобретает идея необходимости тесной, живой связи между Церковью и миром. «Именно так, — по мнению митрополита Иллариона, — смотрел на вещи Григорий Богослов, в котором безусловная преданность православной вере и личная святость сочетались с открытостью ко всему лучшему, что накоплено человечеством вне христианства».

В наши дни прочность и живость этой связи во многом зависит от того, в какой мере налажено сотрудничество между Церковью и научно-педагогическим сообществом, насколько полно в его ходе учитываются достижения современной науки.

Для нас исключительное значение приобретает совместная деятельность по реализации принципа общей ответственности Православной Церкви и научно-

педагогического сообщества за воспитание молодых граждан нашей страны.

В такой деятельности трудно переоценить значение богословского наследия Отцов Церкви, которое является не только «ключом к культуре в Средневековья», но и даже нового и новейшего времени. Именно Православие на протяжении столетий являлось, по сути, стержнем русской культуры. Поэтому духовность, высокая нравственность, которую несет наследие Отцов Церкви, как никогда необходимы нашему обществу и, прежде всего, нашей молодежи.

Вовлечение студенчества в участие в социально-значимых мероприятиях, встречи со священнослужителями; деятельность в рамках ежегодных пасхальных акций; участие в издательско-просветительских проектах, направленных на пропаганду христианских ценностей, наследия Отцов способны создать исключительно благоприятные условия для распространения в молодежной среде этических, культурных и воспитательных ценностей русской православной культуры, для формирования у молодых граждан России стиля поведения и образа жизни, соответствующих этим идеалам и ценностям.

Важным направлением совместной деятельности научно-педагогического сообщества и Русской Православной Церкви может стать изучение вызовов нашему государству, обществу, РПЦ, нашим культурным ценностям, порожденных всемирным кризисом, процессами глобализации, переходом к информационному обществу и совместный поиск адекватных ответов на них.

Если раньше считалось, что формирование информационного общества ведет к лишь серьезным изменениям в массовом сознании в виде его унификации, то теперь понимаем, что эти процессы встречают резкое отторжение со стороны части молодежи. Своевременно не получая необходимой духовной поддержки, часть представителей православной молодежи начинает искать ее в других формах и, зачастую, находит, но в тех структурах, организациях и псевдообъединениях, которые отнюдь не заинтересованы в духовном развитии молодежи, а наоборот, нацелены на ее использование в корыстных целях.

Это проявляется в возникновении разнообразных форм религиозно-гражданской жизни, среди которых особую опасность представляют так называемые тоталитарные секты.

Изучать условия возникновения различных форм религиозно-гражданской жизни, вырабатывать социально-приемлемые формы работы с ними — еще одно направление совместной работы научно-педагогического сообщества и Русской Православной Церкви. Без этого нельзя преодолеть крайне тревожную для Православия тенденцию увеличения опережающими темпами роста численности других конфессий (а зачастую и сект) за счет прозелитистской деятельности на территориях традиционного расселения православных христиан.

Более того, организаторами целого ряда громких террористических актов были молодые люди, отказавшиеся от своей веры и попавшие по влиянию идей ваххабизма. Нас не может не тревожить и то обстоятельство, что от 3 до 8 % боевиков-террористов — неопиты, люди — отказавшиеся от своей религии и принявшие ислам. Среди них — значительное число — бывшие православные христиане.

Таким образом, результатом происходящих в российском обществе социальных процессов является совокупность вызовов всей системе традиционных, свойственных нашему обществу культурных ценностей. Наиболее дальновидные теологи и священнослужители не случайно подчеркивают, что: «... изучение Отцов дает нам возможность понять традицию, к которой мы принадлежим, воспринять ту самую «веру отеческую», которую сохранили для нас духовные писатели Восточной Церкви, войти в обладание сокровищницей православного Предания» [2].

Изучение происходящих процессов, выработка конкретных рекомендаций по преодолению их негативных последствий, разработка системы ценностных ориентаций, построенных на заветах Отцов Церкви, которая бы позволила людям успешно и достойно существовать в новых условиях — вот еще одна точка приложения усилий православных молодежных движений, научно-педагогического сообщества и священнослужителей РПЦ.

Но добиться успеха на этом направлении деятельности можно лишь при учете социально-психологических особенностей, присущих молодежи, среди которых одной из важнейших является «беспокойство духа», поиск идеала.

В поисках своего жизненного пути молодые люди обращаются к деятельности Русской Православной Церкви, в ожидании ответа на те непростые вопросы, которые ставит перед ними сложная, изобилующая на неблагоприятные сюрпризы окружающая действительность.

Следует всемерно поддерживать, вытекающее из социально-психологических особенностей молодежи ее стремление к самоорганизации.

Если дать возможность раскрыться способностям молодежи, направить ее энергию в нужное русло, то можно получить весьма значимый результат.

Сегодня одним из направлений работы в этой области стало создание в системе взаимодействия студенческой молодежи и научно-педагогического сообщества движения православной молодежи, получившее название «Василиевцы».

Безусловно, важным вопросом, от которого во многом зависит успех деятельности этих замечательных молодых людей, является их духовное окормление, их духовное руководство со стороны опытных наставников, в том числе, и для изучения под их руководством наследия Отцов Церкви.

Разнообразные формы работы с молодежью, знание наследия Отцов Церкви помогли бы молодому человеку среди лавины современных мировоззренческих течений не сбиться с правильного пути, не увлечься «учениями чуждыми» (Евр. 13:9) [2]. Они, несомненно, способствовали бы укреплению нашего общества, помогали бы молодым людям найти себя, найти свое место в жизни, найти те цели и задачи, участие в решении которых приведет их к духовному обогащению, приобщает к деятельности, поистине великой — служению своему Отечеству.

Это важное направление, на котором совместные действия РПЦ, научно-педагогического сообщества и Василиевцев могли бы не только принести большую пользу, но и дать общественно значимый результат: выработать и освоить возможные форматы позитивного присутствия религиозных организаций в жизни университетского сообщества, их участия в учебно-воспитательном процессе.

Однако процесс этот очень сложен. Он требует времени и даже определенной перестройки мировоззрения, которое у многих преподавателей сформировалось еще в советский период нашей истории.

Более того, успешное развитие этого процесса во многом зависит от того, сможем ли мы решить некоторые вопросы, которые существуют во взаимоотношениях ВУЗа и религиозных организаций, и которые, если их замалчивать, могут превратиться в серьезные проблемы.

Одна из них — противоречие между естественно-научной и религиозной картиной мира.

Для нас это противоречие должно стать объектом глубокого изучения философами, историками, теологами и другими специалистами гуманитарного и естественно-научного профиля.

Замалчивание существующего противоречия, игнорирование его, даже в интересах сохранения кажущегося единства, исключительно опасная тактика, хотя и сулящая некоторые выгоды в ближайшей перспективе, но неминуемо ведущая нас к стратегическому поражению, ибо дает нашим противникам в борьбе с нами огромное преимущество.

В этом нам предстоит на деле опереться на широту взглядов и интересов, которая «характеризует многих великих Отцов Церкви, но ее очень не хватает некоторым сегодняшним православным христианам, которые уверены

в несовместимости православия с ученостью, творчеством, искусством, которые выступают против открытого и творческого отношения к жизни» [2].

Совместная работа над этой проблемой станет гарантией, важным условием дальнейшего объединения наших усилий на пути решения задач, стоящих перед российским обществом сегодня.

Важным принципом совместной работы научно-педагогического сообщества, Русской Православной церкви и движений православной молодежи должно стать внимательное отношение ко всем предложениям, ко всем пожеланиям, которые высказываются заинтересованными в укреплении единства нашего общества лицами.

Отказываться от разнообразных инициатив не следует хотя бы потому, что они, как правило исходят от людей, искренне готовых не жалея себя работать в интересах нашего общего дела. Именно в подвижнической деятельности такого рода и могут сформироваться носители подлинного морально-нравственного авторитета, те личности, по которым так истосковалась душа русского человека.

Весьма непростой, но не менее значимой является проблема создания эффективной системы межконфессионального диалога и сотрудничества. Важным аспектом в решении данного вопроса может стать грамотная организация процесса информационно-коммуникационного взаимодействия государства и общества [3].

Среди студентов и преподавателей есть представители разных конфессий. Поэтому ускоренная теоретическая разработка этой проблемы с целью поиска таких форм организации совместной деятельности, которые бы не разъединяли людей по признаку принадлежности к той или иной конфессии, а объединяли бы их в единую, дружную, эффективно действующую семью — должна стать одной из приоритетных задач. Роль наследия Отцов Церкви в этом, трудно переоценить.

И, наконец, еще одним важным направлением деятельности научно-педагогического сообщества, Русской Православной Церкви и молодежных православных движений должна стать совместная научно-исследовательская работа по изучению нашего общества, совместный поиск наиболее эффективных форм и методов работы в современных условиях.

В связи с этим одним из важнейших направлений исследований должно стать изучение роли Русской Православной Церкви жизни современного общества [4].

К сожалению, в силу воздействия целого ряда факторов, уже в недалеком будущем нам следует ожидать существенного снижения роли религиозного фактора в жизни общества. Более того, исследователи уже фиксируют наличие секулярных, антиконфессиональных тенденций в политике [5].

Особым предметом изучения должно стать несоответствие скорости демократических преобразований в российском обществе и церковной жизни. Многие молодые граждане нашей страны, в сознании которых укоренились демократические ценности, весьма настороженно относятся к статике церковной жизни, более того, дистанцируются от церкви.

Однако без определенного движения Церкви навстречу мирянам возрождение и укрепление православных традиций в Российской Федерации, в государстве в котором большинство населения на самом деле уважало бы христианские ценности, невозможно.

Таким образом, важнейшей задачей сегодня была и остается необходимость сохранения и преумножения всего положительного, что уже удалось создать совместными усилиями Русской Православной Церкви, научно-педагогического сообщества и православных молодежных движений.

Однако решить ее без обеспечения практической актуализации потенциала такой безусловной ценности, как наследие Отцов Церкви, вряд ли удастся.

Список литературы:

1. Муравьев А. Кто, как и зачем изучает наследие отцов Церкви // Полит.ру. – 23 октября 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2012/10/23/patrologs/>
2. Илларион (Алфеев). Святые отцы – не музейный экспонат // Нескучный сад. – 22.08.2008. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nsad.ru/articles/svyatye-otcy-ne-muzejnij-eksponat>
3. Рудницкая А. П., Плетнева Н. С., Беслекоева Э. М. Государственная информационная политика: механизмы, тенденции развития, специфика, терминология. – Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 11–2. – С. 231–234.
4. Романова Д. Ю. Влияние религиозного фактора на политические процессы в современном российском государстве. – Научная перспектива. – 2014. – № 10. – С. 46–48.
5. Материалы «круглого стола» «Влияние религиозного фактора на политические процессы в странах Ближнего Востока». – М. – 28.06.2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/262605.html>

*Khodjiev Rasulbek Boynazar ugli,
student of group 202,
the faculty of history, UrSU
E-mail: umid_abdalov@mail.ru*

The conceptions on developing student youth social activity

Abstract: The article deals with the concept of youth activities, as well as the problem of youth organizations to increase youth activism and spiritual growth among young people.

Keywords: social activeness, social activity, youth, youth organizations, spiritual growth.

The matter of social activeness of student youth, harmony of a person and society needs are considered as one of the important issues of a society trying to develop. As our president claimed: "... it necessary to draw attention to developing public opinion, enhancing citizens' social activeness, giving opportunity to each person to express the opinion freely, broadcasting vital needs interests and ambitions of different social groups and branches" [1, 135].

Obviously, the notion of public activeness includes wide range of activities, it means each person's role in social life, social reality, the changes taking place in it, personal attitude to reforms, so is taking part in innovations and etc. And reassuring the factors of developing and training personal social activeness is one of the tasks of the subjects such as pedagogy, psychology and sociology.

It shows that, public activity is a philosophic and social problem one and the same time. The essence of human's social activeness stands on person's becoming social, as in this process s/he attends as a citizen. Socialization means knowledge, measures and customs on establishing certain system of person's life style. In order to explain the essence of the notion of social activeness, we should pay attention to the notion of activeness. Always keeping in touch with the society, self recognizing, harmonizing each motion, the most important and general peculiar to the person is person's activeness. Activeness (from Latin *actus*-means motion, *activus* — active, energetic) is a category explaining person's all performing activity in life. It is clear from social and psychological-investigations, social activeness becomes clear by self understanding and self managing in teens period. According to our leader, I. Karimov, "Nowadays only the youth with great knowledge, modern thinking, intellectually developed and acquired professional skills can be the most important context of qualified, energetic and innovative development. I think there is no need to proof that they exactly will provide the great future of the country!"

Social activeness which means being active in life of society comes from the sense of belief for future. His activity acquires meaning only, when he believes to the stable development of the society, understand the priority of laws in society, believes to the future of the society strongly. If person concepts the life deeply, can imagine own dreams and ambitions, he would become active in any branch of developing society. And a person becomes active participant, cooperator and sympathizer of economic, political, cultural-educational

or ideological-vital processes. In development of social activeness it is important to point out the role of forever, common national, religious moral customs. As spiritual-moral and religious customs have owned the leading part in our nation's life in understanding real life situations in society. Even, legal customs saving, owning, life opportunities, the actions done which means for future, for younger generation's prosperity and in its turn connecting own name for ever become the symbols of common national customs. One can be sure to believing in future in religious customs by reading and comprehending the lines of "hadis" devoted to the believing in future, standing beyond. We can be aware and inspired of sayings with deep concepts of believing in future, humanity, generosity, charity in priceless hadis challenging to value a person and be active in social life by our great ancestor Imam al-Bukhariy. For instance, Prophet Mohammed said: "If any of you, while holding a sapling to plant in your hand, the seal of world is going to happen, and you are sure to have enough time to plant this sapling, of course plant it" [2, 156]. By sampling this line of hadis, we want to claim that in forming the out-look of our future youth, studying and comprehending the national, spiritual-legal heritage and explaining it with modern point of view serve to train social activeness.

The notion of social activeness is one of the problems occupied wide range in present day social investigations. This subject is differentiated by the aim of each period, degree of development and the importance of meaning logged on the scientific notion. But the scientific-philosophic category of "social activeness" in previous times doesn't differ greatly from nowadays notion of "public activeness". Especially, we can confirm the very point by saying that the person's active role in social life, his showing initiative, being concerned to human and humanity life, all these mean in wide sense his/her high developed outlook, dedication, generous behavior determine the degree of social activeness.

The constitution of the republic of Uzbekistan is the main base and factor in formation of social activeness. This fundamental theoretical government is the legal guarantee of the development of democratic society and formation of the society of citizenship. For instance, in the 33rd article of the constitution of the republic of Uzbekistan it is written that according to the laws, citizens of the republic have rights to show their social activeness by organizing the meetings, councils and demonstrations. Also, in basic laws citizens can show

their perform of legal-political activeness in running society and state affairs regularly and by their deputies (Article #32, constitution of the republic of Uzbekistan).

Social activity by youth is the complex of practical movement with social importance which gains put forward certain aim and profit by using significant opportunities and means. The subject performing social activity is a person, group, staff or all the members of a whole society act by aiming certain target. Any kind of social activity is mutually connected with each other and carried out under certain circumstances and accommodations [3, 39].

Certainly, the interest rises in teenager to his internal world, then it deepens and turns into differentiation and generalization. It is necessary to pay attention to upbringing youth in early teens with the spirit of social activeness. The followings should be taken into consideration in this process:

- Developing and encouraging skills of showing activeness during the process of communication and labor;
- Teaching to comprehend, understand, make logical conclusion correctly on an event, situation, news and reforms happening in social reality;
- Forming attempt to complete each task given to him or her sincerely as the responsibility;
- Developing the ability of overcoming any difficulty in any situation independently and with courage.

The student youth social activity and its bases are founded in pedagogic process carried out in complex way. Youth' main spiritual-human rights such as realizing self work, implementing one's talent, interest, opportunities, performing real spiritual-human functions by creating material wealth, providing first of all own family members and society are the main factors of providing own happiness. Because, these factors are the main human rights and it is the base of real democratic state to provide and realize opportunities and circumstances for it. In above mentioned situation the youth's real human being is shown, and in this case their spiritual-social activeness appears.

In our independent republic, reforms taking place in social-economic, social-spiritual branches are putting forward certain requirements for the spiritual growth of youth. And for this, the pedagogic process should be directed correctly.

Human exists in the process of social relations. The social relations existing in human society and their concept, ideology and directions influence on person's social development. Human activity, life attitude to social existence, the degree and quality of activeness in social relations contributes to the organization and improvement of the content of social relations significantly. As it is so, the person is not the passive outcome of social atmosphere and relations.

New relations coming out in society causes reforming changes in educational-training system.

Upbringing the maturity of young generation, for instance, preparing students to organize social relations, showing activeness in organization of this process, training qualities of being initiative and independent became the requirement of present day [4, 9–12].

Deepening market relations in the republic, in all branches of national economy while thumbing the importance of democratic management, we should pay attention to providing the entrance of youth organization's activities into youth life, establishing spiritual-internal closeness between students' and youth' organizations, to develop youth organizations' rights and functions on it.

In our point of view, the positive solutions to following tasks on it will raise the value of youth organizations among students and the sense of belief and respect for youth organizations:

1. Studying students' interests and needs by social surveys and identifying the degree of social activeness.

2. Organizing psychological, diagnostic center or bureau investigating students' social-spiritual activeness degree and problems of students.

3. In order to organize this center, bureau the staff of experienced, knowledgeable psychologists, sociologists and educational specialists should be involved.

4. Choosing well-bred students with wide world outlook and knowledge, with skills of oratory speech and by teaching according to special program training orators to organize propagating works of social-spiritual activities.

5. On bases of organizing cooperation between "The committee of youth affairs" and "Kamolot" republic youth fund at Oliy Majlis (Supreme Council) of the Republic of Uzbekistan, the implementation of the requirements of the law on "The bases of state policy concerning to the youth of the republic of Uzbekistan" can be analyzed continuously.

6. By using creative, initiative, smart students' abilities and power, for instance, by supplying them with sufficient psychological knowledge, organizing activities which help them to develop the skills of self assessment, belief to the future, self ability and talent.

7. Selecting the data or corpus with negative influence on human spirit and conciseness, raise erotic sense, training aggressive behavior coming to the republic with high speed, creating theoretical and methodological manuals which proof the negative influence of them on person's development. The bureau mentioned on the third item is considered to be responsible for it.

It is important to organize regular exhibitions of art and literary works serving to show the factors of human and his ability power among students. Professional specialization is the very significant point in developing students' spiritual-social activeness. As they take part in social relations by showing their specialist activity. So, and now, what and what kind of social-useful activities is the formation of social activeness implemented in? It can be seen in the following factors:

- A person should value the gifts and learn to create himself as the outcome and member of the society.
- Should know to respect the job conditions created to work in society.
- Realizing knowledge, experience and intelligence given by the society.

- Developing skills of conscious and correct use and respect to the holy soil, air, water, material wealth of the society-motherland.

- Considering, valuing, initiating task of society as private.

- Serving sincerely to the society by thinking over his and his ancestors' better life.

Acquiring these generous features require the youth sufficient knowledge, high belief, energy, and the factors of stability of democratic principles, fixed legal bases, dedication of society members are required in society.

Concluding on all above mentioned points the followings can be suggested:

- Organizing subject contests, scientific conferences and various competitions in higher and secondary specialized educational establishments to develop students and pupils' interest in getting knowledge on subject of specialization.

- Organizing various contests, sports competitions for the students and pupils to spend their free time usefully.

- Organizing excursions to historical cities, debates, symposiums, parties to learn ancient traditions and customs are important. Besides the students can organize museums and prepare scientific work on historical celebrities in higher and secondary specialized educational establishments.

- Organizing language clubs for the students and pupils to raise interest in learning foreign languages in educational establishments.

- Organizing funds, exchanges, part time jobs in small ventures in the region to help students from disadvantaged family sectors, have problems in material support and orphanages by educational establishments.

In conclusion we can say that, at first, as a particular social demographic group the youth are always considered as the actual problem of society, second, work out practical advice and suggestions to study and get through the problems in youth life by sociological investigations, third, to develop the different types of service directed to youth should be improved.

References:

1. Karimov I. A. Yuksak ma'naviyat – yengilmas kuch. – Tashkent: “Manaviyat”, 2008, – b. 135.
2. Имом ал-Бухорий. Ҳадис. Китоблар 1–2–3., – Тошкент, 1997, – б. 156.
3. Constitution of the republic of Uzbekistan, – Tashkent, “Uzbekistan”, 2012, – P. 39.
4. Abdukarimov H. Trainer and social concept of trainer's profession. «Xalq ta'limi», – # 6, – 1996, – P. 9–12.

*Khamitova Marvan,
Candidat of Historical Sciences,
Republic of Kazakhstan, Almaty
E-mail: Marvan59@bk.ru*

The museum exhibition is a historical source (on materials of the Republic of Kazakhstan)

Abstract: In the process of making museum fund we face the question of the significance of every its exhibit item for documenting the social development of the represented time, certain events, processes and structures. The value of the fund is first of all determined on the history of the exhibited thing, of its primary application and the place of it in the life of the society it belonged. The article is devoted to the results of the research in museology which allows to come to conclusion that the totality of all these features give the presentation of cultural and historical value of the museum exhibit, necessity of its safe keeping and proper use in communication.

The article deals with the research in museology which results in necessity to determine the value of the <museum exhibit> for its proper use in communication.

Keywords: The academician A. Kh. Margulan, museum exhibition, folklore, ornament, Kazakh people, customs and traditions, cultural heritage.

A “museum exhibition” maintaining the past, makes the value of the present out of it, it proves that life is non-stop process and nothing can be lost. Museum saves and restores materials (proofs, conclusive things) which were destroyed or could have been damaged in the result of natural processes. An object, which is taken to museum to be maintained, will be disconnected with its initial environment and starts to complete another function.

Some author's work or some master's tuskyiz (colour carpet) is made for decoration and if it is deprived from its main function as a decorative element, then it will have not only aesthetic character but will mainly have informational, “lingual”, “informative” character as well and it will function as a part of a hypertext.

Merab Mamardashvili (Merab Konstantinovich Mamardashvili — outstanding philosopher of the XX century,

Doctor of Philological sciences, professor) says: “a word has two criteria—the first, a word itself, the second, besides, its capability of showing the meaning of an object”. Museum texts are history, the meaning of a word is demonstrated by replacing it with an object. “The Museum language” is a language for proving, basing and approving of the words in books, especially from historical and biographical texts [1, 25–26].

The peculiarity of the museum language is that composites of the given text are unique and cannot be copied. For example, you can listen to music again, or review the film or you can print photos over and over again.

However, a “museum exhibition” is the one and only, so it is impossible to get back into ancient times and we are not able to return the past time. Nowadays modern craftsmen are able to make copies of museum exhibits such as baby’s bed (besik), bracelets, yer-turman, dulyga, any kinds of dishes or dombyra and lots of other objects of ancient time without changing their original form.

Looking at these copies we cannot feel the initial craftsman’s mood, which he devoted them to, we cannot see how and in what conditions he prepared necessary materials (wood, leather or pieces of metal), we cannot see his working actions and the tools which he used. Though we accept this copy, anyway we appreciate the original model.

Even, the presented book with author’s signature, the pen by which the signature had been signed or by which the original novel had been written, first people’s tools — none of them can be returned back. They are peculiar, because the history of that time, of that period, craftsman’s history of life, destiny, belief and spirit are conveyed in a museum exhibit, in each object.

In museum work there is a structural order of defining the expository spaces and finding the exhibit’s museum value which completes each of these expository spaces. Therefore, it will be beneficial and useful to define and propagandize each exhibit’s role in development process (from ancient times till today) in scientific way, and recognize definite exhibits which have a part in development process and introduce them in cultural-enlightening way. These two branches completing each other will “vitalize any museum for sure” [2].

History records every instant of humanity omitting nothing. But, it needs an educated generation, who can see, understand and read these records.

The first human being, who lived in a cave, nowadays reached the Space. Ancient monuments, balbals, signs on rocky stones, mausoleums and heritages stored in museums, between stone caves and infinity space, all of them are our life history. Each generation has its trails of essence on historical pages.

Struggle for continual existence, beliefs, customs and traditions, hardly gained experience, forcible actions and violence caused to each other and happiness of thousands of generation are recorded on historical path from ancient times till present days. This is a way of cognition. Our ancestors overcame a great way of difficulties, violence and force,

thus keeping moving forward they carried on improving their personality, cognition, tradition and perception of beauty.

Our ancestors’ sincere wish and dream was to lead peaceful life. But, this dream could not be accomplished during the war and conquest period for a long time. That period needed in militant men.

Just only heroes and wise men could manage people. While patriarchal society needed heroes, the desire of young women was to give birth to a boy. People said, a woman who was waiting for birth to a boy, had a passionate desire to wolf meat, camel milk and the falcon’s heart. Even in the most antiquities on many stones and in legend exists an image of wolf-son, who called “Kok bori”. We will take Gun tribe’s legend as an example. There were two daughters of a king (Han). His daughters were originally pretty, so he decided to take them away to a big tower far from people. The wolf-son fell in love with his youngest daughter and afterwards they had many children (further generations) [3, 47].

In Chinese history there was an interesting legend of Gun tribe. Gun tribe lost the battle to their neighbor nation and only boy survived in that war. Enemies could not kill a boy and left him alive in the field. One day a wild female wolf found a boy and she brought him up herself. Being an adult man, this boy and a wolf gave a birth to ten babies. One of them was an ancestor of Gun tribe, he was called – Ashina (in Chinese) and Shene bori (in Kazakh). Shene bori was a wise and clever man, who managed the Turkish kaganat (county). And the leader’s picture (wolf’s head) had been drawn and handed on the roof of the kaganat, as a symbol of his governing.

Not only Turkis nation used the kult “kok bori” in Kazakh traditional games, this kult was definitely described in legend, folklore stories and fairytales.

In “Oguznami” (the book is about Oguz tribe) was written about the Oguz tribe’s kagan (the king), who was shown the right way by a red wolf during his trip. In this legend the wolf is shown as a main guide [4].

The academician A.Kh.Margulan wrote: The pregnant women, that eat ‘wolf’s meat’ in February will give a birth to boys. In “Kobylandy” (“Kobylandy batyr” and “Kyz Zhibek” are well-known Kazakh eposes, the masterpieces that reveal the richness and diversity of the Kazakh culture, language, customs and traditions) poem is written about kiz Kurtka (kurtka – a female wolf), who was called “my wolf” by Kobylandy himself.

In “Kiz Zhibek” poem is told about six sons of Syrly bai (rich man, whose name is Syrly) and all his sons were wolves.

Taking the first thousand times of our century, we investigated that “Kok bori” (the legend about wolf) played an important role among the ancient tribes. We find such data (information) from various sources as our ancestors or people, that knows something in this field. In this source is told: “... Data of the Chinese sources about officers of Turkis guards fuli (bori-wolf from turkis), an existing a post of a fulin-kagan-title, “which should specify a mania of murder”, rewarding them with the banners of a gold wolf head, it can be

considered as the certificate of existence ancient Turkis wolf man's unions" [5].

Today, famous "Kokpar tartu" (the Kazakh national game) takes a social meaning in order to develop military skills. During the leadership of Turkis kagan (king), all group of batirlar (The Kazakh heroes) trained themselves under this motto "Derbes bori zhasak". In modern language we call them "Guards". The military method of training guards is closely connected with sport game "Kokpar" [6]. Investigating the essence of bori and connect it with traditional game 'Kokpar' S.A. Itegulova gives the exact definition of a wolf, comparing within Americans' Indian wolf totem: "The Indian "wolf's dance" is used for successful hunting for animals, the Turkish "kok bori" is used in game for training military skills" [7]. We can say that kokpar game is considered to be a self-affirmation of ourselves through being bori. But there are a lot of contradictions among researchers, according to this game. They confirm that "Kok bori" — is a totem sign of every tribe. Totem defines animals' traits, so it called 'taboo'. Therefore "Kokpar" gains a ritual meaning. It's a game of "choosing a leader". It's bori (wolves') competition. Saving this custom men wish to win the title bori. It's definitely shown, when the participants being astride a horse compete with each other in order to own goat's carcass. In this game kokpar all participants are called boriler (wolves), and only winner is called "Kok bory". So, for Kazakhs kokpar is an art of fighting and training our generation for military discipline.

G.N. Potanin wrote the legend about Chingis khan (Chingizkhan (Temudgin) — the founder and first great khan of Mongol Empire, who united the disparate Mongol tribes, the commander who organized the conquest of the Mongols in China, Central Asia, the Caucasus and Eastern Europe). It was said that after Duyun Bayan's death Alango turned to a wolf at night after getting a moon beam trough the shanirak (yurt-house, shanirak-roof of the house). Leaving the house Alango wolf pronounced words: "Chingis, Chigis". After that Chingis was born [8]. Chingis khan's wife's name was Borte. As we know, that "Borte" is a name of woman, so the same name was given to female wolf.

Kazakhs' needle works shows a lot of ornaments devoting to wolves, such as "bori koz" (the eye of wolf), "bori kulak" (the ear of wolf), thereby it is easier to understand the inner meaning.

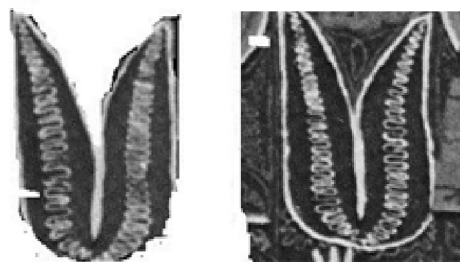
M. Omirbekova defined: "Bori koz", "Bori kulak" — the ornaments of the eye, wolves' heads and the ear make in the form of the leaflet out [9].

Alkei Margulan wrote: "If the woman during her pregnancy wants to eat more wolves' meat, after giving a birth to baby, she must give a name to her baby as "Mangis" (Mangit) and "Nogai". "Mangis" and "Nogai" it meant "bori" (blue sky). In ancient times these words as "bori kus" and "mangit" meant "it-kus" and "koktin kusi". For allocating the greatest human-being qualities, the Kazakh nation gave a name to a person using such words as "man", "shin", "bori" and "kus". The words "Mangis", "Chingis" and "bori kus" — it meant blue

clear sky on the top of mountain. Gun tribes gave another definition to words "Mangis" and "Chingis" — it meant "The supreme" in such meaning like "tan-eri" (the God), "Heavenly forces". Ancient Greeks compared these words "Mangis", "Chingis" and "taniri" with words "Uranium", "The Neptune", "The Saturne" [10, 362–365].

In A.Kh.Margulan's first volume work "The Kazakh national applied art" is shown 'shapan' (the Kazakh national dress) of the greatest educator Chingis Ualikhanov (Chyngghys Ualikhanov — the son of Wali Khan, Abylai khan's grandson, an officer in the tsarist army, Colonel, Chief Sultan of the Kokchetau district), who presented his dress to Omsk museum (Russia) [11].

Firstly, "shapan" is an antiquary of Ualikhan's family. Secondly, "shapan" was given to museum by Ualikhan's son "Chingis". Thirdly, there is an ornament "bori kulak" which has never encountered in the plethora of other national values even, and we see this ornament among lots of other ones which are given on a back and sleeves of the shapan. This ornament is thought to be a tumar (amulet), as if it helped to bear a hero who would be courageous, who would respect his predators' traditions, and to continue to bring up faithful generation.

The ornament "bori kulak"

This item is like a sign or a letter written to the next generation aiming at conveying ancestors' and the previous generations' dream and life essence. On the one hand, Sh.Ualikhanov's shapan, one of the main items of his clothing, had "bori kulak" ornaments, on the other hand, he gave to his son the name Chingis, and thereby it proves father's wish to his son to be "a person of power". Chingis Ualikhanov's life is a proof of realization of this token and justification of father's wish.

Shapan-woman's dressing gown with variegated ornament in a geraldic disposition of wolf ears

Fourthly, this shapan causes a special attention, because it was sewed for woman. Album 1-volume: it was marked: "Dressing gown. Chingis Ualikhanov's gift. Omsk historical-regional studies museum" (Russia). In the photo taken from A. Kh. Margulan's personal archive it was written as such:

"Table. CCCLXI. Shapan-woman's dressing gown with variegated ornament in a geraldic disposition of wolf ears, Chingis Ualikhanov's gift Omsk museum. So, since a woman is a continuer of generation the Ualikhans had shapans sewed from silk to all female, they are wives and daughters. Who can contradict the fact that Zeynep had not worn shapan, if she gave a birth to such a bright star as Chocan (Shokan) Chingisovich Ualikhanov (1835–1865) — the great Kazakh scholar, orientalist, historian, ethnographer, geographer, folklorist,

translator, journalist and traveler. Father: Chyngghys Ualikhanov. Mother: Zeynep Chormanova). For Ualikhan's dynasty the ornament of "bori kulak" was considered as a sign of all of them.

Without A. Kh. Margulan's work we could not know about Shingis Ualikhanov's cultural heritage, life achievements, history and heritage which have remained with hope.

There is an opinion that appreciation of "bori" (wolf) is maintained in Uly Zhuz Shaprashty ru (elder tribe).

From an ethical aspect we can confirm that Shapirashty have arisen from Gun tribe. Poet Zhambyl Zhabaev said: "The wolf's head is my motto; the wolf itself is my banner". There are many exhibitions in the museums, that are fraught centuries-old traditions and which have not yet been explored fully.

References:

1. Mamardashvili M. Philosophy Introduction//The necessity itself. – Moscow, Labirint, 1996. – P. 25–26.
2. Lapteva M. A. Sense and museum appointment in representation of N. F. Fedorov: Imagination or a future projection? Vestnik. The humanities, – 2004. – № 4.
3. Margulan A. H. Ancient Legends. – A., Zhazushi, 1985. – 47 p.
4. Oshanov O. Kokpar/Customs and traditions of Kazakh nations/Almaty, Aryis,– 2005, – 278 p.
5. Ermolenko L. I. The role of a wolf image at ancient Turkis//Margulan readings. – M., 1992.
6. Mukanov S. Nations heritage. – A., 1974.
7. Itegulova S. A. The image of a wolf in Kazakh folklore/phil. of research candidate work. – A., M. O. Auezov Institute of Art and Literature, – 2002.
8. Potanin G. N. The Kazakh–Kirghiz and the Altay legends and fairytales. – CP., 1917.
9. Omirbekova M. Sh. The Kazakh ornaments. Encyclopedia, Almatykitap, – 2003.
10. Margulan A. H. Social questions in poems of Kazakh people. – P. 362–365.
11. Margulan A. H. The Kazakh national applied art. – Almaty: Oner, 1986. – V. 1. – 256 p.

Section 4. Linguistics

Borodina Tatjana Alexandrowna,
Staatliche Universität Woronesch,
Fakultät für romanische und germanische Philologie
E-mail: tatjana-borodina@mail.ru

Strukturelle Besonderheiten der identifizierenden Äußerungen und Parameter, die sie bestimmen

Abstrakt: Im Beitrag werden Parameter, die die Auswahl der Kopula-Verben in den identifizierenden Äußerungen bestimmen, vorgestellt. Die Abhängigkeit der Auswahl von diesen Parametern wird durch die Analyse der sprachlichen Ausdrucksmittel betrachtet.

Stichwörter: Identifikation, sprachliche Ausdrucksmittel, semantisch-strukturelle und funktionale Analyse.

Бородина Татьяна Александровна,
Воронежский Государственный Университет,
Факультет романо-германской филологии
E-mail: tatjana-borodina@mail.ru

Факторы, определяющие структурные свойства идентифицирующих высказываний

Аннотация: В статье рассматриваются факторы, влияющие на выбор глагола-связки идентифицирующих высказываний. Выявленные зависимости рассматриваются в ходе анализа языковых средств.

Ключевые слова: идентификация, языковые средства выражения, семантико-структурный и функциональный анализ.

Процесс идентификации присущ для любой когнитивной деятельности человека, он является важнейшей составляющей процессов социализации личности и её индивидуализации, самопознания, механизмом понимания и интерпретации другого человека. Установление тождества каких-либо сущностей имплицитно присутствует в каждом акте познания и коммуникации, результат этого процесса фиксируется в идентифицирующем суждении. Однако вербализация идентификации и/или ее результата происходит не всегда и только в определённых условиях. В связи с этим возникает необходимость изучения соответствующих языковых средств и факторов, влияющих на их выбор [1, 3].

Материалом для настоящего исследования послужили 3 059 микротекстов объёмом от двух-трёх фраз до полутора страниц, выписанные методом сплошной выборки из романов немецких писателей 20 века (всего 11 877 страниц). Выбранные микротексты содержат 4 097 структур анализируемого типа.

Обращение к художественному тексту как источнику материала обусловлено тем, что в художественном тексте признаки, на основании которых проходит идентификация какого-либо объекта, присутствуют с достаточной для

исследователя ясностью. Поэтому отграниченный материал позволяет последовательно учитывать параметры, значимые для анализа языковых средств: признаки, вычленимые в ходе идентификации того или иного объекта, сведения об основании и характере изучаемого процесса.

Специализированными средствами выражения идентифицирующего суждения являются высказывания со структурой « $N_1 + vf_{cop} + N_2$ » (N_1 и N_2 — номинативные группы, vf_{cop} — глагол-связка). В качестве глагола-связки при этом могут выступать глаголы *sein* или *werden*:

- $N_1 + vf_{sein} + N_2$ (*Kriminalisten sind wohl ein Menschenschlag für sich/Sind Sie Journalist?/Sind Sie abergläubisch?/Bin ich das noch?*);

- $N_1 + vf_{werden} + N_2$ (*Sie werden krank, Hella/Was ist aus dir geworden? Eine Mama?*).

В результате проведенного исследования было установлено, что выбор глаголов *sein/werden* идентифицирующих высказываний предопределён, в первую очередь, особенностями признаков, на основании которых осуществляется идентификация и частично — характером объекта идентифицирующего суждения. Рассмотрим выявленную зависимость в ходе анализа идентифицирующих высказываний. На основании типа признаков, объекта

идентифицирующего суждения и семантико-структурных особенностей идентифицирующего высказывания корпус практического материала был разведён на три подгруппы.

Идентификация, результат которой выражается предложениями первой подгруппы, проходит на основании признаков, которые, по знанию субъекта, не были присущи объекту до момента их обнаружения в ходе идентификации. (*Im übrigen fand ich auf den ersten Blick nichts Antiquarisches, im Gegenteil, die Möbel waren durchaus modern*). Другими словами, в идентифицирующем суждении высказываний первой подгруппы фиксируется изменение объекта идентификации, точнее, изменение одного из качеств объекта.

Первая подгруппа объединяет идентифицирующие высказывания, объектом суждения которого являются состояние (*Sie werden krank, Hella*), характер (*Du bist noch pedantischer geworden*), внешность (*Bist aber schmal geworden*), социальная роль личности (*Ich war unangreifbar, ich war zum Schriftsteller geworden!*). Единицами первой подгруппы являются предложения типа $N_1 + vf_{werden} + N_2$, т. е. структуры, конституируемые глаголом *werden*.

... alle Wände voller Bücher, ein Schreibtisch voller Scherben mit Etiketten versehen, im übrigen fand ich auf den ersten Blick nichts Antiquarisches, im Gegenteil, die Möbel waren durchaus modern, was mich bei Hanna wunderte.

«Hanna», sage ich, «**du bist ja fortschrittlich geworden!**» Sie lächelte bloß. [2, 133].

Высказывания второй подгруппы, как и единицы первой подгруппы, вербализуют результат идентификации, проходящей в ситуации изменения объекта идентификации. Однако в идентифицирующем суждении этих высказываний, в отличие от высказываний первой подгруппы, фиксируются существенные изменения объекта идентификации. Существенные изменения — это изменения, в результате которых объект идентификации перестаёт быть самим собой. Объектами идентифицирующих суждений таких высказываний служат: идентичность личности (*Plötzlich war ich ein Jedermann; Bin ich das noch?*), цвет артефакта (*Waren sie nicht früher grün?*) или один из аспектов идентичности личности (*Ich war damals anders*). Результат такой идентификации выражается предложениями

со структурой $N_1 + vf_{sein} + N_2$, т. е. предложениями, в которых в качестве связочного глагола выступает глагол *sein*.

Идентифицирующее высказывание *Bin ich das noch?* в приводимом ниже примере вербализует результат осознания индивидом изменения собственной идентичности.

*Die Zeit kam über ihn, sie fraß seine Nächte auf, entfremdete ihm die Frau, ließ die Töchter fast unbemerkt neben ihm heranwachsen (und er hatte sie doch auch als Kinder kaum gekannt) und gab ihm immer ein neues Steuer in die Hand. Nur manchmal, in Augenblicken völliger Stille, fragte er sich wohl: Regiere ich das alles oder werde ich regiert? Er stieg und stieg und sah sich selbst dabei zu — **bin ich das noch?** [3, 74].*

Третью подгруппу образуют высказывания, в которых объектом идентифицирующего суждения могут быть как любые объекты, так и разнообразные качества этих объектов: личности (*Sind Sie von der Polizei?*), артефактов (*Das war doch der rote Meier*), растений (*Da sind schon die Fliederblüten*), явлений природы (*Es muss der Wind sein*), веществ (*Ist es Äther?*), административных единиц (*Es soll eine alte Stadt sein*), ситуаций (*Das ist Erpressung*).

В результате анализа контекста идентифицирующего высказывания было установлено, что эти высказывания не используются в ситуации изменения объекта идентификации. В качестве связки в высказываниях третьей группы выступает глагол *sein*. Средством выражения результата идентификации является высказывание со структурой $N_1 + vf_{sein} + N_2$.

Einen Fabrikschornstein? 300 Gramm? Er stockte, sah mich plötzlich mißtrauisch an, sagte, sonderbar, vor ein paar Wochen war schon mal jemand da, der danach gefragt hat. Wie kommen Sie überhaupt darauf? Nur so, ich habe Fachliteratur gelesen.

Sind Sie Journalist?

Nein. Beerdigungsredner. Hier. [4, 377].

Как следует из проведённого анализа, в ситуации отсутствия изменения объекта в идентифицирующих высказываниях используется только глагол *sein*. В ситуации изменения объекта идентификации структурным центром предложения могут быть как глагол *sein*, так и *werden*. Выбор глагола зависит в этом случае от типа объекта идентифицирующего суждения. Наглядно эту корреляцию можно представить в следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1. – Факторы, влияющие на выбор глагола *sein/werden* в ситуации изменения объекта идентификации

Тип объекта идентификации	Тип объекта идентифицирующего суждения	Глаголы, конституирующие предложения тождества	
		<i>sein</i>	<i>werden</i>
идентичность личности	идентичность личности в целом	+	–
	личностная идентичность в целом	+	–
	отдельные элементы личностной или социальной идентичности (характера, социальной роли и т. д.)	–	+
личность	отдельные характеристики личности	–	+
артефакт	цвет артефакта	+	–

Таким образом, фактор типа объекта идентифицирующего суждения не существен для выбора глаголов *sein/wer-*

щего суждения не существен для выбора глаголов *sein/wer-*

den в ситуации отсутствия изменения объекта идентификации: в этом случае однозначно используется глагол *sein*.

Если суждение идентифицирующего высказывания фиксирует изменение объекта идентификации, фактор «характер объекта идентифицирующего суждения» влияет на выбор средства выражения структурного центра высказывания.

Так, в случае опознания существенных изменений идентичности объекта (когда объект уже перестаёт быть самим собой) или изменения одного из аспектов идентичности используется глагол *sein*. Отметим, что субъект идентифи-

кации опознаёт изменение идентичности только личности и артефактов. Идентичность личности может быть объектом идентифицирующего суждения только в ситуации осознания изменения личности.

Если объектом идентифицирующего суждения служит изменение качеств объекта или отдельных элементов его идентичности, а не сущности объекта в целом, употребляется структура с глаголом *werden*. Объектом идентифицирующего суждения являются при этом изменение состояния, характера, внешности, социальной роли личности.

Список литературы:

1. Бородин Т.А. Идентифицирующее высказывание: когнитивный, семантико-структурный и функциональный аспекты описания (на материале немецких художественных текстов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук/Бородин Татьяна Александровна. – Воронеж, 2008. – 22 с.
2. Frisch M. Homo faber/M. Frisch. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1977. – 202 s.
3. Wolf Chr. Der geteilte Himmel/Chr. Wolf. – Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1965. – 315 s.
4. Timm U. Rot/U. Timm. – Köln: Kiepenheuer&Witsch, 2001. – 429 s.

Stasiuk Nataliia Vasylyvna,
National Pedagogical Dragomanov University (Kyiv),
external doctoral candidate, Malyshko Institute
of Ukrainian Philology and Literary Creativity
E-mail: nden_79@mail.ru

Pragmalinguistic categories of choice and verbal influence

Abstract: The article deals with the functionality aspects of the categories of choice and verbal influence as the principal categories in pragmalinguistics. The place and role of these categories in pragmalinguistics are examined and the reasons for their principles determination are defined. Existing approaches to studying of underexamined pragmalinguistic categories of choice and verbal influence are analysed and the own view of this problem solving is revealed.

Keywords: pragmalinguistics, pragmalinguistic categories, category of verbal influence, category of choice, language tools, producent, receiver.

Стасюк Наталия Васильевна,
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова (г. Киев), соискатель,
Институт украинской филологии и литературного
творчества имени Андрея Малышко
E-mail: nden_79@mail.ru

Прагмалингвистические категории выбора и речевого воздействия

Аннотация: В статье рассмотрены особенности функционирования категорий выбора и речевого воздействия как ведущих в прагмалингвистике. Исследовано место и роль этих категорий в прагмалингвистике и выяснены основания для определения их принципов. Проанализированы имеющиеся подходы к изучению малоисследованных прагмалингвистических категорий выбора и речевого воздействия и раскрыто свое виденье в решении этой проблемы.

Ключевые слова: прагмалингвистика, прагмалингвистические категории, категория речевого воздействия, категория выбора, языковые средства, адресант, адресат.

Прагмалингвистика — относительно новая сфера лингвистических и прагматических исследований со сложной системой понятий и терминов, расцвет идей которой приходится на конец XX — начало XXI ст. Она, как молодая наука, вобрала в себя достижения как традиционных, так и современных направлений лингвистики (функциональной грамматики, лингвистики текста, стилистики, риторики, психолингвистики, социолингвистики и др.), которые разносторонне анализируют использование человеком языковых знаков, и заняла весомое место среди них. Как и любая наука, прагмалингвистика имеет свой предмет исследования — выбор и удачное использование языковых средств из имеющегося репертуара для наилучшего выражения своего намерения, самого эффективного воздействия на адресата при конкретных обстоятельствах речевого общения [14, 325–326].

В этом направлении ярко и выразительно выделяются категории выбора и речевого воздействия, детальное рассмотрение которых позволит выяснить их место в прагмалингвистике, а решение этой проблемы является необходимым условием развития и научного понимания прагмалингвистики как одного из доминирующих направлений в лингвистике.

Прагмалингвистический аспект изучения языка вызывал значительный интерес таких исследователей, как Ю. Апресян, Н. Арутюнова, Ф. Бацевич, Л. Безуглая, В. Демьянков, В. Карасик, И. Кобозева, Г. Колшанский, М. Макаров, А. Маслова, Г. Матвеева, Г. Почепцов, С. Соколовская, Ю. Степанов, И. Сусов и другие. На вопросах изучения категориального аппарата прагмалингвистики, в частности на понятии речевого воздействия, как одного из важнейших, акцентировали свое внимание немногие ученые, эта проблематика еще не получила надлежащего освещения. Эпизодически к этому обращались Ф. Бацевич, Ю. Степанов, Г. Матвеева, А. Ленец, Е. Петрова. Категория выбора, как и категория речевого воздействия, ведущая в прагмалингвистике, но в то же время остается еще менее исследованной, особенно в отечественных трудах.

Принимая это во внимание, проблема изучения категорий выбора и речевого влияния остается открытой. Поэтому считаем необходимым выяснить, почему они являются одними из ведущих в прагмалингвистике и такими, которые легли в основу определения ее предмета. Это — цель нашего исследования, достижение которой нуждается в решениях таких задач:

- 1) проанализировать уже имеющиеся подходы к анализу прагмалингвистических категорий выбора и речевого воздействия;
- 2) выяснить место и роль этих категорий в прагмалингвистике и основания для взятия их за основу при определении ее предмета;
- 3) раскрыть свое виденье в решении этой проблемы.

Давно известно, что язык является важнейшим средством человеческого общения. С его помощью говорящий не только информирует слушателя или читателя о чем-то, но и эффективно воздействует на него, выбирая и удачно

используя при этом определенные языковые средства, в зависимости от ситуации общения, для того, чтобы информация была воспринята согласно замыслу говорящего, используя, таким образом, язык как средство воздействия. В этом заключается суть коммуникативной и прагматической функций языка: мы говорим не только для того, «чтобы выразить мысль, но также, чтобы подействовать на других» [5, 237]. Как утверждает Г. Маслова, прагматическая функция воздействия — это обязательная составляющая речевого общения, а «функции воздействия языка, которые реализуются в зависимости от целей, заданий, намерений и интенций говорящего» представляют объект прагмалингвистики [8: 21, 40].

Стремительное развитие прагмалингвистики как науки, становления ее категориального аппарата приходится на то время, когда «усилия лингвистов стали направляться на исследование речевых сообщений с учетом речевого воздействия как важнейшей составляющей человеческого общения» [1, 13].

Речевое воздействие рассматривают в широком и узком понимании. В широком понимании — это любое речевое сообщение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, описано с позиции одного из коммуникантов, когда он рассматривает себя как субъект, а своего собеседника как объект воздействия [15, 5]. В нашем исследовании под субъектом речевого воздействия мы понимаем лицо, которое, намереваясь, хочет с помощью языковых знаков, «функционирование» которых в «речи изучает прагмалингвистика» [2, 389], побуждать другое лицо к осуществлению, регуляции определенной деятельности.

В узком понимании под речевым воздействием понимают использование отправителем текста особенностей структуры и функционирования знаковых систем с целью создания сообщений, которые имеют повышенный воздействующий потенциал на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения [3, 52]. Язык в этом случае представляется как средство, инструмент регуляции человеческой деятельности, а «речевой акт — как особенная форма осуществления воздействия на его адресата» [8, 36]. Это дает основания рассматривать язык в рамках прагмалингвистики как деятельность в широком коммуникативном контексте. Речевое воздействие тесно связано с прагматическими аспектами общения, адресантом, «условиями использования языка коммуникантами в актах речевого общения» [4, 270].

Цель речевого воздействия заключается в регуляции социальных, межличностных отношений и ментальных состояний собеседников [10, 4]. Эту мысль подтверждает Г. Матвеева, отмечая, что «прагмалингвистика в узком понимании — это лингвистика непосредственной регуляции человеческого поведения» [7, 23].

Речевое воздействие — это процесс влияния на сознание и деятельность адресата с помощью языковых средств [8, 36]. Именно уровень мотивации и осознания выбора говорящим определенных языковых средств для выражения содержания высказывания и воздействия на адресата служит почвой для разделения речевого воздействия

на «прямое/непосредственное, не прямое/косвенное и скрытое» [8, 37].

Непосредственное прямое воздействие осуществляется открыто, то есть, когда говорящий, преследуя определенный интерес, прямо выражает свое намерение, высказываясь и передавая информацию в виде сообщения адресату и используя при этом языковые средства, которые зависят от ситуации общения, а следовательно, должны осуществить максимальное воздействие на адресата с целью получения эффективного результата. Этот вид воздействия на сознание адресата осуществляется путем побуждения последнего к выполнению определенной деятельности, который осознает и понимает, что говорящий от него ожидает выполнения того или иного действия и хочет получить желаемый результат.

Непрямое/косвенное речевое воздействие также осуществляется с помощью сознательного выбора языковых средств, однако намерения отправителя сообщения косвенные, выраженные имплицитно. Этот вид влияния не осознается реципиентом.

Г. Матвеева выделяет еще один вид влияния — скрытый, рассматривая его как разновидность косвенного воздействия [8, 39], который представляет собой «скрытую интенцию, которую никто из коммуникантов, — ни говорящий, ни слушатель — не осознают, не принимая во внимание то, что говорящий ее актуализирует, а слушатель воспринимает» [8, 39]. Скрытое воздействие на личность достигается лишь со временем.

Как видим, общей чертой прямого и косвенного воздействия является осознание его говорящим, тогда как при скрытом влиянии оба коммуниканта интенцию не осознают и действуют на подсознательном уровне. Поэтому скрытое влияние лучше толковать как отдельный вид, а не считать его разновидностью косвенного.

Безусловно, это не все типы влияния, которые описаны в лингвистике, однако приведенные в типологии в полной мере можно применить для «превращения картины политического мира, который существует в сознании адресата» [13, 66], для изменения его поведения как объекта воздействия.

Реже выделяемой в прагмалингвистике, чем категория речевого воздействия, однако не менее важной, есть категория выбора. Она является равноценной категории воздействия, и особенная важность ее рассмотрения продиктована тоже определением предмета прагмалингвистики.

Як известно, вопросами выбора языковой единицы занимаются стилистика и риторика [14, 325], однако наибольшего развития эта категория получила при изучении проблемного поля прагмалингвистики. Прагмалингвистика относительно вопросов выбора языковых средств отличается от стилистики и риторики тем, что она «должна эмпирически описать, как делает человек, решая для себя эти задания в своем практическом языке, и потом теоретически обобщить эти наблюдения» [14, 326].

В реализации речевых актов главное значение имеет категория выбора [9, 68]. Именно она стала той ведущей

категорией, благодаря которой прагмалингвистический аспект четко отличают от семантического и синтаксического. При анализе текста критерием прагматического аспекта является удачное использование языковых единиц отправителем текста для оптимального воздействия на его получателя [8, 26].

Для процесса осуществления выбора языковых единиц решающим является воздействие условий речевого общения. Ф. Минами разделяет условия выбора на две группы факторов: внешние (внеязыковые, или экстралингвистические субъективные) и внутренние (собственно языковые, или внутрилингвистические объективные) [11, 254–255].

К экстралингвистическим субъективным факторам отнесем характеристики условий осуществления речевого действия для обеспечения его воздействующей функции, в частности, составляющие речевого акта — пропозиция, мотивация, иллокутивная сила высказывания, отправитель текста, его получатель (учитывается аспект интерактивности коммуникантов), контекст, ситуация общения [8, 29; 12]. К внутрилингвистическим, или лингвистическим объективным факторам выбора единиц языка Г. Матвеева относит «учет говорящим/пишущим языковых закономерностей организации языка для реализации информационной функции», а именно, «систему языка в целом, уровневые свойства языковых единиц: фонетические, лексические, в том числе структуру слова, словосочетательные, предложенческие, в том числе порядок расположения элементов, текстовые» [8, 29].

Следовательно, выбор, который является одной из главных категорий прагмалингвистики, мы понимаем как выделение говорящим из ряда высказываний, единиц языка, языковых средств тех из них, которые максимально отображают его интенцию и отвечают экстралингвистическим и лингвистическим факторам речевого акта для достижения оптимального воздействия на адресата, поскольку именно «оптимальность является тем критерием, с помощью которого определяется выбор варианта действия» [8, 26]. Речевое воздействие — это воздействие, которое осуществляет адресант относительно адресата, используя при этом выбранные языковые средства. Поэтому считаем полностью обоснованным избрание за основу именно этих двух категорий при определении предмета прагмалингвистики.

А. Любавина рассматривает прагмалингвистику как науку о воздействии знака на человека [6, 11]. Мы придерживаемся этой мысли, однако считаем уместным расширить это толкование и изучать прагмалингвистику как науку о выборе языковых знаков и их воздействии на человека в процессе коммуникации.

Таким образом, дальнейшее исследование языковой организации агитационного воздействия в украинском политическом дискурсе с позиций прагмалингвистики мы видим в необходимости рассмотрения в речевом акте призыва выбранных и реализованных языковых средств и того их технического использования, которое призвано обеспечить запланированное действие на сознание адресата.

Список литературы:

1. Агапова С. Г. Прагматические особенности английской диалогической речи: [текст]/С. Г. Агапова. – Ростов-на-Дону: АПСН, 2002. – 235 с.
2. Арутюнова Н. Д. Прагматика/Н. Д. Арутюнова//Лингвистический энциклопедический словарь. [гл. ред. В. Н. Ярцева] – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
3. Басенко Г. В. Понятие речевого воздействия в комплексе смежных наук/Г. В. Басенко//Прагмалингвистика и практика речевого общения: сб. науч. тр. междунар. науч. конф. (28.11.2008 г.). – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. – С. 51–55.
4. Богданов В. В. Лингвистическая прагматика и ее прикладные аспекты/В. В. Богданов//Прикладное языкознание. – СПб., 1996. – С. 268–275.
5. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю/Ж. Вандриес. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 410 с.
6. Любавина А. Ю. Функционально-прагматические особенности агитационно-политического текста: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20/Любавина Анастасия Юрьевна. – Челябинск, 2009. – 178 с.
7. Матвеева Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста/Г. Г. Матвеева//Образ России: извне и изнутри: сб. статей/[под ред. Е. Ф. Тарасова (отв.ред.), Н. В. Уфимцевой, Е. А. Аршавской]. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1984. – 132 с.
8. Матвеева Г. Г. Основы прагмалингвистики: [монография]/Г. Г. Матвеева, А. В. Ленец, Е. И. Петрова. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 232 с.
9. Матвеева Г. Г. Речевая деятельность и речевое поведение как составляющие речи/Г. Г. Матвеева, Е. И. Петрова//Актуальные проблемы коммуникации: междунар. сб. науч. тр. – М., Пятигорск, 2005. – С. 66–72.
10. Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация грамматического лица («портрета») говорящего: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.19/Матвеева Галина Григорьевна. – Санкт-Петербург, 1993. – 449 с.
11. Минами Ф. Структура современного японского языка/Ф. Минами//Языкознание в Японии. – М.: Радуга, 1983. – С. 248–264.
12. Семенюк О. А. Основы теории языковой коммуникации: [уч. пособ.]/О. А. Семенюк. В. Ю. Парашук – К.: Издательский центр «Академия», 2010. – 240 с. (Альма-матер). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scribd.com/doc/210299871/В-Ю-Парашук-Основы-Теории-мовної-комунікації>.
13. Современная политическая коммуникация: [учеб. пособие]/отв. ред. А. П. Чудинов]. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. – 292 с.
14. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта): [текст]/Ю. С. Степанов//Известия АН СССР. – Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 325–332.
15. Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие: методология и теория/Е. Ф. Тарасов//Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 5–18.

*Tausogorova Ayauzhan Kairatovna,
c.ph.sc., associate professor, Kazakh National University after Al-Farabi*

*Amrenova Raushan Saktiyarkyzy,
c.ph.sc., performer of a duty of the associate professor,
Kokshetau State University after Valikhanov
E-mail: aiauzhan@mail.ru*

Conception of the meaning of human nature in Kazakh tales

Abstract: In article to be considered features in antiquity cognition of the person as the biological subject. Also the analysis is given to antique knowledge of the plots taken from the Kazakh tales of emergence in a womb or the child's births, human soul about blood in a body of the person. Communication of modern semantics of the phraseologism which are used in plots of the Kazakh fairy tale is supposed. Due to the birth of the person, formation of a human image in antiquity was measured by the natural phenomena that are comparing an unfamiliar thing with the familiar phenomenon, cognition thus is conceptualism. This article says that the cognitive about the character of the Kazakh people it was connected with the nature this is we can see that some phenomenon was explained by in the connection of nature.

Keywords: cognitive linguistics, concept, conceptualism, world of an image, Kazakh fairy tale, soul, spirits sacred, other next world idiom, proverb.

In sphere of modern anthropocentrically science paradigm that includes the cognitive linguistic theory through language to research a work of Human's consciousness, forming ways and methods of understanding and getting knowledge, it also gives opportunity to get information about the forming of process and mechanism of Human's mind. In this case tale takes important place as language fact.

Some phenomenon such as in old period as the result of Human's dream and imagination or sacred thing, spirit, soul that conviction and belief that can be called as animism in the world tales and human nature is explained by animal and plant is called as totemizm. But, tales not are based believing just on human's nature and phenomenon, also on object of environmental world and their phenomenon as different process cognition such during try understanding to watch, to comprehend, to compare, to feel sensorial that are conceptual activities. But conceptual explaining of Popova Z. D. and Sternin I. A. is given in such way: "Consciousness of the person, having allocated some separate area, the sphere in objective or subjective (mental) reality, comprehends it, allocating its distinctive signs and bringing it under a certain class of the phenomena. It also is conceptualization. Result of conceptualization — a concept, mental reflection of the allocated signs of this area acting denotation a concept, that is that real sphere which found cogitative reflection in a concept" [1, 143].

In Kazakh tales according to self-knowledge of Human in result of conceptual activities it is formed the set of old period conception. "Social-lingual-cultural or ethnic, separately world of owner the language or there cognitive of the point of objective and show experience that connect conception total" [2, 55] from this it is lighted Human's concept in Kazakh tales about the world of Kazakh people and to show their cognitive and knowledge experience in the old period of time and it is formed from different connection conceptions. If Kazakh tales are considered from point of conceptual analyze that congestion theory of paradigm which include into linguistic cognitive about man who is the tale character on the basic of the nature of human, his growing up, existence their knowledge and cognitive are distinguished from character that based on nowadays science theory. For example, at the first the nature of man (child) so it can be stimulus their appearance and it is very distinguished in nowadays science — birthed child in old age of parents can be peculiar more clever and more courageous than other children: *...So they put into khazan (large dish, where is cooked meal) breast meat. They cooked breast meat then an old man and woman mustered their strength. Not so long an old woman became pregnant. And came time to bear a child. She bore the son and they give him a name Tostick because he was born that they ate the breast meat (tale "Er Tostick")* [3, 12].

In tales there are very much influence to human's life. In the tale "Zhylan kabykty zhigit (Man in the snake's skin)" hero Shahimardan was born after his mother's eating the meat of yellow snake and in the tale "Zhelkildek" the main hero was born in the result of eating of his mother the honey which was fallen in silver large dish from the sky and also in the tale

"Kokzhan batyr and Aidahar" it is considered that Kokzhan batyr was appeared from melon. In the tales such as topics refer to human's character are given the concepts as simple and credulous nature. It is not basis on science it's just show every days noting, getting by men's understanding and etc. People noting how it is grown grain in the nature and they use them to understand refer to people's appearing in life. How it is given in above after eating women the breast meat, honey, melon the children were appeared and they were as man but after eating snake's meat child's face was as man but his body was as snakes. It can be shown that they wanted just to bear a child by the eating the breast meat, honey, melon and also it can be understood that these women straight concern generation. And in the tale "Zhylan kabykty zhigit" the mother after eating snake's meat the child was born with the face of the person and body of a snake it is show that even in old period of time was the concept it was the product of two things. So in modern Kazakh language not thinking of the parents bad about their children even noticed their negative sides of character don't deny their children. Concern this case we have phraseologies that may be used in different stereotype situations in changeable meaning "ishten shykhan shybar zhylan" (the motley snake who left a belly)-it means whatever was it your child. It is also in contemporary Kazakh language it may be referred as a result of bringing up children is connected with proverb "Ne ekseng sony orasyng" (We reap as we have sown). It is also can be concern the appearing of child into life.

In Kazakh tale the old people who wanted very much to bear child they stayed overnight on a grave of the sacred and by asking to give a child. By this at the end giving presage by scared they bore child: That bye (rich man) with babyshe (his first wife) ask the god several days, months, years to give baby worrying prayed to all sacred... When they went to one grave they saw that in shadow of grave on the head he had white salde (headdress), kharaker (brown) horse under him the sacred did a spell. ... At this time the scared said: "I shall give you two girls and one son. Pull a hand, don't cry" Then he began to do spell quickly. After it was past several days, months. Once the old woman had an affability to lion's meat (tale-Alibek Batyr) [3, 79]. Closer to dawn when there was Venus, came to her Hodge with a white turban on the head and said to old woman: "What do you want from me to give you thirty sons or one son". And old woman answered: "Just one son".

In this episode we don't find that may be the nature phenomenon about sacred thing, spirit, soul that give the concept of believing animism and that connecting human nature with animals and plants is totemism. Here it is considered the old people who wanted very much to bear child they stayed overnight on a grave of the sacred and their asking to give a child. In purpose of people's wishing to bear the child it is his believing in his inside is strong that is why in the result giving the signal into brain they see the dream and in it themselves or giving to do spell by exclusively dear respectably subjects after it their having children may be considered on basis of science.

At the same time in believing of Kazakh people isn't present more powerfully than God and it is shown in the episode of tale as sudden appearance of the child and gift them bird happiness: *Once from dough which was prepared for baking of bread will make the child and will go outside to kindle the trivet (oven). When she blew a kindling it was sounded by somebody: "Your child is crying, your child is crying". Having looked back suddenly she saw a little birdie on yurta (the dwelling belongs to Turkic type of folding trellised and felt constructions) laths. It was a little birdie happiness that said "your child is crying".*

The woman who didn't understand what it was meant she ran home. When she came in yurta she saw instead of her dough was sitting by striking with heels about the earth a crying boy. Bread turned in the child. Woman: "You are giving me by God, my bird-happiness!" – having told it she seized the child. At this time, where any a drop milk in a breast of the woman never dripped milk began to flow. (Nanbatyr) [3, 162].

In epizode of Kazakh tales from each horned cattle (four types of cattle: horse, camel, cow, sheep) especially bull cattle when couple by doing sacrifice will ask the baby from god it was considered that will give the child: *He came home and among horses chose a stallion, among cows of a bull, among rams of a koshkar (manufacturing ram), among goats a goat. He took four cattle: a stallion, a bull, a koshkar, a goat and went to the river bank cuts them, then begs god to give the child. At night by (rich man) has a dream. And in a dream was told: "If you kill a roan stallion, will be born the daughter." (Tale "Dudar khyz") [3, 150].*

Usually in what fairy tale there would be no appearance of the child or becoming pregnant of woman though there are some distinctions, but the phenomenon on all identical — spouses who suffer from not birth of the child renouncing people and went to the steppe. So in tradition of begging the god getting to do sacrifice choosing especially four bull cattle may be it is put cognitive. In this case it is noted the influence of religious concept appearing the woman from man's rib. So it is right that to know as continuing the generation it is depending on men and according to it to choose from horned cattle just especially four bull cattle and to do sacrifice.

Leaving the native place, own home and going to the steppe and asking the baby from god it was the purpose of not birth of the child they were not respectable and they were removed from other people.

For example: Khan announced: "Who has not son there isn't place, who has not daughter there is not khumyz (milk of mare or filly). They mustn't come." (Tale "Dudar khyz") or "There is a place who has a son, who has a daughter there is a khumyz. For what can come who hasn't either son nor daughter." (Tale "Alibek Batyr").

In ancient period of time that had not child people despised them as we see from above episodes they were moved

aside from inviting all celebrations. We see that this concept is existed up today from idioms "khu bas (single) and also we see from proverb "balasys uyi-khu mazar (cemetery)" – (the home without child-empty)".

In Kazakh language the word "Khu" in many situation it is used in negative meaning. We can see from the following idioms: khu bas-it means single man or woman, who hasn't child; khu mangdai- the unfortunate person who can't get rid of torture; khu dala-it is the steppe where don't live anybody; khu khonys- place where there is no happiness, wealth, wellbeing; khu zaman- the period in which life is spoiled; khu mazar-without child-empty place; khu suyek-decrepit, helpless person; khu taban or khu syrakh -tramp, the fan to take a walk everywhere [4, 461–463].

In the Kazakh tale about appearing (birth) of the child cognitive in the conscious of people is concentrate as frame. In the examples in above that were taken from different tales they consisted from scene or detail where one of world object is man's birth in the ancient period of time the cognitive was as old man and woman suffered from absents of child in their family, their taking food, some need things and went in far-off travel, then to spend the night on a grave and asking the baby from god, to be tying, to become impoverished, (on a grave, in a tree shadow) take a nap then to see dream, to receive a presage about future child, to be choosy to meat of animals.

So cognitive about the birth of the child is kept in the mind and the words or phrases that give the meaning of birth the child show it can be researched deeply semantically.

And also the cognitive about the character of the Kazakh people it was connected with the nature this is we can see that some phenomenon was explained by in the connection of nature. For example how it was given in the episode above the connection between the animal and woman by this was appeared the child, when there was in mother's womb a child mother was to be choosy to meat of wild animals (lion) and changing from man into animal.

The plot of transformation of the person into an animal and vice versa occurs in the Kazakh fairy tales. For example the Magician having seen the rich man he drove the colt running home. Tazsha (the bald boy) ran away having turned into a fox and the magician rich man chased it turned in into basins (the Central Asian hound dog).

Tazsha was scattered as millet. When the Wizard the rich man wanted to peck as chicken, Tazsha who turned into a cat of the magic rich man who turned into chicken, having destroyed extinguished his voice (Tale "Tazsha bala").

On the basis of such phenomena transforming of soul in other body, changing emergence again is that there is a concept about reincarnation.

References:

1. Popova Z. D., Sternin I. A. Cognitive linguistics. – M.: Nuclear heating plant: East-West, 2007. – 314 p.
2. Demyankov V. Z., Kubryakova E. S. Cognitive linguistics//Short dictionary of cognitive terms/Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Pankraz Ue. G., Luzina L. G. – M.: Filol. f-t of MSU of M. V. Lomonosov, 1996. – KSKT, – P. 53–55.

3. Kazakh Tales (compiler E. Dysenbay la). – Almaty: Zhazushy, 2009. – 320 p.
4. Kengesbayev I. Phraseological Vocabulary. – Almaty: «Arys baspasy», 2007. – 800 p.
5. Mukhambetova A. Reincarnation in Tengriism. [Electronic resource]. – Available from: <http://dalaruh.kz>
6. Ualikhanov Sh. Kyrgyzdady shamandyktyng kaldygy tusiniktery/Kitapta: Selected works. 4 Tom. – Almaty, 1985.
7. Akhyret//Wikipedia. [Electronic resource]. – Available from: <http://kk.wikipedia.org>
8. Ualikhanov Sh. Kyrgyzdardyn kosmologiyalyk tusiniktery//Kitapta: Selected Works. 4 Volume. – Almaty, 1985.
9. Vezhbitsky A. Language. Culture. Knowledge. – M.: Russian dictionaries, 1996.
10. Clark E. V. Universal categories: about semantics of words qualifiers and values of the first words acquired by children//Psycholinguistics. – M., 1984.
11. Suleymenova E. D. Knowledge of language: «a language picture of the world»//Kazakh and Russian languages: fundamentals of kontrastivny linguistics. – 2nd prod. – Almaty: «Demeu», 1996. – 208 p.
12. Kunanbayev Abay. Selected works. II volume. – Almaty: «Zhazushy», 1968. – 250 p.

*Tsersvadze Mzia Giglaevna,
State University named after A. Tsereteli (Kutaisi), Georgia,
doctor of philology, associated professor
E-mail: mzia.cercvadze@yandex.ru*

The concept of “heart” in the idioms of Russian and Georgian languages (comparative aspect)

Abstract: In the article first presents a comparative analysis of the phraseological units with the component “heart” in Russian and Georgian languages. The object of study in this paper are Russian and Georgian idioms containing the component “heart”. The linguistic analysis of the material showed that the understanding of “heart” in the eyes of Russians and Georgians like each other.

Keywords: phraseological unit, concept, specific differences, heart, emotional specific characteristics.

*Церцвадзе Мзия Гиглаевна,
Государственный университета имени А. Церетели
доктор филологии, ассоциированный профессор
E-mail: mzia.cercvadze@yandex.ru*

Концепт «сердце» во фразеологизмах русского и грузинского языков (сопоставительный аспект)

Аннотация: В статье впервые представлен сопоставительный анализ фразеологизмов с компонентом «сердце» в русском и грузинском языках. Объектом исследования в данной работе выступают русские и грузинские фразеологизмы, содержащие компонент «сердце». Анализ языкового материала показал, что понимание «сердце» в глазах русских и грузин похоже друг на друга.

Ключевые слова: фразеологические единицы, концепт, специфические отличия, сердце, эмоциональные специфические характеристики.

Язык и культура тесно связаны друг с другом. Язык отражает культуру народа, и культура влияет на язык. Метод исследования культуры на основании языка является популярным и эффективным. В каждом языке существуют такие слова и выражения, в которых отражена культура народа, его традиции, обычаи, взгляды на жизнь и даже национальный характер. К числу таких слов и выражений относятся и фразеологизмы. Фразеологические единицы (ФЕ) аккумулируют в себе мудрость народа, его этические представления и помогают нам лучше узнать народ.

В предлагаемой работе впервые представлен сопоставительный анализ фразеологизмов с компонентом «сердце» в русском и грузинском языках.

Исследование фразеологизмов с компонентом «сердце» в разноструктурных языках является, по нашему мнению, интересным и актуальным в силу того, что позволит расширить представление о семантическом поле концепта «сердце» и выявить универсальное и специфичное в функционировании данного концепта в каждой из рассматриваемых языковых картинах мира. Актуальность исследования

аргументируется также отсутствием специальных лингвистических исследований, посвященных изучению концепта «сердца» на материале сопоставления русской и грузинской фразеологии.

Предметом изучения выступают репрезентированные в данных фразеологических единицах характеристики концепта «*сердце*», существующие в языковом сознании носителей русского и грузинского языков.

Материал исследования включает 57 русских и 45 грузинских (всего 113) фразеологических единиц с компонентом *сердце*, отобранных методом сплошной выборки из фразеологических словарей.

Таблица 1. – Количественное соотношение фразеологических единиц грузинского и русского языков по семантическим группам

Значение	Количество ФЕ в русском языке	Количество ФЕ в грузинском языке
«сердце» как «хранилище»	15	9
«сердце» как объект, предмет	33	22
«сердце» как человек	9	14

И в русском, и в грузинском языке, во фразеологизмах закреплено такое значение лексемы «сердце», как «хранилище» (место для хранения чего-либо). Очень часто в ФЕ этой группы мы обнаруживаем тему «тайна». В сердце, как правило, сохраняется важный смысл, чувства и эмоции, о которых можно говорить только с близкими людьми. Как правило, значение хранилища/вместилища/помещения поддерживается наличием грамматических маркера — предлогов «в», «из»: в русском языке: *хранить в сердце; таить в сердце; выкинуть из (своего) сердца; вырывать из сердца; выбросить из сердца; закрасться в сердце; войти в сердце*; в грузинском языке: *გულიდან ამოიღებს, ამოიგდებს, ამოირეცხავს* – «вырвать из сердца», «изгнать из сердца» – забыть, возненавидеть; *გულში უდევს* – «носить в сердце» – хранить в себе сокровенные мысли; *გულში დაეპყდება* – «врезывается в сердце» – запомниться навсегда; *გულს გულში ჩაუვარდება* – «запасть в душу» – глубоко запечатлеться, *გულში ჩამარხავს* – «похоронить в сердце» – скрывает, не проявляет. Интересно, что ФЕ, содержащие предложно-падежное сочетание «на сердце», которое должно указывать на положение чего-либо сверху, на самом деле маркирует ситуацию «внутри сердца», «в сердце»: *то-ска на сердце; камень на сердце; на сердце печаль; накипело на сердце; лежать на сердце; иметь что-либо на сердце; заскребло на сердце; на сердце кошки скребут; гულში ხიბდი აქვს* – «на сердце осадок» – кто-либо испытывает чувство неудовлетворенности. И в русском, и в грузинском языках ФЕ с компонентом «сердце» со значением «хранилище, вместилище» содержат указание на возможность закрыть/открыть его. Например: в русском языке: *открывать/открыть (свое) сердце кому-л.*, в грузинском языке: *გულის გახსნა* – «открыть свое сердце» – доверить кому-нибудь свою тайну; *გულის დახურვა* – «закрывать сердце» – перестать общаться с широким кругом людей.

В данной работе под фразеологизмом мы будем понимать «семантически связанное сочетание слов и предложений, которые ... воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [1, 559].

Анализ исследуемого материала показал, что в ФЕ русского и грузинского языков актуализуются следующие значения слова «сердца»: «хранилище – помещение для чувств и эмоций», «предмет с рядом физических свойств», «единый живой организм (человек)».

Количественное соотношение ФЕ грузинского и русского языков по семантическим группам дано в таблице 1.

В грузинском языке существуют ФЕ, в которых актуализуется значение слова «сердце» – «дверь», которая может открываться и закрываться: *გულის კარი გაეხსნება* (двери сердца откроются), *გულის კარი დაეხურება* (двери сердца закроются).

В образной фразеологической картине мира сердце предстает перед нами как предмет, имеющий определенные физические свойства: температуру, объем, глубину, вес, размер, качество, состояние (чистоту).

Сердце как предмет, имеющий температуру, показывает нам степень эмоционального напряжения, отсутствие/наличие чувственности и чувств. Например, в русском языке: *холодное сердце; горячее сердце (у кого); вызнобить сердце; растопить сердце; сердце тает; сердце горит*; в грузинском языке: *ცივი გულის ადამიანი* – «имеющий холодное сердце» – бесчувственный, не способный переживать: *გული დაუდნება* – «сердце растает» – смягчиться, придет в умиленное состояние; *ცხელი გული აქვს* – «имеющий горячее сердце» – о том, кто способен к сильным чувствам, переживаниям.

Сердце как предмет может быть определено через материал, из которого данный «предмет» создан. Сравнение сердца с камнем в сопоставляемых языках указывает на бессердечность и бесчувственность человека: если сердце окаменело, то оно перестало жить и не может сострадать: *каменное сердце, сердце не камень*; *გულის მაგივრად ქვა უდევს* – «вместо сердца лежит камень», *ქვის გული* – «каменное сердце». Сравнение же сердца со стеклом опосредованное: стекло не называется как материал, но есть указание на хрупкость сердца – чувственной сферы человека, его способность «разбиться»: *разбивать сердце, обломать сердце, разбитое сердце*; *გატეხილი გული* – «разбитое сердце»; *გულის გატეხვა ვინმესთვის* – «разбить кому-нибудь сердце». И в русском, и в грузинском языке уподобление сердца с золотом означает, что речь идет о добром, отзывчивом человеке: *золотое сердце; ოქროს გული აქვს* – «золотое сердце».

Сердце «имеет» вес: чем легче сердце, тем более приятные чувства у человека. Здесь есть аналогия с температурой. Тяжелое и холодное сердце ассоциируется с отрицательными эмоциями, а легкое и теплое сердце, наоборот, соединяется с положительными эмоциями. Например, в русском языке: *с тяжелым сердцем, на сердце тяжело; с легким сердцем; на сердце стало легче; на сердце полегчало*; в грузинском языке: *დამძიმებული გულით* – «с тяжёлым сердцем», *გული დაუმძიმდება* – «тяжело на душе» – в тягостном, мрачном настроении; *გული აუმსუბუქდება* – «станет легче на душе» – почувствовать облегчение; *გულზე მოეშვა* – «от души отлегло» – почувствовать облегчение.

У сердца есть размер. Чем больше сердце, тем больше чувств оно может вместить: большое сердце — кто-либо отзывчив, добр, способен горячо чувствовать. В грузинском языке выражением *დიდი გული აქვს* – «иметь большое сердце» характеризуют высокомерного, гордого человека.

В сопоставляемых языках встречается еще одно качество сердца — его чистота, которая связана с отсутствием «задних мыслей», иных, мыслей и мнений: с чистым сердцем, от чистого сердца; *სუფთა გულის ადამიანი* – «человек, имеющий чистое сердце»; *სუფთა გულით* – «от чистого сердца».

Сердце может расцениваться и как объект воздействия. В том случае, когда сердце подвергается какому-то воздействию, человек сталкивается с неприятными эмоциями, тревогой и тоской. Например, в русском языке: *вонзать острый нож в сердце; как нож в сердце; ужалить в сердце; хватать за сердце; трогать сердце; поражать в самое сердце; задевать за сердце; оставить отпечаток на сердце; раздирать сердце; растерзать сердце*; в грузинском языке: *გულზე უკბენს* – «уколоть кого-нибудь в сердце» – сильно обидеть, рассердить кого-нибудь; *გულზე გახეთქს* – «ранить душу» – сильно рассердить кого-нибудь; *გულს უთუთქავს* – «словно варом отдало» – причинять душевные страдания; *გულ-ღვირძლს გადმოაყრევინებს* – «выпустить кишки» – убить кого-нибудь; *გულს უსეტყავს* – «разрывать сердце кому-нибудь» – крайне огорчить, мучить кого-нибудь, причинять нравственные страдания кому-нибудь; *გულს წაიდებს ვისიმე* – «сердце, нервы намотать» – овладеть чьими-нибудь мыслями, чувствами, нравственно утомить.

И в русском, и в грузинском языке выражено представление о возможном «отсутствии» сердца: в двух языковых картинах мира эта метафора выражает отсутствие способности человека чувствовать и ощущать: ср. в русском языке: *без сердца/нет сердца (у кого-либо)* и эквивалентное в грузинском языке: *უგულო*, *გულის გარეშე* (буквально «за пределами сердца»).

Сердце воспринимается человеком и как цель: *сердце пытаются завоевать, украсть, покорить* и т. п. В этом значении фразеологизмы с компонентом «сердце» выражают желание или стремление кого-либо получить чувства другого человека, его любовь и верность: ср. русские ФЕ: *украсть сердце; завоевать сердце; покорять сердце; доходить до сердца; находить путь/дорогу к сердцу*; и ФЕ в грузинском языке: *გულს იტაცებს, წასტაცებს* – «овладеть чьим-то сердцем» – очень интересует, привлекает, полностью овладевает, очаровывает кого-нибудь; (ვისიმე) *გულს მოიპოვებს* – «овладеть чьим-то сердцем» – внушить к себе любовь; *გულში ცეცხლს ჩაუგდება* – «зажечь огонь на сердце» – внушить к себе пламенную любовь; *გული შეუვარდება* – «приглянуться, пасть в глаза» – полюбить кого-нибудь, понравится кому-нибудь; *გულის მოგება* – «выиграть сердце кого-либо» – получить симпатию, любовь кого-либо.

И в русской, и в грузинской языковой картине мира сердце осознается как самостоятельный субъект, как человек: это связано с тем, что сердце является самым важным органом человека: именно оно символизирует жизнь человека: *сердце поет; сердце изнывает; сердце надрывается; сердце замирает; сердце радуется; сердце чувствует; сердце не на (своем) месте; გული უღრინავს* – «сердце поет, сердце, грудь щемит» – беспокоиться; *გული, სული უკვნესის* – «сердце, душа стонет» – быть сильно озабоченным; *გული გადაუბრუნდა* – (буквально *сердце перевернулось*) – «сердце замерло» – очень испугаться; *გული სტკივა* – «сердце болит» – чувствовать тревогу, беспокойство, испытывать душевное страдание; *გული გაუქანდება* – «сердце рвется» – захотеть пойти к кому-нибудь, куда-нибудь; *გული თავის ადგილას აღარ უდგება* – «сердце не на месте» – волноваться, тревожиться; *გული ეუბნება* – «сердце говорит»; *გული უგრძნობს* – «сердце чувствует» – заранее что-нибудь предчувствовать; *გულზე ცეცხლი ედება* – «сердце охватывает огонь» – сердце, душа разрывается на части; *გული სისხლით ევსება* – «к сердцу кровь приливает» – разозлиться; *გული ყელში მიეჭინება, მოადგება, მოაწვება* – «слезы подступили к горлу», «сердце закипело, зажглось», «сердце забилося»: 1) физическое и душевное состояние перед плачем; 2) сильно рассержен, взволнован; 3) почувствовать большое удовольствие, почувствовать себя счастливым.

В истории русского языка слово «сердце» имело значение «мысль, чувство»: поэтому мы обнаруживаем ФЕ *с сердцем, в сердцах*.

Таким образом, анализ языкового материала показал, что понимание «сердце» в глазах русских и грузин похоже друг на друга. Обнаружены фразеологизмы совпадающие по компонентному составу и общей оценке, но отличающиеся в оттенках чувств, выражаемых ими в русском и грузинском языках.

Список литературы:

1. Гамрекели Н. Н., Мгалоблишвили Е. А. Грузинско – русский фразеологический словарь. – Тб.: Издательство «Сабчота Сакартвело», 1966. – 570 с.

2. Лингвистический энциклопедический словарь, – М., 1990. – 700 с.
3. Розенталь Д. Э., Краснянский В. В. Фразеологический словарь русского языка. – М.: ООО Издательство «Мир и Образование», 2011. – 416 с.

Yuldashev Akmal Gulamjanovich,
Uzbekistan State World Languages University
E-mail: akmal1909@mail.ru

Of some peculiarities of partial idiomatic compound words in English and Uzbek

Abstract: This article is about the investigation of semantic peculiarities of partially idiomatic compound words in the English and Uzbek languages by means of analysis.

Keywords: metaphor; semantics; full, partial idiomaticity; compound words; explicit, implicit and pattern meanings.

The formation of compound words is not only the combination of two components, but also it is the result of a complex process. According to E. S. Kubryakova, semantics of any derived word is more than the accumulation of sememes of its constituents [3, 393]. It is clear that there are certain hidden meanings in the semantic structure of derived and compound words which play an essential role in native speakers' speech. If there are no such hidden meanings in native speakers' speaking potential, this word becomes misunderstanding in this case. That means the existence of idiomaticity in such compound words.

Following to A. I. Smirnitsky who defined the phenomenon of idiomaticity as "the process which is not the result of the combination of all general sememes" we can state that any derived or compound word should experience (undergo) the phenomenon of idiomaticity to certain extent. The meaning of word formation pattern is a part of the semantics of a given word. To prove our idea the following can be exemplified: bookseller — "one, who sells books" is a compound word and its semantics includes "one", "who" which are auxiliary words, — "s" third person singular and predicative relation in its transformation. As this way of word formation is linked with grammar, but is not expressed implicitly in the compound word we conditionally call it as "grammatical idiomaticity".

We want to discuss the description of idiomaticity which is one of the most actual problems of the present day linguistics, and its realization in compound words in English and Uzbek languages. Different features of compound words in English have been studied by H. Marchand, A. I. Smirnitsky, O. D. Meshkov, A. V. Arnold, I. Ibragimkhodjayev, compounding in Uzbek have been studied by Sh. Rahmatullayev, A. Khodjiyev, B. Madaiyev, N. Mamatov, the problems of the formation of compound words, their morphological composition, semantics, their difference from word combinations, the orthography of compound words have been described in the works of above mentioned authors. However, the problems of semantics of compound words, their explicit,

implicit and pattern meanings which resulted from constituent components of the given compound words, the problem of compound words belonging to which type of formation whether they belong to composition or semantic type need further investigation. As the compound words are not being analyzed from semantic point of view, the role and place of compounding in word building is still vague. Clearly, the place of idiomatic compound words in English and Uzbek in word formation system is ambiguous.

As the analyses of examples show that from semantic angle the components of idiomatic compound words are mixed so much that they are considered to be as the whole unit, a separate lexeme in many cases. It is common knowledge that the demand for compound words is based on naming things clearly. The base of compound words usually depends on semantic and syntagmatic combination of several words. The idiomatic compound words emerge as a result of the unity of syntagm meaning and grammar in discourse in most cases.

When dealing with compound words semantics there certainly arise the problems of continuity in meaning and a separate unity of components constituting the meaning of the word, moreover the pattern of a derived word is meant, and there appear a subordination (of head and modifier) resulted from the combination of two stems in a compound word. For instance, the English compound word *bedroom* (bed — 'a piece of furniture for sleep or rest, typically a framework with a mattress', room — 'a part or division of a building enclosed by walls, floor, and ceiling') consisting of two components express a whole meaning — "a room for sleeping in". The Uzbek compound word *karvonboshi* (karvon — 'a group of people, especially traders or pilgrims, travelling together across a desert' — bosh 'leader,') is the combination of two components expressing a separate meaning — a person who is the head of the caravan. As is seen from the examples, the combination of two stems forms a compound word with a new meaning. The term idiomaticity in linguistics is frequently used to express phraseological units (V. V. Vinogradov, N. N. Amosova, A. V. Koonin and V. Teliya). Namely, according to A. A. Reformatsky,

idiomaticity is understood as a general figurative meaning which is not resulted from the combination of meaning of components of phraseological units, which cannot literally be translated into another language [1, 128].

Idiomaticity of phrases have been studied in detail in modern linguistics but it is the compound words which need deep analysis. This phenomenon is restricted with general definitions in English whereas in Uzbek has not been investigated well enough. A. Smirnitsky, proving the English compound word *blackboard* to be idiomatic compound word comes to conclusion that any black board cannot be the blackboard used in class as the blackboard can be made of not only the wooden board, but it can also be made of a chemical substance, it is the object of teaching process: “when the general meaning of a compound word is not derived from the accumulation of its components, and it expresses one whole notion it is an idiomatic compound word” [2, 117]. While investigating the problem of idiomatic compound word we are trying to describe their specific features as stated above this field of study has not been well-investigated. Our research reveals that compound words can be divided into full and partial idiomaticized. After thorough analyses of compound words in English and Uzbek languages we decided to define the full idiomatic compound word as the compound words whose all components express figurative meaning, and partial idiomatic compound word is a compound word whose one of the components can express figurative.

We will analyze some of the English and Uzbek full idiomatic compound words below.

The Uzbek compound word **Boltayutar** (**Болтаютар**) (bolta – an axe; and yutar – to swallow) can be an example for full idiomatic compound word. The dictionary meaning of the components of this compound word is not found here as it means a bird of prey which eats dead bodies.

The English compound word **Brain-drain** — “the emigration of scientists, technologists, skilled workers and etc. for better pay, equipment or conditions” can be an example for full idiomatic compound word in English. The first component of this compound word has undergone metonymic transference, where the second component experienced a metaphoric change as a result of which both components have lost their original primary meaning. The words used as a component of an idiomatic compound word can lose their primary meaning, or becoming an abstract notion it may become a means of semantic changes.

Differing from full idiomaticity, in the partial idiomatic compound words one element of this unit can have transferred meaning while the other component preserves its denotative meaning. For example, the Uzbek compound word **pakhtaolma** (**пакхтаолма**) (**pakhta** — cotton; olma — an apple) is a kind of early maturing apple. The first component of this compound word has idiomatic meaning assimilated with cotton as this type of apple is softer than other types of the apple. Another example can be **Qo`ytikan** (**Қўйтуикан**) (Qo`y — sheep; tikan — thorn) which is a plant with some thorns on its fruit.

The component thorn (tikan) has preserved its denotational meaning whereas the other component **qo`y** is used figuratively. Here, the feature of this plant which it can frequently be found on the body of sheep is taken into account. **Qo`qonarava** (**Қўқонарава**) is a cart with two big wheels where the second component **arava** (a cart) has preserved its dictionary meaning while the first component **qo`kon** has experienced metaphorical transference. In the history of Uzbekistan such big wheeled carts were produced in Kokand, which were very comfortable for muddy streets. The Uzbek compound word **Bobotil** (**Боботил**) (**bobo** –grandfather; **til** — a language) is a language of ancient ancestor. There is a partial idiomaticity in this word where the component language (or tongue) preserves its denotational meaning while the other component “bobo” (grandfather) has undergone metaphorical change. There is a shape cockscomb in the Uzbek compound word **Gultojikhu-roz** (**Гултожухўроз**) (**gul** — a flower; **toj** – a cockscomb, or a crown; **khuroz** — a cock, rooster). The word “Khuroz” (хўроз) is used as an attribute which expresses not the kings’ or queens’ crown, but it is cock’s comb. Moreover, there is the word ‘gul’ (a flower) in the compound word which gives the general meaning of the word (the name of a plant is produced by the combination of all components). The Uzbek compound word **Khurozqand** (**Хўрозқанд**) (**khuroz** – a cock, a rooster; **qand** – candy) implies the candy in shape of a cock prepared for children in general. Even ‘Khurozqand’ is made in other different shapes (for instance rectangular, triangular, circular shape; not in a shape of cock) it is called as Khurozqand.

A number such examples can be found in English as well.

Cutthroat — a murderer or other violent criminal. The second component of this word “**throat**” has undergone a semantic change, nevertheless it helps to understand the general meaning of the whole word. When this word is translated into Uzbek it expresses ‘**tomog kesuvchi**’ (**томоқ кесувчи**) (**tomog** – throat; **kesmoq** – to cut), **tomog kesuvchi** has changed into ‘**kallakesar**’ (**kalla** – a head; **kesar** – cut). **Eggplant** — the large egg-shaped fruit of an Old World plant, eaten as a vegetable. Its skin is typically dark purple, but the skin of certain cultivated varieties is white or yellow. The first component of this compound word “egg” is idiomaticized, formed by assimilation. **Eggplant** is used metaphorically as it has an egg-like shape. The second component “plant” has preserved its denotational meaning. Another compound word **Footnote** — an additional piece of information printed at the bottom of a page, can be an example for partial idiomatic compound word. The first component “foot” has a metaphoric change where the second component preserves its dictionary meaning. The meaning of the given compound words may not be based on the meaning of the components constituting them. For instance, **Frogman** is a person who swims under water wearing a rubber suit, flippers, and an oxygen supply. The first component of this compound word “frog” has a metaphorical meaning connected with the frog’s living in the water. Here, a person’s diving into the water with special suit and oxygen and doing his duty is assimilated with a frog. The second component of the compound word preserves its primary meaning.

As the above given examples show the formation of partial idiomatic compound words in languages being compared is based on metaphorical and metonymic transference.

The analyzed examples make it clear that the phenomenon of idiomaticity would be advisable to study in the sphere of formation of compound words after phraseological units. To study compound words from the point of idiomatics and dividing them into full and partial degrees gives an opportunity to acquire the semantics of compound words deeply.

Comparative analysis of idiomatic compound words in English and Uzbek which are non-kindred languages will be helpful in determining the similarities and differences of this problem and revealing undiscovered parts of this science.

It is necessary to note that the study of lingua-cultural, gender, pragmatic, discourse and cognitive features of the idiomatic compound words requires to learn their psycholinguistic, sociolinguistic and conceptual-semantic peculiarities in the present-day stage of contemporary linguistics.

References:

1. Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М.: Аспект пресс, 2006.
2. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры. 2004, – С. 393.
4. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1986.
5. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5-томлик. – Т.: Ўзбекистон миллий энциклопедияси нашриёти, 2006–2008.
6. LONGMAN Dictionary of English Language and Culture. – London, 2006.

Section 5. Pedagogy

*Karieva Matlubahon,
Namangan Engineering Pedagogical Institute,
Senior teacher, the Faculty of Power Engineering*

*Anvarov Alisher,
Namangan Engineering Pedagogical Institute,
Senior teacher, the Faculty of Vocational Education
E-mail: alisher_aaa@rmbler.ru*

*Kataeva Mukarramxon,
Namangan Engineering Pedagogical Institute,
Senior teacher, the Faculty of Power Engineering*

Role of the international cooperation in high education development

Abstract: In the conditions of the reforms occurring in Uzbekistan's higher education the necessity of improving the pedagogical potential of higher school arises that would increase the education quality, High Education Institutions integration in the international education space in accordance with the context of the Bologna declaration.

Keywords: Education, Bologna declaration, international cooperation.

From the old times our forefathers considered upbringing of the rising generation to be the most important problem. People's Pedagogics is envisaging early development of a personality with taking basic principles of teaching and education into account has created, developed and improved in the course of the centuries.

Uzbekistan was the first of the countries of the CIS to begin institutional reforms in the educational sector. Education is one of the most important components of human development; and it possesses a core role in solving fundamental challenges. As a key component of human development education determines a governing influence in solving of a number of social, economic, political and humane problems.

From my twelve years experience in higher education I can say that there are several problems need to be solved in our university as well as others in our country. We know that the higher education is the source of energy which activates the society development. All important persons for society gather knowledge and skills in this stage. The university life influences on the activity of person for future and determines its right role in a society. So, the positive and negative things at the university influence anyway to society.

For example, one of the problem is Master's program. Our Master's programs and curricula are badly developed, and they are inadequately related to the bachelor's programs. There is a shortage of textbooks and manuals as well as instruction materials. The low level some of teachers' qualifications who teach at this level is so far hindering the full implementation of the idea of a high-quality two-tier education.

Namangan Engineering Pedagogical Institute (NamEPI) is modern and dynamic developing and one of the leading Universities in Uzbekistan. The main purpose of NamEPI is training highly qualified specialists, which are to be able to get adaptation in the competition conditions of market, in submission of qualified educational programs, guided by energy, initiative, creation, professionalism and international cooperation of the professorial-pedagogical staff.

Our NamEPI is the one of the higher educational institutions in Uzbekistan which has a lot of international partnerships being a member of such as ERASMUS MUNDUS CASIA which gives chances for teachers & researchers to retraining at the universities of Europe on specialties "Agricultural sciences", "Pedagogical and Economical sciences".

In the conditions of the reforms occurring in Uzbekistan's higher education the necessity of improving the pedagogical potential of higher school arises that would increase the education quality, HEI integration in the international education space in accordance with the context of the Bologna declaration.

1. Adopting and realization the plan-program of retraining and qualification improvement of HEI pedagogical staff on the following trends:
  - Information and innovation technologies of education;
  - Pedagogy and psychology;
  - Master-classes on economic profile subjects;
  - Practical work of teachers directly at the venture;
  - Quality management.

2. Working out modules and methodological complexes on improving the teach staff quality.
3. Carrying out trainings, seminars, experience exchange, round tables.
4. Training of teachers-trainers on innovation informative technologies of education on the basis of the set centers.

The field of international relations of the NamEPI as well as the other HEU activities has significantly changed since 1999. In comparison with the period before 1999, the changes in international relations have been linked especially to volume of relations, number of partners involved, reorientation of the international relations to the new geographical and also professional (pedagogical/research) areas. The International Relations main aim is to keep, develop and improve the current level of international relations in line with the Institution development goals. The starting point for the international relations is derived from the strategic NamEPI priorities and from the integrated shape of the activities within the institution, which both correspond with the ministry of High Education strategy.

Due to many different forms of international relations this has a good name and holds a prestigious position among the best high educational Universities in the Uzbekistan. In relation to NamEPI environment they take into account the complete socio-economic situation in Uzbekistan as well as the international atmosphere in the global environment, which still keeps its significant particular regional attributes. The aim of NamEPI international activities is to support international relations as a way to enhance the position and good name of the NamEPI within and also outside the Central Asian education area.

Key focus within the international relations has been changing from quantity to quality, which is just a continuation of the process started in the past. It means that they focus on those, which significantly help to enhance and improve the specific dimension given by study programmes. They offer several well established activities linked to the international education area.

The above information confirms that the key activities within international relations support the internationalization of studies and research. Such activities are as follows:

- Students and Teachers mobility within the Erasmus Mundus Programme.
- Participation in international research projects.
- Support of the student organizations, which recruit more students into international.

- Building a network with other similar universities and faculties with the aim of supporting and extending international cooperation.

Role of The International Cooperation In High Education System is very important in our lives. As for me I have my reasons why I want to participate in European Projects, as a researcher.

The first reason is to learn invaluable experience of European specialists of higher education as much as possible during this short period of time with the help of proficient scientific advisors.

The second reason, Because European HE international scientific atmosphere, there would play important role in providing the productivity of my research activity as well as successful accomplishment of it. For me very important thing is to talk with overseas students so that I can conduct some surveys for my research in order to compare our higher educational system with that of their countries. Moreover, EU Universities itself is the most developed in the world which promise advancement opportunities for researchers/scientists.

The third reason, I can have an opportunity to use huge library resources (Research database of EU, E-books, so on.) and would like to investigate on new knowledge.

For example, I was last year in CULS Czech Republic.

There are many kinds of positive aspects in CASIA International Mobility. It can provide new experiences and widen the ways of thinking. When the exchange is organised in international groups they can familiarize themselves not only with the hosting country, but also with other cultures and systems of education.

They also have to learn to communicate and collaborate in a new group with people from different cultures. This opens a wide challenge: observing lessons, learning and teaching abroad and acquiring new backgrounds.

Every partner university gains new knowledge and international atmosphere for their every-day lives.

For me, personally, it brought a lot of experience. I persuaded myself that it was also fun and joy for me! I got on very well with everybody, I have seen real education systems and culture events, I joined many interesting and long informal discussions not only on the educational topics. During this two-month period I made friends who I would miss. But I hope that I will see them once again!

I could also see and feel a little bit how the student life is in the Czech Republic. It was interesting and useful.

References:

1. Anvarov A. A. Innovation Education in Shanghai University./Materials of scientific-practical seminar, – China, 2005./[Electronic resource]. – Available from: <http://www.jacobs-university.de/jacobscenter/news/jcill-guest-colloquium-alisher-anvarov>
2. Anvarov A. A. About Dual Education system./[Electronic resource]. – Available from: <http://www.jacobs-university.de/jacobscenter/news/jcill-guest-colloquium-alisher-anvarov>

*Rayimjanova Nigora,
Senior teacher, the Faculty of Power Engineering
Mallaboev Nosirjon,
Senior teacher, the Faculty of Transport
Anvarov Alisher,
Senior teacher, the Faculty of Vocational Education,
Namangan Engineering Pedagogical Institute, Uzbekistan
E-mail: alisher_aaa@rmbler.ru*

Recommendations on self-cognition and self development for ensuring spiritual development of students University

Abstract: This article analyzed self-cognition and self development. You are capable to change and grow. You may do all that want and become such, what you want to be. Several positive ideas about that, what continue your self-development and then use them in your life.

Keywords: self-cognition, self development, life style, professional carrier, learning, intellect.

*Райимжанова Нигора,
ст. преподаватель, факультет Электроэнергетики
Маллабоев Носиржон,
ст. преподаватель, факультет Транспорта
Анваров Алишер,
ст. преподаватель, факультет Профессионального образования,
Наманганский инженерно-педагогический институт
E-mail: alisher_aaa@rmbler.ru*

Рекомендации по самопознание и саморазвитие для обеспечение духовного развитие студентов ВУЗа

Аннотация: В статье анализируются самопознания и саморазвития. Вы способны изменяться и расти. Вы можете делать все, что я хочу, и стать таким, каким вы хотите быть. Несколько положительных идеи о том, что продолжают свой саморазвитие и затем использовать их в своей жизни.

Ключевые слова: самопознание, саморазвитие, стиль жизни, профессиональной карьеры, обучения и интеллект.

К началу самостоятельной трудовой деятельности, разумеется, при благоприятных условиях протекания развития завершаются процессы личностного созревания, оказываются сформированными все психологические механизмы самопознания и саморазвития: идентификация и рефлексия; способность к само принятию и само прогнозированию. Дальнейшие самопознание и саморазвитие индивидуализируются, приобретают черты и особенности, свойственные только данному человеку, определяя его стиль самопознания и стиль саморазвития.

Если в жизни возникают реальные проблемы и коллизии, эмоции и переживания поглощают человека и ему нет дела до самопознания и самосовершенствования. Все это приводит к своеобразному парадоксу: целенаправленно саморазвитием и самопознанием может заниматься только психологически зрелая личность, четко знающая, что ей нужно в жизни, ну а для того, чтобы стать личностью психологически зрелой, обязательно нужно заниматься целе-

направленным самовоспитанием, быть субъектом не только своей жизнедеятельности, но и самого саморазвития.

В то же время такой парадокс разрешим. Возникающее противоречие можно снять, если люди, общество, образовательные учреждения будут ориентироваться не только на передачу знаний подрастающему поколению, обеспечение условий для полноценного психического развития, но и на создание в раннем детстве предпосылок и специальных условий для самопознания и саморазвития.

Пока Вы живете, Вы способны изменяться и расти. Вы можете сделать всё, что захотите и стать таким, каким Вы хотите быть. Послушайте несколько позитивных идей о том, как продолжить Ваше саморазвитие и затем примените их в Вашей собственной жизни.

- Примите личную ответственность за Ваш собственный рост, никто не может сделать этого за Вас. Что Вы предпримите сегодня, определит вашу готовность к завтрашнему дню.

- Каждый день выделяйте время, чтобы сделать что-то для себя.
- Занимайтесь, чтобы оставаться компетентным в своей области. Мир изменяется быстро и Вы должны учиться, чтобы соответствовать изменениям. Уил Роджер сказал: «Даже если Вы на правильном пути, но засиживаетесь там, Вы неизбежно потерпите крах».
- Слушайте кассеты о личном и профессиональном росте.
- Никогда не оглядывайтесь — Вы можете контролировать свои действия только в данный момент, так что думайте о том, что Вы должны делать именно сейчас.
- Учитесь на опыте других студентов, Вам не нужно пробовать все лично. Это сокращает время необходимое для учебы.
- Решение проблем помогает Вам научиться быть терпеливым и увеличивает Ваши возможности справляться со сложными ситуациями; это хорошее упражнение для интеллекта.
- Анализируйте, но не поверхностно, ошибки, которые Вы совершили по той или иной причине. Это поможет Вам избежать их в будущем.
- Награждайте себя, когда понимаете, что Вы правильно определили приоритеты.
- Никогда не говорите, что что-то нельзя или не получится сделать. Продолжайте искать способы решения проблемы.
- После посещения семинаров доложите Вашему учителю или другим студентам в Вашей организации о наиболее важных вещах, которые Вы узнали из этой программы.
- Ликвидируйте лень из Вашей жизни.
- Читайте как минимум одну главу книги в день.
- Читайте как минимум одну книгу в месяц.
- Испытывайте жажду того, что жизнь способна Вам предложить и стремитесь к этому.
- Решите, что Вы действительно хотите делать — затем делайте это.
- Когда Вы стоите перед выбором: прочитать книгу или послушать версию программы на диске — послушайте диск. Это будет более правильно, и Вы можете делать это во время вождения автомобиля, прогулок, пробежки, или других рутинных дел.
- Создайте группу из 4–5 студентов (может друзья), с которыми Вы можете открыто обсуждать идеи поверхностно.
- Развивайте себя как источник знания для других путем взаимосвязанного общения. Выясните, кто, что, когда, и для кого делает. Вы можете установить прекрасные контакты для Ваших потребностей в будущем и для потребностей людей, которых Вы встречаете.
- Пытайтесь установить баланс в Ваших жизненных целях: семейных, финансовых, профессиональных, социальных, духовных, рекреационных.
- Всегда помните о Ваших целях, когда начинаете развивать новую деятельность.
- Если Вы часто пользуетесь калькулятором, то нажимайте на кнопки рукой, которую Вы не используете для письма.
- Не бойтесь провалиться в чем-то. В результате Вы можете многому научиться.
- Наиболее сложные проекты — это возможность для самого большого успеха, ровно как и самые сложные люди могут стать Вашими лучшими друзьями.
- Расставляйте картинки Ваших целей и мечтаний там, где Вы их часто будете видеть. Они смогут напоминать и помогать Вам сосредоточиться и отчетливо представить Ваши задачи.
- У нас у всех есть ровно 24 часа в день. Учитесь на примерах тех людей, которые делают больше, чем Вы. Возможно, Вы найдете способ улучшить то, что Вы делаете.
- Найдите не поверхностного наставника, который будет давать Вам советы, жизненные вызовы и помощь.
- Определите для себя некий «эталон» и наблюдайте за его стилем и действиями. Не копируйте его, но учитесь на его опыте.
- Учитесь на ошибках, которые делают другие, точно так же, как и на их успехах.
- Наполняйте свой разум позитивными идеями, мыслями и вдохновением, и тогда там не останется места для негативного.
- Выполняйте работу с кем-либо ещё, так что Вы получите дополнительный опыт.
- Расспрашивайте о малейших изменениях в организации, так что Вы будете знать больше о целой деятельности.
- Делайте больше, чем Вам подсказывают Ваши сомнения.
- Будьте уверены, что Вы способны справиться со всем, с чем Вы сталкиваетесь.
- Награждайте себя угощением, когда Вы достигли какую-либо учебную цель.
- Ведите ежедневный журнал, записывая Ваши мысли, идеи, чувства.
- Задавайте вопросы, слушайте, а затем задавайте больше вопросов. Вы будете обучаться и в то же время можете другим.
- Спрашивайте себя: «Как я могу воздействовать на свою судьбу?».
- Делайте вещи с тем, кого Вы уважаете. Они окажут Вам поддержку, и Вы будете учиться путем взаимодействия с ними.
- Разыскивайте новую информацию, касающуюся проектов, за которые Вы ответственны. Ищите новые идеи все время.
- Каждый день бросайте себе вызов выучить что-то новое.
- Оставайтесь гибкими и всегда приспосабливаемыми.
- Будьте открыты другим и искренне заинтересованными ими. Вы можете учиться у каждого, кого Вы встречаете.

- Мысленно развивайте новые навыки. Ваше подсознание не знает разницы между действительной практикой и мысленной тренировкой.
- Ведите запись Ваших достижений за последний день/неделю. Если Вы не достигли того, что хотели, у Вас будет экстремальный стимул сделать что-то лучше в следующий раз.
- Записывайте вопросы, на которые Вам нужны отве-

ты. Затем, когда к Вам приходит ответ, запишите его рядом с вопросом.

- Учитесь преодолевать личные, непродуктивные привычки, например: переедание, курение, склонность к сплетням.
- Ведите «Идейный файл» или блокнот, в котором Вы будете записывать все новые идеи.

Список литературы:

1. Самосознание личности. Общественное сознание и самосознание индивида. – М., 1995.
2. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М., 1999.
3. Guest Colloquium: Alisher A. Anvarov “The Education System of Uzbekistan”, – Jacobs University, Bremen, Germany./ [Electronic resource]. – Available from: [http://www.jacobs-university.de \(jccl-guest-colloquium-alisher-anvarov\)](http://www.jacobs-university.de (jccl-guest-colloquium-alisher-anvarov)).

Nurdinova Fotima,

*Senior lecturer, the faculty of Power Engineering,
Namangan Engineering Pedagogical Institute*

Mallaboev Nosirjon,

*Senior lecturer, the faculty of Transport,
Namangan Engineering Pedagogical Institute*

Anvarov Alisher,

*Senior lecturer, the faculty of Vocational Education,
Namangan Engineering Pedagogical Institute, Uzbekistan
E-mail: alisher_aaa@rambler.ru*

Development of an electronic educational-methodical complex and using in educational process

Abstract: This article is analyzed the greatest economic and social success is reached there where actively use modern means of communications, information technologies and their network appendices.

Keywords: information technologies, educational-methodical complex, Web-technologies.

The level of possession of knowledge, or, more, the information starts to define the political and economic status of our state. And for successful work in such conditions people — the high-qualified experts meeting the highest requirements of the present are necessary to the state. Therefore formation turns to one of sources of the most valuable strategic resources? The human capital and knowledge that, finally, defines the general level of development of a society. And the main accelerator of its development becomes information. Information of a society, in turn, is practically impossible without information technologies.

For achievement of scientific and technical and information independence of our country, its existence as equal in rights partner of the international intellectual community in Uzbekistan have been accepted a number of laws. Complex information of professional colleges and the academic lyceum and high schools is guided now by formation and development of a mental potential of a science, perfection of forms and maintenances of educational process, introduction of computer methods of training, use in pedagogical work of modern information technologies.

Application of the services given by a global information-communication network the Internet in pedagogical process, undoubtedly, it is possible to name innovative technology. But correctly to apply all spectrums opened with the advent of in HIGH SCHOOLS of access to a network of opportunities, it is necessary to imagine correctly didactic properties, advantages and restrictions of new technology.

Information — the important factor of steady development of the person, union, the states. Financial investments in sphere of information technologies and services in a number of the countries have exceeded on volumes of an investment in development of power owing to record rates of their recouplement. The greatest economic and social success is reached there where actively use modern means of communications, information technologies and their network appendices: e-mail, multimedia, TV, teleconferences, visualization, modeling, computer to the schedule, medical video diagnostics and many other things.

About measures on the organization of development of the Program of development of computer and information technologies for 2001–2005, maintenance of wide access to

the international information systems the Internet? "Complex information of formation — is spoken in the Law on formation — should be considered as the basic condition of education of the youth, capable to be guided under often varying circumstances and adequately to operate in the modern environment. The young generation is necessary to learn to analyze problem situations which constantly arise, and independently to find rational ways of orientation in them". In general it also is transition from disciplinary to system model of the maintenance of formation which will learn the child as it is possible to understand more full the world, a society, the business. Process of information is natural and objective process, characteristic for all world community.

In an education system process of information should not be considered only as priority alternative, but also as an integral part of developments of a continuous education system, and in the given work information of formation, first of all, is considered as introduction of remote training in an education system.

In my scientific-research work, it is considered one of the parties of process of information of a society and formation. Creation and use in educational process of oddest of forms of training with use — an electronic educational-methodical complex. In it opportunities of means of new information technologies, the conditions necessary for their successful use of an electronic educational-methodical complex in educational process in HIGH SCHOOLS are investigated.

At the present stage of development of formation there is a universal introduction of new means of information technologies to educational process, there is a necessity for use of

electronic educational-methodical complexes for educational process. For strengthening efficiency of this process of formation presence of the developed and multi-purpose software on the basis of which new approaches to training with application of means of new information technologies will be under construction is necessary. In conditions of development of information technologies and their introductions in educational process especially a vital topic of dissertational work, i. e. creation of an electronic educational-methodical complex in a subject — «Web-technologies».

The electronic educational-methodical complex on subject has been developed «Web-technologies», meeting all requirements shown to electronic educational-methodical complexes which was successful outside of-drains in educational process in a subject «Web-technologies».

The test portal of the control of knowledge trained which is already used in NamIPI is created. In the dissertation the basic moments of a program part of a portal and feature of the program control of knowledge trained, and also management of a portal from organizers of remote training are shined. Certainly considered portal does not apply for a rank of the best and at all does not speak about such and any other approach, but is an example that as the control of knowledge over Universities can be realized. Certainly, at creation of such system the control of knowledge should not be born in the separate module, and should be closely interconnected with the system, in particular with lectures of rates of system of training. I very much hope, what the work done by me is done knowingly and will benefit an education system of Republic Uzbekistan both as a whole, and for its remote direction. Let small, but all advantage.

References:

1. Anvarov A. A., Kataeva M. Strategies for improve memory. – Journal Russian Town, – 7 (119). – USA, 2013.
2. The Education System of Uzbekistan/A. A. Anvarov – Jacobs University, Bremen: Guest Colloquium, – Germany, 2012.
3. Anvarov A. A. Efficient implementation of state educational standards is an aspect of producing competent specialists. – T.: Westminster University, Business Collaboration models for sustainable Development in transition economies, 3rd International conference, – 2007.

*Varetska Olena Volodymyrivna,
Institute of Higher Education
of the National Academy of Pedagogical Sciences
of Ukraine, Ph. D., Associate Professor
E-mail: olena_varetska@mail.ru*

Criteria, indicators and levels of elementary school teacher's social competence in the system of postgraduate education (motivational and value component)

Abstract: The paper presents the content of motivational and value component of elementary school teacher's social competence, criteria, indicators and levels of its development.

Keywords: social competence, elementary school teacher, motivational and value component, criteria, indicators, levels of the development.

Radical transformations of modern society cause changes in education, its goals and ways of implementation. We ex-

perience a shift from knowledge paradigm to understanding the importance of acquiring various competencies required

for successful existence in the society, including skills concerning successful interaction and performing the roles in different social groups, establishing partnerships, building acceptable social behavior, etc., so what is meant here is the development of social competence (hereinafter — SC). Note that special attention in this process should be given to primary school teachers, as he affects the child's soul and affects the formation of young student's values, whose age is characterized by sensitivity and intensity of social relationships, acquisition and expansion of social roles, increasing interaction with social environment. Therefore, in determining the nature, structure, functions, criteria, indicators and levels of elementary school teacher's SC, we relied on the wording of definitions concerning elementary school children as a goal and result of social and professional teacher's activity. Based on the results of our research, we note that the issue of teacher's social competence (without terminology) has been in the focus of scientists' attention since ancient times and has been considered important [1]. However, even regarding the abovementioned research of individual SC, the studies on the teacher's SC are rather limited (L. Karpova et al.). Vast majority of works are related to SC of graduates (I. Zymnia), future psychologist (R. Skirko) future teachers (N. Lupanova, H. Mosiahina), students of pedagogical universities and colleges (P. Boichuk, N. Borbych, S. Krasnokutska, N. Liahova, A. Spirin et al.) and others. Our research deals with the essence of the concept, structure and functions of SC [1; 2]. What is more, criteria, indicators and levels of elementary school teacher's SC have not been the subject of research yet.

However, appropriate monitoring of elementary school teachers' development in the system of Postgraduate Education (motivational and value, cognitive, activity, operational, personal and reflexive components) requires the description of the very essence of the components, criteria, indicators and levels of elementary school teacher's SC which should be used to evaluate its condition at the stage of ascertaining pedagogical experiment, as well as at the stage of control pedagogical experiment. It should be noted that the complexity of the phenomenon of elementary school teacher's SC needs to determine its criteria and performance levels specified for each of the components, such as motivational and value, cognitive, activity, operational, personal, reflexive. The detailed analysis of each of the components is hardly possible in one article, thus we focus on the value and motivational component as one of the most important in the structure of SC.

To provide a deep insight into the issue regarding the results of the analysis of literature, defining the concept of "elementary school teacher's social competence", "the development of elementary school teacher's social competence" we consider appropriate to present our definition of the *"development of elementary school teacher's social competence in the system of Postgraduate Education"*. The definition is the following: it is a qualitative change of holistic multidimensional personality formation, consisting of motivational values, cognitive, activity, operational, personal and reflexive components, which is based on high

sophistication motives of social behavior, values, social and professional orientation, social and pedagogical, social and psychological knowledge, skills, experience, personal professional quality conversion of external and internal relations in the system of postgraduate education, implemented comprehensively and longitudinally in the process of education and during vocations and contributes to elementary school teacher's professional performance in standard and non-standard conditions of pedagogical activities.

So motivational and value component of elementary school teacher's SC in our study includes two components: motivation and values, each of which, in turn, requires the definition of evaluation system, which includes criteria, indicators and levels of elementary school teacher's SC.

It is known that the main characteristic of human potential that is strongly associated with its development is an inner motive. It is the driving force that motivates to act. Therefore, the development of elementary school teacher's SC is not possible without the development of appropriate incentives that requires the evaluation system.

Motivational component of motivational and value component of elementary school teacher's SC, we determined in accordance with the criteria and levels, reflecting the motives for social behavior.

Let's highlight the *criteria, indicators and levels of motivation element of motivational and value component of elementary school teacher's social competence*. The main parameters that characterize this part of motivational and value component of elementary school teacher's SC are motives, aspirations, desires, traits concerning social behavior. They are:

- Desire to express themselves in social activities of the teaching staff to achieve maximum independence in it;
- Wish to engage in problem solving;
- Williness to get information and exchange it;
- Volition to work among teaching staff, organize common activities and activities of students to achieve important social objectives; show creativity in work;
- Manifestation of responsibility in solving educational problems;
- Aspiration to improve the social importance of professional teacher;
- Manifestation of the importance of self-responsibility and decision-making (specific case).

The criteria indicating the essential features that characterize the motives, and ensure teacher's purposeful social behavior are put forward for the range of presented above motives of social behavior and related aspirations, desires and manifestations of elementary school teacher.

Each of the four levels (high, sufficient, medium and low) of motivational element of motivational and value component of elementary school teacher's SC describes the degree of manifestation of motives for teacher's social conduct concerning the specified criteria.

High level:

- *Very strong and steady desire* of elementary school teacher to express himself in social activities among teaching staff to achieve

maximum independence; to be engaged in problem solving; to take responsibility and be independent in decision-making; be independent in getting and exchange of the information;

– *Very strong desire* to work among the teaching staff, organize their common activities and activities of students to achieve socially important objectives; to be creative in work;

– *The maximum expression* of responsibility in solving educational problems;

– *Deep understanding* of the social significance of professional teachers.

Sufficient level:

– *Strong desire*: to prove themselves in social activities and among teaching staff to achieve maximum independence in it; to be engaged in problem solving; to take responsibility and be independent in decision-making; be independent in getting and exchange of the information;

– *Strong desire* to work among the teaching staff, organize their common activities and activities of students to achieve important social objectives; show creativity in work;

– *Significant expression* of responsibility in solving educational problems;

– *Sufficiently deep understanding* of the social significance of professional teachers.

Medium:

– *Slight desire* to express themselves in social activities and among teaching staff of the school to achieve maximum independence in it; to be engaged in problem solving; take responsibility and be independent in decision-making; be independent in getting and exchange of the information, though the desire occurs from time to time;

– *Volition* to work in teaching team, organize teachers' common activities and activities of students to achieve important social objectives; show creativity in work *from time to time (it disappear sometimes)*; *periodical manifestation* of responsibility in solving educational problems;

– *Slight understanding* of the social significance of professional teachers.

Low level:

– *Little desire* to express themselves in social activities and among teaching staff to achieve maximum independence; to be engaged in problem solving; take responsibility and be independent in decision-making; be independent in receiving and exchanging information;

– *Almost no desire* to work in the teaching staff, organize its common activities and activities of students to achieve important social objectives; show creativity in work;

– *Manifestation* of responsibility in solving educational problems *is almost absent*;

– *Weak understanding* of the social significance of professional teachers.

Value element of motivational and value component of elementary school teacher's SC, we determined in accordance with the criteria and levels that characterize teacher's capacity for social development. It should be noted that teachers who are am-

bitious in solving important problems, are more productive than those who are more capable but less focused and interested in solving them. Therefore, the definition of value orientations of elementary school teacher's SC at various stages of pedagogical experiment is one of the important objectives of our study.

Let's present *the criteria, indicators and levels of the value element of motivational and value component of elementary school teacher's social competence*. The main parameters that characterize this element, are values determined through desire, elementary school teacher's desire and concerns social development. They are the following:

– Elementary school teacher's desire to learn literature on social competence;

– Desire to analyze personal social experience in the context of educational activities;

– Desire for discussions on social competence;

– Desire to self-reflect social functions in educational activities;

– Desire to manage social development;

– Desire to self-explore;

– Desire to enjoy mastering something new (specific case).

The criteria that indicate the general essential features of this competence are put forward for the range of presented above value orientations of elementary school teacher concerning SC development.

Each of the four levels (high, sufficient, medium and low) characterizes the degree of manifestation of the value element of motivational and value component of elementary school teacher's SC, reflecting the value orientation on social development.

High level:

– *Permanent, stable and very strong desire* of elementary school teacher for social development, which includes: the study of literature on SC and self-research, analyzing social experience in the context of educational activities; the discussion on social competence; reflecting the social functions in educational activities; management of social development;

– *Permanent, stable and very strong desire* to explore, enjoy mastering something new, share social experience (understanding that students can learn experience only in the process of working).

Sufficient level:

– Elementary school teacher *rather often* feels a *strong desire* to study literature on SC analysis of personal social experience in the context of educational activities, to discuss SC, reflect social functions in educational activities; manage social development, get pleasure of mastering something new;

– *Sufficiently frequent and strong desire* for self-learning, enjoying mastering something new, share social experience of students (understanding, but not always taking into account that students can learn experience only in their work).

Medium:

– Elementary school teacher *occasionally* feels *slight desire* to study literature on SC analysis of social experience in the

context of educational activities, to discuss SC; reflect social functions in educational activities; manage social development;

– Slight desire for self-learning, enjoying mastering something new, share social experience with the class that emerges *from time to time* (understanding that students can learn experience only in their work).

Low level:

– Elementary school teacher *rarely* feels a *weak desire* to study literature on SC analysis of social experience in the context of educational activities, to discuss SC; reflect social functions in educational activities; manage social development.

– *Weak desire* to self-explore, enjoy mastering something new, and share social experience with the class that is *very rare* (not understanding that students can learn experience only in their work).

Thus, on the basis of the above-mentioned let's characterize generalized *criteria, indicators and levels of motivational and value component of elementary school teacher's SC* (extended case).

The indicators of motivational and value component of elementary school teacher's SC are:

– Desire to self-express in social activities and among teaching staff to achieve maximum independence in it;

– Desire to be engaged in problem solving;

– Desire for getting information and exchanging it;

– Williness to work in teaching staff, organize common activities and activities of students to achieve important social objectives; show creativity in work;

– Manifestation of responsibility in solving educational problems;

– Desire to increase social importance of teacher's professional activity;

– Manifestation of the importance of self-responsibility and decision-making;

– Elementary school teacher's desire to study literature on social competence;

– Desire to analyze social experience in the context of educational activities;

– Desire for discussions on social competence;

– Desire to reflect social functions in educational activities;

– Desire to manage social development;

– Desire to self-explore;

– Desire to enjoy mastering something new.

Criteria and levels of motivational and value component of elementary school teacher's SC (extended case).

High level is characterized by: a *very strong and steady desire* of elementary school teacher to self-express in social activities and among teaching staff to achieve maximum independence; to be engaged in problem solving; take responsibility and be independent in decision-making; be independent in receiving and exchanging information; social development, study of literature on SC analysis of personal social experience in the context of educational activities, to discuss SC; reflect social functions in educational activities; manage social development; *stable and very strong desire* to

work in the teaching staff, organize its common activities and activities of students to achieve socially important objectives; show creativity at work, a deep understanding of the social significance of the teacher and professional responsibility in tackling social and educational problems; self-explore, enjoy mastering something new, share social experience with students taking into account the fact that students learn experience only in their work.

Sufficient level — a *strong desire* of elementary school teacher to self-express in social activities and among teaching staff to achieve maximum independence in it; to be engaged in problem solving; take responsibility and be independent in decision-making; be independent in receiving and exchanging information; social development, study of literature on SC analysis of social experience in the context of educational activities, discuss SC; reflect social functions in educational activities; manage social development; *sufficiently frequent and strong desire* to work in the teaching staff, organize its common activities and activities of students to achieve socially important objectives; show creativity at work, a deep understanding of the social significance of the teacher and professional responsibility in tackling social and educational problems; self-explore, enjoy mastering something new, share social experience with students, understanding, but not always that students can learn experience only in their work.

Medium — *slight* elementary school teacher's *desire* to self-express in social activities and among teaching staff to achieve maximum independence in it; to be engaged in problem solving; take responsibility and be independent in decision-making; be independent in getting information and its exchange; social development, study of literature on SC, analysis of social experience in the context of educational activities, discuss SC; reflect social functions in educational activities; manage social development; *desire* to work in the teaching staff, organize its common activities and activities of students to achieve socially important objectives; show creativity at work, a deep understanding of the social significance of the teacher and professional responsibility in tackling social and educational problems; self-study, enjoy mastering something new, share social experience with students *from time to time (periodically)* understanding that students can learn experience only in their work.

Low level — *almost no* elementary school teacher's *desire* to self-express in social activities and among teaching staff to achieve maximum independence in it; to be engaged in problem solving; take responsibility and be independent in decision-making; be independent in getting information and its exchange; social development, study of literature on social competence, analysis of social experience in the context of educational activities, discuss social competence; reflect social functions in educational activities; manage social development; *weak desire* to work in the teaching staff, organize its common activities and activities of students to achieve important social objectives; show creativity at work, a deep understanding of the social significance of teacher and

professional responsibility in tackling social and educational problems; self-study, enjoy mastering something new, share social experience with students *very rare*, and without understanding that students learn experience only in their work.

Thus, the motivational and value elementary school teacher's SC component in our study involves teacher's awareness of his own needs and the needs of society in shaping elementary school children's SC, confidence in psychological, educational, economic, legal and other knowledge and understanding of social dimension of knowledge, its value, belief in the impact of this component on the spiritual and moral aspect of the child, the desire to get and share social information; particular value of a child, empathy, emotional balance, need for pedagogical creativity, continuous updating of knowledge and acquiring new competencies to enhance competitiveness in the labor market; desire to be engaged in problem solving, "reconciliation of the opposites" (Chekhov), decision-making responsibility, well done job satisfaction, achieving socially important objectives in joint activities of teaching staff, pupils and parents.

Taking into consideration the two-sidedness of school educational process and, as noted above, our focus among other things on the formation of elementary school child's SC (understanding the concept according to the state standard of comprehensive elementary education) as personality ability to work productively with various partners in the group and team to perform different roles and functions in the team [3], the development of values, motivation, behavior of younger student in each of the components of the elementary school teacher's SC, including motivational and valuable these tasks

are reflected at the level of teacher's activity.

In particular, the development of younger pupils' values in the process of SC formation on the level of motivational and value component teacher's SC manifests in his existential certainty, priority of social and spiritual values, openness, the need for exchange of social experience, experience of value attitude, deep confidence in personal, social, spiritual ideals, tolerance for the views of other people.

The development of motivational sphere of the child requires (concerning motivational and value SC component) teacher's confidence in the need to develop social interests, needs, child's motives, motivating effect on the child, emotional impact in the formation of a child's SC; to find an approach to the child who has no friends in the class, to build socially attractive environment for students and their comfortable interaction.

Teacher's activity in the development of behavioral sphere in the process of school children's SC formation manifests (concerning motivational and value aspect) as an active lifestyle, a desire to bring benefit to the public, embodiment of altruistic aspirations, spiritual readiness for cooperation and active collaboration with the child, assistance in solving complex social problems in the system "child-family", "child-child", introduction into the near and distant social environment and relationships therein, students' social needs satisfaction in contact with the teacher.

Further exploration will focus on the study of other components of the structure, criteria, indicators and levels of elementary school teacher's SC.

References:

1. Варецька О. В. Питання розвитку соціальної компетентності вчителя в наукових працях (від давніх часів до середини XIX століття)/О. В. Варецька//Педагогіка формування творчої особистості у вищій і загальноосвітній школах: зб. наук. пр./[редкол.: Т. І. Сущенко (голов. ред.) та ін.]. – Запоріжжя: КПУ, 2014. – Вип. 35 (88). – С. 10–20.
2. Варецька О. В. Підходи до визначення сутності поняття "соціальна компетентність особистості"/О. В. Варецька// Педагогіка формування творчої особистості у вищій і загальноосвітній школах: зб. наук. пр./[редкол.: Т. І. Сущенко (голов. ред.) та ін.]. – Запоріжжя: КПУ, 2014. – Вип. 37 (90). – С. 122 – 131.
3. Про затвердження Державного стандарту початкової загальної освіти: Постанова Кабінету Міністрів України № 462 від 20 квітня 2011 р. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/462-2011-%D0%BF>

Voitleva Nafiset Adalgerievna,
 Adygei state university, associate professor Institute of arts
 E-mail: nafiset11@yandex.ru

The characteristic of qualities of the creative teacher – future music teacher

Abstract: In article the author allocates group of the qualities characterizing the creative teacher, in particular, the music teacher in which activity informational content passes into the background, giving way emotional sensually to a component.

Keywords: creativity, creativity, qualities of the teacher, ability.

Воитлева Нафисет Адалгериевна,
Адыгейский государственный университет,
доцент Института искусств
E-mail: nafiset11@yandex.ru

Характеристика качеств творческого педагога – будущего учителя музыки

Аннотация: В статье автор выделяет группу качеств, характеризующих творческого педагога, в частности, учителя музыки, в деятельности которого информативность уходит на второй план, уступая место эмоционально-чувственному компоненту.

Ключевые слова: творчество, креативность, качества педагога, способности.

Психологическая наука утверждает: каждый обладает творческим потенциалом, нужно научиться выявлять его, развивать и использовать. Термин «творческий потенциал» часто употребляется исследователями как синоним таких понятий, как «творческая личность», «креативность личности». Различные теории, концепции, обращаясь к этому понятию, используют общие, родственные определения, ключевые понятия, характеризующие творческую личность: любознательный, находчивый, оригинальный, полный идей, фантазий, неспособный ограничить себя существующими правилами [11, 17].

Ю.Н. Кулюткин важным компонентом творческого потенциала личности учителя считает профессиональное творческое мышление [2]. Ученые А.В. Яковлева и М.В. Прояев выделяют такие черты творческого потенциала личности, как высокий уровень развития интеллектуальных способностей, внутреннюю мотивацию на творческую педагогическую деятельность, нетрадиционное личное мировоззрение. Изучая взаимосвязь особенностей творческой личности и педагогического творчества, исследователи выделяют как особо значимые творческое самочувствие, творческое самосознание [4, 32]. Е.С. Громов и В.А. Моляко выделяют следующие признаки креативности: оригинальность, эвристичность, фантазию, активность, концентрированность, чуткость, чувствительность. Педагогу-творцу, по их мнению, присущи также такие качества, как инициативность, самостоятельность, способность к преодолению инерции мышления, чувство подлинно нового и стремление к его познанию, целеустремленность, широта ассоциаций, наблюдательность, развитая профессиональная память [6, 19]. По мнению М.М. Рубинштейна [9, 34], в структуре личности творческого педагога большое значение отводится умению мобилизовать воспитанников, понимать, возбуждать и удовлетворять их интересы. Он отмечает также, что «оптимистическая черта принадлежит к существенным свойствам в ... положительной структуре личности учителя», и что на этой «естественной основе» успешно разворачиваются все другие ее свойства.

Еще одной важной характеристикой творческой педагогической деятельности является то, что она происходит ежедневно, но результаты ее видны не сразу. Творческий процесс педагога сопряжен не только с творческим процессом

каждого воспитуемого, но и с творческим процессом всего коллектива. Педагогическое творчество требует от педагога умения управлять своими психическими состояниями, оперативно вызывать творческое самочувствие у самого себя и у детей как участников деятельности, осуществлять творческий процесс педагогического общения [1, 26].

Опыт практической деятельности и специально организованных исследований, по мнению Н.М. Яковлевой [14], убеждает в том, что педагогическое творчество чаще всего проявляется у людей, обладающих далеко не всеми существующими творческими качествами, а лишь небольшой их частью, но с высокой степенью интенсивности. В то же время вполне ясно, что для организации педагогического процесса, кроме определенных интеллектуальных и организаторских качеств, необходимы специальные исследовательские навыки творческого поиска.

Опираясь на исследования ученых, нами выделена группа качеств и способностей, характеризующих творческого педагога, в частности – учителя музыки.

Память (смысловая и образная). Смысловая память непосредственно связана с пониманием, поскольку лучше запоминается то, что понимается. Она относится к преднамеренным мыслительным процессам: субъект сознательно ставит цель, задачу на запоминание, обеспечивая волевою регуляцией процессов памяти. Смысловая память выделяется на основе взаимосвязи памяти с мышлением и заключается в том, что информация подвергается активной мыслительной обработке, логическому анализу и синтезу, обобщению и т.п. Образная память определяется связью памяти с восприятием и воображением и обычно разделяется на виды: зрительную, слуховую, осязательную, обонятельную, вкусовую. Если смысловая память имеет дело с понятиями, словами, то образная оперирует образами. Она имеет зачастую произвольный характер, вызывая возникновение неожиданных ассоциаций. Именно ей присуща эмоциональность, а известно, что это является дополнительным, мощным фактором запоминания. Для эффективного профессионально-творческого развития необходимо пользоваться всеми видами памяти, осуществляя их взаимодополнение.

Вербальные способности, коррелирующие с общей культурой личности и академической успеваемостью.

К вербальным способностям относится семантическое понимание (в том числе – и профессиональных терминов), вербальное мышление, эрудиция, способности к словесным аналогиям и интерпретации выражений, умение определять и объяснять понятия, адекватный словарный запас (профессиональная грамотность) и т. п.

Невербальные способности общения, которые делятся на виды: кинесика (совокупность телодвижений, жестов, мимики, манеры одеваться и т. п.); пара- и экстралингвистика (тональность, тембр голоса, громкость и быстрота речи, пауза); такесика (прикосновение); визуальное общение (контакт глазами); проксемика (место и время общения) [12]. Точный выбор педагогом способов общения помогает лучшему взаимопониманию, определяет эмоциональную атмосферу педагогического взаимодействия.

Актерское искусство. Применяя основные идеи системы К. С. Станиславского в системе образования, используя тренинги, совершенствующие искусство перевоплощения, речевую импровизацию, мимику, жесты, мы полагаем, что также как психотехника К. С. Станиславского помогает актеру быстрее вжиться в роль, так и человеку, занятому познанием, она позволит глубже сблизиться с профессией. Артистизм учителя активизирует творчество учащихся. В вузе, этой стороне педагогического труда, не уделяется должного внимания. Речь идет не только о внешних факторах (интонация, мимика, жест, поза), хотя и они имеют немаловажное значение для создания творческой атмосферы. А. С. Макаренко писал: «Для меня в моей практике ... такие «пустяки» стали решающими: как стоять, как сидеть, как подняться со стула из-за стола, как повысить голос, улыбнуться, посмотреть ... Этому нужно учиться, и в этом есть и должно быть большое мастерство... » [цит. по: 5, 68]. Артистизм — это способность перевоплощения, мгновенного перестраивания в новые образы, переключения в новые ситуации. Творческий процесс педагога, так же, как и актера, является коммуникативным творческим процессом, в основе которого лежит процесс общения, и целью является воздействие человека и вызов определенного сопереживания. Творческий процесс учителя (как и актера) осуществляется в обстановке публичности, в определенный промежуток времени, что требует постоянной творческой мобилизованности, умения владеть собой. А когда речь идет о преподавательской деятельности в сфере искусства, музыки, артистизм педагога является одним из наиболее важных проявлений его творческой личности. Безграничные возможности музыки в сочетании с артистическим талантом учителя могут стать могучим средством эффективного влияния на учеников.

Логика и интуиция. Логические и интуитивные способности выступают непосредственно качествами, присущими интеллектуальной и творческой личности на определенных этапах профессионально-творческого развития личности, а также целями этого процесса, которые заключаются в умении личности решать насущные профессиональные проблемы и задачи.

Определенный уровень логики необходим для формирования основ смысловой памяти, увеличения степени абстракции. Педагог чаще всего работает в условиях неполной информации, многозначности, вариативности, дефицита времени для принятия решений — все это определяет необходимость изучения и использования интуитивного начала в работе. Интуиция трактуется как скрытая в глубинах бессознательного первопричина творческого акта (А. Бергсон, З. Фрейд и др.); как специфический механизм творческого процесса (что подразумевает возможность его развития и совершенствования); как особая способность сознания, не сводимая к дискурсивному, логическому мышлению. Профессиональная интуиция считается высшим проявлением компетентности специалиста, являясь специфическим творческим механизмом выхода за границы сложившихся профессиональных стереотипов. Педагог-музыкант должен придавать первостепенное значение интуиции, так как она является сердцевинной, центральным компонентом творческого процесса. Именно она помогает проникнуть в сокровищницу мыслей и чувств композитора и охватить произведение эмоционально-целостно — как некое единство, вчувствоваться в него, уловить, а затем и выразить в нем самое существенное. Именно интуиция позволяет исполнителю, как и слушателю, ощутить особенную близость музыки к своему внутреннему миру, «принять» ее. Рациональное мышление при этом часто оказывается бессильным. Поэтому для педагога-музыканта очень важно помогать ученику находить и ценить «контакты с волшебным миром подсознательного», готовить почву для художественно-интуитивных прозрений. А. Н. Лук, вслед за С. Л. Рубинштейном, отмечает огромную роль подсознательных процессов в творчестве. Творчески мыслящие люди, обращаясь в сложных ситуациях к образам подсознания, черпают из него решения поставленных задач. Например, Г. Коган считал, что при выполнении сложных игровых движений на музыкальном инструменте нельзя полагаться только на силы сознания, здесь надо постараться отыскать и подсознательные силы, которые помогут найти правильное движение [7, 47]. «Вполне понятно стремление... проанализировать и объяснить другим фортепианные приемы... Однако дело чрезвычайно затрудняется тем обстоятельством, что художественными приемами следует пользоваться бессознательно... » [3, 52–53]. Логика и интуиция взаимодополняют друг друга.

Чувство юмора — с одной стороны, оно является непременным атрибутом высокоразвитого интеллекта, с другой — имеет явные интуитивные черты, основываясь на тонких ассоциациях и аналогиях. Тонкий, уместный юмор — свидетельство высокого интеллекта, культуры личности педагога. Юмористическая фраза, жест, образ в самих себе содержат творческий компонент, ибо предполагают поиск и нахождение удачного сравнения, возникновение ассоциаций по сходству, контрасту, смежности, то есть связей между идеями, ощущениями, восприятиями, двигательными актами и т. п. [8, 71].

Творческое воображение, которое можно охарактеризовать как процесс создания новых образов без опоры на готовое описание или изображение их. Особенность творческого воображения заключается в том, что «оно является процессом в основе своей сознательным, протекающим при активной деятельности мышления субъекта, и подчиненным прямо или косвенно осознаваемой задаче — научной, художественной, практической» [13, 52].

Для творческой деятельности также весьма существенными являются выделяемые многими исследователями (Ф.И. Гоноболин, Н.В. Кузьмина, В.А. Сластенин, А.И. Щербаков и др.) такие педагогические особенности и качества личности учителя, как педагогическая наблюдательность; распределенное внимание; умение передавать другим накопленные знания; умение понимать точку зрения ученика, его интересы и потребности; умение проектировать развитие его личности; педагогический такт; способности эмпатии (сочувствия, переживания); умение создавать проблемные ситуации; способность импровизировать и др.

Педагогический такт — очень широкое и многоплановое понятие. Педагогический такт развивает творчество

ученика, потому что предполагает мощную мотивацию учебной деятельности. «Чувство уверенности педагога в том, что данный материал будет усвоен, и трудности будут преодолены, передается ученику, мобилизует и активизирует его волю, интеллект и наоборот, малейшая бестактность парализует личность учащегося» [8, 68].

В «живом» педагогическом деле крайне необходима импровизация. Именно в ней и находят свое выражение творческие способности педагога — быстро и верно оценивать ситуацию, принимать решения сразу, без развернутого логического рассуждения, на основе накопленных знаний, опыта и интуиции. «Овладение импровизацией является одним из путей восхождения к педагогическому мастерству» [10, 35].

Творческую личность отличает особое сочетание личностно-деловых качеств, характеризующих ее креативность. Но необходимо отметить, что в зависимости от конкретной сферы деятельности какие-то качества творческого педагога могут иметь большее значение, быть определяющими, а какие-то — меньшее, хотя отрицать их необходимость нельзя.

Список литературы:

1. Кан-Калик В. А., Никандров Н. Д. Педагогическое творчество. – М.: Педагогика, 1990.
2. Кулюткин Ю. Н. Творческое мышление в профессиональной деятельности учителя // Вопросы психологии. – 1986. – № 2.
3. Курбатов М. Несколько слов о художественном исполнении на фортепиано. – М., 1899.
4. Левчук З. С. Формирование готовности к профессиональному творчеству у студентов педвуза. – Минск, 1992.
5. Музыкальное воспитание в школе. Вып. 17. Сб. статей/Сост. О. Апраксина. – М.: Музыка, 1986.
6. Педагогика. Сост. В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов. – М.: Школа-Пресс, 1998.
7. Петрушин В. И. Музыкальная психология. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
8. Поташник М. М. Как развивать педагогическое творчество. – М.: Знание, 1987.
9. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М., 1987.
10. Рындак В. Г. Формирование организаторских умений у будущих учителей в процессе непрерывности педагогической практики. – М., 1988.
11. Ряховских Н. Д. Взаимосвязь теории и практики как средство развития творческого потенциала будущего учителя. – Оренбург, 1988.
12. Шадриков В. Д. Деятельность и способности. – М.: Изд. Корпорация «Логос», 1994.
13. Шаршов И. А. Педагогические условия профессионально-творческого саморазвития личности студента. – Белгород, 2000.
14. Яковлева Н. М. Теория и практика педагогического творчества. – Челябинск: УГПИ, 1987.

*Bakunova Irina Vladimirovna,
Associate Professor, Ph.D., Department of practice and special psychology
Ermakova Alexandra Viktorovna,
North-Caucasian Federal University, 5th year student, Department of Defectology
E-mail: alex_nechaeva92@mail.ru*

Speech therapy support of children with disabilities in the home-based learning

Abstract: This article discusses the speech therapy support the process of learning to read children with disabilities in the home-based learning.

Keywords: disabilities, home training, the process of learning to read, speech therapy support, speech disorders.

*Бакунова Ирина Владимировна,
Северо-Кавказский Федеральный университет,
доцент, кандидат психологических наук,
кафедра практической и специальной психологии*

*Ермакова Александра Викторовна,
Северо-Кавказский Федеральный университет,
студент 5 курса, кафедра дефектологии*

E-mail: alex_nechaeva92@mail.ru

Логопедическое сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях надомного обучения

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы логопедического сопровождения процесса обучения чтению детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях надомного обучения.

Ключевые слова: ограниченные возможности здоровья, надомное обучение, процесс обучения чтению, логопедическое сопровождение, речевые расстройства.

Положение семей, в которых воспитываются дети с ограниченными возможностями здоровья, к сожалению, усугубляется так как, своевременная поддержка и профессиональное содействие задерживаются в связи с невысокой активностью государственных структур и полным отсутствием как концептуальных подходов и теоретико-методологического обоснования психолого-педагогической помощи, так и практических разработок по данному вопросу. Данные дети и их родители остро нуждаются в систематической консультативной и реабилитационной помощи специалистов (врачей и коррекционных педагогов).

Нарушения речи отрицательно влияют на все психическое развитие ребенка, что отражается на его учебной деятельности, поведении, ограничении учащимися в контактах со сверстниками, с социальной средой, на успеваемости, на выборе профессии, что негативно влияет на всю структуру личности ученика [1, 42–43]. Логопедическое воздействие заключается в том, чтобы помочь ребенку преодолеть речевые нарушения, тем самым обеспечить его полноценное развитие и социальную адаптацию в социуме.

Основными задачами логопедической службы являются [2]:

1. Коррекция звуковой стороны речи:
  - а) постановка, автоматизация и дифференциация звуков;
  - б) формирование фонематического восприятия, совершенствование звуковых обобщений в процессе упражнений в звукобуквенном анализе, синтезе, в формировании слоговой структуры слова.
2. Исправление ошибок лексико-грамматической стороны речи:
  - а) уточнение активного и пассивного словарного запаса, обогащение его новыми словами;
  - б) развитие форм словообразования и словоизменения.

3. Развитие навыков связного высказывания.

4. Коррекция нарушений чтения и письма.

Взаимодействие специалистов предполагает совместную деятельность по сопровождению участников образовательного процесса — детей, педагогов, родителей, направленную на решение задач развития, обучения, воспитания, коррекции, социализации обучающихся; информирование и просвещение семей и педагогического коллектива.

Сопровождение — это система профессиональной деятельности, направленная на создание социально-психологических условий для успешного воспитания, обучения и развития ребенка на каждом возрастном этапе.

Логопедическое сопровождение обучающихся включает профилактическое и коррекционное направление работы. Оно отличается от всех форм логопедической работы тем, что предполагает тесную взаимосвязь, взаимодействие всех субъектов, принимающих участие в обучении, воспитании: учитель-логопед, учителя начальных классов, психолог, воспитатели группы продленного дня, медицинские работники, родители [3].

Такое взаимодействие помогает обеспечивать осуществление индивидуально-ориентированной психолого-медико-педагогической помощи детям с учетом особенностей психофизического развития и индивидуальных возможностей, а значит, стабильную результативность логопедических занятий.

Серьезное отношение учителей к проблемам речевых детей, знание логопедического минимума и учет этих знаний в работе позволяют выполнить одну из главных задач сотрудничества — достижение единства требований к ребенку со стороны учителя-логопеда и классным руководителем.

Логопедическое сопровождение ведется по следующим направлениям [4, 281–287]:

1. **Диагностическое** — обследование речи детей с целью комплектования групп, определения детей для

индивидуальной коррекционной и консультативной работы.

В первых классах рекомендуется проводить двухэтапную логопедическую диагностику [5]. На первом этапе осуществляется экспресс-диагностика, охватывающая всех обучающихся и позволяющая судить об уровне речевого развития детей, о сформированности некоторых универсальных учебных действий у ребенка (преимущественно коммуникативных и регулятивных). Второй этап диагностики представляет собой углубленное логопедическое обследование, охватывающее все компоненты речевой системы и выявляющее сформированность всех видов универсальных учебных действий.

Для диагностики и мониторинга рекомендуется использовать «Тестовую методику диагностики устной речи» Т. А. Фотековой, нейропсихологические диагностики письма и чтения младших школьников Т. В. Ахутиной, Н. М. Пылаевой, О. Б. Иншаковой [6, 89–98]. По результатам диагностики составляется аналитическая справка. Результаты логопедического обследования необходимо обсудить с педагогом-психологом, классным руководителем.

2. Коррекционно-развивающее. К коррекционно-развивающему направлению относятся:

- индивидуальные и групповые занятия по коррекции речи;
- работа в составе школьного психолого-медико-педагогического консилиума;
- проведение логопедической диагностики, отслеживание динамики развития обучающихся, обследуемых на психолого-медико-педагогической комиссии, подготовка пакета документов на психолого-медико-педагогическую комиссию совместно с психологом, социальным педагогом, учителем.

3. Методическое. Повышение профессиональной компетентности. К данному направлению логопедического сопровождения относятся:

- консультирование педагогических работников;
- консультирование родителей;
- выступления на школьных методических объединениях учителей начальных классов, районных методических объединениях учителей-логопедов; школьных методических объединениях, заседаниях проблемных групп учителей, работающих в классах коррекционно-развивающего обучения;
- проведение открытых логопедических занятий;
- выступления на родительских собраниях;
- публикации статей в СМИ, участие в форумах на логопедических сайтах;
- работа по теме самообразования;
- диссеминация опыта работы;
- совместная деятельность с педагогами, медицинскими работниками (обсуждение результатов диагностики, конструирование коррекционно-развивающей программы, при необходимости внесение корректив в

программу, отслеживание динамики развития детей-логопатов);

- осуществление преемственности по вопросам речевого развития детей между ДОО и школой;
- пополнение кабинета новинками методической литературы, изготовление и обновление наглядных пособий.

Основными задачами сопроводительной работы учителя-логопеда с семьями, имеющих детей с речевыми нарушениями являются:

- пропаганда логопедических знаний среди родителей, повышение их педагогической культуры;
- практическая помощь логопеда семьям, имеющим детей с речевыми нарушениями;
- определение перспектив совместной работы логопеда и родителей.

Данные формы логопедического сопровождения родителей позволяют давать необходимые знания и практическую помощь семьям, имеющим детей с речевыми нарушениями, что дает положительные результаты в коррекционной работе, создает атмосферу доверия, взаимопонимания и поддержки между детьми, родителями и педагогами. Получив необходимые знания, родители начинают осознавать свою роль в развитии и воспитании ребенка, нуждающегося в коррекционном психолого-педагогическом воздействии наравне с педагогами.

На логопедические занятия зачисляются учащиеся, имеющие различные нарушения в развитии устной и письменной речи на родном языке: общее недоразвитие речи; фонетико-фонематическое недоразвитие; фонематическое недоразвитие; недостатки произношения — фонетический дефект; заикание; дефекты речи, обусловленные нарушением строения и подвижности речевого аппарата (дизартрия, ринолалия); нарушения чтения и письма, обусловленные общим, фонетико-фонематическим, фонематическим недоразвитием речи.

Коррекция звукопроизношения у детей проходит на индивидуальных занятиях. Разработанная циклограмма учета времени на неделю позволяет заниматься с каждым ребенком не менее двух раз. Индивидуальные занятия выстраиваются по принципу лексико-грамматического подхода. Поэтому для автоматизации звуков подобраны многоплановые лексико-грамматические игры и упражнения, которые помимо основной цели позволяют развивать ряд важнейших речевых и познавательных навыков (слуховое внимание и память, словесно-логическое мышление, воображение и др.).

На протяжении всего времени коррекционно-развивающего обучения отслеживается динамика речевого развития ребенка, зачисленного на занятия, и фиксируется в речевой карте обучающегося. Для более точной и полной картины, показывающей динамику результативности работы с детьми, проводится мониторинг эффективности коррекционно-развивающего обучения как индивидуально, так и по группам. Это способствует

более глубокому и детальному изучению каждого обучающегося на определённых этапах и помогает намечать наиболее эффективные пути коррекции речевой патологии.

Занятия с детьми проводятся в часы, свободные от занятий дома по другим предметам. Необходимо соблюдать периодичность и продолжительность логопедических занятий, например, для детей 6–7 лет при общем недоразвитии речи, имеющими нарушения чтения и письма, обусловленные им — не менее 3 раз в неделю; при фонетико-фонематическим или фонематическим недоразвитием речи — нарушения чтения и письма, обуслов-

ленные ими — 2–3 раза в неделю; с группой заикающихся — 3 раза в неделю; фонетический дефект — 1–2 раза в неделю; индивидуальные занятия с детьми, имеющими тяжёлые нарушения речи — не менее 3 раз в неделю [7, 162–165].

Таким образом, в процессе логопедического сопровождения в условиях надомного обучения учитель-логопед уточняет установленное заключение, более тщательно обследуя речь детей; дает рекомендации обучающимся и их родителям по коррекции дефекта; консультирует родителей педагогов по определению тяжести речевого дефекта; оформляет необходимую документацию.

Список литературы:

1. Гаврилова Н. В. Проблемы адаптации лиц с ОВЗ. // Профессиональное образование. – Столица № 1, – 2013, – С. 42–43.
2. Староверова М. С., Кузнецова О. И. Психолого-педагогическое сопровождение детей с расстройствами эмоционально-волевой сферы. Практические материалы для психологов и родителей / М. С. Староверова, О. И. Кузнецова. – М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАД, 2013. – 143 с. (Пособие для психологов и педагогов).
3. Инклюзивное образование. Настольная книга педагога работающего с детьми с ОВЗ: Методическое пособие – М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2012. – 167 с.
4. Бойков Д. И. Психологическое сопровождение коррекционно-образовательного процесса как составляющая подготовки педагога – психолога / Современные проблемы и перспективы развития региональной системы комплексной помощи ребенку. Сборник материалов конференции. – Архангельск, – 2010.
5. Казакова Е. И. Система комплексного сопровождения ребенка: от концепции к практике // Психолого-педагогическое медико-социальное сопровождение развития ребенка. – СПб., 2009.
6. Ахутина Т. В., Фотекова Т. А. Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов: Пособие для логопедов и психологов – М.: АРКТИ, 2012. – 136 с: ил. (Библиотека практикующего логопеда).
7. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Исследование психического развития младших школьников, воспитывающихся в закрытом детском учреждении: Возрастные особенности психического развития детей. – М., 2012.
8. Аутизм: Методические рекомендации по психолого-педагогической коррекции. Сборник методических статей. / Бардышевский Н. В., Львова И. А., Морозова С. С. и др. / Под ред. Морозова С. А. – М.: Сигнал, 2001. – 232 с.

Zhubatyrova Botagoz,

Duysenbaeva Raichan,

Ergarina Zhanna,

teachers of the department of pre-school and special education,

Aktobe Regional State University im. K. Zhubanova,

Aktyube, Republic of Kazakhstan,

E-mail: botagoz.alga@mail.ru

Formation of image of the future teacher

Abstract: the paper presents the experience formation of image of the future teacher through the use of modern technology through interaction with university students on specialties “Pre-school education and training” and “Defectology”.

Keywords: positive image, PR — technology, new information technology, image of information, only presentation, competition.

Жубатырова Ботагоз,
 Дуйсенбаева Райхан,
 Ергарина Жанна,
 преподаватели кафедры дошкольного и специального образования
 Актыбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова,
 г. Актыбе, Республика Казахстан,
 E-mail: botagoz.alga@mail.ru

Формирование имиджа будущего педагога

Аннотация: В статье представлен опыт работы по формированию имиджа будущего педагога путем использования современных технологий посредством взаимодействия со студентами университета, обучающимися по специальностям «Дошкольное обучение и воспитание» и «Дефектология».

Ключевые слова: положительный имидж, PR-технологии, новые информационные технологии, имиджевая информация, самопрезентация, конкурентная борьба.

Динамичные изменения в жизни современного общества, произошедшие под влиянием социально-экономических факторов, свидетельствуют о том, что в настоящее время проблемы репутации, общественного мнения о конкретной организации и, следовательно, формирование и управление ее привлекательным образом получают все более широкий резонанс в сфере образования, в средствах массовой информации, на уровне межличностного общения сотрудников образовательного учреждения (ОУ), обучающихся и их родителей. На сегодняшний день активно применяются различные PR-технологии, способствующие установлению и поддержанию общения, взаимопонимания, расположения и сотрудничества между ОУ и обществом. Прогрессивное развитие рынка в сфере информационных технологий стремительно привносит ноу-хау средства в существующие PR-технологии, предоставляя образовательному учреждению возможность выйти на более высокий и качественный уровень по формированию своего имиджа, используя широкий спектр новых информационных технологий (НИТ). С помощью НИТ имиджевая информация создается на более профессиональном уровне с применением графики, звука, анимации, видеоизображений и других возможностей различных программных средств и НИТ, направленных на её позитивное психологическое восприятие в массовом сознании людей, а также распространение среди общественности в сети Интернет, расширяя круг потенциальных потребителей образовательных услуг.

Создание позитивного имиджа образовательного учреждения в первую очередь возложено на его персонал, особенно на ту его часть, которая непосредственно вступает в тесный контакт с реальными и потенциальными потребителями образовательных услуг — педагога. Но умеет ли сегодняшний педагог использовать средства НИТ в целях формирования имиджа ОУ, обладает ли достаточным профессионализмом, чтобы успешно решить эту задачу? Государственным образовательным стандартом не предусмотрено изучение будущим педагогам дисциплин,

отражающих теоретические и практические навыки рассматриваемого процесса. Данная проблема вызвала спрос на педагогов, способных эффективно и профессионально применять возможности НИТ в создании положительного имиджа ОУ.

Анализ научной литературы показал, что к настоящему времени накоплен определенный объем знаний, необходимый для постановки и решения проблемы подготовки будущего учителя, воспитателя к использованию НИТ в формировании имиджа ОУ. Так, общетеоретические аспекты подготовки будущего учителя раскрываются в исследованиях О. А. Абдуллиной, А. А. Вербицкого, Ф. Н. Гоновой, Л. В. Даринского, С. Б. Елканова, В. И. Загвязинского, И. Ф. Исаева, Т. К. Клименко, Н. В. Кузьминой, Л. Н. Куликовой, Б. Т. Лихачева, И. П. Селезневой, Ю. В. Сенько, В. А. Сластенина, Л. Ф. Спирина, Е. Н. Шиянова, А. И. Щербакова и др.

В результате научных изысканий зарубежных (П. Берд, Ф. Буари, С. Блэк, А. Браун, К. Боулдинг, Д. Бурстин, К. Спенсер, Б. Сэм, Э. Сэмсон, Дж. Честара, Дж. Ягер и др.) и отечественных (Е. Н. Богданов, Э. А. Галунов, А. В. Гармонова, Г. Г. Поченцов, Е. Б. Перельгина, А. Ю. Панасюк, И. А. Федоров, А. П. Федоркина, В. М. Шепель и др.) ученых сегодня активно развивается новая наука — имиджелогия, в рамках которой рассматриваются вопросы сущности и содержания различных видов имиджа (имиджа руководителя, имиджа личности, имиджа политика, корпоративного имиджа, профессионального имиджа и т. д.), закономерности, принципы и механизмы его возникновения и формирования.

Для нас принципиальное значение имели работы, в которых рассматриваются:

- имидж образовательного учреждения (Е. А. Александров, Е. И. Зуева, Е. А. Измайлова, Н. А. Кадочников, Е. Б. Карпов, Р. В. Козьякова, И. Р. Лазаренко, П. С. Лернер, В. М. Лизинский, Е. А. Петров, М. С. Пискунов, Т. Н. Пискунова, В. А. Раковских, А. А. Родионов, М. В. Томилова, А. В. Щербаков и др.);

- имидж учителя (Т. А. Бусыгина, М. Р. Варданян, А. А. Деркач, М. А. Дегтярёва, И. П. Казаченко, О. А. Куревина, А. А. Калужный, Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, В. В. Павленко, О. И. Попова, А. А. Реан и др.);
- имидж руководителя образовательного учреждения (Л. Малыгина, Е. Медреш, В. Метаева, В. Паутов, Л. Перминова, Е. Руднев и др.);
- теоретические аспекты формирования имиджа (зарубежные ученые: С. Ван-Райл, Дж. Грегори, Дж. Даттон, Г. Даулинг, Б. Джи, Ф. Котлер, Р. Кристиан, Ч. Фомбрун, А. Эллууд; отечественные: И. В. Алешина, А. А. Калужный, Т. Е. Климова, А. А. Крупанин, В. П. Попков, Г. Г. Почепцов, А. П. Ситников, Г. А. Тульчинский и др.);
- подготовка студентов к использованию новых информационных технологий в профессиональной деятельности (А. А. Абдукадыров, М. И. Жалдак, А. Ю. Кравцова, И. В. Марусева, С. А. Удалов и др.);
- психолого-педагогические особенности использования новых информационных технологий в учебном процессе (А. Г. Гейн, А. П. Ершов, М. П. Лапчик, В. М. Монахов, A. Dillon, R. Gagne, D. Jonassen и др.);
- совершенствование образовательного процесса в вузе с использованием новых информационных технологий (А. В. Андреев, Я. А. Ваграменко, А. Г. Гейн, Б. С. Гершунский, Л. И. Долинер, М. П. Лапчик, Д. Ш. Матрос, Е. И. Машбиц, Е. С. Полат, И. В. Роберт, Э. Г. Скибицкий и др.);
- особенности обучения информатике и информационным технологиям в вузе (Е. В. Баранова, Ю. С. Брановский, Л. И. Долинер, Э. И. Кузнецов, А. В. Могилев, Н. И. Пак и др.).

Несмотря на то, что в теоретических исследованиях имеется ряд интересных наработок, мы вынуждены констатировать, что проблема подготовки будущего учителя к использованию НИТ в формировании имиджа ОУ пока не стала предметом специального исследования.

В условиях отсутствия рынка образовательных услуг потребность образовательных учреждений (ОУ) в широкой самопрезентации не имела устойчивого проявления. За ними закреплялся постоянный ученический контингент микрорайона, а учителя получали направление на работу от органов управления образованием. Понятие «конкурентная борьба» за учеников и учителей школам было почти не знакомо. В 1990-е г., с развитием рыночных отношений, общественное сознание стало оперировать понятиями индивидуальности, отличительности, имидже субъектов социально-экономических отношений. В основу легло понимание конкуренции. Это позволило идентифицировать наиболее успешных субъектов в рыночном пространстве. В условиях сложившейся ситуации, когда на рынке товаров и услуг приоритетной характеристикой становится конкурентоспособность, организация уделяет значение своему имиджу. Вопрос идентификации коснулся и социальных институтов общества — обладателей специфической услуги — образования.

На сегодняшний день в разворачивающемся соперничестве учебные заведения прибегают к различным формам конкуренции, среди которых значительная роль отводится имиджу учителя [1].

Впервые понятие «имидж» было использовано в рекламной практике в Америке в 50-х годах. В научное употребление понятие «имидж» было введено только в начале 60-х годов XX столетия К. Болдингом. Позднее имидж становится ключевым элементом теории и практики «Паблик рилейшнз». В науке до конца 80-х годов XX столетия близкие по направленности исследования проводились в рамках психологии пропаганды, массовых коммуникаций, социального познания, индивидуального и общественного сознания. Одним из первых, кто ввел понятие «имидж» в научную литературу был О. Феофанов. Сегодня понятие «имидж» получило широкое использование и приложение в самых разных областях знания, включая и педагогику. Сопоставляя трактовки понятия «имидж», принятые в различных областях науки, мы пришли к выводу, что существующие его определения весьма разнятся между собой, но в своем большинстве они сводятся к образу, выполняющему определенные функции (В. Г. Зазыкин, Е. Б. Перельгина, Е. А. Петрова, О. А. Феофанов и др.). В рамках данного подхода имидж рассматривается как образ-представление об объекте, сформировавшееся в психике (в сфере сознания и/или в сфере подсознания) людей (индивидов) в результате прямого восприятия тех или иных характеристик объекта, либо косвенно через мнение других людей, и влияющее на их (его) мнение, поведение или действие по отношению к данному объекту [2].

При существующем многообразии типов образовательных учреждений в нашем исследовании к образовательному учреждению относились те, в которых осуществляют свою профессиональную деятельность педагога: общеобразовательные (начальные, основные, средние общеобразовательные школы, школы с углубленным изучением отдельных предметов, лицей и гимназии); специальные (коррекционные) для обучающихся, воспитанников с отклонениями в развитии и др.

На основе проведенного анализа существующих исследований и публикаций разных авторов:

- сформулировано определение имиджа образовательного учреждения — устойчивый образ-представление об образовательном учреждении, сложившийся в общественном сознании и отражающий его репутацию, престиж и качество предлагаемых образовательных услуг;
- выделены и содержательно раскрыты компоненты имиджа ОУ: имидж руководителя, имидж персонала, имидж потребителя образовательных услуг (выпускника, учащегося, дошкольника, родителей, класса, группы и т. д.), представление социального окружения о качестве образования, представление о цене образовательных услуг, представление об уровне комфортности школьной среды, внутренний имидж ОУ, стиль ОУ, визуальный имидж, внешняя атрибутика, финансовое положение, бизнес-имидж, соци-

альный имидж, реклама, паблисити, представление о месте и роли отдельных индивидов и групп.

Формирование имиджа предполагает определенную деятельность — имиджмейкинг. Анализ научной литературы показал, что выделяются две формы функционирования имиджмейкинга: непрофессиональный и профессиональный имиджмейкинг. Непрофессиональный имиджмейкинг — это присущая каждому человеку деятельность «стихийной» презентации какого-то объекта или самопрезентации себя значимому социальному окружению. На базе данной деятельности, путем ее усложнения и институализации, развивается профессиональный имиджмейкинг (Е. Б. Перельгина). Под профессиональным имиджмейкингом понимается не только деятельность имиджмейкера — специалиста по формированию имиджа, но и любая деятельность по созданию или коррекции имиджа, включенная в структуру профессиональной деятельности субъекта (А. Ю. Панасюк, Е. Б. Перельгина). В полной мере это относится и к педагогическому мастерству как фактору развития способностей учащихся [3].

В социокультурных условиях становится очевидным тот факт, что все большую роль в качественном функционировании ОУ играют современные технологии формирования имиджа, одними из которых являются новые информационные технологии (НИТ). Научный прогресс, стремительное развитие рынка информационных технологий и их массовая доступность предоставляют учителю возможность выйти на более высокий и качественный уровень по формированию имиджа ОУ, используя широкий спектр НИТ.

Учитывая изложенное выше и проведя анализ исследований авторов по использованию НИТ, было сформулировано определение «использование новых информационных технологий в формировании имиджа образовательного учреждения» — это целенаправленная деятельность учителя, характеризующаяся использованием совокупности средств и методов автоматизации, объединенные в технологическую цепочку, предназначенные для хранения, обработки, передачи и представления имиджевой информации в процессе создания, поддержания и усиления позитивного общественного мнения о престиже, качестве образовательных услуг и репутации образовательного учреждения.

Учёные отмечают, что существенной предпосылкой эффективности выполнения деятельности является наличие у личности готовности к её осуществлению. Принимая во внимание специфику нашего исследования и положения, представленные в работах М. И. Дзяченко, Л. А. Кандыбович, Т. Е. Климовой, Н. В. Кузьминой, Ю. Н. Кулютина, В. А. Крутецкого, К. К. Платонова, Д. Н. Узнадзе, В. А. Ядова, Н. М. Яковлевой и др., мы рассматриваем готовность будущего учителя к использованию НИТ в формировании имиджа ОУ как интегративное образование личности, имеющее системную организацию, сложную,

многоуровневую структуру и выступающее как совокупность, взаимодействие и взаимопроникновение мотивационного, когнитивного, деятельностного компонентов, степень сформированности которых позволяет будущему учителю продуктивно использовать возможности НИТ в формировании имиджа ОУ, совершенствовать свой опыт в их использовании и расширять его границы.

Мотивационный компонент, выполняющий стимулирующую функцию, является пусковым механизмом формирования рассматриваемой готовности. В его структуру входят мотивы, интересы, потребности и ценностные ориентации, совокупность которых отражает психологическую готовность будущего учителя к использованию НИТ в формировании имиджа ОУ.

Когнитивный компонент, выполняющий информационную и ориентационную функции, позволяет удовлетворить и развить потребности, интересы, мотивы и ценностные ориентации будущего учителя. Данный компонент представляет собой единство теоретических, методических и технологических знаний, которые интегрируют общие и специальные знания в сфере НИТ, общие и специальные знания в области имиджологии и специальные знания по использованию будущим учителем НИТ в формировании имиджа ОУ. Степень их сформированности отражает теоретическую готовность учителя к использованию НИТ в формировании имиджа ОУ [4].

Деятельностный компонент, выполняющий трансляционную и регулятивную функции, отражает практическую готовность будущего учителя к использованию НИТ в формировании имиджа ОУ. В структуру данного компонента мы включаем комплекс умений (диагностические, проектировочные, организационные, коммуникативные, рефлексивные), степень сформированности которых отражает практическую готовность будущего учителя к использованию НИТ в формировании имиджа ОУ [5].

Интегративный характер данного личностного образования, наличие этапов формирования (мотивационно-целевой, активно-действенный и обобщающий) и уровней проявления (низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий) позволили сделать вывод о таких характеристиках готовности, как многоуровневость содержания, системность и динамичность, возможность формирования и актуализации в процессе профессиональной подготовки будущего учителя.

Решение проблемы подготовки будущего педагога к использованию НИТ в формировании имиджа ОУ предполагает выбор стратегии, основой которой может выступать один или синтез нескольких подходов к исследованию. Анализ научной литературы показал, что для решения нашей проблемы наиболее продуктивными являются системный, интегративный, контекстный и объектный подходы. Данные подходы послужили методологической основой для разработки и обоснования модели подготовки будущего педагога к использованию НИТ в формировании имиджа ОУ.

Список литературы:

1. Митина Л. М. Учитель как личность и профессионал. – М., 1994. – 215 с.
2. Маркова А. К. Психология труда учителя. – М., 1993. – 190 с.
3. Кузьмина Н. В. Педагогическое мастерство учителя как фактор развития способностей учащихся // Вопросы психологии. – 1984. – № 1. – С. 20–27.
4. Кузьмина Н. В. Очерки психологии труда учителя. Психол. Структура деятельности учителя и формирование его личности. – Л., 1967. – 183 с.
5. Кулагин Б. В. Основы профессиональной психодиагностики. – М., 1984. – 215 с.
6. Кузьмина Н. В. Способности, одаренность, талант учителя. – Л., 1985. – 32 с.
7. Кузьмина Н. В. Формирование педагогических способностей. – Л., 1961. – 98 с.

*Zhubatyrova Botagoz,
Maitanova Nuria,
Gulmira Karimova,
teachers of the department of pre-school and special education,
Aktobe Regional State University im. K. Zhubanova,
Aktyube, Republic of Kazakhstan,
E-mail: botagoz.alga@mail.ru*

Formation of image of the competition of the educational institution

Abstract: the paper presents the experience formation of image of the future teacher through the use of modern technology through interaction with university students on specialties “Pre-school education and training” and “Defectology”.

Keywords: positive image, PR-technology, new information technology, image of information, only presentation, competition, competition of the educational institution.

*Жубатырова Ботагоз,
Майтанова Нурия,
Каримова Гульмира,
преподаватели кафедры дошкольного и специального образования
Актюбинского регионального государственного университета
им. К. Жубанова, г. Актюбе, Республика Казахстан,
E-mail: botagoz.alga@mail.ru*

Формирование имиджа образовательного учреждения в условиях конкуренции

Аннотация: В статье представлен опыт работы по формированию имиджа будущего педагога путем использования современных технологий посредством взаимодействия со студентами университета, обучающимися по специальностям «Дошкольное обучение и воспитание» и «Дефектология».

Ключевые слова: положительный имидж, PR-технологии, новые информационные технологии, имиджевая информация, самопрезентация, конкурентная борьба.

Подготовка педагога относится к числу проблем, которые всегда актуальны: меняются социально-экономические задачи общества, возникают новые требования к подготовке подрастающего поколения и это естественным образом отражается во взглядах на систему профессиональной подготовки. Вопросы подготовки

педагогических кадров находят свое отражение в государственных нормативных документах. Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2005–2010 годы, разработанная на основе Послания Президента Республики народу Казахстана «К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной

экономике, конкурентоспособной нации» одной из задач ставит повышения качества подготовки высококвалифицированных и компетентных специалистов [1].

Десять – пятнадцать лет назад родители, выбирая образовательное учреждение для своего ребенка, ориентировались, в основном, на такой критерий как близость расположения от дома, и лишь некоторые родители — на хорошего учителя. Образовательные учреждения мало чем отличались друг от друга. Социальная ситуация стала меняться в 90-е годы. Появились различной направленности образовательные учреждения. И у родителей, абитуриентов появилось право выбора, также как и у образовательного учреждения — право отбора студентов. В образовательных учреждениях стали появляться новые дисциплины дополнительно к базовому стандарту, разнообразные курсы, факультативы, спецкурсы и секции. Педагоги стали использовать отличающиеся программы, учебники. И у родителей возникали вопросы: какое образовательное учреждение «лучше учит», в какой — престижнее. Трудно разобраться во всем разнообразии и появился еще один критерий выбора образовательного учреждения — количество студентов трудоустроенных и востребованных на рынке труда [2].

Уменьшилось количество студентов в образовательном учреждении — сократили количество преподавателей. И образовательное учреждение, чтобы выжить или быть конкурентоспособными, привносят в учебно-воспитательный процесс свои «изюминки». Руководители и педагоги вынуждены организовывать отличительные от других образовательных учреждений дополнительные дисциплины, создавать особые условия и обучать персонал. Но, поскольку в бывших советских образовательных учреждениях о собственной Миссии и конкуренции даже не помышляли, а только выполняли заказ государства, то этот стереотип сохранился у большинства образовательных учреждений в настоящее время. То есть, исходят не от общего — Миссии или концепции в изменениях в образовательных учреждениях, а от частного — чтобы добавить, чего у других еще нет.

Еще очень важный фактор сегодняшнего дня — образовательным учреждениям отдают финансовую самостоятельность. А образовательное учреждение — это открытая, взаимодействующая со многими социальными институтами социально-педагогическая система, о которой все чаще говорят как о сфере услуг, употребляя такие понятия, как конкурентоспособность, сегмент рынка, образовательная услуга, реклама.

Учитывая все вышеперечисленные и другие факты, становится ясным, что каждому образовательному учреждению необходим свой *имидж*.

Слово «*image*» в переводе с латинского языка означает *образ, изображение*. Образ — обобщенное художественное отражение действительности в форме конкретного индивидуального явления. Определений понятия «имидж» достаточно много... Некоторые из них: имидж — это целенаправленно формируемый образ, призванный ока-

зывать эмоционально-психологическое воздействие. Или: имидж — искусственный образ, формируемый в общественном сознании средствами массовой коммуникации, создается с целью формирования определенного отношения к объекту. Может сочетать как реальные свойства объекта, так и несуществующие, приписываемые.

Можно ли образовательному учреждению не формировать свой имидж? Можно. Но в таком случае он будет сформирован общественностью и родителями студентов стихийно, а значит неуправляемо руководством. И задача стоит не в том: иметь или не иметь, а в том, *что* иметь — стихийный или управляемый имидж. Учитывая, что в мозгу человека есть лишь несколько центров удовольствия и, как минимум, десятки неудовольствия и тревоги, людям проще находить недостатки, чем позиционировать достоинства, и поэтому, устойчивый позитивный имидж образовательного учреждения сегодня можно рассматривать как важный современный компонент методического продукта вуза и как дополнительный ресурс управления, ресурс развития образовательного учреждения.

Что дает позитивный имидж вузу?

- во-первых, получить увеличение своего социального заказчика (родителя, абитуриента), образовательных услуг, а значит увеличить набор студентов;

- во-вторых, сильный позитивный имидж облегчает доступ образовательного учреждения к лучшим ресурсам из возможных: внебюджетному финансированию, источникам информации;

- в-третьих, имея сформированный позитивный имидж вуз при прочих равных условиях становится более привлекательной для *педагогов*, так как предстает способной в большей степени обеспечить стабильность и социальную защиту, удовлетворенность трудом и профессиональное развитие;

- в-четвертых, устойчивый позитивный имидж дает эффект приобретения вузом определенной силы, в том смысле, что создает запас доверия ко всему происходящему в стенах учреждения, в том числе к инновационным процессам.

С чего начинать создание имиджа вуза или алгоритм создания?

Исходя из определения понятия имиджа, в котором внешний образ проявляется посредством внутреннего содержания необходимо начинать с Миссии (концепции) вуза, то есть внутреннего имиджа.

Миссия или концепция вуза — это общая цель, смысл ее существования и принципы, посредством которых достигается эта цель. «Миссия всегда индивидуальна, уникальна, в ней заключены основное, «изюминка», образ «новизны», предназначение в мире. Миссия не связана с получением прибыли, она всегда красива, альтруистична, в ней звучит тема служения» [3].

Итак, сотрудникам вуза необходимо понять, в чем ее особенность. Для этого провести мониторинг понимания Миссии студентами, преподавателями и родителями. Воз-

можно, составить анкету с неоконченными предложениями типа: «Наш вуз особенный, потому что в нем ...», «Наш вуз отличается от других вузов тем, что ...».

Следующий шаг — выявление ожиданий основных «клиентов» вуза — студентов и их родителей. Например, с помощью такой анкеты, в которой необходимо проранжировать по значимости критерии выбора вуза и критерии к образу выпускника или идеального студента [4].

На основании создания собственной Миссии и выявленных ожиданий родителей и студентов разработать общий стиль вуза.

Атрибуты внутреннего имиджа:

– целостность стиля сотрудников (культура общения, одежда, прическа), критерии указаны в контракте; логотип; слоган; вывеска, подъездные пути, территория; интерьер (мебель, картинки, цветовые гаммы, таблички на дверях кабинетов); запахи; фирменная посуда; вид досок объявлений, стендов; места отдыха преподавателей; стиль общения, открытость, корректность, искренность; стиль общения по телефону.

Элементы корпоративной культуры как части внутреннего имиджа:

Система ценностей, правил, норм; способы циркулирования информации (создание структуры управления вузом и средства управления и взаимодействия администрации и участников учебно-воспитательного процесса); традиции, ритуалы; стиль общения со студентами; взаимодействие между собой персонала; отношение преподавателей и сотрудников к работе; отношение преподавателей и сотрудников к родителям студентов; совместный отдых, праздники общие и собственные; система поощрений и мотивация персонала; стимулирование инновационной деятельности.

Главной содержательной частью внутреннего имиджа являются:

Творческое и духовное развитие и процесс обучения персонала; компетентностный подход в учебно-воспитательном процессе; создание новых направлений деятельности; создание новых технологий в учебно-воспитательном процессе (ТРИЗ-педагогика, эйдетика, коуч-педагогика); психологическое сопровождение учебно-воспитательного процесса; создание новой системы воспитательной работы, которая соответствует современным студентам (развивающая воспитательная система).

Внешний имидж включает в себя:

- изготовление рекламных средств для актуализации желаемого имиджа: визитки, буклеты, проспекты, листовки, бигборды, световые троллы, указатели на дорогах;
- использование СМИ: радио, телевидение, газеты для рекламных статей, интервью для пропаганды достижений вуза, преподавателей, студентов, демонстрация наград;
- нанесение логотипа, слогана, на всю исходящую информацию о вузе;
- изготовление собственных дневников, исходя из Миссии вуза;

– проведение PR-мероприятий: участие в специализированных выставках, ярмарках, презентации;

– проведение образовательных мероприятий на базе своего вуза: олимпиады, конкурсы; методических объединений республиканских вузов;

– организация семинаров, конференций;

– издательская деятельность — книги в соответствии с Миссией;

– создание собственного сайта в Интернете как проекта рекламной площадки, где будет формироваться позитивный имидж вуза;

– рекламная кампания инновационных проектов, особенностей содержания образования — оригинальные дисциплины, курсы, факультативы, новизна образовательных услуг;

– активная социальная реклама, где демонстрируется забота о новом поколении РК через функционирование образовательных организаций;

– подчеркивание в рекламе стабильности деятельности вуза;

– организация постоянной обратной связи для анализа эффективности проведенных мероприятий.

Создавая свой имидж, мы должны понимать, что привлекаем студентов с определенным мировоззрением. Их критерии выбора вуза будут соответствовать вашему внешнему имиджу. Вуз должен развивать и обучать педагогический состав, внедрять новые технологии обучения, иметь хорошую материальную базу (территорию, здание) и техническую базу (оборудование для обучения и развития).

На основе опыта нашего вуза по созданию имиджа, мы считаем для того, чтобы тот или иной вуз был привлекательным, имел свой неповторимый складывающийся образ, скорее всего, он может руководствоваться алгоритмом создания Имиджа, который представлен ниже.

Итак, **Алгоритм создания имиджа** образовательного учреждения может быть таким:

1. Дать самостоятельное определение содержания понятия имиджа.
2. Исходя из определения, создать Миссию вуза, в которой будут сформулированы четко определенные приоритеты, собственная философия, свое видение будущего, уникальная, неповторимая, особая система ценностей, обычаев, традиций, стилей поведения, студенческая культура.
3. Выявить ожидания основных клиентов на разнообразные и качественные образовательные услуги, оригинальную систему воспитательной работы, развитие творческих способностей, совершенствование психических функций и уровня воспитанности студентов, формирование здорового образа жизни.
4. Проработать атрибуты внутреннего имиджа (перечислены выше) и выявить первоочередные.
5. Разработать внешний имидж ВУЗа (перечислены выше).

6. Составить план реализации внешнего и внутреннего имиджей.

7. Начать реализацию.

8. Провести мониторинг реализованных мероприятий.

9. Провести коррекцию и обновление имиджа.

10. Продолжить формирование имиджа.

Как это ни странно — это не столько дорогостоящее дело, как может показаться. Для начала достаточно соблюдать общую чистоту на всей территории. Стиль помещений должен соответствовать функциям и согласовываться с общим стилем (например, быть выдержанным в гармоничной световой гамме, иметь на дверях функциональные

таблички, выполненные в едином стиле [5].

Главные выводы:

1. Формирование позитивного имиджа жизненно необходимо современному ВУЗу.

2. Для того, чтобы создать внешний социальный позитивный имидж, необходимо создать внутренний.

Ведь мы можем научить только тому, чем владеем сами.

Не талантливых студентов не бывает, если у них талантливые педагоги!

Не талантливых педагогов не бывает, если у них талантливый руководитель!

Список литературы:

1. Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2005–2010 годы.
2. Джи Б. Имидж фирмы. Планирование, формирование, продвижение. – СПб.: «Питер», 2000.
3. Зинкевич-Евстигнеев Т. Д. Теория и практика командообразования. Современные технологии по созданию команд. – СПб: издательство «Речь», 2004.
4. Зуевская И. Н. Механизм функционирования позитивного имиджа Школы./статья, – М.: Издательском дом «1 сентября».
5. Почепцов Г. Г. Имиджология. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер» – 2002.

*Zaichenko Nataliia Ivanivna,
National University of Life and Environmental
Sciences of Ukraine, doctorate, the Faculty of Pedagogy
E-mail: natalia_zaichenko@ukr.net*

The problem of «new school» in Spanish-speaking pedagogical thought of the first third of the XX century

Abstract: The problem of “new school” in Spanish-speaking pedagogical thought of the first third of the XX century has been analyzed in the article. The author notes that Spanish-speaking educators searched the possibilities of social changes with the help “new school”.

Keywords: “new school”, Spanish-speaking pedagogical thought, education.

*Зайченко Наталия Ивановна,
Национальный университет биоресурсов и природопользования
Украины, докторант, педагогический факультет
E-mail: natalia_zaichenko@ukr.net*

Проблема “новой школы” в испаноязычной педагогической мысли первой трети XX века

Аннотация: Статья посвящена анализу проблемы “новой школы” в испаноязычной педагогической мысли первой трети XX в. Автор отмечает, что в “новой школе” испаноязычные педагоги искали возможности улучшения не только педагогической практики и образования, но и социальных изменений общества.

Ключевые слова: “новая школа”, испаноязычная педагогическая мысль, образование, воспитание.

В первой трети XX в. в испаноязычной педагогической мысли приобретают силу новые педагогические концепции. Мексиканские педагоги Х. Баранда (Joaquín Baranda) (1840–1909), Х. Сьерра (Justo Sierra Mendez) (1848–1912) отстаивают идеи развития народного об-

разования в родной стране, соответствующего национальным потребностям, призывают к организации учебных заведений народного образования, а также считают неотъемлемым условием достижения национального единства социальную поддержку ущемленных групп на-

селения, прежде всего представителей индейских групп Мексики.

В докладе, обращенном к Высшему совету по народному образованию, Х. Сьерра утверждал: «школа является спасением нашей национальной идентичности; с ней мы связываем надежды на сохранение нашего языка, консолидацию нашего характера». Образование является социальным процессом, охватывающим все аспекты жизни, продолжал педагог, а народная школа — это самая жизнь [1, 375].

Мексиканский педагог выступил с критикой школы своего времени, поскольку она, по его убеждению, воспроизводит механизм обучения чтению книг, но не формирует человеческий дух. Х. Сьерра видит будущее именно в народной школе, соединяющей умственное, моральное, эстетическое, физическое воспитание человека. Такая школа должна быть светской. Педагог утверждал, что введение обязательного, бесплатного, светского элементарного образования в Мексике является прежде всего государственным делом, ведь государство выполняет не только руководящую, но и социально-воспитательную функцию, воплощая общественные интересы [2, 219–220].

Под влиянием философско-педагогического учения Д. Дьюи в латиноамериканской педагогической мысли получили развитие идеи о школе действия, основанной на единстве теории и практики, воспитательных ценностях прагматизма и утилитаризма. Педагогические идеи американского философа Д. Дьюи были восприняты в странах Латинской Америки как прогрессивные, крайне важные для образовательной практики. Летом 1926 г. американский педагог провел два учебных курса в Мексиканском национальном университете. Некоторые его труды были переведены на кастильский язык и получили широкое распространение в Латинской Америке, например, «Мое педагогическое кредо», «Опыт и природа», «Искусство как опыт», «Логика: теория исследования», «Поиск достоверности».

Мексиканский педагог М. Саенс (Moises Saenz Garza) (1888–1941), сторонник педагогики Д. Дьюи, отстаивал идеи созидания деятельностного образования в Мексике, социально-культурного развития нуждающихся групп населения. М. Саенс обосновывал социально-педагогические идеи в рамках социально-виталистской доктрины. Образование и воспитание человека являются теми жизненными процессами, которые модифицируют, реконструируют, опыт личности, отмечал он. Условия жизнедеятельности общества изменяются, следовательно, изменяются и образовательно-воспитательные ориентиры.

Мексиканский педагог указывал, что образование и воспитание способствуют социальному развитию человека. Приобретая опыт деятельности в разных социальных контекстах, человек обучается «технике социализации», формируется как гражданин. На принципах совместной деятельности, соучастия, солидарности людей построена демократическая организация общества, отмечал М. Саенс [1, 478–479].

Критически воспринял идеи Д. Дьюи мексиканский педагог Х. Васконселос (Jose Vasconcelos Calderon). В

работе «От Робинзона к Одиссею» (1935 г.) он писал, что прагматические идеи Д. Дьюи, прогрессивные в США, «самоубийственны для наших народов, стремящихся к самостоятельности, основанной на собственной культуре» [3, 1521].

Перуанский педагог Х. Энсинас (Jose Encinas Franco) (1888–1958) обосновывал идею о том, что воспитание не является исключительно педагогической проблемой, а прежде всего социальной. Рассматривая школу как общность, он настаивал на первоочередности закладывания в ней оснований социальной жизни, а уже затем — организации ее как образовательного учреждения с учебными планами и программами, поскольку школа неразрывным образом связана с общественной жизнью, именно школа выступает средой социального и духовного развития человека. Знания, получаемые в школе, имеют реальную ценность и используются учениками в общественной жизни [4, 32–33].

В 1907–1911 гг. Х. Энсинас возглавлял школьный центр 881 в Пуно, в котором осуществлялись попытки реализовать педагогические идеи «новой школы» на практике. Заведение превратилось в центр просветительства и распространения знаний среди населения. Образовательные и воспитательные идеи обсуждались на еженедельных собраниях, была основана школьная библиотека, создано Общество педагогов, впервые в Пуно начал издаваться педагогический журнал «Образование» [2, 360].

В работе «Очерк новой школы в Перу» (1933 г.) Х. Энсинас отмечал актуальность образовательной реформы в Перу как составляющей модернизации и демократизации страны [2, 340–341].

«Новая школа» видится Х. Энсинасу общностью, объединенной духом социального равенства и солидарности, в такой школе представляются возможными условия для развития свободы деятельности и мышления ребенка. Напротив, школа, в которой царит дух авторитарности, выступает для ребенка «тюрьмой, где он механически подчиняется требованиям учителей или предписаниям регламентов, где ему навязывают серию обязательств, не признавая его прав» [5, 88].

Перуанский педагог считал, что учитель наделен в обществе весомой ролью, поскольку он самым активным образом принимает участие в общественно-политической жизни страны. Х. Энсинас сравнивал деятельность учительства с апостольской миссией духовного просветительства народа и отмечал, что затягивание в рутину препятствует учителю исполнять свою роль социального лидерства [5, 57].

Парагвайский педагог Р. Кардозо (Ramon Indalecio Cardozo) (1876–1943) в работе «Педагогика школы действия» обосновывал идеи о том, что в «новой школе» социальное воспитание должно осуществляться на основаниях патриотичности, уважения демократических ценностей и гражданских прав человека. Новая школа призвана формировать в человеке чувства солидарности, справедливости и толерантности, т. е. тех социальных качеств, на которых держится мир в мире. Педагог убежден, что в условиях

школьной среды по кирпичикам закладываются чувства любви к ближнему, поддержки приятелей и впоследствии человек сможет проявить милосердие, сочувствие также и в общественной жизни [6, 56–57].

Противопоставляя традиционной школе активную школу (школу действия), Р. Кардозо отводил последней значительную социальную роль — быть поводом и посредником в общественной жизни. Традиционная школа, по мнению педагога, представляет собой скорее остров, замкнутое пространство человеческих отношений, а новая школа призвана формировать социальные отношения, быть детской общиной, общностью, являющейся неотъемлемой составляющей общественного взаимодействия [6, 32].

Проблема “новой школы” нашла отражение в трудах испанского педагога Л. Лузуриаги (Lorenzo Luzuriaga Medina) (1889–1959), сторонника либеральной педагогики, — “Новые школы” (1923 г.), “Новое образование” (1927 г.), “Единая школа” (1931 г.) и др. Л. Лузуриага считал, что школа должна быть доступной для всех членов общества соответственно способностям и призваниям граждан, независимо от их экономических, социальных возможностей или вероисповедания.

Каталонский педагог Ф. Феррер-и-Гуардия (Francisco Ferrer i Guardia) (1859–1909) — теоретик и практик либертарной педагогики, видел в воспитании подрастающего поколения огромное общественное предназначение, развитие способности совершить социальную революцию и построить свободное и справедливое общество. Ф. Феррер-и-Гуардия утверждал, что воспитание свободной личности

не связано с христианством, так как религия основывается на смирности и препятствует борьбе человека на пути созидания нового справедливого порядка.

8 октября 1901 г. в Барселоне была открыта “современная школа” под руководством Ф. Феррера-и-Гуардии для 30 учеников. Это была первая в Испании школа, в деятельности которой были внедрены идеи либертарной педагогики, воспитание в ней носило антиавторитарный, атеистический характер.

В работе “Современная школа” (1912 г.) испанский педагог писал: “задача современной школы заключается в том, чтобы обучающиеся в ней мальчики и девочки стали образованными, правдивыми, справедливыми и свободными от всех предрассудков людьми. В этих целях, обучение догмам будет заменено рациональным обучением естественным наукам. Оно будет побуждать, развивать и направлять личные способности каждого ученика, чтобы он, со всеми своими лучшими индивидуальными качествами, не только стал полезным членом общества, но и вследствие этого повышал, благодаря собственным качествам, достояние своего общества. Школа будет обучать истинным социальным обязанностям в соответствии со справедливой максимой: *нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей*” [7, 37].

Таким образом, в испаноязычной педагогической мысли первой трети XX в. нашла отражение проблема “новой школы”. В “новой школе” испаноязычные педагоги искали возможности улучшения не только педагогической практики и образования, но и социальных изменений общества.

Список литературы:

1. Larroyo F. Historia comparada de la educacion en Mexico. – Mexico: I. D.F., 1967. – 596 p.
2. Educadores en America Latina y el Caribe. De la colonia al siglo XIX y XX. T. III/D. Soto Arango, J. Paniagua Perez (ed.). – Tunja: COLCIENCIAS, 2011. – 384 p.
3. Vasconcelos J. De Robinson a Odiseo: pedagogia estructuraliva//Vasconcelos, J. Obras completas. Vol. 2. – Madrid, 1958. – P. 1496–1720.
4. Zapata Ancajima J. C. Pensadores de la educacion peruana del siglo XX. – Piura – Peru, 2007. – 72 p.
5. Encinas J. A. Un ensayo de escuela nueva en el Peru. – Lima: Imp. Minerva, 1932. – 251 p.
6. Cardozo R. Pedagogia de la escuela activa. T. II. – Asuncion, 1939. – 380 p.
7. Феррер-и-Гуардия Ф. Современная школа/La escuela moderna/Ф. Феррер-и-Гуардия; пер. с исп. Э. Саттарова; вступ. ст. Д. И. Рублева. – М.: URSS: Либроком, 2012. – 128 с.

Loza Tatyana Vladimirovna,
Luhansk T. Shevchenko National University,
Competitor of the Department of Social Pedagogy
E-mail: agibalova_t_v@mail.ru

Dynamics of readiness' for independent living indicators in conditions of orphans' social and pedagogical support

Abstract: The forms and methods of orphans' preparation for independent living is examined in the article. The analysis of such indicators of orphans' readiness for independent living as a commitment to family life, social competence and professional readiness are given.

Keywords: orphans, social and pedagogical support, readiness to family life, social competence, professional readiness.

*Лоза Татьяна Владимировна,
Луганский национальный университет им. Т. Шевченко,
соискатель, кафедра социальной педагогики
E-mail: agibalova_t_v@mail.ru*

Динамика показателей готовности к самостоятельной жизни в условиях социально-педагогической поддержки детей-сирот

Аннотация: В статье рассматриваются формы и методы подготовки детей-сирот к самостоятельной жизни. Проводится анализ таких показателей готовности детей-сирот к самостоятельной жизни как готовность к семейной жизни, социальная компетентность и профессиональная готовность.

Ключевые слова: дети-сироты, социально-педагогическая поддержка, готовность к семейной жизни, социальная компетентность, профессиональная готовность.

Несмотря на наличие теоретического и методического обеспечения воспитательного процесса касательно детей-сирот, сегодня формы и методы их подготовки к самостоятельной жизни нуждаются в совершенствовании. Эта тема стала актуальной в последние годы, когда семейные формы воспитания детей-сирот получили распространение и воспитанники этих учреждений начали выходить в самостоятельную жизнь по достижению совершеннолетия. Именно с достижением сиротой старшего подросткового возраста возникает потребность во внедрении родителями-воспитателями и специалистами по социальному сопровождению таких форм и методов социально-педагогической поддержки, которые позволят в очередной раз решить вопрос самоидентификации, выбора жизненного пути и социальной модели взаимоотношений с окружающими, вопросы профессионального самоопределения и становления.

Выбранная нами проблема актуализирует в себе исследование многих направлений педагогического, социологического и психологического направления. В частности, основой исследовательского поиска по данному вопросу выступили научные труды о социально-психологических особенностях детей, подвергшихся деprivации из-за отсутствия семейного воспитания (М. Аралова, И. Дубровина, С. Матейчик, В. Мухина), особенностях становления детей-сирот старшего подросткового возраста (И. Зимина, Н. Хорошилова, Н. Яковлева), актуальности семейных форм воспитания (Я. Гошовский, И. Зверева), методике социально-педагогической работы с детьми-сиротами (Г. Бевз, И. Зверева, И. Трубакина, С. Харченко).

Вместе с тем, среди научных исследований в области воспитания детей-сирот старшего подросткового возраста еще недостаточно работ, где бы комплексно рассматривались различные аспекты их подготовки к самостоятельной жизни. Согласно концептуальным основам нашего исследования, главной целью социально-педагогической поддержки сирот при подготовке их к самостоятельной жизни является трансформация негативного социального опыта ребенка в видении себя и собственной жизнедеятельности

через призму усвоения знаний, умений и навыков как фундаментальных основ готовности к самостоятельной жизни. Исходя из этого, определяющими критериями готовности личности к самостоятельной жизни, можно считать их готовность к семейной жизни, социальную компетентность и профессиональную готовность.

Выделение критерия готовности к семейной жизни является обоснованным в рамках нашего исследования, поскольку его сущность предполагает сформированность устойчивого нравственного комплекса личности; готовности к межличностному общению и сотрудничеству; готовности к самопожертвованию ради партнера; умения решать конфликты конструктивным способом, способности к саморегуляции собственной психики и поведения [1, 118–119]. Аналогично результаты научных исследований показывают, что социальная компетентность проявляется в самостоятельности личности, уверенности в себе, осознании своих обязанностей, организованности, умении общаться, наличии интереса к социальной жизни и владении современными технологиями [2, 36]. Формирование же профессиональной готовности для ребенка-сироты заключается, прежде всего, в изменении позиции ответственности за свое будущее с пассивно-потребительской на активно-деятельностную, а также в сформированности готовности к сознательному выбору профессии и образовательного маршрута с акцентом на реализацию способностей [3, 44].

Экспериментальной базой для определения вышеуказанных показателей выступила система Центров социальных служб для семьи, детей и молодежи в Днепропетровской области (Украина). При этом Днепропетровский областной центр выполнял организационную функцию в рамках привлечения к эксперименту 464 детей-сирот старшего подросткового возраста; 258 родителей-воспитателей; 104 специалистов, осуществляющих социальное сопровождение. Поскольку реализация социально-педагогической поддержки по перечисленным направлениям должна внедряться как еди-

ный организационный комплекс, мы разработали формы и методы такой поддержки основываясь на особенностях субъект-объектного взаимодействия в данном процессе. Учитывая это, целесообразно выделить три группы форм и методов указанного направления:

- формы и методы социально-педагогической поддержки, которые могут быть использованы специалистом по социальному сопровождению при непосредственном взаимодействии с воспитанником для формирования его готовности к самостоятельной жизни. К данной группе форм и методов поддержки следует отнести триаду основных методических комплексов: оценку потребностей, социальное прогнозирование и ведение случая. Не менее важны и «локальные» методы: беседа, индивидуальное консультирование, работа с сетью социальных контактов, игровые методы;

- формы и методы социально-педагогической поддержки, которые могут быть использованы специалистом по социальному сопровождению при взаимодействии с родителями-воспитателями в рамках подготовки сироты к самостоятельной жизни. Это направление социально-педагогической поддержки предусматривает реализацию путем применения бесед, консультирования, методов посредничества, предоставления родителям-воспитателям методических материалов, проведения социально-педагогических тренингов, организации вечеров вопросов и ответов;

- формы и методы социально-педагогической поддержки, которые могут быть использованы родителями-воспитателями в рамках подготовки ребенка-сироты к самостоятельной жизни. Эти формы и методы поддержки имеют превентивную, психолого-коррекционную и культурно-досуговую направленность. Совокупность методов, которые могут комплексно внедряться родителями-воспитателями включает методы беседы, собственного примера, привлечения к совместной работе, поощрения, инструктирования и регламентирования, разнообразные игровые методы и привлечения к творческой деятельности.

В результате сравнения результатов констатирующего и формирующего экспериментов с помощью критерия Пирсона, мы получили данные, подтверждающие эффективность проведенной нами опытно-экспериментальной работы по указанным критериям.

Так, показатели диагностики согласно первому критерию (готовности к семейной жизни) у подавляющего большинства сирот старшего подросткового возраста, которые приняли участие в эксперименте, значительно улучшились. Результатом в данном случае выступила сформированность более сбалансированной системы индивидуально-психологических особенностей у воспитанников; осознание ими значимости различных сфер брачно-семейных отношений и сформированность обоснованных ролевых ожиданий и притязаний по каждой из

них; коррекция основных тенденций поведения в группе, поведенческих стереотипов и представлений о семейных отношениях. Такие изменения мы трактуем как повышение уровня готовности сирот к семейной жизни, что удалось достичь путем внедрения специализированных форм и методов социально-педагогической поддержки с учетом результатов предыдущей диагностики.

Изучение динамики показателей социальной компетентности также позволило отметить наличие положительных изменений. В частности, по результатам внедрения социально-педагогической поддержки, увеличился процент соответствия социального возраста воспитанников хронологическому, значительно повысился уровень их самоактуализации и гражданской социализированности, появился прогресс в формировании терминальных ценностей в каждой жизненной сфере. Согласно полученным данным можно констатировать повышение эффективности процесса их становления и самореализации в различных сферах жизни благодаря автономности, креативности, самопониманию и коммуникативности. На завершающем этапе нашего эксперимента большинство воспитанников демонстрировали стремление быть активными участниками общественной жизни, наличие национального самосознания, знание гражданских прав и обязанностей, высокую мотивацию к общественно полезной деятельности, что и стало подтверждением целесообразности проведенной работы.

Результаты, полученные в ходе проведения диагностики согласно критерию профессиональной готовности, также свидетельствуют об эффективности проведенного нами эксперимента. Это выразилось в профессиональной мотивации воспитанников, сформированности их профессиональных ориентаций и умений саморегуляции деятельности, наличия самосознания и положительного эмоционального отношения к процессу профессионального становления, готовности к осуществлению профессионального выбора с учетом собственных склонностей. Положительный результат достигнут благодаря соответствию субъективного отношения детей-сирот к собственным действиям и интересам, сформированности необходимых практических умений и адекватному отношению к социальному давлению. Это позволило влиять на их мотивы, ценности и установки касательно профессионального выбора; развивать их структурно-компонентные и функциональные умения, личностно-стилевые особенности и динамические характеристики саморегуляции.

Таким образом, опираясь на положительную динамику по всем критериям и на основании результатов применения математических методов обработки экспериментальных данных, мы получили подтверждение эффективности проведенной опытно-экспериментальной работы по всем указанным критериям.

Список литературы:

1. Шнейдер Л. Б. Основы семейной психологии: учеб.-метод. пособие / Л. Б. Шнейдер. – М.: МПСИ, 2003. – 927 с.

2. Прихожан А. М. Психология сиротства / А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых / 2-е изд. – СПб.: Питер, 2005, – 400 с.
3. Черняева М. Г. Профессиональная ориентация детей-сирот в условиях государственно-общественного взаимодействия: дис ... канд. пед. наук (13.00.08) – Калининград, 2011 – 176 с.

*Barmina Natalya Alexandrovna,
Kalashnikov Izhevsk State Technical University,
Associate Professor of English Department
E-mail: barmina-nat@mail.ru*

*Borisevitch Vladimir Borisovich,
The Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI),
Dean of Design Mechanical Faculty
E-mail: dm@madi.ru*

*Karelina Maria Yurievna,
MADI, Head of Chair «Machinery details and Theory of mechanisms»
E-mail: karelinamu@mail.ru*

*Tcherepnina Tatiana Yurievna,
MADI, undergraduate
E-mail: 2783974@gmail.com*

Basic trends of developing the educational programs of post-graduate course for their implementation by network means

Abstract: The paper presents the method of forming the concept and creating the model of the educational program of post-graduate course in order to implement it by network means. The technique of developing the program, personnel training to implement the program and conditions of pilot project are described.

Keywords: model of educational program of the third cycle, network means, piloting, target groups, cross-cultural and transversal competences.

Innovation processes are actively developed in the system of modern education, its more advanced models are persistently searched. Innovative intelligent intensive education techniques are more and more widespread [1, 25].

Nowadays the relevant way of implementing the education programs is the network (joint) activity. For example, the program Erasmus + implies the possibility to develop the joint program of the third cycle (post-graduate course) which is of great importance when shifting this course from the post-graduate level to one of levels of higher education.

It is assumed to solve a number of tasks within this project:

First, it is the development of the concept and model of the post-graduate program based on studying the experience of development and implementation of joint educational programs of the third cycle in educational institutions of EC countries with account of education results and participation of employers in development and providing the quality of the educational program.

Second, it is the acknowledgment of the program by educational organizations — members of the Consortium created for implementing the joint educational programs with signing the Agreements between educational organizations on implementation of the joint educational program and development of regulatory and legal framework providing the

program implementation.

Third, it is the program piloting within educational organizations — members of the Consortium by groups of teaching instructors trained for the program implementation.

Development of the model, pilot programs and their implementation will satisfy the necessity of consuming countries-beneficiaries in experts possessing the professional competences which meet the European requirements.

Implementation of the program in universities of Russia solves a number of strategically important tasks in the system of higher education — introduction of the leveled system in education; implementation of the qualitative leap in staff training according to programs developed on the basis of requirements to education results, quality control and account of employers opinion.

While implementing the project it is suggested to apply available and efficient kinds of activity to solve the stated tasks and achieve the goal.

During the lifecycle of the project, the probation and teaching seminars are proposed in order to train teaching instructors and supervisors from Russia. The purpose of these seminars for the members of the target group is to acquire the skills of creating the educational program of the third cycle, development of student-oriented learning and teaching com-

plexes of modules based on education results with account of practice of educational institutions of EC countries.

Information about running the probation for Russian teaching instructors in educational institutions of EC countries will be placed in Internet, discussed in specialized publications in Russia, thus ensuring the extension of this practice within professional environment.

When developing the regulatory and legal framework of educational organizations — members of the Consortium providing the implementation of the educational program, it is necessary to follow the laws related to education of the country hosting the educational institution, taking advantage of the analogy method.

The main product of the project will be the model of an education program of the third cycle. Pilot programs will be developed according to education results with account of employers recommendations, with a particular focus on cross-cultural and transversal competences. Professional competences acquired when studying within this program will be developed according to European requirements.

The result of the project will also be the staff — teaching instructors capable to implement the post-graduate program and provide its methodological support.

At the initial stage of studying the practice of development and implementation of joint educational programs of the third cycle in higher educational institutions of EC countries the target groups will be formed according to education results, the groups consisting of teaching instructors and supervisors of higher educational institutions — members of the Consortium, non-academic partners affiliated to the Consortium and representing the interests of employers.

Further activity on the project is the development of the program of the third cycle, learning and teaching complexes of modules, local regulatory and legal acts ensuring the program implementation. This activity will be executed by the trained staff of the Partner-countries and personnel experienced in performing such works who will be united into teams. Therefore, solving the tasks of the project will be guaranteed. The trained staff will be executing the program piloting at the third year of the project lifecycle in Partner-countries with participation of experts from higher educational institutions of EC countries.

Formation of the target group “Students” for piloting the educational programs will be executed according to re-

quirements which have been developed during the lifecycle of the project and which are specified to applicants of post-graduate programs.

At the beginning of forming the strategy of the project, models of mobility will be determined according to demands of higher educational institutions of Partner-countries.

The project will allow the participants of the target group “Student” to study according to a new jointly implemented program of the post-graduate course developed with account of education results. Education gives students the opportunity to acquire knowledge not only in Partner-countries, but also in EC countries which is important when forming the professional, cross-cultural and transversal competences.

At the end of the project lifecycle, the products and results of the project will be the basis to development of similar educational programs for joint implementation by educational institutions — members of the Consortium for this project, and other educational institutions interested in applying the project and the project results.

The strategy of educational institutions of Partner-countries for maximum intensive integration into European educational area will be executed by implementing the post-graduate programs on the basis of Agreements signed during the lifecycle of the project related to the joint implementation of programs by educational institutions — members of the Consortium; and by new joint programs of the third cycle developed by the personnel trained during the project lifecycle.

Therefore, collaboration with higher educational institutions of EC countries will ensure solving a number of priority tasks:

- to prepare and start implementation of joint educational programs of the post-graduate course with application of innovation techniques;
- to train the personnel capable to implement the program with application of innovation techniques;
- to develop the strategy and concept of academic mobility;
- to shift to developing the programs based on requirements to education results;
- to develop the regulatory and legal framework to implement the joint programs with account of academic mobility.

References:

1. Atamanenko N. V., Karelina M. Yu., Cherepnina T. Yu. Trends of increasing the efficiency of educational process in universities // Methodology, theory and practice in modern pedagogics, psychology, sociology, philosophy: proceedings of the IV International scientific practical conference – Novosibirsk: “TSRNI Ltd”, 2014. – 100 p. – P. 21–27.

*Makhutova Gulnara Mirzakhanovna,
Nizhnevartovsk State University,
associate professor, the Faculty of Humanities
E-mail: Makhutova@yandex.ru*

*Mikitchenko Svetlana Petrovna,
Nizhnevartovsk State University,
associate professor, the Faculty of Humanities
E-mail: smikit@yandex.ru*

Modeling problem situations in teaching foreign language communication (by the example of the english and french languages)

Abstract: The article is devoted to the modeling problem situations in teaching foreign language communication. The problem oriented tasks and situations stimulate cognitive thinking process and are the simplest way of getting the students involved into the learning process. Having a problem oriented tasks and obstacles, choices in it, stimulates students' creative activity, secures the individualization of the learning process, as well as allows to discreetly used problem oriented tasks formulated by the teacher with the focus on specific needs and abilities of each student.

Keywords: problem oriented task, cognitive thinking process.

Foreign language education has to be focused on communication skills and be directed towards the profession in the curriculum of any major. When one defines the goals of foreign language communication skills teaching, the main stress must be made on the main subject of the educational system — on the student and on his problems and needs.

It is well known that problem oriented tasks and situations stimulate cognitive thinking process and are the simplest way of getting the students involved into the learning process. We have developed a model for creating problem oriented tasks and this model takes into account the degrees of tasks' problem orientation correlated with the peculiarities of the cognitive activity of the professor and the students shown in the process of creating the problem oriented task. This model — from the professor to the student — of teaching how to speak involves:

- 1) externally given organization of problem oriented tasks with the teacher;
- 2) joint creation of problem oriented tasks with the dominating role of the professor;
- 3) joint creation of problem oriented tasks with the dominating role of the student;
- 4) internal independent creation of problem oriented tasks by the student [2, 18].

The first stage of the learning process involves communication skills required to conduct a monologue, at the second stage students build on the skills formed at the previous stage and learn how to conduct a dialogue and a polylogue, at the third stage students work on a project using the previously acquired knowledge.

These levels may be put into the correspondence with the students' ability to resolve problem oriented tasks:

- “... 1) abilities to see problems and formulate them independently;
- 2) abilities to create solution hypothesis, evaluate it,

and proceed to the new hypothesis in case the first one was not productive;

- 3) abilities to direct and change the method of the solution;

- 4) abilities to evaluate his solutions and solutions of the partners” [4, 19].

Single-chain and multi-chain problem oriented tasks, when presented in a certain sequence, prompt students to monologue and dialogue expression, and improve their cognitive skills, and it's the expression that becomes one of the ways to satisfy personality needs in certain circumstances.

Such problem oriented tasks serve a preparatory stage for the final project in which every participant solves his professional task on the way of implementing the common design.

An example of a problem oriented task for monologue speech is “You need to produce and advertising video about a private school, a camp, an exhibition, a museum, a cafe, a pharmacy...”. Every student is given a printed copy of three linguistic hints, supports:

1. It must –
2. It must not –
3. If –

Let us give an example of organizing problem oriented tasks for monologue speech with several obstacles, choices for simultaneous solution (horizontally), for students with different preparation levels.

Think of a radio or TV advertisement to interest people in going to a private school (summer camp, exhibition, museum, shop, cafe, pharmacy...). What information will be helpful (best teachers, new exhibitions, good location, delicious food, low prices...). Students with a low preparation level are given the following tasks. Compare all these requirements and choose only those which are the most important for you.

It must:

1. ... be made with great professional skill and in good taste.
2. ... promote product sales.
3. ... be easily understood and convincing for people of different ages.
4. ... give elementary information about the subject of the advertisement.
5. ... convince the viewers that the advertised product is the best and persuade them to buy it.

It must not:

1. ... be stupid, irksome, annoying, offensive.
2. ... often interrupt programmes with an appeal to buy this or that.
3. ... bring pressure to bear on the subconscious mind of the viewer.

4. ... underestimate the intellectual level of the viewers.
5. ... provoke mass psychosis.

If you want to advertise something, imagine what would you do?

IF –

1. ... you want to advertise professionally, *you should go to an advertising agency.*
2. ... you think about advertising, *you should have a product that people want to buy.*

3. ... you are not sure about the advertised medicine, *don't advertise it without a doctor's recommendation.*

4. ... you don't want to be criticised, *don't glamorize such things as smoking, making it look "cool" and attractive.*

5. ... you want to advertise your product on TV or radio *you should choose the best channel.*

Students with an average preparation level are given the same tasks without hints.

IF –

1. ... you want to advertise professionally, *what should you do?*

2. ... you think about advertising, *what would you choose and why?*

3. ... you are not sure about the advertised medicine, *your future steps?*

4. ... you don't want to be criticised, *what shouldn't you do?*

5. ... you want to advertise your product on TV or radio *what channel would you choose and why?*

Students with a high preparation level are given the same tasks without the hints but with the addition of the word "Why?".

Students with different preparation levels are given problem oriented tasks with different obstacles, simultaneous solution choices. Students have to imagine and describe what they are going to do if.

You need to advertise your private school, shop... ..	but	you don't have any experience in advertising	you don't have money	You don't have any sponsors

When working on such problem oriented tasks, students' actions are focused on the independent choice of lexical-grammatical means and ways to create expressions, and assume an independent planning of the expression, a justification of the design choice and explanation of the solution of their position. Students are not given prepared generalizations, concepts, and corollaries in a certain linguistic form, but only the raw linguistic material necessary to formulate them. During the problem solving process students should be offered different sources: the Internet, magazines, print-outs, etc.

Thus all students have an opportunity to choose linguistic material according to the formulated task — and advertisement of some product. It is important to note, that usually most students manage to complete the first two tasks. However the third task may turn out to be difficult since students have to state their own propositions.

Students themselves are going to suggest ways to overcome the obstacles and this corresponds to the third degree of problem orientation: joint organization of problem oriented tasks with the domination of student's work.

Problem oriented tasks are going to match students' abilities only when they have enough linguistic material to solve them.

Having a problem oriented task and obstacles, choices in it, stimulates students' creative activity, secures the individualization of the learning process, as well as allows to discreetly used problem oriented tasks formulated by the teacher with the focus on specific needs and abilities of each student.

According to the course of the situation's evolution, the

teacher offers new choices of solving, and on this foundation the solution of a problem oriented task becomes harder because of the increase in the number of solution choices.

Thus, an organization of solving problem oriented tasks allows to discreetly use them along with the focus on needs and abilities of every student.

In the organization of problem oriented tasks solving, students' independence grows compared to the externally formulated organization of problem oriented tasks, in which case the student formulates the task, states, solves, and checks the solution for the middle level at which joint organization is performed, initially dominated by teacher's work and later by student's work; by the latest stage of the experiment, i. e. by the time of the internal independent organization of problem oriented tasks by the student, when the teacher along with the student state the task, the students formulate it and check it.

According to researchers' opinion, the initial point of cognition is a problem situation, which is created based on the problem oriented task.

Following Poya, who sees the method of solving problems in "creating chains of problems each of which is equivalent to the solution and closer to it then the previous one" [5, 122] and based on the statement of T. V. Kudryavtsev that "solving the main problem must proceed against the backdrop of the solution of a chain of complex problems, each one following from the other" [4, 281], in that model the resolution of chains of problem situations takes place at several mutually connected solution levels. At the same time, it is possible to

switch from the higher to the upper level, as well as in the opposite direction.

Using problem situations in teaching foreign language communication agrees with the scheme of resolving a “levelled” (“chained”) problem situation suggested by Ye. V. Koval-evakaya, where the “main problem is being solved level by level based on the solution of mutually connected problems” [3, 28].

In the organization of problem oriented tasks solving, students’ independence grows compared to the externally formulated organization of problem oriented tasks, in which case the student formulates the task, states, solves, and checks the solution for the middle level at which joint organization is performed, initially dominated by teacher’s work and later by student’s work; by the latest stage of the experiment, i. e. by the time of the internal independent organization of problem oriented tasks by the student, when the teacher along with the student state the task, the students formulate it and check it. This confirms the development of research skills of students in the organization of problem oriented tasks.

Fig. shows a model of multilevel multidimensional problem situation with multiplicative structure defining its multiple functions [1, 15]. The characteristics of this model are:

1. The model has a horizontal (in space) — vertical (in time) progression.
2. The model has different levels of complexity. It depends on the number of levels (horizontally) and (vertically).
3. The model “narrows” and “broadens” horizontally (in space) and vertically (in time) in thinking process and communication.

Problem situations methodology can be illustrated on the topic “Store” “Magasin” (Fig. 1).

The teacher formulates the problem situation for one of the students: /1/: «En choisissant un cadeau pour

l’anniversaire de votre ami, vous brisez par hasard un vase qui coûte cher, mais ... vous refusez payer le vase, mais le menager du magasin appellera la police ... ».

The student, being given the task, himself chooses the communication participant from the group who can play the role of the shop assistant, manager, police officer, store customer, etc.

During the oral communication the speakers solve the problem /1/. When the teacher sees that the problem is close to the solution, he suggests a new problem /2, 3, ... 7/ according to how the problem situation is developing. For example, if the speaker solves the problem from the first section, the teacher gives him problem /2/ from the next section “Vous voulez vous excuser et payer le vase brisé, mais vous avez peu d’argent sur vous...”.

The given problem situation is being solved in the form of a dialogue, a polylogue, and students sometimes come up with problems themselves.

The teacher starts to offer to solve problems to several students from the group, one by one, which facilitates the pursuit, finding and justification of most interesting way to resolve the problem situation. The given problem task is also being done in the polylogue form, developing into a discussion.

Teaching foreign language communication skills in the problem-oriented education framework assumes not only speech activity teaching, but also the development of students’ creative communication skills, which is done through communication when solving problems. The resolution of a problem situation must take place as a solution of a chain pro problem-oriented tasks with one following from the previous one. In that, each “link” of the chain can be made of monologue, dialogue, polylogue whose realization facilitates the development of individual, communicative, and group thinking.

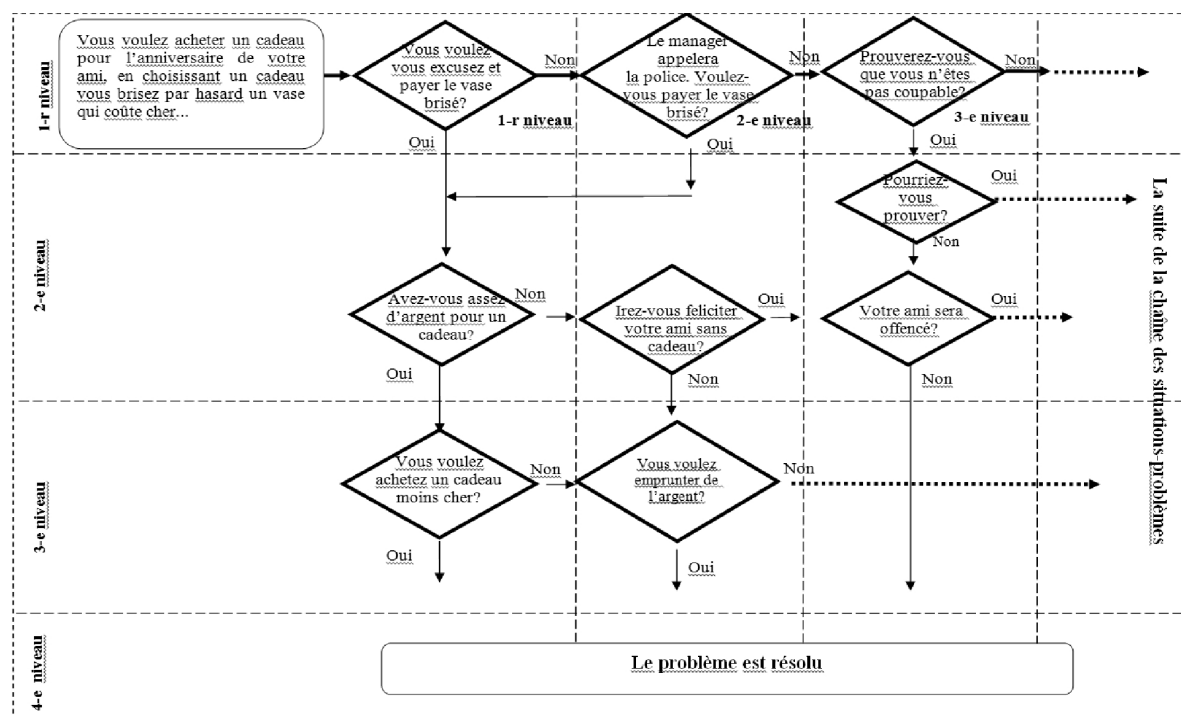

Fig. 1. Problem situation on the topic “Store” “Magasin”

References:

1. Makhutova G. M. Problem situations in teaching foreign language communication to students: PhD Thesis, – M., 2013.
2. Mikitchenko S. P. Organization of problem oriented tasks in the process of foreign language teaching (on the speaking material): PhD thesis, – M., 2004.
3. Kovalevskaya Ye. V. Problem-oriented education: approach, method, type, system, – Moscow: MNPI, 2000.
4. Kovalevskaya Ye. V. Genesis and modern state of problem-oriented education (general pedagogical analysis applied to the foreign languages teaching methodology): Abstract of the Doctor of Pedagogical Sciences thesis, – Moscow, 2000.
5. Kudryavtsev T. V. Psychology of technical thinking (process and methods of solving technical problems), – Moscow: Prosveschenie, 1972.

Nersisyan Babken Babken,
Associate Professor, Ph Degree of Pedagog,
Honoured Teacher, ArSPU (Yerevan)
E-mail: nerbab61@mail.ru

Tsaturyan Gayane Hamlet,
Ph Degree of Pedagog, ArSPU (Yerevan)
E-mail: gayane1234@rambler.ru

Enhancing learning progression through solving geometry problems

Abstract: The article discusses the consolidation of the main concepts and facts in regard with progression. Geometry problems are discussed, which may serve a basis for such consolidation.

Keywords: Arithmetical progression, geometrical progression, median of triangle, surface inscribed circumference.

Нерсисян Бабкен Бабкенович,
Кандидат педагогических наук, доцент,
заслуженный педагог РА, АГПУ (Ереван)
E-mail: nerbab61@mail.ru

Цатурян Гаяне Гамлетовна,
Кандидат педагогических наук, АГПУ (Ереван)
E-mail: gayane1234@rambler.ru

Методы закрепления изучения темы прогрессии через исследование решений геометрических (планиметрических) задач

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о закреплении понимания основных понятий и фактов, касающийся прогрессий. Приводятся геометрические задачи, которые могут лежать в основе такого закрепления.

Ключевые слова: Арифметическая прогрессия, геометрическая прогрессия, медиан треугольника, площадь, вписанная окружность.

В современной педагогике повторение рассматривается в плане воспроизведения ранее усвоенных знаний, умений и навыков с целью их закрепления, совершенствования и применения в новых ситуациях. как форма усиления ранее приобретенных знаний-навыков-опытов и основа их применения в ситуациях. Повторение усваиваемых понятий, способов действий как важнейших средств сохранения и усиления предметности в обучении. При этом, под обобщением мы понимаем особый прием умственной деятельности, который предполагает умение анализировать, выделять главное, сравнивать, абстрагировать и синтезировать. Можно сделать вывод, что на результат обобщения влия-

ет не только сумма знаний, сколько умения учащихся по новому комбинировать материал, выделяя при этом существенные признаки. В статье решаются задачи, посредством которых реализуется повторение темы «Прогрессии» через геометрический материал.

- На каждом этапе урока учитель математики осуществляет различные шаги.
- Периодически осуществляет систематическое повторение.
- Направляет учащихся на закрепление раньше изученного.
- Закрепляет взаимосвязь данного изученного материала с предыдущим.

В нашей деятельности много раз мы думали как можно правильно организовать закрепления для той или иной темы, как управлять работой класса. Пришли к выводу, что необходимо глубоких математических зна-

ний, твердых педагогических убеждений, необходимы правильно выбранные задачи. Для выше указанных тем, мы выбрали геометрические задачи и получили серьезные результаты.

Задача 1. Через центр квадрата $ABCD$ (рис. 1), со стороной a , проведена прямая, пересекающая сторону AB в точке N , причем $AN : NB = 1 : 2$. На этой прямой взята произвольная точка M , лежащая внутри квадрата. Доказать, что расстояния от точки M до сторон квадрата AB, AD, BC, CD , взятых в указанном порядке, образуют арифметическую прогрессию.

Решение. Обозначим длину отрезка ME – расстояние от точки M до сторон AB – через x ($0 < x < a$), а длину отрезка MQ – расстояние от точки M до сторон AD – через y ($0 < y < a$), тогда расстояния отрезков MP и MF до сторон BC и CD будут равны $FM = a - x$, $PM = a - y$. Так как $AN : NB = 1 : 2$, то легко сообразить, что:

$AN = \frac{1}{3}a$, $EN = y - \frac{1}{3}a$. Прямая NK , о которой идет речь в условии задачи, проходит через центр O квадрата, являющийся его центром симметрии. Поэтому $CK = AN = \frac{1}{3}a$, а тогда, очевидно, что $KF = a - y - \frac{1}{3}a = \frac{2}{3}a - y$.

Заметим, что треугольники EMN и FMK подобны, откуда и следует, что $y = \frac{1}{3}(a + x)$.

Имеем:

$$ME = x, MQ = \frac{1}{3}(a + x), MP = \frac{1}{3}(2a - x), MF = a - x.$$

Поскольку:

$$\frac{1}{3}(a + x) - x = \frac{1}{3}(2a - x) - \frac{1}{3}(a + x) = a - x - \frac{1}{3}(2a - x),$$

Задача 2. Дан треугольник площади S . Из медиан данного треугольника составляется второй треугольник, затем из медиан второго – третий треугольник и т. д. Вообще, $(n + 1)$ -й треугольник составляется из медиан n -го треугольника. Найти сумму площадей всех треугольников в этой последовательности.

Решение. Прежде всего докажем, что из медиан произвольного треугольника, действительно, можно составить треугольник. Предположим, что AA_1, BB_1 и CC_1 отрезки медиан треугольника ABC (рис. 2). Через точку A проведем прямую, параллельную CC_1 , и отложим отрезок $AC_2 = CC_1$. Поскольку AC_1CC_2 параллелограмм (по построению) и $AB_1 = B_1C$, то точки C_1, B_1 и C_2 лежат на одной прямой – диагонали этого параллелограмма, причем $C_1B_1 = B_1C_2$. Однако C_1B_1 средняя линия треугольника ABC , а поскольку $C_1C_2 \parallel BC$, то $C_1B_1 = \frac{1}{2}BC = BA_1$. В четырехугольнике $BA_1C_2B_1$ стороны BA_1 и B_1C_2 параллельны и равны, т. е. четырехугольник $BA_1C_2B_1$ параллелограмм. Значит $BB_1 = A_1C_2$ и треугольник AA_1C_2 построен из медиан треугольника ABC .

Таким образом, из медиан любого треугольника можно составить треугольник.

Найдем площадь треугольника AA_1C_2 . Не трудно заметить, что AN есть медиана треугольника AA_1C_2 , и поскольку медиана делит площадь треугольника пополам, то $S_{AA_1N} = \frac{1}{2}S_{AA_1C_2}$, $S_{AA_1C} = S_{BB_1C} = \frac{1}{2}S_{ABC} = \frac{1}{2}S$.

С другой стороны, поскольку $AN = \frac{3}{4}AC$, то :

$$S_{AA_1N} = \frac{3}{4}S_{AA_1C} = \frac{3}{8}S(S_{AA_1C} : S_{AA_1N} = AN : AC) \text{ и :}$$

то из определения арифметической прогрессии следует, что отрезки ME, MQ, MP, MF образуют арифметическую прогрессию.

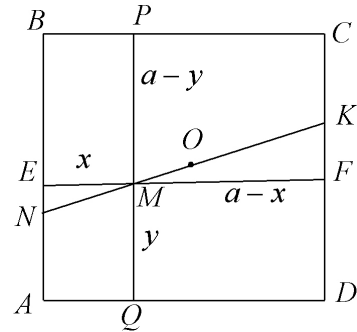

Рис. 1.

Заметим, что если точка M принадлежит отрезку NO , то $x < y$, что означает – прогрессия возрастающая, если точка M совпадает с точкой O ($x = y$), то прогрессия постоянная и, если точка M принадлежит отрезку KO , то $x > y$, которая означает, что прогрессия убывающая.

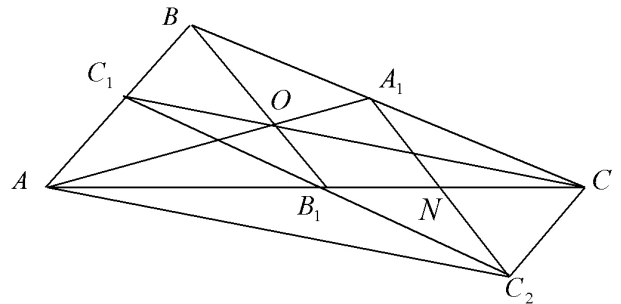

Рис. 2.

$$S_1 = S_{AA_1C_2} = \frac{3}{4}S_{ABC} = \frac{3}{4}S.$$

Построим треугольник из медиан треугольника AA_1C_2 . Площадь построенного треугольника составляет $\frac{3}{4}$ часть площадью треугольника AA_1C_2 .

$$\text{Значит } S_2 = \frac{3}{4}S_{AA_1C_2} = \frac{9}{16}S_{ABC} = \frac{9}{16}S.$$

Нетрудно сообразить, что площади треугольников, составленные таким образом, на самом деле бесконечно убывающаяся геометрическая прогрессия со знаменателем $\frac{3}{4}$.

$$S + \frac{3}{4}S + \left(\frac{3}{4}\right)^2 S + \dots = \frac{S}{1 - \frac{3}{4}} = 4S.$$

Задача 3. В равносторонний треугольник со стороной a вписан круг. Затем в этот треугольник вписаны еще три круга, касающиеся первого круга и сторон треугольника, и еще три круга, касающиеся только что вписанных кругов и сторон треугольника, и т. д. Найти сумму площадей всех вписанных кругов.

Решение. Центр O первого круга (рис. 3) делит высоту BH в отношении $BO:OH = 2:1$ – считая вершину B .

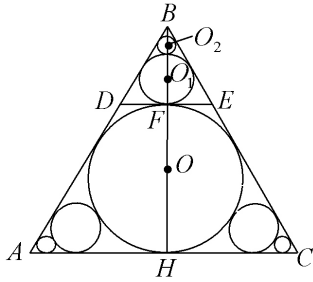

Рис. 3.

Следовательно, диаметр $FH = \frac{2}{3}BH$, и $BF = \frac{1}{3}BH$. Второй круг вписан в треугольнике DBE , высота которого втрое меньше высоты треугольника ABC . Значит, радиус $r_1 = O_1F = \frac{1}{3}BF = \frac{1}{9}BH$, то есть $r_1 = \frac{1}{3}r$. Здесь r – радиус круга вписанного данного треугольника.

Если S есть площадь первого круга – O $S = \pi \left(\frac{a\sqrt{3}}{6} \right)^2 = \frac{\pi a^2}{12}$,

то площадь второго круга – O_1 , будет $\frac{1}{9}$ частью S , то есть $S_1 = \frac{1}{9}S$. А так как таких кругов три, то общая их площадь — $Q_1 = \frac{1}{3}S$. Рассуждая таким образом, найдем, что общая площадь трех следующих кругов будет :

$$Q_2 = \frac{1}{3^2}Q_1 = \frac{1}{3^3}S \text{ и т. д.}$$

Получим бесконечный ряд слагаемых:

$$Q = S + Q_1 + Q_2 + Q_3 + \dots = S + \frac{1}{3}S + \frac{1}{3^2}S + \frac{1}{3^3}S + \dots$$

Члены этого ряда, начиная с члена $\frac{1}{3}S$, образуют бесконечную убывающую геометрическую прогрессию, сумма

$$Q' = \frac{\frac{1}{3}S}{1 - \frac{1}{3}} = \frac{\frac{1}{3}S}{\frac{2}{3}} = \frac{1}{2}S.$$

Прибавим эту сумму S

$$Q = S + \frac{1}{2}S = \frac{3}{2}S, \text{ или } Q = \frac{11}{96}\pi a^2.$$

Задача 4. Пусть $\angle AOB = 2\alpha$. В этом углу вписаны $O_1, O_2, O_3, \dots, O_{n-1}, O_n$ окружности так, что окружность O_1 касает окружность O_2 , окружность O_2 касает окружностей O_1 и O_3 , окружность O_{n-1} касает окружностей O_{n-2} и O_n и т. д. Доказать, что радиусы кругов образуют геометрическую прогрессию (рис. 4).

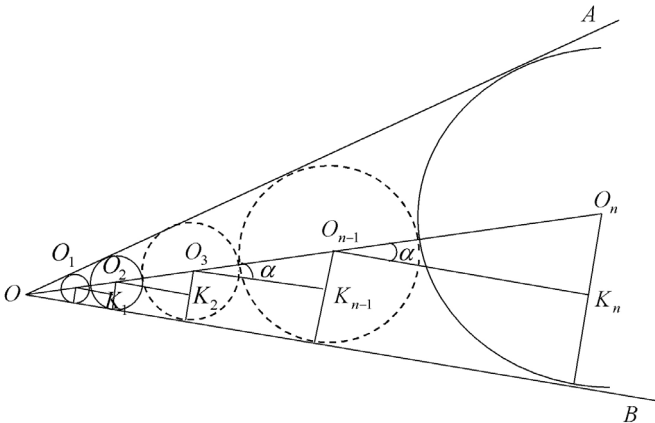

Рис. 4.

Решение. Очевидно, что центры окружностей и точки касаний находятся на биссектрисе OO_n угла AOB . Радиусы окружностей обозначим соответственно :

$r_1, r_2, r_3, \dots, r_{n-1}, r_n \dots$. Из рис. 4 имеем :
 $\angle O_2O_1K_1 = \angle O_3O_2K_2 = \dots = \angle O_nO_{n-1}K_n = \alpha$,

Из треугольника $O_2O_1K_1, O_3O_2K_2, \dots, O_nO_{n-1}K_n$ имеем
 $\sin \alpha = \frac{r_2 - r_1}{r_2 + r_1} = \frac{r_3 - r_2}{r_3 + r_2} = \dots = \frac{r_n - r_{n-1}}{r_n + r_{n-1}}$, или:

$$\sin \alpha = \frac{\frac{r_n}{r_{n-1}} - 1}{\frac{r_n}{r_{n-1}} + 1}. \quad (1)$$

В формуле (1) — $\frac{r_n}{r_{n-1}}$ есть постоянная величина, следовательно, радиусы кругов образуют геометрическую прогрессию со знаменателем $q = \frac{r_n}{r_{n-1}}$.

После тригонометрических преобразований, (1) принимает вид:

$$q = \frac{1 + \sin \alpha}{1 - \sin \alpha} = \frac{1 + \cos \left(\frac{\pi}{2} - \frac{\alpha}{2} \right)}{1 - \cos \left(\frac{\pi}{2} - \frac{\alpha}{2} \right)} = \frac{2 \cos^2 \left(\frac{\pi}{4} - \frac{\alpha}{4} \right)}{2 \sin^2 \left(\frac{\pi}{4} - \frac{\alpha}{4} \right)} = \operatorname{ctg}^2 \left(\frac{\pi}{4} - \frac{\alpha}{4} \right),$$

то есть знаменатель прогрессии $q = \operatorname{ctg}^2 \left(\frac{\pi}{4} - \frac{\alpha}{4} \right)$.

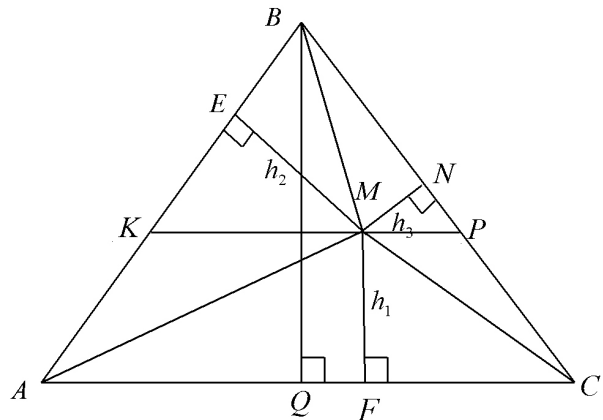

Рис. 5.

Задача 5. Через центр правильного треугольника ABC со стороной a проведена параллельная KP к стороне AC , так, что $K \in AB$, $P \in BC$. M – внутренняя точка KP . Доказать, что расстояние от точки M до сторон треугольника образует арифметическую прогрессию (рис. 5).

Решение. От точки M проведем перпендикуляры $ME = h_2$, $MF = h_1$, $MN = h_3$ соответственно сторонам AB , AC , BC и соединим M к вершинам треугольника.

Тогда $S_{ABC} = S_{AMB} + S_{BMC} + S_{AMC}$ или:

$$\frac{1}{2}aH = \frac{1}{2}ah_2 + \frac{1}{2}ah_3 + \frac{1}{2}ah_1 \quad (BQ = H) \quad \text{или} \quad h_1 + h_2 + h_3 = H.$$

Поскольку $h_1 = \frac{1}{3}H$, то получаем $2h_1 = h_2 + h_3$, которая означает, что h_1 , h_2 и h_3 образуют арифметическую прогрессию.

Список литературы:

1. Антонов Н. П., Выгодский М. Я., Никитин В. В., Санкин А. И. Сборник задач по элементарной математике. Гос. Изд-во физико-математической литературы, – Москва, 1962.
2. Атанасян Л. С., Бутузов В. Ф., Кадомцев С. Б. Геометрия 7–9 класс, 19-е изд. – М.: Просвещение, 2009.
3. Лидский В. Б., Овсянников Л. В., Тулайков А. Н., Шабунин М. И. Задачи по элементарной математике. – М.: Изд-во «Наука», 1969.
4. Никольский С. М. и др. Алгебра: учебник 9-го класса. Издание: 3-е изд. – М.: Просвещение, 2006.

*Palchickova Alexandra Alexandrovna,
Kryvyi Rih National University,
postgraduate student, the Faculty of Ukrainian Philology
E-mail: jenny.bond@mail.ru*

System of exercises in formation of foreign students' cross-cultural competency

Abstract: System of exercises in formation of foreign students' cross-cultural competency is examined in the article. Types of exercises presented in the article are selected according to developed criteria.

Keywords: system of exercises, criteria, cross-cultural competency.

Today the organization of teacher-student or student-student activity can be implemented by means of exercise. One of its functions resides in forming of readiness of a practical use of acquired knowledge, abilities and skills. In accordance with this the determination of classification of exercises is an important task for modern linguodidactics and a condition of cross-cultural competency forming in the process of foreign students' learning.

Nowadays the role of exercises and choice of their optimized system for acquisition of material is the point at issue. The importance of selection of exercises was pointed out in the works of E. Azimov, Y. Vereshchagin, I. Zimnya, V. Kostomarov, O. Mitrofanova, Y. Passov and others.

Y. Azimov and A. Shchukin mark that exercises is a basis of any activity. In a "Dictionary of methodical terms" scientists consider exercise as a basic unit of methodical material organization, which acts in the process of learning, provides subject actions with this material and mental activity forming. Thuswise we support the position of the researchers, according to which exercises are considered as purposeful interrelated actions, which are carried out in the sequence of increase of language and operating difficulties, depending on the order of language abilities and skills formation [1].

Accordingly we'll establish the criteria of exercise selection and give their classification in the process of foreign students' cross-cultural competency forming.

In compliance with A. Leontyev's activity theory, psycholinguistic researches of T. Ryabov-Akhutin there was developed a scheme of the stepwise formation of mental actions, speaking abilities and skills, according to which one distinguishes different classifications of exercises, within which there is a division into two groups: 1) pre-speech, training, preparatory; 2) speech, creative, communicative.

The main purpose of the first group is the organization of a speech unit or a single language operation learning (formation of grammatical forms, division of utterances into semantic segments and other). The second group includes the exercises focused on mastering one of four types of activities, developing of the ability to participate in communication in the language studied.

From viewpoint of Y. Passov exercise arrangement should consider the following points: 1) automation of the material (structure, vocabulary); 2) assimilation of grammatical, lexical or pronunciation side of speech activity; 3) total language learning [6]. Consequently, taking the criterion of communicativeness as a basis, the linguist distinguishes the following types of exercises: conditional and speech — which form speech skills and speech ones — fo-

cused on practical application of abilities and skills in the process of communication [5].

To S. Shatilov's mind one of the main criteria of exercise selection is the formation of language and speech skills. The researcher defines the first ones as "the skills of operating language material outside the terms of communication", whereas under the second he understands "automated components of speech skills (complex speech activity)" [8].

The scientist proposes three types of exercises: 1) communicative — implement the act of speech activity in a foreign language; 2) conditional and communicative — imitate and model communication in definite situations; 3) non-communicative — used for comprehension and conscious learning of phonetic, lexical and grammatical language material in various kinds of speech activity outside the speech situation [8].

According to G. Pifo's criterion of communicativeness, there has been developed a classification of exercises based on the ideas of gradual organization of speech communication in the educational process. The researcher allocates exercises in the preparation of communication (receptive); in communication structuring (reproductive and reproductive-productive level); in communication (productive level) and in the control of the level of formation of skills to communicate in the language studied [7].

Among modern Ukrainian linguodidacts, who developed the exercises in the context of sociocultural training line, special attention should be paid to the classifications of V. Doroz and V. Zahorodnova.

In the process of working at language material, in the formation of lexical and grammatical skills, in V. Doroz's opinion, it is advisable to use analytical and analytical-constructive exercises. The first ones involve the following tasks: finding and writing out ethnocultural words from the text.

In the framework of analytical and constructive exercises one does extracting with insertion, substitution or addition of ethnolexemes; building of phrases and sentences with ethnocultural lexemes etc.

In her classification the linguodidact finds place for communicative exercises, the essence of which is to implement a basic motive — a desire to express an opinion for reporting, asking questions, persuasion, inducement to action etc. [2].

To V. Zahorodnova's mind, exercise selection should be done according to the criterion of operations' performing, focused on building skills that form the basis of Russian students' cross-cultural communicative competence. Accordingly, the researcher selects information-receptive exercises aimed at awareness, understanding and systematization of knowledge of the theoretical material; reproductive and analytical exercises, where the main goal is to reproduce verbal, non-verbal and extralinguistic information about discursive phenomena, reconstructive — focused on language mastering by means of different types of discourses and their differentiation in non-similar extralinguistic application spheres; constructive-creative — in which the main objective is the development of skills of cohesive texts

construction in the process of communication in spontaneous situations [3].

Elaborating the classification of exercises in the framework of the research suggested, we appeal to S. Shatilov's viewpoint, according to which language fluency should be achieved by means of simultaneous work on both language and language propedeutic exercises.

Thereunder, we differentiate speech and language skills and refer to the first ones language operating outside communication terms, whereas under the second we understand automated components of speech abilities [8]. Therefore, one of the criteria underlying the selection of the classification of exercises proposed is the correspondence to language and speech skills. Therewith, in keeping with the distribution of exercises on communicative, conditional and communicative, non-communicative, given by the above-mentioned methodist, we distinguish the criterion "communicativeness" as a leading one. The important criteria of exercise selection is their focus on information acquisition or transmitting. Due to the defined criterion it is worthwhile to refer to the typology proposed by G. Pifo, which comprises receptive, reproductive, productive exercises.

The first type of exercises is characterized by the perception of the information through ear or optic canal, which makes it obvious how an individual identifies, differentiates sounds, grammatical structures, i. e. understands the essence of the statements. Reproductive exercises are aimed at full or partial reproduction of the information, perceived by the individual. Productive exercises encourage a student to speech self-generation from the level of a sentence to a text one [7]. Within the abovementioned types of exercises O. Biych, N. Brazhnick, S. Haponova, G. Hryn'uck, S. Nickolayeva, T. Olyinick distinguish types of exercises according to the criterion "operation, action, or activity that must be performed by the subject of education" [4]. Hence, referring to the classification, proposed by the abovementioned scientists, in the context of receptive communicative exercises we distinguish the following subtypes: reading of dialogues/texts for socio-cultural information obtaining; defining of equivalent/non-equivalent lexical units of the Ukrainian and native language; reproductive communicative exercises are introduced by text retelling; productive communicative exercises include a description of the sequence of actions shown in the pictures, reproduction of a dialogue, plan outlining, preparation of a story based on comparative learning of the peculiarities of national character/standards of conduct/everyday life/traditions/customs/holidays/national cuisine of Ukrainians and representatives of foreign cultures.

Within the bounds of receptive conditional and communicative types of exercises we distinguish the following ones: reading of a message, sentence or group of sentences, contained in the phrase; reproductive conditional and communicative exercises comprise such types: imitation of speech patterns, insertion, transformation, expansion, completion of a statement; building of set expressions/phraseologisms/dialogues/texts based on visual or word support, text retelling; productive

conditional and communicative exercises include generation of utterances at the sentence (students put questions to the text) or text level (reporting about facts; description of appearance, place of residence, climate, customs, traditions, etc).

Receptive non-communicative exercises include: perception, identification of lexical units/grammatical structures; reproductive non-communicative exercises comprise such types as: naming of the subject, depicted in the photos, search of equivalents of linguocultural units in the native and Ukrainian language; revealing of the level of similarity/dissimilarity in the meaning of concepts in the native

and Ukrainian language; substitution/insertion of lexical units, change of grammatical form, building of speech patterns following the example, transformation of a sample, expansion/restriction of a sentence, combining of simple sentences into complex ones.

To sum up, learning of the Ukrainian language at the preparatory department should be based on such criteria of exercise selection as: compliance with language and speech skills, communicativeness, orientation on information acquisition or transmission, which creates conditions for successful mastering of verbal, non-verbal and socio-cultural material.

References:

1. Azimov E. G. Slovar metodicheskikh terminov (teoriya i praktika prepodavaniya yazykov)/E. G. Azimov, A. N. Shchukin. – Spb.: Zlatoust, 1999. – 472 s.
2. Doroz V.F. Linhvokulturolohichniy pidhid do vyvchennya ukrayinskoyi leksyky u 5–6 klasah shkil z rosiiskoyu movoyu navchannya: dys... kand. ped. nauk: 13. 00. 02/Doroz Viktoriya Fedorivna. – Berdyans'k, 2005. – 270 s.
3. Zahorodnova V.F. Kros-kulturne navchannya ukrayinskoyi movy rosiiskomovnyh ychniv v umovah mizhetnichnoyi komunikatsii: dys. kand. ped. nauk: 13. 00. 02/Zahorodnova Viktoriya Fedorivna. – K., 2012. – 498 s. – S. 127.
4. Metodyka vykladannya inozemnyh mov u serednih navchalnyh zakladah: [pidruchnyk dlya vyshiv]/[Bigych O. B., Brazhnick N. O., Haponova S. V. ta in.]; za red. S. Y. Nickolayevoi. – [2-he vyd., dop.i pererob.]. – K.: Lenvit, 2002. – 328 s.
5. Passov E. I. Ponyatiinaya systema osnovnyh metodicheskikh kategoriy/E. I. Passov//Russkiy yazyk v natsionalnoy shkole. – 1981. – № 2. – S. 38–45.
6. Passov E. I. Systemnost' upravleniya dlya obucheniya govoreniyu/E. I. Passov//Inostrannyi yazyk v shkole. – 1977. – № 6. – S. 12–15.
7. Piepho H. E. Kommunikative Didaktik des Englisch-unter-richts. Frankonius Verlag GmbH, Limburg, 1979. – 253 s.
8. Shatilov S. F. Metodika obucheniya nemetskomu yazyku v sredney shkole: [uchebnoye posobiye dlya studentov pedagogicheskikh institutov]/Sergey Fedorovich Shatilov. – L.: Prosveshcheniye, 1977. – 295 s. – S. 30–31.

*Pylypenko Vadym Valerievich,
the Poltava National Pedagogical University named after V. G. Korolenko,
postgraduate student, department of social and correctional pedagogy
E-mail: mzktn@mail.ru*

Stronins pedagogical views on Education of the Person in the collective

Abstract: In the article the views of A. Stronin on the problem Education of the Person in the collective. The main directions of collective organization, mutual relations of teacher and pupils. The analysis of the basic notions of the investigation is presented and the corresponding theoretical grounds are generalized.

Keywords: A. Stronin, education, personality, collective.

*Пилипенко Вадим Валериевич,
Полтавский национальный педагогический университет им. В. Г. Короленко,
аспирант кафедры социальной и коррекционной педагогики
E-mail: mzktn@mail.ru*

Педагогические взгляды украинского учителя А. Стронины на воспитании личности в коллективе

Аннотация: В статье изложены взгляды А. Стронины на проблему воспитания личности в коллективе. Раскрыты главные направления взглядов на организацию коллектива, взаимоотношения педагога и воспитанников. Проанализированы базовые понятия и обобщены соответствующие теоретические положения.

Ключевые слова: А. Стронин, воспитание, личность, коллектив.

В современной педагогической мысли важное место занимает дискуссия по поводу коллективного и индивидуального начала в формировании ученического общества. Анализируются существующие подходы к данной проблеме. Дается характеристика убеждений известных ученых прошлого. Проводятся исследования сравнительной педагогики по данному вопросу. Реалии современного образования ставят много актуальных вызовов перед учеными, которые вынуждены пересматривать существующие подходы. Поддаются критике взгляды советских педагогов А. Макаренка, Г. Журавского, И. Сеницы, которые обосновывали гуманистические основы коллективного воспитания. Все больше внимания предоставляется вопросам индивидуализации воспитательных процессов, важности человека как творца общества, его духовных и личностных особенностей (В. Сухомлинский, Ю. Азаров, Г. Жиру, П. Макларен и другие). В этом контексте важно рассмотреть альтернативные взгляды ученых-педагогов, которые рассматривали гармонизацию индивидуального и коллективного в формировании личности. Например, в середине XIX века К. Ушинский предложил рассматривать самодостаточную личность как неотъемлемую составляющую прогрессивного общества. Его взгляды были развиты учителем А. Строниним, который обосновал естественные начала формирования полноценной личности в коллективе. Не смотря на значительное количество исследований, что посвящались истории педагогических взглядов на проблему воспитания в коллективе, убеждения А. Стронина с данной проблемы до нашего времени остаются не раскрытыми в полной мере.

Учитывая актуальность и уровень исследования данной проблемы, считаем целесообразным проанализировать педагогические взгляды А. Стронина на проблему воспитания личности в коллективе.

Александр Иванович Стронин — украинский педагог, общественный деятель, ученый середины XIX века. Работал преподавателем истории и словесности в гимназиях Киевского учебного округа. Отстаивал идеи личностного подхода у воспитании, важности самообразования и коллективных начал у формировании полноценного гражданина. За свои новаторские педагогические взгляды был осужден и заслан в Архангельскую губернию без права продолжения педагогической деятельности [1, 96].

Преподавая в гимназиях, педагог заметил низкий уровень развития коллективных начал в учебных классах образовательных заведений. Он начал искать истоки данной проблемы и остановился на личности наставника как главного организатора учебно-воспитательного процесса. Учитель начал критиковать консервативные подходы к воспитанию, которые использовались преимущественным большинством образовательных деятелей того времени. А. Стронин был радикальным противником того, что педагоги, увлекшись созданием своего авторитета, преимущественно забывали об основной цели их деятельности — обучению и воспитанию будущих граждан, которым придется творить новую эпоху [4, 11]. Главной преградой в этом была проблема господ-

ства атмосферы приспособления под учителя, когда ученики, боясь допустить ошибку, превращались в безынициативных слушателей, привыкших добиваться результата бездумным заучиванием материала. А те воспитанники, что пытались как-то показать свое недовольство данным состоянием вещей, наталкивались на негативное отношение учителя и критику со стороны одноклассников. Педагог отмечал, что в таком неполноценном коллективе ученик, проявляя инициативу и ставя учителю дискуссионный и неоднозначный вопрос, вызывал у своих одноклассников страх перед наказанием за свободу мысли и недовольное «фыркание в рукав» [5, 68]. Таким образом, педагог критиковал традиционно настроенных учителей, которые не оказывали должного внимания развитию личности ученика, концентрируя внимание на себе или на педантичному подходу к предмету преподавания.

Александр Иванович всегда с должным уважением относился к личности ученика. Он общался с воспитанниками как с будущими профессионалами в своей сфере деятельности, поэтому уважал мнение каждого из них. Вместе с тем, вспоминая свои годы педагогической работы, он отмечал в дневнике, что о каждом из своих воспитанников он может с гордостью сказать: «Моя ученица! Мой ученик!» [3, 48]. Такое отношение к ученикам формировало положительное впечатление о педагоге, поэтому неудивительно, что во всех найденных воспоминаниях учеников о А. Стронине его вспоминают как педагога-мастера, что создавал вокруг себя атмосферу гармоничного развития.

Но следует отметить, что отношения с учениками в А. Стронина были не всегда идеальными. Как и у каждого педагога у него возникали проблемные ситуации, которые требовали принятия радикальных действий с целью их решения. В таких случаях педагог обращался к коллективным формам выхода из сложившейся проблемы как неотъемлемой части воспитательного процесса. Основным критерием в решении таких ситуаций была общая справедливость [2, 36]. Педагог никогда не противопоставлял интересов одного ученика интересам другого. Он пытался не допустить, чтобы кто-то из учеников остался обиженным после решения проблемной ситуации [2, 36]. С этой целью Александр Иванович использовал «товарищеский суд», когда ученики сами решали как наказать провинившегося одноклассника [2, 36]. Сам же педагог пытался со своей стороны минимизировать наказание учеников.

Он ни разу не использовал популярную среди других учителей практику докладов директору или инспектору о неблагонадежном поведении учащихся [2, 35]. Такие отношения порождали непререкаемый авторитет педагога в глазах гимназистов, что послужило необходимой составляющей формирования качественных субъект-субъектных отношений в коллективе.

Либеральные отношения педагога и учеников развивались в атмосфере взаимопонимания. Учитель пытался полностью изучить психологические особенности коллектива. Поэтому, по воспоминаниям А. Стронина, он быстро начал ориентироваться в поведении класса, работая на

опережение. В частности, когда существовала опасность передразнивание учителя учениками, он первый улыбался к ним и напряжение исчезало сама по себе [2, 35]. С другой стороны грубость от учеников он считал психолого-педагогической проблемой учителя-профессионала. Александр Иванович отмечал, что на грубость ни в коем случае нельзя отвечать грубостью. Более того, педагог объявлял на весь класс, что грубить ему разрешается всем ученикам. Это вызвало определенный шок в коллективе, ведь грубость всегда была прерогативой учеников, которые пытались выделиться в классе, но для этого они не имели ни учебных, ни физических успехов [2, 35]. С тех пор, как А. Стронин объявлял грубость обще разрешенной, она переставала быть проявлением инициативы отдельных лиц и превращалась в неоправданный шаг, который не нес с собой ни проявления достоинства, ни риска или смелости [2, 35]. Таким образом, педагог показывал пример полного контроля ситуации в классном коллективе без использования физического или морального давления на учеников.

Формирование комфортных условий сосуществования в классе, по убеждению А. Стронина, не могло быть полноценным без создания качественного коллектива. Педагог, обосновывая общественную ценность обучения и воспитания, всегда акцентировал внимание на том, что человек живет и развивается в социуме наряду с себе равными индивидами, а потому должна с ними максимально плодотворно взаимодействовать. Классный коллектив, по его мнению, был первичным социумом общежития учеников. Поэтому все решения, которые принимались в классе выходили из потенциальной коллективной пользы [2, 36]. Александр Иванович пытался вытеснить из практики отношений в классе любые элементы, что подрывали коллективизм. В частности педагог очень не любил доносов. Если такое явление случалось, он требовал от доносчика заявить эту информацию на весь класс, объясняя это тем, что лучше ничего не знать, чем узнать это вследствие измены в коллективе [2, 36]. Когда нужно было узнать, кто нанес какой-либо ущерб, педагог также пытался решить все в коллективном обсуждении. При необходимости он мог взять на себя инициативу и попросить человека признаться в содеянном. По воспоминаниям А. Стронина, провинившейся ученик через минуту размышлений и под давлением моральной ответственности всего класса признавался в содеянном. После этого педагог всегда

хвалил провинившегося за смелость и благородство [2, 36]. Таким образом, благодаря профессиональному подходу со стороны учителя решалось большинство конфликтных ситуаций, а каждая из них служила еще одним поводом к укреплению коллективизма.

Рассматривая влияние учителя на коллектив, Александр Иванович Стронин всегда выходил из своего педагогического опыта. Он был убежден, что для обеспечения успешного результата учителю необходимо было вооружиться лишь тремя действенными средствами педагогического воздействия: взглядом, голосом и творчеством [2, 35]. Вследствие удачного сочетания этих трех составляющих, по его убеждению, и формировалось качественное взаимодействие между учителем и ученическим коллективом.

Анализ педагогического наследия А. Стронина в сфере вопроса воспитания личности в коллективе предоставил возможность подвести такие итоги:

- Важным источником формирования ученического коллектива, по мнению учителя, является постоянное применение экспериментальных технологий с целью налаживания качественного взаимодействия с учениками. Отдавая инициативы в руки воспитанников, А. Стронин в данном вопросе акцентировал внимание и на личности педагога. Ведущим признаком профессиональной пригодности учителя Александр Иванович определил возможность к постоянному совершенствованию своих педагогических способностей, налаживанию гармоничной атмосферы сотрудничества с коллективом.

- Пути совершенствования взаимодействия учителя с классом педагог видел в возможности пробудить интерес учащихся через актуализацию материала, подаваемого на уроке. Это обеспечивало качественную связь учителя и учеников, формировало их гармоничное взаимодействие, что основывалось на принципах существования единого коллектива.

- Педагог акцентировал внимание на созидании коллективистских отношений в классе, что формировало особый социальный уровень взаимодействия и взаимной поддержки.

Итак, А. Стронин считал, что благодаря новаторскому экспериментальному подходу к выполнению своих профессиональных обязанностей учитель сможет осуществлять постоянный профессиональный рост, гармонично взаимодействуя с коллективом класса.

Список литературы:

1. Бевз Т. Олександр Стронін та його роль у становленні політичної науки в Україні/Т. Бевз//Український історичний журнал. – 2007. – № 5. – С. 96–109.
2. Стронин А. Дневник с 1848 по 1888 годы. – Т. 1 (1863–1864) [1-й вар., много исправлений]//ОР РНБ, СПб. – ф. 752. – д. 3.
3. Стронин А. Дневник с 1848 по 1888 годы. – Т. 6 (1863–1864)//ОР РНБ г. Санкт-Петербурга. – ф. 752. – д. 8.
4. Стронин А. Рассказы о земле и о небе/А. Стронин: [Соч.] Александра Иванова [псевд.] – СПб.: изд. книжного магазина П. Луковникова, 1873. – 64 с.
5. Стронин А. Теория личности: тетрадь 3./А. Стронин/Стронин А. Теория личности (по материалам рукописи) [Авт.-сост. научного исследования К. Оганян]. – М.: ИНФРА-М, 2012. – С. 67–96.

*Chyhurskyy Anatoliy Sergeevich,
Osteuropäischen National University Ukrainisch,
Senior Lecturer am Institut für Kunst
E-Mail: Alexandr-lutsk@mail.ru*

Pädagogische Grundlagen der ästhetischen Bildung Studenten mittels der bildenden Kunst in der modernen Erziehung

Abstrakt: In diesem Artikel versucht der Autor die Auswirkungen der bildenden Kunst in der ästhetischen Erziehung der Schüler in modernen ukrainischen Schule beweisen.

Stichwörter: Ästhetische Bildung, Bildung, Kunst.

*Чихурський Анатолій Сергєєвич,
Всхідноєвропейський національний університет ім. Лєси Українки,
старший преподаватель, институт искусств
E-mail: alexandr-lutsk@mail.ru*

Педагогические основы эстетического воспитания школьников средствами изобразительного искусства в условиях современного образования

Аннотация: В статье автором сделана попытка проанализировать влияние средств изобразительного искусства на эстетическое воспитание учащихся в условиях современной украинской общеобразовательной школы.

Ключевые слова: эстетическое воспитание, образование, изобразительное искусство.

Эстетическое воспитание — это глубокий, многолетний педагогический процесс, в результате которого формируется эстетическое отношение ребенка к окружающему его миру, трудовой деятельности, природы, искусства; формируется культура отношений с людьми. Важно, чтобы в процессе эстетического воспитания дети сами стали творцами прекрасного: не только умели видеть и понимать его, но и творить красоту вокруг себя. Искусство, действуя на эмоциональную сферу человека, становится мощным средством нравственного воспитания человека. Эмоциональное восприятие художественных образов, раскрывающих красоту окружающего мира, способствует формированию мировоззрения и духовной культуры человека. Задача эстетического воспитания школьников успешно реализуется на уроках изобразительного искусства. Они дают возможность эффективно развивать чувство прекрасного, формировать эстетические вкусы, умение понимать и ценить произведения искусства, красоту и богатство родной природы.

Понятие эстетической культуры и проблемы ее формирования исследовались многими учеными (Т. Аболина, А. Буров, И. Зязюн, М. Каган, Т. Комарова, В. Малахов, М. Овсянников, Л. Печко, С. Раппопорт Г. Тарасенко, А. Щербо и др.). Все они соглашались с тем, что формирование эстетической культуры связано с развитием творческих способностей личности. Украинское общество переживает сложный, противоречивый период в социально-экономическом, политическом и культурном отношениях. С каждым следующим шагом все более понятной и ощутимой становится потребность изменений в духовной культуре, моральной жизни общества, нации,

поиске и утверждении новых общественно значимых человеческих ценностей. Кризисное состояние украинского общества, отражается и в сфере образования, свидетельствует о необходимости сосредоточить особое внимание на ценностях культуры. А образовательная отрасль должна быть главным каналом передачи культурной информации и актуализации культурного потенциала.

Сегодня человечество начало осознавать принципиально новую роль образования в современном мире, его решающей роли в геополитических процессах. Учитывая это, в Украине было принято Государственную национальную программу «Образование. Украина XXI века», главная цель которой — создание жизнеспособной системы непрерывного обучения, формирования интеллектуального и культурного потенциала нации.

В Государственном стандарте общего среднего образования в Украине (Образовательная отрасль «Художественная культура») указана необходимость формирования у учащихся эстетических идеалов и художественно-культурных ценностей, эстетизации всех звеньев учебно-воспитательного процесса, обеспечение формирования эстетического фактора мировоззрения, а главной целью определено развитие эстетической и общей культуры учащихся [7, 27].

Необходимо также признать, что в последние годы украинская школа, с ликвидацией советских школьных организаций — октябрят, пионеров, комсомольцев, с облегчением сбросила со своих плеч заботу о воспитании учеников. Ведущие педагоги согласились с передачей функций воспитания семьи и церкви. Смеем высказать мнение, что общий общественный кризис, который переживает сейчас украинское

общество, без сомнения, связано с ситуацией, сложившейся в современной школе. Поэтому актуальной, как никогда, как для теоретической, так и практической педагогики проблема эстетического воспитания, определения ее целей, задач, средств и методик, переосмысление в положительную сторону отношение к «коллективу». Ведь, как свидетельствуют психологические исследования, коллективная деятельность является насущной потребностью личности, именно школьного возраста, когда ребенок должен пройти путь самоутверждения, прежде всего, в среде сверстников. Пренебрежение коллективным воспитанием ведет к неуправляемости учеников, которое мы сегодня очень часто можем наблюдать в современной школе. Кроме того, остается невостребованным колоссальный опыт эстетического воспитания, накопленный за предыдущий период.

Выдающиеся педагоги, философы, общественные деятели разных эпох отмечали необходимость крайне внимательного отношения государства и граждан к вопросам образования и воспитания, в том числе эстетического. Например, Ральф Эмерсон, выдающийся американский мыслитель XIX в., отмечал, что «истинный показатель цивилизации — не в уровне благосостояния и образования, не в величии городов, не в обильности урожая, а в образе человека, воспитанного страной» [4, 359]. К. Д. Ушинский отмечал, что «каждый учебный предмет, так или иначе, содержит эстетический элемент, передачу которого ученикам должен иметь в виду учитель» [3, 119]. В. А. Сухомлинский утверждал: «Без эмоционально-эстетического потенциала невозможно полноценное умственное развитие ребенка. Красота и живая мысль так же органически соединены, как солнце и цветы» [2, 43]. Стратегической задачей реформирования образования в современной Украине является развитие национальной системы образования с целью формирования разносторонне и глубоко образованной, конкурентоспособной личности. Это предусматривает введение в образовательный процесс современных технологий.

Настоящее определяет новые стратегические ориентиры развития образования. Среди важнейших задач современного образования является формирование гражданской ответственности, правового самосознания, духовности и культуры, способности к успешной социализации в обществе. Это требует изменения целей и способов образования и воспитания, развития вариативности образования, применения различных социально-педагогических технологий, реализации личностно-ориентированного и компетентностного подходов.

В начале XXI века основным средством гуманизации общественных и личностных отношений детей и окружающей среды становится социальное воспитание, пронизывающей все сферы воспитания, которые выходят за пределы институциональной среды. Обновление содержания образования связывается с реализацией компетентностного подхода. Базовую составляющую педагогической компетентности образует система ключевых (социальной, коммуникативной,

общекультурной, когнитивной) и общей (языковой, речевой, валеологической, экологической и др.) компетенций.

Под компетентностным подходом понимается «единая система цели, выбора содержания, организационного и технологического обеспечения процесса подготовки учителя на основе выделения специальных, общих и ключевых компетенций, гарантирующих высокий уровень и результативность профессиональной педагогической деятельности учителя» [7, 14].

Наследие, аккумулируя эмоционально-эстетический опыт поколений, воплощает и передает ценностное отношение к миру через призму этнонациональной специфики, по этому, она является эффективным средством воспитания нравственности, патриотических чувств, гражданской позиции. Ценности искусства важны также, учитывая современное существование детей и молодежи в поликультурном пространстве. Благодаря универсальности художественно-образного языка, они передают понятную для разных народов смысловую информацию, позволяют личности вступать в невербальный диалог с различными культурами прошлого и современности, понимать других и расширять таким образом свой собственный духовный мир, его уникальность и самобытность. Итак, современные общеобразовательные школы и внешкольные учебные заведения должны стать центрами воспитания подлинной духовности, воспитания личности, воспитания человека, высокой эмоционально-эстетической культуры.

В условиях развития государства, демократизации и коренной трансформации общества в стремлении гуманизации национальной системы образования неуклонно возрастает роль искусства. Еще в XVIII веке известный философ Д. Дидро утверждал, что «страна, в которой бы учили рисовать так, как учат читать, опередила бы все страны во всех искусствах».

Воспитательный потенциал искусства заключается в самой его сути. Это объясняется тем, что эмоциональная сторона сознания, эстетические идеалы личности — первичны по отношению логического мышления, интеллекта, главные — в формировании духовных интересов человека, отношения к миру вообще.

Традиционный взгляд на искусство как на источник пробуждения в человеке способности воспринимать и создавать прекрасное, сегодня уже кажется недостаточным. Влияние искусства на человека рассматривается все шире, внимательнее изучаются его последствия. Искусство развивает человека универсально, что проявляется в любой сфере человеческой деятельности — научной, политической, производственной, педагогической и др.

Среди других видов искусства изобразительное является уникальным в решении задач как художественного, так и личностного развития, гражданского и духовного становления подрастающего поколения. Это обусловлено не только природой восприятия изобразительного искусства, но и тем, что уже в раннем возрасте изобразительная деятельность составляет одну из самых доступ-

ных и эмоционально-увлекательных форм творчества. Итак, проблема радикального улучшения эмоционально-эстетического и духовно-нравственного воспитания обуславливает такое распределение акцентов задач в преподавании изобразительного искусства, среди которых воспитательные и художественно-развивающие находятся на первом плане. Ведь решение художественно-развивающих задач формирует уровень художественно-творческого сознания индивида, определяет уровень его включения в глобальные культурно-творческие процессы [1, 36].

Учитывая сказанное, цель эстетического воспитания средствами изобразительного искусства можно определить как развитие у детей высоких эстетических идеалов, формирование потребностей и способностей к изобразительному искусству в процессе художественного осмысления мира.

Через знакомство с произведениями искусства учащиеся знакомятся с эстетическим достоянием народа, его бытом, обычаями. Искусство — не только картины в музеях, образы на стенах, резные шкатулки и т. д., искусство — средство проявления чувств и эмоций, направленных в творчество. Личность во время творчества отходит от будничности, мелочных дел, заполнена воображением

и фантазией, она творит вдохновенно, руководствуясь интуицией. В этом процессе важнее результат, поскольку создается состояние особого нравственного духовного подъема, самоутверждения личности.

Сейчас еще рано говорить о фундаментальном повороте в методологии педагогики, но принципиально важным является то, что современная наука пытается переосмыслить мозаику подходов к педагогическому процессу.

Сложность ситуации заключается в том, что отношения «учитель-ученик» не подлежат радикальной модернизации. Ведь «в контекст общего и профессионального образования «вшивается» личный опыт ученика, а с ним многогранные феномены молодежной субкультуры». Таким образом, перед педагогом встает ряд угроз — от подмены духовности ее суррогатами — до невозможности взаимопонимания с учениками, через полное игнорирование опыта педагога как такового.

Таким образом, указанная сложность современного педагогического процесса требует поиска новых моделей его реализации. С другой стороны, на современном уровне развития знаний наука сталкивается с феноменом многомерного, плюралистического мира, требует многоаспектного подхода к его познанию.

Список литературы:

1. Образотворче мистецтво/[уклад. Л. Любарська, Л. Вовк]/Мистецька освіта. – 2007. – № 1. – С. 12–14.
2. Сухомлинський В. О. Павлиська середня школа//Сухомлинський В. О. Вибрані твори: в 5-ти т. – Т. 4. – К.: Рад. шк. – 1977. – С. 5–390.
3. Українська графіка ХІ – початку ХХ ст.: альбом/[автор-упоряд. А. В'юник] – К.: Мистецтво, 1994. – 326 с.
4. Урсу Н. О. Семантика кольоросприйняття у світогляді українців/Н. О. Урсу//Реклама і дизайн в умовах глобалізації вищої освіти та інформаційної інтеграції: зб. наук. пр./[ред. кол.: М. П. Ліфінцев (гол. ред.), Є. А. Антонович (упоряд. і відп. ред.), А. В. Чебікін та ін.]. – К.: Інститут реклами, 2005. – Вип. 3. – С. 337–339.
5. Щербаков А. В. Проблеми керівництва образотворчим творчеством підлітків/Щербаков А. В.//Вопросы художественного развития школьников на занятиях изобразительным искусством/[под ред. Б. П. Юсова]. – М.: АГИ ОССР, 1981. – С. 122–138.
6. Чихурський А. Комплексне використання мистецтв у процесі естетичного виховання молодших школярів/Анатолій Чихурський//Початкова школа: науково-методичний журнал. – 2008. – № 1. – С. 43–45.
7. Golaazewska M. Kultura estetyczna/Golaazewska M. – Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1979. – 100 s.
8. Личность и ее формирование в детском возрасте/[под ред. Божович Л. И.] – М.: Просвещение, 1968. – 297 с.

*Shodmanova Feruza Turdalievna,
Tashkent University of Information Technologies,
assistant lecturer, the Faculty of professional training
E-mail: feruza37@mail.ru*

History of creation of libraries of educational institutions and modern directions of development of the pedagogical libraries in territory of Uzbekistan

Abstract: The history of occurrence and development is illuminated pedagogical libraries in the territory of Uzbekistan. Priority lines of activity are presented as one of the main sources of scientific — information support in the modern national education of the Republican, scientific pedagogical library of the Ministry of national education in Uzbekistan.

Keywords: Turkestan public library, the history of libraries of educational institutions, pedagogical library, national education of Uzbekistan.

*Шодманова Феруза Турдалиевна,
Ташкентский университет информационных технологий,
ассистент кафедры, факультет профессиональное образование
E-mail: feruza37@mail.ru*

История создания библиотек учебных заведений и современные направления развития педагогических библиотек на территории Узбекистана

Аннотация: Освещена история возникновения и развития педагогических библиотек на территории Узбекистана. Представлены приоритетные направления деятельности Республиканской научной педагогической библиотеки Министерства народного образования Узбекистана как одного из главных источников научно-информационного обеспечения современного народного образования.

Ключевые слова: Туркестанская публичная библиотека, история библиотек учебных заведений, педагогическая библиотека, народное образование Узбекистана.

Во второй половине XIX века после образования Туркестанского генерал-губернаторства с центром в городе Ташкенте большое значение имело привлечение передовых представителей русской науки к изучению Туркестанского края. Многочисленные научные экспедиции занимались не только исследованиями природных ресурсов края, но и глубокому изучению его истории, культуры, языка и быта.

В центральных периодических изданиях появилось много статей по отдельным вопросам политической и экономической истории и этнографии среднеазиатского региона.

В мае 1870 года под непосредственным руководством Туркестанского генерал-губернатора Константина Петровича Кауфмана (1818–1882) (генерал-губернатор Туркестанского края с 1867 по 1882 гг.) в Ташкенте была открыта Туркестанская публичная библиотека, которая явилась первым научным и общественным учреждением в Средней Азии и заложила основу развития библиотечного дела в Туркестане. Фонды библиотеки содержали почти исключительно литературу на русском языке и читателями были преимущественно офицеры, чиновники и их семьи, а также учащиеся. Сохранились интересные сведения о первых читателях библиотеки с мая 1870 г. до сентября 1871 г. Всего читателей было 75, из них офицеров 45, чиновников 19, купцов 5, военных писарей 2, священников 2 и один воспитанник местного училища. Библиотека вела просветительскую работу и распространяла передовые идеи русской литературы XIX века [2, 15–16].

Большое значение в повышении культурного уровня в крае имело народное образование. При школах, гимназиях, училищах, учительской семинарии начали создаваться библиотеки. Так, первая русская школа в Туркестане была открыта в 1866 г. в городе Ташкенте, а через 2–3 года такие школы открылись и в других городах края. Была создана Туркестанская учительская семинария для подготовки учителей со знанием местного языка. Библиотека семина-

рии была разделена на фундаментальную и ученическую. Фундаментальная библиотека насчитывала до семи тысяч томов. Книжный фонд библиотек учебных заведений был очень мал, так как приобретение книг и учебных пособий было затруднительно. Хотя в Ташкенте и имелись магазины, торговавшие учебниками, но не всегда там были необходимые для учебных заведений книги и учебные пособия, либо они стоили очень дорого. К сожалению, конкретных данных о комплектовании и численности библиотек при учебных заведениях не сохранилось. Однако, имеются отрывочные сведения о нескольких библиотеках, например в августе 1876 г. в Ташкенте открылась четырехклассная мужская прогимназия. С начала 1879–1880 учебного года её преобразовали в шестиклассную, а с 1883 г. — в восьмиклассную. При данной гимназии работала библиотека, разделенная на фундаментальную и ученическую. Первая имела 4294 названия книг в 8651 томе, вторая — 1697 названий в 3767 томах [1, 28].

В 1876 г. в городе Ташкенте была открыта женская прогимназия, преобразованная в 1877 г. в гимназию. Её фундаментальная библиотека содержала до десяти тысяч томов. Ученическая же библиотека насчитывала лишь 158 названий.

Особое значение для народного образования имел небольшой педагогический музей при Управлении учебными заведениями в Ташкенте. Библиотека музея содержала отдел учебников и руководств, научно-педагогический и общественный отдел, отдел периодических изданий и отдел детской литературы. При библиотеке было организовано бюро новинок, содержавшее библиографию по указанным отделам и постоянную выставку книжных новинок, а также имелся читальный зал.

Таким образом, из приведенных данных видно, что библиотеки имелись почти во всех учебных заведениях Туркестанского края. Как правило, они подразделялись на фундаментальные для преподавательского состава и

ученические. В ученических библиотеках помимо учебных пособий, имелась и художественная литература, предусмотренная программой обучения. Однако фонды этих библиотек были очень малы, поэтому остро ощущался недостаток учебной литературы по истории, литературе и естествознанию.

На основании «Правил содержания в порядке библиотек средних учебных заведений Туркестанского края», утвержденных 30 июля 1871 г. книги ученических библиотек делились классными наставниками и библиотекарем по классам и отделам с учётом возраста и степени развития учащихся. Список книг каждого такого отдела ежегодно пересматривался педагогическим советом. Был установлен строгий контроль за чтением учащихся. Ученик мог получить только одну книгу и при том лишь ту, которая указывалась классным наставником. Все это вызывало недовольство учеников. В общей петиции учащихся, наряду с другими, было требование пополнить библиотеки книгами по спискам, составленным самими учащимися. А ученики Самаркандской мужской гимназии предъявили своему директору требование о свободном посещении библиотек.

Вопросу о расширении ученических библиотек неоднократно уделялось на страницах газеты «Туркестанский курьер». В 1910 г. на учительском съезде было предложено организовать общую для всех школ библиотеку учебной литературы, расширить и пополнить её более интересными и необходимыми в учебном процессе изданиями. А в 1916 г. в газете «Туркестанский курьер» (№ 143) в заметке «Библиотека для учащихся» сообщалось, что Ташкентская городская училищная комиссия признала желательным ассигновать по 50 рублей в год на каждое училище для создания учительских библиотек. Училищная комиссия наметила также создать центральную библиотеку для педагогического персонала. Заведующим училищами было предложено совместно обсудить, где по их мнению должна находиться такая центральная библиотека. Однако на тот период дальше обсуждения дело не пошло [2, 26–27].

В дальнейшем история развития педагогических и школьных библиотек на территории Узбекистана в начале XX века неразрывно связана с историей Научно-исследовательского института педагогических наук им. академика АН УзССР Т. Н. Кары-Ниязиди.

На основании постановления Народного комиссариата от 17 января 1929 года в городе Самарканде (столица УзССР в 1925–1930 гг.) впервые в Средней Азии был организован Государственный научно-исследовательский институт Узбекистана (до того времени научно-исследовательскую деятельность в регионе возглавлял Государственный ученый совет при Народном комиссариате просвещения).

В 1931 году в Ташкенте Государственный научно-исследовательский институт был разделен на сеть нескольких институтов. Среди них был Научно-исследовательский институт культурного строительства Узбекистана, при котором действовала библиотека.

В 1934 году на базе Научно-исследовательского института культурного строительства Узбекистана (УзНИИКС) были открыты три научно-исследовательских института: институт школ при Народном комиссариате просвещения, институт искусствоведения и институт языка и литературы.

В 1935 году УзНИИКС прекратил свою деятельность, а библиотека перешла в ведение Института школ при Народном комиссариате просвещения. В мае-месяце того же года директором библиотеки была назначена Рубина Людмила Дмитриевна (1902–1978). Имея лишь среднее библиотечное образование, преданная своему делу обладательница большой души, Людмила Дмитриевна возглавляла библиотеку 36 лет и оставила незабываемый след в истории РНПБ. Вместе с ней самоотверженно трудились преданные своему делу специалисты: Павлова Людмила Викторовна, Залевская Людмила Казимировна, Байбурова Амина, Белоусова Валентина Ильинична и многие другие библиотекари.

В этот период научно-педагогическая библиотека вела свою деятельность как библиотека научно-исследовательского института педагогических наук. Под руководством знатока своего дела Рубиной Л. Д. была проведена огромная работа по комплектованию фонда произведениями по истории, образованию и воспитанию, книгами, газетами, журналами, учебниками, различными сборниками научных трудов, изданными до и после 1917 года в Туркестанском крае. В фонде библиотеки имелось около 2000 книг, изданных в XIX веке. Многие из них были подарены читателями библиотеки. В дар были переданы личные библиотеки известных педагогов, организаторов народного образования — Н. П. Архангельского и С. М. Граменицкого, первого библиотекаря Туркестанской Публичной библиотеки — В. Крестовского и др.

В те годы были созданы картотеки изданий на арабской графике (до 1930 г.), латинице (1930–1940 гг.), учебников, пособий, газет и журналов Узбекистана. Среди активных читателей библиотеки были ученые и исследователи, занимающиеся разработкой методических программ по образованию и воспитанию молодежи, учебно-методических пособий в сфере школьного образования, созданием учебной литературы по специальным предметам. Среди них были известные авторы: Халил Каюмов, Миркарим Осимов, Е. Д. Поливанов, Н. П. Архангельский, М. Юнусов, В. А. Чиннова, Н. Таканаев, Имомхон Хусунходжаев, А. В. Миртов, Ф. Камолов, Файзулла Эргозиев, М. Мухамедов и многие другие.

Научно-исследовательский институт и библиотека продолжали свою деятельность и во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Несмотря на малое количество сотрудников в читальном зале библиотеки регулярно устраивались Литературные вечера и встречи с писателями, эвакуированными в Ташкент. Это были выдающиеся литературоведы, писатели и поэты: Анна Ахматова, Алексей Толстой, Корней Чуковский, Якуб Колос,

Корнелий Зеленский, академик М. В. Нечкина и другие.

С 1971 года библиотеку возглавила Горбань Алиса Вла-совна, которая продолжила работу начатую Л. Д. Рубиной.

По-прежнему уделялось большое внимание комплектованию фонда библиотеки литературой, посвященной педагогике и народному образованию, изданиями периодической печати, изданиями на узбекском языке. В этот период сотрудники библиотеки начали проводить консультации и оказывать методическую помощь по организации деятельности школьных библиотек по всей республике, проводились семинары и встречи, на которых обсуждались актуальные темы в области библиотечно-библиографического обслуживания читателей. На заседаниях Ученого совета института заслушивались отчеты деятельности библиотеки по итогам года.

С 1981 года библиотека при научно-исследовательском институте педагогических наук получила новый статус и была переименована в Республиканскую научную педагогическую библиотеку (РНПБ) и стала научно-методическим, информационно-библиографическим и координационным центром для библиотек системы Министерства народного образования Республики Узбекистан, а также основным республиканским хранилищем литературы по педагогике и народному образованию.

Сегодня Республиканская научная педагогическая библиотека Министерства народного образования Республики Узбекистан, являясь информационно-библиографическим, научно-методическим и координационным центром для библиотечных учреждений ведомства содействует развитию государственной политики в области информационно-библиотечного обеспечения пользователей педагогических библиотек, учащейся молодежи, студентов, населения.

Важным этапом в решении поставленных задач, а также в процессе развития и совершенствования информационных и телекоммуникационных технологий в библиотечном деле явилось Постановление Президента Республики Узбекистан «Об организации информационно-библиотечного обеспечения населения республики» от 20 июня 2006 года, которое определило четкие задачи для эффективного развития информационно-библиотечных, информационно-ресурсных центров и библиотек страны. Данное решение предопределило кардинальное реформирование библиотечной системы республики, развитие принципиально новых позиций информационно-библиотечной сферы.

Приоритетами развития информационно-ресурсных центров, библиотек общеобразовательных школ, учреждений дополнительного образования определены:

- стимулирование библиотечного дела с активным применением новых информационных технологий, современных методов управления библиотеками, маркетинга и менеджмента;
- создание единой информационной среды, расширение доступа к образовательным и информационным ресурсам;
- развитие системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации библиотечных работников ведомства, повышение уровня их информационной культуры;
- формирование книжных фондов как печатных изданий, так и электронных изданий, ресурсов [3, 2].

Принятый 13 апреля 2011 года Закон Республики Узбекистан «Об информационно-библиотечной деятельности» существенно расширил права и обязанности руководителей информационно-библиотечных учреждений, определил новый подход к управлению, который базируется на использовании информационно-библиотечных ресурсов с учетом внедрения информационно-коммуникационных технологий. От уровня информационно-библиотечного обслуживания учащейся молодежи во многом зависит достижение нового качества образования, соответствие его актуальным и перспективным потребностям личности, общества, государства.

Основная задача, стоящая перед педагогической библиотеккой сегодня — это осуществление библиотечного и информационно-библиографического обслуживания читателей, максимально полное удовлетворение читательских запросов, потребностей; совершенствование воспитательной работы библиотек школ, школ-интернатов, учреждений дополнительного образования, координация деятельности информационно-ресурсных центров, библиотек ведомства.

В настоящее время в республике идет процесс формирования принципиально нового облика библиотеки общеобразовательного учреждения, осуществляющего информационно-библиотечную деятельность, направленную на приобщение учащейся молодежи к историческому, духовному и культурному наследию народа Узбекистана на основе доступа к собственным и удаленным информационно-библиотечным ресурсам, создавая возможности для творческого развития духовно богатой и гармоничной личности.

Список литературы:

1. Граменицкий С. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. – Ташкент, 1896.
2. Касимова А. Г. История библиотечного дела в Узбекистане. – Т.: Ўқитувчи, 1981.
3. Ганиева Д. А. Новые тенденции развития информационно-библиотечной деятельности в системе образования Республики Узбекистан / Д. А. Ганиева // Проблемы современного образования. – 2011. – № 4. – С. 74–78. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pmedu.ru/res/2011_4_9.pdf.

Section 6. Political science

*Kolobova Guzel Anisovna,
Baschkirische Akademie des Staatsdienstes und der Verwaltung
beim Präsidenten der Republik Baschkortostan,
Dr. rer. pol. habil., Kandidat der Rechtswissenschaften,
Direktor des Instituts des Zivilrechtes und Zivilprozesses
E-mail: guzel_kolobova@mail.ru*

Staatskorporationen in Russland: das politologische Herangehen

Abstrakt: Der Artikel ist der Politologiekonzeption eines der speziellen politischen-staatlichen Mechanismen der Regulierung der Wirtschaft in nachsowjetischem Russland — der Staatskorporationen gewidmet. Es wird die politische Natur des Entstehens und des Funktionierens des gegebenen Mechanismus geöffnet, wird über die Unzweckmäßigkeit seiner weiteren Nutzung geäußert.

Stichwörter: Politische Regulierung, Wirtschaft, Staatskorporationen.

Die Problematik des Einflusses des Staates, wie des Schlüsselementes des politischen Systems der Gesellschaft, auf die Regulierung der Wirtschaftsbeziehungen die scharfe Bedeutung für den Russischen Staat in der nachsowjetischen Periode, in die Letzten fünfundsiebenzig Jahre seiner Entwicklung, erworben hat. Aber die Fragen der politischen Regulierung der Wirtschaftsbeziehungen haben die besondere Aktualisierung in 2014 in Zusammenhang mit den außenpolitischen Faktoren erworben: von den Ereignissen in der Ukraine, der Reaktion der russischen Staatsmacht auf diese Ereignisse und der Gegenreaktion der Weltgemeinschaft auf die Position der Russischen Föderation. Die am meisten offenbaren Folgen der Einleitung politisch der motivierten Wirtschaftssanktionen gegen Russland (die Abschwächung Rubels, die Beschränkung der äußerlichen Entlehnungen, die Kürzung der Investitionen, die Flucht des Kapitals, die Größe der Inflation und der Preise, die Senkung der Konsumnachfrage u. a.) Zeugen davon, dass das moderne Niveau der wirtschaftlichen Entwicklung der Russischen Föderation ihren nationalen Interessen nicht antwortet, den politischen Ambitionen und den Möglichkeiten, gewährleistet die führenden Positionen des Landes im weltweiten politiko-ökonomischen Raum nicht.

Ungeachtet der Offensichtlichkeit des Wirtschaftsschadens, der von den außenpolitischen Faktoren bedingt ist, man darf nicht verneinen, dass die Fragen der wirksamen staatlichen Teilnahme des Staates in der Wirtschaft traditionell scharf für Russland infolge des Vorhandenseins der negativen inneren Aufrufe, die die politische Natur haben, sind. Die Ergebnisse unserer Forschungen führen vor, dass die Probleme des Wirtschaftsdurchbruchs in Russland ungeklärt vor allem wegen der Unfähigkeit des Staates, die Wirtschaftsbeziehungen entsprechend den Anfragen der Gesellschaft zu regulieren, einschließlich — wegen des negativen Spezialbetriebes des gebildeten Systems der politischen-staatlichen Mechanismen

der Regulierung der Wirtschaft bleiben. Die Analyse dieser Mechanismen lässt zu, die Besonderheiten des politischen Systems der russischen Gesellschaft, des politischen Regimes, der politischen Institute, bewirkend diese Nichtübereinstimmung zu nachvollziehen.

In der gegenwärtigen Arbeit als spezieller politischer-staatlicher Mechanismus der Regulierung der russischen Wirtschaft werden die Staatskorporationen (weiter — SK) betrachtet, die von der russischen Staatsmacht für die Umverteilung des Eigentums und der Einleitung der staatlichen Kontrolle über den strategisch wichtigen Zweigen der Wirtschaft gefordert wurden. Die Besonderheit dieses Mechanismus kann man nur im Kontext der politischen Bedingungen, ausgeprägt in Russland am Anfang 2000 Jahre, betrachten: die Auswahl von W. W. Putin auf den Posten des Präsidenten der Russischen Föderation, die Erledigung des bürokratisch-autoritären politischen Regimes, die Anhänglichkeit der politischen Führung des Staates der liberalen Konzeption der Wirtschaftsregulierung und, als Folge, die Verstärkung der staatlichen Regulierung der Wirtschaft [1, 1829–1837].

Der Terminus "Korporation", entlehnt dem Latein (corporatio — die Gesellschaft), ist ins Russische aus den europäischen Sprachen geraten. In der wissenschaftlichen Literatur und in den Massenmedien existieren zwei Hauptdeutungen des Begriffes "Korporation" — eng und breit. Entsprechend die erste die Korporation ist eine Partnerschaft (Vereinigung, Gesellschaft, Bündnis) der Personen, die auf das Abklären oder den Aufstieg der spezifischen (korporativen) Interessen gezielt sind. Im weiten Sinne sind die Korporationen auch solche Vereinigungen, wie die Gewerkschaften, die Bündnisse der Unternehmer, andere soziale-professionelle Vereinigungen. In der juristischen Literatur wird dieser Terminus wie der zusammenfassende Begriff für die Vereinigung der Personen und der Kapitalien verwendet.

Entsprechend der russischen Gesetzgebung, der Staatskorporation wird solche Organisation anerkannt, die keine kommerzielle Mitgliedschaft hat, die von der Russischen Föderation aufgrund des Eigentumsbeitrages gegründet ist und für die Verwirklichung sozialer, administrativer oder anderer öffentlich nützlicher Ziele geschaffen ist [2]. Die russische legale Bestimmung der SK wie der planmäßig-rechtlichen Form der juristischen Person entspricht den allgemeingültigen Vorstellungen über den Terminus "Korporation" (in diesem Fall geschieht die Vereinigungen der Personen nicht) und insgesamt der russischen Theorie der juristischen Personen (SK tritt dem ausgeprägten System der nichtkommerziellen Personen nicht bei und verfügt über eine ganze Reihe wesensfremd dieser Form der Besonderheiten). SK sind aus dem Rahmen des regelmäßigen rechtlichen Feldes tatsächlich herausgeführt, die Lage jedes von ihnen klärt sich vom individuell entsprechenden Bundesgesetz.

Russische SK werden nach der Sphäre der Tätigkeit, dem Vorhandensein der Machtbefugnisse, den Aufgaben, den Funktionen, der Eigentumslage, der verwaltenden Struktur, den Fristen des Funktionierens u. a. wesentlich unterscheiden. Die vereinigende Charakteristik der SK ist die politische Motivation ihrer Bildung. Als Motive der staatlichen Veranlassung zur Bildung einer SK in der wissenschaftlichen Literatur werden bezeichnet: die Einleitung der Kontrolle über den strategisch wichtigen Zweigen der Wirtschaft, die Bildung der Instrumente der Modernisierung, die Optimierung des Staatseigentums u. a.

Sechs Korporationen waren in den gedrängten Terminen — seit Mai bis Dezember 2007 — geschaffen. In dieser Periode entwickelte sich die russische Wirtschaft im verhältnismäßig schnellen Tempo, ist nur auf die Kennziffern 1990 jedoch hinausgegangen. Die Staatsmacht konnte die fortschreitende Entwicklung der Wirtschaftsbeziehungen nicht gewährleisten. Es wurde offensichtlich die Nichtübereinstimmung des existierenden minderwertigen Systems der staatlichen Regulierung der Wirtschaft (in erster Linie der politische-planmäßigen Mechanismen der Regulierung), ausgerichtet vorzugsweise auf die Lösung der traditionellen und laufenden Fragen, den Prioritätsaufgaben des sozial-ökonomischen Charakters. Die existierenden Formen der Teilnahme des Staates im Wirtschaftsleben (Institutionen, unitäre Unternehmen, offene Aktiengesellschaften) nicht vollumfänglich befriedigten den Interessen des Staates.

In diesen Bedingungen sollten die SK die zusätzlichen Mechanismen der staatlichen Einwirkung auf die konkreten Problemsphären der Wirtschaft, den Instrumenten der Realisierung der staatlichen Politik werden. SK waren mit einigen Vollmachten und den Funktionen der Organe der staatlichen Verwaltung verliehen, dabei änderte sich die Struktur der Organe der exekutiven Gewalt nicht. Der administrative Status der Leiter der geschaffenen SK, beamteten bei dem Präsidenten Russlands, glich sie mit den Leitern der staatlichen Organe der exekutiven Gewalt tatsächlich aus. Die Bildung der SK wurde in gewisser Weise eine Erweiterung des Systems

der staatlichen Verwaltung, den Prozess des Übergangs der abgesonderten staatlichen Lösungen vom Niveau der Organe der exekutiven Gewalt auf das Niveau der Korporationen.

Die Einfügung der SK in der Wirklichkeit trug den ausserordentlichen Extracharakter. Es besteht die Meinung, dass der Faktor der Beschränktheit der Zeit bis zum wahrscheinlichen Wechsel der Machteliten angesprochen hat (in 2008 war auf den Posten des Präsidenten Russlands D. A. Medwedew ausgewählt).

Es ist nötig zu bemerken, dass das Institut der SK seine vieljährige Existenz in den ökonomisch entwickelten Ländern rechtfertigt. SK wurden ein staatliches Instrument, das zugelassen hat die Bedürfnisse vieler strategischer Zweige der Wirtschaft nach den staatlichen Investitionen auf dem Hintergrund der Unfähigkeit des Staates, ein wirksamer Investor zu sein, zu realisieren, sowie qualifiziert zu verfügen von den angelegten Mitteln.

Die Entlehnung des gegebenen Institutes, seine Nutzung in den russischen Bedingungen gab die Hoffnung auf qualitativ andere Instrumentallösung der Probleme der einheimischen Wirtschaft. Jedoch hat sich in der russischen Praxis die mehrdeutige, vorzugsweise negative Beziehung zu dieser Erscheinung und den in vieler Hinsicht begründeten Gebrauch von vielen Fachkräften der Termini «die mangelhafte Korporation», «die Quasikorporation» gebildet.

Wir meinen, dass die existierenden Probleme des gegebenen politische-staatlichen Mechanismus von den Handlungen des Staates bedingt sind, das heißt haben die politische Natur.

Erstens wurden im wesentlichen die SK vom Staat wie das Instrument der Umverteilung des Eigentums verwendet. Mit ihrer Bildung wurde der formell staatliche Anteil in der Wirtschaft verringert, jedoch ist der staatliche Sektor auf Kosten der Erweiterung der Maßstäbe der wirtschaftlichen Tätigkeit der SK, des Ankaufs von ihnen der nicht zum Kerngeschäft gehörende Vermögen durch das verzweigte Netz der Tochter- und abhängigen Gesellschaften wesentlich gewachsen.

Zweitens war die Entscheidung über die Bildung der SK äußerst politisch und geschlossen für die Besprechung, seiner Annahme gingen weder ökonomische, noch juristische, planmäßige Begründungen voran. Dieser Umstand hat die zahlreichen rechtlichen Kollisionen und die Nichtübereinstimmung der Handlungen der staatlichen Organe, beteiligt an der Bildung der SK bewirkt.

Die Probleme des Funktionierens der SK haben sich tatsächlich sofort herausgestellt: so konnte infolge des niedrigen Niveaus der gesetzgebenden Reglementierung, die Mehrheit der Korporationen die Realisierung der Funktionen nur nach Ablauf von einer bestimmten Zeit, für die Vereinbarung der notwendigen Dokumente ausgegeben ist, beginnen.

Die wesentlichen Problemen der unüberlegten politischen Entscheidung über die Bildung der SK bestehen darin, dass nicht gebildet die Systeme der Wechselwirkung und der Beilegung des Konflikts der Interessen der neuen Subjekte der staatlichen Verwaltung mit den existierenden Organen der exekutiven Gewalt und der Geschäftsgesellschaft blieben.

Deshalb hat die Bildung der SK zur erwarteten Erhöhung der Qualität der staatlichen Verwaltung, zur Verbesserung des geschäftlichen Klimas gebracht. Die Vertreter des Business bemerkten, dass die Bildung der SK dem Wachstum des Monopolismus, der Korruption und der ungerechten Konkurrenz förderte — anstelle der Kürzung der staatlichen Teilnahme an der Wirtschaft hat die Expansion des Staates in die Konkurrenzphären der Wirtschaft stattgefunden.

Drittens, bei dem Staat sind die Kriterien der Effektivität der SK wie der neuen Mechanismen der Regulierung der abgesonderten Sphären der Wirtschaft (Bank-, Investitions-, Industriesphären usw.) nicht abgefasst. Wir meinen, dass die Wirtschaftszweckmäßigkeit den Schwerpunkt nicht war, da vom Gesetz der nichtkommerziellen Charakter der Staatskorporationen vorgesehen ist. Und die soziale-politische Bedeutsamkeit dieser kostspieligen staatlichen Projekte, die in der qualitativen Veränderung der Wirtschaft wie des Objektes der Regulierung besteht, war offensichtlich nicht. Die Abwesenheit der deutlichen Kriterien lässt nicht zu, die Antwort auf die Frage zu geben, inwiefern die Nutzung der SK wie des staatlichen Mechanismus begründet ist.

Viertens, eine grundsätzlich wichtige politische Frage ist der Prozess der Vermögensverwaltung, übereignet vom Staat der SK. Das Problem des Eigentums ist ein zentrales Thema bei der Analyse der Tätigkeit der SK. Das Problem des Eigentums ist ein zentrales Thema bei der Analyse der Tätigkeit der SK. Von vornherein war eine Herkunft des Eigentums der SK das Staatseigentum und im Falle der misslungenen Erfahrung nach der Einführung des Institutes der SK ins sozial-ökonomische Leben des Staates Russischen Föderation trägt die Risiken, die mit der Verkleinerung des Eigentums verbunden sind, seines Übergangs zu anderen Besitzer. Tatsächlich wurden die SK eine Alternative die Privatisierung des staatlichen Eigentums des sehr bedeutenden Wertes (mehr als 2 Billion Rubeln). Die Einschätzungen der Tätigkeit der SK, die von den politischen Führern ausgesprochen sind, lassen nicht zu, zu vermuten, dass das ehemalige Eigentum der Russischen Föderation sehr wirksam verwendet wird. Jedoch ist dieses Thema für die Besprechung mit der Gesellschaft geschlossen.

Fünftens, der Staat soll für die Effektivität der Verwaltung der SK eigentlich haften, da sich der Mechanismus der Bildung der Verwaltungsorgane der Korporationen von den politische-rechtlichen Mechanismen — die entsprechenden

Föderalgesetze — klärt, und vermutet die unmittelbare Teilnahme an diesem Prozess des Präsidenten Russlands und der russischen Regierung. Jedoch bemerken die Fachkräfte, dass sich die Probleme der Unternehmensführung in den SK von den gemeinsamen Mängeln in der Vorstellung der staatlichen Interessen in bedeutendem Grade klären und in vieler Hinsicht wiederholen die Probleme der Unternehmensführung in den Aktiengesellschaften. Vom allgemeinen Notstand der einheimischen Wirtschaft, einschließlich SK, ist teurer und ungeheuer aufgeblähte staatliche Apparat.

Sechstens, ein sehr offenkundiges Problem ist die Abwesenheit der politischen Kontrolle über die Tätigkeit der SK. Von der Gesetzgebung sind die Fragen wie der Kontrolle über die Tätigkeit der SK, als auch der Verantwortung für die Handlungen, die eigentlich dem Staat gefährden, nicht erledigt. Das Eigentum, das von der Russischen Föderation den Staatskorporationen übergeben ist, hat aufgehört, Staatseigentum zu sein, dadurch ist die Kontrolle über die Finanztätigkeit der SK des Gesichtsfeldes des Rechnungshofs der Russischen Föderation (mit Ausnahme des Rossatom) herausgeführt. In diesen Bedingungen ist das Risiko der unkontrollierten Nutzung des ehemaligen staatlichen Eigentums und der für den Staat unvorteilhaften Verfügung von diesem Eigentum außerordentlich groß.

So wurden die russischen Besonderheiten der Realisierung der Idee der Staatskorporationen — nicht die Kürzung, und die tatsächliche Erweiterung des staatlichen Sektors in der Wirtschaft, die Geschlossenheit der Prozesse der Vorbereitung und der Erörterung der Projekte der Gesetze über der Bildung der SK, die Geschwindigkeit ihrer Bildung, die Abwesenheit der Strategien der Tätigkeit bei der Bildung der SK, der Kriterien ihrer Effektivität und der vollwertigen Kontrolle über ihre Tätigkeit — ein Grund des Entstehens der Probleme waren; sie haben nicht zugelassen, das durchdachte, vollwertige politische-staatliche Instrumentarium zu schaffen. Das moderne politische Regime konnte die Bedingung für durchsichtig nicht schaffen und ökonomisch gewährleisten des wirksamen Funktionierens der staatlichen Gesellschaften, die in erster Linie in den Interessen der beherrschenden Elite handeln, und den Schutz der staatlichen Interessen gelten sie nicht. Es lässt zu, über die Unzweckmäßigkeit der weiteren Nutzung des gegebenen Mechanismus beim in Russland existierenden politischen Regime, zu sprechen.

Referenz:

1. Kolobova G.A. Das politische Regime wie die Schlüsseldeterminante der Entwicklung des Systems der politische-staatlichen Mechanismen der Regulierung der russischen Wirtschaft in der nachsowjetischen Periode//Recht und Politik. – 2012. – № 11.
2. Föderalgesetz vom 12. Januar 1996 № 7-ФЗ «Über die nichtkommerziellen Organisationen»//Zeitung Rossijskaja. – 1996. 26. Januar.

*Kuppayeva Botagoz Tulegenovna,
Kazakh National Agrarian University,
Department «History of Kazakhstan and social sciences»,
Candidate of Political Sciences, Associate professor
E-mail: Bota160@mail.ru*

Problematics of comparative political science

Abstract: Comparative studies today — is an objective need, necessary and living reality. Comparative analysis allows us to understand the political practices of different countries to implement political outlook, helps to identify valuable experience makes it possible to take into account the negative side, the ineffectiveness of certain political decisions. Comparative studies allow to go beyond a certain country, make wider scientific generalizations.

Keywords: comparison, the method of comparative analysis, comparative politics, comparative studies of types, methods of comparative analysis extrapolation of scientific knowledge, the problem of incompatibility of political non-identity categories, non-identity political terms, the Galton's problem.

*Куппаева Ботагоз Тулегеновна,
Казахский Национальный Аграрный Университет,
Алматы, Казахстан
E-mail: Bota160@mail.ru*

Проблематика сравнительной политологии

Аннотация: Сравнительные исследования сегодня — это объективная потребность, необходимая и живая реальность. Сравнительный анализ позволяет понять политическую практику различных стран, осуществить политический прогноз, помогает выявить ценный опыт, дает возможность учесть негативные стороны, неэффективность тех или иных политических решений. Сравнительные исследования позволяют выйти за пределы определенной страны, сделать более широкие научные обобщения.

Ключевые слова: сравнение, метод сравнительного анализа, сравнительная политология, типы сравнительных исследований, методы сравнительного анализа экстраполяция научного знания, проблема несовместимости, неидентичности политологических категорий, нетождественность политических терминов, проблема Гэлтона.

В политической науке сравнение, метод сравнительного анализа становится неотъемлемой ее частью. Диапазон применения в изучении политики сделали сравнительный анализ центральным в политологии. Он приобретает все большую значимость. Его основные цели: разработать систему знаний об управлении и политике в целом; дать оценку политическому опыту, институтам, поведению и процессам с точки зрения причинно-следственных связей; прогнозировать события, тенденции и последствия.

Одна из граней проблемного поля сравнительной политологии, методологическое своеобразие, как считает российский политолог Митрохина Т. Н. — это экстраполяция научного знания, сущность которой состоит в заимствовании познавательных систем из других наук [1]. Эту проблему отмечает также и американский исследователь политической науки Дж. Джексон [2]. В результате подобного заимствования научного знания политическая наука, политическая компаративистика обогатилась кибернетическими моделями и такими технологическими терминами как «процесс», «система», «элемент», «обратная связь». Из экономической теории в политическую компаративистику была взята теория рационального выбора. Из математики в сравнительную политологию пришла

булева алгебра, суть которой состоит в анализе большого массива данных по разным странам посредством операций логического сложения и умножения. Из статистики были заимствованы факторный и корреляционный виды анализа, из естественных наук синергетика и системный анализ. Из психологии — психометрические методы, а также шкалограммный анализ, из социологии — социометрия, из теории вероятности — выборочный анализ генеральной совокупности. Экстраполятивное использование методологических приемов других наук позволяет расширить диапазон исследований политических явлений.

В ряду дискуссионных проблем, обсуждаемых в компаративистике, находится проблема идентичности содержания основных категорий. Теоретическое понятие, сформулированное на материале одного политического сообщества при переносе на другое, перестает работать. Например, классическое определение политической партии как добровольной массовой организации неадекватно при исследовании политической жизни США. В России, где действуют персонифицированные партии, данное понятие также подвергается корректировке. Дж. Лапаломбара также отмечает, что компаративисты испытывают неудобства с тем фактом, что политические термины несут различную

смысловую нагрузку в различных условиях. Эту мысль подчеркивают исследователи процессов демократизации в бывших коммунистических странах, где это понятие ассоциируется с антидемократической системой сравнения [3].

На данную проблему указывает российский политолог Е. Н. Мошелков. Он считает, что проблема несовместимости, неидентичности политологических категорий обусловлена различиями в философских и интеллектуальных традициях разных стран. В качестве примера он приводит широко употребляемые в политическом лексиконе понятия «авторитарный – демократический». В политических энциклопедиях и словарях Запада понятие «авторитарный» трактуется как социальная аномалия, как антипод демократии. В России интерпретации авторитаризма и демократии иные. С самого начала зарождения российской государственности в IX – X веках в России существовали авторитарные формы правления. Именно авторитарная форма власти позволяла удерживать территориальную целостность огромной страны. Благодаря централизации Россия выживала в самые сложные периоды своей истории. Российская авторитарная форма власти обеспечивала стабильность общества [4].

Российский политолог К. С. Гаджиев также уделяет внимание проблеме нетождественности политических терминов в разных странах. Он отмечает, что народовластие в России может иметь иное содержание, иные параметры, чем у американцев: «Привитие и институционализация демократических форм политической самоорганизации общества на той или иной национальной почве отнюдь не могут сводиться к механической трансплантации готовых норм, принципов и институтов западной демократии» [5]. Демократия может институционализироваться на конкретной национальной почве, если демократические ценности станут поведенческими установками большинства населения. «Легко соорудить статую свободы и поставить ее на площади Тяньаньмэнь. Но жить этими посылами, этими установками — совсем другое дело» [6].

Еще одна проблема в сравнительной политологии — это необходимость проводить исследования на стыке собственно политической компаративистики, мировой политики и мировых отношений. Перед политической компаративистикой сегодня встают новые задачи, новые требования. Это подразумевает включение в сферу анализа наднациональных и транснациональных взаимодействий. По словам А. Ю. Мельвиля, «буквально на наших глазах формируется принципиально новая транснациональная политическая среда, функционирующая словно бы «поверх» традиционных национальных государств» [7]. Появляются новые участники мировых отношений. Это — транснациональные корпорации (ТНК), неправительственные организации (НПО), в том числе международные (МНПО), общественно-политические и иные движения, группы интересов и отдельные индивиды. Этих нетрадиционных участников мировой политики называют транснациональными акторами (ТНА). Появляются нетрадиционные

каналы и инструменты транснациональных взаимодействий, включая новые информационные и коммуникационные технологии. Таким образом, перед сравнительной политологии появляются новые измерения политических процессов, новые параметры исследований.

В целом в сравнительной политологии как дисциплине нарастает тенденция к обособлению на более или менее самостоятельные группы, например, европейцев, латиноамериканцев, африканистов, слабо контактирующие между собой. Отчасти это является следствием растущей специализации, но и в то же время и результат возрастающего профессионализма. Габриэль Алмонд грустно заметил, правда, по поводу состояния политической науки в целом, что в политологии группы исследователей рассаживаются за «столы» в зависимости от своей идеологической ориентации («правые» – «левые») и методологии («жесткие» – «мягкие» методы) [8]. Можно представить отдельные «столы», за которыми располагаются специалисты по регионам со своей особой европейской, азиатской, латиноамериканской или африканской кухней и даже в этих рамках идет дальнейшее подразделение по научной специализации: изучающие политические партии трапезничают отдельно от исследователей государственной политики, специалисты по изучению местных органов власти обедают отдельно от тех, кто занимается анализом электоральных процессов. Развитие сравнительной политологии привело не только к обособлению специалистов по регионам друг от друга, но и в рамках одного региона прослеживается тенденция к усилению самостоятельности областей исследования, в каждой из которых создается своя узкая сеть связей и свой набор научных журналов. Все это указывает на возрастание фрагментации.

Также методологические дискуссии в сравнительной политологии ведутся вокруг преимущества сравнений малого числа случаев («small N»). Ряд исследователей подчеркивают преимущества детального, глубинного анализа малого числа стран.

Необходимо упомянуть о проблемах частного характера, которые стоят перед сравнительной политологией. Первое — по-прежнему ли государства являются значимой единицей исследования. Абсолютная значимость страны как единицы анализа ставится под сомнение даже безотносительно к международному контексту. Страны меняются, поэтому необходимо иметь в виду временные различия. Если политические институты имеют значение, как тогда можно сравнивать страны, в которых меняются эти самые институты. Исследователям все чаще приходится отказываться от такой единицы анализа, как страна, и выделять конкретные подклассы переменных. А. Лейпхарт, например, изучает избирательные системы и политические последствия их функционирования, а не страны как таковые. Такая стратегия получает все большее признание, она предполагает возможность эксперимента с альтернативными единицами анализа и создает условия для учета временных различий [9].

Еще одна проблема сравнительной политологии связана с надежностью средств измерения и показателей, используемых для перевода полученных на примере отдельных государств выводов на язык сопоставимых операциональных категорий. Имеется много примеров, когда потенциально ошибочным или произвольно взятым показателям придавался абсолютный статус. Например, показатели, первоначально предложенные Лейпхартом в качестве средства выработки его знаменитого деления демократий на мажоритарную (правило большинства) и консенсусную (всеобщее согласие), которые впоследствии были включены во множество различных исследований. Эти показатели служат лучшим средством различения двух типов демократии, они не обязательно являются единственно возможными, необходимо при любом использовании иметь в виду конкретный период времени, к которому они применялись. Недостаток сравнительной политологии состоит в том, что анализу взаимосвязи переменных уделяется внимания больше, чем качеству и надежности самих этих переменных. Именно дефицит надежных сопоставимых данных приводит к тому, что абсолютизируются те показатели, которые доступны [9].

Сегодняшний этап развития сравнительной политологии характеризуется сотрудничеством ученых, имеющих интерес к конкретным случаям и контексту. Для сравнительных исследований существенным является четкое ограничение сферы, на которой будет сосредоточен анализ. Исследуя государственный аппарат, профсоюзы, избирательные права женщин, компаративист оставляет вне поля исследования контекстуальные различия между странами. Контекст часто бывает встроен в предмет исследования и поэтому требует специального изучения. Подобная проблема в политологии носит название проблемы Гэлтона.

Одной из насущных проблем компаративистики является определение параметров, которые поддаются сравнению друг с другом. В качестве объектов сравнительного анализа используют политические системы в их целостности, их формы, типы и разновидности. В качестве объекта сравнения берут политические институты, институты лидерства, законодательные органы, партийные, избирательные системы, механизмы политической социализации и культуры.

Также в число кардинальных вопросов сравнительной политологии входят: каковы различия существующих типов политических систем относительно их «формообразующей» функции, как устанавливаются и как укрепляются различные типы. Общеизвестно, что лучшей системой является демократия, поэтому большинство сравнительных политических исследований направлены на изучение демократии: как ее установить, поддерживать, приспособлять и улучшать, а также противостоять угрозам ее существования.

Сегодня в сравнительных исследованиях выделяются три новых направления: институционализм, девелопментализм (политический и экономический) и неоинституционализм [10]. Первый подход сосредоточен на особых механизмах функционирования политической системы

как таковой: президентской или парламентской системах власти, унитарном или федеративном государственных устройствах, политических партиях и голосовании, комиссиях и выборах. Второй подход объединяет большинство теорий социального изменения. Третий представляет сочетание первых двух. Институциональный подход составляет базис сравнительной политологии. Девелопментализм, который называет себя «новой» сравнительной политологией, в политике, экономике делает акцент на изменениях, происходящих в обществе, а не на технике управления. А неоинституционализм возвратил в поле зрения исследователей изучение функционирования политической системы и государств.

Рассматривая политическое устройство, институционализм стремился охватить весь круг проблем: порядок и свободу выбора; интересы личности и общества; гражданские права и обязанности; законодательную и исполнительную власть; избирательную систему; полномочия судов и судей и преимущества писаных и неписаных конституций, преимущества унитарного государства по сравнению с федеративным, парламентской системы перед президентской; эволюцию местных органов власти, процедурные правила поведения в парламенте, политические партии.

Институционализм остается основным подходом в сравнительной политологии. Однако институционализм оказался неспособным принять бесспорные расхождения между институционалистской теорией и практикой, когда дело дошло до установления демократического строя в новых независимых государствах после первой и второй мировых войн. Стало ясно, что следует изучать психологические, экономические, социальные и организационные факторы вне рамок институционального анализа. Демократическая конституция Веймарской республики не смогла гарантировать функционирование демократии. То есть институционализм стал неадекватным при попытке конструирования конституций.

Девелопментализм или «новая» сравнительная политология с ее акцентом на проблемы развития появилась в атмосфере послевоенного периода. В сравнительных исследованиях доминировали два альтернативных варианта развития: теория модернизации и теория зависимости. Теоретики модернизации представляли группу специалистов по сравнительной политологии, в том числе Г. Алмонд, С. Хантингтон, Д. Аптер, некоторые из них сочетали исследования отдельного случая с аналитическими работами широкого плана по сравнительному изучению процессов развития. К сторонникам теории зависимости следует отнести из экономистов П. Барана, из политологов Г. Китчинга, К. Лиза. Для исследователей первой группы формула «деколонизация плюс рост плюс демократизация» была легитимной стратегией независимости. Представители второй группы избрали стратегию гегемонии и господства. В результате исследователи, использовавшие один и тот же материал одних и тех же стран, могли прийти к совершенно противоположным выводам.

Критика в адрес теории модернизации и теории зависимости сводилась к тому, что политика в обеих теориях трактуется как отражение экономики или социальных процессов.

Неоинституционализм сочетает в себе прежний институционализм с теориями развития. Неоинституционализм анализирует политическое поведение, в том числе электоральное, динамику успехов и неудач политических партий, их значение для государства, проблемы элит и демократизация.

Объектом сравнительных исследований стали политические партии, их функционирование, создание блоков, изменение взглядов людей, роль элит, бюрократии и политиков в различных политических режимах. Если сторонники развития подчеркивали необходимость экономического роста как условия демократии, то неоинституционализм изучал те проблемы, которые возникают перед правительством в связи с негативными последствиями роста, включая экологические, адаптацию иммигрантов. После распада Советского Союза активизировались такие явления, как сепаратизм и религиозное сектанство и фундаментализм, ни одно не было спрогнозировано и не могло быть объяснено теориями «социального изменения» [11].

Неоинституционализм восприимчив к экономическому анализу, ибо имеет дело с финансовой и валютной политикой, банками, рынками, глобализацией. Помимо этого он изучает изменение законодательного процесса, сдвиги в политике партий. Неоинституционализм по сравнению с институционализмом больше связан с социальной и политической теорией, а также с политэкономией.

В сравнительной политологии продолжается поиск подходящих методов, единиц сравнения для сбора и обработки данных, составления рабочих гипотез, разработка новых техник. Дискуссии продолжаются вокруг того, что лучше: «малое число примеров», подробное описание отдельного случая, каковы достоинства и недостатки больших теорий. В любом случае сравнительный анализ делает политологию более восприимчивой к многообразию норм, ценностей, институтов и социальных структур и к взаимосвязи различных форм политического поведения.

Сравнительное изучение модернизаций. В мировой компаративистике были осуществлены два больших проекта. Первый комплекс связан с масштабными сравнениями современных демократических политий. Это прежде всего исследование 114 политий Р. Далем. И исследование Тату Ванханен — 119 стран в 1984 г., 147 — в 1990 г., 172 — в 1997 г. А. Лейпхарт пошел на более строгое сравнение демократий: 21 — в 1984 г., 32 — в 1999 г.

Второй комплекс, это стэнфордский проект — книга «Кризис, выбор и изменение. Исторические исследования политического развития», опубликованные в 1973 г. В этот сборник вошли статьи, в которых анализировались восемь исторических казусов качественных политических изменений. Авторы взяли переломные моменты и попробовали с помощью математического аппарата формализовать

соотношение политических сил, как оно складывалось в каждом из этих казусов.

Пауэлл проанализировал события, связанные с принятием в 1832 г. Акта о реформе в Великобритании, Каван — кризис 1931 г. в Великобритании, Мундт — создание Третьей республики во Франции, Риттбергер — формирование Веймарской республики, Уайт — реставрация Мэйдзи в Японии, а также приложения, содержавшие квантифицированные с помощью единого математического инструментария данные о динамике построения политических коалиций. Основное достижение исследования — обновление компаративистской методологии. Благодаря таким параметрам сравнения «статика – динамика», «детерминация – выбор» участники группы смогли достичь синтеза дедуктивных (генерационных) и индуктивных (таксономических) стратегий сравнения.

В качестве сравнения используются идеально-типические схемы. Основной единицей сравнения является конституция как устойчивый каркас отдельной политики. В качестве основных параметров сравнения могут использоваться:

- конфигурация функционального разделения суверенной власти; конфигурация территориального разделения суверенной власти;
- конфигурация субстанционального (корпоративного, общинного, консоциального) разделения власти;
- конфигурация структур посредования между лицами (подданными, гражданами) и локусом (локусами) суверенной власти, включая избирательные системы и выборы, партийные системы.

Дополнительной единицей сравнения является режим как встроенный в конституцию и наполняющий ее способ организации власти в той или иной политике. В качестве параметров сравнения могут использоваться схемы:

- осуществления функционального разделения суверенной власти;
- осуществления территориального разделения суверенной власти;
- осуществления субстанционального (корпоративного, общинного, консоциального) разделения суверенной власти; взаимосвязи правящего локуса режима и оппозиции (оппозиций), включая формы политического участия отдельных лиц, их политически организованных групп и других несuverенных акторов;
- легитимации и делегитимации актуального режима и виртуальных режимов оппозиции.

Сравнительные исследования сегодня — это объективная потребность, необходимая и живая реальность. Сравнительный анализ позволяет понять политическую практику различных стран, осуществить политический прогноз, помогает выявить ценный опыт, дает возможность учесть негативные стороны, неэффективность тех или иных политических решений. Сравнительные исследования позволяют выйти за пределы определенной страны, сделать более широкие научные обобщения. Они дают возможность проверить гипотезы на более широком

материале, а также позволяет обмениваться опытом с представителями других стран. Сравнительные политические исследования являются средством и проявлением международного сотрудничества в политической науке, содействует становлению глобального консенсуса, и являются мощным универсальным инструментом, который усиливает способность понимать политические процессы других стран и оценивать собственные аксиомы.

По словам Р. Х. Чилкота: «Сравнительная политология — не та область, в которой сказано последнее слово. На ее развитие оказывают воздействие и старые и новые идеи. Такое положение вещей не только допускает дискуссии и расхождение во мнениях, но и создает предпосылки углубиться в ранее неизведанные проблемы или пересмотреть установившиеся взгляды на быстро меняющийся и развивающийся мир» [12].

Список литературы:

1. Митрохина Т. Н. Методологические особенности политической компаративистики // Вестник МГУ. – Серия 12. – Политические науки. – 2004. – № 4.
2. Джексон Дж. Политическая методология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. – М., 1999.
3. Уайтхед Л. Сравнительная политология: исследование по демократизации // Политическая наука: новые направления. – М., 1999.
4. Мошелков Е. Н. Метод сравнительного анализа в исследованиях истории политической мысли: основные проблемы // Вестник МГУ – Серия 12. – Политические науки. – 2002. – № 5.
5. Гаджиев К. С. Сравнительная политология // Вестник МГУ. – Серия 12. – Политические науки. – 1996. – № 2.
6. Подберезкин И. В. Цитата по Гаджиеву К. С. Сравнительная политология // Вестник МГУ. – Серия 12. – Политические науки. – 1996. – № 2.
7. Мельвиль А. Ю. Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике // Полис. – 2004. – № 5.
8. Almond G. A. Discipline divided: Schools and sects in political science. – Newbury Park, L.; N. Delhi.: Sagepubl., 1990. – 348 p.
9. Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. – М., 1999.
10. Ильин М. В. Основные методологические проблемы сравнительной политологии // Полис. – 2001. – № 6.
11. Аптер Д. Сравнительная политология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. – М., 1999.
12. Чилкот Р. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. – М.: Инфа – М.: Изд-во «Весь мир», 2001.

*Naumenko Olha Mykhailivna,
I. F. Kuras Institute of Political and Ethnic Studies of the National Academy
of Sciences of Ukraine, postgraduate student, department of Theoretical and
Applied Problems of Political Science
E-mail: naumenko.olya@gmail.com*

The recruitment of political-administrative elites of Ukraine in the terms of state independence

Abstract: Article is devoted to major factors of recruiting political and administrative elites, which include political, economic, social and financial components. In the article was analyzed the parliamentarians of Ukraine from I to VII convocation over the age characteristics on the base of professional biographies and comparative method. There was also examined the dynamics of all 17 Prime Ministers of Ukraine during the independence years.

Keywords: recruitment factors, political recruitment, parliament, bureaucracy, political-administrative elite, «social elevator», meritocracy way, age indicator.

*Науменко Ольга Михайловна,
Институт политических и этнонациональных исследований
имени И. Ф. Кураса НАН Украины, аспирант,
отдел теоретических и прикладных проблем политологии
E-mail: naumenko.olya@gmail.com*

Рекрутирование политико-управленческой элиты Украины в условиях государственной независимости

Аннотация: Статья посвящена основным факторам рекрутирования политико-управленческой элиты, к которым относятся политические, экономические, социальные и финансовые составляющие. В статье

проанализированы народные депутаты Украины от I до VII созыва по возрастной характеристике, на основе анализа профессиональных биографий и сравнительного метода. Рассмотрена динамика всех 17-ти премьер-министров Украины за годы независимости.

Ключевые слова: факторы рекрутирования, политическое рекрутирование, парламент, бюрократия, политико-управленческая элита, «социальный лифт», меритократический путь, возрастной показатель.

Формирование украинской властной элиты началось в 1991 году, в условиях острой необходимости переформирования управленческого аппарата старого образца в новый. Государство сделало все для базы формирования управленческих кадров, включая нормативно-правовую базу и профессиональную подготовку.

На воспроизводство и процесс развития политико-управленческой элиты повлияло множество факторов. В свою очередь, факторами рекрутирования являются наличие политических, экономических, социальных, финансовых обстоятельств, которые были благоприятной средой субъектам управленческого процесса всех уровней государственной власти. Факторы как движущая сила становления политико-управленческой элиты Украины в процессе политической трансформации общества постоянно изменялись.

Основными общественно-политическими факторами, которые оказывают содействие на разработку системы государственного управления и кадровой политики управленческой элиты в Украине являются:

- радикальные преобразования в современном украинском обществе, в сферах экономики, политики, духовности, социальной жизни, в формировании институтов гражданского общества;
- масштабность и динамика формирования новых органов государственной власти и местных органов самоуправления;
- новые требования к управленческим кадрам обусловленные условиями рыночной экономики;
- внутривластная борьба за власть олигархических и политических кланов, группировок, представителей разных ветвей власти как в центре, так и в регионах;
- интенсификация профессиональной подготовки государственных служащих;
- низкий уровень разработки кадровых проблем, отсутствие специальных исследований об целостной конструкции механизмов и процессов кадрового обеспечения государственного управления в разных сферах общественной жизни;
- потребность в устранении несовершенства в работе с управленческими кадрами [1, 5–6].

Известно, что политическое рекрутирование как процесс есть вовлечение людей в активную политическую жизнь. Из политической элиты формируются законодательные и исполнительные органы власти государства, правительственный аппарат, руководящие кадры государственных учреждений. Процесс рекрутирования определяет механизмы вхождения людей в политику, их выдвижение на руководящие политические посты. Качество элиты

во многом зависит от уровня ее образования и политической культуры [2, 85].

Целью данной статьи является раскрытие факторов, которые способствовали появлению и развитию украинской политико-управленческой элиты.

На осуществление эффективной кадровой политики, с целью формирования государственного аппарата направлен ряд важных нормативно-правовых актов: Конституция Украины от 28.06.1996 № 254 к/96-ВР, Закон Украины «О государственной службе» от 17.11.2011 № 4050-VI, Закон Украины «О службе в органах местного самоуправления» от 07.06.2001 № 2493-III, Закон Украины «О местных государственных администрациях» от 09.04.1999 № 586-XIV, Закон Украины «О местном самоуправлении в Украине» от 21.05.1997 № 280/97-ВР. В соответствии с ст. 38 Конституции Украины ее граждане пользуются равным правом доступа к государственной службе, а также к службе в органах местного самоуправления.

Также, основные положения, касающиеся кадрового потенциала государства закреплены в Постановлениях Кабинета Министров Украины и Указах Президента Украины. Правовое регулирование подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих было закреплено в постановлениях Кабинета Министров Украины «Об утверждении Положения о работе с кадрами в центральных и местных органах исполнительной власти» № 747 от 20.09.1995 г.

Согласно Постановлению Кабинета Министров Украины «Об утверждении Положения о формировании кадрового резерва для государственной службы» № 199 от 28.02.2001 г., устанавливается порядок формирования кадрового резерва для государственных служащих. В ст. 27 действующего Закона Украины «О государственной службе» № 3723-XII от 16.12.1993 г. продвижение по службе государственного служащего осуществляется путем зачисления в кадровый резерв. В государственных органах создается кадровый резерв для занятия должностей государственных служащих, а также для продвижения по службе. Формируется кадровый резерв из:

- 1) специалистов местного и регионального самоуправления, производственной, социально-культурной, научной и других сфер, а также выпускников учебных заведений соответствующего профиля;
- 2) государственных служащих, повысивших квалификацию или прошедших стажировку и рекомендованных для продвижения на более высокие должности (ст. 28 Закона Украины «О государственной службе»). Следует заметить, что с будущим вступлением в силу (которое состоится 01.01.2015 г.) нового Закона Украины «О

государственной службе» № 4050-VI от 17.11.2011 г., формирование кадрового резерва не предвидится.

Становление и развитие политико-управленческой элиты в условиях независимости имело несколько этапов развития. Украинское элитообразование основывалось на тогдашней номенклатуре, поскольку ее представители перетрансформировались из «старой элиты» в «новую элиту».

Политическая элита Украины сформировалась на основании:

1) бывших членов КПСС и функционеров общественных организаций, хозяйственных руководителей, научных работников, интеллигенции;

2) бывших политических диссидентов (среди которых М. Горынь, А. Лукьяненко, В. Чорновол);

3) из представителей новых политических партий, общественных организаций и движений, отечественных предпринимателей, банкиров, коммерсантов, гуманитарной интеллигенции, карьеристов-демагогов, а также оппозиции [3, 162].

В диссертационном исследовании Равлик И. А. выделяет истоки инкорпорации политической элиты посткоммунистического периода с 1990 г. по 1997–1998 годы за смешанной системой инкорпорации:

1) сегменты номенклатуры — региональный и технократический;

2) политизированные финансово-олигархические группы;

3) некоторые представители антикоммунистических сил. Исследовательница делает вывод, что «политический конгломерат» сформировался из представителей прежней советской бюрократии, лидеров национал-демократических сил и собственников крупного капитала или олигархов. Часть украинской бизнес-элиты, как и политической, имела номенклатурное происхождение [4, 77]. Факторы рекрутирования политической элиты были обусловлены условиями формирования основ рыночной экономики, перераспределением собственности и первичным накоплением капитала.

Также, современная политическая элита сформировалась на основе совместного слияния интересов партийно-советской номенклатуры и бизнес-групп. Институт выборов как механизм отбора лучших полностью нивелируется. Вместо того происходит острая внутриусобная конкурентная борьба между властными группировками [4, 91]. Выборы всего лишь процесс легитимации избирательного процесса, где интересы и клановое родство играют основополагающую роль.

Современные зарубежные исследователи дают определение элите как совокупности людей, принимающих важнейшие решения в государстве и занимающих высокие позиции в социальной и политической структуре общества. Выделяя при этом определенные факторы вхождения в элитную среду политическую и управленческую в высших органах власти. Именно с политической элиты происходит привлечение должностных лиц и бюрократов.

Отбор элит осуществляется в частности через школы, которые они посещают, с помощью их связей с уже существующими элитами, а также, занимаясь определенной деятельностью и рядом других факторов [5, 369].

«Социальные лифты» выступают средством перемещения из одной группы в другую. Это и элитарное образование, партии и движения (молодежные), «партия власти», программы стажировки для талантливой молодежи.

В частности, в Украине проводится работа по созданию государственной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих. Система учебных заведений Украины включает в свою структуру государственные и частные вузы: академия, университеты, институты.

Главным учебным заведением в данной системе является Украинская Академия государственного управления при Президенте Украины, с филиалами во Львове, Одессе, Харькове и Днепропетровске. В рамках зарубежного опыта, Академия в области двойных дипломов сотрудничает с ведущими институтами Турции, Голландии, Швейцарии и ряда других стран [6, 3]. В том числе, согласно данных Информационной системы «Конкурс» [7] по вступительной кампании 2014 года, численность высших учебных заведений Украины по специальностям, следующая: специальность — 8.15010002 «государственная служба» — 26 вузов; специальность — 8.15010001 «государственное управление» — 7 вузов; специальность — 8.15010005 «государственное управление в сфере образования» — 1 вуз; специальность — 8.15010011 «электронное управление» — 1 вуз; специальность — 8.15010009 «местное самоуправление» — 2 вуза; специальность — 8.15010008 «публичное администрирование» — 2 вуза.

Среди частных учебных заведений Украины, осуществляют подготовку государственных служащих Межрегиональная академия управления персоналом (МАУП), Институт политических наук НАН Украины и некоторые региональные учреждения.

Политические партии есть канал рекрутирования, через который осуществляется отбор и воспитание руководящих и управленческих кадров, исполняя при этом функцию формирования национальных элит [8: 143, 145]. Весомыми факторами занятия элитных позиций в партии есть разного рода ресурсы (политические, экономические, финансовые, административные), включая землячество, nepotизм, трайбализм, кумовство.

Одну из ячеек формирования партийной элиты представляют молодежные общественные организации, которые исповедуют идеологию и принципы собственной материнской партии. В Украине молодежные образования представлены следующими структурами: Всеукраинская молодежная общественная организация «Молодые регионы» при Партии регионов, молодежное образование ЛКСМУ (Ленинский Коммунистический Союз Молодежи Украины) при Коммунистической партии Украины, Всеукраинская молодежная общественная организация

«Батьківщина молода» при ВО «Батьківщина», при партии «УДАР (Украинский Демократический Альянс за Реформы) Виталия Кличко» действует Молодежное Крыло партии «УДАР Виталия Кличко». Автор данной статьи придерживается точки зрения, что такой канал рекрутирования политической элиты из современных молодежных организаций партий не является в достаточной мере эффективным. Молодежные образования, как правило, есть формальным партийным омоложением, нежели кузницей кадров. Тем самым они не исполняют свою функцию — самовоспроизведение. Поскольку, в реальную политику приходят люди с устоявшимся влиянием и надежной финансовой почвой.

Меритократический путь вхождения в политическую элиту есть разного рода программы для талантливой молодежи. А именно, это Программа стажировки в Верховной Раде Украины и центральных органах исполнительной власти, которая действует в Украине на протяжении девятнадцати лет и координируется Общественной организацией «Лига интернов». При содействии Общественной организацией «Молодежная альтернатива» привлекает молодежь в следующие программы стажировок: «Студенты для Парламента Украины», «Студенты для органов местного самоуправления». Преимущество такого механизма в открытости и прозрачности отбора молодежи в органы исполнительной и законодательной власти, что не исключает наличия в рамках существующих программ легитимации протекционизма и родственных связей.

«Партия власти» как канал рекрутирования политической элиты, соединяет власть и бизнес, в лице представителей олигархии и клановых групп. Бизнес в системе рекрутирования элит занимает особо важную роль. Бизнес-элиты в лице олигархов входят как в состав парламента, так и в исполнительную ветвь власти. Олигархическая модель впервые стала внедряться при Президенте Л. Кучме (1994–2004 гг.). Наибольший расцвет олигархической системы, когда 10–15 богатейших людей держали контроль над страной, был при президентстве В. Януковича (2010–2014 гг.). После распада группировки Януковича количество влиятельных олигархов во властных структурах заметно сократилось. Сегодня появились перспективы установления новой модели, которая основана на европейских принципах социально ответственного бизнеса [9, 16].

Ядром политической элиты Украины, как и во всём мире есть бюрократия [10, 162]. В государственном аппарате рекрутирование осуществляется на основании назначения государственных служащих высших уровней иерархии. К тому же, государственные служащие в Аппарат Верховной Рады Украины попадают по принципу родственных связей или протекционизму со стороны «сильных мира Украины». Численность чиновников вызывает вопрос об увеличении расходов на их содержание и обеспечение соответствующими льготами и привилегиями. В 2011 году расходы из госбюджета на содержание органов государственной власти выросли на 30 %, при том, что

планировалось сокращение количества государственных служащих на 30 % в этом же году [11, 8]. Больше половины состава правительства, т. е. всей вертикали исполнительной власти в 2012 году при В. Януковиче были выходцами из одного региона, фактически являясь земляками Президента [12, 22].

Автор данной статьи проанализировала динамику пребывания на посту премьер-министров Украины на протяжении 17-ти правительств на основании сравнительного метода. Следует отметить, что на должности Премьер-министра Украины было 17 человек с 1990 по 2014 годы. Премьер-министры исследуются те, которые руководили правительством путём избрания, также и те, которые назначались исполняющими обязанности. В период с 1990–2001 гг. фактически количество пребывания в должности составила — 1 раз. С 2002 года частота смены глав Кабинета Министров возросла. За 12 лет правительство возглавляли: Янукович В. Ф. — трижды, Тимошенко Ю. В. — четырежды, Азаров Н. Я. — пять раз, Ехануров Ю. И. — дважды.

Нынешнее обновление политико-управленческой элиты осуществляется революционным путем. В результате событий на Майдане (2013–2014 гг.), который предполагает дальнейший цивилизационный выбор Украины по пути европейской интеграции. Согласно вызовам Майдана, произошло полное переформатирование исполнительной ветви власти на временной основе, до выборов Президента Украины прошедших 25 мая 2014 года. Главными требованиями Майдана к министрам были: опыт работы в отрасли, не менее семи лет, и не менее пяти лет на руководящих должностях; отсутствие опыта работы в государственных органах с 2010 года на должностях министров, губернаторов и в Администрации Президента; отсутствие в рейтингах самых богатых людей различных изданий (имущественный ценз); отсутствие нарушения прав человека и причастности к коррупционной деятельности [13, 10–11].

Избирательная система качественно влияет на формирование политической элиты. В избирательном законодательстве целесообразным есть увеличение возрастного ценза субъектам пассивного избирательного права. В ст. 9. п. 1 Закона Украины «О выборах народных депутатов Украины» от 17.11.2011 № 4061-VI указывается, что депутатом может быть избран гражданин Украины, который на день выборов достиг двадцати одного года. По моему мнению, следует утвердить возрастное ограничение на уровне 25-ти лет. Поскольку, в этом возрасте человек получает полноценное высшее образование, в состоянии получить научную степень кандидата наук, имеет некоторый опыт работы и управленческие навыки, сформированное мировоззрение и ценности. Проанализировав эволюцию этого Закона следует отметить, что возрастной ценз в пределах 25-ти лет был в редакции этого Закона от 18. 11. 1993 г. № 3623-XII.

Используя анализ профессиональных биографий, автором был осуществлен статистический анализ и

обоснование качественного состава Верховной Рады Украины начиная с I созыва и к VII созыву народных депутатов, на основании таких качественных характеристик как возрастная структура (табл. 1) и уровень образования.

Анализ состава по возрастному показателю и по уровню образования выполнен на основании данных: Международная фондация избирательных систем (IFES) — парламентские выборы 1994 года, Информационно-аналитических

данных Центральной избирательной комиссии Украины (парламентские выборы — 1998 г., 2002 г., 2006 г.), Информационно-справочное издание (внеочередные парламентские выборы 2007 г.), Верховная Рада Украины. Официальный веб-портал; Справочник «Кто есть кто в Украине», издательство «К. И. С.» Справочник про современную Украину (парламентские выборы — 1990 г., 2012 г.).

Таблица 1. – Возрастная структура народных депутатов Украины (1990–2012 гг.)

Возрастной показатель	15.10.1990 (I)		27.03.1994 (II)		29.03.1998 (III)		31.03.2002 (IV)		26.03.2006 (V)		30.09.2007 (VI)		28.10.2012 (VII)	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
От 21 до 30	20	4,4	10	2,5	13	2,90	14	3,11	20	4,45	16	3,56	7	1,57
От 31 до 40	81	18	96	23,7	95	21,21	103	22,89	83	18,49	102	22,67	105	23,59
От 41 до 50	194	43,1	175	43,21	212	47,32	159	35,33	146	32,52	150	33,33	146	32,81
От 51 до 60	144	32	110	27,16	100	22,32	118	26,22	146	32,52	132	29,33	124	27,87
От 61 до 70	11	2,4	14	3,47	23	5,13	45	10,00	49	10,91	46	10,22	51	11,46
От 71 до 80	–	–	–	–	5	1,12	10	2,22	4	0,89	3	0,67	12	2,7
От 81 до 90	–	–	–	–	–	–	1	0,22	1	0,22	1	0,22	–	–
От 91 до 100	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Количество народных депутатов Украины	450		405		448		450		449		450		445	

Исходя из выше указанных данных, следует заметить, что наиболее молодых лиц с 21 до 30 лет было в I созыве Верховной Рады Украины – 20 народных депутатов (4,4 %), V созыве – 20 (4,45 %). Наименьший процент притоку молодой элиты наблюдается в Верховной Раде Украины VII созыва – 7 (1,57 %): Илленко А. Ю., Присяжнюк А. А., Шугало Р. В., Бойко В. Б., Головки М. И., Долженков А. В., Семенюк А. А. Наиболее весомую часть по возрасту составляют депутаты: 1) от 41 до 50 лет – I созыва – 194 (43,1 %), II – 175 (43,21 %), III – 212 (47,23 %), IV – 159 (35,33 %), V – 146 (32,52 %), VI – 150 (33,33 %), VII – 146 (32,81 %); 2) от 51 до 60 лет – I созыва – 144 (32 %), II – 110 (27,16 %), III – 100 (22,32 %), IV – 118 (26,22 %), V – 146 (32,52 %), VI – 132 (29,33 %), VII – 124 (27,87 %). Удельный вес геронтократии среди парламентариев не прослеживается в I, II, III и VII созывах в возрасте от 81 до 90 лет, незначительный пик которой выпал на IV созыв – 1 (0,22 %), V – 1 (0,22 %), VI – 1 (0,22 %). Итак, показатель возрастного цензу не очень изменился в сторону омоложения или

старения качественного состава народных депутатов, граница колебания которых находится в возрасте от 41 до 60 лет.

Количество народных депутатов VIII созыва Верховной Рады Украины на 01.12.2014 г. составляло 418 парламентариев, соответственно на 05.01.2015 г. – 422 парламентария. По уровню образования в парламенте VIII созыва – 410 народных депутатов имели высшее образование, 11 среднее и незаконченное высшее. При сравнении опыта парламентариев увидим, что в VII созыве – 279 впервые стали депутатами, 166 уже имели опыт работы в Верховной раде; в VIII созыве – 236 впервые стали депутатами, 185 уже работали в законодательной власти [14, 2–3].

Политическая революция, начавшаяся в 2013 году и отголоски которой делятся до сегодня, замещающая циркуляция политической элиты не принесла ожидаемого обновления профессионального и качественного состава. Политическая элита ныне есть элитой за статусными и должностными показателями, нежели за качественными характеристиками.

Список литературы:

1. Пахарев А. Д. Державне управління і кадрова політика в сучасній Україні. Навчальний посібник. – К.: Світогляд, 2005.
2. Ашин Г. К. Формы рекрутирования политических элит / Г. К. Ашин // Общественные науки и современность. – 1998., № 3.
3. Додонов А. Ф. Эволюция институтов политической элиты и политического лидерства в постсоветской Украине / А. Ф. Додонов // Нова парадигма. – Альманах наукових праць, 2003. – Вип. 34.
4. Равлик І. О. Парламентські вибори як механізм мобільності політичної еліти України: Дис. ... канд. політ. наук. / І. О. Равлик. – Чернівці, 2012. – 245 арк.
5. Emilie M. Hafner-Burton, D. Alex Hughes and David G. Victor The Cognitive Revolution and the Political Psychology of Elite Decision Making // Perspectives on Politics. – June, 2013. – vol. 11. – no. 2. doi: 10.1017/S1537592713001084

6. Олександрів С. Державне управління переймаємо від провідних європейських країн/С. Олександрів//Голос України. – 2014, – 7 лист., п'ятн. – № 215 (5965).
7. Вступна кампанія 2014 «ОКР «магістр»: галузі знань» Державне управління//Інформаційна система «Конкурс».- [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.vstup.info/2014/i2014okr2bfd141c84-f3f8-47c8-8cca-5541f688af1c.html> (дата звернення: 24.11.2014).
8. Обушний М.І. Політичні партії у формуванні національних еліт/М.І. Обушний//Еліти і цивілізаційні процеси формування націй. – К.: ТОВ УВКП «ЕксОб», 2006. – Т. 2.
9. Олигархат умер. Приходить епоха олигархиків.//Деловая столица. – 2014, 3 нояб. – № 44/702.
10. Чемякова С.В. Правящая элита Украины: сущность, особенности и противоречия формирования и функционирования: Дис. ... канд. полит. наук./С.В. Чемякова. – О., 2002. – 217 л.
11. Україна–2011 у цифрах//Український тиждень. – 2012. – № 2 (219).
12. Павленко Р. Потреба діяти/Р. Павленко//Український тиждень. – 2011, 30 груд. – 2012, 12 січ. – № 1 (218).
13. Симоненко К. Временная замена/К. Симоненко//ИнвестГазета. – 2014. 03.03. – 09. 03.
14. Новая ВР: споют гимн и поделят места в зале//Сегодня. – 2014, нояб., сред. – № 253 (4854).

*Sagdullayeva Dilbar Shuhratovna,
PhD and associate professor,
The Department of "Humanitarian disciplines",
Tashkent University of Information Technologies,
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: naumenko06@mail.ru*

Democratic development and processes of social and political modernization in Uzbekistan

Abstract: This article explores the matters of democracy updates and socio-political modernization, as well as features and founding in modern Uzbekistan.

Keywords: democratization, political modernization, technology, reforms.

Today, the Republic of Uzbekistan is building a democratic state of law that ensures the rights and freedoms of the individual, the spiritual renewal of society, integration into the world community. The objective conditions for the formation of a society and civil development of our country taking into account changes in geopolitics and geostrategic position in the world required new approaches and theoretical comprehension in understanding the nature and scope of political reforms aimed at protecting nationwide interests and values, priorities of the individual and of a society, their rights and freedoms.

It is therefore particularly relevant and meaningful for all of us is to comprehend the essence and the expected of political processes in Uzbekistan. The relevance of the problems under discussion is explained by the fact that the reform of all aspects of social life in Uzbekistan aims to reveal all the inherent potency of individuals and society in our country.

What are the features and bases the upgrading processes in the modern Uzbek society?

Independent Uzbekistan renewal and modernization of the Uzbek society needed for reproduction system of social and political justice, for free self-awareness Uzbeks, in order to create the appropriate public-political conditions for building the society of the long-term strategic goals of our people.

Forms of social organization require continuous improvement in accordance with the needs of the time, but this is not

tantamount to replacing their mechanical alien structures that still does not take root, and will be rejected. Every nation in their own development itself comes to them.

Analysis of the political processes of renewal of society leads to the conclusion that the reforms undertaken and the results give us reason to deeply comprehend the nature of democratization and modernizations of our society, its theory and practice, to bring the original result of successive transformations that have occurred in Uzbekistan, as a new independent state.

If you do an attempt to this comprehension then any social changes associated with an increase in the level and quality of life is an innovative processes occurring under the influence of targeted measures to create new social structures, institutions and forms of social interaction. That the social changes and processes occurring in the modern Uzbek society in its content is innovative an axiom.

Analysis of the functional content of targeted reforms implemented in Uzbekistan in the framework of public policy at both the national level and at the level of individual areas of society can be attributed to a class of innovative social technologies to bring about real changes in the Uzbek society.

Feature of social technologies is that this concept is applicable to both society at large and to specific social institutions. In the most common form of social technologies represents a way to organize and streamline desirable practices, a set

of techniques aimed at identifying or transformation (change of state) social object, achieving the desired result.

In general, social technologies available in two forms: as a structural element of any system is technologically designed software product and as the activities associated with the implementation of the target. Consequently, the social technology — is a certain way of the achievement of public interest objectives defined by the program predetermine the direction and content of the activity-based and using best practices, including scientific, specific to the area in which the activity.

If we tried to outline the conceptual framework of the updating, the first step would be the development and implementation of an integrated national program of — Uzbek model of development, the main purpose of which was the withdrawal of Uzbekistan to a new level of development.

Uzbek model of development-is a social technology of high order and enforced in society at large, technologically modern program of activities related to the implementation of the goal, the main characteristic of which is the transformation of society in the system consistent, evolutionary way. Using social technology and implementing such a high order, Uzbekistan builds a democratic rule of law and open civil society to ensure that the rights and freedoms of the individual, the spiritual renewal of society, formation of socially oriented market economy and integration into the world community.

Development and implementation of the socio-political high level of technology required a very high political and technological culture, that is, the application of the principles of integrated not only to the analysis of Uzbek society but also to actively its arrangement in accordance with the strategic goals of development.

From the point of view of the theory of modernization purpose of political development is the formation of a new type of interaction between government and society, creating social and political mechanisms that allow most of the population to influence major decisions.

Political modernization is a complex, lengthy process of democratization of society, the formation of a new type of interaction between society and government. Despite the fact that political modernization can be different ways and through different mechanisms, however, there are its universal components, which are characterized by the creation of differentiated political structure high specialization of political roles and institutions, the expansion of the scope, strengthening the role of the law linking the state and citizens, extension of involvement in the political life of social groups and individuals, etc.

If we analyze a set of features that accompany modernization, with respect to various aspects of society, in the political sphere, especially modernization characterized by the growth of political activity, due to the intensification of the power potential of the central, legislative, executive, political institutions, the continuous diffusion of political power towards a wider population, the recognition of the government's responsibility to its citizens, who are the ultimate bearers of political power.

If we define social technology as an innovation that is based on a critical analysis existing experience and streamline the activities of people, increases the efficiency of the socio-political processes that contribute to the formation and development of new organizational structures and in the political sphere, we see that the ongoing in recent years, modernization of the political system of our society is completely justified developed socio-political technology.

Firstly, the purpose of political modernization in Uzbekistan is a radical reform of the political system and the establishment of a democratic state level, satisfying the requirements the new political realities of our time. As we can see, there are set parameters of the political status of the object to be achieved as a result technological activities.

Secondly, the sign of any socio-political technology is the distinction, the separation, the dismemberment of the given process internally connected among themselves stages, phases, operations. The presence of this feature in the political modernization carried constitutional reforms in Uzbekistan, where the first step is the creation of a bicameral parliament, as element of the political system, and the next step — strengthening the role of political parties is an axiom.

In the course parliamentary reform in Uzbekistan has been a marked strengthening of the role and influence of the supreme legislative authorities, which is given parameter state of the political system of Uzbekistan, which provides for the first stage of constitutional reform. Initiated by the President of the Republic and adopted a new Constitutional Law has become another milestone in the evolution of the Uzbek political system after converting the Oliy Majlis of the bicameral parliament.

Thirdly, a further feature is the coordination and phasing of political reforms that are available in the modernization of the political system aimed at achieving the desired result. For a new constitutional reform in Uzbekistan creates regulatory and legal prerequisites organizational and legal conditions for the most active and broad participation of all political forces in the formation of authorities and decision confronting society specific tasks in the economic, political, cultural and humanitarian spheres.

In such a way modernization of the political system — is an innovative, recently introduced real socio-political technology of direct action with the given parameters, the purpose of which is a radical qualitative reform of the political sphere and the establishment of a democratic political system level of the state, completely meeting the criteria for democracy.

On the other hand, it is a political technology of formation of the political class in the political structure of the Uzbek society, developed on the basis of an analysis of national experiences on the basis of world achievements in political thought.

The given technology provides for the formation of a new generation of subjects political activities with high political and legal culture, creative and socio-political activity, the ability to orient itself in public and political life capable formulate and solve problems in the future.

In this sense, it is, on the one hand, acts as a structural element of social technology of higher order — Uzbek model of development, the main characteristic of which is the systematic transformation of society in an evolutionary way and consistently. For procedural aspect of the Uzbek model of development as a new type of social technology involves the skillful and flexible impact on the trends taking place in the political sphere of the Uzbek society.

On the other hand, it is providing the technology ideology of formation of national independence. For as rationally based system of ideas, the formation of this ideology serves as a special type of social technology which is the consolidation of all social and political forces to achieve a new level of development of society. This level of development of the social system is defined by finite values of social development, which serves as the ideal target socio-economic ideal — Uzbekistan with a great future.

Socio-economic ideal of national independence ideology is seen as a unity of ideals, goals and ideals of funds. And the ideals of-funds are ways of achieving the ultimate goals of social development. Modernization of the political system and its new phase to strengthen the role of political parties in the renewal of all sides of social life is one of the main way of achieving the ultimate goals, differing in their social orientation, orientation at improving living standards of the population of Uzbekistan.

The course which was chosen by Uzbekistan is the country's course, which is gaining since independence, constantly taking consistent measures, thus demonstrating that the international

community and its people's commitment to democratic values.

At the present time, the technological approach to politics due to the democratic process, rotation of political elites and their political competition.

Therefore party functionaries and intellectuals, politicians, and all members of forming political class must be Uzbekistan acquire knowledge and skills to construct the design of the political situation, make recommendations for practical work in the field of political technologies. And mastering the skills of political engineering will give the opportunity to participate in the political process on the basis of goal-setting, rationalization and operationalization of controlled political events and results.

Uzbekistan is an active process of restructuring of the pyramid of power: the power to make responsible for the disposal of public affairs is a modern way of organizing power, the actual mechanism of its democratization and accountability society authentic self controlling. It is here that we see the creative foundation of the whole structure of the new Uzbek statehood, which took legal development vector This implementation of the Uzbek model of democratization, which consistently turns in Uzbekistan powerful, democratic and prosperous state.

Uzbekistan today showed the world that we have created and implemented a holistic program of renovation and modernization applied to the contemporary needs of society in an increasingly globalized. This is a political and legal prerequisites breakthrough into the future.

*Eminov Ruslan Dilyaverovich,
the postgraduate student of Vernadsky Tauridian University,
department of political science and international relation.
Email: geyms3bond@rambler.ru*

The factor of APR in system of geopolitical interests and goals of European Union

Abstract: In article has been analyzed and identified the most complicated part of topic about UE's partnership with the counterpart in Asia Pacific region. The particular attention was paid to the problematic aspects of bilateral and multilateral cooperation in economic, political and security fields between two sides. By author has been specified the most relevant and valid prospects of EU's running in order to strength the European role in APR.

Keywords: geopolitical interests, integration into the APR space, ASEM, ASEAN.

*Эминов Руслан Дильяверович,
Таврический Национальный Университет им. Вернадского,
аспирант Кафедры политических наук и международных отношений
E-mail: geyms3bond@rambler.ru*

Фактор зоны АТР в системе геополитических интересов и задач Евросоюза

Аннотация: В статье были проанализированы и определены наиболее сложные и противоречивые аспекты темы сотрудничество ЕС со странами АТР. Особое внимание было уделено проблемам сотрудничество

в экономическо политической сферах, и сфере безопасности между сторонами. Автором были определены наиболее рациональные и научно оправданные перспективы европейского участие в процессах в зоне АТР, направленные на укрепление своих позиций в регионе.

Ключевые слова: геополитические интересы, интеграция в пространство АТР, АЕС, АСЕН.

Фактор Азиатско-Тихоокеанского региона в пространстве жизненно-важных геополитических интересов ЕС является крайне актуальной проблемой в системе развития политических и экономических отношений не только в самом ЕС, и в зоне АТР, но и во всем мире. От интенсивности взаимоотношений двух самых мощных частей планеты зависит уровень макрополитической и экономической стабильности во всем мире. Вместе с тем, успешных ход кооперации ЕС со странами АТР, вправе рассматриваться в качестве рывка в освоении новых инновационно — технологических вершин в развитии, как европейской экономики, так и экономик стран АТР и всего остального мира.

Стремительный рост АТР в 80–90-е годы XX в. заставил многие ведущие страны мира обратить на него особое внимание. Показатели экономического роста АТР в последние десятилетия превосходили среднемировые. Для многих стран региона на рубеже веков был характерен рост ВВП на уровне 5–6 % в год (для Китая — 8–10), а внешней торговли — 9–11 %. Из этой категории, на страны региональной группы АСЕАН и НИС приходится 60 % мирового производства и 40 % мировой торговли. Семь ведущих государств региона, включая Японию, Южная Корею и Тайвань, владеют 41 % мировых банковских активов [1]. Разумеется, эти факторы не обошли вниманием внешнеполитические и макроэкономические интересы ЕС, претендующего на роль самостоятельного глобального игрока на мировой авансцене. Начиная с 1994 года, Европейская комиссия начала издавать документы, посвященные развитию сотрудничества с Азией в целом и с АСЕАН в частности. В первом таком документе “К новой стратегии в Азии” центральное место отводилось развитию отношений между ЕС и АСЕАН. Дальнейшие шаги в формировании политики ЕС в отношении АСЕАН отмечены в опубликованном в 2001 году документе Европейской комиссии “Европа и Азия: стратегия развивающегося партнёрства”, в котором АСЕАН был назван важнейшим экономическим и политическим партнёром Европы в Азии.

Данная трактовка выглядит вполне логично, если углубится в содержание экономической части отношений между ЕС и странами АТР. Регион АТР является крупнейшим торговым партнером ЕС, на долю которого приходится без малого 42,5 % внешнеторгового оборота от общего объема, 33,4 % импорта и 38,2 % экспортного обеспечения [2]. Если к этому добавить, что страны АСЕАН являются крупнейшими держателями европейских инвестиционных активов, то на фоне возрастающего, всестороннего политического диалога, союз между странами АСЕАН и Евросоюзом имеет твердые основания для дальнейшего развития и углубление интеграции вплоть до создания зоны свободной торговли. Следует

добавить, что в перспективе, зона свободной торговли между ЕС и АСЕАН является приоритетным направлением европейской политики в отношении АСЕАН. По подсчетам европейских экспертов, зона свободной торговли “Free Trade agreement” (FTA) может принести дополнительно 55 млрд. евро в европейскую экономику или 0,43 % от ВВП ЕС, а также дополнительно 72 млрд. евро экспортных поступлений сопровождающихся созданием дополнительных 1,2 миллионов рабочих мест в европейских предприятиях [2]. Данный фактор, привносит группу АСЕАН в разряд стратегически крайне важных направлений внешнеполитической активности ЕС в данном регионе, не смотря на то, что позиции США в АТР (самого тесного союзника ЕС) имеют существенные дисбалансы в отношениях с Китаем и Россией.

Суммируя факты экономического прагматизма, есть все основания полагать, что геополитический ландшафт всего евразийского континента, характеризуется высокой степенью сотрудничества ЕС со всем регионом азиатско-тихоокеанской группы за исключением США, Китая и России, сотрудничество с которыми, предполагает качественно иной подтекст стратегической повестки взаимоотношений, тембр и пульс которых, во многом определяется, и будет определяться механизмами сближения позиций по ключевым вопросам мировой политики.

Нужно признать, что АТР в политической идеологии всего ЕС отыгрывает крайне важную роль, не только в силу колоссальных экономических ресурсов, но и в силу той геополитической свободы, к которой ЕС стремился почти с середины 90-х годов, и после выстраданного Лиссабонского договора, официально вступившего в силу в декабре 2009 года [3]. Пространство самой Европы, как показывает хронология многолетней истории американо — европейской дипломатии, представлена достаточно прочным лобби американской внешнеполитической миссии в лице группы стран из «Новой Европы» (Польша, Чехия, Латвия, Литва, Эстонии) а так же Великобритании, в результате чего геополитическая самостоятельность единой Европы в пространстве собственной политической и культурной идентичности, была серьезно затруднена. Сегодня впервые, регион АТР в частности АСЕАН, предоставляет возможность для маневров на политическом уровне, но через превалирующее соотношение экономически выгодных механизмов интеграции в экономическое и политическое пространство АТР. Нужно сказать что, Евросоюзом, уже немало для этого сделано. ЕС в настоящее время является крупнейшим официальным донором для регионального развития (donor of development aid). Сумма направленных средств по данной программе, на 2011 год составило 53 млн. евро [2]. Данная цифра в два раза пре-

вышает аналогичные показатели американских вливаний на программы регионального развития АСЕАН [2]. Более того, в рамках «азиатского инструмента развития и кооперации» Development Cooperation Instrument-Asia (DCIA), за период 2007–2013 г. Евросоюзом выделено порядка 5,187 млрд. евро [4].

Вполне открыто, на официальном уровне говорится об усилении политического присутствия в АТР и в основополагающем документе ЕС — в Европейской Стратегии по укреплению партнерства с Азиатско-тихоокеанским регионом и островами “EU relations with the Pacific Islands strategy for a strengthened partnership” (RPISSP) разработанной Еврокомиссией в 2006 году [5]. В частности, документом полностью предусматривается распространение политического влияния через систему многоцелевых партнерских связей не только с влиятельными игроками региона, но и островами: содействие избирательным процессам на островах Фиджи, Восточный Тимор; дополнительные меры по усилению программ Миссии Региональной Помощи Соломоновым островам (RAMSI) [5].

Весьма примечательным фактом является то, что ЕС в АТР является не только центром содействия мерам общего регионального развития, но так же прилагает максимум усилий в посредничестве процессам региональной политики безопасности, что всегда считалось незыблемой и безальтернативной вотчиной американской дипломатии практически во всех отдаленных регионах планеты и в регионе АТР в частности. Причин объясняющих эту растущую самостоятельность ЕС в АТР может быть несколько: после объявленной стратегии «Азиатского прорыва» американского президента Барака Обамы, по целому спектру направлений, идет активная фаза наращивание антикитайской группировки в регионе АТР. В масс-медиа и в верхах политического руководство США неоднократно высказывались и продолжают высказываться опасения о враждебности проводимой Китаем, военной политики в отношении США и ее союзников в регионе АТР [6]. В этой связи, одной из целей США, является стратегия по внедрению в систему освоения региона странами ЕС, и что собственно происходит, всматриваясь в широчайший спектр сотрудничества ЕС со странами АТР и АСЕАН по самым разным направлениям, часть которых, была выше озвучена. Прагматизм Европейской политики, ос-

нованный на нежелании подвергать рискам огромный пласт экономических итогов взаимодействия, выражается в стремлении ЕС выступать в роле посредника между США и Китаем, проводя собственную политику в регионе. Программа ASEM (Asia Europe Meeting) выработанная и утвержденная еще в далеком 1996 г. и разрабатываемые на ее основе новые программы и механизмы такие как: Banda Seri Begawan Plan of Action 2012; Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia TAC; The Partnership and Cooperation Agreement (PCA) [7] как раз таки и направлены на поиск собственной модели участия ЕС в процессах экономического партнерства и мерах военно-политической стабилизации между странами. Тем не менее, смещение акцента во внешней политики США в сторону АТР, непременно будет означать изменения в балансе сил. Что бы выдержать конкуренцию за сферы политического влияния, США активно будут вовлекать в орбиту собственной стратегической доктрины союзников из ЕС. Так, пример Германии, на наш взгляд, подает явные признаки того, что политическое пространство ЕС подвергается определенной сегментации на группы интересов в самом ЕС. Высказываются предположения, что деятельность Германии на мировой арене обретает определенную самостоятельность вне политической юрисдикции ЕС. В феврале 2012 г. правительство Германии обнародовало новую концепцию внешней политики — так называемый концепт «восходящих держав» (Gestaltungsmächtekonzept). Основное внимание в данном концепте ФРГ уделяется восходящим странам, с которыми Берлин не сотрудничает в рамках ЕС, G8 или НАТО. Эти страны имеют высокий экономический потенциал, на региональном или международном уровне, способны оказывать влияние на политические процессы, прежде все в АТР. Так или иначе, учитывая огромные связи страны с экономиками АТР, ФРГ вряд ли сможет оставаться в стороне от процессов, происходящих в АТР, вопрос здесь, лишь состоит в том — будет ли Германия проводить собственную политику в регионе, опирающиеся на собственные политические и экономические интересы а также на общеконтинентальные интересы ЕС, или же она примкнет к тихоокеанской доктрине США? Этот вопрос, скорее всего, останется на суде времени, ближайшего времени, по истечению которого будет решаться наиболее жизнестойкий баланс сил в регионе АТР равно как и судьба ЕС и ее планов в регионе АТР.

Список литературы:

1. Bishop B. Mergers and Acquisitions, Greenfield Investment and the New Economy//APEC Investment Symposium proceedings. – 2002, – Vladivostok, – P. 3–4.
2. The EU in Asia. Facts and figures concerning the EU's engagement in the Asia-Pacific region. /European external service. – [Electronic resource]. – Available from: http://eeas.europa.eu/asia/docs/2012_eu_in_asia_year_facts_figures_en.pdf
3. Кавешников Н. Ю. Конституция Европейского союза: Неопознанный политический объект приближается//Космополис, – М, 2004/2005. – Зима № 4 (10). – С. 33–52.
4. Financing instrument for development cooperation DCI (2007–2013) /Europa. Summaries of EU legislation. – [Electronic resource]. – Available from: http://europa.eu/legislation_summaries/development/general_development_framework/114173_en.htm

5. Communication from the Commission to the Council, European Parliament and the European economic and social committee//EU relations with the Pacific islands strategy for a strengthened partnership [text]/Commission of the European Communities. – Brussels, 29.5.2006 COM. 248 final.
6. Perlez Jane China and Russia, in a Display of Unity, Hold Naval Exercises. /Asia Pacific. The New York Times. July 10, 2013. [Electronic resource]. – Available from: http://www.nytimes.com/2013/07/11/world/asia/china-and-russia-in-a-display-of-unity-hold-naval-exercises.html?module=Search&mabReward=relbias%3As%2C{%22%22%3A%22RI%3A18%22}&_r=0
7. EU – Asia Security factsheet/European Union. External action. – [Electronic resource]. – Available from: http://eeas.europa.eu/asia/docs/eu_in_asia_factsheet_en.pdf
8. Азиатско–Тихоокеанский регион во внешней политике ФРГ. /Российский Совет по международным делам (РСМД). – [Electronic resource]. – Available from: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2639#top

Section 7. Psychology

Koshkina Ekaterina Nikolaevna,
University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom,
MSc in Criminology and Criminal Psychology
E-mail: ekaterina.koshkina@myport.ac.uk

Psychopathy subtypes and psychopathic violence

Abstract: This article analyses two main subtypes of psychopathy and its characteristic traits that allow to differ them from each other. Following that, the existence of more specific subtypes of psychopathy and sociopathy is argued on the basis of the recent researches. Also, the inclination of psychopaths and sociopaths to various kinds of violence is examined.

Keywords: psychopathy, sociopathy, psychopathic violence, psychopathy subtypes.

Psychopathy is still regarded as a subtype of antisocial personality disorder (ASPD) despite the fact that ASPD is so common among criminals of various sorts that “almost any offender in a correctional setting is hypothetically entitled to a diagnosis of ASPD” [17, 149], but are all of them psychopaths? What about psychopaths in noncriminal populations who never break a single law? Are they psychopaths? If so, are they not as aggressive as criminal psychopaths are? And if they are, why they are not behind bars or locked up in mental hospitals? Perhaps, the best answer to these questions is that there is more than one subtype of psychopathy, and however many of them exist in reality, they all are different in many aspects, including their aggressive behaviour and characteristic traits, and, owing to that, can be distinguished from each other.

For this purpose, Robert Hare created Robert Hare’s Psychopathy Checklist-Revised (PCL-R). The current edition of this test lists four factors. The factors 1a and 1b are correlated with narcissistic personality disorder and histrionic personality disorder, extraversion and personality traits of psychopathy, and the factors 2a and 2b are correlated to anti-social personality disorder and criminality, anger and impulsive violence. On the ground of this scale, Lykken [8] stated that psychopathy is one of two different subtypes of ASPD, and the second one is sociopathy. He supposed that psychopath are impulsive, risk-seeking and incapable to adopt social norms whereas sociopaths are temperamentally stable and affected by negative social factors like poverty and dysfunctional families. Cleckley [2] remarked about sociopaths that “the true difference between them and those who continually go to jail or to psychiatric hospital is that they keep up a far better and more consistent outward appearance of being normal”. Then it was found by Herve and Hare [7] that there is “a very low base rate of manipulative psychopaths in a recent sample of offenders”; however, plenty of primarily psychopaths “may be abundant in psychiatric samples”.

So, in accordance with one of two key conceptions of psychopathy subtypes that is focused on “how the individuals with phenotypically similar symptoms differ etiologically” [14, 177], people with psychopathic personalities may be divided into two groups — ‘primary (impulsive or anti-social) psychopaths’, who are pure psychopaths in fact, and ‘secondary (symptomatic or narcissistic) psychopaths’, who are sociopaths. Each group has its own basic traits (table 1).

Table 1. – Subtypes of psychopathy and its basic traits

Type of psychopathy	Basic traits
Primarily (psychopaths)	Temperamentally stable Risk-seeking behaviour Incapable to adopt social norms Dominance Arrogance Overt narcissism (grandiosity) Affective deficit
Secondarily (sociopaths)	Highly impulsive Dysphoric Hostile Perfectly socialized Covert narcissism (vulnerability) Lack of self-confidence

The second conception revolves around “describing phenotypical differences among individuals with psychopathic traits by referencing comorbid traits of other personality disorder” [14, 177] and includes two major theories. The first of them concentrates on “recurring patterns of overlap between psychopathic and other traits” [14, 177], and is represented by Murphy and Vess’s four subtypes of psychopathy based on DSM–V’s Cluster B personality disorders. Murphy and Vess [12] discovered by their clinical observations that psychopathy may be “distinguished, based on prominent comorbid features of other ‘dramatic’ and ‘erratic’ Cluster

B personality disorders". For example, 'the sadistic subtype' is notable for its "assaultiveness and pleasure derived by from the suffering of others"; 'the narcissistic subtype', — for its "features of grandiosity, entitlement, callous disregard of others"; 'the antisocial subtype', — for its "impulsivity, stimulation seeking and socially deviant behaviour", and 'the borderline subtype' — for its "affective instability and self-destruction" [14, 177].

The second theory is connected with "psychodynamic personality organization" [14, 177], and represented by Millon and Davis's ten subtypes of psychopathy that are similar to Murphy and Vess's four subtypes, but much more detailed and specific (table 2). Also, Meloy and Gacconio [10] presented the case study of the 'psychotic psychopath', which corresponds to the description of the 'schizoid psychopath' made by F.J. Kallman in 1938 and, along with other researches, indirectly proves that "psychopathy may share some common affective deficit

with schizophrenia spectrum disorders" [14, 178]. Blackburn [1] in turn found secondarily psychopaths having "predominantly borderline personalities". Additionally, "there is some evidence that borderline personality disorder is more strongly associated with PLC-R factor 2 than the emotionally detachment of factor 1" [14, 178]. Hare [19] discovered that "the narcissistic personality disorder was more strongly associated with PLC-R factor 1 than with factor 2", and, according to Millon and Davis [11], "narcissism may mark either a unique subtype of psychopathy or primarily psychopathy per se". Besides, Raine [15] revealed "a 'subgroup' with mid-high range scores on the PLC-R who manifested 'borderline-schizotypal' personality characteristics" related to PLC-R factor 2 "items that referenced an impulsive, unstable lifestyle". Thereby, some subtypes of two main psychopathy types may be marked out based on their characteristics, which normally have many in common with personality disorders of the same name.

Table 2. – The subtypes of two main types of psychopathy

Type of psychopathy	Subtype	Basic traits
Primarily (psychopaths)	Schizoid	Psychotic Unstable lifestyle Emotional detachment Features of schizophrenia
	Antisocial	Impulsivity Stimulation seeking Socially deviant behaviour
Secondarily (sociopaths)	Borderline	Affective instability Self-destruction Hostile reactivity
	Narcissistic	Selfish Entitlement Callous disregard of others Defensive and sensitive to ego threat
	Sadistic	Assaultiveness Pleasure deprived from the suffering of others

It remains unknown what exactly provokes the development of psychopathic traits, but psychopathic aggression may be the logical result of "early reward for such behaviour" or try of "gaining attention through" it [9, 11], or else the only way to communicate with the world, which an individual has been taught by violent environment. McCord and McCord [9] marked that "the normal person has learned to react to frustration with constructive action, the psychopath characteristically react to frustration with fury". Several researchers established that there is "a strong link between the psychopathic traits and aggressive behaviour" [13, 481]. Hare and Jutai [4] ascertained that "adult psychopathic offenders had been charged with violent crimes about twice as often as non-psychopaths", and Serin and Amos [16] confirmed in their research that "psychopaths were about five times more likely than non-psychopaths to engage in violent recidivism within 5 years of their release from prison". Thus, as Porter and Woodworth [13] wrote, "it is clear that psychopaths are a highly aggressive group simply from examining the sheer number

of violent crimes they have perpetrated". It should be mentioned that psychopaths are "more likely to have engaged in physical and alcohol-related violence" [18, 209–210].

Widiger and Trull [18] supposed that "low IQ combined with high psychopathy produced the greatest number of convictions for crimes of violence, but high IQ combined with psychopathy was predictive of weapon-related behaviour". According to Porter and Woodworth [13], psychopathic violence is more 'instrumental' and 'offensive' than 'reactive' and 'defensive'. Hart and Dempster [5] specified that psychopathic behaviour in committing crimes may be "best described as 'impulsively instrumental'" because it tends to be difficult for most psychopaths to control themselves, and their "uninhibited search for pleasure often clashes with the restriction of the society" [9, 11], so they use force to get what they want whatever it is at any cost. However, psychopathic violence is "very different from that of other offenders" [13, 490], and usually motivated by sadistic needs, revenge or retribution in heavily drinking condition and, as a rule, premeditated, well-planned,

and calculated in sober condition. Supposedly, “psychopaths more often perpetrate armed robberies or hostage taking” [13, 482] and are probable to have “a history of assault, kidnapping, vandalism, murders and rapes” [18, 209].

Nevertheless, Porter and Woodworth [13] noted that “there is much variation in the types and amount of aggression committed by different psychopaths” and specified that, for instance, “some psychopaths, especially, ‘white-collar’ or ‘corporate psychopaths’, seem to rarely use physical aggression”. Evidently, it is connected to intelligence since “more intelligent psychopaths may be less inclined to use aggression

because they can use their cognitive resources such as conning and manipulation to devise non-violent means”, and, therefore, “less likely to wind up in prison” [13, 490]. Porter and Woodworth [13] hypothesised that “successful psychopaths may have been more likely to use premeditated, instrumental violence than their counterparts”. Normally, primarily psychopathy means by ‘successful psychopaths’, so, in some way, all the types of crimes usually committed by psychopaths may be conditionally split between two main types of psychopathy as well as types of used violence and types of aggression (table 3).

Table 3. – Aggressive and violent behaviours are peculiar to two main types of psychopathy

Type of psychopathy	Violence	Type of aggression	Crimes to commit
Primarily (psychopaths)	Weapon-related violence Premeditated Well-planned Calculated	Instrumental	Armed robberies Kidnapping Hostage-taking
Secondarily (sociopaths)	Physical and alcohol-related violence Sadism Retribution Vengeance	Impulsively instrumental	Rape Vandalism Assault

Summing up, it is evident that, at least, two main subtypes of psychopathy — psychopathy and sociopathy — exist. In the use of the PLC-R for identifying basic psychopathy, secondarily psychopathy displays itself through factors 1a and 1b correlated with narcissistic personality disorder and histrionic personality disorder. The factors 2a and 2b, which are correlated to antisocial personality disorder, violent and criminal inclinations, indicate primarily psychopathy. Therefore, if primarily psychopathy may be considered as a subtype of ASPD or some indirectly related disorder, then secondarily psychopathy is something different, more close to borderline personality disorder and narcissistic personality disorder.

Based on these two main subtypes, more specific psychopathy subtypes, at least five, can be marked out because it was proven by recent researches that there is a recurring overlap between psychopathic traits and traits of other personality disorders, including psychotic ones. Academic researchers also established the strong connection between psychopathic traits and aggressive behaviour. For example, psychopaths are more likely to engage with psychical and alcohol-related behaviour. Nevertheless, primarily psychopaths and secondarily psychopaths do not share the ways of being violent and commit the different types of crimes by different reasons for different results.

References:

1. Blackburn R. Psychopathy and personality disorder: implications of interpersonal theory. *Issues in Criminological and Legal Psychology*, – 1996, – vol. 24, – P. 18–23.
2. Cleckley H. M. (1941, 1976). *The Mask of Sanity* (5th ed.). St. Louis: Mosby.
3. Hare R. D. Psychopathy and Antisocial Personality Disorder: a case of diagnostic confusions. – *The Psychiatric Times*, 1996, – vol. 13 (2), – P. 1–6.
4. Hare R. D., Jutai J. Criminal history of the male psychopath: Some preliminary data. In K. T. Van Dusen, & S. A. Mednick, (Eds.). *Prospective studies of crime and delinquency*. – Boston: Kluwer-Nijhoff, 1983, – P. 225–236.
5. Hart S. & Dempster R. Impulsivity and psychopathy. In C. Webster & M. Jackson (Eds.), *Impulsivity: Theory, Assessment and Treatment*. – New York: Guildford Press, 1997 – P. 212–232.
6. Hart S. D. & Hare R. D. Psychopathy: Assessment and Association with Criminal Conduct. In D. M. Stoff, J. Breiling, & J. D. Maser, (Eds.). *Handbook of Antisocial Behaviour*. – New York, Chichester, Weinheim, Brisbane, Singapore, Toronto: John Wiley & Sons, Inc., – 1997, – P. 22–35.
7. Herve H. F. & Hare R. D. Psychopathic subtypes and their crimes: A validation study. Paper presented at the annual conference of the American psychology. – Scottsdale, AZ: Law Society. – 2004
8. Lykken D. T. *The Antisocial Personalities*. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, 1995.
9. McCord W. & McCord J. *The Psychopath. An essay on the Criminal Mind*. – Princeton, New Jersey, Toronto, New York, London: An Insight Book, D. vab Nostrand Company, Inc. – 1964.
10. Meloy J. & Gacono C. A borderline psychopath: “I was basically maladjusted...” *Journal of Personality Assessment*, – 1993, – vol. 58, – P. 358–373.

11. Millon T., Simonsem E., Birket-Smith M. & Davis R. D. Psychopathy. Antisocial, Criminal and Violent Behaviour. – New York, London: The Guilford Press. – 1998.
12. Murphy C. & Vess J. Subtypes of psychopathy: Proposed difference between narcissistic, borderline, sadistic, and antisocial psychopaths. Psychiatric Quarterly, – 2003, – vol. 74, – P. 11–29.
13. Porter S. & Woodworth M. Psychopathy and Aggression. In C.J. Patrick, (Ed.). Handbook of psychopathy. – New York, London: Guilford Press, 2007, – P. 481–494.
14. Poythress N. G. & Skeem J. L. Disaggregating Psychopathy: Where and How to Look for Subtypes. In C.J. Patrick, (Ed.). Handbook of psychopathy. – New York, London: Guilford Press, 2006, – P. 172–192.
15. Raine A. Schizotypal and borderline features in psychopathic criminals. Personality and Individual Differences, – 1992, – vol. 13, – P. 717–722.
16. Serin R. C. & Amos N. L. The role of psychopathy in the assessment of dangerousness. International Journal of Law and Psychiatry, – 1995, – vol. 18, – P. 231–238.
17. Toch H. Psychopathy or Antisocial Personality in Forensic Settings. In T. Millon, E. Simonsen, M. Birket-Smith & R. D. Davis, (Eds.). Psychopathy: antisocial, criminal, and violent behaviour. – New York, London: The Guilford Press, 1998, – p. 144–160.
18. Widiger T. A. & Trull T. J. Personality Disorders and Violence. In J. Monahan & H. J. Steadman (Eds.), Violence and Mental Disorder. Developments in Risk Assessment. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1994, – P. 203–226.
19. Hare R. D. The Hare Psychopathy Checklist-Revised. – Toronto: Multi-Health Systems, 1991.

*Matveeva Tatyana Mihajlovna,
a senior lecturer in social work, psychology
and social rights of the Russian State social University
in Anapa of the Krasnodar region
E-mail: m.tata84@mail.ru*

Formation in consciousness of youth of need for preservation of moral health

Abstract: In article, questions of formation of moral health of youth in modern conditions are considered. Preservation problems in consciousness of youth of requirement of moral health are considered.

Keywords: moral health, consciousness, system of values, requirement, spiritual crisis, education, humanization.

*Матвеева Татьяна Михайловна,
старший преподаватель кафедры социальной работы,
психологии и социального права, Филиал «Российского
государственного социального университета»,
г. Анапа, Краснодарский край
E-mail: m.tata84@mail.ru*

Формирование в сознании молодежи потребности в сохранении нравственного здоровья

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы формирования нравственного здоровья молодежи в современных условиях. Рассматриваются проблемы сохранения в сознании молодежи потребности нравственного здоровья.

Ключевые слова: нравственное здоровье, сознание, система ценностей, потребность, духовный кризис, образование, гуманизация.

Нестабильность социально-экономической ситуации в стране, экономический и духовный кризис общества привели к заметной девальвации у молодежи духовно-нравственных ценностей, дезадаптации в новых условиях, снижению значимости здоровья и жизни. Современное общество лишилось духовных и моральных эталонов.

Сведенными к минимальному количеству оказались духовно-нравственные и воспитательные функции деятельной системы образования. Следствием стало то, что система ценностных установок, свойственных групповому сознанию во многом носит деструктивный характер с точки зрения становления личности, семьи и страны.

Чрезвычайную значимость имеет в решении задачи духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения то, что ее, без преувеличения, нужно осознать сейчас как первостепенную в деле обеспечения государственной защищенности государства. Реальное и будущее социума и общества ориентируются духовно — нравственным самочувствием этноса, внимательное сохранение и развитие его духовно — нравственного, культурного наследия цивилизации, исторических и культурных обыкновений и общепризнанных мерок социальной жизни.

Но первоочередная проблема в формировании и сохранении нравственного здоровья принадлежит только человеку, как субъекту жизнедеятельности, его ценностным ориентирам, уровень гармонизации его внутреннего мира и отношений с окружением. Поэтому в условиях конкретной жизнедеятельности развитие у молодого поколения ответственного субъектного отношения к здоровью. Формирование потребности беречь и укреплять здоровье, ценить счастье здоровья приобретают чрезвычайную актуальность [2, 101]. Быть субъектом своего здоровья — это значит быть распорядителем своих духовно-душевных сил, быть человеком, осознанно и целенаправленно преобразующим окружающий мир и самого себя. Перед молодежью встает задача «учиться здоровью». Именно в современных условиях особенно нуждается в привитии здоровьесберегающих поведенческих ориентиров молодое поколение. Большую роль в продвижении ценностей здорового образа жизни сыграла Олимпиада в Сочи [1].

В идеале моделями сохранения и укрепления здоровья могли бы служить нормы поведения родителей, однако часто молодежь, находящаяся в трудной жизненной ситуации, трудно находит эти ориентиры в семье, в СМИ. Зачастую даже родители в большинстве случаев не являются субъектами своего здоровья, не ведут здоровый образ жизни и перекладывают ответственность за него на врачей, всему этому свидетелями являются подрастающее поколение.

Изменение данной проблемы возлагается на учебные заведения всех уровней от дошкольного до высшей школы, где можно будет приобрести знания, умения и навыки, которые понадобятся в освоении здоровьесберегающих традиций [4, 42–59]. В условиях модернизации и глобализации социальной жизни, конструктивной, финансовой и экологической реформе в критериях научно-технического прогресса, стоит вопрос о необходимости социуму людей, которые умеют самостоятельно мыслить и чувствовать, владеющие знанием идти на риск, свободолюбием, патриотизмом, предприимчивостью, высоким чувством личного достоинства, милосердием. Это как раз те свойства личности, которые и обязана воспитывать современная образовательная система.

Гуманистическое образование, которое сейчас утверждается в нашем обществе, считается преемником наилучшего этнического, культурного и педагогического

наследия, направленного на формирование и становление каждого человека. Необходим непрерывный процесс обучения, самообразования, накопления опыта и развития личности, проявляющийся в эмоционально-положительном отношении, который будет направлен на становление ценностных установок, норм поведения и получения специфических знаний в области технологий по формированию и сохранению нравственного здоровья. Данная система взглядов и мотивов в пирамиде потребностей и места в ней нравственного здоровья у отдельно взятой личности позволит ей понять окружающий мир, в котором данный индивид живет, чем её поверхностное восприятие его.

Для эффективности формирования системы ценностей нравственного здоровья молодежи, необходимо использовать в комплексе следующие принципы такие как доступность информации, гуманистичность потребления, прогностичности своих действий, деятельность применения, целостность единства с миром, конструктивизм результатов деятельности, системность, преемственность. Необходимо развивать и совершенствовать такое направление как духовно-нравственное воспитание в семье и условия его организации.

Именно семье принадлежит исключительная роль в решении задач духовно-нравственного воспитания и особенная созидательная задача в нахождении социально-ориентированной личности, характера ее индивидуальной общественной активной позиции, гражданственности, толерантности, ответственности. Только семья имеет важные воспитательные способности, владеет особыми специфичными качествами как коллектив, соединенный не только общностью целей и деятельностью по ее достижению, но и кровнородственными связями. Чувства родителей и родительская приверженность — это оригинальный катализатор, ускоряющий становление личности. Функции этого вида воспитания неразделимы от задач, основ и смысла образовательно-воспитательного процесса учебного заведения, и в свою очередь имеют собственную специфику, обусловленную значением семьи в жизни молодого поколения.

Задача направленности — содействовать консолидации усилий муниципальных и социальных организаций, нацеленных на увеличение воспитательного потенциала семьи и создание критерий для его действенной реализации, закрепление статуса общественного ВУЗа семьи в русском обществе, увеличение его значения в воспитании; разработке критерий для выполнения семьи воспитательной функции. Для выполнения данных целей необходимо учитывать решение следующих задач: утвердить ценности семейные и общечеловеческие; развитие системы социально-педагогических и психолого-педагогических услуг, нацеленных на положительное значение и свойства семейного воспитания, увеличение культуры взаимоотношений в данной среде; профилактика детской безнадзорности, асоциального поведения; осуществление государственных интересов семей.

К числу главных средств взаимодействия образовательного учреждения и семьи в духовно-нравственном воспитании можно отнести следующее: обновление программ взаимодействия первичных институтов социализации молодежи на базе российских традиций с учетом передового опыта развивающейся науки; создание всевозможных родительских объединений в целях реализации духовно-нравственного воспитания; интенсивное внедрение в работу педагогического опыта благополучных семей по воспитанию, пропаганда освещения в СМИ положительного духовно-нравственного воспитания; поддержка родителей в формировании нравственного эталона жизни семьи, в профилактике и диагностике наркомании, в предупреждении неблагоприятных проявлений у ребят, молодых людей и юношества [5]; поддержка семьи в развитии у подрастающего поколения общественного навыка, коммуникативных способностей и умений, подготовке молодежи к семейной жизни (факультативны, спецкурсы по программам «Этика и психология домашней жизни», «Основы домашнего воспитания» и др.) [6].

Психическое сознание личности является составной частью базисной культуры личности, которое позволяет ей действительно иметь индивидуально-своеобразный вариант жизненного пути и самореализации в социуме.

Воспитательная работа по формированию психического сознания личности нацелено на становление креативного индивида его потенциала и ресурсных возможностей; развитие умений и способностей действовать в изменяющихся условиях жизнедеятельности; формирование психической компетентности, повышение коммуникативных способностей; корректировку личного становления и поведения; стимулирование процессов самопознания и самосовершенствования, влечения к самореализации. Развитие психического сознания основано на гуманистических отношениях и личном опыте человека и социума.

Становление нравственного здоровья подрастающего поколения — это сложный и долгосрочный процесс. Есть большое количество факторов, которые влияют на него как положительно, так и отрицательно. В следствии этого в нравственном воспитании принципиально важно сделать единую воспитательную систему (первичные институты социализации молодежи, и иные муниципальные и публичные общественные организации), которое есть и развивается, изменяется совместно с финансовыми, духовными и культурными, и другими переменами в обществе. Моральное образование содействует возрождению умственного, духовного и креативного потенциала цивилизации, воспитанию свободных людей с развитыми умственными возможностями, их креативным отношением к миру, чувством ответственности, человеческим отношением к жизни, способных к продуктивной работе и творчеству. Эталонном молодого человека считается лицо, у которой находится в гармоничном отношении его мировоззрение, мышление и деятельность. Убежденность и свобода к действиям характеризуют волю духа, обеспечивающую единство сознания, мотивов и желаний, которые определяют надёжность человека. Единство, стабильность и нравственная надёжность личности есть итог её общественного становления, нравственного воспитания и самовоспитания.

На становление нравственного сознания молодых людей оказывают воздействие темпы и степень физиологического становления, их имидж, присутствие внутренних барьеров, в частности барьера неполноценности, тем более соответствующего при наличии анатомо-физиологически дефектов. Этим образом, у подрастающего поколения есть ряд личных посылов, которые содействуют развитию самоуважения, чувства чести и собственного достоинства. Но нужно принимать во внимание вероятные проблемы в личностном развитии и предостерегать конфликтные и стрессовые истории, негативно влияющие на формировании нравственного сознания молодежи.

Список литературы:

1. Послание Президента Федеральному Собранию от 4.12.2014 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/47173/work> (дата обращения 4.01.2015 20:34).
2. Морозова Т.А., Зиновьева Э.Х. Волонтерское движение как способ приобщения студентов к здоровому образу жизни//Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. – 2014. – № 1. – С. 100–102.
3. Матвеева Т.М., Андреева Е.А. Современное отношение молодёжи к семье и браку//Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 50. – С. 18–20.
4. Матвеева Т.М. Социально-психологическая трансформация ценностных ориентиров молодежи в современном обществе//Педагогика и психология в современной системе образования. Андреева Е.А., Виноградова Е.Е., Григорьев Д.Н., Донскова Е.В., Масленникова С.Ф., Матвеева Т.М., Мезенцева Н.В., Овсяник Н.В., Сувиорова А.Ю. под редакцией И.В. Ткаченко. – Ставрополь, 2014. – Книга 4. – С. 42–59.
5. Матвеева Т.М. Система ценностных приоритетов современной молодежи в отношении брака и создания семьи//Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 9. – С. 97–100.
6. Матвеева Т.М. Психологические аспекты формирования психологической готовности к браку у современной молодежи//Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 6. – С. 302–311.

*Serebryakova Tatyana Aleksandrovna,
Nizhny Novgorod state pedagogical University K. Minin,
Candidate of psychological Sciences, associate Professor
Larina Olesya Andreevna, student
E-mail: e-serebrya@yandex.ru*

The problem of the impact of innovation processes on the personal and behavioral transformation of the subject

Abstract: In this article reflects the analysis and systematization of data on the problem of innovation. In particular, it highlighted the direction of the development problems of innovation and innovation processes, the characteristic of the concept of «innovation», and presents approaches to the isolation of scientists typology of innovation.

Keywords: nnovation, innovation.

*Серебрякова Татьяна Александровна,
Нижегородский государственный педагогический
университет им. К. Минина, доцент
Ларина Олеся Андреевна, студентка
E-mail: e-serebrya@yandex.ru*

Проблема влияния инновационных процессов на личностные и поведенческие трансформации субъекта

Аннотация: В статье содержится анализ и систематизация данных по проблеме инноваций. В частности, освещены направление и проблемы развития инноваций и инновационных процессов, дана характеристика понятия «инновация» и отражены подходы к выделению и научной типологии инноваций.

Ключевые слова: nnovation, инновации.

Современная социальная ситуация развития нашего общества характеризуется интенсификацией модернизационных и трансформационных процессов, касающихся жизни и деятельности людей. Практически постоянно (как в своей профессиональной деятельности, так и повседневной жизни) мы сталкиваемся с различными инновациями и нововведениями, адаптироваться к которым не всегда бывает легко. Не случайно проблема инноваций и их влияния на личностные и поведенческие характеристики субъекта в настоящее время выступает одной из актуальных проблем практически всего спектра наук о человеке.

Особый интерес данная проблематика вызывает у представителей психологического научного знания (работы Г.М. Андреевой, В.И. Антошок, А.Л. Журавлева, Н.А. Ильиной, В.В. Крамник, М.В. Кроз, Н.И. Лапина, А.Н. Лебедева, Б.Д. Парыгина, А.И. Пригожина, И.С. Перлаки, В.П. Позднякова, Б.В. Сазонова, А.Л. Свенцицкого, В.С. Толстого, В.А. Хащенко, И.П. Шихирева и многих других ученых).

Осуществленный анализ работ ученых, позволяет выделить следующие направления в разработке интересующей нас проблематики.

И направление — исследования, ориентированные на определение сущностных характеристик инновационных процессов и формулировку самого понятия «инновация» (М.В. Волынкина, С. Назаров, П.И. Третьяков).

Так:

- М.В. Волынкина [1] под инновацией предлагает понимать вовлечение в экономический оборот результатов интеллектуальной деятельности, содержащих новые, в том числе научные, знания с целью удовлетворения общественных потребностей и (или) получения прибыли;
- с точки зрения С. Назарова [6], инновация, — это целенаправленно проводимые изменения во всех сферах деятельности для адаптации к требованиям внешней среды с целью достижения долгосрочной эффективности функционирования;
- по мнению П.И. Третьякова [6], инновация есть не что иное, как содержание и организация нового, тогда как нововведение — только организация нового;
- Э. Роджерс [9] определяет инновацию как объект, идею или действие, которые воспринимаются потребителем (человеком либо организационной структурой) в качестве новых;
- А.И. Пригожин [8], опираясь на базовые идеи социальной психологии, рассматривает инновацию как целенаправленное внедрение качественных изменений в большей или меньшей, но все же значительно сущностно заметной, степени преобразующих реальную социальную практику актуального взаимодействия и общения.

Таким образом, обращаясь к психологическим исследованиям, мы делаем вывод о том, что в настоящее время

существует множество подходов к пониманию и определению понятия «инновация», что может быть объективно обусловлено сложностью и многоаспектностью данного феномена.

Более того, осуществленный нами анализ исследований, свидетельствует о том, что исследователи, наряду с термином «инновация» склонны использовать ряд терминов, по своей сути не сильно отличающихся от термина «инновация» (это такие понятия, как «новшество», «нововведение», «новация», «творчество», «креативность» и пр.).

– под «новацией» ученые (Н. А. Ильина, В. П. Позднякова, А. Л. Свеницкий) предлагают понимать новое теоретическое знание, новый метод, принцип и т. д.;

– в обобщенной трактовке под термином «новшество» предлагается понимать новое открытие, изобретение;

– «нововведение», согласно образовательному мультисловарию, — это комплексный, заверченный, целенаправленный процесс создания, распространения и использования новшества.

К II направлению исследований при разработке проблемы инноваций, мы отнесли работы, касающиеся отношения личности к нововведениям (исследования В. И. Антошок, А. Л. Журавлева, В. В. Крамник, М. В. Кроз, Н. И. Лапина, А. Н. Лебедева, Б. Д. Парыгина, А. И. Пригожина, В. П. Позднякова, Б. В. Сазонова, В. А. Хащенко, И. П. Шихирева и т. д.).

В частности, А. Л. Журавлев [3] рассматривает вопрос о психологической готовности людей к происходящим реформам. Опираясь на результаты осуществленных исследований, данный автор делает вывод о том, что, несмотря на объективно существующие индивидуальные различия по отношению к любым социальным изменениям, за этим многообразием проявлений можно увидеть повторяющееся, типичное. В зависимости от интенсивности проявления:

– психологической готовности к нововведениям (мотивационного компонента);

– подготовленности к жизнедеятельности в новых условиях (знаний, умения, навыков, опыта);

– реальной активности (действий, поступков, деятельности), данный ученый выделил различные социально-экономические типы людей по их отношению к организационно-экономическим нововведениям.

Первый тип — «активные реформаторы». К ним, по мнению А. Л. Журавлева [3] можно отнести людей, желающих экономических изменений, умеющих работать в новых условиях и активно действующих в ситуациях реформ.

Второй тип — «пассивные реформаторы». Они желают трансформаций и нововведений, но не предпринимают никаких реальных действий в подобных ситуациях.

Третий тип — люди, «пассивно-положительно относящиеся к нововведениям». В основном они желают изменений, но не умеют действовать в ситуациях инновационности.

Четвертый тип А. Л. Журавлев [3] обозначает как «преодолевающие себя». Данные люди умеют действовать

в ситуациях, связанных с нововведениями, не желают никаких изменений, инноваций.

Пятый тип — «неэффективные». Эти люди желают действовать, принимать участие в инновационных процессах, но не имеют необходимых для этого умений.

Шестой тип А. Л. Журавлев [3] определил как «выжидательные». Это люди, которые имеют необходимые для участия в инновационном процессе умения, но не желают принимать в нем участия.

Седьмой тип — «слепые исполнители». Для них типично отсутствие выраженного желания участвовать в реализации нововведений, они не умеют того делать, однако действуют в направлении изменений с помощью других.

Восьмой тип — «пассивные противники». Они не желают, не умеют и не действуют в ситуации инноватики.

Девятый тип — «активные противники», которые не только не желают, но и не умеют действовать в рамках реализации нововведений, но и препятствуют внедрению даже элементарных изменений.

Несколько отличную от позиции А. Л. Журавлева [3] точку зрения относительно проявления отношения субъекта к инновациям, высказывает Н. А. Ильина [4]. Исходя из идеи о том, что конкретное отношение работников к нововведению традиционно складывается из трех компонентов: познавательного, эмоционального и поведенческого, данный автор выделяет пять типов отношения к нововведениям:

– активно-положительное, характеризующееся стабильными эмоционально-позитивными отношениями к нововведениям;

– пассивно-положительное, отличается расплывчатыми мотивами, неясностью и неконкретностью целей, аморфностью и неустойчивостью интересов;

– нейтральное для которого типичным является безразличие к каким либо изменениям;

– пассивно-отрицательное характеризуется недемонстративным отрицанием, эмоциональной вялостью, безучастностью, скрытой неприязнью, сухостью к изменениям;

– активно-отрицательное проявляется в открытой неприязни, открытом сопротивлении.

Ориентируясь на выше изложенное, мы делаем вывод о том, что успешность внедрения нововведений объективно связана с установкой каждого субъекта относительно этого нововведения. Применительно к функционированию предприятий, организаций, инновации внедряющих, это означает, что только лишь знание и ориентация руководства на отношение к планируемым изменениям как каждого субъекта трудового коллектива, так и коллектива в целом, обеспечит эффективность реализации нововведений (поскольку позволит заранее прогнозировать поддержку или отвержение планируемой инновации. Формирование же положительных установок во многом зависит от усилий самих инициаторов и организаторов новшеств.

Также обобщенный анализ исследований, касающихся проявления отношения субъекта к инновациям, позволяет

говорить о том, что отношение к нововведениям и инновациям оказывает (да и не может не оказывать) сильное воздействие на психологический климат и производительность, поскольку каждый человек индивидуален в отношении каких-либо изменений и если человек не будет готов к ним, то его отношение будет отрицательным и не будет достигнут результат, которого хотят достичь при внедрении инноваций, будет лишь отрицательный эффект.

III направлением исследований, осуществленных в рамках разработки проблемы инноваций, мы выделили работы, направленные на изучение различных психологических проблем, сопутствующих инновационным процессам, и связанных с нововведениями. Следует отметить, что данный аспект находит отражение как в работах зарубежных (М. Деванна, К. Девис, Т. Питерс, Н. Тичи, Р. Уотермен и пр.), так и отечественных (В. Ф. Галыгин, Е. Т. Гребнев, Н. И. Лапин, А. И. Пригожин, О. С. Советова и др.) психологов.

Например, с точки зрения Е. Т. Гребнева [2], именно человеческий фактор в организационных нововведениях является основополагающим, поскольку именно социальное поведение людей в организациях определяет, что можно изменить и обновить и какую это может принести пользу. Сотрудники должны понимать, желать и иметь возможность осуществить инновации, которые кажутся чисто техническими или организационными, но в дальнейшем могут существенно изменить социальное положение, психологическое состояние, взгляды и убеждения самого персонала. В этой связи одной из самых сложных и важных задач менеджмента современных организаций является проблема эффективного социального управления организационными изменениями и инновациями.

Не менее значимой психологической проблема и скрытые стереотипы сознания работников, которые, по мнению Н. И. Лапина [5], нередко являются причиной возникновения острых разногласий и межличностных конфликтов при реализации нововведений.

IV направлением (но не менее значимым, нежели все предыдущие) являются работы, ориентированные на исследование инновационности субъекта (работы таких зарубежных и отечественных ученых, как К. Девис, Н. М. Миняева, Э. Роджерс и т. д.). В частности, Э. Роджерс [9] предложил типологию субъектов инновационной деятельности в зависимости от степени их вовлеченности в процесс внедрения и реализации новых идей, решений и технологий и выделил:

- инноваторов, склонных идти на риск ради инноваций;
- ранних потребителей, в целом принимающих инновации без особых задержек;
- поздних массовых потребителей, представленных в основном скептиками;
- медлительных и «опоздавших», которые зачастую консерваторами.

По мнению В. А. Петровского [7], большое значение как показатель инновационности субъекта

имеет способность человека «творить и направленно транслировать инновации собственного опыта другим людям» [7, 74].

Также следует отметить, что учёными (К. Девис, Н. М. Миняева) выделяются и виды инновационности. При этом исследователи исходят из того, что инновационность субъекта предполагает прежде всего его способность, с одной стороны, воспринимать новые идеи и технологии, а с другой стороны, — их осмысливать и творчески дорабатывать [5]. Исходя из этого выделяются два вида личностной инновационности:

- *сенсорная инновационность* — тенденция получать удовлетворение от взаимодействия с вещами из внешнего мира, стимулируемая как внутренними (например, фантазиями), так и внешними (например, результатами действий человека) факторами. Как отмечают Ф. Безрудный [1], О. Нечаева [1], Г. Смирнова [1], поведенческие проявления сенсорной инновационности нередко могут быть связаны споемком чего-либо нового и принятием риска (в качестве примера здесь можно привести устойчивый интерес человека к экстремальным видам спорта);

- *когнитивная инновационность* — тенденция к получению удовлетворения от взаимодействия с чем-либо новым, изучения закономерностей функционирования этого нового. В результате у субъекта формируется новый опыт, новые знания о чем-либо, которые могут быть даже результатом переструктурирования и дополнения информации, уже имеющейся. Обусловливается когнитивная инновационность устойчивой потребностью в новом знании о вещах, фактах, процессах и о том, как они взаимосвязаны между собой. Реализация же указанной тенденции стимулирует мыслительную деятельность и развитие когнитивной сферы субъекта [1].

Наряду с сенсорной и когнитивной, ученые выделяют также:

- *врожденную инновационность* — способность субъекта принимать инновационные решения вне зависимости от влияния опыта других людей в процессе коммуникации с ними. С точки зрения исследователей (Ф. Безрудный, О. Нечаева), врожденная инновационность представляет собой целостной психологическое образование наподобие личностной черты и,

- *реализованную инновационность* — поведенческие проявления субъекта в контексте его участия в инновационном процессе, которые могут быть подвергнуты наблюдению [1].

Таким образом, проанализировав работы психологов, мы пришли к заключению, что в психологической литературе инновационность субъекта определяется:

- 1) как способность субъекта быть первым во взаимодействии с инновациями;
- 2) как фактор, повышающий вероятность того, что субъект будет инноватором;
- 3) как фактор, ускоряющий принятие субъектом новых технологий.

В обобщенной формулировке инновационность субъекта может быть рассмотрена как его способность на когнитивном и, если это необходимо, на поведенческом уровне обеспечить появление, восприятие, а также возможную доработку и реализацию новых и оригинальных идей.

Поскольку инновационность предполагает способность субъекта «черпать» идеи извне системы и приносить их внутрь её организации, исследователи именно эту характеристику рассматривают как фактор, во многом обеспечивающий адаптацию субъекта к постоянно изменяющемуся миру, как его способность на когнитивном и, если это необходимо, на поведенческом уровне обеспечить появление, восприятие, а также возможную доработку и реализацию новых и оригинальных идей.

Осуществленный нами анализ исследований ученых по проблеме инновационных процессов и их влиянии на личностные и поведенческие проявления субъекта позволяет сделать следующие выводы:

- к проблеме инноваций исследователи обращаются весьма активно в силу ее чрезвычайной актуальности именно;

- в результате осуществленных исследований, учеными объективно доказано, что игнорирование социально-психологических факторов (в том числе, и отношения к инновационным процессам) влечет за собой существенные потери как для инициаторов, так и для организаторов и пользователей нововведений. Эффективно работающая

организация — это организация, руководство и коллектив которой не только понимают необходимость систематических новаций, но и в полной мере предвидят социально-психологические последствия этих процессов, могут прогнозировать и управлять ими, т.е. планирует организационное развитие;

- нововведение — это процесс качественного изменения чего-либо. Любое нововведение имеет как технические, так и психологические последствия. Как отмечает Р.Л. Кричевский, «отнюдь не все нововведения суть благо для людей, даже если и быть во благо — их предназначение» [6, 44];

- результатом любого нововведения, по праву является изменение одного или даже нескольких элементов социотехнической системы организации, направленное на повышение эффективности ее деятельности и воспринимаемое субъектом усвоения (работником организации, членом трудового коллектива, предприятием в целом) в качестве значимого и нового (например, изменение в технологических процессах, кадровой структуре, оплате труда, численности персонала и т.д.).

Однако успешным процесс внедрения инноваций и нововведений может быть только лишь при условии учета всех внешних и внутренних факторов и условий эффективной их реализации (в том числе и, в первую очередь, — учете их влияния на личностные и поведенческие трансформации каждого субъекта).

Список литературы:

1. Безрудный Ф., Смирнова Г., Нечаева О. Сущность понятия инновации и его Классификация. // Инновации, – М.: 1998. – С. 101–210.
2. Гребнев Е.Т. Управленческие нововведения. – М.: Экономика, 1985. – С. 34–55.
3. Журавлев А.Л., Поздняков В.П. Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности. / Психол. Журнал. – 1992. – № 4. – С. 24–32.
4. Ильина Н.А. Отношение к нововведениям в производственном коллективе: Автореф. канд. дис. – Л., Спб: 1985. – 68 с.
5. Лапин Н.И. Теория и практика инноватики: учебное пособие. – Издательство: Логос, 2010. – 319 с.
6. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. – М., – 1982. – С. 40–48.
7. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М.: Горбунок, 1992. – С. 79–122.
8. Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия (социальные проблемы инноватики). – М.: Политиздат, 1989. – С. 98–171.
9. Роджерс Э. Диффузия инноваций. – М., 1962. – С. 194–200.

Section 8. Philology

*Aleksandrenko Viktoria Viktorivna,
National Pedagogical Dragomanov University,
senior lecturer at the Ukrainian Literature department
E-mail: aleksandrenko1972@mail.ru*

Semantic analysis of the prairie in the flash fiction of Dmitry Markovych

Abstract: The article discusses the semantic analysis of the prairie — widely spread dominant of the fictional world of Dmitry Markovych. Works such as “U naimy” and “Shmatok” were analyzed.

Keywords: prairie, landscape, sky, sea, church, semantics, works.

*Александренко Виктория Викторовна,
Национальный педагогический университет
им. М. П. Драгоманова, старший преподаватель
кафедры украинской литературы,
E-mail: aleksandrenko1972@mail.ru*

Семантика степи в малой прозе Дмитрия Марковича

Аннотация: В статье рассматривается семантика степи наиболее распространенной доминанты художественного мира Дмитрия Марковича. Проведено анализ образа степи в произведениях «У найми» и «Шматок».

Ключевые слова: степь, пейзаж, небо, море, церковь, семантика, произведение.

Образ степи относится к наиболее производительных и наиболее разработанных доминант художественного мира Дмитрия Марковича. Она рядом с константой «хутор» выносится в заголовок книги «По степям и хуторам» 1918 г., демонстрирует значительную широту семантических наполнений и художественных интерпретаций, предстает не просто фоном, а особым сакрализованным пространством, организованным по собственным законам.

Стоит отметить, что степь в ментальном сознании украинца имеет архетипное значение, соотносительно с основными вехами национальной истории. Важнейшие аспекты такого восприятия степи рассмотрено в монографии Александра Бороня защищает «Поэтика пространства в творчестве Тараса Шевченка». Ученый опирается на опыт предшественников, в частности С. Крымского, который отмечает: «Киевская Русь родилась на берегу большого степного океана, начинается у Великой Китайской стены и заканчивается долиной Дуная вблизи Альп, то есть охватывает два континента». Эта степь была источником постоянных нападений кочевников и поэтому рассматривалась русинами, как «тьма внешняя», как «бездна», «хаос» [2, 104]. «Такой опыт рецепции степи, — продолжает А. Боронь, — не мог быстро забыться, однако с течением времени он испытывал существенные

трансформации, подчиняясь логике исторического развития, которая заключалась в постепенном и необратимом освоении когда бесконечных, а затем строго измеренных территорий украинской степи. Эти этапы общеизвестны. Самым ярким из них и длительным по времени был период колонизации степи казаками. Именно этот «золотой век» казацкой вольницы был надежно зафиксирован народным сознанием, в которой свобода, независимость от любой власти, кроме собственной общины, стали на долгие времена ассоциироваться со степью» [1, 52].

Принимая во внимание эти этапы осмысления архетипа степи, нетрудно заметить, что оба они представлены в творчестве Д. Марковича. Такое внимание писателя к топосу степи объясняется, по нашему мнению, многими факторами и их взаимодействием: прежде личным опытом автора и автобиографическими факторами, однако не меньшей степени — особой значимостью степи как сакрализованного пространства для украинской ментальности. Можно утверждать, что в творчестве прозаика в полной мере воплощены подсознательные, во многом рудиментарные представления о степи как пространство смерти и пространство свободы. В каждом из этих случаев степь мыслится как сакрализованная, в отличие от «домашнего» профанного пространства, где действуют свои, отличные от общепринятых, в социуме, законы.

Главной характеристикой степи в фольклорных произведениях и профессиональной литературе остается его безграничность, что уподобляет степь к морю. Два равно-великие пространства часто отождествляются, наполняются подобным содержанием, противопоставляются замкнутости, ограниченности города, дома и тому подобное. Заслуживает внимания пейзаж-преамбула, что открывает образок «У найми»: «Нема краю широкому, вільному степу. Простягся він рівний-рівний від кучугурів Діпрових аж до самого Сивашу, уперся в його, став неначе на годину, а далі перекинувся через Сиваш, задавив його своєю величезною рівнотою і простягся вже вільно далі і далі, зачепив річечки Молочну, Дін і пропав десь... Коло самого моря лежить він — неначе залицяється з ним, широким і таким же вільним: як два брати, один тихий, до оселі прихильний, а другий — ворог хати...» [4, 44].

Описывая часть степи вблизи Сиваша, писатель несколькими штрихами задает доминанты дальнейшего повествования — слезы и кровь, которые вводятся в пейзаж как компоненты сравнения, соотносены с «верблюжки» (портулаком). Задав таким образом содержанию доминанты текста, Д. Маркович разворачивает их в мотиве смерти, введенном в пейзаж многократным повторением различных грамматических форм глагола «умирать»: «Тільки Сиваш своєю важкою, сивою, як мертво око, хвилиною лиже жовтий і попелястий берег» [4, 46]. Таким образом, степь мыслится рассказчиком как пространство смерти, но в то же время — и как сакральное пространство, ведь картину умирания природы художественно аргументировано мотивом Божьей кары. Неурожай и голод, подчеркивает рассказчик, посланные людям в наказание за грехи.

Д. Маркович, творчество которого составляет интересный переход от народничества и реализма к модернистской эстетике, постоянно оперирует глубинными символами, укоренившихся в национальную мифопоэтику. Так, сцена ухода Анны и Марыси из села содержит прямые и косвенные указания на такие константы украинского метателного сознания, как сердце, ворон, могила, степь. Сердце и ворон (с вороном сравнивает Анна своего маленького сына Ивашка, который боится, что Марыся замерзла: «Дурне, бач, крика, як ворон, — промовила Ганна, а серцю щось говорило: «Не йди!»» [4, 54] выполняют в данном фрагменте функцию прорицателей, что соответствует смысловому наполнению этих констант во многих фольклорных произведениях, тогда как церковь и могила возникают своеобразными вехами, маркируют постепенный переход из обжитого человеческого пространства в сакральное пространство степи, подчиненной другим законам.

Начало путешествия предшествует пейзаж, выдержанный целиком в реалистическом духе: «Надворі падав маленький сніжок. Сонця не було ще: тільки на світ благословлялось. Вітерець північний потроху дмухав» [4, 54]. Примечательно, что героиню, как и ее маленького сына,

мучают плохие предчувствия, но она решает идти в село. Первой вехой, которая символизирует переход в другое пространство, является церковь: «Вийшли. Коло церкви помолились Богу й пішли за село» [4, 54]. Уже на данном этапе констатируется безграничность степи, которая соотносится с бесконечностью двух других стихий — моря и неба: «Куди не глянеш — рівно-рівно. Небо заволокло хмарою білою, і не розбереш, де те небо починається і де безбережне снігове море кінчається» [4, 54]. Такое отождествление начала и конца, неба и земли, верха и низа свидетельствует об осуществлении перехода из профанного человеческого в сакральный степной простор. Однако на этом этапе «человеческие» пространственные маркеры еще сохраняют свою значимость. В данном случае они представлены архетипным образом могилы: «Пройшли вже й могилу на третій верстві — степ далі ще рівніший і краю йому немає» [4, 54].

Пространственный образ могилы в прозе Д. Марковича не имеет такого значения, как, скажем, в творчестве Тараса Шевченка, и все же на нем стоит остановиться подробнее. Несмотря на неявную символизацию могилы в исследуемом рассказе, следует отметить, что писатель (очевидно, подсознательно) развивает пространство произведения в ключе предыдущей литературной традиции, представляемой прежде мифопоэтикой Тараса Шевченка. При беглом прочтении образка «У найми» упоминание о могиле может быть воспринято как обычное замечание, что касается места действия, но глубинный анализ произведения позволяет выявить символические подтексты, понятны только во взаимосвязи этого пространственного символа с другими топосами и локусами произведения. А. Боронь в монографии выделяет основные значения пространственно-символического образа могилы в творчестве Тараса Шевченко: могила возникает в основном как компонент более широкого пространства (степи, пейзажа, Украины); она выполняет роль медиатора между небом и землей; составляет сакральное пространство в противовес профанному (исследователь отмечает, что постоянной оппозиции здесь не существует — в роли профанного пространства могут выступать самые разнообразные объекты — овраг, перекрестки и т. п.) [1, 61–66]. Так или иначе, могила структурирует художественное пространство, во многих случаях приобретая значение помежия. Произведение Д. Марковича «У найми» убедительно иллюстрирует этот тезис. Не случайно, что метель, которая в человеческом пространстве была слабым ветерком, начинается именно «за могилой». Ветер, еще одна доминанта динамического пейзажа, предстает как своеобразный символ разбушевавшейся стихии стирает границы и уничтожает ориентиры: «Несеться вітер хуртовиною, забира з собою легенький сніжок з землі, забирає й той, що пада з неба, й несе його назустріч подорожнім» [4, 55]. Таким образом, степь перестает восприниматься как географическое понятие и превращается в своеобразный параллельное

измерение. Ее отличия от пространства села отмечает рассказчик: «Літом степ чудовий, хороший, а все ж якийсь таємничий, а снігом критий — суворий, страшний» [4, 55]. Степь предстает не просто территорией, отличной от обжитой определенными характеристиками (свободное пространство, безлюдье и т. п.), но и местом, где значимыми являются категории, не представляют такого веса для человека, который находится в пространстве города, села, жилья. К ним относится способность ориентироваться, знание дороги: «Заблудила ... страшне слово у степу: нема страшнішого!» [4, 57]. Возвращение из степного пространства в пространство человеческое также маркировано определенными материальными объектами, однако теперь это не архетипные образы церкви и могилы, а запруда, мельницы и, наконец, человеческое жилье. Резко отличается и тон повествования — если выход из села, начало блужданий Анны и Марыси оформлены как объективированное изложение от третьего лица, то завершение этого пути составляет сочетание отчаянного внутреннего монолога героини, близкого к потоку сознания, и сжатых замечаний рассказчика, которые приближаются к драматической ремарке.

Степь как пространство смерти встречается и в другом рассказе писателя — «Шматок», где вновь возникает мотив одиночества и гибели среди разбушевавшейся стихии. Здесь, как и в ранее рассматриваемом образке, находим противопоставление степной бесконечности замкнутому пространству дома. Эти пространственные измерения соотносятся как открытость/замкнутость, тепло/холод. Доминантами степного пространства выступают ветер и дождь, в то время как дом хозяина конкретизируется через элементы обжитой территории: двор, крыльцо, дом. Поэтому физическая несостоятельность хозяина рассмотреть с рундука то, что происходит в степи, в художественной ткани произведения приобретает метафорическое значение — это уже «слепота сердца», духовная неспособность сытого человека увидеть страдания народа. Такая метафоризация бытового плана усиливается, с одной стороны, приемом умолчания (атагас, отчитываясь перед хозяином о событиях прошедшего дня, не рассказывает ему о смерти мальчика, хотя и он сам, и его товарищи тяжело переживают эту потерю), а с другой — введением в структуры текста

медицинского заключения, имитирует канцелярский язык (один из любимых художественных эффектов Д. Марковича) и таким образом демонстрирует обесценивание человеческой жизни в обществе, ориентированном на материальное обогащение.

Таким образом, пространство (в данном случае – степи и – шире – природы) превращается в средство морально-этической характеристики персонажей. Такую функцию художественного пространства отмечает Ю. Лотман: «Поскольку ... художественное пространство становится формальной системой для построения различных, в том числе и этических моделей, появляется возможность нравственной характеристики литературных персонажей через соответствующий им тип художественного пространства возникает уже как своеобразная двухплановая метафора» [3, 10]. Ю. Лотман выражает этот тезис относительно произведений Н. Гоголя. Интертекстуальные связи с гоголевскими «Мертвыми душами» отчетливо прослеживаются и в «Весне» Д. Марковича, в частности в лейтмотиве дороги и сцене встречи героя с двумя женщинами — молодой и пожилой. В образе девушки, как и у Гоголя, акцентировано свежесть мировосприятия, свободу. Образ Нади органично соотносится с картиной весенней природы, девушка радуется солнцем и каплями росы, падающие с деревьев.

Степь в творчестве Д. Марковича относится к ведущим пространственным образам-символам, что наряду с концептом «Хутор» составляет основу художественного мира автора. Эта доминанта представляет целый ряд значений, укоренившихся в архетипное ментальное украинское сознание, — степь становится и пространством смерти («У найми», «Шматок»), и как образное соответствие свободы, ассоциированное с духом казачества («Весна», «На Вовчому хуторі»).

Образной антитезой степи в творчестве прозаика выступает замкнутое пространство, прежде всего комната, дом, жилье, а также город. Степь приобретает признаки сакрального пространства, организованного по своим законам, тогда как названные антитетичные образы имеют признаки пространства профанного. Соответственно, и герои, принадлежащие к обеим пространственным моделям, маркируются противоположными портретными, психологическими и моральными характеристиками.

Список литературы:

1. Боронь А. Поэтика пространства в творчестве Тараса Шевченка/Александр Боронь. – М.: Агентство «Украина», 2005. – 152 с.
2. Крымский С. Как менялись представления о пространстве и времени/С. Крымский//Философская и социологическая мысль. – 1989. – № 1. – С. 104–106.
3. Лотман Ю. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя/Ю. Лотман//Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды по русской и славянской филологии. – Тарту, 1968. – Вып. 209. – С. 5–50.
4. Маркович Д. Сочинения. Кн. 1./Дмитрий Маркович. – М.: Издательское т-во «Колокол», 1918. – 250 с.

*Bondarenko Liliya Nikolaevna,
Military institute of Taras Shevchenko
National University of Kyiv,
post-graduate in a military institute
E-mail: myltik86@mail.ru*

Some peculiarities of translation of documents of military discourse

Abstract: The article considered the question of studying different approaches of interpretation of the term “discourse”, it was proposed own definition of the term “military discourse”. As a result of detailed analysis of the examples the main characteristics that ought to be considered when translating texts of military discourse were given.

Keywords: “discourse”, “military discourse”, peculiarities of translation of documents of military discourse.

*Бондаренко Лилия Николаевна,
Военный институт Киевского национального
университета им. Тараса Шевченко, адъюнкт
E-mail: myltik86@mail.ru*

Некоторые особенности перевода документов военного дискурса

Аннотация: В статье был рассмотрен вопрос изучения разных подходов толкования понятия «дискурс», было предложено собственное определение понятия «военный дискурс». В результате детального анализа примеров были определены основные характеристики, которые нужно учитывать при переводе текстов военного дискурса.

Ключевые слова: «дискурс», «военный дискурс», особенности перевода текстов военного дискурса.

Данная статья посвящена анализу особенностей перевода документов военного дискурса. Объектом нашего исследования стали тексты военных документов, а именно военных инструкций. В качестве предмета изучения рассматриваются способы перевода документов военного дискурса.

Актуальность нашего исследования обусловлена переосмысливанием роли вооруженных сил в жизни современного общества и в современном коммуникативном процессе. В связи с этим, необходимость адекватного, корректного перевода текстов военного дискурса для эффективного международного военного сотрудничества представляется сегодня определяющей.

Целью данной работы служит определение понятия «военного дискурса», изучение разных подходов толкования этого явления и выявление некоторых практик перевода документов военного дискурса.

Прежде всего необходимо определиться с понятием дискурса в общем, так как исследователи трактуют его по-разному. Во второй половине XX века, когда возникла и начала развиваться теория дискурса, его анализ ассоциировался с лингвистикой текста. Термин «дискурс» предложил американский лингвист Зеллиг Харрис (1909–1992) в начале 50-х годов XX века, называя, таким образом, метод анализа связанного говорения, «предназначенного для расширения дескриптивной лингвистики за рамки одного предложения в определенный момент времени и для соотношения культуры и языка» [10, 34].

М. Стаббс выделяет три основные характеристики дискурса: 1) в формальном отношении это — единица

языка, превосходящая по объему предложение, 2) в содержательном плане дискурс связан с использованием языка в социальном контексте, 3) по своей организации дискурс интерактивен, т. е. диалогичен [11, 75].

Н. Д. Арутюнова рассматривает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженную в жизнь» [1, 136].

По Ф. С. Бацевичу, дискурс — это тип коммуникативной деятельности, интерактивное явление, языковой поток, который имеет разные формы проявления (устную, письменную, паралингвальную) и осуществляется в рамках конкретного канала общения, регулируется стратегиями и тактиками общения; он есть синтезом когнитивных, языковых и внеязыковых (социальных, психических, психологических и д. т.) факторов, определяемых конкретным окружением «формами жизни», которые зависят от тематики общения и нацелены своим результатом на создание разнообразных языковых жанров [6, 138].

В последнее время в современных структурно-семиотических исследованиях термин «текст» уступает термину «дискурс», который становится объектом исследований в лингвистике. С позиции формальной лингвистики дискурс трактуется как два либо более предложений, которые находятся в смысловой зависимости друг от друга, при этом связанность (когезия) рассматривается как один из основных признаков дискурса [8, 79].

При таком подходе необходимо учитывать то, что в необъятном множестве разных определений понятия “дискурс” не существует и не предвидится такого его

определения, которое можно было бы считать единственным правильным. Больше того, нельзя утверждать, что существующие на сегодняшний день дефиниции дискурса воспринимаются как синонимические понятия [9, 19].

А. Д. Белова, указывая на актуальность проблемы диверсификации дискурса, утверждает, что его классификация возможна с учетом двух основных факторов: сфер функционирования и характера коммуникации. Если по сферам коммуникации имеются академический, дипломатический, политический, военный, рекламный, религиозный, юридический и другие виды дискурса, то по характеру коммуникации дискурс может быть спонтанным, подготовленным, официальным и неофициальным [7, 44].

Системность дискурса не исключает возможности выделения не только типов, но и отдельных подтипов дискурса. В. И. Карасик выделяет следующие подтипы дискурса: политический, административный, юридический, военный, религиозный, медицинский, деловой, рекламный, педагогический, спортивный, научный, электронный (интернет-дискурс), дискурс средств массовой информации и др. [4, 355].

Интерес к изучению военного дискурса в последнее время приобретает все большее значение. Вопрос функционирования языка в военной сфере (жизнедеятельность, организация, структурно-системные связи и специфическая обусловленность вооруженных сил) нашел отображение в военном дискурсе. Военный дискурс — это связанный (устный или письменный) текст, выраженный с помощью вербальных и невербальных средств, обусловленных ситуацией военного общения вместе с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. Этот подтип дискурса определяется стойким набором языковых средств, присущих определенному военному субъекту и характерных для актуализации заданной темы военной коммуникации. Это сложное, многогранное лингвистическое явление, единицы которого обладают широкими связями с единицами других типов дискурса.

Поиск доминантных элементов текста есть одной из главных задач переводчика на стадии анализа оригинала. И практически всегда речь идет о переводе не изолированных текстов, а текстов, которые функционируют в пространстве определенного дискурса. При переводе текстов военного дискурса необходимо учитывать определенные характеристики:

- жанровые;
- коммуникативные;
- лингвистические;
- этноспецифические.

Эти характеристики образуют комплексную модель исходящего текста. Жанровая модель описывает общие требования указанного типа текста независимо от конкретной ситуации. Коммуникативная модель формирует представление о пресуппозиции и иллокуции, которые помогут переводчику, еще до начала процесса перевода, а также она фокусирует внимание и выделяет доминанты в самом тексте. В свою очередь эти доминанты отображаются

в тексте с помощью разнообразных лингвистических средств. И, наконец, любая коммуникация имеет свою хронологическую специфику, а это — место, время и адресат, на которых ориентирована эта коммуникация.

Для текстов, произведенных в рамках военного дискурса, характерны следующие признаки:

- клише и штампы (используются с целью вызвать в сознании адресатов существующие стереотипы, сделать информацию более сжатой, доступной для понимания, таким образом сокращается скорость обработки документов);
- термины и сокращения (являются своего рода центром притяжения внимания), акцентирующие основные понятия.

Тексты военного дискурса отличаются не только лексическими особенностями, но и специфической структурой и реализацией (синтаксические конструкции, письменное оформление). Во время перевода военных текстов должна сохраняться тесная связь перевода с текстом оригинала, так как тексты военного дискурса очень часто являются нормативными. Существуют жесткие ограничения на всех уровнях, начиная с макроструктуры текста до абзацев, предложений и оборотов, придерживаясь стандартизированных форм, клише, устоявшихся выражений и особенных способов выражения целостности когерентности. Тяжесть информационной нагрузки каждого предложения и важность полной и однозначной передачи информации, когда исключается любая возможность двусмысленного толкования, обязывают использование длинных предложений со сложным синтаксисом, высоким уровнем гипотаксиса, повторением синтаксической прерывистости. При переводе инструкций широко используются логические структуры со значением условия и причины. Достаточно убедительными могут быть фрагменты перевода инструктивных документов:

Si des circonstances particulières empêchent la tenue de l'entretien de communication, le premier notateur doit communiquer cette notation par tout moyen approprié. — Если особые обстоятельства мешают проведению собеседования, лицо которое проводит собеседование должно направить аттестационные материалы любым ему доступным способом.

Si le noté ne formule aucune observation dans les huit jours francs après la première communication, le BNO est transmis au niveau de notation supérieur. — Если аттестованный офицер не предъявляет никаких претензий на протяжении 8 суток после получения результатов, аттестационный бюллетень передается в высший аттестационный орган.

Объективность представления информации обеспечивается преобладанием абсолютного настоящего времени глагола и пассивными конструкциями в оригинале, которые трансформируются в активные формы при переводе:

Dès la communication de sa notation intermédiaire, une copie de ce feuillet est immédiatement délivrée au noté. L'original du document est transmis à l'autorité chargée de la notation annuelle. — С момента извещения о результатах промежуточной аттестации копия бланка с результатами сразу же

вручается аттестованному офицеру. Оригинал документа передается должностному лицу, отвечающему за ежегодную аттестацию.

Императивный характер информации обеспечивается путем использования глагольных структур с модальным значением необходимости:

Chacun des niveaux de notation devra scrupuleusement à ce que toute stagnation, toute progression ou baisse régulière sur quatre années soit réellement justifiée par la manière de servir du noté. - Каждое решение об аттестации должно быть скрупулезно проанализировано, чтобы любое решение о повышении, понижении или о продолжении службы на той же

должности на протяжении четырех лет было обоснован-ным с учетом профессиональных качеств аттестованного офицера. А формы французского «субжонктива» трансформируются в формы условного или сослагательного наклонения при переводе на русский язык.

Основываясь на вышесказанном, в тексте передова ожидают создания параллельных текстов, идентичных по воздействию. Переводной документ должен быть таким, чтобы, с одной стороны, он смог сохранить четкость и понимание первичного исходящего текста, а, с другой стороны, вызывал именно те ассоциации, которые старается передать автор текста военного дискурса.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс/Н. Д. Арутюнова//Лингвистический энциклопедический словарь/Гл. ред. В. Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
2. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: «Просвещение», 1989.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 138 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
5. Кузнецова И. Н. Сопоставительная грамматика французского и русского языков. Grammaire contrastive du français et du russe. Новое исправленное и дополненное издание. Версия на французском языке. – М: Nestor academic, 2009.
6. Бацевич Ф. С. Основы комунікативної лінгвістики/Ф. С. Бацевич. – К.: Академія, 2004.
7. Белова А. Д. Лексична семантика і міжкультурні стереотипи//Мовні і концептуальні картини світу. – Випуск 7. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2002.
8. Бурбело В. Б. Сучасні концепції дискурсу та лінгвопрагматичні засади дискурсології//Вісн. «Іноземна філологія». – Вип. 32–33. – К., 2002. – С. 79–84.
9. Лук'янець В. С. Філософія дискурсу./Вісник НАН України № 10, – Київ, 2000.
10. Harris Zeilig Sabbettai Language and information. – New York, Columbia University Press, 1988.
11. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. – Oxford: Blackwell, 1983.

Jantassova Damira Dulatovna,
Karaganda State Technical University, Associate Professor,
Head of Foreign Language Department
Khamitova Zulkamal Zhumagulovna, Senior English teacher
E-mail: jahamitova2010@yandex.ru
Tugambekova Marksiana Alpysbaevna, English teacher
Kakzhanova Sholpan Aidarkhanovna, Senior English teacher
Suleimenova Uruaida Eralievna,
Karaganda State Technical University,
English teacher, Foreign Language Department

Intercultural literacy is critical to success in a foreign country

Abstract: As the growth trend of foreign direct investment continues, Kazakh managers are challenged to develop their abilities to adapt to the new cultural environment. To that end, Kazakhstan business schools should help their students develop cross-cultural skills that are necessary to deal with people from different cultures. The article determines the importance of English language as the lingua franca in the modern international business. The knowledge of English provides crucial understanding, making effective decisions and establishing cooperation. Intercultural literacy provides business students with an opportunity to experience the details of other cultures through the establishment of a friendly relationship with members of another country.

Keywords: international business, manager, culture, intercultural literacy, lingua franca.

1. Introduction

As the world economy is becoming globalized, there is no longer a distinction between domestic and international business. Globalization is bringing people from different countries face to face with each other more often than before. Therefore, business success in the global economy requires managers to possess good cross-cultural skills [1, 54].

Managers in international business are not only making, selling and bookkeeping, but also, interacting with individuals and groups who have different cultural backgrounds. This adds a new dimension to the task of managers who are doing business in foreign countries. Effective decision making in international negotiation requires effective communication skills in foreign languages. In international business, the necessity of international communications is omnipresent. Every business that aims at successfully positioning itself on contemporary and future markets must be able to communicate internationally. The increasing pace of globalization is now stimulating new and constantly mutating forms of cultural interaction, drawing Kazakhstan and western managers into more intimate forms of cross-cultural engagement. Language is not merely a tool for conveying information; it is a tool for gaining insight about values and attitudes. As a matter of fact, when people communicate with each other, they do not only participate in a verbal exchange; they also create a forum for intercultural interaction and cross-cultural learning [2, 37–38].

Intercultural communication involves the interaction of not only different languages but also different cultures, ideas, forms and meanings. For achieving true linguistic comprehension, culture and language should be learned together, because they are interdependent. Any company that aims at true success on an international scale therefore needs to reckon with the cultural peculiarities of the target culture. Becoming a global manager means learning how to let go of cultural assumptions.

2. The importance of cultures and language in international business

Culture is pervasive in areas of business such as production, marketing and human resource management. Success in new markets is very much a function of cultural adaptability [3, 44]. People select products by design, style and colour that are culturally acceptable to them. Studies have shown that the success or failure of a company in foreign markets depends on how effective its managers can exercise their cultural skills in the new environment. To be successful in foreign markets, managers should understand cultural differences in terms of attitudes, values, religions, customs, education and language. People's attitudes vary because of cultural, as well as religious, influence.

A growing number of workforces in the world have already become culturally diverse. Economic integration and demographic shifts in many countries have changed the characteristics of the workforce, culturally as well as ethnically. Border-free European markets have created multicultural

work forces in European business organizations. Many companies use teams as a strategy to deal with global competition and quality improvement [4, 152]. A global team is particularly popular in business. A global team consists of people from different cultures bound by common objectives. An effectively managed global team has many advantages, such as high productivity, a competitive cultural advantage, creativity and high achievement. Lack of cultural understanding frequently results in many unintended mistakes, such as being culturally offensive, making cultural blunders, ruining personal relationships, failing in negotiation and consequently losing profits. Cultural incompetence, or inflexibility, easily can jeopardize millions of dollars through wasted negotiations, lost purchases or sales, and poor customer relations [5, 204].

So, *culture* includes our whole system of beliefs, values, attitudes, customs, institutions and social relations. Hawkes [6, 18] reasoned that culture is the fourth pillar of sustainability, the glue that holds the social, environmental and economic pillars steadfast. An important skill for dealing with cultural diversity is *cultural competence*, which Chrisman [7, 69] defines as 'attitudes, practice skills, and system savvy for cross cultural situations'. The central thrust of most cultural competence work involves individuals' flexibility and capability to properly assess and treat all people respectfully and in a suitable manner appropriate to their culture. *Cultural literacy* includes cultural competence but adds to it the ability to critically reflect on, and if necessary bring about change in, one's own culture. It also includes the ability to analyze the behaviors of dominant cultures in relation to other cultures, for instance, the impact of globalization or cross-cultural partnerships on local cultures around the world.

Besides culture the language is crucial too. English is accepted as an international or global language. The spread of English can be explained as a result of developments in information and communication technologies and by economic globalization. Its main function is to facilitate communication when other communicative means are absent. The major advantage to use English as a medium of communication is to provide an opportunity to establish a sphere of interculturality where one national culture [2, 84] is considered in relation to other cultures. International communication is inseparably linked to English as the lingua franca of modern business. English is not only used for communication with native speakers, but even more frequently for conversing with speakers of other languages. This has serious consequences for the type of English that should be taught to business people or that should be used for international business communication in general. The fact that English is a true lingua franca is also reflected in the fact that many companies use English slogans or English expressions in their corporate communications. The objective of such internationalisms is mostly to create one slogan that is understood worldwide and that need not be adapted to the individual target markets.

The managers have to be enabled to handle their everyday communicative tasks themselves with a satisfactory

quality. In areas where face-to-face communication is required, such as taking care of international visitors or representing the company at international trade fairs, in presentations and negotiations a good command of English is absolutely vital. It should be beyond doubt that English used in a brochure, in a contract or on the company's web site should be absolutely correct.

So, in today's business environment, a good command of English is considered a prerequisite, which is beyond doubt if we bear in mind that English functions as a *lingua franca* also for communication with non-English-speaking business partners. Companies should assist their employees through both language and cross-cultural training. The more intercultural differences are considered in the international marketing material, the more revenue a company generates abroad. This underlines the importance of intercultural awareness for successful international business. From this point of view, language and culture considerably contribute to international success. Their knowledge of the target language is crucial for the success of intercultural communication. This is the notion of intercultural literacy.

3. What is intercultural literacy?

It is imperative for managers to understand other cultures and to develop intercultural literacy to be able to deal with a multicultural environment. Cultural understanding leads to greater tolerance for cultural differences [3]. Cultural literacy is critical in the global economy. Cultural literacy is defined as detailed knowledge about a culture that enables a person to function effectively within it, and it improves the ability to manage employees, market products, and conduct negotiations in other countries [8, 121].

Over the last four decades, literacy researchers have developed a view of literacy as multiple and situated within social and cultural practices and discourses [4, 10]. Literacy is no longer thought of as the technical ability to read and write, nor the ability of individuals to function within social contexts associated with daily living. Rather, beyond these capacities, it is an ability to think and reason, a way of living, a means of looking at the world we know and how we behave in the world. Literacy is therefore inseparable from culture.

When Hirsch introduced the term 'cultural literacy', he raised the ire of those arguing for a more inclusive vision of education, and unwittingly raised the question: who defines the culture in cultural literacy? The cultural literacy he advocated meant familiarity with a body of facts — with the cultural symbols and classical works which he saw as defining mainstream American culture. The concept of *intercultural literacy* we have proposed conceives of literacy as including competencies, attitudes and identities in addition to understandings and, second, it suggests a literacy that crosses cultural boundaries. We define intercultural literacy as the understandings, competencies, attitudes, language proficiencies, participation and identities necessary for successful cross-cultural engagement. While the term 'international' gives primacy to nationality as the presumed salient and significant identity construct,

the more significant identity construct highlighted by the term 'intercultural' is culture.

The interculturally literate person, in these terms, possesses the understandings, competencies, attitudes and identities necessary for successful living and working in a cross-cultural or pluralist setting. He or she has the background required effectively to 'read' a second culture, to interpret its symbols and negotiate its meanings in a practical day-to-day context.

One can acquire knowledge of other cultures through the process of learning. Achievement of intercultural literacy is clearly dependent on many variables, including the presence of appropriate social and cultural supports, perhaps supported by educational and training interventions. There are numerous ways of learning about a culture including the following: reading, seminars, studying abroad, travelling, and living with a host family.

Due to the ideas of different scientists (S. Lysgaard, W. Sewell and O. Davidson, R. Hanvey, M. Heyward), we propose a multidimensional model for the development of intercultural literacy [9, 24] (see Table 1). The developmental model of intercultural literacy we propose is thus multidimensional, recognizing the significance of interrelated learning of understandings, competencies, attitudes, language proficiencies, participation and identities. It is intended to provide a tool to assist educators in understanding the development of intercultural literacy and thus being able to facilitate the process. Becoming interculturally literate, the individual learns what culture is: learns both something of his or her native culture, something of a second culture and something of the concept of culture in the abstract.

Without some level of intercultural literacy the individual remains essentially ignorant of his or her primary culture and characteristically ethnocentric. So, becoming interculturally literate is a process of creating or constructing new meanings. Thus, the model we propose highlights the period of first real engagement with a second culture as the critical point for intercultural literacy — Monocultural level 3, Engagement or Distancing. If the appropriate supports are available to students at this point, the outcome is likely to be continued learning, cross-cultural engagement and intercultural literacy. If not, negative responses that result in arrested development or distancing are likely to result.

4. Conclusions

In this article we have argued that managers-to-be in a globalised world should be given attention to the issue of intercultural literacy — that, in this sense, 'international' might be better redefined as 'intercultural'. To succeed in a foreign country they should learn for intercultural literacy. The key point is that intercultural literacy learning requires an authentic cross-cultural experience. This is what gives the contemporary universities a unique advantage in relation to teaching for intercultural literacy [10, 35].

In order to survive today's complex world, managers need to understand different cultures. Understanding different cultures helps managers adjust to unfamiliar

environments in which they meet, work and live with other people who have different cultures. Adjustment and positive attitudes toward different cultures prompts managers to take active roles in the diverse society. Therefore, acquisition of intercultural literacy, which is the capacity to change one's knowledge, attitudes, and behaviors so as to be open and flexible to other cultures, has become a critical issue for managers to survive in the globalized society of the

21st century [11, 54–56]. An intercultural literate manager shows affective, behavioral, and cognitive abilities, such as openness, empathy, adaptive motivation, perspective taking, behavioral flexibility, and person-centered communication. Thus intercultural literacy can be defined as transformation of learning into desired attitudes, and a growth process where an individual's existing knowledge about culture is evolving to intercultural knowledge.

Table 1. – A multidimensional model for the development of intercultural literacy

	Monocultural level 1 <i>Limited awareness</i> Unconsciously incompetent	Monocultural level 2 <i>Naive awareness</i> Unconsciously incompetent	Monocultural level 3 <i>Engagement distancing</i> Consciously incompetent	Cross cultural level <i>Emerging inter-cultural literacy</i> Consciously competent	Intercultural level <i>Bicultural or transcultural</i> Unconsciously competent
Understandings	No significant intercultural understandings. Unaware of own culture or of the significance of culture in human affairs.	Aware of touristic exotic and stereotypical aspects of other culture (s). Little understanding of metaculture.	Aware of significant cultural differences. Other culture (s) perceived as irrational and unbelievable.	Increasingly sophisticated understandings of socio-political and intergroup aspects of culture and metaculture.	Aware of how culture (s) feel and operate from the standpoint of the insider. Understandings of primary and metaculture and global Interdependence.
Competencies	No significant intercultural competencies.	No significant Intercultural competencies.	No significant intercultural competencies.	Developing competencies include mindfulness, empathy, perspective-taking, tolerance and communication	Advanced competencies include mindfulness, empathy, perspective-taking, tolerance and Communication.
Attitudes	No significant intercultural attitudes. Assumes that all groups share similar values and traits. Value neutral.	Native and stereotypical attitudes which may be positive, negative or ambivalent.	Typically negative attitudes Stereotyping, prejudice and discrimination.	Differentiated, dynamic and realistic attitudes. An overall respect for integrity of culture (s).	Differentiated, dynamic and realistic attitudes. An overall respect for integrity of cultures) accompanied by legitimate and informed.
Participation	No significant participation or unaware of cultural dimension of contact	Tourism, early contact. 'Living alongside' rather than 'living with'.	Culture conflict 'Living alongside' rather than 'living with'.	Increasing cross-cultural engagement and development of meaningful relationships. 'Living with' rather than 'living alongside'.	Wei) established cross-cultural friendships and/or working relationships. 'Living in' the culture (s). The 'mediating' person.
Language proficiencies	No significant second language competencies. May be unaware of language differences.	Aware of language differences. Possible ability or communicate at a superficial level in the second language (s).	Limited functional proficiencies in the second language (s).	Language learning. Increasingly sophisticated knowledge of and ability to communicate in second language.	Bilingual or multilingual understanding and proficiencies.
Identities	Unformed cultural identity.	Basic primary cultural identity characterized by stereotypic comparisons with other cultures.	Culture shock may force an examination of cultural identity.	Increasingly highly developed and secure primary cultural identity. Awareness of multiple cultural identities.	Bicultural or transcultural identity. 'Global' identity may emerge. Ability to consciously shift between multiple cultural identities.

References:

1. Chrisman N.J. Extending cultural competence through systems change; Academic, hospital, and community partnerships. *Journal of Transcultural Nursing*, 18 (Suppl 1), – 2007.
2. Czinkota M., I. Ronkainen and M. Moffett. *International Business*. – Thomson, 2003.
3. Ferarro G. *The Cultural Dimensions of International Business*. – Prentice Hall, New Jersey, 1990.
4. Gee J.P. *The New Work Order: behind the language of the new capitalism*. – Boulder, Westview Press, 1996.
5. Hawkes J. *The Fourth Pillar of Sustainability: Culture's Essential Role in Public Planning*, Cultural Development Network. – Common Ground Publishing, Melbourne, – 2001.
6. Heyward M. Intercultural literacy and the international school. – *International Schools Journal*. – 2000. – № 14 (2).
7. Hirsch E.D. Jr. *Cultural Literacy: What Every American Needs to Know*. – Boston, Houghton Mifflin, – 1987.
8. Langer E.J. Prevention of mindlessness. – *Journal of Personal and Social Psychology*. – 1987. – № 53 (2).
9. Schieffelin B.B. and Ochs E., (Eds.) *Language socialization across cultures*. – Cambridge, Cambridge UP, 1986.
10. Street B. Culture is a Verb. Anthropological aspects of language and cultural process. In Graddol D., Thompson L., and Byram M. (Eds.) *Language and Culture, BAAL and Multilingual Matters Ltd.*, – 1993.
11. Wild J., Wild K. and J. Han. *International Business*, 2nd ed. – Prentice Hall, New Jersey, 2003.

*Zhigulin Andrey Alekseevich,
Voronezh Institute of Economics and Law,
PhD, Associate Professor of Psychology
E-mail: 8906675555@mail.ru*

A. V. Zhigulin – superfine lyric of Russia

Abstract: The article refers to the formation of the talent of the Great Russian poet and writer Anatoly Vladimirovich Zhigulin about his life and work and the role he played in the Russian literature.

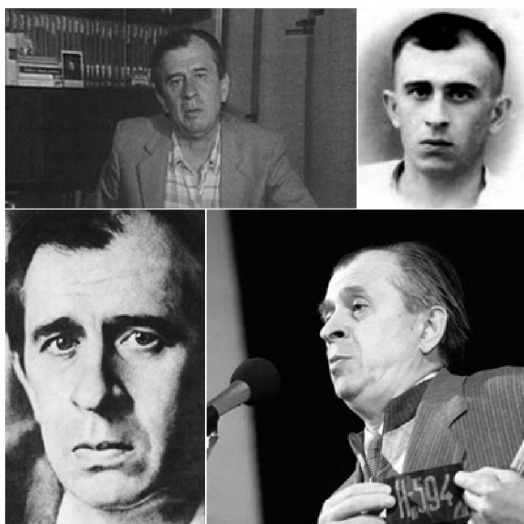
Keywords: Zhigulin, literature, poetry, creativity, talent.

*Жигулин Андрей Алексеевич,
Воронежский экономико-правовой институт,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии
E-mail: 8906675555@mail.ru*

А. В. Жигулин – тончайший лирик России

Аннотация: в статье говорится о становлении таланта великого русского поэта и прозаика Анатолия Владимировича Жигулина, о его жизни и творчестве и той роли, которую он сыграл в отечественной литературе.

Ключевые слова: Жигулин, литература, поэзия, творчество, талант.

*Россия Бога не забыла.
Хоть муки крестные прошла,
Но все же свято сохранила
Частицу веры и тепла...*

Анатолий Жигулин, 1969 год

Жигулин Анатолий Владимирович (1 января 1930, село Подгорное Воронежской области – 6 августа 2000, Москва), великий русский поэт и прозаик.

Появился на свет в семье выходца из многодетной крестьянской семьи Владимира Фёдоровича Жигулина и Евгении Митрофановны Раевской, правнучки участника Отечественной войны 1812 года, поэта-декабриста Владимира Раевского. Отец будущего поэта В. Ф. Жигулин был выходцем из крестьян, работал почтовым служащим.

Долгое время он страдал открытой формой чахотки, и основные заботы о трёх детях лежали на плечах мамы. Происходившая из дворянской семьи мать Анатолия Жигулина была женщиной образованной и обожавшей поэзию. Она часто читала детям стихи, пела им песни. В доме деда в Воронеже, где семья жила с 1937 года, уцелела библиотека семьи Раевских, в том числе и фамильные альбомы нескольких поколений.

Во время Великой Отечественной войны Воронеж и область в течение 8-ми месяцев находились во фронтовой зоне, и не участвовавший в войне по малолетству Анатолий в полной мере познал голод и нищету войны и жизнь в полуразрушенном городе в послевоенное время. Впоследствии проблематика родного города, детства и войны отчётливо зазвучит в творчестве Жигулина. В старших классах Анатолий начал писать стихи, пока что, в основном, это рассказанные в стихах школьные сочинения. Первая публикация воронежского старшеклассника Анатолия Жигулина предстала 29 марта 1949 года на страницах многотиражного издания «Революционный страж» — печатного органа политчасти областного управления МВД. Это было стихотворение «Два рассвета» («Тебя, Воронеж, помню в сорок третьем...») Спустя полтора месяца, 15 мая, в областной газете «Коммуна» было опубликовано стихотворение Жигулина «Пушкинский томик». Первые стихи написаны под воздействием есенинской поэзии. Последующих публикаций молодому поэту по независящим от него обстоятельствам пришлось ждать более пяти лет [1, 119–122].

В 1947 году Анатолий, а также несколько его друзей-одноклассников основали в Воронеже «Коммунистическую партию молодёжи» (КПМ) — подпольную организацию, целью которой молодые люди видели борьбу за возвращение советского государства к «ленинским взглядам». Также в Программе КПМ содержался тайный пункт о возможности насильственного смещения И. В. Сталина и его окружения с занимаемых постов. Вскоре партия насчитывала более 60 человек. В 1948 году Анатолий стал членом политбюро КПМ. Тем не менее тщательная конспирация не уберегла членов КПМ от выявления их «заговора» и последующего гонения. В сентябре 1949-го, когда члены КПМ из школьников превратились в студентов (в 1949 А. В. Жигулин — студент-первокурсник Воронежского политехнического института), начались аресты. В итоге было арестовано почти 30 человек, то есть половина от общего количества членов КПМ. В числе арестованных оказался и Анатолий (в конце 1980-х А. В. Жигулин расскажет об этом в автобиографической повести «Черные камни»). 24 июня 1950 года решением «Особого совещания» Жигулин был приговорён по знаменитой 58-й статье тогдашнего УК РСФСР (Контрреволюционные преступления) к 10 годам лагерей строгого режима. Арестованных содержали в здании № 39, находящемся на улице Володарского.

В сентябре 1950 – августе 1951 годов Жигулин отбывал наказание в Тайшете (Иркутская область), работал

на лесоповале. После этого был отправлен на Колыму, где провёл три каторжных года. В заключении работал в Сибири на лесоповале, был рабочим на строительстве и ремонте железной дороги Тайшет-Братск, главное его страдание — Колымские урановые рудники. В Бутугычаге убили 380 тысяч человек. Здесь добывали уран для советской атомной бомбы. Здесь же велись строго засекреченные «медицинские эксперименты» на мозге заключенных, трупы которых потом выбрасывали в районе лагерного кладбища. В этом лагере Анатолию Жигулину удалось выжить. Он вернулся, чтобы успеть до смерти написать свою «Соловецкую чайку» — вечный реквием по всем погибшим энкам.

В 1955 году Анатолий Жигулин был освобождён по амнистии, в 1956-м полностью реабилитирован. «Председатель областной партийной комиссии Самодуров и заведующий отделом культуры обкома Бурнадский звонили директорам, ректорам вузов и советовали нас восстановить, — вспоминал Жигулин. Обнаружилось, что никаких вузовских документов бывших членов КПМ не сохранилось. Они были после нашего осуждения изъяты и уничтожены. А там ведь были наши «аттестаты зрелости». Нам помог директор нашей школы по фамилии Майборода, — в течение одного дня изготовили дубликаты. Весь город покровительствовал нам» [1, 509–510].

Анатолий Жигулин был восстановлен на 1 курс Воронежского лесотехнического института (в настоящее время государственная лесотехническая академия). Так заново началась его жизнь на «гражданке»: без ставшей привычной лагерной переключки, часовых на вышках, лая собак, ожидания писем и посылок от родителей.

В 1960 он закончил Воронежский лесотехнический институт. За год до этого в Воронежском книжном издательстве вышла первая книжка стихов Анатолия Жигулина «Огни моего города». В обращении к читателям автор писал: «Всё самое яркое в жизни связано для меня с родным городом: первое большое горе, когда в июле сорок второго года мальчишкой уходил я отсюда мимо горящих зданий, первые стихи, первая любовь». Затем вышел сборник «Костер-человек» (1961).

19 марта 1961 года «Молодой коммунар» публикует статью Анатолия Жигулина «Поэзия — это жизнь!», в которой была сделана попытка осмыслить свои первые шаги в литературе и сформулировать творческую и гражданскую позицию.

«Часто меня спрашивают, почему я пишу стихи, — начинает Жигулин. — Трудно коротко ответить на этот вопрос. Пожалуй, это началось в детстве. Я был ещё совсем маленьким, когда мне подарили книжку с яркими рисунками. Она называлась «Как от мёда у медведя зубы начали болеть». По ней я научился читать. Книжка была написана стихами, населена весёлыми зайцами, умными дятлами и запомнилась на всю жизнь» [2, 61–62].

4 ноября 1961 года Жигулин знакомится с Александром Твардовским, который с января 1962 года публикует

в «Новом мире» несколько подборок стихов поэта. А в 1963 году в свет выходит первый «московский» сборник стихов Жигулина — «Рельсы», который собрал множество положительных отзывов критики. В том же году Жигулин поступает на Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. С этого времени он живёт и работает в Москве.

В 1964 в Воронеже тиражом в 3 тысячи экземпляров вышла книжка стихов Жигулина «Память» (1964), вызвавшая восторженный отклик со стороны прессы. Борис Слуцкий в журнале «Юность» сообщал, что в Воронеже вышла книга замечательных стихов. Её написал Анатолий Жигулин. Затем в Москве публикуются его сборники «Избранная лирика» («Молодая гвардия», 1965) и «Полярные цветы» («Советский писатель», 1966).

С середины 1960-х годов в русле традиции «крестьянской» поэзии (С. А. Есенина и др.) появляются лирико-философские стихи Жигулина, вдохновленные средне-русской природой, ясные и сдержанные, проникнутые светлой печалью осознания быстротечности и хрупкости бытия. «Левитановская» словесная живопись («осока стылая в воде», «упрямо выживший побег», «поле седое») сочетается в поэзии Жигулина с есенинско-клюевской темой ностальгической влюбленности в патриархальную деревню — истинную родину русского человека, но в то же время не отрицает органичности и примет нового времени, «звонящих косилок» и «стучащих тракторов».

Он не ходил в молодых — его слава сразу стала взрослой, серьезной, не зависящей от перемен погоды. Его любил и регулярно печатал великий Твардовский, очень разборчивый в своих пристрастиях. О нем замечательно написал отец Александр Мень: «Какой чистый заповедник души! Как будто по ней сапогами не ходили ...».

Заметным событием в «лагерной» литературе первых лет перестройки стала автобиографическая повесть Анатолия Владимировича Жигулина «Черные камни» (1988), предложившая подробный и спокойно-искренний, без налета сентиментальности или истерического надрыва рассказ об истории «вины» юного Анатолия перед социалистическим государством, наказании за нее и долгом пути обретения истины, а также написанный в разные годы цикл стихов о пребывании на знаменитой «лагерной» реке Колыме «Сгоревшая тетрадь», включенный в сборник «Летающие дни» (1989) [2, 156–159].

Лирика Жигулина рождается из его собственного душевного и жизненного опыта. Две темы варьируются в его творчестве: природа средней России, Северо-Восточной Сибири и заключение в лагере. При этом он всегда избегает публицистичности. Даже в исполненных боли строках у него преобладает позитивный общий тон и постоянным остаётся стремление преодолевать выпавшие испытания судьбы. Он рассказывает с максимальной точностью о лично пережитом, последовательно развивая свои мысли. Жигулин пользуется в работе записными книжками, окончательные варианты его стихов, благодаря неоднократной переработке, приобретают законченность и цельность,

когда нельзя заменить ни одного слова. Его поэзия убеждает простотой и ясностью языка, близостью к природе и нравственно-гуманистической позицией немало пережившего человека.

В начале 1990-х Жигулин создал цикл из 12 стихотворений «Тревожное время России» (Литературная газета. 1992. 23 дек.), где нашли отражение основные темы жигулинского творчества (ответственность перед прадедами за целостность Отечества; память о «колымском конвое»; любовь, неподвластная времени; защита исторической правды). Стихи цикла объединяет пронизывающая боль и скорбь поэта, видящего укрепление власти дьявола и разгул зла, терзающих «горемычную страну». Жигулин рисовал картину разрушения родины. Поэт-гражданин чувствует «щемящее горе» народа, слышит его «стон в переходах метро». Он отвергает «соблазн оставить» Россию, ибо для него сильнее другое чувство: «Ах, страна дорогая, как ты сердцу близка...». Это блоковское понимание любви к родине впервые Жигулин сформулировал в начале 1980-х: «И эту старую повесть/Нельзя забыть, нельзя оставить...» («Из далекого прошлого»). В цикле возникает также блоковская тема смерти поэта, которая ранее появлялась в стихотворении «Смертный час». Но поэт преодолевает и предчувствие смерти, и душевную усталость, ибо он должен помочь стране пройти «гогофу», нужно служить России, пока «еще не расстреляно сердце» [3, 134–137].

В 1996-м А. В. Жигулин был удостоен Пушкинской премии, присуждаемой президентом России.

В июле 2000 года поэт закончил составление нового сборника — «Стихотворения», вышедшего уже после его смерти. Умер Анатолий Жигулин в Москве 6 августа 2000 года на 71-м году жизни. О Жигулине опубликовано более 500 различных работ (монографии, статьи, рецензии, диалоги, главы в книгах о поэзии и т. п.). Библиотека семейного чтения № 9 в Воронеже носит имя Анатолия Жигулина. 2010 год в Воронеже был объявлен годом Анатолия Владимировича Жигулина. Инициаторами стали управление культуры администрации Воронежа и литературная общественность. В этом году ему исполнилось бы 80 лет.

Несмотря на известные перипетии вокруг «Чёрных камней» и нанесённые ему властью глубокие и незаслуженные обиды — чего стоит одно только игнорирование общественной инициативы о присвоении Анатолию Жигулину звания «Почётный гражданин Воронежа», город детства и юности до конца дней оставался его физической и духовной колыбелью. Летом 2011 года в соответствии с волей вдовы поэта Ирины Викторовны Жигулиной в Воронеж была передана значительная часть семейной библиотеки и писательского архива А. В. Жигулина. Книги сразу же поступили на хранение в областную универсальную научную библиотеку им. И. С. Никитина. После завершения обработки часть этих материалов перейдет на хранение в областной

литературный музей, а другая часть — в государственном архив Воронежской области.

В сентябре 2014 года жители города Воронежа обратились к мэру с предложением установить памятники на литературном бульваре (ул. Карла Маркса) известным поэтам С. Я. Маршаку и А. В. Жигулину.

«Анатолий Жигулин был человеком со страниц Варлама Шаламова. Еще одним поэтом стало меньше, еще одним живым свидетелем войны против собственного народа, войны, унесшей миллионы жизней. Если бы я был скульптором, то именно с Жигулина я бы слепил неизвестного лагерника,» – сказал Евгений Евтушенко на Радио-Свобода.

Список литературы:

1. Горловский А. Поэзии горящая свеча/А. Горловский//Вопросы литературы. – 1983. – № 12.
2. Абрамов Анатолий. Один из молодых/Анатолий Абрамов//Литература и жизнь. – 1961, 1 февр.
3. Жигулина Ирина. «Золотое злое время, я любил тебя всегда»/Ирина Жигулина//«Литературная газета». – 2000, 31 дек.

*Kazimova Fergana Ramis,
Art. Language and Literature Institute of the Nakhchivan Section
of Azerbaijan National Academy of Science, The lead researcher,
Doctor of philosophy (Ph.D) on philology Assistant Professor
E-mail: fergana_k@yahoo.com*

Academician Mammad Jafar Jafarof and modern literary process

Abstract: The article dealt with notable academician Mammad Jafar's critical works which were devoted to the investigation of modern literary process. Scientific importance, originalities of his investigations have been investigated by concrete examples and facts. The same the influence of these investigations to our modern literature is spoken in the article.

Keywords: Academician, Mammad Jafar Jafarof, modern literary process.

*Казымова Фергана Рамиз Кызы,
Сотрудник Нахчыванского Отделения НАН
Азербайджана, доцент, кандидат филологических наук
E-mail: fergana_k@yahoo.com*

Академик Мамед Джафар Джафаров и современный литературный процесс

Аннотация: В статье исследуются критические литературные произведения Академика Мамед Джафара Джафарова, которые посвящены к исследованию литературного процесса. К исследованию привлечены научные значения исследуемых работ М. С. Джафарова и их самобытность на основе конкретных фактов и примеров. Одновременно здесь говорится и о влиянии этих исследований к нашей современной литературе.

При исследовании автор выявил многие интересные и научные результаты.

Ключевые слова: Академик, Мамед Джафар Джафаров, современный литературный процесс.

Видный научный деятель, один из основных столпов нашего литературоведения, академик Мамед Джафар Джафаров наряду с вопросами нашей классической литературы и теории литературы, также последовательно занимался актуальными проблемами современного литературного процесса и обогатил как историю, так и теорию нашей литературы признанными литературной общественностью научно-теоретическими и литературно-критическими идеями. Творческий путь таких видных представителей азербайджанской литературы, как Дж. Джаббарлы, С. Вургун,

С. Рустам, Р. Рза, С. Рахимов, М. Гусейн, М. Ариф стал более понятен и близок читателям с помощью критики, комментариев и оценки М. Джафара. Его творчество — один из ярких примеров, хорошо отражающих активное и интенсивное участие литературной критики в литературном процессе. Он своим авторитетом оказал влияние на направление и тенденции литературного развития, всесторонне наблюдая литературный процесс, вовремя видел его недостатки, пытался предотвратить их усугубление. Талант видеть новое в литературном процессе, оценивать

и защищать его — одна из основных особенностей, обусловивших его критическую деятельность. Неслучайно Мамед Джафар муаллим стал одним из ведущих авторов, объективно оценивавших идейно-художественные качества нового этапа в литературе 60–70-х годов.

Известно, что когда критика принципиальна и относится к писателям требовательно и заботливо, достижения литературы более значительны и важны, такая критика может более активно, действенно помочь литературному процессу. Статьи Мамеда Джафара муаллима — один из лучших примеров, где проявился искусный сплав требовательности и заботливости в творчестве критика. С этой точки зрения стоит отметить его «Слово об Ордубади» [8], «Воспоминания об одной неделе» (об А. Шаиге) [1], «Новая жизнь, новый человек, новое искусство» [13], «Романтика Д. Джаббарлы» [3], «Великий гражданин» (о С. Вургуне) [2], «Расул Рза» [9], «На путях истинного искусства» (об Османе Сарывелли) [7], «Деятельный литератор» (о Мирзе Ибрагимове) [6], «О Мир Джадале» [12] и десятки других подобных статей.

У Мамеда Джафара Джафарова был своеобразный метод исследования и стиль анализа. Это составляет основную линию всех его трудов. Он в первую очередь выдвигает на передний план национальную самобытность, философское сознание, генетически присущее нашему народу, мастерски разворачивает перед глазами божественную мудрость этого народа, пытается доказать, что наше искусство слова опирается на философскую и художественную основу. В своей статье «Письмо без адреса», написанной в 1944 году о народном поэте Самеде Вургуне, с творчеством которого он был очень близко знаком, подняв голос против тех, кто обвинял Самеда Вургуна в философствовании, он выступал против изоляции философии и литературы друг от друга: «... Правда, и я разделяю твою мысль, что философия — одно, а литература — другое. Но знаешь ли ты, что человек, не знакомый хорошо с философией и равнодушный к философии жизни, как говорил Поль Лафарг, "не только деятелем искусства, но и башмачником не может быть"» [11, 292]. И следующие суждения критика, основывающего свои мысли на конкретных деталях, особенно ценны: «Художественное произведение тогда имеет философский смысл, когда в нем отражена жизнь, как она есть, со всеми ее противоречиями. Я также знаю, что когда некоторые наши молодые поэты часто и не к месту повторяют философские, мудрые изречения, это происходит от того, что они еще хорошо не овладели законами философии и искусства. Но почему ты упускаешь из виду вторую важную сторону этой проблемы? Или занятия философией для сыновей Азербайджана такой новый и внезапный феномен, что мы должны этому удивляться? Ты сам лучше меня знаешь, что наша философская мысль такая же древняя, как и наша история» [11, 293].

Одна эта статья является убедительным доказательством того, сколько пользы принесли нашему литературоведению теоретические взгляды ученого на отношение

философии к литературе. Одновременно на примере Самеда Вургуна с научной и исторической точки зрения доказывается, что искусство слова Азербайджана опирается на философский фундамент.

Поучительны мысли Мамеда Джафара о богатом литературном наследии и творчестве видного писателя, ученого-литературоведа и активного общественного деятеля М. Ибрагимова, имеющего беспримерные заслуги в становлении современной азербайджанской литературы.

В статье «Деятельный литератор» (1971) он анализирует художественные особенности М. Ибрагимова, прослеживая его 40-летний творческий путь: «Достоинство Мирзы Ибрагимова как писателя не только в его таланте, в том, чему он посвятил этот талант, но и в жизненности, актуальности и идеологическом содержании его творчества» [6].

Как видно, образность и поэтичность являются свойством не только публицистики, но и научного творчества М. Д. Джафарова. Статья-рецензия, написанная им на роман писателя «Грядущий день», также отличается своеобразием. В целом, Мамед Джафар привлекали произведения, связанные с нашим национальным самосознанием, историей. В произведениях писателей и поэтов, о которых он писал статьи, он искал современность, реалистичность, историчность, сущность современности он видел в идейно-мировоззренческом направлении, в прививании художественных и эстетических качеств, в воспитательном значении.

Критик привлекает внимание к такой закономерности, что, начиная с героев знаменитого романа в стихах Низами и до Джафара Джаббарлы и С. Вургуна, в нашей литературе положительные герои всегда были блестящим примером, обладали высокой показательной силой, выражали мощь и достоинства народа, великие идеи, рождающиеся в народе, самые яркие страницы его истории. Ни на одном из этапов развития нашей поэзии не было ни одного произведения искусства без положительного героя. Одной из благородных и необходимых задач, стоящих перед нашей литературой является создание яркого, эпохального образа современного героя в философском диапазоне. Таковы были основные положения, выдвигаемые критиком от имени нового этапа развития общества и тысячелетнего опыта национального художественного прогресса.

Наряду с продвижением проблемы положительного героя как важного вопроса, критик также заявлял о своем несогласии с теми, кто рассуждает о нем, как о бездушном, сухом манекене, состоящем только из положительных качеств, лишенном личных особенностей и реального содержания, так и с теми, кто представляет героя как пассивную натуру, просто-напросто искусственно слепленную из мешанины положительных и отрицательных качеств. Такой предрасположенности он противопоставляет великий эстетический критерий — критерий правды и жизни, основанный на классической критической мысли и нашей значительной традиции в области создания положительного

героя. «Наша главная задача, прежде всего, состоит в том, чтобы сравнивать художественное произведение с той жизнью и действительностью, которую оно намерено отражать. Если события, люди и взгляды, представленные в произведении, соответствуют действительности, значит, в данном произведении есть смысл, напротив, если же события, люди или взгляды не соответствуют реальной жизни, значит, смысла в нем нет, это фальшивка, подделка» [4].

Какой бы спор не возник в литературе, какой бы предмет не стал его причиной, мудрые литературно-критические воззрения М. Д. Джафарова помогали разрешить эти споры. Например, в дискуссиях, возникших по поводу драмы Самеда Вургуня «Человек», романа «Обнаженный меч» писателя Джалала Баргушада, положительное решение было найдено именно в результате мудрости М. Д. Джафарова, его объективной научной точки зрения. Касательно романа Дж. Баргушада «Обнаженный меч» критик Эльмеддин Алибейзаде выступает с критической статьей под названием «Против искажений истории в литературных произведениях». Писатель, не принявший такой критики, переходит к несправедливым нападкам. Но вмешательство муаллима Мамеда Джафара приводит к объективному разрешению данного конфликта, его объективные, обоснованные, беспристрастные научные взгляды находят отражение в статье «Критик должен быть справедлив, а писатель сдержан» (1982) [10]. Не принимая критически высказывания Мамеда Арифа по поводу драмы «Человек» С. Вургуня, видный ученый в статье, названной «Письмо без адреса» оправдывает взгляды поэта, но все же некоторых моментах признает, что солидарен с критиком. «Главной задачей каждого критика должна быть объективность и высказывание правды, невзирая на лица», всегда соблюдайте этот принцип — таков был взгляд муаллима Мамеда Джафара на литературу.

Есть много примеров того, как объективные, убедительные и мудрые замечания критика Мамеда Джафара Джафарова, к тому же сказанные вовремя, имели значение для развития и становления отдельных конкретных писателей в качестве деятелей искусства.

Большое место во всех его статьях и лекциях, обращенных как к старшему поколению, так и к литературной молодежи, деятельность которой исследователь регулярно отслеживал, занимает конкретный анализ и обоснованная критика художественных недостатков, призывы к реализму, мастерству. Эффективную помощь оказали его комментарии к первому варианту романа «Генерал» Гусейна Аббасзаде, критические замечания, высказанные Мамедом Джафаром о многотомном романе «Война» писателя Абульгасана, в целом, они не могли не оказать влияния на военную тему в нашей литературе. В этих статьях основным наставлением критика писателям было то, что тема войны, окопов, испытаний, прежде всего, является самой благодатной темой для изображения положительных моральных качеств народа, самой благодатной темой для изображения положительных героев, выбирающих

подвиг, добровольное самопожертвование, думающих, испытывающих противоречивые чувства и мысли.

Статья ученого под названием «Новое поколение в нашей литературе» [5, 165–182] — это обращенные к некоторым молодым писателям и поэтам, принадлежащим к третьему поколению в литературе, и одновременно в их лице ко всем молодым писателям, научно-теоретические советы и наставления. Считая важной задачей оказание помощи молодежи и внимательное рассмотрение их творчества, он писал: «И какова же может быть помощь. Где для художественного творчества тот закон, который можно показать и сказать: смотри, соблюдающие этот закон могут стать великими мастерами? В общем, для мира искусства такого закона. рецепта нет. Одна только вещь известна — чтобы стать великим мастером нужны великая идеология, сердце, бьющееся для народа, богатый жизненный опыт и особый талант. Это же все не законы, а условия. Значит, мы можем помочь молодым, показывая им успехи и недостатки в их творчестве» [5, 165].

В статье анализируется художественное творчество, показываются положительные черты и в то же время недостатки сначала молодых прозаиков: А. Айлисли, А. Хаджизаде, Я. Самедоглы, С. Мамедзаде, А. Эфендиева, Ч. Гусейнова и других, затем молодых поэтов: Ф. Садига, Х. Зии, И. Джафарпура, С. Тахира, Г. Джахани, Р. Зека, К. Агаевой и десятков других. А это все, естественно, хорошая помощь, направление для дальнейшей деятельности. Время показало, что та молодежь, чье творчество отразил в своей статье муаллим Мамед Джафар, за счет направления, данного мудрым и заботливым критиком, в первую очередь вошла в ряды талантливых передовиков нашей литературы, как он и говорил, «с сердцами, бьющимися для народа». Он был одним из тех, кто грудью вставал против подражательства в литературе, от каждого пишущего требовал, прежде всего, показать индивидуальный стиль, своеобразие: «Я не призываю молодых подражать Физули, хочу только сказать, чтобы в наших стихотворениях, написанных на любовную тему, обязательно отражались самый высокий эстетический вкус, самые насыщенные, человеческие чувства» [5, 180].

Можно долго говорить и писать, обращаясь к безграничному творчеству видного ученого, — об отношении М. Д. Джафарова к литературному процессу своего времени, о его заботе и помощи в развитии современной литературы. Конечно же, все это невозможно уместить в одной статье. Именно поэтому мы говорили только о небольшой части его творчества. Таким образом, полученные нами материалы, проведенное исследование еще раз показали, что академику Мамеду Джафару Джафарову, обладающему широким диапазоном творчества, одной из гениальных личностей, рожденных древней землей Нахчывана, занимающему почетное место в истории науки и культуры Азербайджана и навечно оставшемуся в памяти светлому человеку, принадлежат ценные литературно-научные исследования и воззрения.

Список литературы:

1. Бир хафтанын хатираты//Азербайджан, – 1961. – № 2. – С. 187–189.
2. Боюк ветендаш//Едебийят ве инджесенет. – 1957, 26 мая.
3. Дж. ДЖаббарлынын романтикасы//Едебийят ве инджесенет. – 1969, 26 март.
4. Едебийятда мюсбет гахраман//Коммунист. – 1954, 1 декабрь.
5. Едебийтымызын йени несли//М. Джафар. Сечилмиш есерлери. Т. 3. – Б.: Чинар- чап, 2003. – 360 с.
6. Емелпервер едиб//Азербайджан, 1971. – № 10. – С. 21–25.
7. Асил санат йолларында//Едебийят ве инджесенет. – 1966, 30 апрелья.
8. Ордубади М. С. хаккында соз//М. Джафар. Сечилмиш есерлери. Т. 3. – Б.: Чинар- чап, 2003. – С. 5–13.
9. Расул Рза//Азербайджан, 1960. – № 5. – С. 38–48.
10. Тангиди адалетли, язычы тевазокар олмалы//Улдуз. – 1982. – № 11. – с. 48–51.
11. Унвансыз мактуб//Ватан угрунда. – 1945. – № 7. – С. 85.
12. Язычы- тербийечи//Баку. – 1968, 17 мая.
13. Йени хайат, йени инсан, йени санат//Едебийят газети. – 1949, 7 январья.

Mekhasiuk Svitlana Eduardivna,

H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University

E-mail: svetavirgo@mail.ru

Verbal and stylistic means and methods of emphasizing the expression in the novel of L. Andreyev "Satan's Diary"

Abstract: The article analyzes stylistic means and methods of emphasizing the expression in the novel of L. Andreyev "Satan's Diary" where we can see very original narrative form is presented. Expression helps to describe characters in a prominent way and makes the narrative style more individual.

Keywords: novel "Satan's Diary", L. Andreyev, expression, antithesis, paradox, comparative construction, metaphor.

Leonid Andreyev "was one of the founders of the literature of the absurd of the twentieth century. The irony, the paradox, the grotesque, "black humor", "tales", "jokes" played in his prose and drama a big structural and conceptual role" [6, 267]. Therefore, modern researchers consider him to be a modernist, a postmodernist, and a surrealist as well. The narrator's language play in the novel "Satan's Diary" is based on the surrealist principle of insulting and shocking the reader/viewer/listener.

Surreal and expressionistic features of works of L. Andreyev are studied by L. Iesuitova, M. Kozmenko, N. Filonenko, N. Bondareva and others. Close attention to the phenomenon of the play in the art world of L. Andreyev is paid by the researchers of his work of the last decades such as I. Moskovkina, M. Eremenko, M. Karyakin. These scientists have convincingly substantiated the conclusion that the game in the works of a writer "characterizes primarily the type of consciousness and the way of artistic thinking formed on its basis and, as a consequence, the dominant style of Andreyev's art system" [5, 16]. Many researchers have also noted the language play of the writer in the novel "Satan's Diary" (A. Kiselev, E. Miheicheva, E. Petrova).

Along with a deep analysis of the original works of L. Andreyev (particularly the novel "Satan's Diary") where literary, ideological and thematic, partly stylistic aspects are

investigated, it is possible to emphasize an unexplored field connected with the peculiarities of its communicative syntax and expressive and stylistic organization.

The article's object is to analyze stylistic-speech methods and techniques of increase of expression in the novel of L. Andreyev, "Satan's Diary", of using antithesis, paradox, comparative constructions and metaphors there.

V. Odintsov in his work "The Style of the Text" wrote that "there are two main compositional and stylistic types of narration, the presentation of the content in the structure of the texts: science-business, information and logical one, on the one hand, and fiction, expressive one — on the other" [7, 78]. This second type, marked out by the researcher involves the active use of a variety of stylistic-speech phrases and constructions. They are widely represented in the novel "Satan's Diary", increasing its expressive level.

V. Halizev in his "Theory of Literature" combines the expression with the author's emotionality ("emotional value orientations", "ideological orientations" of the author and characters as well) [9, 86]. In the novel of L. Andreyev "Satan's Diary", the narrator and the hero coincide in one person, therefore each of the methods of increasing expression in the novel characterizes the ideology of the teller.

For example, an attitude of the hero-narrator to religious images is characterized by the absurd contrast, antithesis

of incompatibility: the incarnation of Satan, the “demonization” of Magnus, the transformation of Toppi into righteous man, and “star of the Seas” Maria — into a heartless doll. This is followed by the relevant vocabulary, mostly life and offensive one: “of Madonna of flesh and bone”, “my own mass of bones and nerves”, “a shaven monkey”, “the sensation of treading upon corpses”. Even the hero-narrator apologizes for intentional rudeness: “My God, I forgot that I may have some fair readers, too! I most humbly beg your pardon, worthy folk, for this uncalled for discussion of odors <...>”.

Among verbal constructions, creating sharp semantic contrasts, we distinguish primarily the antithesis — a figure of speech consisting in antonym of combined words» [3, 49], in combination with a paradox, which is defined by V. Odintsov as an «illogicality», which «creates an expressive method» [7, 254].

The novel presents an original interpretation of a classic conflict «Christ — Antichrist», which shows that the essential characteristics of these images do not only oppose each other, but change their places, and even transform into each other, so that it is often impossible to determine precisely where one ends and the other begins. This conflict is based on the main antithesis “love — hate for man”, what is reflected in the text by the numerous iterations of the proper lexemes: “You love people too much...”, “I heard that you love people too much...”, “But if you love people...” and the opposite: “Oh, if you could hate people”, “I hate them”.

It is very difficult for Almighty spirit of evil to fight with/to coexist with human in itself (paradox). That’s how he expresses his feelings: “I did not feel well. In the daytime I still manage to subdue Wondergood but at night he lays his hands upon me. He fusses about within me all night long...”. Further, his speech has more and more metaphors: “When I awake in the morning I feel that Wondergood has infused ten more degrees of human into me — Think of it: He may soon eject me all together and leave me standing outside ...”.

That is irrational creature-illusion, which came from the “kingdom of Freedom” starts to feel human emotions, in particular fear: “I was terrified at the idea that I might be killed in this house: That some one might cut my throat and turning me upside down, hanging by the legs, would let the blood run out upon the floor”. But still in the end the hero admits the full transformation: “Now I am human, like you. The limited sensation of my being I regard as my knowledge and with respect I now touch my own nose...”.

The following antithesis-paradox that the hero-narrator calls «combination», «Satan and Maria, Maria and Satan!». Expression of the feelings when meeting with a girl is also two-fold: on the Satan’s hand, transformed into a man, we see complete irrational, inexplicable by human words feelings: “How can I express the extraordinary when it is inexpressible? It was something more than beautiful. It was terrible in its beauty. I do not want to seek comparisons. I shall leave that to you. Take all that you have ever seen or ever known of the beautiful on earth: the lily, the stars, the sun, but add, add still more”.

The whole text of Andreyev’s novel is full of internal dialogues. In fact, there are two modus subjects in its space: the narrator and the reader, whom the hero-narrator constantly refers to. In the fragment below the stylistic-speech means of several registers interact: reactive mixed with informative (*How can I express the extraordinary when it is inexpressible? It was something more than beautiful. It was terrible in its beauty*), volutive (*I do not want to seek comparisons. I shall leave that to you. Take all that you have ever seen or ever known of the beautiful on earth: the lily, the stars, the sun, but add, add still more*), generative (*extraordinary when it is inexpressible*). It should be noted that the speech of the hero-narrator is characterized by the use of different aphorisms, sententions, conclusions, representing generative register. Compare below: “The wisdom of words is necessary only for those poor in spirit. The right are silent”. Compare also: «sight is as much of an impediment to the mind as sound: not without reason are all wise folk on the earth blind and all good musicians deaf» etc.

Through the volutive communicative register the reader is involved into assessment of Maria’s beauty. Satan, incarnated in the physical form, but with knowledge of the human race, is skeptical about Wondergood’s (like any other human being’s) capability to evaluate the unearthly beauty of the woman: “I have learned by this time your entire archive, Wondergood, and I do not believe that it comes from your modest gallery!”. Wondergood is overcome with mundane human feelings more and more: «at that moment I thought more of our descendants and sought a name for our first-born». But the «Maria’s pure gaze» upsets the dreams of Satan-Wondergood.

There is a wide field of contrasts, expressed by the different lexical semantic means in the novel: «Madonna of flesh and bone», «mediocre actor, who weeps behind the scenes and appears on the stage with his eyes perfectly dry», «great evil is great good ... And is that not great wisdom?», «what you find so saintly in hatred!», «My love for human beings?», «No... your contempt for human beings!», «you are a mixture of rabbit and... Satan», «a crook, a thief, a liar, a murderer... a coward», «dear putridity», «... this clear gaze, this divine walk, this pure countenance of Madonna should belong to a prostitute», «Look at the plucked rooster. That is Satan!».

The contrast is created by the lexical antonyms based on the direct meaning of the word: *evil-kind, stupidity-wisdom*; by the semantically asymmetric antonyms: *love-contempt, a thief, a murderer – a coward; flesh-bones*; by the oxymoron combination: *dear putridity*; by the contextual antonyms: *weeps – with eyes perfectly dry; mixture of rabbit and Satan; clear gaze, divine walk, pure countenance of Madonna – a prostitute; plucked rooster – Satan*.

Among the techniques of creating a paradoxical narrative style of the narrator of Andreyev’s novel an important role is played by the similes (in varied structural types): the text of the “Diary” is full of them. It logically correlates with

the main task of the author's aim — to impress the mind of the reader, to make him all the time to be prepared for any unexpected turn in the story. Such, for example, a kind of original simile, artistic expression of which is based on defining an unexpected (known only to the hero-narrator) similarity of events, separated by nearly two thousand years: "The joy of the Roman papers on finding that I did not perish in the wreck and lost neither my legs nor my billions, *was equal to the joy of the papers of Jerusalem on the day of the resurrection of Christ...*". This simile, in addition to ironic expression, contains also semantic signal about the position of the hero over space and time. This signal is supported by the other historical analogies of the distant past. Cf.: «One fellow, strong, surly and bearded, who *reminded me of Hannibal...*»; «When I look at these ladies and gentlemen and *reflect that they are just as they were at the court of Aschurbanipal...*» and so on.

In a metaphorical context of utterances of incarnated Satan for characterizing people the author uses everyday (in some way even reduced) similes amplifying the dismissive attitude of the hero-narrator to the human race. Cf.: «It is difficult to imagine the filth on which I fed my hungry interviewers. Like an experienced swine-herd, I gaze with horror on the mess they feed upon. They eat and yet they live». Cf. also: «... something on the order of a minister of state, an ambassador or some other palace chef came and poured sugar and cinnamon all over me as if I were a pudding». In the given examples metaphors-riddles, brightly colored with irony, are used (*the filth on which I fed my hungry interviewers* = tales of Satan; *poured sugar and cinnamon all over me* — praised, glorified).

Mostly Andreyev's similes and metaphors are intended to be condemnatory. Cf. the above examples. Cf. also: «Magnus turned on me in wild wrath, gnashing his teeth, like a dog over a contested bone»; «... and well nigh spat these words at me»; «began to chatter nonsense, like a parrot scared to death by a dog»; «an old shaven monkey» (Cardinal X.); «this bird» (the former king); «this gray cat» (Magnus); «his bloodless face again filled with grayish ennui» etc. Emotionally-reducing similes and metaphors perform in the novel of L. Andreyev function of satirical or ironic judgment of the characters.

But similes and metaphors in "Satan's Diary" and perform other aesthetic and stylistic functions. They are often used as an important method for creating vivid, memorable, emotionally-expressive poetic image. Compare, for example: "... each new word intermingled with a fresh blaze of a burning log; no sooner would the glowing red mass fall apart than the words, too, would break up into particles, like hot coals". Leading role in the formation of a poetic image is performed here by a metaphor, the simile serves as a method for concreting the metaphor and enhancing its expressive power.

The metaphor is used in the novel for describing state of mind of the hero and for emotions' movement. According

to V. Apresyan and Y. Apresyan, "the most adequate description of the emotions is performed through the metaphor" [2, 27]. L. Andreyev often uses traditional metaphors, renewing their imagery in different ways. Cf.: "... sorrow and love gripped my heart, as if I were dying". Updating of metaphor here is achieved by making two opposite concepts (love — sorrow) as one, by repeating them in reverse order, by involving of the simile, deepening the experience of the hero.

The whole series of interacting functionally combined stylistic means and techniques, creating a particularly strong expressiveness are used in many striking places of Andreyev's novel. Such complexes of expressive means and techniques in stylistic are called convergences [4, 138]. Here is the way that shows us the reaction of Wondergood-Satan on the message that Maria loves him: "I swear by eternal salvation that never before had I been permeated by so many deadly currents, never did I drink such bitter wine, never was my soul seized with such uncontrollable laughter! ... Hatred and contempt, love and anguish, wrath and laughter, — these filled to the brim the cup presented to Me ... no, still worse, still more bitter, still more deadly! What do I care about the deceived Magnus or the stupidity of his eyes and brain? But how could the pure eyes of Maria have been deceived?"

Numerous metaphors, expressing the emotions of the hero in the oxymoron way, replays, emotionally tensing the intonation, amplifications and parallelisms, graded placement of the elements of the nominal part of the predicate, exclamations, rhetorical question — all that contributes to shocking the hero-narrator, enlarging the effect of emotional impact. Thus, in the novel "Satan's Diary" L. Andreyev uses various stylistic techniques to create artistic text — from dynamic position of the hero-narrator, using and mixing of various communicative registers even on small pieces of work (with wide using of generative register). Two modus subjects are presented in the novel: the narrator and the reader, whom the hero-narrator constantly refers to. The researcher of Andreyev works M. Karyakina notes: "... the analysis of diary records and letters of L. Andreyev allows to see typically Andreyev sense of the duality of identity and reality in which "I is not I". In the writer's perception life is a "constant comedy, posing to himself" [5, 7].

As one of the methods of the author's/writer's game, we mark out the antithesis – paradox, which in different forms helps to understand the author's desire to involve the addressee-the reader into imaginary world, to shock (surprise) him, to make him to activate his thinking to understand the proposed model of life.

An important aesthetic constructive role in the novel of L. Andreyev, "Satan's Diary" is played by similes and metaphors of various types, and whole complexes of functionally integrated stylistic methods — the so-called convergence, as well. They do not only promote more relief describing of the characters of the novel, but also increase the expressive effect of the art world on the reader.

References:

1. Андреев Л. Н. Анатэма. Избр. произведения/Л. Н. Андреев. – К.: Дніпро, 1989. – 575 с.
2. Апресян В., Апресян Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций//Вопросы языкознания. – 1993. – № 1.
3. Ахманова С. А. Словарь лингвистических терминов/Ахманова С. А. – М., 1966. – 606 с.
4. Гулак А. Т. О стилистике русской художественной прозы. – Киев: 2007.
5. Карякина М. В. Феномен игры в творчестве Леонида Андреева: автореф. дис... канд. филол. наук/Карякина М. В. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
6. Московкина И. И. Между «pro» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева: монография/Московкина И. И. – Х.: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2005. – 288 с.
7. Одинцов В. В. Стилистика текста/Одинцов В. В. – М.: Наука, 1980. – 261 с.
8. Парадокс/Википедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
9. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник/В. Е. Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2002. – 437 с.

*Okoneshnikova Alina Vasilievna,
Pedagogical institute, North Eastern Federal University
E-mail: okonesh44@mail.ru*

Tales of A. S. Pushkin

Abstract: The author tells about the literary tales of Alexander Pushkin. We consider all of his published stories. They cause reflections, more controversial, ambiguous evaluation. Tales of the great Russian poet waiting to be explored. We are talking about vzaimosyazi culture and literature. This connection, the author shows by examples.

Keywords: The phenomenon of culture, types of culture, national culture, literature.

*Оконешикова Алина Васильевна,
доцент, Педагогический институт СВФУ
E-mail: okonesh44@mail.ru*

Сказки А. С. Пушкина

Аннотация: Автор рассказывает о литературных сказках А. С. Пушкина. Рассматриваются все его изданные сказки. Они вызывают размышления, многое вызывает споры, неоднозначные оценки. Сказки гениального русского поэта ждут своих исследователей. Речь идет о взаимосвязи культуры и литературы. Эту связь автор показывает на примерах.

Ключевые слова: Культура феномен, типология культуры, национальная культура, литература.

Сказки занимают большое место в жизни каждого человека, поэтому многие литераторы и ученые посвятили труды их изучению. Они дали классификацию сказок, определили их значение, некоторые описали методику работы с ними.

Сказки стали изучать в России с 17 в. и писатели России 18–19 вв.

Сказки делятся на волшебные, бытовые и о животных. Эта классификация до сих пор никем не оспаривается [4, 8].

Все, как и дети, с большим удовольствием слушают и рассказывают волшебные сказки, позволяющие оторваться от действительности, пофантазировать, помечтать.

Сказки также делятся на народные и литературные. В народных сказках неизвестен автор, литературные сказки же создавали поэты и писатели. Из всех из них преуспел А. С. Пушкин.

Мы все прекрасно знаем сказки, которые, как известно, писались Александром Сергеевичем для взрослых, но стали достоянием детской литературы. Дети знакомятся с ними с дошкольного возраста.

Творчество великого русского поэта А. С. Пушкина неисчерпаемо. Многие исследуют его, но еще не сказано последнее слово, и вряд ли оно будет сказано, настолько масштабна его личность, настолько велико наследие поэта. Исследованию творчества А. С. Пушкина посвящали статьи и монографии известные ученые и поэты, начиная с П. В. Анненкова, В. Белинского, М. Горького, Анны Ахматовой, Валентина Непомнящего, Георгия Макогоненко и др.

В последние годы жизни (в тридцатые годы) поэт написал огромное количество произведений, простое перечисление которых занимает время:

«Сказка о попе и о работнике его Балде» (1830), «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (1831), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833), «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833), «Сказка о золотом петушке» (1834).

«Сказка о попе и работнике его Балде» написана ярким, сочным, народным языком: «Жил-был поп, Толокон-

ный лоб. Пошел поп по базару Посмотреть кой-какого товару. Навстречу ему Балда Идет, сам не зная куда... » [5, 9].

В. Непомнящий отмечает, что «черты персонажей четко разграничены: «хозяин» жаден и туп, «баба» хитра и осмотрительна» [3, 196].

Попу нужен работник задешево. Балда готов ему служить за три щелка в год. Поп призадумался, да понадеялся на русский авось. Поп и Балда заключили договор. Сюжет завязался.

Балда работает усердно, ест за четверых, работает за семерых, попадая им не нахвалится, а попенок зовет его тятей. Образ попа получился очень жизненным: прижимистый, глуповатый, сам из мужиков. Поп не хочет Балде платить, поэтому из хитрости посылает его к чертям. Оброк-то Балда с чертей взыскал. И требует с попа оплаты. Он не ищет никакой выгоды, кроме морального удовлетворения, выполнения уговора.

«Хозяин не хочет платить, но Балда его настиг. Бедный поп Подставил лоб: с первого щелка Прыгнул поп до потолка; Со второго щелка Лишился поп языка; А с третьего щелка Вышибло ум у старика». А Балда приговаривал с укоризной:

«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной» [5, 23].

Старика, конечно, жаль. Но он заплатил по договору.

В. Непомнящий в нескольких случаях подчеркивает человечность поэта, когда он описывает торжество справедливости в сказках, написанных по сюжетам услышанных сказок. В исходных сказках «справедливость» намного страшнее.

Самой светлой из сказок, написанных А. С. Пушкиных, была «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди». В ней поэт воплотил свою мечту о семье: человек должен иметь семью, и она может стать счастливой, полной. А. С. Пушкин, как и народ, был за семейный уклад. Это он почерпнул из народных сказок.

Поэт всегда верил в семейные ценности, хотел семью, детей, хотел с Натальей Николаевной создать семейный очаг, которого у него раньше не было. На наш личный взгляд, как мы можем судить из воспоминаний о нем, его в семье не любили, не верили в его гениальность, выдающиеся способности. Мы читали, что стихи, которые он посылал брату, несмотря на его просьбы, Лев всем раздавал, поэтому Александр, существовавший на литературные заработки, получал за них намного меньше, чем мог бы. Ни отец, ни мать не любили Александра, требовали от него только денег. Любила его бабушка Елизавета Алексеевна, к которой он питал нежные чувства и, конечно же, его любила няня, которую называл мамушкой. Уединение его в Михайловском разделили не родные по крови люди, а няня Арина Родионовна. И читать об этом грустно и горестно.

И неудивительно, что обделенный любовью родных, он так мечтал о семейном тепле и уюте, поэтому так стремился к этому и его сказочный герой князь Гвидон, потом воссоединившийся со своим отцом, царем Салтаном.

Няня Арина Родионовна научила Пушкина языку сказок, и поэт с детства лучше владевший французским языком, чем своим родным русским, познавал красоту, глубину и широту русского языка, зазвучавшего в созданных им литературных сказках во всей своей красе. И все малыши России учатся добру, справедливости из его сказок, учат его стихи, и они познают язык с помощью строк Пушкина: «Ветер по морю гуляет И кораблик подгоняет; Он бежит себе в волнах на раздутых парусах... » [5, 40]. Многие ссылки на стихи Пушкина делаются по книге, опубликованной к 200-летию поэта.

Об этом достаточно подробно пишет В. Непомнящий в послесловии к книге «А. С. Пушкин. Сказки/Сост. В. С. Непомнящий» [5].

Сказкам поэта В. Непомнящий посвятил раздел в книге «Поэзия и судьба», которую читаешь не отрываясь, как интересный увлекательный роман [3]. В ней дается должная оценка сказкам Пушкина в связи со всем его творчеством. Анализ сказок проводится наряду созвучными по тематике и идейной направленности произведениями. В. Непомнящий сделал попытку рассмотреть сказки поэта как непосредственно опирающиеся на фольклор — неотъемлемую и важнейшую часть его художественного мира.

Стихия национального, стихия устного творчества стала для Пушкина своей. В. Непомнящий восхищается этим. Он приводит полные жизни строки из сказок поэта: «Ветер весело шумит, Судно весело бежит... », «Жил старик со своею старухой У самого синего моря... » [3, 189].

Постепенно сказки Пушкина, как отмечает исследователь, предстают в качестве своего рода азбуки национального характера, в которой уже содержатся («как весь язык содержится в лексиконе», по словам Пушкина) «грозные вопросы морали», коренные проблемы бытия, где человек призван быть хорошим хозяином.

«Сказка о рыбаке и рыбке» была написана в Болдино. Она появилась почти одновременно с «Медным всадником», «Анджело», «Историей Пугачева». Она не вызывает разноречивых оценок, как, например, «Сказка о золотом петушке». Сюжет незамысловат, очень легко запоминается даже маленькими детьми. «Эта сказка — самая эпическая из всех, самая монументальная и по общему своему очень близкая к фольклору» [3, 207].

Дети прекрасно разбираются в системе образов этой сказки: старик добрый, но слабовольный, слишком слушается свою старуху; уважительно относится к золотой рыбке, ему неудобно за старуху, которая все просит и просит рыбку, донимает своими просьбами. Старуха жадная, злая, гоняет своего старика, она его ни во что не ставит, только использует в своих корыстных целях. Рыбка терпит ее капризы до поры до времени, потом в конце восстанавливает справедливость: сказка заканчивается так же, как начиналась: старуха у ветхой землянки с разбитым корытом. Как видим, событие — краткий обмен репликами — снова событие — снова несколько слов — опять событие — финал.

Композиция «Сказки о рыбаке и рыбке» — замкнутый круг: *«Вот пошел он к синему морю ... Смилуйся, государыня рыбка! ... Воротился старик ко старухе ... Воротись, дурачина, ты к рыбке ... Пошел старик к синему морю ... Смилуйся, государыня рыбка! ... Воротился старик к старухе ... воротись, поклонись рыбке ... Старичок отправился к морю... Старичок к старухе воротился...»* [3, 208]. Это монотонное хождение и есть «физическое движение». Старик покорен своей старухе, но осмеливается перечить столбовой дворянке: *«Что ты, баба, белены объелась?»*. Он боится только своей жены. Пушкин поднимает вопрос социального неравенства и социального угнетения равного равным. Угнетателей мы порожаем из своей «семьи». Тут виновны обе стороны, — заключает критик [3, 209].

По мере развития действия нарастает активность моря. Вначале оно немного разыгралось; помутилось синее море; не спокойно синее море; почернело синее море. Чем выше поднимается старуха, тем грознее море и тем неотвратимее восстановление справедливости. В конце старуха остается у разбитого корыта. Это крах для старухи. В мире же все остается по-прежнему. Сказка повествует о преходящем и вечном, превращаясь в притчу.

Чувство своего дома, чувство хозяина — вот, может быть, главное в *художественном настроении* автора сказок. Только при таком самоощущении возможно было сотворить эту удивительную симфонию русской души: по-медвежьки неуклюжий, но насыщенный внутренним ритмом скомороший речитатив «Сказки о попе ...», скерцозное, почти плясовое рондо «Салтана», заунывный и протяжный напев «Сказки о рыбаке и рыбке», акварельный лиризм адажио «Сказки о мертвой царевне ...», сверкающий сарказмом грозный финал «Золотого петушка» ... Это целый мир. Здесь своя земля, на которой живут цари и мужики, сварливые бабы и удалые богатыри, повелители и холоуи, да еще целый животный мир — зайцы, волки, белки, собаки, серые утки; да еще неведомые иноземные люди — «сорочины», татары, пятигорские черкесы (!); да еще какое-то загадочное, но реальное, но реальное «за морем»: *«Ладно ль за морем иль худо?»* — *«За морем житье не худо...»*. Здесь и морская стихия своя, тоже густо заселенная — богатырями, чертями; и она изменчива от сказки к сказке, как от погоды к погоде, эта бескрайняя и таинственная держава маленькой Золотой Рыбки. Здесь свои небеса, в которых живут Солнце и Месяц: Солнце вежливое и ласковое, Месяц — доброжелательный и учтивый, пожалуй, педантичный и холодноватый: *«Не видал я девы красной. На стороже я стою Только в очередь мою. Без меня царевна, видно, Пробежала...»*.

Здесь, наконец, своя вселенная: *«В синем море звезды блещут, В синем море волны хлещут, Туча по небу идет, Бочка по морю плывет...»* — наивное, грандиозное мироздание, простое, словно сразу после сотворения; словно недавно, только что, — как говорит Книга Бытия, — земля «была безвидна, и пуста, и тьма над бездною, Дух Божий носился над водою ...» [3, 191].

Мы нашли в Интернете любопытные материалы А.М. Побоквой. Она проделала сравнительную характеристику сказок В. Жуковского «Спящая «царевна» и А. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

Мы решили воспользоваться этими материалами и ознакомить вас с ними.

Название сказки Жуковского «Спящая царевна» повторяет первоисточник, у Пушкина свое название — «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

Жуковский использовал сюжеты немецкой сказки «Царевна-шиповник» братьев Гримм и французской «Спящая в лесу красавица», обработанной Ш. Перро.

Пушкин написал свое произведение на основе народных сказок, которые собирал, находясь в ссылке в Михайловском в 1824–1826 годах. Там он записал сказку «Самоглядное зеркало», похожую по сюжету на «Сказку о мертвой царевне». Другой источник — волшебные сказки Арины Родионовны.

Автор подробно рассматривает совпадения и различия в сюжете сказок Пушкина и Жуковского.

Композиции сказок схожи: в них есть зачин. (Села ждать его одна).

Завязка: у Жуковского — встреча царицы с раком-пророком и рождение дочери; у Пушкина — смерть царицы, появление во дворце мачехи.

Развитие действия: у Жуковского: пир — взросление царевны — укололась веретеном и уснула, все уснули. Охотник (царский сын) забрел во дворец; пробуждение царевны и всего дворца. Сватанье царевны. У Пушкина: гнев и зависть мачехи. Чернавка уводит царевну в лес. Жизнь царевны в доме 7 богатырей. Отравление царевны яблоком. Погребение ее в горе. Поиски невесты королевичем Елисеєм. Спасение царевны. Смерть царицы-мачехи (событий в сказке Пушкина больше). В просмотренных нами материалах, приведенных в Интернете, примерно также строится сопоставление и с другими сказками у других.

Что же роднит их с народной сказкой? — спрашивает А.М. Побоква и отвечает на этот вопрос.

1. Как и в народных, есть сказочный зачин и концовка.
2. В обоих — сюжет волшебной сказки, волшебные силы и предметы — говорящие рак и зеркальце.
3. В основе анализируемых сказок, как и в народных, борьба добра и зла.
4. Троекратный повтор.

«Добро побеждает, добрым людям помогают волшебные силы» [6].

Наподобие такого анализа можно предложить поработать детям.

Безусловно, интересно, что даже дети точно формулируют идею сказки А. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»: верность — вспомним собаку Соколко, которая приняла смерть, чтобы показать, отчего хозяйка недвижна: *«... Вбежав, Пес на яблоко стремглав С лаем*

кинулся, озлился, Проглотив его, свалился И издох. Напоено Было ядом, знать, оно» [5, 115]; человеколюбие: Чернавка «... в душе ее любя, Не убила, не связала, Отпустила и сказала: «Не кручинься, Бог с тобой». А сама пришла домой» [5, 115]; любовь: королевич Елисей любил царевну и поехал искать ее после того, как она пропала. И, как всегда в сказках, нас ожидает счастливый конец: «Свадьбу тотчас учинили, И с невестой своей Обвенчался Елисей; И никто с начала мира Не видал такого пира...» [5, 122].

Последняя сказка «Сказка о золотом петушке», как отмечает В. Непомнящий, «неразрывно связанная со всем циклом, в то же время стоит особняком, замыкая процесс и вместе с тем как бы переводя его в новое измерение. Она отличается от всех своим образным строем, своей стилистикой...» [5: 209, 218].

Все источники, ссылаясь на А. Ахматову, отмечают, что сюжет этой сказки заимствован у Вашингтона Ирвинга [1]. Конечно же, заимствована внешняя канва. Пушкин останавливается на смерти двух сыновей царя Дадона, об этом событии в первоисточнике говорится мимоходом. А у Пушкина это событие центральное:

*«Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатер.
Все в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга»* [5, 135].

У Ирвинга «кровавое братоубийственное побоище» упоминается лишь мельком, у Пушкина же становится одним из главных звеньев цепи событий, приведших Дадона к казни [3, 233].

Это большое горе. И Дадон как бы горюет. Почему «как бы?»:

*«Царь завыл: «Ох дети, дети!
Горе мне! Попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! Смерть моя пришла».
Все завyli за Дадонем,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, сердце гор
Потряслось. Вдруг шатер
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней*

*Смерть обоих сыновей,
И она перед Дадонем
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала;
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом, неделю ровно, —
Покоряясь ей безусловно, —
Околдован, восхищен,
Пировал у ней Дадон...»* [5, 136].

Теперь понятно, почему мы написали «как бы горюет». Дадон вроде бы горевал: доя отца потерять сыновей — невыразимое горе, вот он увидел Шамаханскую царицу — и забыл про смерть сыновей — пировал целую неделю. Какой отец бы такое позволил себе? Радовался бы?

Когда царь с царицей воротился в свой предел звездочет просит исполнить свое слово:

*«Подари ж ты мне девицу, —
Шамаханскую царицу», —
Крайне царь изумлен.
«Что ты? — старцу молвил он, —
Или бес в тебя вернулся?
Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница!
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярский,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего».
— «Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу», —
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока!
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась; а девица —
Хи-хи-хи! Да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха* [5, 139–141].

Дадон не держит своего слова, это непростительно для любого человека, тем более для царя. Данное слово должно быть исполнено. И вот закономерный финал:

«Вдруг раздался легкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок вспорхнул со шпильцы;
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и то же время
С колесницы пал Дадон –
Охнул раз, — и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало».

Сказка заканчивается строками:

Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

Назидание понятно: надо держать слово, тем более царское.

Г. П. Макогоненко считает, что использование символов характерно для всего творчества поэта. Он отмечает, что особой поэтической мощью и глубокой содержательностью обладают символы в реалистических произведениях — «Медном всаднике», «Пиковой даме», «Сказке о золотом петушке», «Капитанской дочке» [2, 143].

Критик считает, что в «Сказке о золотом петушке» поэт написал о плохом царе. Состарившийся царь Дадон не может управлять государством, не может справиться с постоянно нападающими врагами. В конце концов Дадон обратился за помощью к звездочету. Тот дает в помощь золотого петушка. В обмен Дадон «горы золота сулит».

Петушок исправно несет службу. Когда царь вернулся в свое государство. Мудрец:

«... Помнить? За мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою.
Ты исполнить как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу».

Но с царями плохо вздорить — «Царь хватил его жезлом По лбу; тот упал ничком, Да и дух вон...». Но возмездие свершилось — петушок клюнул царя в темя — «охнул раз. — и умер он» [5, 142]. Это не убийство, а наказание преступника.

Как справедливо отмечает Г. П. Макогоненко: «Дадон не психологический характер, но символ царской власти. Основу образа составляют, так сказать, родовые признаки царского сана и царской власти в народном восприятии: безделье, отсутствие энергии действия, инициативы и беспомощность» [2, 195].

А. Ахматова сделала вывод, что завершающие сказку стихи прямо обращены к царю. В своем разделе «Добрым молодцам урок» [1] А. В. Непомнящий ссылается на сведения А. Ахматовой, с которыми он согласен, описав ее статью «Последняя статья Пушкина».

Справедливо рассмотрение литературных сказок А. С. Пушкина во взаимосвязи со всем его творчеством. Сказки А. С. Пушкина вызывают много размышлений. Многие вызывают споры, неоднозначные оценки. Сказки гениального поэта еще ждут своих исследователей.

Список литературы:

1. Ахматова А. Последняя сказка Пушкина. [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://biwibi.ru/d/713433/d/ahmatova.pdf>
2. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833–1836): Монография. – Л.: Худ. лит., 1982. – 464 с.
3. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. – М.: Сов. писатель, 1987. – 448 с.
4. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Собр. трудов В. Я. Проппа. – М.: изд-во «Лабиринт», 1998. – 512 с.
5. Пушкин А. С. Сказки. / Сост. В. С. Непомнящий. – М.: Вече, АО «Московские учебники», 1999. – 216 с.
6. Побоква А. М. Сравнительный анализ «Сказки о мертвой царевне» А. С. Пушкина и сказки «Спящая царевна» В. А. Жуковского. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.profistart.ru/profi/viewprofile/18557.html>

Panteleev Andrew Felixovitsch,
südliche Föderale Universität, der Kandidat der philologischen Wissenschaften,
Professor, der Lehrstuhl für Theorie der Sprache und der Russischen Sprache
E-mail: AF3@yandex.ru

Dolmatova Anna Sergeevna,
südliche Föderale Universität, Master-Abschluss in der sprachlichen,
der Lehrstuhl für Theorie der Sprache und der Russischen Sprache
E-mail: flomasteri@mail.ru

Superlativ als das Mittel der Bildung der Ausdruckskraft (Expressivität) in der Poesie des russischen Akmeismus

Abstrakt: der Vorliegende Artikel ist der Forschung des Funktionierens des Superlativs als Mittel der Bildung der Ausdruckskraft (Expressivität) und des Ausdrucks der Intensität in der Sprache der poetischen Werke von Nikolaj

Gumilew gewidmet. Die analytischen Formen des Superlativs des Vergleiches der Adjektive belegen den wichtigen Platz unter den Mitteln des Ausdrucks von Expression in der Sprache der Poesie von N. S. Gumilew. Die synthetischen Formen werden vom Autor in seinen Werken praktisch nicht verwendet.

Stichwörter: das Adjektiv, der Superlativ, die Expressivität, die Intensität, die analytischen Formen, die synthetischen Formen.

Die Expressivität als eine der Eigenschaften der sprachlichen Einheit ist mit der Kategorie der emotionalen Einschätzung und insgesamt mit dem Ausdruck der Emotionen beim Menschen eng verbunden. Genetisch steigen viele vom System der Sprache gefestigte expressive Mittel, einschließlich die Tropen und die Redewendungen, sowie die Verfahren der Konstruktion des Gedichtes zu den Besonderheiten der Gestaltung des Ausspruchs in der emotional gefärbten (wirkungsvollen) Redeweise. Daraus erklärt sich auch die Ähnlichkeit des Arsenal der expressiven Mittel und der Prinzipien ihres Funktionierens in den Sprachen verschiedener Systeme. Es ist charakteristisch, dass die Kategorien Expressivität und Emotionalität in den Arbeiten von einer Reihe der Sprachwissenschaftler gleichgesetzt werden [2, 591]. E. M. Galkina-Fedoruk meint, dass „die Expression eine Verstärkung der Ausdruckskraft und die Vergrößerung der einwirkenden Kraft des gesagten ist“ [1, 107 ist]. Für den Ausdruck der Expressivität greift die Sprache zu verschiedenen Ebenen, diese Mittel stellen solche Stufenbildende Abschnitte der Sprache, wie die Phonetik, die Lexikologie, die Morphologie und die Syntax dar. Das Grammatikalische wirkt dabei mit dem Lexikalischen zusammen. Im vorliegenden Artikel wird der Versuch der Analyse der Besonderheit des Funktionierens von Formen des Superlativs des Vergleiches der Adjektive als das Mittel der Expressivitätsbildung in der Sprache der Werke von N. S. Gumilew, in dessen Schaffen die ästhetischen Prinzipien und die sprachlichen Besonderheiten des russischen Akmeismus am schärfsten ausgeprägt wurden.

Beim Analysieren von Beispielen des Gebrauches des Superlativs des Vergleiches der Adjektive in der Poesie von Nikolaj Gumilew, ist es notwendig, zuerst, die Regelmäßigkeit von Nutzung der ähnlichen Formen in der Sprache der Werke vom Dichter zu bemerken.

Man kann behaupten, dass die analytischen Formen des Superlativs des Vergleiches der Adjektive für die Poesie des Autors charakteristisch sind, weil wir die bedeutende Anzahl von Beispielen der Realisierung der gegebenen Formen in den Texten von Werken des russischen Dichters bemerken.

Es ist nötig zu sagen, dass es unter den analytischen Formen des Superlativs die in den Texten vorkommen, kein Beispiel des Gebrauches der Form «am meisten/am wenigsten + das Adjektiv in der positiven Stufe des Vergleiches» gibt. Der Grund besteht darin, dass die vorliegende analytische Form des Superlativs insgesamt nicht für die poetischen Werke charakteristisch ist.

Beim Analysieren von Konstruktionen mit den analytischen Formen des Superlativs des Vergleiches der Adjektive in den Gedichtstexten von Gumilew, muss man beachten, dass die Form «am meisten + das Adjektiv in der positiven Stufe des Vergleiches» am häufigsten erscheint.

Wenn man die ähnlichen Beispiele betrachtet, kann man bemerken, dass als Mittel des Ausdruckes der Expressivität und der Intensität die analytischen Formen des Superlativs des Vergleiches der Adjektive auftreten, die positiv wahrgenommenen Merkmale bezeichnen. Unserer Meinung nach, es ist einer der spezifischen Eigenschaften des originellen Verfasserstils des Dichters, da die ähnliche Positivität auch für die Formen mit «am meisten + das Adjektiv in der positiven Stufe des Vergleiches» charakteristisch ist, vgl.: «А в роскошной форме гусарской//Благосклонно на них взирал//Королевы мадагаскарской//Самый преданный генерал» (Gumilew. Madagaskar).

N. S. Gumilew verwendet die komplizierte Form des Superlativs, die der Höchststufe der Qualität bedeutet, aber ohne das gegebene Merkmal mit seiner Erscheinung in anderen Gegenständen zu vergleichen. Der General ist dienstgemäß verpflichtet, ergeben zu sein, aber dank der Nutzung des Superlativs des Adjektivs, bleibt es beim Adressanten der Mitteilung keine Zweifel daran übrig.

Die ähnlichen Konstruktionen sind für die lyrischen Werke von Nikolaj Gumilew sehr charakteristisch, vgl.: «И как самый бодрый, самый смелый//Без тревожных снов не мог заснуть» (Gumilew. Die Entdeckung von Amerika). Außer dem Superlativ des Adjektivs „der munterste“, „der tapferste“, verwendet der Dichter die Wiederholung der gleichartigen Mitglieder als zusätzlicher Mittel der Expression, und dadurch erreicht er die höhere Stufe der Intensität.

Die analytischen Formen des Superlativs mit dem Pronomen „der... ..ste“ («самый») sind in der Sprache der Poesie von Nikolaj Gumilew ein ausgeprägtes Mittel für die Bildung der Expression, und für den Ausdruck der Intensität der Erscheinung des Merkmals, vgl.: «Здесь с криками чудовищных глумлений,//Как сатана на огненном коне,//Пер Гюнт летал на бешеном олене//По самой неприступной крутизне» (Gumilew. Die norwegischen Berge).

Das Adjektiv „unzugänglich“ hat die lexikalische Bedeutung, die nicht das Vorhandensein von Formen der Vergleichsstufen vermutet, da das gegebene Adjektiv das Merkmal in der absoluten Erscheinungsform bezeichnet, vgl.: «Unzugänglich. 1. Solcher, dem ist es unmöglich, sich zu nähern, ihn zu stürmen, dessen kann man sich nicht bemächtigen» [3, 421]. Superlativ „Unzugänglichste“ weist auf die höchste Stufe der Erscheinungsform des Merkmals im Gegenstand. Auf diese Weise erscheint die im Text des Gedichtes angewendete Form als ein Mittel des Ausdruckes der subjektiven Wahrnehmung der objektiven Wirklichkeit vom lyrischen Helden, und somit, vom Autoren.

Es sollte betont werden, dass N. S. Gumilew den Superlativ nicht nur für die Absonderung eines einzigartigen Gegen-

standes verwendet, sondern auch für die Gruppe von Gegenständen, vgl.: «И вздыхал я, зачем плаваю я, // Не останусь я здесь зачем: // Неужель и здесь не спою я // Самых лучших моих поэм?» (Gumilew. Madagaskar).

Für die Gumilew's Poesie ist die Nutzung des Pronomens „der ...ste“ («самый») sehr typisch, aber im gegebenen Beispiel wird «der ...ste» mit der Form «der Beste», d. h. mit der synthetischen suppletiven Form des Superlativs des Adjektivs «der Gute» kombiniert. Die Form «der Beste» bezeichnet bereits das absolute Merkmal in seiner Erscheinungsform. Jedoch fügt der Dichter die analytische Form des Superlativs des Adjektivs «meiner besten Poeme» für die Verstärkung von Expressivität des Textes und des Ausdruckes der höchsten Stufe von Intensität der Erscheinungsform des Merkmales hinzu.

Nach der Analyse der lyrischen Werke von N. S. Gumilew, ist es nötig zu bemerken, dass sich nur zweimal im Text die synthetische Form des Superlativs vorkommt, dabei leitet die einfache Form des Superlativs das Substantiv im Genitiv mit der Präposition „aus“, vgl.: «Какой мудрейшею из мудрых пифий // Поведан будет нам нелицемерный // Рассказ об иудейке Юдифи, // О вавилоняnine Олоферне» (Gumilew. Judif).

Der Gegenstand «Pythia» tritt im Gedicht als der Besitzer des Merkmales „weise“ in der höchsten Stufe seiner Erscheinungsform in der Gegenüberstellung mit anderen Pythien auf, die auch die Besitzer des Merkmales „weise“ sind, jedoch in der kleineren Stufe seiner Erscheinungsform. Darauf weist die Genitivform des Substantivs „Pythia“ mit der Präposition „aus“ hin. Dadurch wird die höchste Stufe von Expressivität dieses Ausdruckes erreicht.

Wie es schon bemerkt war, sind derartige Konstruktionen kein charakteristisches Merkmal der Sprache der Poesie von Nikolaj Gumilew. Aber es ist doch offensichtlich, dass für den Autor die gegebenen Konstruktionen wichtig sind, da das Vorhandensein von präpositionalen Kasuswortform erlaubt, die Absolute Stufe der Erscheinungsform des Merkmals im Gegenstand schärfer auszuprägen, und die Aufmerksamkeit des Adressaten der Mitteilung auf der höchsten Stufe der Intensität des Merkmals zu betonen, vgl.: «И душе, несчастнейшей из пленниц, // Так и легче и вольней» (Gumilew. Der Regen).

Das Merkmal des Gegenstandes „die Gefangene“ wird in der höchsten Stufe im Vergleich zu seinen Erscheinungsformen in allen übrigen Gegenständen einer Reihe, die vom Namen „die Gefangene“ genannt werden geäußert. Zweifellos, ist die Stufe der Intensität der Erscheinungsform des Merkmals in der ähnlichen Kombination viel höher, als in der Konstruktion «die unglücklichste Gefangene».

Die ähnlichen Formen in der Sprache der Poesie von Gumilew sind äußerst selten, im Unterschied zu den Werken, beispielsweise, von Anna Achmatowa. In der Lyrik dieser gro-

ßen Vertreterin des russischen Akmeismus kommt die synthetische Form des Superlativs des Vergleiches der Adjektive in den Texten 31 Mal vor, was fast die Hälfte von der Gesamtzahl der Verwendung von Superlativ in den Gedichten von A. A. Achmatowa bildet. Die Nutzung der synthetischen Formen von Superlativ spiegelt den subjektiven Charakter der Poesie von Achmatowa, und die hohe Stufe der Emotionalität, und der Expressivität der Lyrik des Dichters wider.

Jedoch gibt es im Gebrauch der synthetischen Formen des Superlativs des Vergleiches der Adjektive in der Poesie von Anna Achmatowa eine, unserer Meinung nach, wesentliche Besonderheit, die in der Auswahl der Lexeme, die in den ähnlichen Strukturen verwendet werden besteht.

Beim ganzen Reichtum der synthetischen Formen des Superlativs des Vergleiches der Adjektive im Lyrik von Achmatowa, die Form „der süßeste“ kommt 5 Mal in den von uns analysierten Texten, und die Form „der bitterste“ unterscheidet sich durch noch größere Häufigkeit, da sie in 7 Beispielen angewendet wird. Es ist leicht zu bemerken, dass der Gebrauch dieser zwei Formen insgesamt 40 % von der Gesamtzahl der Gebräuche der synthetischen Formen des Superlativs des Vergleiches der Adjektive in der Poesie von Anna Achmatowa bildet. So darf man nicht, unserer Meinung nach, über die Vielfältigkeit der Konstruktionen mit den synthetischen Formen von Superlativ und in Bezug auf das Schaffen von Anna Achmatowa sprechen.

Die besondere Stelle unter den Formen des Superlativs des Vergleiches der Adjektive in der Sprache der Poesie von N. S. Gumilew nimmt die Form „der höchste“ ein, die man als am meisten vom Autor verwendete Form in den Texten seiner Werke betrachten kann, vgl.: «Но вино, чем слаще, тем хмельнее, // Дама, чем красивей, тем лукавей, // Вот уже уходят ротоzeи // В тишине мечтать о высшей славе» (Gumilew. Die Jungfrau der Sonne); «Но в мире есть иные области, // Луной мучительной томимы, // Для высшей силы, высшей доблести // Они навек недостижимы» (Gumilew. Die Kapitäne). Im letzten Beispiel kommt eine äußerst seltene für den Stil von Gumilew Erscheinung — der Gebrauch der synthetischen Formen des Superlativs als gleichartige Satzglieder. Diese Verfahrensweise der Wiederholung vom Autor („für die höchste Kraft, den höchsten Heldenmut“) zeigt die äußerst hohe Intensität der Erscheinungsform des Merkmals, verstärkt die Expressivität des ganzen Textes.

Insgesamt kann man behaupten, dass die synthetischen Formen des Superlativs des Vergleiches der Adjektive den analytischen Formen nachgeben, die eine der zentralen Stellen unter den Mitteln des Ausdruckes von Expressivität und von Intensität einnehmen. Die Auswahl der synthetischen Formen in den Texten der Werke von Gumilew ist sehr beschränkt, wie auch die Wechselwirkung dieser Formen mit anderen Mitteln der Bildung der Expression.

Referenz:

1. Galkina-Fedoruk E. N. Moderne Russische Sprache. Teil 1. Die Phonetik. Die Lexikologie. Die Wortbildung. – M, 1958.
2. Gridin V. N. Expressivität // Sprachwissenschaft / Hauptredakteur V. N. Jartzewa. – M, 1998.
- Осчегов С. И., Шведова Н. Я. Bedeutungswörterbuch des Russischen Sprache. – M, 1993.

Umirzakova Zaure Asetovna,
Kazakh National Pedagogical University,
Assistant Professor, Department of Practical Languages
E-mail: Zaure.aru@mail.ru

The role of non-verbal means of communication in the process of language teaching

Abstract: The article deals with nonverbal communication in comparative terms. Examples of non-verbal communication in compared languages are given.

Keywords: gestures, communicant, nonverbal means of communication, non-verbal behavior.

Умирзакова Зауре Асетовна,
Казахский национальный педагогический университет,
доцент кафедры практических языков
E-mail: Zaure.aru@mail.ru

Роль невербальных средств коммуникации в процессе обучения языкам

Аннотация: В статье рассматриваются невербальные средства коммуникации в сопоставительном плане. Приводятся примеры невербальной коммуникации сопоставляемых языков.

Ключевые слова: жесты, коммуникант, невербальные средства коммуникации, невербальное поведение.

Исследование невербальных средств коммуникации, присущих народам разных культур в сопоставительном плане способствует правильному пониманию поступающей информации, их языка, соблюдению правил этикета, традиций и обычаев, поскольку у разных народов, например, одни и те же жесты, телодвижения могут либо полностью совпадать, либо совпадать частично, а во многих случаях могут иметь совершенно другое значение или вовсе отсутствовать. Так, по словам А. А. Акишиной, «люди, говорящие на разных языках, часто пытаются объединиться друг с другом с помощью жестов, и, как правило, им это удается. Почему же тем не менее «язык» жестов не стал международным? ... Практически любой, даже самый «прозрачный» жест имеет национальную окраску, не говоря уже о жестах сугубо национальных, вовсе не понятных представителям других народов или понимаемых ими неправильно» [1, 3]. По словам Г. М. Николаевой, «для носителя национальной жестовой системы бытующие в данном народе жесты кажутся настолько естественными, как бы биологическими, что ему не приходит в голову изменять их в другой национальной среде» [2, 60]. Поэтому следует учесть, что «неправильная интерпретация носителями одной культуры невербального сообщения, сделанного представителями другой культуры, может привести к нежелательным конфликтам

и опасным последствиям» [3, 132]. В связи с этим можно привести множество примеров, когда неправильное понимание жестов способствует нарушению правил этикета, свойственных представителям той или иной культуры. Так, например, одинаковые или очень похожие друг на друга жесты в разных культурах имеют свои значения. Если у русских жест «палец у виска» означает, что человек «несколько не в себе», то в Голландии данный жест говорит о том, что это умный человек. Русский детский жест «высунуть язык» означает дразнить кого-либо, в ряде стран как «нежелание вступать в контакт с другим человеком», а в Тибете так приветствуют друг друга. Американский жест «пальцы колечком, обозначающий букву о» — «все в порядке», который применяется у нас в этом же значении, в Японии означает «деньги», а во Франции — «ноль». Русский жест «большой палец, поднятый вверх» означает «все отлично», в Австралии, Греции используется в значении «пошел ты к черту», а в Британии — 1) при голосовании машины; 2) в значении «все в порядке». Если жест «подносить руку к горлу» во многих странах используется в значении «сверх меры (дел, неприятностей; наелся, обеспечен)», то в Японии данный жест означает «увольнение с работы». Если японцы при приветствии низко кланяются, причем подчиненный должен кланяться ниже, чем вышестоящее лицо (начальник), то для

американцев эта поза кажется неприятной, поскольку, по их словам, уважающий себя человек не должен так поступать. Обычай «*сидеть на полу*» характерен для казахов, японцев, корейцев и др., причем у казахов даже «сидеть, оперевшись на подушку», то есть не спеша, отдыхая. Когда приходят гости, казахи, корейцы в знак уважения обязательно встают, чтобы поздороваться; японцы могут не вставать, поскольку «сидя, он ниже стоящего человека, и, следовательно, находится в более почтительной позе» [3, 332].

Следует также отметить жесты, не свойственные культуре того или иного народа. Так, в ряде стран не принято и считается оскорбительным, если мужчина разговаривает с женщиной, держа руки в карманах, тогда как для англичан это вполне нормальное явление. Многие нации, например китайцы, японцы не любят, когда их хлопают по плечу, подходят очень близко, обнимаются, для других же национальностей, например, для казахов пожимание руки, обнимание мужчин прикасанием груди и похлопыванием по плечу означают дружелюбие и открытость. Самое интересное, так приветствуют и многие русские, проживающие в Казахстане, особенно встречается среди молодежи. Такой же жест наблюдается и во время свадебной церемонии родителями невесты и мужа в знак выражения родственности, сближения душ. Жест «похлопывание ладонью по шее» с сопровождением слова «молодец», для египтян воспринимается как «оскорбление его мужского достоинства». Оскорбительным жестом для нас является, когда англичане приглашают официанта пощелкиванием большим и средним пальцем. В ряде многих стран для данного жеста — приглашения характерен лишь легкий кивок головы. «Приседание на корточки» присуще для японцев. Так, «в Японии можно, например, на перроне вокзала увидеть представителей старшего поколения, присевших на корточки в ожидании поезда. Это поза расслабления, раздумья, приготовления к чему-то. Она естественна и удобна для японца, и вместе с тем она как пружина перед тем, как сжаться и начать активно действовать» [3, 332–333].

Следовательно, чтобы правильно понять невербальное поведение той или иной нации, надо иметь представление о традициях, обычаях, существующих в данной культуре, национальной принадлежности коммуникантов, коммуникативной ситуации.

Изучение невербальных средств коммуникации в сопоставительном плане позволяет выявить общность (универсальное) и различия (национальное) в невербальном поведении, в частности, русского и казахского народов. Так, универсальны жесты: кивок головы сверху вниз — «*утвердительный жест*», размахивание головой из стороны в сторону — «*отрицательный жест*», приложить палец к губам — «*призыв к молчанию, тишине*», помахать рукой — «*попрощаться*», протянутая вперед от плеча правая рука, ребром ладони вперед — «*жест, приглашающий войти в дом или занять определенное место за столом*», поднятый кулак, обращенный тыльной стороной ладони

вперед — «*жест угрозы*», нахмурить брови — «*жест недовольства*», потереть большим пальцем об указательный «*жест-просьба дать денег*», легкое, неоднократное поглаживание человека рукой по спине, плечу — «*жест, выражающий желание успокоить, утешить кого-либо*», широкое разведение рук в стороны — «*жест, выражающий радость человека при встрече*», совершать указательным и большим пальцами правой руки скользящее движение по втянутым внутрь щекам — «*жест, изображающий худобу человека*», высунуть язык — «*желание обидеть, подразнить*»; поднятие правой руки от локтя ладонью вперед на уровне груди от себя сверху вниз (отмахивание) — «*жест безразличия, согласия без желания*» и др.

Следует отметить, что некоторые из этих жестов выступают заимствованными в казахском языке.

Жесты, присущие только казахскому народу: «*раскрыть ладони рук*» — «*дать благословение*»; «*провести ладонями лицо*» — «*исполнение желаний молитв*», «*опустить взгляд*» — «*проявление уважения, скромности*» (характерно для женского пола); «*бросить камчу перед кем-то*» — «*бросить вызов кому-либо*»; «*взяться за воротник*» — «*выразить удивление*»; «*ударить по бедру*» — «*выразить гнев, досаду*»; «*пощипывание щек*» — «*выразить стыд, удивление*»; «*потирать одну руку об другую*» — «*выразить волнение, беспокойство*»; «*ударить, пожимая ладонями небольшим хлопком*» — «*выразить радость, успех*»; «*рыдать, стоя в сторонке, оперев на палку*» — «*выразить горе*» и др.

Жесты, характерные русскому народу: упереть руки в бока — «*категоричность, решительность, желание настоять на своем*»; подносить руку к горлу — «*сверх меры (дел, неприятностей; наелся, обеспечен)*», сопровождаемый словами *сыт по горло*; послать воздушный поцелуй — «*прощание или благодарность на расстоянии*»; постукивание ребром правой ладони по шее сзади — «*жест, изображающий людей, сидящих на шее у других*», причесывание затылка — «*жест, передающий желание припомнить что-то*»; хват головы обеими руками — «*жест, передающий растерянность, смятение*»; пощелкивание указательным пальцем по горлу — «*приглашение к выпивке*»; стукнуть кулаком по столу — «*разозлиться*» и др.

Как в русском, так и казахском языках существуют взрослые (*стукнуть кулаком по столу, развести руками, поглаживать бороду; пощипывание щек, похлопать по спине*), детские (*высунуть язык, «корчить рожу», показать рога, изобразить чебурашку*), мужские (*почесывание в затылке, стоять, широко раздвинув ноги, сидеть, развалившись в кресле, стукнуть кулаком по столу; лежать, оперев на подушку, бросить камчу, взяться за воротник, ударить по бедру*), женские (*поправить волосы (прическу), ходить, покачивая бедрами, осматривать ногти, смотреть в зеркало; распустить волосы, опустить взгляд, приветствовать наклоном головы родственников жениха*), заимствованные (пальцы колечком, обозначающие букву о — «*все в порядке*») жесты.

Следует также отметить, что одно и то же значение в разных языках может выражаться разными жестами. Например, если у казахов опущенный взгляд — «*проявление уважения, скромности*», то у русских не поднимать глаз — «*нежелание контактировать, быть откровенным*». По нормам русского этикета собеседники смотрят в глаза друг другу, т. е. прямой взгляд — «*проявление искренности, честности*». Если у русского народа жест «*приветствовать поклоном*» употребляется как ритуальный при разложении венков, то у казахов этот жест используется только в определенных ситуациях — невестками по отношению к старшим родственникам мужа как демонстрация учтивости, уважения, воспитанности. Если русские приветствуют друг друга независимо от возраста одной рукой, то у казахов в знак уважения принято младшими приветствовать старших по возрасту обеими руками. Если значение «*отвести возможный сглаз, порчу*» у русских представлен жестом «*постучать по дереву*», то у казахов данное значение используется по отношению к детям. Значение же «*бросить вызов кому-либо*» выражается жестом, который почти совпадает в данных языках: «*бросить в лицо перчатку*», «*қамшыны алдына тастау*», различаясь предметами, с помощью которых выполняется этот жест.

Наблюдаются также разные официальные ритуальные жесты, исполняемые во время богослужения, коронации, свадебного и других обрядов, что еще раз подтверждает мысль о том, что жесты несут национальную окраску, отражая культуру, мышление представителей разных этносов.

Невербальное поведение человека и в русском и казахском языках может выражаться жестом и одновременно сопровождаться как словами, так и параязыковыми элементами. Так, например, в русском языке жест «*охват головы обеими руками*» может сопровождать высказывания типа «*Ой, что я наделала?; Что теперь будет?*», жест «*размахивание указательным пальцем из стороны в сторону на уровне груди*» может сопровождать высказывание: «*Вы этого не знаете; Это вовсе не так*», жест «*рука от плеча отводится в сторону вытянутыми вперед указательным пальцем*» сопровождается высказыванием: «*Вон!*», жест «*поднятие правой руки от локтя ладонью вперед на уровне груди от себя сверху вниз (отмахивание)*» может сопровождать высказывания типа: 1) «*Не мешай!*»; 2) «*Делай, как знаешь*»; в казахском языке жест «*похлопать по плечу*» может сопровождаться высказыванием: «*Молодец!*», жесты «*взяться за воротник*», «*пощипывание щек*» сопровождается параязыковым элементом «*вот это да*», жест угрозы может сопровождать высказывание типа: «*я тебе покажу*». Русский жест «*постучать по дереву*» и казахский жест «*плюнуть ребенку*» может сопровождаться высказыванием: «*Тьфу, тьфу*».

Таким образом, в процессе обучения языкам учителю надо иметь представление о невербальных средствах коммуникации, присущие культуре обучаемого языка. Изучение обычаев и традиций способствует правильному пониманию невербального поведения людей обучаемого языка.

Список литературы:

1. Акишина А. А. Жесты и мимика в русской речи. – М.: Рус. язык, 1991. – 144 с.
2. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литер. обозрение, 2002. – 592 с.
3. Неверов С. В. Особенности речевой и неречевой коммуникации японцев // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 320–345.

Section 9. Philosophy

*Boboyorov Bobomurod Normatovich,
Senior lecturer of the department
of "Humanitarian disciplines" TUIT,
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: boss.boboyorov@mail.ru*

"Islamic fundamentalism" as exacerbating international relations

Abstract: This article describes the questions of the etymology of religions extremism and fundamentalism, threats and consequences for prospects of the democratic society to eliminate them as well as problems of the secular state, and religions relations, youth education (growing up) in the spirit of pan-human values and culture.

Keywords: Religions extremism, fundamentalism, reduced ethnic groups, religions authorities, disturbances, innovations of theology, chaos, faith, trust, sharia, fatwa, jihad.

The desire for freedom is a fundamental principle of society. Human life is not possible without the struggle for freedom — the freedom to express their opinions, to express and discuss their views and to join groups and parties to choose and change the government, vote for their representatives, organize their social and economic life in accordance with their needs — until long as it does not violate the peace. Naturally, Uzbekistan has its own priorities:

Firstly, we aim to ensure that Central Asia was a center of stability and prosperity.

Secondly, we want Islam developed as an enlightened, peaceful and tolerant religion that can itself be a barrier to the spread of distorting the essence of his extremist interpretations barrier spread the ideology of international terrorism.

Third, we aim to ensure that democracy is accustomed to the flesh and blood of Uzbek society.

Fourth, in our state do everything in order to meet the social system and the principles of modern humanistic society and traditional values.

Through deep and open-circuit democratic reforms in Uzbekistan achieved political stability, national consensus, interethnic and interreligious tolerance.

In the last third of the twentieth century, the problem of "Islamic fundamentalism" has become urgent in the world where there is an increase in the number of religious groups with radical political program. Strong politicization of religion, especially in the regions of spreading Islam, amid a burst of national and religious identity of the peoples living in them, as well as the spread of the individual religious and political groups of extremist ideology for political purposes is a major challenge for the world community. True roots, the history of extremism and terrorism that exists today in all parts and regions of the world, require serious consideration.

All of us are witnesses to how unpredictable consequences and results lead attempts to distort the essence of

the enlightened, tolerant and peaceful Islam, tie our sacred religion against international terrorism, thereby sowing hostility toward her. We do not agree with the fact that under the guise of loud slogans of the struggle against terrorism and the promotion of "counterfeiting" of democracy, not taking into account national and religious traditions, spiritual values and mentality of the people, individual states have their own interests. We are all united in the fact that democracy is not an export "commodity", which is also sometimes implanted by force. In this case, the very concept of democracy and its basic principles are discredited.

Using the term "Islamic fundamentalism", we believe it is important to pay attention to the inadmissibility of its application as a kind of universal "political label" existing in the Islamic world, ideological trends, diverse in origin and content.

Also, please note the lack of a uniform interpretation of the term "Islamic fundamentalism" in scientific circles. Some researchers, for example, associate it with traditionalism, but others oppose traditionalism and fundamentalism [1].

Fundamentalism — a phenomenon common to other religious systems. Thus, the Russian orientalist I. Alekseev notes that "fundamentalists, based on the lexical meaning of the word, should be called the followers of a particular ideology, that appeal to its base, fundamentals and seek to put these basics in life" [2]. According to A. Abdel-Malek, "fundamentalism is a permanent feature of all mature civilizations" in the period in which they face tangible threats or crises [3].

Fundamentalism — a trend that is negative reaction of conservative religious circles on secularization, i. e. emancipation of science, culture and public life from religion. Opposite trend can be considered modernism. As pointed A. Kyrlezhev, the term "fundamentalism" dates back to a series taken by some North American Protestant anti-modernist publications, "which proclaim allegiance to such traditional doctrinal concepts as the infallibility of Scripture in every detail,

from the Virgin birth of Christ, his physical resurrection and second coming, substitution theory of atonement ... These publications aroused fierce controversy between fundamentalists and modernists”.

From our perspective, the fundamentalists, based on axioms and religious doctrines, offer to restore order in the world, based on the authority of religious dogma. Currently under religious fundamentalism refers stable religious setting or one of the types of modern religious consciousness.

Arab analogue of the term “fundamentalism” is a term *Usul al-Din*, in the strict sense means “teaching on the basis of religion.” In the Sunni tradition, the term *Salafiyya* etymologically relevant terms “fundamentalism”. In traditional Islamic discourse category *al-Salaf al-salihun* (pious ancestors) includes the first three generations of Muslims — the Companions of the Prophet (*Ashab*), their disciples and followers (*tabi'un*) and disciples of the latter (*tabi'u tabi'in*). *Salafis*, so are those who are in solving the issues of religious appeals to the experience of the *Ahl al-Salaf*.

Thus, what is called today “Islamic fundamentalism” is most often explained as the idea of restoring the original Islam through the appeal to experience *al-Salaf al-salihun*. Given that reliance on primary sources (Quran and *Sunnah*) and experience *rannemusulmanskoj* community is the basic imperative of Islamic religious and legal thinking, *Salafi* could be considered a Muslim consciously guided in their lives by religious norms. Thus, the term “fundamentalism” (“*Salafism*”) in the historical and cultural context means the opposite of the content that is embedded in this concept is applied to the current situation.

Russian researcher A. Malashenko [4] considers fundamentalism as “thought”, theory, while Islamism (or political Islam), in his opinion, is a practical embodiment of fundamentalism, that is the action. Ideologically fundamentalist organizations are today for the “purification” of Islam, is accused of “apostasy” of the official clergy, calling for the creation of an “ideal” of the Muslim community, according to the *Qur'an* and *shariatu* [5].

Thus, the “Islamic fundamentalism” can be defined as a religious-political movement in Islam related to the activities of some socio-political, economic and social, cultural, educational and other groups that use in their practice slogans calling for the construction of the state based on the principles of “early Islam” (time of the Prophet and the first righteous caliphs).

Pose the greatest threat of radicalism and extremism, often incorrectly identified as “militant Islam”, or even “Islamofascism” used by US President George W. Bush and replicable in the American neoconservative and other media. The latter is no longer just a “labeling” and the attempt to create a certain political forces in the west of the new “enemy image” through the use of propaganda clichés to justify new military action in the Middle East and American methods of “war on terror” [6]. In particular, the US expert Daniel Payps [7], director of “Middle East Forum”, an independent organization

with a budget of more than 1 million USD. Which is designed to “act in the interests of America”, is known for his statements that “Islamism — this is fascism”, and so on. Such anti-Islamic clichés do not stand up to scrutiny.

Fundamentalists, indeed, often considered acceptable use extremist methods and violence to achieve their political goals. But it seems fundamentally wrong to equate “fundamentalism” as a phenomenon in general, extremism, radicalism and, especially, the Nazi ideology. Extremism in the Muslim world finds expression in the uncompromising implementation intentions to implement the “true Islam” in politics and everyday life of society. This is a set of social and political ideas and actions of some fundamentalist forces aimed at a radical change of social institutions or political system of society in general. In this regard, the American historian prof. Mary Habeck said terms such as “Islamic fundamentalism” or simply “Islamism” is too vague. She notes that in the scientific literature and the Islamists call “active supporters of the revival and reformation of the Muslim religion, which could result in a return to political power. However, Islamism is neither organizationally, nor ideologically homogeneous movement. It covers a great variety of groups that are very different imagine their specific objectives and methods to achieve their goals” [8]. As an example M. Habeck leads Turkish ruling “Justice and Development Party”, which operates under the rules of international law and the democratic political process.

Among the organizations that are used to capture political power of such methods of struggle, which go beyond the legitimate from the point of view of international law [9], may include, for example, the following fundamentalist movements and groups: in Egypt — “*Gama'a Islamiya*”, “*Jihad Islami*”; Jordan — “*Soldiers of Allah*”; Yemen — “*Al-Islah*”; Saudi Arabia — “*Al-Fajr*”; Pakistan — “*Tanzim al-Irshad Da'waat*”, “*Harakat al-Ansar*”; Afghanistan — “*al-Gama'a al-Afghan Mujahedin*” and “*Taliban*”; Turkey — “*Boz Kurt*”; North Caucasus — Wahhabi group “*Islamic Jamaat*”, “*Army of the Imam*” et al. [10].

Among the features that influence the formation of religious extremists, particularly noteworthy development of religious fanaticism, which promotes the belief that the “*shahid*” (martyr who died for the faith) must go to heaven [11]. Bigotry is actively used by all religious radicals who are trying to implement in the consciousness of Muslims hostile attitude towards other religions. In addition, they use the concept of “*jihad*”. By this term in Muslim theological literature refers fight for the faith, mainly in the following forms: “*jihad of the heart*” (struggle with their own evil inclinations); “*Jihad language*” (promoting good deeds and prohibiting bad); “*Jihad hands*” (taking appropriate punitive measures against offenders); “*Jihad of the sword*” (armed struggle against the infidels).

Islam is the traditional division between “great” and the “lesser *jihad*”, which dates back to one of the hadith of the Prophet, after returning from the battle of *Badr* (624), he said: “We have returned from the small *jihad* — to the great *jihad*”. This means that the main Muslim is not an armed struggle

(“lesser jihad”), and the struggle of man with himself, i.e., moral self-improvement (“great jihad”).

But it is a form of armed jihad is used by extremists in their ideology and activities. In this case, they refer to some verses of the Quran, as well as the statements of Muslim ideologues. In particular, the Pakistani fundamentalist ideologue Mawdudi writes: “The word” jihad “is used for a war that is being waged in the name of Allah against those who are the enemy of Islam ... Jihad is a duty of a Muslim as daily prayer and fasting. Anyone who deviates from this is a sinner” [12]. These ideas formed the basis of the slogan of jihad, ie war for the faith, which is the most important in the arsenal of ideological means of religious extremists.

Many researchers consider the supporters of the principle of jihad as armed struggle for the faith and against the “infidels” as “an isolated branch of the most radical of the Islamic fundamentalism”, which is called “jihadism”. Thus, the above-mentioned M. Habek believes that “jihadist” characterizes primarily “absolute commitment to the violent breakup of the existing international system, and built on its ruins Muslim theocratic state” [13]. This moment, in her opinion, and should serve as a basis for understanding the threats from ideologues “jihadism”, developed his “consistent philosophy Islamization of all mankind”, and to develop effective ways of neutralizing them.

All Islamist fundamentalist groups oppose true believers (Muslims) “wrong”, but “jihadists” proclaim this contrast the eternal and absolute. “Jihadists” are convinced that the “infidels” a priori are the enemies of Islam and seek to destroy it. In this regard, the “jihadists” do not doubt his right to fight against the “enemy”. So, the followers of the extremist wing of Wahhabism preach intolerance not only to representatives of other faiths, but to his fellow Muslims, who quit in their view, to fulfill the divine precepts. Proclaiming themselves as champions of the “purity” of faith, they consider “infidels” all Muslims who do not accept their teachings [14], and require them to lead a holy war. If the vast majority of Muslims reject the idea of war against the infidels, the “jihadists” made it a cornerstone of their ideology.

Researchers note that the Qur’an can find many fragments that support this interpretation, but they also have strong ideas of mercy, peace and tolerance. However, the ideology of “jihadism” usually does not refer to these verses of the Quran, recognizing only correct interpretations. They not only believe that the Koran contains complete answers to all questions of human existence (this is a general point of view of Islamic fundamentalists), but argue that these answers are unambiguous. Thus, the “Jihadism” rejects pluralism of views and the need for peaceful reach agreement with their opponents. The total rejection of all “foreign” ideologies and values is their characteristic feature.

Religious extremists (“jihadists”) are not unanimous in identifying the main obstacles to the creation of a “global Islamic world order.” Some of them believe the main “evil” existence secularized Muslim societies and states that

seek to cooperate with the West rather than fight for the creation of a “global caliphate” (Turkey, Egypt, Pakistan, Jordan, et al.). Others believe that it is first necessary to weaken the Western states that they do not support the “secular rulers” in Muslim countries, and then to concentrate their forces in the conquest of power in individual states and make them a springboard to expand its influence in the world.

As noted M. Habek, carriers such views, such as a radical fundamentalist organization “Al-Qaeda”, believes that the fight against the West is part of the eternal “confrontation between good and evil” and see themselves as performers of the divine will. At the same time, a truly devout Muslims they consider only their adherents.

Many fundamentalist groups, in particular representatives of Wahhabism, attach great importance to peaceful means to expand its influence in the Muslim world. They create centers of propaganda, free schools, build teleradiotsentry, expanding missionary activity among the population, produce religious literature in various languages. However, even in the Saudi Arabia, the birthplace of Wahhabism, there is a religious extremist antigovernment “underground”, hostile to the regime resorted to terror. The activity of these radical fundamentalists, depending on the situation may increase (for example, during the war in Afghanistan, the military operations in the Persian Gulf, Iraq, Lebanon, Palestine, and others). At the same time, the Saudi authorities and supporting their “traditionalist” Wahhabi circles, spend quite effective integrated action against extremists, including the ideological work.

A characteristic feature of contemporary radical fundamentalism in Islam can assume that his supporters are fighting against the so-called traditionalists and modernists. Traditionalists favor of retaining Islam as he emerged in the early period of socio-economic, political and cultural institutions and representations. They oppose any changes — both in the religious sphere and in public life. Holders of traditional consciousness are the representatives of the official clergy, often supported by the ruling regime. Modernists also seek reforming, adapt the rules of Islam to the needs of modern development, rejecting or ignoring some provisions and developing others to make their creed “competitive” in the new concrete historical conditions [15].

However, the activities of the modernists and reformers in Islam are ambiguous. Analyzing the processes taking place in the Arab world in the XVIII–XX centuries, Director of the Center for Muslim-Christian dialogue at Georgetown University, John Esposito notes that “Islam is peculiar rich and rooted deep into the history of the revival of the tradition — and tadhid reform — Islah. For many centuries, theologians, lawyers, Sufi mystics and charismatic preachers, as well as some organizations have taken actions aimed at the renewal of society when it is weakened and fell into decay, filling a gap emerged between the Islamic ideal and the realities of Muslim countries. Model of reform has always been an appeal to Islam, or the basics — the Quran, the Prophet Muhammad’s teachings and principles of the organization of life in the early development of Islam” [16].

At the same time, almost without exception, the leaders of reform movements of this period agreed in opinion that the cause of economic backwardness, the decline of moral value, military defeats and political strife rooted inside the Muslim world. A. Chelyshev researcher notes that "a painting movement had Mahdi (1848–85 gg.) In Sudan, Sanusi (1787–1859 gg.) In Libya, Wahhabi (1703–92 gg.) In Saudi Arabia, the Fulani (1754–1817) In Nigeria, the movement Faraidiyya (1764–1840 gg.) in Bengal, the movement Brelvi Ahmad (1786–1831 gg.) movement in India and the Padres (1803–37 gg.) in Indonesia".

With all the diversity and specificity of each of the movements, their leaders are uniquely agreed in opinion that the main reason for the decline is the come departure of Muslims from the true goals and tenets of Islam, which occurred due to local infiltration and assimilation of non-Islamic beliefs and practices. Was unified and offers recipes healing a sick society — a return to true Islam. "Almost all of these movements came to the creation of organizations in which commitment to the fundamentals of faith accompanied by militant political stance. As a result, a powerful revival movement (revivalism) led to serious social and political transformation in the Muslim world, the consequences of which have had a significant impact on their policies in the XX century".

On the one hand, the Islamic modernism helped awaken feelings of national dignity of Muslims in many countries, their solidarity in the struggle for national independence. This has helped the implementation of the positive potential of progressive socio-economic and political reforms in several countries.

On the other hand, the historical development of Muslim countries has shown that the proposed model of modernist political development has become less and less in the public sentiment within countries, where the Western-style reforms and implement the concept of fusion of traditional Islam and Western institutions. Gradually, the disappointment in the results of the reforms on the fall of the ruling regimes in Egypt, Libya, Sudan, Iraq and Algeria, led in 1950–60-ies. a change in the ideological orientation of the Islamic revival movements that combine appeals to Arab and Muslim unity and criticism of Western liberalism and nationalism. At the same time, the ideas put forward by Muslim reformers in the late XIX – early XX century, Especially about the institute Caliphate and Pan had a significant impact in the future on the founder of the Association "Muslim Brotherhood" Hassan al-Banna and other leading ideologists of fundamentalism, in Vol. hours. Sayyid Qutb and Mustafa al-Sibai.

Thus, the liberal direction of reforming Islam gave way to radical movements, such as the Association "Muslim Brotherhood", founded in Egypt in 1928, and the "Jamaat-e-Islami", Maulana Abul Maududi'Ala that emerged in India in 1941 in the framework of these movements was the formation of the modern ideology of Islamic fundamentalism and modern political platforms. Thus, Maududi saw the foundation of social and moral system and the starting point of "political philosophy of Islam" in the belief in the unity and supremacy of Allah.

According to him, "the fundamental principle of Islam is that human beings — individually and collectively — must abdicate all rights to sovereignty, law and the exercise of power over others. No one should be allowed to give orders or commands, citing its own right, and no one is obliged to accept the obligation to carry out these orders, and obey such commands. Nobody has the right to make laws on behalf of their own power, and no one has to come to terms with them. This right is vested only Allah: The decision is only for Allah. He has commanded that you worship only Him. This is the right faith" [17].

Sayyid Qutb, one of the "ideological fathers" radical concepts "revival of pure Islam", made its fundamental categories Jaahiliyyah concept applied in Islamic historiography to refer to the pre-Islamic Arab history, the era of ignorance "word of Allah". According S. Kutba, mankind gradually fell into a new Jaahiliyyah. He considered "barbaric" and "Izheislamskimi" Arab regimes as well as western and socialist regimes. The only legitimate authority in society for S. Kutba — is the power of Allah. Struggle between Muslims and their "enemies" he'd seen in the ideological, political and economic, and later a military confrontation.

Islam, the conviction S. Kutba, this "way of being directed to the practical realization of the ideal of human freedom and takes the form of an organized movement. Anti-Islamic and anti-Islamic society lifestyle does not allow this opportunity to make a religion of his followers on the existence of its own regulations. As a result, Islam becomes necessary to put an end to all social systems serving obstacle to the full liberation of humanity. Only in this way can the religion of the Lord reign in its entirety: Establishing of the "Islamic order", according to his conception, perhaps through armed jihad".

These organizations quickly gained popularity in the Muslim world and spread in the form of numerous branches in different countries. "Muslim Brotherhood" won wide recognition in countries such as Sudan, Syria, Jordan, the Arab states of the Persian Gulf and Africa. "Jamaat-e-Islami" has gained a mass base in India, Pakistan, Afghanistan and Bangladesh.

According to J. Esposito, the founders of these organizations were the "architects of contemporary Islamic revivalism, people whose ideas and proposed methods of social reformation carefully studied and are the subject of imitation in the vast expanses of the Sudan to Indonesia" [18]. Ideology of these organizations has been able to formulate a concept in which the canons of Islam have been adapted to modern realities. On the authority of the Qur'an and Sunnah, they theoretically have developed "special, third way" political development based on Islamic doctrine and western and socialist alternative development paths.

However, they were, in fact, the reformers, and in this sense, following the "tradition" of fundamentalist movements XVIII–XIX centuries, Criticizing the decline of Muslim societies and states, they are encouraged to use all the achievements of modern civilization in order to create the social and political structure of Islamic society based on a modern interpretation of the canons of Islam.

These ideologues like H. Aliyev-Banna, A. Maududi, S. Kutb actively worked to create a powerful reform movement based on Islamic value and involving a youth, students, teachers, intellectuals, businessmen, civil servants, that is, representatives of the urban middle classes. Thus, there was an intensive formation of a special “social layer” of people with modern education, are well versed in the socio-political problems of their societies, but at the same time deeply minded “pro-Islamic”. This social base needed leaders of these organizations to carry out their long-term goal — “Islamic revolution”, which implies a gradual and progressive process of Islamization of all social, political, economic and ideological foundations of the Muslim countries.

Of particular note is the influence of objective external factors that have played a catalytic role in abrupt changes in the nature of an Islamic reform movement. First of all, a crucial role in this process was played by the Arab-Israeli conflict in 1967, which demonstrated a crushing defeat of the Arab world, as well as Egyptian President A. Sadatom announced in 1973 the beginning of “holy war” against the Israelis. The defeat in the war with Israel, the occupation of Palestine and of the Arab lands prompted Islamic fundamentalists seek to search the internal causes of the crisis. Moreover, the main cause was recognized as the “degradation” of the Arab countries, which came as a result of “departing from the path of righteousness”. Only a return to Muslim countries to the values of Islam and their rigorous approval in individual and social and political life, in the opinion of the Islamists could save Muslims. At the same time, does not deny the practical value of scientific and technical progress, including achieved under the influence of the West, with the condition that the principal moral and ideological imperative should remain Islamic norms and values.

Another objective was the cause of Iran’s Islamic revolution of 1978–1979. As a result of the collapse of the pro-Western Shah’s regime in the country was founded by the Islamic Republic of Iran (IRI), and the supreme power, according to the Iranian constitution, became the prerogative of the spiritual leader. Most researchers share the view that Iran’s Islamic revolution was the result of objective political and ethnic processes taking place for decades in the Middle East [19]. Its influence on the Muslim world was so great that we can consider this event as a kind of landmark moment in history of the movement of Islamic revival.

Dzh. Espozito considers in particular that “the Iranian revolution has taught many lessons, prompting Muslims all over the world perk, regain confidence in their religion and believe that persistently following the canons of their faith, they can not only re-gain dominion over the world: it served as a reminder that Islam is a comprehensive religion that regulates all aspects of life: both religion and the state, management and policy, economy and social organization, education and morals, religious worship and holy war” [20]. Regarding the impact of the Iranian revolution on the formation of the modern ideology of Islamic fundamentalism, the fundamental importance was the demonstration of mobilizing and unifying force of the Islamic slogans,

which were able to integrate the different social strata of the population, with distinct economic interests.

Iranian spiritual leader Ayatollah Khomeini revolution is not only the first time openly declared opposition of Islam to the West and the rest of the world, but also formulated the concept of the Islamic state as the “rule of law”. Moreover, he stressed that “this law is not adopted person or group of people, but to create their Creator, Almighty Allah. This law applies equally to the head of state, members of Parliament, to the executive, the judiciary and the people. In the Islamic form of government the Prophet (Allah bless him and his family), caliphs and all the rest were guided by the law of Allah, and this process will continue until the Last Judgment” [21].

Such postulates the Iranian Islamic revolution, as an extreme ideological and political polarization of the world and the need to create a “theocratic” Islamic state and “export revolutionary Islam”, and remain today a benchmark for many religious fundamentalist and extremist groups.

Thus, Islamic fundamentalism as a religious-political movement was due to objective and specific causes of the historical development of the Arab-Muslim countries. Its ideologues have managed to create such a concept, which was the most understandable to the general public, but at the same time appealed to the intellectual demands of the national intelligentsia, disappointed in the course of the historical development of their countries.

Radical Islamic fundamentalists have transformed the ideas and slogans of pan-Islamism and reformers declared the goal of creating a single “ideal public education”, uniting all Muslims and based on the idea of “Islamic revival” — strengthening the role of Islam in all spheres of society.

The role of Islam in politics, economy, legal system, education, and almost all other areas of life has become a topical issue in the public debate in almost all Muslim countries. Particularly acute in the public and political debate in the Muslim countries raised the problems of inefficiency of most Muslim governments, the failure of nationalist ideologies, the disappointments in Western values and aspirations to the definition of its own identity.

Current trends indicate that the Islamic factor continues to have enduring effects on the formation of the political situation in the different regions. To strengthen this effect indicates the nature of the political development in Egypt, Turkey, Sudan, Algeria, Pakistan, Malaysia, Indonesia and other Muslim countries. On increasing the Islamic factor in the politics shows political and ethno-religious processes in Afghanistan and Iraq in the context of the ongoing confrontation between them. Expanding the geography of spreading Islam and various Islamist movements, including due to significant flows of migrants from Arab and Asian Muslim countries in Europe, USA, Canada, Australia.

Many of the principles underlying the reform movement in Islam, served as the ideological basis for the formation of radical fundamentalism, which represents a genuine threat to the existence of many states.

References:

1. Yarlykapov A. A. Islamic fundamentalism in the North Caucasus: to the problem // Bulletin of the Center for Social and Humanities Research Vladikavkaz Vladikavkaz Institute of Management and Research Center ethno-political Institute of Ethnology and Anthropology. – № 3. – Vladikavkaz, 1999. – P. 5–19.
2. Alekseev I. L. Civilizational parameters of Islamic fundamentalism: to the problem. – Pros. Analytical group: Strategy, Asia, East, Russia. – [Electronic resource]. – Available from: <http://profi.gateway.kg/alekseev>.
3. Abdel-Malek Anouar and Anisuzzaman (eds). Culture and Thought: The Transformation of the World. – Palgrave Macmillan, 1984. – 105 p.
4. Malashenko A. V. Rejection of fundamentalism as its mirror image // Nezavisimaya Gazeta. – M., 1997, 25th of December.
5. Sharia – a set of religious and legal norms, based on the Quran and Sunnah (Islamic sacred traditions) containing norms of state, inheritance, criminal and matrimonial law. – Legal Encyclopedia, ed. M. Yu. Tihomirova. – M., 1997. – P. 495.
6. Raimondo J. "Islamofascism" – The New Bogeyman. Daniel Pipes and the New Inquisition. // Ether Zone. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.etherzone.com/2001/raim112101.shtml>.
7. Pipes D. Calling Islamism the Enemy. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.danielpipes.org/blog/300>. – November 30, 2001.
8. Habeck M. Knowing the Enemy: Jihadist Ideology and the War on Terror. – School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University. – New Haven: Yale University Press, 2006. – 243 p.
9. Islamic extremism and fundamentalism as a threat to national security: Scientific report. – M.: RISS, 1995.
10. For more information about these groups gives Russian researcher A. Ignatenko. See.: Ignatenko A. Epistemology of Islamic radicalism. // Religion and Globalization in Eurasia. – Edited Malashenko and S. Filatov. – M.: Carnegie Moscow Center, 2005 – S. 176–222.
11. About this, for example, discussion of the problem of martyrdom and jihad in the Islamic world, which took place in March 2004 at the Carnegie Endowment (Washington), with the participation of M. B. Olcott, Malashenko, H. Hakani, D. Kuka. Questions were raised jihad place in a historical context, and analyzed the practice of using literature on jihad and martyrdom images in the recruitment of Mujahideen. // Carnegie Endowment for Peace. – [Electronic resource]. – Available from: <http://www.carnegie.ru/ru/news/70044.htm>. – March, 2004.
12. Mawdudi, Abul'Ala. Lifestyle Islam – M., 1998. – P. 44.
13. Habeck M. Knowing the Enemy: Jihadist Ideology and the War on Terror. – School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University. – New Haven: Yale University Press, 2006. – 243 p.
14. Saudi Columnist: Jihadist Salafist Ideology is Like Nazism // MEMRI Inquiry and Analysis Series. – No. 1007. – October 17, 2005; Saudi Columnist: We Must Discuss Why We Hate the Jews. // MEMRI Inquiry and Analysis Series. – No. 913. – May 27, 2005.
15. See: chap. 1, paragraph 2 of this paper.
16. Esposito J. L. The Islamic Threat: Myth or Reality? – Third Edition. – New York, Oxford University Press, 1999. – P. 47.
17. Chelishchev A. D. The genesis of the conceptual and ideological foundations of modern Islamic extremism. – Lomonosov readings. – 2002. // Electronic library of the Faculty of Sociology. University. [Electronic resource]. – Available from: <http://lib.socio.msu.ru/1/library>
18. Qur'an 15:20. See.: Mawdudi, Sayyid Abul Ala. Political Theory of Islam. Basics of Islam. // Notes of the Fatherland. – M., 2003. – № 5. – (Sayyid [Sayed] Abul A'la Mawdudi. Political Theory of Islam. – Lahore: Islamic Publications Limited, 1976. – P. 4–22. Chapter from the book: Modernist and Fundamentalist Debates in Islam: A Reader, ed. Moaddel, Mansoor and Kamran Talattof. – Palgrave Macmillan, 2000. – Mansoor Moaddel and Kamran Talattof, – 2000).
19. About this, for example: Olimpiev A. Y. Near and Middle East. Actual problems of international relations: Monograph. – M.: UNITY, 2004 – 239 p. – S. 64; Fedorov I. E. Iran – US dialogue and confrontation. – M.: Institute of Oriental Studies, 2004. – 141 p. – P. 6–17.
20. Esposito J. L. The Islamic Threat: Myth or Reality? – Third Edition. – New York, Oxford University Press, 1999. – P. 18.
21. Imam Khomeini. – Imam Ruhullah Khomeini. The Nature of the Islamic State and the Qualifications of the Head of State // Khomeini [Khomeini] Speaks Revolution. – Compiled by Mohiuddin Ayyubi, translated by NM Shaikh. (Karachi, Pakistan: International Islamic Publishers, 1981). – P. 14–19. (Chapter from the book: Modernist and Fundamentalist Debates in Islam: A Reader, ed. Moaddel, Mansoor and Kamran Talattof. – Palgrave Macmillan, 2000. Mansoor Moaddel and Kamran Talattof, 2000).

Zamilova Rimma Ramilyevna,
 Namangan State University,
 teacher, the Faculty of Philosophy
 E-mail: Rimma_zamilova@mail.ru

Heroes and heroic as the ethic-philosophical research objects

A moment is enough to become a hero, but a lifetime is needed to become a respectable person

Paul Brula

*A true hero is notable for disposition's simplicity and senses' tenderness at the peacetime,
 courage and bravery at the wartime and flaming love for his mother country*

Feodor Nickolaevich Glinka

Abstract: In the present article the ethic-philosophical analysis of the phenomenon of heroes and heroic is considered. The «heroic» and the classification structure of heroic behaviors and the compositions of heroic images are analyzed here.

Keywords: hero, heroism, heroic, heroism phenomenon, heroic behavior, the classification of heroes.

The object of the ethic-philosophical research is good and evil, people's moral behavior, moral value, because these characteristics show themselves at the daily routine of a person, society and socialization process. Heroes and heroic are reasonably represented as a definite characteristic of human activities and uppermost a person's moral behavior.

Heroes and heroic, as T. Carlyle wrote, is the undoubtedly extensive theme: «It's boundless and as extensive as the world history indeed. Because the world history is the history of what mankind has done in the world, and to my way of thinking, it's virtually the history of great people who did a good work here, on earth. They, the great people, were the humanity leaders, educators, models and, to wide extent, creators of all that the whole mass of human beings generally aspired to realize and wanted to achieve. Generally speaking, all done in the world is an external material result and practical realization of ideas belonging to great people who were sent to our world» [1, 7]. Thus, the social-historical development process of society is the results of activity and creativity of great people. The whole T. Carlyle's ethical-philosophical concept is directed at this idea. He insisted that: «Society is based on the heroes honoring» [1, 17] and «The world history is the biography of great people» [1, 19].

Though the research genesis of heroes' activity and heroic has dated from Herodotus, but it became as the object of special ethic-philosophical analysis only owing to T. Carlyle. It was he who regarded heroes and heroic as many-sided broad social phenomenon going with the whole history of mankind. His classification of heroes and heroic arouses admiration up to the present time. He classified heroes as: hero as an idol, hero as a prophet, hero as a poet, hero as a shepherd, hero as a writer and hero as a leader. T. Carlyle wrote: «The power of the world consists in its great people; because of their activities the world is not a desert... An eminent person is a true creator of moral» [1, 860].

Indeed, the heroic action of the individual doesn't happen on a desert island or hollow place, but among the people in the

process of social activity. It doesn't matter as far as a person is a man of genius, eccentric and courageous, but his social activities and heroism are linked to reality and lives and fortunes of surrounding him people. The ignoring of social environment impact on individual heroic actions leads to the denial of social determinacy of his activity, making personality cult, excessive praising and heroes' absolutization. G. V. Plehanov named it as «optical illusion». He wrote: «Playing the role of «a good sword» that saves public order, thereby Napoleon removed the other generals, who could play it as well as him, from that role. Social wants of energetic military leader were pleased and social organism blocked the other talented military men's way to the military leader position. Its power became inauspicious for other talents' manifestations in this field. So, the optical illusion happens in such kind of situations. The personality of Napoleon is quit exaggerated, because we put down the whole social power, that proposed and supported him, to it» [2, 327].

Just that social need proposed Napoleon, who was «unsociable hermit», «ungracious Corsican» and «not notable for large stature and physical strength» (characterized by A. Z. Manfred), as a candidate to the history arena and made the hero of «enslaved Corsican people» out of him [3, 21]. This is what Napoleon, unknown yet but already thinking of the purport of life and the fortunes of his nation, wrote: «If it was necessary to strike down the only person for my compatriot's liberation, wouldn't I immediately make my way to plunge the sword of vengeance for my motherland and violated rights into tyrant's chest?» [3, 21–22]. A. Z. Manfred took a correct notice: «That who avoided people of the same age, taciturn and unsociable lieutenant was a true child of his time and inspired all his ideas and hopes. It was not just «corsism», as Masson supposed in due time, but a dream of Corsican people's liberation. It is much more profound and broader, it is vivid and permanently regenerated connection with the whole spiritual life of the epoch, it's heated arguments and discords, and it's thunders and lightning storms» [3, 22–23].

Therefore, the individual can realize the dream of his life and his creative abilities and influence on march of history only through the social. Historical period proposed heroes itself. Perception and understanding of heroism have been changing, but even in different epochs there was the image that was of great value for people irrespective of their belonging to various cultural-historical traditions.

Also, it is impossible to deny the role of a person in society reforms and socialization. A man is chargeable for content and results of his activities. Heroism is a responsibility for the actions that a hero accomplishes for something or somebody. It's necessary to consider heroic in the dialectical unity of individual and social, conscious and unconscious, and due and estimated. Nowadays, historical events' subject can act not only as talented people, a nation or nations, but also every person who is ready to serve his epoch, his nation and the whole humanity. Not the exceptional and uncommon person's behavior makes him as a subject of social-historical process, but his conscious actions, discharging his duties, social and governmental norms' and laws' compliance. Today, a broad action field is opened not only for «initiators» and «great people», but for all those who «have eyes to see and ears to hear», and a heart to love their neighbors. «The conception “the great” is a relative conception. In a sense of morality, “the great” is everyone who, according to Gospel, «lays down his life for his friends» [4, 334].

Heroes and their heroic actions are classified into the following types:

1. mythological and magic heroes;
2. historical people;
3. religious figures;
4. intellectual heroes;
5. reformers;
6. heroes of labor;
7. heroes-warriors;
8. heroes of literature and art.

We realize that this classification is imperfect; so, it might be supplemented or gone over again or transformed on the basis of reading of the matter.

In science literature the term “mythological and magic heroes” is named «cultural heroes» [5, 245]. But it's too broad definition for this term, it can be considered as one of the ancient forms of heroic.

We don't know all the heroes' names of the remote past. Our ancestors knew those who invented the wheel, discovered the flame, started to cultivate the land, to fly in the sky, to catch fish, trained the animals, and built the towns and countries. «According to Greek mythology, Prometheus brought some flame, which he stole from Zeus, to people, and he also revealed the secrets of useful arts. The Polynesian demigod Maun performed even more staggering exploits. He brought not only flame (which he took from Erebus, not from the sky), but also the taro root crop (*Colocasia esculenta*, one of the main cultivated plants in Oceania) and a miracle fish hook for fishing. Moreover, Maun slowed down the sun running in

the sky and unsuccessfully tried to overcome the death. Polynesian people are also sure that he brought a sweet potato, a coconut and a dog, and created a spear and the first snare».

It's more than enough heroes are in myths and fairy tales of Central Asia nations. For instance, a wide spread hero's image in the myths of Khorezm oasis is Ambar-ona, the patroness of women and women's work. The specialists-students of folklore say that heretofore there are the myths about a long and unsuccessful traveling of Ambar-ona in search of her son Khoobby-Khoja (a typical myth subject about the deity of fertility). Her name is associated with the origin of rites about crops growing stimulation — a spring dish prepared from sprouted wheat grains (*sumalak*) and calming down the water element, as it often happened along the river Amudarya [5, 245].

Or, there is also a character, a hero of a numerous of Uzbek and Tajik myths and legends, Bibi-Seshanba (Lady Tuesday), who is the patroness of a family happiness, hand spinning and weaving, cotton processing, and embroidery. Bibi-Seshanba, in the likeness of a fine-looking old woman, helps a poor girl who is related to the home hearth (in one of the Uzbek fairy tales a stepmother hid an orphan girl into the home hearth, but Bibi-Seshanba saved the girl and helped her to find her beloved boyfriend) [6, 26]. Thus, she came forward in defense of the oppressed and the insulted people, and gave them happiness.

Myriads of books were written about historical heroes. Herodotus, Thucydides, Plutarch, A. Toynbee, N. A. Berdyayev and E. Fromm reflected on creative activity of a human being, his heroic acts and heroism. There will always be interest in the professional and personal life of the historical figures, in reverse, every researcher and representative of creative branch tried to uncover something new, overlooked and unexplored in the acts of the historical figures. T. Carlyle wrote: “The history of a picturesque individual is worth to be known. The strength of will, that became ingrained in a human being, who was created alike us, has something attracting in it, so we come running from all the corners to witness all its manifestations. We try to learn more than anything about each person, who has chosen own distinct life journey, no matter where the journey leads, and how he makes it and what he comes across along the way” [1, 264].

The researchers, assuredly, search for the positive in the professional and personal life of the historical figures to display them as the ideals of moral conduct, symbols of virtues and patriots of their land. These outstanding and great people's biographies were published in such series as: “Life of outstanding people”, “Eureka”, “Lives in art”, “Pedagogic library”, “Philosophic heritage”, and “Ethical thought”. But, from time to time, works about historical figures, where they were shown as negative heroes, appeared. Such kind of a historical person was Alessandro Cagliostro, who became a character famous in story and song for his eccentric behavior. T. Carlyle had chosen him as a hero for his famous work “Historical and critical experiments”. Here how he characterize Cagliostro: “a healer of all sicknesses, a rejuvenator, a friend of poor and helpless, a grand master of Egyptian lodge, a psychagogue, a great kofta,

a prophet, an illusionist and bard, a first-magnitude liar acquainted with all secrets of lie, — in one word, the king of liars” [1, 312]. But, the most incredible is that T. Carlyle univocally asserts: “Biographies of all notable people, no matter if they are moral or immoral, are worthy to be written” [1, 313]. The philosopher probably proceeded that “immoral teaches moral better and more effectively than morality, without morality there would not be morality”, as “in the great book of history the largest pasquinade is in the miraculous bond with the heroic act itself”. Indeed, the lives of the great historical figures are not only many-sided, but also contradictory. In addition to that these figures went down in history as people of social-historical process, and those, who changed the regular march of history. For example, such a person was the great Sahibkiran, a commander Amir Timur. “It is said”, — writes I. A. Karimov, “that the great figures are the creation of history, reviving a memory tough life of our ancestor Sahibkiran. This quote may be complemented with the following: the great individuals are born from the nations’ suffering and pain. Amir Timur, who thought that the meaning of his life was “healing nation’s ailments”, became the great son of our folk” [7, 161].

Initially only the tribal leaders, priests, shamans, healers and sorcerers were religious figures. As famous theologian S. A. Tokarev notes: “The cult of ancestors is not universal and, it is quite important, not a primitive phenomenon. It is peculiar to a relatively late stage of historical development, the stage of the patriarchal clan system” [8, 255].

Saints, prophets and founders of religion started to appear simultaneously with the development of society. “The hero is no longer treated as God among people like him, but God-inspired man or a prophet. This is the second phase of the cult of heroes” [9, 47].

One of the first religious figures, the hero — creator of religion, was a prophet and a legendary person Zoroaster (Zarathustra).

An essential idea of Avesta (the holy book of the Zoroastrians) is the dialectical unity of light and dark. At the head of the spirits of the light is Ahura Mazda, while the spirits of darkness are led by Ahra Mainyu. Both of them have equal rights as the Givers of life, but Ahura Mazda created all bright, clean and good for life; in front, Ahra Mainyu created all evil, dark and impure. Relying to the opinion of leading experts in Avesta, culture experts and historians, Doctor of Philosophy, Professor T. Mahmudov asserted that the birthplace of “Avesta” and Zoroaster was in Khorezm [1, 9].

Among the religious leaders, who went down in history as the heroic figures, a prophet and the founder of Islam Muhammad (Mahomet) can be named. Being Christian and admiring his life and deeds, T. Carlyle gave him the following characterization: “We”, he wrote, “by no means, will not see Muhammad as something empty and unnatural, as a miserable ambitious man and a deliberate deceiver, but we can not imagine him like this. Harsh tidings announced by him to the world, were also the real news, serious, dull-sounding voice emanating from the unknown depths. The speeches of this man were

not false. Neither false was the outreach, committed by him here on earth. There was no slightest vanity or delusiveness. He is the fire mass of life that was thrown out of the bowels of the great nature to light the world, as the Creator of the world commanded to do so. And mistakes, shortcomings and even insincere actions of Mohammed, if the existence of such was ever quite thoroughly proven, cannot shatter this basic fact for him” [10, 51].

Great religious leaders and heroic personalities were also Sufis. Sufism developed within Islam, according to John. S. Trimingham, “almost nothing drawn from Muslim sources” [10, 27].

Moreover, J. S. Trimingham wrote that “gradually a vast and complex mystical system formed that regardless of the amount of adoptions from Neoplatonism, Gnosticism, Christian mysticism, or from other systems, we may consider after the Sufis themselves as inner doctrine of Islam, the mystery that lies at the heart of the Qur’an” [11, 27].

The great Sufi teachers as Ibn Arabi, Manai and Omar Khayyam, Saadi Sherozi, Farudiddin Hattori, Jaloliddin Rumi, Hafiz, Jami, Ansari and the founders of tariqas (orders) as Najmiddin Kubro, Bogouddin Naqshband, Ahmad Yassavi Abdulkadyr Gilon and other men of wisdom left a remarkable imprint on the spiritual life of the East. The most common trend in Sufism is a doctrine based on the concept of “holism”, “consubstantiality” or “oneness of the (divine) existence “Wahdat al-vuzhud”. According to this doctrine a man should tend to God, grasping God’s world and have a desire to “be with him” through the perfection of his spiritual world and morality is the goal of Sufi’s temporary life. Spiritual and moral perfection of a man and his virtue was approved by the Sufis, while deception, wiles, violence, cruelty and injustice were condemned by them. Many works on Sufism, which reveals its ethical and philosophical implications, appeared over the last years. For example, revealing the ethical and philosophical viewpoints of Majid Havafi regards Sufism, Ph. D., Professor H. Alikulov wrote: “Havafi was characterized by a more sharp and open criticism of the heartless rulers, particular vices of the feudal society, fallen morals of the Shah’s court ministers, officials, collectors of taxes, deceit, double-dealing, bribery of the clergy: the sheiks, Waziris, muftis etc.” [12, 112]. This is truly a heroic attitude against vices and injustice, a rebellion against greed, acquisitiveness, spread among those in power and the clergy.

Intellectual heroes are those who, through their scientific discoveries, social and philosophical ideas made a significant contribution to the development of civilization, defending freedom of thought and facilitated intellectual progress of mankind. Such heroes were Socrates, Confucius, Lao-tse, Buddha, Biruni, Ibn Sina, Ibn Khaldun, Ibn Arabi, Ibn Rushd (Averroes), Galileo, Copernicus, F. Bacon, R. Descartes, Saint-Simon, David Ricardo, Rousseau, Voltaire, Diderot, Pascal, Goethe, Fleming, Charles Darwin, Karl Marx, Friedrich Nietzsche, F. Dostoevsky, L. Tolstoy, Bach, Wagner, Salvador Dali, Siqueiros, N. Paganini, S. Freud, P. Picasso, Shakespeare, B. Shaw and many others. These are the men of intellectual

creativity, thanks to them, scientific and philosophical ideas are continuously passing from generation to generation, from nation to another nation, and thus humanity evolves as a whole socio-cultural entity.

Contemporary socio-philosophical science claims that all people with their potentialities are outstanding individuals [13, 402]. However “the frequency of potential geniuses and outstanding personalities is determined by the figure of exponent part 1 : 2 000 – 1 : 10 000. While developed and realized themselves as a genius, an outstanding personality is even smaller, that is to say that only one out of ten born geniuses managed to manifest him” [14, 3–4].

The socio-historical evolution has always been accompanied by the emergence of new reformers. Reformers are the people who desperately feel the need for social change, who are actively involved in the transformation of society; they put forward new ideas and projects and try to make a difference. As history shows, such reformers are often politicians, political leaders, those who care about the future of the people and nation. M. Gandhi, with his idea of “non-resistance to evil” and by consolidation fellow-countrymen around him, attained freedom of India from British rule. Mustafa Ata-Turk, relying on the progressive forces of Turkey, led the country to a democratic path of development and modernized social life of his country. In 1986–1992 the president of the Republic of the Philippines, Corazon Aquino, after she had taken over the government, “compared her country with a big house, where she will clear the debris from the basement to the attic” [7, 17].

A chief reformer of Republic of Uzbekistan is I. A. Karimov. Thanks to the president, Uzbekistan gained an independent statehood, has implemented market economy and multifirmity of forms of ownership, and pursues social-political reforms in the area of public administration, democracy development and country modernization. The most important thing in I. A. Karimov’s reformatory activity is an aptitude for convincing people of the society reorganization necessity and ability to get them involved in the reforming process. I. A. Karimov determines the main point of his reformatory activity as: «We always have to convince people by our actions and determinations that it’s possible to reform and reach our aims only because of their getting into the act of reformation process» [13, 317].

The labour heroes make a great contribution in organizational framework improvement and material and spiritual values increase. Thanks to their work, well-being of the people goes up, the new roads and towns are built, the new generation is brought up and a healthy life-style is became firmly established.

History ascribes amazing capacity for work, selfless labour and utmost devotion to the great individuals. P. I. Tchaikovsky considered that: «an inspiration is such kind of guest which doesn’t like to visit the lazy; it only comes to those who invite it». Tomas Edison is famous for his phrase: «A genius is one percent of inspiration and ninety-nine percents of sweat». Isaac Newton said that: «A genius is the patience of thought

concentrated in a certain way». When he was asked how he could disclose the secrets of classical physics, he always answered that: «I was thinking about it all the time».

Historical literature is full of stories about **heroes-warriors**. Without their heroic deeds none of victories was won and none of marches was made, independence and freedom weren’t established. Heroes-warriors showed themselves not only during the war and pitting their strength against the enemies, but they are needed in times of peace. While there are state borders, each frontier or motherland’s defender is able to become a hero-warrior.

Heroes of literature and art are divided into positive and negative, the good and the bad, real and fictitious characters. An artistic reflection of heroic in literature and art is a cognition result of social life laws, a synthesis moment in an image-bearing reproduction process of social reality. Literature and art borrow the topics from the social reality. Even fantastic, detective, surrealistic, cubistic and modernistic novels and paintings have an objective character, because artists’ and writers’ self-consciousness is a subjective reality reflection.

Over a period of further centuries heroic-romantic poetry “Hamsa” by Alisher Navoi still continues to impact the whole world and inspire the young poets and writers, who try to be alike him. “Hamsa” includes five lyric poems and they are different, but united with the main idea and heroic deeds. Navoi’s favourite heroes are usually the representatives of different nations. All of them have the best qualities of human character. The poems’ heroes are Farkhad and Shirin, Leyly and Mejnnoon, Iskander, who are still well-known not only in Islamic world but also in other countries. Heroes of his poems are endowed with unusual diligence, courage and selflessness; their heroic deeds are contrasted with cowardice. As an example could be not only positive characters but also negative images. The poem’s distinctive feature is a fiction phenomenon that is called «an optimistic tragedy».

In the works of literature of such kind of writers and poets as A. Kadiri, Aybek, H. Alimjan, S. Ahmad, Zulfiya, A. Kahhar, G. Gulyam, A. Aripov, E. Vakhidov, B. Baykabulov, H. Davron and others, the sharp images of hard-working people are created, ancestors’ dreams and expectations are shown, the Uzbek people’s struggle against foreign oppressors and invaders are depicted. No selflessness or altruism can be taken into account as a heroic deed if it isn’t devoted to the great idea of servicing to the people and defending of virtue, humanism and justice, glorifying of love and beauty. This top level of heroic found its expression in the works of literature as «Days gone by» by A. Kadiri, «Navoi» by Aybek, «Diminutive bird» by A. Kahhar, «Commander» by A. Aripov, «Yadgor» by G. Gulyam, «Horizon» by S. Ahmad, «Treasure» by P. Kadirov, «Mukaddas» by A. Yakubov and others. The heroes of these works of literature of Uzbek writers and poets portray not only people’s life, their deeds in social justice and triumph of goodness and integrity, but also effect on peoples’ aesthetic feelings and develop philanthropy, responsibility and high moral ideals.

References:

1. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. – М.: ЭКСМО, 2008.
2. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. – Т. I, II. – М.: Политиздат, 1956.
3. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. – М.: Мысль, 1980.
4. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. – Т. II. – М.: Политиздат, 1956.
5. Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г. Создано человечеством. – М.: Политиздат, 1984.
6. Женщина в мифах и легендах. – Ташкент: Гл. ред. энциклопедий, 1992.
7. Каримов И.А. Мыслить и работать по-новому. – Т. 5. – Ташкент: Узбекистан, 1997.
8. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990.
9. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. – М.: ЭКОМО, 2008.; Махмудов Т. “Авесто” ҳақида. – Тошкент: Шарқ, 2000.
10. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. – М.: Гелиос, 2002.
11. Аликулов Х. Отношение Мажида Хавафи к суфизму (Из истории суфизма: источники и социальная практика). – Ташкент: Фан, 1991.
12. Пекелис В. Твои возможности, человек. – М.: Знание, 1984.
13. Пешкова В. Феномен гения. – Ростов на-Дону: Феникс, 2006.
14. Великие женщины XX века. – М.: Мартин, 2002.

*Rakhmonov Bahodir Ubaydullayevich,
Senior scientific researcher of Samarkand State University
E-mail: bahodir-22@rambler.ru*

Nature and spirituality of man and history

Abstract: In the article problems are examined nature and spiritual to activity of man in history and development spiritually-psychical the phenomena of man within the framework some by the processes of history.

Keywords: nature and psyche of man, consciousness, history, reason and ethics.

*Рахманов Баходир,
старший научный сотрудник-исследователь
Самаркандского государственного университета
им. Алишера Навои, Узбекистан, Самаркандская область
E-mail: bahodir-22@rambler.ru*

Природа и духовность человека и история

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы природа и духовная деятельности человека в истории и развития духовно-психическое явления человека в рамках некий процессам истории

Ключевые слова: природа и психика человека, сознание, история, разум и этика.

История всегда с огромным пиететом относилась и относится к сильным мира сего, но в соответствии с закономерностью, согласно которой масса, в конце концов, выполняет свою «уравнивающую функцию» перед разумом, сила, в конце концов, уступает разуму даже в «ходе истории», которая в отношении природы человека весьма расточительна, как, например, в случае с убийством Архимеда римским легионером в Сиракузах или разрушением Персеполиса в ходе «красивого» героического завоевания Александром «варварской» Персии. «И от нас зависит, — наивно полагал А. Камю, — чтобы Запад воспитал своих анти-Александров, которым предстоит вновь завязать гордые узел цивилизации, разрубленный варварским мечом» [1, 374].

Но пока, к сожалению, почти никто не воспитал «своих анти-Александров». Наоборот, в истории часто побеждали (хотя и не навсегда) легионеры, якобинцы, «вожди наций» и т.д. Но это — только те, кто оказывался на «поверхности истории». Однако многие «средние» (в массе), как сказал бы Ортега-и-Гассет, чаще поддерживали в истории Александров, нежели «анти-Александров». Масса так же представляет природу человека, как и «избранные», хотя и в иной форме, иным способом и на ином уровне. Масса, в основном, внутренне связана с историей и служит ее фундаментом. Без массы нет и истории. Но каждая «средняя личность» в массе все-таки представляет и природу человека, хотя и не в достаточной степени. Больше того, она не только представляет природу человека, но и является ее носителем.

«Тогда в чем же заключается природа, вынуждающая нации создавать оружие разрушения, которое в настоящее время способно уничтожить планету? Более точно, каков психологический образ врага, который внушает ужас народам и приводит к тому, что они становятся готовыми жертвовать своими гражданами в кровопролитных войнах? Какова природа фантазий, которые заставляют нации опасаться друг друга и омрачают жизнь людей пугающим предчувствием следующего кровопролития? Одна из самых глубинных характеристик параноидных фантазий о враге заключается в том, что тот угрожает отобрать у народа землю, убить короля и установить тиранию над людьми» [3, 227–228]. Но в фундаменте этих психических отклонений совершенно здоровых людей лежит биологический, то есть природный, фактор — *инстинкт силы и слабости*, с которым человек до сих пор имел дело всегда, и психоанализ здесь бессилён. Фактором, избавляющим человека от ига инстинкта, может быть главным образом разум. Правда, Пол Фейерабенд в своей работе «Прощай разум» утверждает, что решение самых сложных научных проблем обеспечивалось именно инстинктами, хотя и «интеллектуальными» [4, 257–264]. Как тут не вспомнить гегелевский «инстинкт разума»!

Чтобы углубить эту мысль и приблизиться к нашей главной идее о смысле истории в связи с природой человека, обратимся еще и к весьма глубокому рассуждению А. Н. Уайтхеда из его работы «Наука и современный мир». «В этих лекциях, писал он, я предпринял попытку показать великое приключение в сфере мышления. Оно осуществлялось всеми народами Западной Европы. Оно происходило с медлительностью всякого массового движения. Единицей его измерения могут служить полвека. Этот рассказ — эпическое описание одного из эпизодов в сфере проявления разума. Он повествует о том, как определенное направление мысли возникает в народе в результате долгих приготовлений предыдущих эпох; как после его зарождения его содержание постепенно раскрывает себя; как оно достигает своего триумфа; как его влияние формирует побудительные причины действий человечества и, наконец, как в определенный момент своего высшего успеха обнаруживается его ограниченность, что требует новых усилий творческого воображения. Мораль рассказа состоит в признании мощи разума, его решающего влияния на жизнь человечества. Великие завоеватели — от Александра до Цезаря и от Цезаря до Наполеона — оказывали глубокое влияние на жизнь последующих поколений. Но совокупный эффект этого влияния становится незначительным, если его сравнить с полным преобразованием человеческих обычаев и человеческого сознания, осуществленным в течение длительного времени думающими людьми, начиная с Фалеса и до сегодняшнего дня, людьми индивидуально беспомощными, но в конечном итоге — правителями мира» [2, 271]. Если история и представляет собой совокупность поколений «унесенных ветром», то речь идет прежде

всего «о совокупном эффекте влияния» «великих завоевателей», которые главным образом лишь украшали историю, но не «делали» ее, тем более не определяли. Без Александра и Цезаря мировые религии, возможно, утвердились бы еще раньше, хотя сослагательное наклонение в истории вообще не уместно. Но Аристотель, подчеркивает А. Н. Уайтхед, в большей мере приблизил возникновение мировой религии, завершив «свою метафизику введением перводвигателя — Бога». Заметим, что до Аристотеля подготовка мировых религий началась уже в «Тимее» Платона введением идеи сотворения мира демиургом.

Историки всегда «сталкивали» большие группы людей (организованные в государства, в классы, сословия, нации, народы, союзы народов, государств, партий и т. д.) друг с другом, что делало, на первый взгляд, уместным поиск «решающих факторов» (типа экономики, политики, милитаризма, патриотизма и т. д.), но не внутренних факторов, связанных с природой человека. Между тем реально человек участвовал в вековых *исторических* процессах *внутренне*, и это было связано с *сущностью исторической стадии его темпорального бытия*. Сегодняшняя неудовлетворенность выдающихся историков и исторических школ историей, которая внешне выглядит лишь как цепь событий и ее описание, не случайна. Такая история просто лишена смысла, и кажется, что ее отличие от доистории лишь в наличии *средств и способов описания* событий, без которых (письменности, например) она *не отличалась бы от доистории*. Сегодня в философии истории появился ряд концепций в поисках смысла истории — история ментальностей и репрезентаций и т. д. Эти концепции медленно начинают «связывать» историю с природой человека.

Это положение подтверждается исследованиями психоанализа. Если З. Фрейд исходил из того, что едва ли не единственной психической инстинктивной силой, продолжающей до сих пор воздействовать на поведение и иные действия современного человека, является сексуальность, то другие психоаналитики показали, что сегодня на человека, его поведение все еще продолжают активно действовать и другие биологические инстинкты, которые были в первобытную, доисторическую эпоху весьма сильны и ослабевали по мере усиления человеческого разума. К. Г. Юнг, разошедшийся с З. Фрейдом по данному вопросу, считал, что З. Фрейд увидел то, что является «*лишь одним из биологических инстинктов*» человека сегодня. При такой односторонности у фрейдовской психологии «отсутствует всякая возможность освободиться от жестокого ига биологического явления» [5, 163].

Правда, существуют подходы, которые исходят не из вытеснения и последующего избавления человека от прошлых, животных инстинктов, а лишь ослабления их и придания им утонченных форм проявления и действия. Этот подход можно обнаружить в книге психолога Десмонда Морриса «Голая обезьяна», которая сорок лет

назад шокировала западного читателя изображением человека в качестве единственной из ста девяносто трех видов мелких и крупных обезьян, лишенной волосного покрова, но продолжающей до сих пор проявлять свои животные инстинкты в рамках самого общества. Но мы вынуждены сделать здесь существенную оговорку, которая заключается в том, что человек на исторической стадии темпорального бытия все-таки не просто видоизменяет действие унаследованных инстинктов животного прошлого, но *ивытесняет*, «ослабляет» их, сводя постепенно на нет.

К. Г. Юнг в понятии архетипа сделал попытку объяснить унаследованные от доисторического прошлого системы установок, являющиеся «и образами, и эмоциями», которые передаются «по наследству вместе со структурой мозга и, более того, являются ее психическим аспектом. С одной стороны, формируется необычайно сильное инстинктивное предубеждение, а с другой — они оказывают самую действенную поддержку в процессе инстинктивного приспособления» [5, 210]. При этом, продолжает

он, «чем ниже мы опускаемся, тем уже становится горизонт и тем глубже мы погружаемся в сумрак близлежащих предметов и, наконец, касаемся обнаженной каменистой почвы, соприкоснувшись тем самым с седой древностью, когда охотники за дикими животными влачили свое жалкое существование, защищаясь от суровой стихии. Этими людьми владели животные инстинкты, без которых их существование было бы невозможным. Беспредельная власть инстинктов несовместима с сильным и развитым сознанием. А у первобытного человека оно, подобно сознанию ребенка, имеет спорадическую природу. И его мир ограничен, так же как мир ребенка. Кроме того, в нашем детстве, согласно закону филогенеза, вновь слышится отголосок предыстории эволюции рода и человечества в целом. В филогенетическом отношении мы исходим из темных и тесных глубин земли. Вследствие этого самые непосредственные факторы преобразовались в архетипы, которые в первую очередь и воздействуют на нас; поэтому они и представляются необычайно сильными» [5, 211].

Список литературы:

1. Камю Альбер. Бунтующий человек. – М., 1990.
2. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. – М., 1990.
3. Франк Джон. Незнание. Я. – М., 2007.
4. Фейерабенд Пол. Прощай, разум. – М., 2010.
5. Юнг К. Г. Дух в человеке, искусстве и литературе. – Минск, 2003.

*Tkachova Yuliya Mircheslavovna,
Yuriy Fedkovich Chernovtsy National University,
Postgraduate of Philosophy and Theology Faculty
E-mail: tkachova23@gmail.com*

Paradigm basis of scientific communication

Abstract: The article is devoted to Kuhn's project of vision and development of modern science, which is disclosed by such concepts as paradigm, scientific community. A special attention is paid to communication links and strategies in terms of which the scientific activity becomes possible.

Keywords: paradigm, scientific revolution, scientific community, normal science, communication, Kuhn.

*Ткачева Юлия Мирчеславовна,
Черновицкий национальный университет,
аспирант, философско-теологический факультет
E-mail: tkachova23@gmail.com*

Парадигмальные основания научной коммуникации

Аннотация: Статья посвящена куновскому проекту видения и развития современной науки, который раскрыт с помощью таких понятий как парадигма, научное сообщество, где особое место отведено коммуникативным связям и стратегиям, с помощью которых осуществляется научная деятельность.

Ключевые слова: парадигма, научная революция, научное сообщество, нормальная наука, коммуникация, Т. Кун.

Понятие «парадигма» по сей день считается наиболее часто употребляемым и цитируемым в современном

научном дискурсе. Его используют исследователи философии, истории, социологии и гуманитарной науки

в целом. До начала XX века этот термин был своего рода «дремлющим концептом» области философии науки [2]. Но уже сегодня парадигма, по словам Микешиной, «широко применяется как обозначение определенной целостности и конкретного сочетания главных «параметров» знания философско-мировоззренческих и ценностных, эпистемологических и методологических» [5, 353].

Исследователи истории становления этого термина указывают на его присутствие уже в диалогах Платона («парадигма» с греч. — пример, образец), в учении Тертуллиана, в частности в его «Книге о душе». В XV–XIX веках «парадигма» употребляется в словосочетании «*esempli e paradigmī*» (лат. — целые значения для отдельных примеров). Джордж Кристоф Лихтенберг впервые употребил этот термин за пределами грамматики в конце XVIII века. А в начале XX века он был возрожден Людвигом Виттгенштейном, который придавал ему значение, сходное с употребляемым сегодня в современной философии науки [1].

О парадигме так или иначе говорили П. Фейерабенд, В. И. Аршинов, А. Г. Дугин, Л. А. Маркова, В. С. Степин, Р. В. Светлов и другие. Тем не менее, это понятие является одним из самых спорных и актуальных, начиная с 1962 года — года выхода книги Томаса Куна «Структура научных революций», идеи которой стали одинаково популярными как в физике, так и в психологии, лингвистике и т. п. Вот что пишет об этой работе Р. Рорти: «... книга «Структура научных революций» обязана кое-чем виттгенштейновской критике стандартной эпистемологии, но Кун по-новому использовал эту критику для пересмотра привычных мнений» [7, 238]. В этой монографии Т. Кун выстраивает основы фундаментальных понятий своей теории: «парадигма», «научное сообщество», «нормальная наука», «научная революция». По его мнению, говорить о научном знании и его развитии как линейного и кумулятивного процесса возможно лишь в пределах определенной парадигмы. На каком конкретном определении этого термина (исследователи насчитывают около двадцати одного его значения) зиждется концепция Куна, сказать достаточно трудно: это и общепризнанные достижения науки, и образцы решения головоломок, и целый набор предписаний и т. д. Сам автор в дополнении 1969 года пишет: «термин «парадигма» часто используется в книге в двух различных смыслах. С одной стороны, он обозначает всю совокупность убеждений, ценностей, технических средств и т. д., которая характерна для членов данного сообщества. С другой стороны, он указывает один вид элемента в этой совокупности — конкретные решения головоломок, которые, когда они используются в качестве моделей или примеров, могут заменять эксплицитные правила как основу для решения не разгаданных еще головоломок нормальной науки» [3, 224]. Но при всем многообразии и смешении различных смыслов употребления Куном понятия «парадигма», которые неразрывны с совокупностью понятий «нормальная наука», «научная революция» и т. д.,

именно обращение к «анализу парадигмальных процессов в науке», по мнению Огурцова, является наибольшим сдвигом в теории и истории науки [6, 52]. Учитывая психологические и социальные аспекты развития науки, Кун определяет, что парадигма — это некий общепринятый образец для решения задач-головоломок и одновременно — это некая матрица, характеризующаяся комплексом убеждений, ценностей, технических средств. Именно парадигма объединяет ученых в научное сообщество, которое в концепции Куна занимает одну из центральных позиций. Осознавая важную роль социальной обусловленности развития научных исследований и знания, в частности от социальных институтов, от ценностной ориентации ученого, Кун фактически отождествляет понятия «парадигма» и «научное сообщество». Автор пишет: «Парадигма — это то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму» [3, 226]. Таким образом, наука не является исключительно социальным институтом — это и объединённое парадигмой сообщество ученых, и некий род деятельности профессиональных сообществ, поскольку, по мнению Куна: «Именно благодаря принятию парадигмы группа, интересовавшаяся ранее изучением природы из простого любопытства, становится профессиональной, а предмет ее интереса превращается в научную дисциплину...» [3, 45]. Иными словами, ученые создают и оформляют некую теорию или закон и формируют образцы того, как необходимо решать важные научные проблемы, которые впоследствии становятся правилами, концептуальными, инструментальными, методологическими предписаниями, признанными всеми членами научного сообщества.

В пределах одной парадигмы все задачи решаются доказательным путем, учитывая предыдущие научные достижения, что побуждает к необходимости общения между членами сообщества. В отличие от Р. Рорти, который обращал внимание, что «логико-эмпиристская философия науки, и вся эпистемологическая традиция со времени Декарта, утверждали, что процедура получения точных репрезентаций в Зеркале Природы отличается по глубине своей от процедуры достижения согласия по поводу «практических» или «эстетических» дел» [7, 246]. Куновская позиция, относительно проблемы возможности конвенций между учеными, носит иной характер. В частности, Т. Кун объясняет исходные принципы достижения согласия в научном сообществе ученых как коллективного субъекта посредством психологических и социологических категорий. При этом автор обращает внимание, что сама история научной мысли всякий раз доказывает, что «путь к прочному согласию в исследовательской работе необычайно труден» [3, 40]. Само сообщество как единая социальная система формируется вокруг конвенционально утвержденной парадигмы, которая видоизменяется под воздействием ряда социокультурных и психологических факторов в процессе

исторических трансформаций. Научное сообщество, по мнению Куна, это некий социально-коммуникативный феномен, деятельность которого направлена на достижение консенсуса и, как следствие, на принятие парадигмы с перспективой ее дальнейшего развития. Позже, в период «нормальной науки», после завоевания популярности парадигма становится научным достоянием. Только благодаря согласию и принятию парадигмы можно говорить о деятельности научного сообщества на основе общих правил и норм, принятых в пределах парадигмы. Помимо методологических и регулятивных составляющих, парадигма обладает значительным эвристическим потенциалом. Она способна генерировать не только решения, но и постановку научных проблем: «Пока парадигма успешно функционирует, профессиональное сообщество будет решать проблемы, которые его члены едва ли могли вообразить и, во всяком случае, никогда не могли бы решить, если бы не имели парадигмы» [3, 51].

Но, несмотря на выработанные в процессе общения внутринаучные правила и нормы, основанные на взаимном уважении и равенстве, сам процесс коммуникации нередко происходит в ситуациях конфликтности, неуступчивости. Реалии современности подтверждают наблюдения Куна, ученым приходится работать в далеко не идеальных, конкурентных условиях. Известный

философ и социолог науки Бруно Латур в книге «Наука в действии» описывает ситуацию, характерную для современного научного сообщества: «Большая часть работ ученых остается просто незамеченными. Никто не соглашается с ними, никто им даже не возражает. Похоже, что в большинстве случаев процесс обсуждения даже не начинается, ... а способность вести дискуссию в значительной степени зависит от тех ресурсов, которые удастся привлечь на свою сторону. И эти ресурсы сконцентрированы в руках очень немногих» [4, 266–267].

Современная философия науки реализует свой потенциал в разнообразных коммуникативных связях как внутри науки, так и в околонаучных сферах общественно-культурной жизни. Она оказывает влияние на развитие теоретического знания в различных областях науки, исполняя при этом важную коммуникативную функцию интеграции наук. Можно вести много споров относительно противоречивости учения Куна, в частности многие ученые отрицали парадигмальный характер развития науки. Тем не менее, заслуга Т. Куна заключается не столько во введении новых, оригинальных понятий в философию и историю науки, сколько в том, что ему удалось обосновать ключевую роль социально-коммуникативной и социально-исторической составляющих процесса развития научного знания.

Список литературы:

1. Wendel P. Models and Paradigms in Kuhn and Halloun/Paul J. Wendel//Science & Education. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.personal.kent.edu/~pwendel/page3/files/sced133PWfinal1.pdf>.
2. Демьянков В.З. Термин парадигма в обыденном языке и в лингвистике./В.З. Демьянков.//Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. научных трудов. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 15–40.
3. Кун Т. Структура научных революций/Томас Кун. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с. – (Philosophy).
4. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутр. общества/Бруно Латур. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с. – (Прагматический поворот. Вып. 6).
5. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие/Л.А. Микешина. – М: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.
6. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях. Часть вторая: Философия науки: наука в социокультурной системе/Александр Павлович Огурцов. – СПб: Издательский дом «Миръ», 2011. – 495 с.
7. Рорти Р. Философия и зеркало природы/Ричард Рорти. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997. – 320 с.

*Trynkin Vadim Vladimirovich,
The Nizhny Novgorod State Pedagogical University K. Minin,
Associate Professor of sub-faculty philosophy and u theology
E-mail: lazorevoenebo@outlook.com*

Intentions and possibilities synergetic

Abstract: This article explores the main features of synergetic. The goal of synergetic are philosophical purposes. It is interested in turning points in history and geopolitics. Extremely interesting problem «dynamic chaos». However, Synergetic until no more declarations than real discoveries. Good criticism can help it.

Keywords: the main features of synergetic, «dynamic chaos», philosophical analysis.

Трынкин Вадим Владимирович,
 Нижегородский государственный педагогический
 университет им. К. Минина,
 доцент кафедры философии и теологии
 E-mail: lazorevoenebo@outlook.com

Намерения и возможности синергетики

Аннотация: В статье рассматриваются основные теоретические положения синергетики, которые были более намерениями, чем теорией. Эти намерения будут проанализированы с позиции научных и философских точек зрения.

Ключевые слова: синергетика, порядок или хаос, научные перспективы, философский анализ.

Синергетика в настоящее время заняла вполне определённую нишу в системе научного знания, её положениями интересуются, её советы вызывают научный интерес. Потому важно определиться: какова основная стратегия синергетики, каковы сопутствующие и не учтённые ею задачи, насколько эффективны способы их решения. Именно в данном ракурсе предполагается построить философский анализ затронутых тем в данной статье.

Цели синергетики под стать философским целям. Она направляет свой взор на основные сценарии развития человечества, включая также сценарии отдельных стран и регионов. Её интересуют поворотные пункты в истории и в геополитике, она озабочена смертельно опасной гонкой вооружений и подобными стратегическими проблемами [2, 49]. С этой точки зрения синергетику можно считать головной научной дисциплиной, действительно объединяющей в себе проблемы и достижения всех других наук.

Чрезвычайно интересен и ракурс методологии синергетики, обратившейся к наисложнейшей проблеме «динамического хаоса», с которой столкнулись ныне различные отрасли науки. В частности, выяснилось, что наука не готова прогнозировать развитие «огромного количества даже сравнительно простых механических, физических, химических и экологических систем» [2, 33–34]. Причём, при оценке систем, зависящих от состояний «динамического хаоса», приходится иметь дело, с одной стороны, с гигантскими астрофизическими масштабами Вселенной, с другой — с масштабами наитончайших состояний вакуума [2, 34]. Одновременно оказалось, что и «множество систем нашего организма работает в хаотическом или близком к нему режиме» [2, 41], что потребовало искать совершенно новые методы распознавания зон хаоса, их локализации и оздоровления организма. Наряду с худшими последствиями хаоса, обнаружили и его положительные стороны. Так, благодаря искусственно созданным радиационным и информационным «облакам хаоса», удалось, с одной стороны, «закрывать «радиоодеялом» свои планы, намерения, распоряжения», а с другой — защищать вновь созданные способы записи информации [2, 41]. По мере прояснения сущности состояний хаоса всё более приходило понимание, что во множестве случаев «порядок неотделим от хаоса. А хаос порой выступает как сверхсложная упорядоченность» [2, 42].

То есть, прежняя таинственность состояний хаоса заменялась убеждением, причём очень важным не только для синергетики, но и для философии, что через видимые состояния хаоса можно найти пути к новым способам управления сложными системами [2, 42]. Этот вывод можно считать одним из самых главных научных достижений синергетики.

Впрочем, стратегический вывод синергетики значим лишь в случае его активного применения по отношению к действительно сложным, разнокачественным системам. Готова ли к такому испытанию синергетика? С целью выяснения её возможностей, стоит вначале оценить степени готовности её инструментариев. Инструментарий зависит от предшествующих научных достижений. Первый корень синергетики вырастает из лона математического знания, в частности, из трудов А. Пуанкаре. Второй её корень обусловлен развитием информатики, теоретическая база которой также относится к математике. Оба эти научных направления опираются на количественные методы познания природы. В этой связи, в развитии синергетики возникает первая существенная проблема. Так, для обычного цветного изображения требуются огромные информационные мощности, а вот в коре головного мозга даже более масштабное, цветное изображение занимает очень скромный объём. То есть, при сопоставлении характера обработки информации обнаруживается, что мозг человека напрямую взаимодействует с качественными аспектами информации, а искусственной информационной системе приходится пересчитывать все количественные параметры. Специалисты синергетики по данному поводу полагают, что им следует заняться переобучением вычислительной машины, чтобы она умела выделять необходимое и забывать всё ненужное [2, 57–58]. Иначе говоря, рецепт не указывает на кардинально иной путь — возможность оперирования с качественными параметрами, но стремится только скорректировать программу в лоне количественных параметров. Однако такая коррекция лишь заставит машину работать многократно напряжённое. При том, что искомый результат поиска далеко не очевиден.

А. Пуанкаре, наряду с понятиями точек бифуркаций, неустойчивых траекторий и динамического хаоса, ввёл понятия аттракторов (притягивающих множеств в пространствах открытых систем) [7, 175]. Для странных аттракторов характерен знаменитый «эффект бабочки». Мол, взмах

её крыльев, по совокупности притягивающих изменений, способен, в конце концов, радикально изменить дальний прогноз погоды. Для исследователей, в этой связи возникает большая неустойчивость вычисления параметров по начальным данным. Косвенно из описанной проблемы рождается образ динамического хаоса [7, 176]. Отстраняясь от линии предположений синергетиков, стоит заметить, что сам образ «бабочки» (еле заметных начальных изменений) мало теоретичен, так как в нём не учтена немислимая масса мощных пересекающихся влияний на незримую траекторию воздействия «бабочки» на погоду. Достаточно вспомнить в этой связи мощь тайфунов, способных менять «траектории» телеграфных столбов, деревьев, грузовых автомобилей, и прочих массивных предметов.

Правда, образ странных аттракторов настолько понравился представителям синергетики, что они усмотрели в нём основу существенного порядка. В частности, возникло очень сильное предположение, будто «хаос на микроуровне может приводить к упорядоченности на макроуровне» [2, 61]. То есть, хаотичные движения той же бабочки, в конце концов, неведомым способом преобразуют беспорядочные состояния в состояние порядка на планете. В данных рассуждениях, при этом, с невероятным упорством повторяется термин «хаос», хотя более правдоподобно начинать с открытой и очень приличной идеи синергетики: «хаос порой выступает как сверхсложная упорядоченность» [2, 42]. В этом контексте утверждение строилось бы так: некая упорядоченность на микроуровне способна в отдалённой перспективе создать сверхсложную упорядоченность на макроуровне. И это была бы очень продуктивная идея, относящаяся к сложным состояниям жизни общества, когда некая творческая тенденция в науке, вначале малозаметная, потом становится достоянием жизни людей на планете, как радио, авиаперелёты, интернет. То же относится к тайным состояниям микромира, а именно — тёмная материя и тёмная энергия, которая способна влиять на состояние всей вселенной.

Не замечая нестыковок развиваемой теории, синергетики с увлечением создают новые предположения. Например, им подумалось, что «в природе существует всего несколько универсальных сценариев перехода от порядка к хаосу». И можно, мол, изучая самые разные явления, создавая «разные уравнения и получать одни и те же сценарии» [2, 41]. Однако, во-первых, действительно ли природа — изолированный объект, и насколько она — изолированный объект во вселенной. При ближайшем рассмотрении оказывается, что на природу нашей планеты активно воздействуют силы окружающего её Космоса. С одной стороны, эти силы материальны (метеориты, солнечный «дождь»), с другой стороны духовны (силы инобытия). Первые уже не раз могли уничтожить нашу планету либо прямым падением крупных метеоритов, либо мощным влиянием на энергетическую защиту планеты со стороны магнитосферы Солнца. Силы духовные, также, отчасти могли иметь какое-то отношение к процессу зарождения вселенной [8, 419]. И эти же

духовные силы тем или иным способом постоянно воздействуют на духовную природу в людях. Об этом научно свидетельствуют опыты докторов А. Моуди [9, 160–169] и Я. Стивенсона [8, 240–241]. Одновременно на природу Земли постоянно воздействует рукотворная деятельность человечества. Воздействие это и промышленное, и военное. Достижения ядерной физики несложно в одних случаях направить на создание тепловых станций, в других — на ядерное оружие. Оно уже заявило о себе в Хиросиме и Нагасаки, в Чернобыле и Фокусиме. Оно наделало немало бед и в дальней предыстории человечества, уничтожив, как предполагается, предшествующие цивилизации. Так, в г. Махенджо-Даро в долине Инда, например, (время его существования относится к 2500–1900 до н. э.), обнаружены скелеты, лежащие лицом вниз. Пески в окружающей данное место пустыне оплавлены в стекло, что свидетельствует о признаках ядерного удара [8, 466]. Наконец, плоды изысканий в химии могут быть направлены на обеспечение общества множеством товаров и на сохранение природы Земли от истребления. И те же плоды используются в виде отравляющих веществ. Биология вкупе с генетикой также способна максимально оздоровить человека. Но они, в то же время, могут применяться как биологическое и генетическое оружие [12, 109–110]. В связи с рассмотрением данных обстоятельств, а также учитывая, что замыслы разных группировок на планете Земля практически не предсказуемы, о нескольких универсальных сценариях перехода от порядка к хаосу, как это полагают синергетики, можно только мечтать. В этой же связи и проблема «управления хаосом», как новая область исследований в синергетике — тоже слишком большое преувеличение. Поскольку не хаос, а сверхсложная упорядоченность пока настолько непостижима, что процесс управления ею может планироваться только в очень дальнем будущем. Кстати, именно о возможной регуляции сверхсложной упорядоченностью, прежде всего в обществе, с древнейших времён и по настоящее время думали и думают философы. И в общем философском тезаурусе накоплено немало технологий, которые могут способствовать данной проблеме отчасти уже в настоящих социальных реалиях. Поэтому, когда синергетика всего лишь только сталкивается «с новым элементом реальности — формой возникающих структур», мечтая о достижении «совершенства формы, соразмерности и гармонии» [2, 62], философия может вновь лишь удивиться, насколько современные учёные не внимательны к её многим достижениям на этот счёт. И эта невнимательность крепко наказывает именитых первооткрывателей современности. Когда, например, кто-то из специалистов синергетики неожиданно для себя обнаруживает, что «основные формы кооперативного поведения, свойственные живым организмам, имеют свои аналоги среди неорганических систем» [7, 346], такое обнаружение оказывается лишь ложным знанием. Кооперация среди людей основана на духовном взаимодействии, нравственном основании, влиянии на неё контроля со стороны совести. Что из перечисленного можно найти в группе камней или

минералов? Или, к примеру, когда специалист синергетики заявляет, что «множество систем нашего организма работают в хаотическом или близком к нему режиме. Причем часто хаос выступает как признак здоровья, а излишняя упорядоченность — как симптом болезни» [2, 41], вновь звучат броские слова без глубокого смысла. Вопреки утверждению о хаосе в организме, со времён Платона известно, что «в человеке всё зависит от души, а в самой душе — от разума, если только душа хочет быть благою» [5, 89]. Чуткие учёные также пошли в направлении, которое мудрецы изучают тысячелетия. Так, гипотезу о живом поле в человеке в 1923 г. «высказал А. Гурвич, открывший метагенетическое свечение клеток» [3, 309]. Данной гипотезой намечилось концентрированное изучение сложнейшего взаимодействия духовной и материальной сил, уточнение места и роли каждой из них в отношении друг к другу. Выяснилось также, что «в биосенсорах взаимодействие фермента, иммунного тела, клетки микроорганизмов, клеточного органоида преобразуются в... электрический сигнал» [4, 77]. А. С. Давыдов, в свою очередь, в 1986 г. описал возбуждение, деполяризацию и движение электронов вдоль пептидных цепей белковых молекул в форме уединенной волны — солитона. И если задуматься об основном регуляторе описанных явлений, им может быть только человеческая душа. Прямым свидетельством мощной энергии души, пока неведомым способом взаимодействующей с материальной энергией тела, является психокинез. Так, руки Н. Кулагиной излучали лёгкое свечение, и у неё на ладонях возникали электрические разряды, простиравшиеся на расстояние до 10 см. [1, 382–383]. Причём, эксперименты с Н. Кулагиной продолжались 20 лет в окружении строжайших, критически настроенных наблюдателей. После стали известны исследования Р. Бича, который выявил «способность людей генерировать заряд до 15 000 вольт» [1, 382–383]. На основании данных и многих других научных опытов можно видеть, как духовная сила в организме человека не просто регулирует многие биопроцессы, но способна настолько сконцентрировать биохимические реакции, организма, что они преобразуются в совсем иной вид энергии — энергию электронов, к тому же очень

высокой мощности. Следовательно, ни о каких силах хаоса в человеке говорить нельзя. И наоборот, хаос в человеке и его поведении может действительно возникнуть, но только в том случае, если сама душа войдёт в состояние дисгармонии. Об этом, кстати, также издревле знал Платон [6, 31]. Те же свойства души учитывал в своей лечебной практике К. Юнг, обращая внимание на невроз, как теснейшую производную от многополюсных конфликтов эпохи. Душа человека, — точно подмечал он, — стремясь «разрешить конфликтные отношения, чрезмерно напрягается и надламывается» [11, 48]. И Юнг в этой связи подчёркивал: «Учёный мир отвернулся от души. От чего? — От сияющего божества в каждом из нас» [10, 12–13], то есть, от высшего регулятивного начала в человеке. Таким образом, не хаос, а именно душа является основным регулятором всех процессов в организме, как лучших, так и худших.

Может быть, осознав, что, замахнувшись на многое, синергетика пока обладает лишь очень малым, появились сомнения: «Поистине огромна область, в которой наши возможности предсказывать весьма ограничены» [2, 35]. При этом представители синергетики не теряют оптимизма: «Однако в некоторых случаях осознанный барьер не только лишает иллюзий, но и помогает увидеть истинный масштаб стоящих проблем» [2, 35]. Учтя, что наш мир слишком сложен, синергетики стремятся выразить его сущность посредством строительства «других миров, причудливых, необычных, парадоксальных» [2, 63]. И всё же хотелось бы пожелать, чтобы при любых будущих открытиях представители синергетики не просто брали на себя груз объединения достижений проблем других наук, но глубже всматривались бы в их содержание, не чураясь также в тысячелетиях накопленной мудростью.

Итог нашего изыскания таков: синергетика, как совершенно новая наука, пока, одухотворённая своей миссией первооткрывателей, наплодила больше деклараций, нежели реальных открытий. Здоровая критика со стороны может помочь ей подлинно обрести саму себя. Такое обретение достижимо при более глубокой разработке достижений науки, и при достаточно внятном учёте открытий в философии.

Список литературы:

1. Гарин И. И. Что такое мистика? В 2-х тт. — Т. 1. — М.: Терра-Кн. клуб, 2004. — 848 с.
2. Капица С., Курдюмов С., Малинецкий Г. Синергетика и прогнозы будущего. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.spkurdyumov.ru/forecasting/sinergetika-i-prognozy-budushhego> (Дата обращения — 14.10.2014).
3. Карпенко М. Вселенная разумная. — М.: Вече, 2005. — 506 с.
4. Курашов В. И. Познание природы в интеллектуальных коллизиях научных знаний. — М.: Наука, 1995. — 283 с.
5. Платон. Соч. в 3-х тт. — Т. 1. — М.: Мысль, 1968. — 619 с.
6. Платон. Соч. в 3-х тт. — Т. 3. Часть 1. — М.: Мысль, 1971. — 687 с.
7. Синергетическая парадигма. Синергетика образования. — М.: Издательство АКИ/URSS, 2007. — 232 с.
8. Трынкин Вадим. Бытие судьбы. Нижний Новгород. 2012. — 512 с.
9. Форд Артур. Жизнь после смерти. — СПб.-М.: Изограф, 1994. — 356 с.
10. Юнг К. Г. Психологический комментарий к «Тибетской книге мертвых» // Тибетская книга мертвых. — СПб.: Издательство Чернышёва. 1992. — 255 с.
11. Юнг К. Г. Психология бессознательного. — М.: Канон, 1994. — 414 с.
12. Юсупов Р. М. Наука и национальная безопасность. — СПб.: Наука, 2006. — 289 с.

*Filippovskaya Tatyana Vladimirovna,
Associate Professor, Department of Sociology and Psychology,
Urals State University of Economics
E-mail: ftatyana@mail.ru
Terentiyeva Galina Sergeevna, student,
Urals State University of Economics*

Professionals, unprofessionalism and everyday practices

Abstract: The authors present the concept of “professional unprofessionalism”. Describe the technology of its implementation in the current society. Reiterates its position data of current research of sociologists.

Keywords: professionals, lay people, professional unprofessionalism, Overton window, the life-world, everyday practice.

*Филипповская Татьяна Владимировна,
Уральский государственных экономических университет,
кафедра социологии и психологии, доцент
E-mail: ftatyana@mail.ru
Терентьева Галина Сергеевна, студент
Уральский государственных экономических университет,*

Профессионалы, непрофессионализм и практики повседневности

Аннотация: Авторы представляют концепт «профессиональный непрофессионализм». Описывают технологии его реализации в актуальном социуме. Подтверждают свою позицию данными актуальных социологических исследований.

Ключевые слова: профессионалы, непрофессионалы, профессиональный непрофессионализм, окно Овертона, жизненный мир, практики повседневности.

Популярная в новой и новейшей социальной философии тема угроз стабильности жизненного мира — почве и горизонту любых форм практики предопределяет востребованность уточнения характеристик рискованных явлений и процессов. Однако, в работах В. Биммеля, Б. Вальденфельса, Г. Гретича, Л. Ландгребе, Э. Штрёкер, А. Пажанина, К. Шумана, П. Янсена и других как зарубежных, так и российских ученых (П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова, О. Н. Яницкий и др.), при всем многообразии исследуемых феноменов мы не встречаем обращения к тому, что считаем сегодня особо значимым — к проблеме активизации в практиках повседневности профессиональных непрофессионалов.

Поясним, что подразумевается под понятием профессиональный непрофессионализм. На уровне обыденного сознания профессионализм коррелирует с позитивом в индивидуальных и общественных жизненных планах. Субъекта, профессионально владеющего знаниями в любой сфере бытия, мы считаем экспертом, мнение которого значимо для нас при принятии важных решений и определении алгоритмов действий. В противном случае, если планируемое связано с негативными ожиданиями от его результатов, мы оперируем понятием «непрофессионализм» и его синонимами.

Учтем, что в социально-философской интерпретации профессионал (от лат. *Profession* — специальность, заня-

тие) — это индивид, основное занятие которого является его профессией, специалист своего дела, имеющий соответствующую подготовку и квалификацию. Однако достаточно часто мы сталкиваемся с ситуацией, когда субъект, имеющий соответствующие статусу подготовку и квалификацию, совершает действия, приводящие к негативным последствиям как для индивидов, так и общностей. Такое практическое преломление позволяет говорить о профессиональном непрофессионализме.

С нашей позицией во многом перекликаются выводы, представленные в известном философском бестселлере о противостоянии цинизма и Просвещения П. Слотердайка. Здесь мы находим констатацию: «Неученные мошенники былых времен ныне превратились в мошенников-профессионалов» [1, 713]. Действительно, современные мошенники-профессионалы действуют в «солидных фасадах», зачастую используя для собственной выгоды не скандальные эффекты, а обман. Описанная П. Слотердайком теория обмана сегодня уже традиционно исходит из того, что «механизм заблуждения можно рассматривать как биполярный. Можно не только подвергаться обману, страдать заблуждениями — можно и использовать их против других, оставаясь не обманутым и не впадая в заблуждения» [1, 69]. Если несколько десятилетий назад, сталкиваясь с подобными явлениями, аналитики говорили об аферизме, то сейчас подобный аферизм, действительно,

трансформировался в действия знатоков-экспертов.

Наши исследования позволили выделить технологии деятельности профессиональных непрофессионалов [2, 128–136]. К ним отнесены следующие.

1. Технология «вытравливания» профессионалов, владеющих знаниями о социальных и технологических процессах во всей их полноте (реальных экспертов), из активной трудовой среды и замена их 2–5 работниками, наделенных компетенциями для деятельности на участках «разбитой технологической линии» целостного процесса. То есть, собственно процесс «разбивается» на подпроцессы, участие в каждом из которых не позволяет ни одному участнику — субъекту получить и/или представить полную картину происходящего;

2. Технология «забалтывания» реальной проблемы рассуждениями о сторонних смыслах, цитированием текстов законов, планов, программ вместо предоставления конкретного ответа на конкретно поставленный вопрос;

3. Технология умолчания, «обхода» ответа на вопрос, непосредственно «стыкующаяся» с указанной выше технологией;

4. Технология компрометации «любителей задавать острые вопросы» и/или их устранение с социально-экономической и, соответственно, политической арены;

5. Технология легитимации регламентов, позволяющих непрофессионалам, имеющим ресурс власти, предопределять деятельность профессионалов;

6. Технология имитации действия вместо реального действия во всей полноте параметров, востребованных реальными практиками.

Одним из способов практического применения перечисленных выше технологий является так называемое окно Овертона (the Overton Window). В соответствии с утверждениями основоположника теории Дж. Овертона (Joseph Overton) и его последователей, общественное мнение может быть активизировано не только на основе реальных фактов, но и ложных, ошибочных и заведомо фальшивых утверждений. Например, таких, как то, что оружие массового уничтожения будет найдено в Ираке. Именно ложное убеждение способствовало поддержке военных действий против этого государства. Аналогичную технологичность ситуации можно увидеть сегодня в конфликте на Украине, когда ложными утверждениями признанных на западе мира лидеров страны маскируются последовательные массированные действия по уничтожению этнических русских, как людей, говорящих на русском языке, стремящихся сохранить традиции и историческую память русскоязычного населения.

В то же время, значительный интерес в ракурсе противостояния технологиям профессионального непрофессионализма может представлять практика изменений в сфере семейных, сексуальных и гендерных отношений. Здесь, с нашей точки зрения, с одной стороны, формируются условия инициирования повышения риска социальной напряженности, а с другой, — укрепляются традиционные

ценности, предопределенные природой и многовековыми нравственными установками.

Так, мы узнаем, что «религиозные аргументы в пользу признания однополых браков, которые все громче раздаются в США, наглядно показывают, что глубокие мировоззренческие сдвиги не обходят стороной и область веры. Если еще недавно религиозная легитимация гомофобии была чем-то само собой разумеющимся, то теперь это не так. Напротив, идеи справедливости, равноправия и терпимости в сфере сексуальных отношений все чаще получают религиозную санкцию» [3].

В противовес подобным «окнам Овертона», во всем мире сегодня активизируется пока еще недостаточно организованная деятельность субъектов, стремящихся к возвращению традиционных ценностей, прежде всего, в приватной жизни. Более того, сторонники традиций даже подвергаются дискриминации. Так, Майку Адамсу — известному в США стороннику традиционных ценностей, в 2006 г. было отказано в звании полного профессора из-за его консервативных взглядов и весьма недоброжелательных высказываний в адрес феминисток [4].

Как отмечают В. С. Магун и М. С. Фабрикант, А. Торнтон и Л. Янг-ДеМарко обнаружили, что бурное распространение среди американцев в 1960–1980-х г. г. прошлого века новых семейных норм и практик вызвало в качестве реакции усиление противоположного по смыслу типа нормативного сознания, т. е. укрепление и рост популярности консервативных взглядов на семейные отношения [5]. То есть, насильственное внедрение со стороны радикальных новаторов убеждений в легитимности их взглядов порождало отпор становящимися не менее радикальными консерваторов. Нечто подобное наблюдается сегодня в европейских странах и в противостоянии ценностей «старого мира» «новому миру» мигрантов.

Как отмечают российские исследователи, в настоящее время гендерные и семейные нормы являются одной из центральных тем консервативного идеологического поворота и массовой идеологической индоктринации в России [5]. В исследованиях В. С. Магуна и Т. С. Фабрикант отмечается, что Россия по сравнению с другими европейскими странами является наиболее традиционалистской не по тем нормам, которые самими российскими поборниками традиционных ценностей провозглашаются наиболее значимыми и наиболее специфическими для России в противовес современной Европе. Это касается регулирования прав гомосексуалистов или права на аборт. Здесь Россия оказывается на средних для Европы или даже более либеральных, чем большинство европейских стран, позиций. В то же время особенно высокая средняя приверженность традиционным нормам проявляется у россиян применительно к норме детности в различных ее проявлениях и норме асимметричности гендерных ролей по параметру «дом-работа».

Именно семья — базовый социальный институт любого общества не только первой ощущает позитив и/или

негатив перемен в жизненных мирах, но и вырабатывает стратегии противостояния действиям профессиональных непрофессионалов. То есть, не смотря на «догоняющий» характер демографической модернизации, российское общество по-прежнему относительно однородно в консерватизме взглядов на семейно-гендерные отношения. Не исключено, что именно это помогает противостоять социально-экономическим диспропорциям, закладываемым в социуме через технологии профессионального непрофессионализма.

Например, по мере усложнения российского общества наблюдается общий рост количества общественных групп граждан, которые защищают свои права, благотворительных организаций и инициатив, собирающих средства или вещи нуждающимся в помощи, формируются новые общественные интересы, требующие удовлетворения. Но, как показывают исследования Левада-Центра, российские государственные институты зачастую не успевают адаптироваться к новым процессам, потому что чиновники не успевают их вовремя разглядеть, намеренно игнорируют происходящее или же напрямую подавляют те инициативы, которые угрожают сложившимся коррупционным схемам [6].

Нельзя не согласиться с мнением социологов, что каждый из этих случаев чреват развитием конфликтной ситуации с риском перерастания в открытый конфликт, который угрожает сложившемуся политическому порядку. Каждый второй россиянин ощущает рост напряжения в обществе. Те респонденты, которые ощущают напряжение, считают, что в первую очередь его подъем связан с экономическими

проблемами (74 %) и с обострением международной ситуации (42 %). Поэтому среди угроз, стоящих перед страной, россияне чаще всего называют рост цен (54 %) и экономический кризис (49 %). Представления об обострении международной обстановки подтверждаются ростом установок на изоляционизм от Запада и ростом негативного отношения к США, ЕС, Украине [7].

По данным Левада-Центра доля россиян, негативно оценивающих свое отношение к США, Европейскому союзу и Украине, достигла максимального значения (81 %, 71 % и 64 % соответственно). С весны 2014 г. число респондентов, считающих, что России необходимо укреплять отношения с Западом, уменьшилось с 61 % до 40 %. 37 % опрошенных уверены, что большинство развитых стран рассматривают Россию как конкурента. Каждый четвертый респондент считает, что как врага [8].

Как видим, мы обоснованно определяем субъектов, профессионально привносящих негатив в ценностные ориентации и жизненные планы людей профессиональными непрофессионалами. «Водораздел» сущностных признаков непрофессионала и профессионала можно определить на уровне общечеловеческих, общегуманитарных ценностных ориентиров. Профессионал поддерживает своей деятельностью эти ориентиры, а непрофессионал, наоборот, деформирует. Но он может это делать очень профессионально с точки зрения технологий манипулирования сознанием и удержания ресурсов власти. Исследования социологов подтверждают социально-философский контекст представленных выводов.

Список литературы:

1. Слотердайк П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, – 2009.
2. Филипповская Т. В. Риски рефлексивной модернизации в условиях обострения антагонизма знания и НЕ-знания. – Екатеринбург: изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2013.
3. Фаликов Б. Вера, Обама, любовь. Обама поддержал однополые браки, опираясь на свои религиозные убеждения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2012/05/14_a_4582393.shtml
4. Панкина Д. Ответ американского профессора студенту-недоумку стал хитом интернета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26179/3069073/> (Дата публикации 10.01.2014).
5. Фабрикант М. С., Магун В. С. Семейные ценности россиян и европейцев // Демоскоп Weekly. – № 613–614, 6–19 октября 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0613/tema05.php>.
6. Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. Сводный аналитический отчет. 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/books/potentsial-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem> (Дата обращения: 13.02.2015).
7. Напряжение в обществе: ощущения, причины. Пресс-выпуск Левада-Центра 10.02.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/> (Дата обращения: 13.02.2015).
8. Международные отношения. Пресс-выпуск Левада-Центра 09.02.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/> (Дата обращения: 13.02.2015).

*Chernyakova Natalia Stepanovna,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Professor, Northern People Institute
E-mail: Cherns2011@yandex.ru*

Epistemological sense of the definitions “true”, “erroneous” and “relatively true” in the process of cognition

Abstract: It's asserted in the article that cognition is a purposeful process of assessment of ideal images formed in mind at their true content; that the error is known only retrospectively, but is unknown as the current misconception of the subject of cognition, and that talking about “relative truth” of our images we have in mind not the degree of their correspondence to reality, but the problematical character of the correspondence itself.

Keywords: cognition, epistemological relation, true, erroneous, relatively true.

One of the fascinating paradoxes of social consciousness is a stable combination of the piety to the Truth as the fundamental value of culture and the belief that human life can be successfully developed on the basis of non-truth. As a result, we can read in many texts that social institutions and individuals can achieve their goals, even if they don't follow any of the true doctrines of reality; that the value of scientific ideas is independent of their truthfulness or falsity; that erroneous ideas and theories have some practical use and cognitive functions, etc.

Of course, to analyze such claims may be possible only with a firm belief that they are metaphorical, and that their true content isn't the same as the one that can be understood in their literal interpretation. Otherwise, we might get some quite absurd claims such as, that for astronomers it's “useful to err” about the structure of the Universe, for doctors it's “useful to have misconceptions” about the causes of diseases, and for all the rest, obviously, it's “practically useful” to know nothing at all about the world around them.

In fact, allegations of “practical usefulness of erroneous ideas” are nothing more, then a form of expression of the fundamental problem of knowledge, the essence of which is that the contradiction between the perceived truthfulness of the ideal images of consciousness and their objective meaning is inherent to cognition.

To the question “What does it mean to “know?” we can answer, that “to know” means to have in one's mind a set of ideal images of reality, and that “knowledge” is just this set of ideal images of reality, existing in the human mind.

But what if the images of consciousness, perceived by a person as representatives of the reality itself, aren't as such in fact?

Both the ancient astronomer and the chemist of 18th century were equally convinced that they have knowledge of what they say, that the images existing in their minds represent objective reality itself. However, everyone, who is reading now these lines, knows that the ancient astronomer didn't know the structure of the Solar system, and the chemist of 18th century didn't know the nature of the burning.

This directly opposite estimation of the same claims suggests that knowledge is not any ideal image, expressed in the statements, but only the image that is recognized as corre-

sponding to reality itself, or to what is really existing. It's just this image of reality is called “true”.

Knowledge always arises in the process of assessment of the ideal images expressed in the judgments at their true content, i. e., at their correspondence to being itself, and beyond this estimative relationship doesn't exist. That, which is meant and expressed by the statement “I know”, is always recognized and declared as true.

Asking about the truth of certain ideas, the subject of cognition wants to determine which of these ideas he can call his knowledge. From this point of view, cognition is a purposeful process of assessment of ideal images formed in mind at their true content. Those thoughts, ideas, judgments, the truthfulness of which remains problematic for the subject of cognition, are referred to as guesses, assumptions, opinions, believes, hypotheses. All these forms are considered only as steps of the process of identification of the truthfulness of images of consciousness, but not as knowledge just because they aren't recognized as true. However, to the extent that they are already aware by the subject of cognition as true, they turn to him in knowledge.

But if knowledge is that and only that in the consciousness, which is evaluated as true, then knowledge can't have two characteristics: true and erroneous. True or erroneous can be images of consciousness, which are judged as problematic. But those images which are evaluated as true can't be evaluated as erroneous within the same theoretical system.

It follows that the term “true knowledge” tautological, like the terms “rectangular square” or “round circle”, and the term “false knowledge” is as much an oxymoron as the terms “round square”, “wooden iron” or “yawning heights”. Both in the public and in the individual consciousness, such results of cognition (components of consciousness), that aren't yet understood or ceased to be understood as true, aren't included in the scope of knowledge. The act of cognition is such that cognizing subject distinguishes ideal images of his consciousness by the degree of their correspondence to what is perceived as existing outside of subject's consciousness.

However, functioning human consciousness can't evaluate at one and the same time the content of its images and the foundation of the evaluation. As soon as the subject of knowledge separates from himself his own judgment and

makes it the object of assessment, judgment ceases to be his state, ceases to be a fact of his consciousness. Assessing the validity of the content of the text (utterance, formulas), the subject of cognition doesn't identify him with this content, but, on the contrary, transforms his state of knowing in the basis of the evaluation.

The statement "I err considering the system of Ptolemy as true" would be identical to the statement "I don't err, since I cease to think that this system is true". Actually, to say "I'm erring" is to recognize that someone's claim is false, i. e. isn't corresponding to reality itself. However, up until an astronomer doesn't know the answer to the question: "Whether the system of Ptolemy is true or not?" he isn't erring. To be erring he'll begin only at the moment when he'll decide that the system of Ptolemy is true.

Thus, the error is the product of cognition, which is not knowledge, but which is emerging as the knowledge in the process of evaluation of the ideal images on the truth. Unlike knowledge, evaluation of which coincides with its epistemological content, mismatch between the perceived truthfulness of the image and its epistemological content, i. e., between the esteem of the ideal image (idea, theory) by the subject and the real correlation of this image with the object, is inherent to the error. The error is that, which being perceived as true and, therefore, — as knowledge, is not really as such.

So, according to the geocentric system of Ptolemy, the Earth is in the center, and the planets move unevenly in circular orbits. In the heliocentric system of Copernicus the Sun is in the center, and the planets move evenly in circular orbits. The relation, in which these statements are to the real Solar system, is determined by their epistemological content, i. e. the property to correspond to the real Solar system, and this relation remains invariant over the centuries.

The invariance of epistemological characteristics of one or another set of statements is meant as the constancy of the relation between this set of statements and the object area, which these statements describe. This means that those elements of the content of the concepts that were true or erroneous (i. e., correspondent or not correspondent to reality itself), retain their epistemological characteristics for ever: neither in the time of Ptolemy, nor in the era of Copernicus, neither today, nor after a million years the Earth wasn't, isn't and will never be the centre of the system of planets, one of the elements of which it is, as the planets didn't move, don't move and will never move evenly in circular orbits. Evaluating these statements as true, astronomers were always wrong. However, they have known about their confusion only retrospectively, i. e., only when they have stopped to assess these allegations as true.

It follows that when people are realizing their misconceptions they cease to be mistaken, but up to this point nobody knows the content of their errors, because it's impossible to evaluate the statement as true and at the same time to realize that it's wrong! So arguments about "cognitive function" or

"practical use" of errors shouldn't be understood literally: errors have no any functions in cognition, because no one bases his cognitive activity on errors. The ideas of the phlogiston and the ether, the geocentric system and many other ideas and theories have been recognized by scientists as true and only because of this were included by scientific community in the body of knowledge. Although these ideas haven't become "truer" due to the fact that they were generally accepted, the fact of awareness of their truth turned them into knowledge (or what was taken for knowledge).

It means that the error is unknown as the current misconception of the subject of cognition; it's known only retrospectively or from detached view. That is why the most important feature of cognition as a purposeful process of assessment of ideal images formed in mind at their true content is that the subject of cognition never knows where his knowledge really ends and his ignorance begins, which he takes for knowledge.

The fruitfulness of such ideas and theories, the truthfulness of which was refuted in subsequent development of scientific knowledge, is due not to their inherent worth and, of course, not to their falsity, but, first and foremost, to their "relative truth". However, it should be recognized that the term "relative truth" is extremely lame to describe the developing of knowledge. This term distorts the meaning of "truth", for approximation and incompleteness can't be properties of the true image of reality by definition.

The truth can be relative only in relation to being and only in the sense that at every moment the subject of cognition doesn't distinguish between that which is existing in reality and that which isn't, and therefore doesn't know, whether his images represent being or not, i. e. doesn't know, whether his images are true or false. In other words, talking about "relative truth" of our images we have in mind not the degree of their correspondence to reality, but the problematical character of the correspondence itself.

The category "truth" is a logical image of such thought, which is adequate to reality and therefore can't be updated or changed. Any change would lead to the violation of adequacy. Just because of this the denial of the knowability of the world or the ability to obtain the truth is always accompanied by interpretation of the truth itself as not precise and unchanging, but as inaccurate and inadequate "knowledge", which, in fact, is only another expression of the idea of agnosticism. Meanwhile, if the "inaccurate knowledge" was possible, then the statement "I know how much is two and two, but not exactly" would be meaningful. In fact, quite a different kind of statement is meaningful, namely: "We know the value of π , but only accurate to a certain sign". Knowledge is always accurate, but at time t we don't know whether we really have knowledge or not? The answer to this question we'll get only at time t' .

Describing our statements as "relatively true", we actually mean that at this moment we don't know which of our statements are really true and which are erroneous, however,

we assume that true statements are among them. But just that content, which according to our assumptions is true, mayn't be inaccurate, because if it's inaccurate — it's not true, but erroneous.

The dialectic of absolute and relative components of the process of cognition unfolds against the background of already known being, in the bosom of the always-knowing consciousness. The content of the category “truth” remains

unchanged. That, which isn't understood by subject as representing being itself, isn't considered by him as true, but that, which doesn't really represent being itself, isn't really true as such. Nothing can change the relation of the true image to the being represented in it: there is no any development or temporal parameter in the epistemological relation, and that, which is true, can become erroneous only if being itself changes.

Section 10. Economics and management

*Blahun Ivan Semyonovich,
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,
Doctor of Economics, professor, Department of Economics
E-mail: blagun@email.ua*

*Vasylyuk Natalia Romanovna,
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,
postgraduate student, Department of Economics
E-mail: blagun@email.ua*

The role of logistics in the management of regional commodity markets

Abstract: The article analyzes the current trends in regional commodity markets and identifies their potential for food security. The author systematizes the current findings on the role of logistics in regional commodity market management and discusses the advantages of the logistics approach.

Keywords: logistics, market management, regional economy, commodity market.

Balanced settings of monetary and financial, credit, commodity, pricing policy and other macroeconomic indicators are only able to automatically adjust the value of many economic indicators if there is a competitive infrastructure in the economy of a country. The experience of developed western countries shows that the efficiency of a market economy depends on the market infrastructure, which should provide the optimum combination of the interests of its subjects. Being a link between producer and consumer, market infrastructure enables producers to implement products and customers to create conditions for the purchase of goods in the required range and quantity.

It is known that in our economy infrastructure in general and infrastructure of commodity markets in particular was a purely notional and intended for the centralized planned economy. Premarket economic conditions were out of the forced recognition of the usefulness of the goods or services regardless of demand in a given period of time and for the consumer. As a result, a management system of commodity flows based on strict hierarchy of the management of the logistic chain of infrastructure elements of production movement was established.

It should be admitted that at present in the national scientific literature there is lack of research on the identification of the market environment of logistic systems of food markets, development optimization of logistic systems and coordination of such optimization criteria. In addition, there is a need for a systematic study of the status dynamics of the regional food markets in conditions of reducing the purchasing power of the population and increased commercial and financial risks associated with investing in enterprises of agricultural and industrial complex of Ukraine. The formation and development processes of markets at the meso-level are not

enough investigated yet, only separate commodity markets are considered, as well as related problems of development of infrastructure elements.

It is also necessary to systematize the existing methodological approaches to the study of regional food markets. In addition, evaluation criteria of food security of the region in terms of overall reduction of purchasing power and business activity require clarification, the priorities in the formation of consumer demand on the market of food products and stabilization directions of development and improvement of the efficiency of food production at the regional level must be determined. The importance and the need to address these complex issues constitute the research topicality. Undoubtedly, such a wide range of issues cannot be investigated within one scientific article — they outline the range of tasks which will be solved in the framework of the current research.

It is necessary to look for new modern forms of management organization of industrial complexes, which would contribute to the development of regions and their administrative-territorial systems. This task can be implemented through the introduction of innovative scientifically proven approaches to the management process. One of these approaches must be introduction of the concept and methodology of logistics, which could be applied for the transformation and adaptation of economic systems of different levels of complexity and hierarchy.

According to B. A. Anikin [3, 10] there are two fundamentally different directions in the definition of logistics in foreign scientific literature and entrepreneurial activity. One of them is associated with a narrow approach to commodity movement — the management of all physical operations that must be performed in the process of delivery of goods from supplier to customer. Another direction is characterized by

a broader approach: in addition to the management of barter operations, it includes analysis of the market of suppliers and consumers, coordination of supply and demand on the market of goods and services, and it makes the harmonization of interests of participants of the process of production movement. In this case, managerial, economic and operational and financial aspects were widely spread within the second approach to logistics.

The literature analysis [1–5] has shown that logistics is determined by the following definitions:

- function of the organization within which it must plan, manage and monitor material flows and related information flows. This function is considered as a closed system that includes the delivery of raw materials, manufacturing of products and distribution;
- comprehensive, coordinated management of the overall process of product movement at all levels, within separate regions and the national economy;
- the art and science of management, technique and technological activities (with all their servicing information flows for all spatial-temporal processes in industry, trade and services), aimed to fulfil the planning requirements, provision and maintenance of support equipment for objectives, plans and operations;
- interdisciplinary scientific direction that is directly connected with the search of new opportunities to improve the efficiency of material flows;
- the organization and implementation of production movement in the sphere of circulation. In the framework of this approach it is legitimate to attribute to logistic activities the following functions: formation of economic relations; determination of the need for transportation of products, coordination of operational management of supplies and transportation; the formation and regulation of the stock of products; development, placement and organization of warehouse utilities;
- the theory and practice of optimization of the appropriate combination of complementary industrial, transport, commercial activities and its relationship with the environment on the basis of specifically targeted, properly grounded system integration and integrated adaptation in space and time of their internal and external functional stream processes, capital, labour, tools and objects of labour, industrial and organizational management structures and other necessary elements.

Taking into account the approaches to the interpretation of the logistics concept, we can suggest a new approach to the definition of logistics, according to which logistics is the scientific and practical approach to the organization of economic activity, which means planning, managing, implementing and monitoring of rational cost-effective movement of raw materials, semi-finished and finished products with the information and financial flows from the place of manufacture to the point of consumption to satisfy customer needs.

In this context, we can entirely agree with the opinion of R. R. Larina [2, 29], who notes that the novelty of the modern

approach to the strengthening of the role of logistics in management of regional markets, including the food market, lies in the following provisions:

1. Using of integrated approach to the question of movement of material assets in the production process. In a fragmented way to control the material flows coordination is insufficient, there is no proper sequence and coordination of the various units of the economic system. Logistics, based on a comprehensive approach, means the coordination of processes associated with material flows, production and marketing.
2. Use of theory of compromises in the activities of economic entities, which became a characteristic feature of the concept of building of logistics systems aimed at regional development.
3. Use of theory of total costs, which allows you to rearrange costs in the distribution; the total level of costs of movement of goods from producer to consumer at the regional markets will minimise.

The modern stage of social and economic development of countries with transition economies is determined by the paradigm of regional economic development and regional policy. The concepts of interregional competition, globally oriented regional policy, transnational integration become widely spread equally with the traditional theories of regional development, as well as the paradigm of sustainable development and security of development as the symbiosis of the dynamic balance of economic, social and environmental components of regional development. To ensure entering of trajectory of sustainable development by the region as a component of dynamical system and supplying of safe level of fluctuations of the parameter values within the valid range of values taking into account the synergistic effects we need the formation of regional commodity markets, including food markets. The formation of a regional market is not only a stage in the development of the regional economy, but also the means of its recovery, and as a consequence the acquisition of new system properties and characteristics. Effective functioning of regional commodity markets can be achieved through the implementation of monitoring of all phases of the movement of material, financial and information resources, it allows avoiding unnecessary costs that exist in the traditional approach to resource management.

The study of the regional market from this point of view requires a comprehensive analysing using a systematic approach and opportunities of economic-mathematical modelling in the following areas: the competitive environment of the regional markets, the conditions for the formation of effective internally regional and interregional relations, development of market infrastructure of the region, the channels of movement of goods from the direct producers to consumers, regional factors that influence the capacity of regional markets of various types, economic mechanisms of interaction of subjects of regional market relations and the level of effectiveness of such mechanisms.

One of approaches, that improves the efficiency of the regional market taking into account the complexity of the

relationships between its elements, is the logistic approach. Proposed own definition of logistics has allowed to specify a list of tasks for the members of regional economy regarding the regulation of regional goods, including food markets.

Considering the prospects of this research in the future we should focus on the identification of the existing structure of the logistics system of regional commodity markets, as well as the search of criteria and mechanisms for its optimization.

References:

1. Жмайлова О.Г. Регіональний ринок продовольства: сучасний стан та перспективи розвитку. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://confcontact.com/2013_04_04_zhv/13_Zmaylova.htm
2. Ларіна Р.Р. Теоретико-методологічні основи формування регіональних логістичних систем: дис. д-ра екон. наук: 08.10.01/Харківська національна академія міського господарства. – Х., 2006.
3. Логистика: Учебное пособие/Под ред. Б.А. Аникина. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 328 с.
4. Резнікова О.С. Стан та перспективи розвитку ринків продовольчих товарів: дис. канд. екон. наук: 08.07.02/Кримський держ. агротехнологічний ун-т. – Сімф., 2005.
5. Шаповалова І.О. Структурно-сегментна модель ринку продовольчих споживчих ресурсів/І.О. Шаповалова//Культура народів Причорномор'я. – 2009. – № 162. – С. 71–75. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/7018/20-Shapovalova.pdf?sequence=1>
6. Шевченко О.О. Підвищення ефективності функціонування продовольчого комплексу/О.О. Шевченко.//Державне будівництво. – 2007. – № 2. – [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/DeBu_2007_2_25.pdf.

*Buryak Oleg Petrovich,
Lviv Academy of Commerce,
Researcher, Department of Economic Theory
E-mail: ks770@inbox.ru*

To the management of the banking sector in modern conditions

Abstract: Basic principles of modern anticrisis policy of Ukraine and ES are examined. It is marked that high probability of origin of crisis in the processes of functioning and development of any subject of manage predetermines the necessity of introduction of the specialized anticrisis management.

A conclusion is done that a public policy in relation to realization of anticrisis measures is fragmentary, unintegral, orientated on the decision of urgent problems and does not engulf strategic benchmarks in development of banks of Ukraine.

Keywords: anticrisis state administration, strategic management, economic crisis, economic situation, financial system, economic stabilizing.

*Буряк Олег Петрович,
Львовская коммерческая академия,
соискатель кафедры экономической теории
E-mail: ks770@inbox.ru*

К вопросу управления банковским сектором в современных условиях

Аннотация: Рассматриваются основные принципы современной антикризисной политики Украины и ЕС. Отмечено, что высокая вероятность возникновения кризиса в процессах функционирования и развития любого субъекта ведения хозяйства предопределяет необходимость внедрения специализированного антикризисного управления.

Сделан вывод о том, что государственная политика относительно реализации антикризисных мероприятий является фрагментарной, нецелостной, сориентированной на решение неотложных проблем и не охватывает стратегические ориентиры в развитии банков Украины.

Ключевые слова: антикризисное государственное управление, стратегическое управление, экономический кризис, экономическая ситуация, финансовая система, экономическая стабилизация.

Для преодоления финансового кризиса в Украине предусмотрено формирование инструментальной структуры управления антикризисными мероприятиями и соответствующей законодательной базой подготовки доктрин, стратегий, концепций, государственных и ведомственных программ в разных сферах преодоления кризисных явлений и формирования новых подходов к управлению банками.

Отметим, что формирования стратегии является достаточно трудоемким процессом та требует кропотливого анализа наявной ситуации, опыта других стран та учета рекомендаций экспертов. Проведем анализ принятых законодательных и нормативно-правовых актов, которые были приняты для преодоления кризисных явлений. В таблице 1 нами приведены принятые антикризисные нормативно-правовые документы и указано положительные и отрицательные последствия от их внедрения.

Кроме ряда нормативно-правовых документов представленных в таблице 1, основные принципы современной антикризисной политики были изложены в некоторых законах, а именно:

1. Закон Украины «О первоочередных мерах по предотвращению негативных последствий финансового кризиса и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины» [2] от 31.10.2008 г. Данным законодательным актом предусмотрено создание Стабилизационного фонда за счет сверхплановых поступлений от приватизации государственного имущества в 2008 г. и поступлений этих средств в 2009 г., целевого размещения государственных ценных бумаг, а также перечень мероприятий, направленных на поддержание государством капитализации отечественных банков.

2. Закон Украины «О Государственной программе экономического и социального развития Украины на 2010 г. (Антикризисная программа)» № 2278-VI от 20 мая 2010 г. [1].

3. В последующем Кабинетом Министров Украины был одобрен проект Государственной программы экономического и социального развития Украины на 2012 г. и основных направлений развития на 2013 и 2014 гг., которая так и осталась проектом.

Таблица 1. – Положительные и отрицательные результаты принятых антикризисных нормативно-правовых документов

Нормативный документ	Позитивные результаты	Отрицательные результаты
Постановления НБУ от 11.10.2008 г. № 319	Процессы оттока средств из банковского сектора несколько замедлились	Еще большая недовера к банкам клиентов и всех граждан
Постановления НБУ от 16.10.2008 г. № 328	Незначительные изменения порядка рефинансирования банков	Отсутствие контроля за целевым использованием полученных средств банками
Постановления а НБУ от 11.11.2008 г. № 367	Установлены четкие условия получения кредита рефинансирования	Отсутствие контроля за целевым использованием полученных средств банками
Постановления 2008 г. № 405	Упрощение процедуры и сокращение сроков внесения изменений в уставы банков по увеличению уровня статутного капитала	Дополнительная нагрузка для банков относительно процедуры оформления при применении положений постановления
Постановления НБУ от 01.12.2008 г. № 406	Снижение рисков за счет дополнительных резервов	Ограничение возможностей кредитовать в иностранной валюте.
Постановления НБУ от 04.12.2008 г. № 413	Несколько ослаблено нормы Постановления № 319 от 11.10.2008 г.	Жесткие ограничения для банков по валютных операциях
Постановления НБУ от 12.05.2009 г. № 282	Отмена ограничения по досрочной выдаче депозитов клиентам	Остаются жесткие ограничения для банков по валютных операциях
Постановления НБУ от 22.07.2009 г. № 421	Регламентация уменьшения расходов убыточных банков	Ограничение банков в реализации стратегических целей
Постановления НБУ от 21.07.2009 г. № 414	Уменьшение спекуляций с валютой за счет резервов	Сдерживание операций на межбанковском кредитном рынке
Постановления НБУ от 09.09.2009 г. № 538	Жесткие условия осуществления валютных операций клиентами	Дополнительная нагрузка для банков при реализации таких условий

В свою очередь отметим, что в принятой Антикризисной программе 2010 г. основной проблемой развития рынка Украины названо отсутствие единой целенаправленной политики по консолидации финансовых рынков, ибо действия соответствующих регуляторов (Национального банка Украины, Государственной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку (ныне это Национальной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку), Государственной комиссии по регулированию рынков финансовых услуг (в настоящее время

это Национальной комиссии, осуществляющей государственное регулирование в сфере рынков финансовых услуг), ориентированные на решение узких проблем отдельных секторов и не обеспечивают ориентацию рынка на реальный сектор. Проблемы, требующие решения являются [1]:

- Недостаточная капитализация финансовых учреждений;
- Несовершенство требований к качеству, диверсификации и ликвидности активов;

- Дисбаланс между ожидаемой доходностью и способностью компенсировать принятые риски;
- Отсутствие эффективной системы защиты прав потребителей финансовых услуг;
- Низкий уровень прозрачности деятельности финансовых учреждений;
- Недостаточная институциональная способность институтов государственного регулирования, отсутствие доверия к ним со стороны населения.

Наряду с определенными главными целями и ожидаемыми результатами оздоровления и укрепления банковской системы (восстановление доверия к банковской системе, реформирование системы гарантирования вкладов физических лиц, увеличения кредитования экономики банковским сектором), в программе не определены конкретные меры по решению обозначенных проблем.

С целью повышения эффективности работы рекапитализированных банков и подготовки их к приватизации на открытых аукционах Антикризисной программой на Фонд государственного имущества и Минфин возложена обязанность по разработке проекта стратегии развития рекапитализированных государством банков, а также нормативно-правовых актов по вопросам приватизации этих банков.

По нашему мнению, в этой программе целесообразно было бы акцентировать внимание на разработке стратегии повышения эффективности функционирования национализированных банков путем назначения квалифицированных управленцев в состав руководящих органов банков и продажи проблемных активов с балансов этих учреждений.

Потребность в реформировании системы гарантирования вкладов физических лиц также обосновывается в Антикризисной программе. Осуществление мероприятий по институциональному укреплению фонда в программе возложена на Министерство финансов, Министерство экономики, Министерство юстиции, Национальный банк Украины и на Фонд гарантирования вкладов физических лиц.

Целесообразно отметить, что в современных условиях запланированные мероприятия в Антикризисной программе частично остаются нереализованными, по содержанию являются поверхностными и не имеют системного и логического характера. По нашему мнению, в стране антикризисные меры должны рассматриваться не как одновременное действие, а как процесс непрерывных связанных действий по управляемому объекту банковской системы.

Поэтому антикризисное управление банками в Украине должно включать:

1. Совершенствование системы регулирования и надзора за банками;
2. Стратегию на микроуровне;
3. Стратегию на макроуровне.

Сегодня институциональная структура регулирования банковского сектора представлена Национальным банком Украины та Правительством в лице Министерства

финансов. Однако не следует забывать, что развитие банковского дела невозможно без развития и роста экономики. Поэтому в список субъектов стратегического планирования нужно присоединить соответствующие органы государственной власти, институты гражданского общества и тому подобное.

Итак, проведенный анализ принятых законодательных и нормативно-правовых актов указывает на то, что государственная политика по реализации антикризисных мер является фрагментарной, нецелостной, ориентированной на решение насущных проблем и не охватывает стратегических ориентиров в развитии банков Украины.

По нашему мнению, главным недостатком перечисленных антикризисных мер является то, что они были направлены исключительно на поддержку банковской системы, тогда как небанковские финансово-кредитные учреждения остались без существенной государственной помощи.

Что касается Европейского Союза, то кризис на финансовых рынках США, которая переросла в мировой экономический кризис, поставила перед европейским сообществом новые задачи.

Потребность консолидации усилий с целью стимулирования экономической активности стала очевидной начиная со второй половины 2008 г. И уже в течение менее чем одного года ЕЦБ и центральные банки государств-членов ЕС снизили свои учетные ставки в несколько раз.

Попытки государств-членов Сообщества улучшить экономическую ситуацию за счет фискального стимулирования привели к возникновению дефицитов национальных бюджетов и внешних долгов, что значительно превысили нормативные показатели.

Что касается главных субъектов антикризисной политики ЕС, то ими являются правительства государств-членов и институты Сообщества. Согласно последние играют двойную функцию. То есть они действуют как координационный центр антикризисных мер и как непосредственный субъект фискального и монетарного регулирования экономических процессов.

Целесообразно отметить и то, что Европейская комиссия по результатам решений Европейского Совета и Совета ЕС (в формате министров экономики и финансов — Экофин) и после консультаций с правительствами государств-членов и ЕЦБ разработала ряд рекомендательных пакетов, на которые должны ориентироваться национальные правительства в условиях экономического рецессии 2008–2010 гг.

Сообщение Европейской комиссии «От финансового кризиса к выздоровлению: европейская программа действий» принято 29 октября 2008 г. стало первым документом такого типа [7].

На его основе был разработан Европейский план экономического восстановления [7]. Данный документ был одобрен Европейским Советом в декабре 2008 г. Также Европейский план экономического восстановления считался базовым пакетом антикризисных мер ЕС.

В свою очередь следует отметить, что все антикризисные меры, которые осуществлялись в течение последних лет частично продолжают реализовываться и на современном этапе. Их можно разделить на группы по трем направлениям:

1. Создание новой архитектуры финансового рынка на уровне ЕС. В рамках первого пакета мер осуществляется рекапитализация банков, снижаются процентные ставки (ставки рефинансирования) национальных банков и Европейского центрального банка, предоставляются правительственные гарантии выплат банковских депозитов и т. д. [8].

2. Стабилизация и восстановление экономики. В рамках второго пакета мер осуществляется стабилизация и восстановление экономики и предусматривает взвешенную и скоординированную политику на уровне государств-членов.

3. Глобальная консолидация и региональная солидарность в преодолении последствий кризиса. Данный этап мероприятий направлен на объединение усилий всех государств-членов ЕС, третьих стран и международных организаций в преодолении последствий мирового экономического кризиса.

А одним из базовых принципов реализации этой группы мероприятий солидарность всех членов интеграционного объединения. Такая солидарность проявляется в разработке механизмов взаимной поддержки, помощи странам, которые испытывают большие трудности, общей ответственности за состояние экономики каждого из государств-членов.

Как показывает практика, за всю историю существования европейских сообществ, ими были отработаны достаточно эффективные механизмы коллективной солидарности в борьбе с экономическими кризисами.

Среди таких механизмов выделяются следующие:

- Механизмы прямой макроэкономической поддержки (стабилизации) государств-членов, которые оказываются в сложном финансово-экономическом положении;
- Объединение ресурсного, политического, научного потенциалов стран-членов для решения общих проблем;
- Мобилизация дополнительных ресурсов единого бюджета ЕС, включая осуществление авансовых ассигнований в наиболее пораженные сектора экономики и регионы;

– Мобилизация дополнительных ресурсов ЕИБ для поддержки деятельности малых и средних предприятий в государствах-членах и странах-кандидатах;

– Сочетание целей структурных реформ с целями фискального стимулирования экономики при осуществлении бюджетных расходов ЕС [8].

Хотя во всех 27 стран-членов удалось стабилизировать банковскую систему и возродить экономический рост благодаря совместным и скоординированным усилиям и действиями на уровне ЕС, и принятие мер, направленных на повышение ликвидности финансовой системы, стимулирование процессов производства, потребления и занятости, стабилизации экономической ситуации в отдельных государствах-членах, продолжается и на современном этапе.

Целесообразно отметить, что новая стратегия «МВФ для XXI века», которая учитывает послекризисные проблемы 186 государств-членов, охватывает весь спектр макроэкономической политики и политики, касающейся финансового рынка. Важнейшими приоритетами МВФ определены следующие:

- укрепление антикризисных мер и мониторинг системных рисков;
- улучшение методов предупреждений кризисов;
- укрепление международной валютно-финансовой системы.

Необходимо отметить, что в обновленной стратегии МВФ приоритетным определена необходимость усиления регулирования и надзора в финансовом секторе, в частности реформирования регуляторных систем с целью создания возможностей для идентификации макропруденциальных рисков, распространение финансового регулирования и надзора на все системно важные финансовые учреждения, инструменты и рынки, разработку глобальных унифицированных стандартов бухгалтерской отчетности, введение надзора за рейтинговыми агентствами и усиление международного сотрудничества.

Итак, проведенный анализ принятых законодательных и нормативно-правовых актов указывает на то, что государственная политика по реализации антикризисных мер является фрагментарной, нецелостной, ориентированной на решение насущных проблем и не охватывает стратегических ориентиров в развитии банков Украины.

Список литературы:

1. О государственной программе экономического и социального развития Украины на 2010 г.: Закон Украины № 2278-VI от 20.05.2010 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon.rada.gov.ua>.
2. О первоочередных мерах по предотвращению негативных последствий финансового кризиса и внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины: Закон Украины № 639-VI от 31.10.2008 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon0.rada.gov.ua>.
3. Бояр А. А. Использование фискальных ресурсов ЕС в условиях экономического кризиса 2008–2010 гг. / А. А. Бояр // Проблемы развития приграничных территорий и их участия в интеграционных процессах: материалы V междунар. научно-практической. конф., Луцк, 15–16 окт. 2009 г. / под ред. В. И. Лажника. – Киев, 2009. – 285 с.
4. Гриценко В. Мировой финансовый кризис: диагностика и новые подходы к выживанию на финансовом рынке / В. Гриценко // Вестник НБУ. – 2011. – № 2. – С. 20–26.

5. Кравченко И. Банковская система и проблемы стратегического развития/И. Кравченко, Г. Багратян, Е. Машина// Вестник НБУ. – 2012. – № 1. – С. 7–10.
6. Лютьи И. Финансово-экономический кризис 2008–2010 гг.: некоторые факторы и уроки/И. Лютьи, О. Юрчук//Вестник НБУ. – 2011. – № 1. – С. 10–16.
7. Communication from the Commission of 29 October 2008 «From financial crisis to recovery: A European framework for action». [Electronic Resource]. – Available from: http://ec.europa.eu/commission_barroso/president.pdf.
8. The global financial crisis: recession bites into Western Europe. – [Electronic Resource]. – Available from: http://www.euromonitor.com/The_global_financial_crisis_recession_bites_into_Western_Europe.

*Honak Ivanna,
Precarpathian institute IAPM, Senior Lecturer
of Organization Management Department
E-mail: ivanna@honak.pp.ua*

Methods for determination of synthetic indicators of the assessment of the regional tourism development

Abstract: in research consideration of the key conditions for the development of tourism in the region are allocated and proved, proposed integrated using of synthetic indicators for its analysis. Also, the application method of these parameters on the basis of comparative analysis of multi-dimensional is developed.

Keywords: tourism, tourist attractiveness of the region, the investment attractiveness of the region.

The research of the tourism development in the certain region involves isolating the basic conditions of the tourism development for complex analysis attractiveness of the region, emphasize the researchers of this subject [4, 5]. To define conditions for tourism development in the region in the spatial interpretation, in our opinion worth looking at several hypotheses:

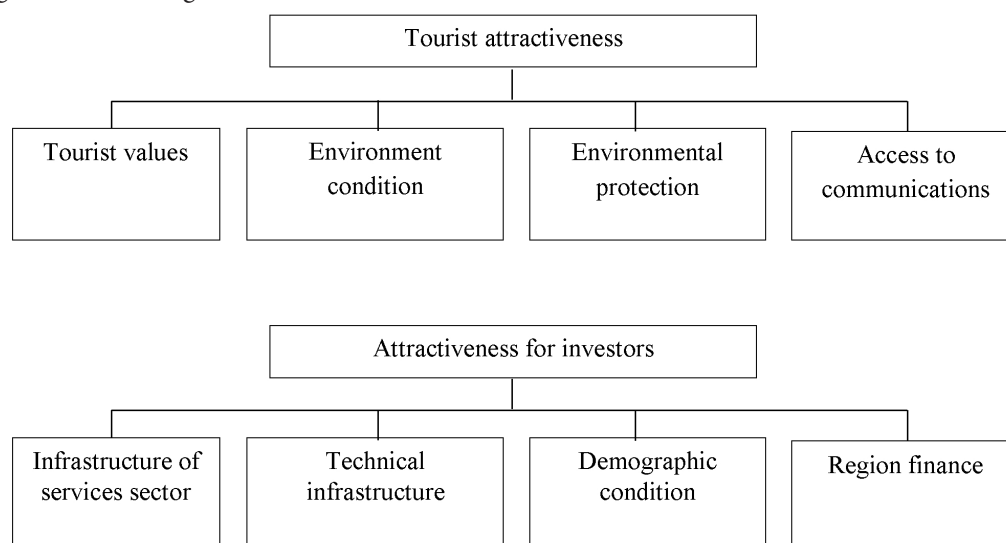
- a) a spatial unit that is the basis of the study is a region where the reliable statistical information is obtained;
- b) statistical data at the level of the district could be obtained from statistical reports;
- c) the characteristics of the areas will be more detailed when it is taken into account the characteristics and conditions of each of them;
- d) information should be presented in the form of ratios for determining ranks and thus give them a certain value; in

the vast majority of cases the relationship is the basis for the spatial unit (square kilometers), or a group of persons (eg. 10 thousand. population);

e) conditions of development should be structure in certain areas of tourist attractiveness of the region, each of them is formed by a synthetic indicator;

f) synthetic indicators for each of the areas is the basis for determining the overall synthetic indicator for the whole region.

To regulation the conditions for the development of tourism offered us two synthetic indicators. The first one aims determines areas of the tourist attractiveness of the region, and the second is an attempt to determine areas of the researched regions attractiveness for investors (Pic.1).

Pic. 1. Factors influencing the tourism and investment attractiveness of the region

In our opinion, the tourist attractiveness is determined by the following factors, namely:

- tourist values;
- the environment, its ecological reliability;
- the results of the environmental protection;
- the level of networks development.

As for investment attractiveness, then can be defined the following factors:

- the condition of infrastructure services sector;
- the condition of technical infrastructure;
- demographic condition;
- financial providing of the region.

It should be noted the importance of the environment, which is associated with its significant degradation in the region. A similar condition exists with the technical infrastructure. Long-term negligence in this area makes investors very sensitive on the problem of technical support in the region.

Based on the analysis of the researches [1, 36; 2, 45–46; 4], we summarized and defined system of indicators which describe tourist values:

- a part of forest area in total area of the region;
- a part of area of grassland in the general area of the region;
- a part of soils and other areas that are empty of the total area of the region;
- number of trade fairs, exhibitions and events taking place in the region during the year;
- length of hiking trails (hiking, cycling and water) to 100 square kilometers of the region.

As for the environment, then offered the following indicators:

- emissions of pollution in ths. tons per square km area;
- a part of treated wastewater effluent quantities that require cleaning;
- quantity of a waste per 1 sq. km. area;
- the number of abandoned and devastated soils that require remediation of 1 sq. km. area.

An important element of tourist attractiveness is the condition of the environment, which can be characterized by the following indicators:

- reduction of biological contaminants;
- reduction of chemical pollution;
- a part of recycled industrial waste from the total waste;
- a part of reclaimed waste storage areas on the number of brownfield soils.

The final element of the tourist attractiveness is the accessibility of communications, for its determining proposed the following indicators:

- length of national roads (including motorways) in 1 sq km area of the region;
- the number of railway stations on 100 square kilometers;
- the number of registered vehicles by 10 thousand. population.

To determine the investment attractiveness of tourism industry suggested to use the following indicators. Infrastructure services sector determine the following characteristics:

- the number of telephony subscribers to 10 thousand population;
- number of stores to 10 thousand population;
- the number of petrol stations in 100 sq.;
- the number of pharmacies to 10 thousand population;
- the number of banks and exchange offices to 10 thousand. population;
- the number of service stations per 100 sq.;
- the number of postal and telecommunication points to 10 thousand population;
- the number of clinics and health centers in 100 sq.km.

The technical infrastructure of the region most deeply are characterized by the following indicators:

- length of water network in 10 thousand km. population;
- length of water distribution network in sq. km.;
- the sewer network in 10 thousand km. population;
- the sewer network sq. km.;
- the ratio of the population of the cities which use gas pipeline network to the total urban population.

The demographic condition is determined by following indicators:

- a part of the number of employed in the industry of the total number of employees;
- a part of the number of employed in the agriculture of the total number of employees;
- a part of the number of employed in the service of the total number of employees;
- the unemployment rate;
- population density.

The last group of indicators describing the finances of the region, namely the following indicators:

- region income, including grants and subventions, 10 thousand. population;
- a part of investment in the region of total payments;
- a part of investment coming into the region of 10 thousand its population;
- a part of subsidies and subventions from the total income of the region.

For evaluation of tourism and investment attractiveness use one of the methods of multidimensional comparative analysis, the content of which is to determine the so-called synthetic indicators.

A synthetic indicators to determine:

- each of the factors (eight indicators) in particular, as the average weighted estimate parameters that characterize this factor;
- areas (two indicators), as the average weighted estimate synthetic indicator for factors that characterize this area;
- conditions for tourism development (one indicator) as the average weighted evaluation of both areas.

Research procedure is as follows. Input data is presented in tabular form, which characterize factors for each of the regions in particular, and the importance of their performance. Every area, each factor and each indicator, particularly given the specific weight. The use of weights arises from the

conviction, that some variables being partial evaluation criteria reflecting varying degrees of importance for the formation of an integrated assessment of areas.

Indicators describing the development of the regions, have the character of stimulants or destimulants (stimulant, for example, a part of forest surface, de stimulant — emissions of pollution). The data on these indicators can be obtained from the reports and print resources of government agencies [3, 118]. It is necessary to unify the direction of preference; best to assume that all indicators should have the character of stimulants. When converting destimulants in stimulants used method, called shift relative maximum:

– if the indicator of x_j is a stimulant, it goes directly to y_j :

$$y_{ij} = x_{ij} \quad (1)$$

– if the indicator of x_j is destimulant x_j , then apply the transformation:

$$y_{ij} = x_{j_{\max}} - x_{ij} \quad (2)$$

i – number of region ($i = 1, \dots, m$);

j – number of indicator ($j = 1, \dots, n$);

x_{ij} – value of the j -th indicator at the i -th region;

y_j – value of the j -th indicator of incentive character in the i -th region;

$x_{j_{\max}}$ – the maximum value of the j -th indicator in the region.

Normalized indicators we get by dividing the value of the index value point attitude. For point attitude taken the most important indicator (incentive character) in regions:

$$n_{ij} = \frac{y_{ij}}{y_{j_{\max}}} \quad (3)$$

n_{ij} – normalized value of the j -th indicator in the i -th region;

$y_{j_{\max}}$ – the maximum value of the j -th indicator incentive character in the regions.

The values of normalized indicators contained in the interval $[0, 1]$.

Synthetic indicator for factor is the weighted average of normalized parameters that characterize this factor:

$$Md_i = \sum_{j=1}^n w_j \times n_{ij} \quad (4)$$

Md_i – synthetic indicator for factor d in i -th region;

w_j – weight j -th indicator in factor d .

Synthetic indicator of area is a weighted average of synthetic indicators for factors that form this area:

$$MS_i = \sum_{k=1}^l W_k \times Md_i \quad (5)$$

k – number of factor ($k = 1, \dots, l$);

W_k – weight k -th factor;

MS_i – synthetic indicator for area in the i -th region.

The overall synthetic indicator — a weighted average of indicators for synthetic areas. Since in the research assumed that a tourist attractiveness has the same value for the terms of tourism development, as well as investment attractiveness, the overall synthetic indicator is the average of the indicators for these areas.

So, in the research based on consideration of the key conditions for tourism development in the region offered to use of synthetic indicators. Their use will allow to reveal characteristics as areas of tourist attractiveness of the region as attractiveness of investigated regions for potential investors.

References:

1. Грабар М. В. Системний підхід в управлінні розвитком сферою туризму та рекреації. [Електронний ресурс]/М. В. Грабар, В. А. Бігори//Економічний простір. – 2013. – № 72. – С. 35–45.
2. Малик Л. Економічні передумови розвитку туризму в Карпатському регіоні. [Електронний ресурс]/Л. Малик//Молодь і ринок. – 2013. – № 6. – С. 44–49.
3. Матвієнко А. Електронні ресурси державних обласних органів виконавчої влади в галузі туризму в системі соціальних інформаційних комунікацій. [Електронний ресурс]/А. Матвієнко//Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. – 2011. – Вип. 32. – С. 118–128.
4. Нездоймінов С. Г. Туризм як фактор регіонального розвитку. Методологічний аспект та практичний досвід: монографія/С. Г. Нездоймінов. – О.: Астропринт, 2009. – 304 с.
5. Туризм і місто: аналіз проблем, тенденцій та моделювання розвитку: монографія/В. В. Абрамов, І. Б. Андренко, С. А. Александрова, Н. М. Влащенко, О. М. Колесников; ред.: І. М. Писаревський; МОНМС України, Харк. нац. акад. міськ. госп-ва. – Х.: ХНАМГ, 2012. – 208 с.

Danylova Iuliia Iullianivna,
Ph.D student of the Institute of International Relations
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
E-mail: udanylova@gmail.com

The adaptability of the market of banking services of Ukraine to the European standards

Abstract: The article considers the problems of reforming of the market of banking services of Ukraine, namely: the creation of a favorable investment climate; the expansion of domestic banks in the European financial space;

the support of balance between promoting economic development and stability of the banking sector. This article analyzes the activity of the NBU in the adaptation of the national banking legislation to the EU standards.

Keywords: the market of banking services, credit and investment climate; the National Bank of Ukraine, the banking system, the financial sector.

Данилова Юлия Юлиановна,
Аспирант Института международных отношений,
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
E-mail: udanylova@gmail.com

Особенности адаптации рынка банковских услуг Украины к европейским стандартам

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы реформирования рынка банковских услуг Украины, а именно: создание благоприятного кредитно-инвестиционного климата; расширение присутствия отечественных банков в европейском финансовом пространстве; поддержка баланса между стимулированием экономического развития и обеспечением стабильности банковского сектора. В статье так же проанализирована деятельность НБУ в сфере адаптации национального банковского законодательства к нормам ЕС.

Ключевые слова: рынок банковских услуг, кредитно-инвестиционный климат; Национальный Банк Украины, банковская система, финансовый сектор.

Первоочередной задачей функционирования банковской системы Украины является сохранение стабильности наряду с реализацией евроинтеграционных перспектив ее развития. Это усиливает влияние на национальную экономику тенденций, которые наблюдаются на внешних рынках капитала и обуславливает необходимость применения мощных мер банковского регулирования, более жесткого контроля за движением капитала, валютным рынком, темпами инфляции и уровнем процентных ставок.

Учитывая особенности функционирования рынка банковских услуг Украины, принципами политики евроинтеграции банковского сектора должны стать, прежде всего, баланс между поддержкой экономического развития и обеспечением стабильности банковского сектора; использование как негативных, так и позитивных стимулов для развития банковского сектора, дополнения прямых административных инструментов экономическим стимулированием банков к взвешенному поведению на рынке банковских услуг; интегральное развитие банковского сектора и финансовых рынков для преодоления структурного несовершенства финансовой системы; четкое подчинение задач банковского регулирования целям сбалансированного экономического развития Украины.

Процесс адаптации отечественной банковской системы к европейским стандартам требует определенного переходного периода. Решение этой задачи предполагает изучение последствий введения в Украине норм и правил деятельности банков в ЕС, в основе которых лежат правила Базельского комитета по вопросам банковского надзора. Суть правил Базель-III заключается в акцентировании внимания на следующих аспектах банковской деятельности. Во-первых, ужесточении требований к качеству капитала. Формирование «антициклического буфера» капитала. Это позволит достичь следующих результатов

на следующих уровнях. На уровне банка — повышение качества капитала, что позволит противодействовать шок-овым воздействиям, эффективно управлять рыночным, кредитным и операционным рискам [1].

Для банковской системы это будет означать ускорение процессов капитализации, предотвращения слишком быстрого роста внешних заимствований банков в фазе экономического подъема, предшествующего кризису, усилению тенденций консолидации и монополизации, (вытеснение с рынка слабых и неустойчивых, а также малых и средних банков), ослабление конкуренции и облегчения государственного контроля за банковской системой). На макроэкономическом уровне — повышение устойчивости финансовой системы как основы сохранения макроэкономической стабильности, сглаживания экономических циклов за счет ослабления проциклического влияния банковского кредитования, обеспечения устойчивых темпов развития экономики.

Во-вторых, введении коэффициента левиреджа (отношение объема заемных средств к собственным) на уровне 3 % и новых коэффициентов ликвидности: коэффициента ликвидного покрытия и коэффициент чистого стабильного финансирования [5]. Это позволит улучшить системы риск-менеджмента за счет расширения инструментов и возможностей банка контролировать уровень ликвидности и качество источников привлечения средств, предотвращать ускоренный рост долговой нагрузки, тщательнее учитывать риски заемщиков в кредитной политике банков, что скажется на прибыльности операций и стимулировать банки к разработке новых банковских продуктов и услуг [2].

В-третьих, реформирование механизмов гарантирования вкладов населения. Рекомендуемый минимум для банков стран ЕС установлен на уровне 100 тысяч евро (в Украине — 150 тыс. грн.). Это позволит стимулировать

приток депозитов, усилить конкуренцию на депозитном рынке, расширить и улучшить качества ресурсной базы; повысить доверие к банковской системе, улучшить условия для эффективной работы механизма трансформации сбережения в инвестиции.

Все это требует немедленного реформирования рынка банковских услуг, а особенно создание на нем благоприятного кредитно-инвестиционного климата. Этот ориентир целесообразно рассматривать в разрезе двух проблем. Во-первых, повышение уровня обеспечения защиты прав кредиторов и вкладчиков банков. Это требует совершенствования порядка раскрытия в отчетности банков информации об их владельцах и крупнейших акционерах, определение критериев оценки деловой репутации учредителей, участников и руководителей банков; обеспечение реализации публичного доступа к Единому государственному реестру юридических и физических лиц — предпринимателей с целью предоставления кредиторам возможности получать необходимую информацию о государственной регистрации юридического лица, его руководителей и собственников; совершенствование механизмов слияния и присоединения банков, ликвидации банков, у которых отозвана банковская лицензия, и создание института корпоративных ликвидаторов. Во-вторых, повышение прозрачности функционирования банковской системы. Присутствие на рынке иностранных инвесторов, которые требуют объективного анализа информации, изменений в стандартах ее раскрытия, требует открытости функционирования банковских учреждений.

Важной составляющей системы конкретных ориентиров реформирования рынка банковских услуг является расширение присутствия отечественных банков в европейском финансовом пространстве. Здесь важное значение приобретает направленность государственной политики в этом направлении, разработка на государственном уровне единой стратегии финансовой интеграции, развитие взаимоотношений с международными организациями в этом векторе. Государственная политика должна быть направлена, прежде всего, на формирование информационного обеспечения выхода банков в мировое финансовое пространство и требует осуществления комплекса мероприятий, направленных на выявление фактов недобросовестной конкуренции на внутреннем рынке; формирование инфраструктуры информационного обеспечения путем создания сети информационно-консультативных служб с целью предоставления услуг субъектам хозяйственной деятельности; проведения банками Украины за рубежом анализа внешних рынков для выявления возможностей расширения присутствия на них и предотвращения введению ограничительных мер со стороны других государств.

В процессе европейской интеграции Национальный банк Украины должен принимать участие в следующих направлениях деятельности: вместе с правительством осуществлять переговоры, совершенствовать свою орга-

низационную структуру и принципы функционирования согласно нормативам Европейской системы центральных банков, а также готовить банковский сектор к внедрению стандартов ЕС. Деятельность НБУ должна быть направленной на укрепление сотрудничества с Европейским Центральным Банком и национальными центральными банками, которые являются членами указанной системы. В целом, в контексте интеграции рынка банковских услуг Украины в финансовое пространство ЕС следует отметить следующие важные шаги, которые были или планируются быть введенными в этом направлении. Во-первых, реализация проекта Европейского Союза “Твиннинг” “Усиление потенциала Национального банка Украины через приближение к стандартам Европейского Союза относительно деятельности центральных банков”, который был официально завершен в июле 2011 года [3]. Проект “Твиннинг” направлен на поддержку банковского сектора, повышение его способности в полном объеме финансировать экономическое и социальное развитие страны, а также постепенное приближение к стандартам Европейского Союза и ускорения интеграции отечественной банковской системы в международный финансовый рынок. Партнерами Национального банка Украины в реализации этого проекта стали Дойче Бундесбанк (Германия) и Национальный банк Польши. Проект, который охватывал важнейшие сферы деятельности центрального банка, дал возможность усовершенствовать систему операционного планирования, усилить коммуникационную политику Национального банка Украины и укрепить международное сотрудничество, разработать предложения для внедрения новых механизмов и лучших практик относительно монетарной политики, совершенствование валютно-курсовой политики и движения капитала, развития денежно-кредитной статистики и укрепления платежных систем. При этом значительное внимание уделялось приближению отечественной правовой базы в этих сферах к законодательству Евросоюза в части норм и стандартов банковской деятельности. В период внедрения проекта Национальный банк Украины получил понимание подходов центральных банков Европейского Союза к организации своей деятельности в соответствии с нормами и стандартами ЕС.

Во-вторых, создание в структуре Национального банка Украины Департамента стратегии и реформирования банковской системы. Целью создания такого структурного подразделения стало совершенствование стратегического планирования деятельности НБУ, развития и реформирования банковской системы государства, а также более эффективного управления и контроля за выполнением стратегических проектов в Национальном банке. К основным функциям департамента относится разработка и контроль за выполнением стратегических планов развития Национального банка и банковской системы, мониторинг проектов регулятора, а также обеспечение коммуникации с банками, банковскими ассоциациями и сотрудничество с международными организациями.

В-третьих, разработка Национальным банком Украины проекта Стратегии реформирования банковского сектора до 2020 года. Она предусматривает реформирование как центрального банка, так и банковской системы в целом и имеет целью, прежде всего, обеспечение финансовой устойчивости банковского сектора и макроэкономической стабильности в краткосрочном и долгосрочном периодах, активизацию банковской системы по мобилизации локальных и внешних ресурсов для стимулирования экономического роста, дальнейшее использование стандартов ЕС и международного опыта в деятельности украинской банковской системы, а также совершенствование надзора на консолидированной основе; укрепление защиты вкладчиков, кредиторов и потребителей банковских услуг, развитие финансовых рынков и совершенствование инфраструктуры банковского рынка как основы для развития диверсифицированной финансовой системы. Среди основных будущих достижений указанной стратегии следует выделить следующие:

- предоставление Фонду гарантирования вкладов физических лиц дополнительных полномочий, которые дадут ему возможность вместе с Центральным Банком заблаговременно выявлять проблемы, возникающие у банков;
- сокращение до 2020 года персонала Центрального Банка, повышение требований к капиталу банков, сокращение возможностей по досрочному изъятию депозитов, а также формирование регулятора который будет решать задачи надзора за финансовым рынком;
- перевод до конца 2014 года кредитных союзов, кредитных бюро и ломбардов под надзор НБУ;
- увеличение минимального регулятивного капитала до 500 миллионов в 2018 году и 750 миллионов в 2020 году;
- выделение отдельной группы системно важных банков, для которой будут установлены более жесткие требования к нормативам капитала и ликвидности, но которые смогут надеяться на более системную и скорейшую стабилизационную помощь со стороны НБУ в период кризисов;
- удешевление банковских займов до уровня стран ЕС;
- увеличение суммы и доли депозитов в гривне до 80 % всех депозитов физических лиц;
- наращивание доли иностранного капитала в банковской системе до 50 % и уменьшение роли государства в банковском секторе до уровня ниже 10 % к 2020 году [4].

В-четвертых, использование финансовой помощи международных организаций. В частности, речь идет о выделении Всемирным банком 500 млн. долл. на политику развития в финансовом секторе. Выделение первого займа на политику развития в финансовом секторе Украины на поддержку первоочередных мер по реформированию банковского сектора был утвержден советом директоров Все-

мирного банка в августе 2014 года. Пакет реформ, который поддерживается этой операцией, поможет улучшить функционирование банковской системы Украины и ее устойчивость как к внутренним, так и внешним рискам. Реформа финсектора должна укрепить финансовые, операционные и регуляторные возможности Фонда гарантирования вкладов физических лиц для решения проблем неплатежеспособных банков. Кроме того, ожидается, что эта операция поддержит реализацию мероприятий по улучшению платежеспособности банковской системы путем проведения диагностических оценок 35 крупнейших банков страны.

Выводы. Исследование особенностей адаптации украинского рынка банковских услуг к стандартам ЕС позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, евроинтеграционный вектор развития рынка банковских услуг Украины обуславливает необходимость анализа современного состояния и перспектив развития указанной отрасли в контексте новых возможностей ведения финансово-кредитной политики банковскими учреждениями, использование преимуществ их участия в европейском финансовом пространстве, расширение конъюнктуры услуг для населения. Интенсификация интеграции банковской системы Украины к европейскому финансовому рынку, в частности, через активизацию ее внешнего финансирования, требует внедрения комплекса нормативно-правовых и организационно-экономических мероприятий, расширение выхода украинских банков на европейский финансовый рынок требует реализации комплекса мероприятий нормативно-правового, экономического и институционального характера. Направления и экономические ориентиры усовершенствования деятельности украинских банков должны предусматривать, прежде всего, гармонизацию украинского законодательства с международными нормами; упрощение системы выхода банка на мировой рынок со стороны национального законодательства и расширения спектра услуг, которые могут предоставляться украинскими банками; обеспечение доступа к мирового финансового рынка путем оптимизации ограничений на финансовые операции, совершенствования системы стандартизации и сертификации, создания эффективного механизма защиты внутреннего рынка и защиты прав интеллектуальной собственности.

Во-вторых, деятельность НБУ сосредоточена на реформировании банковского сектора Украины, а именно реформирование как центрального банка, так и банковской системы в целом и имеет целью, прежде всего, обеспечение финансовой устойчивости рынка банковских услуг и макроэкономической стабильности в краткосрочном и долгосрочном периодах.

Список литературы:

1. Вступление Украины в ВТО и расширение Европейского сообщества – последствия для банковской системы. – К.: Центр научных исследований НБУ, 2003. – 61 с.
2. Лендьял Г. Интеграция в международную банковскую систему. Опыт Венгрии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bdm.ru/arhiv/2003/10/17-19.htm>

3. Проблемы реформирования банковской системы Украины в контексте европейской интеграции: Информационно-аналитические материалы. Выпуск 8. – К.: Национальный Банк Украины. Центр научных исследований, 2007. – 266 с.
4. Шелудько Н. М. Иностранный капитал в банковском секторе Украины: проблемы и последствия/Н. М. Шелудько// Финансы Украины. – 2012. – № 4. – С. 43–45.
5. Brook A.-M. The challenges of EMU accession faced by catching-up countries: a Slovak Republic case study// OECD Economics Department working papers. – № 444. – 21.09.2005. – 29 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/eco/>

*Esaidar Urzada Serimovna,
Head of department «Tourism and service»
E-mail: Z. Tuebekova@mail.ru*
*Belgibaev Almaz Kanashevich, associaten professor
E-mail: 3Belgibaev@mail.ru*
*Tuebekova Zeinep Zhaparovna,
assistant professor,
Almaty Technological University,
the Faculty of Economics and Bussines
E-mail: Z. Tuebekova@mail.ru*

The international tourism – the factor of integration of Kazakhstan in world association

Abstract: In the Article are researched question about specialtys and trends of development of international tourism in Kazakhstan. There were proposed measures for development of entrance tourism in Kazakhstan.

Keywords: tourism, hotel, business, service, infrastructure.

*Есайдар Урзада Серимовна,
Заведующий кафедрой «Туризм и сервисное обслуживание»
E-mail: urzada.esaidar@mail.ru*
*Бельгибаев Алмаз Канашевич, доцент
E-mail: 3Belgibaev@mail.ru*
*Туебекова Зейнеп Жапаровна, ст. преподаватель,
Алматинский технологический университет,
факультет «Экономики и бизнеса»
E-mail: Z. Tuebekova@mail.ru*

Международный туризм – фактор интегрирования Казахстана в мировое сообщество

Аннотация: В статье рассматриваются особенности и тенденции развития международного туризма в Казахстане. Предлагаются мероприятия по развитию въездного туризма в Казахстане.

Ключевые слова: туризм, гостиница, бизнес, сервис, инфраструктура.

Находясь в центре Евразийского континента Казахстан выполняет роль связующего моста между Западом и Востоком, Европой и Азией, развивая и укрепляя политические экономические и культурные связи между двумя континентами и способствуя взаимовыгодному сосуществованию. Одним из путей решения данной задачи является функционирование международного туризма.

Международный туризм оказывает положительное влияние на интеграционные процессы в социально — эконо-

мической и культурной сферах общества. Эффективность международного туризма в стране определяется интенсивностью выездного и въездного туристических потоков.

Следует отметить, что стабильная политическая и экономическая ситуация в стране положительно влияет на рост благосостояния уровня жизни граждан Казахстана, что в конечном счете расширяет его возможности в международном туризме. В последнее время наблюдается положительная динамика количества туристов выезжающих из

Казахстана в другие страны с различными туристическими целями. Популярностью пользуются бизнес — туры в такие страны как Россия, Китай, Европа, Индия, Тайланд. Интерес вызывают познавательные — оздоровительные туры в Россию, Китай, Турцию, Европу, Индию и страны аравийского полуострова. Развит образовательный туризм в такие страны как Россия, Германия, Австрия, Великобритания, Франция, США, Чехия.

Положительный тренд по выездному международному туризму оказывает позитивное влияние на социально-культурное развитие общества в Казахстане, так как граждане страны имеют возможность удовлетворить потребность в социально-культурном продукте, обогатить свой опыт общения с другими культурными традициям. На основе данного опыта они могут открыть новые перспективы для развития как страны в целом, так и для себя в отдельности.

Если по выездному туризму наблюдается положительная динамика в сторону увеличения, то по въездному туризму — картина несколько иная. Казахстан практически не известен в мире как туристское направление, хотя его земли издавна обеспечивали связь между Китаем и Европой. Республика обладает большими потенциальными туристическими рекреационными ресурсами для организации горного, водного, познавательного, оздоровительного, экстремального и других видов туризма.

В Казахстане развит в основном въездной бизнес туризм, то есть иностранцы в страну приезжали с деловыми целями. Такое положение по въездному международному туризму объясняется неразвитостью его как отрасли.

Туризм является сложным и многогранным явлением, включает в себя различные отрасли экономики и зависим от политической ситуации в стране. Весь цивилизованный мир старается привлечь основные туристские потоки, поскольку туризм — один из немаловажных источников пополнения доходной части бюджета государства.

Поэтому Казахстану необходимо увеличить поток иностранных туристов. В этих целях требуется переориентация деятельности туристских организаций на развитие въездного туризма, что, в первую очередь, зависит от состояния транспорта, средств размещения, кадрового обеспечения.

На наш взгляд, для исправления ситуации необходимо принять комплексные мероприятия, учитывающие современные тенденции в международном туризме. Чтобы правильно подойти к разработке программы действий, необходимо проанализировать и изучить опыт зарубежных стран. Многообразие моделей развития туризма показывает, что даже если страна не относится к развитым странам, она может эффективно развивать международный туризм. Это такие страны как Турция, Греция, Мексика, Таиланд, Бали, и т.д. Для этого необходимо шире обмениваться опытом и проводить различные международные встречи.

При формировании программы развития международного туризма необходимо выделить главные направления, по которым следует проводить работу. Международному туризму необходимо придать пред-

принимательский характер. Как показывает современная практика, только предпринимательство способно адекватно реагировать на изменения потребительского спроса в международном туризме.

Между тем, объем туристских услуг в Казахстане увеличивается с каждым годом и соответственно растет спрос на гостиничные услуги. Поэтому основой для привлечения международных туристов является современный гостиничный бизнес, отвечающий требованиям международного стандарта качества и удовлетворяющий запросам и потребностям различных категорий туристов.

Рассматривая специфику казахстанского рынка гостиничных услуг было обнаружено, что на рынке очень высокие цены на услуги. Проблема рынка — это отсутствие вариантов ценового выбора у потенциальных клиентов гостиницы. Турист должен иметь возможность выбора разместиться за очень высокую цену в гостиницы высокого класса с пятью звездами или за очень низкую в отеле эконом класса.

Мировая практика показывает, что гостиницы могут предлагать за счёт предложения ограниченного набора услуг максимально низкие цены. По оценке аналитиков, рынок гостиничных услуг наиболее развит в крупных городах республики — Алматы и Астане. Структура гостиничного рынка в данных городах представлена в основном местными отелями низкого ранга и высококласными международными брендами бизнес-отелей, что приводит к несбалансированной ситуации на рынке.

В настоящее время отечественный рынок гостиничных услуг остро нуждается в комфортных и недорогих отелях концепций «апартаменты с обслуживанием», а также в обычных отелях невысокого ценового позиционирования, но исключительно для бизнес-туристов. Отели необходима кооперация с другими участниками рынка в развитии событийного туризма. Отечественные отели должны обратить внимание на разработку маркетинговых программ по поощрению постоянных гостей и постоянных партнёров — туроператоров, корпоративных клиентов.

Несомненно, слабой стороной менеджмента гостиничного бизнеса является невысокое качество предоставляемых услуг, большая текучесть кадров, слабое планирование деятельности предприятия, отсутствие качественных долгосрочных программ и стратегий развития, слабая корпоративная культура компаний.

В современных условиях развитие гостиничного бизнеса предполагает широкое использование новейших технологий, как в области введения новых гостиничных услуг, так и новые способы продвижения. Совершенно очевидно, что введение инновационных технологий стало неотъемлемым условием повышения конкурентоспособности гостиничного предприятия и улучшения качества обслуживания.

В Казахстане необходимо вводить в оборот различные гостиницы от скромных, рассчитанных на небогатых клиентов до крупных гостиниц, включающих в себя высокочассный сервис и отвечающих запросам самых взыска-

тельных клиентов.

Безопасность — главный фактор, влияющий на развитие туризма, прежде всего на увеличение или уменьшение въездных потоков. Безопасность туриста напрямую зависит от политики государства, от мер, принимаемых турфирмами, а также от действий самого туриста. Необходимо активно проводить встречи по обмену опытом с иностранными туристическими фирмами и активно привлекать иностранных партнеров по гостиничному бизнесу, имеющих богатый опыт в гостиничном бизнесе в первую очередь из стран Европы.

В целях исправления ситуации в сфере гостиничных услуг необходимо во-первых, в технологическом аспекте модернизировать имеющиеся гостиницы; во-вторых, необходимо создавать условия для строительства принципиально новых гостиничных комплексов, предлагающих качественные сервисные услуги; в-третьих, активно сотрудничать с зарубежными компаниями функционирующими в гостиничном бизнесе и привлекать их для участия и работе в совместных инвестиционных проектах.

Несомненно, такая масштабная модернизация гостиничного комплекса Казахстана потребует значительных инвестиционных ресурсов. Однако, как показывает современная международная практика, инвестирование финансовых ресурсов в развитие гостиничного комплекса окупается. Кроме того, сами отели соответствующие международным стандартам становятся туристическими достопримечательностями, как например, отели Дубая и Каттара.

Другой важной проблемой в туризме Казахстана является функционирование транспорта и состояние дорожной сети. Сегодня международные авиалинии Казахстана позволяют осуществлять полеты в Германию, Индию, Объединенные Арабские Эмираты, Турцию, Италию, Республику Корея, Венгрию, Израиль, Китай, Таиланд. Авиаперевозки занимают национальный перевозчик «Эйр-Казахстан» и другие авиакомпании, работающие на внутреннем и международном рынках.

Большинство туристов предпочитает в плане сервиса и надежности услуги иностранных перевозчиков, что влечет за собой снижение пассажиропотока на авиарейсах, совершаемых отечественными перевозчиками. К тому же, высокая стоимость авиабилетов увеличивает стоимость тур продукта и соответственно, снижает его конкурентоспособность на международном рынке.

Автомобильный транспорт используется для организации шоп-туризма в приграничные государства и в экскурсионных маршрутах. Однако, его развитие целиком зависит от состояния дорог и наличия надлежащего технического обслуживания туристских транспортных средств.

Автобусный парк республики нуждается в современных комфортабельных автобусах, что позволит поддерживать высокий уровень обслуживания туристов.

Сейчас зачастую низкая посещаемость туристических достопримечательностей в Казахстане объясняется низким качеством средств передвижения и плохими дорогами до них. Необходимо обновлять автопарк транспорта, строить новые дороги и автомагистрали. Развитие средств передвижения и строительство новых современных автодорог и железных дорог позволит сделать туризм безопасным, мобильным и комфортабельным.

Новый импульс в развитии транспортной отрасли должны дать принимаемые меры правительством Казахстана по формированию транспортного хаба на территории Казахстана, который соединит Европу, Россию и Китай автостроями и железно дорожными путями. Транспортный хаб намного ускорит прохождение товаров и грузов и будет способствовать увеличению туристического потока через территорию Казахстана.

Важным фактором, способствующим туристической привлекательности служит развитие отрасли развлечений. Для этого необходимо проводить различные общественные, спортивные, культурные мероприятия, выставки, фестивали, различные праздники, а также развивать сувенирную продукцию.

В международной практике между различными странами происходит жесткая конкуренция за организацию и проведение тех или иных престижных международных культурно-спортивных мероприятий, так как такие события способствуют привлечению туристов в страну-организатор, а также способствуют повышению ее имиджа. Поскольку продвижение туристических услуг напрямую зависит от маркетинговых и рекламных стратегий, необходимо использовать агрессивную маркетинговую и рекламную кампании, включающие в себя различные маркетинговые инструменты, формирующие привлекательный имидж казахстанского туристического продукта.

Таким образом, международный туризм в Казахстане характеризуется следующими особенностями:

- данный вид деятельности функционирует в Казахстане сравнительно недавно;
- в Казахстане имеются большие потенциальные возможности для развития международного туризма;
- международный туризм характеризуется преобладанием выездного туристского потока;
- в перспективе необходимо создать современную инфраструктуру и предложить отечественные качественные туристские продукты.

Список литературы:

1. Усенбаева Г. Д., Бельгибаев А. К. Международный туризм: организация и управление. – Алматы, 2012. – С. 136–145.

*Kaziyeva Assel Negmetovna,
KazNPU named after Abai,
Candidate of Economic Sciences,
Department of social and humanities disciplines
E-mail: assel01@mail.ru*

*Baimagambetova Zulfiya Mazhitovna,
KazNU named after al-Farabi, Doctor Ph.D,
docent, Faculty of the Foreign Relations
E-mail: zula_bai@mail.ru*

National aspects of the green economy

Abstract: The issue of environment protection now more than ever becomes relevant such as we are already witnessing the environmental changes occurring in nature. Undoubtedly, the future is for the “green economy” and Kazakhstan, clearly aware of this, is taking steps to implement it. In June 2013 the President of Kazakhstan N. Nazarbayev approved the Concept of the transition of the republic to a green economy.

Keywords: green Economy, ecology, renewable energy, technology, environment, funding, domestic producers, state support.

The issue of environment protection now more than ever becomes relevant such as we are already witnessing the environmental changes occurring in nature. First of all, you should understand what «green economy» is. According to the definition given in the UNEP report, “green economy” is defined as an economy that improves the welfare of the people and provides social justice and at the same time significantly reducing environmental risks and degradation. Countries of the world are acutely aware of the futility of the traditional system, actively taking steps to transition to a new economy, taking into account the damage caused by the environment.

At the moment the environmental situation in the Republic of Kazakhstan is unfavorable and requires fundamental changes. Kazakhstan is the second largest country in terms of total environmental pollution by organic substances in Central and Eastern Europe and Central Asia, the 3rd place in terms of greenhouse gas emissions in the CIS and the first place on the same indicator among the countries of Central Asia. In light of this situation the theme of “green economy” is as relevant as ever.

Lack of water resources is one of the most important problems in Kazakhstan and around the world. According to World Bank estimates 40 % of the population will experience a shortage of water, 20 % will be severely affected by it by the middle of the 21 century. The reasons for this can serve as both natural and anthropogenic factors. Peculiar climatic conditions existing in Kazakhstan cause a high level of water evaporation from the surface of rivers and lakes, which leads to high costs of water. The uneven distribution of water resources also applies to adverse natural factors. Anthropogenic factors include irrational utilization of water resources, water pollution, poor quality of drinking water and so on.

The great threat to water quality for water sources of the republic are the chemical, oil-processing, machine-building industry and non-ferrous metallurgy. According to official

data there are more than 700 potential sources of groundwater contamination, of which 241 have a direct impact on their hydrogeochemical condition within the country. Deterioration of water supply networks is a source of secondary pollution of drinking water and water treatment depreciates. According to the Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan about 30 % of the population uses unsafe drinking water which leads, in turn, to the spread of typhoid, hepatitis. Agriculture is the main water user in which 70–75 % is spent on irrigation.

According to the concept of transition of the Republic of Kazakhstan to the “green economy”, the capital cost of preventing water scarcity by 2030 will amount to 10 billion US dollars.

Energy conservation also plays an important role in the development of “green economy” in Kazakhstan. It is observed inefficient use of resources in all major sectors. According to experts this leads to a loss of profit in the 4–8 billion US dollars a year to the economy. At the same time the potential of energy savings is 4.3 billion US dollars per year. Currently the energy intensity of the economy of Kazakhstan is twice higher than the average of OECD [1].

According to some reports in the current situation the coal reserves will see out about 270 years, oil for 35–40 years, and gas for 50 years [2]. The question is: “What should you do when the minerals are completely exhausted themselves?”. The answer to this question is the development of alternative energy sources. Kazakhstan has great potential for development of renewable sources. It is about one trillion kilowatt-hours per year. At the same time the potential of small hydro-electric power stations is estimated to be 8 billion kilowatt-hour, the potential of wind power using is about 920 billion kilowatt-hour, and the potential of solar energy reaches approximately 2500–3000 hours of sunshine per year. About 5 % of the rivers of the republic are suitable for the construction of small hydropower plants from 2 thousand rivers. In 2014 in

accordance with SPAIID it was planned to bring the rate of production of electricity from renewable sources up to 1 billion kilowatt-hours [3].

As for the wind potential of Kazakhstan it may be noted that the meteorological studies carried out by the Danish Research Centre RISO, confirmed the extraordinary wind conditions in Djungar gates that are identified as one of the best in the world and it is very good in Shelek corridor (wind speed annual average is 7 m/s, in Jungar Gates is about 8 m/s). This wind potential allows achieving a high capacity factor of wind farm (more than 30%). Annual electricity production can make up 4400–4500 MWh for the Jungar Gates [4].

Undoubtedly, the future is for the “green economy” and Kazakhstan, clearly aware of this, is taking steps to implement it. In June 2013 the President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev approved the Concept of the transition of the republic to a green economy. Along with the development of legal acts, there is a gradual realization of the ideas contained in the programs for the transition of Kazakhstan to “green economy”. In particular, we note the creation of the first in the territory of the Republic of Kazakhstan industrial-scale solar power plant “Otar”, which is located in Kordai district of Zhambyl region.

Solar power plant “Otar” consists of 51 solar installations, each of which has 42 panels, which can produce 235 watts. The lifetime of the solar modules is about 25 years. On clear days the object is able to provide electricity for about two hundred households and after reaching full production capacity will increase to the number 2500. The cost of SPS “Otar” electricity is 23.4 tenge including VAT per 1 kWh, while in Europe the cost of solar electricity exceeds 60 tenge per 1 kWh [5].

In the short run it is planned to implement four projects of hydro, wind and solar energy with a total capacity of 165 MW, which is scheduled to attract investments of about \$ 370 million dollars [6].

But despite this the transition of Kazakhstan to a “green economy” has a number of difficulties. These include:

- Riskiness of the company foundation in this industry. Due to the relative novelty, low awareness and lack of competence in the field of “green economy” the entrepreneurs develop this market with care;
- The need for massive injections of funds for the establishment of the enterprise;
- The high cost of techniques and the high cost of imported energy-efficient building materials. To start some environmentally friendly production it is needed an impressive investment in the purchase of equipment, facilities, etc.;

- Lack of domestic producers for the production of environmentally friendly equipment;
- The small number of domestic scientific research on the implementation of efficient methods for production and service, without harming the environment;
- Lack of personnel in this area means that at the initial stage it will be necessary to attract foreign professionals, to retrain existing staff, which also requires sufficient material costs;
- Long payback period of fixed assets. It is important to consider the degree of competitiveness of environmentally friendly products and energy compared to its foreign counterparts. Will domestic products in this area be as good as foreign?

Having made efforts to implement the plans of development on the transition to a “green economy” we can achieve great results in this area. As for the prospects of success of its implementation these include:

- In the future, having achieved the target, by reducing the cost of electricity we can significantly reduce the cost of goods and services. Therefore, reducing the cost of goods and services will increase the competitiveness of our products not only in Kazakhstan but also in the international market. This in turn will lead to an increase in the share of manufactured exports, and this fact is certainly positive for the economy of Kazakhstan.
- Having organized the production process of RES (renewable energy sources) it is possible to produce electricity without the cost of resources.
- The transition from raw material orientation to the new economy will allow it to become less dependent on external factors (oil price fluctuations, coal, gas, etc.).
- One of the most important prospects for the development of “green economy” is the health of the people. Improving of the environmental situation in the country will reduce the incidence and, consequently, improve the quality of life.
- Creation of new enterprises will provide Kazakhstani with workplaces that will reduce unemployment and improve the social climate in the country.

You know well-known fact that nothing lasts forever in the world. Each era dictates its own rules. We live in a world where priorities change each other. It is important to determine which ones are most faithful. What is more important: achieving of economic growth through the depletion of natural resources or an alternative way of economic development giving the opportunity to preserve the environment for future generations?

References:

1. The concept of the transition of the Republic of Kazakhstan to the “green economy”, – Astana, 2013.
2. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.new-garbage.com>
3. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.nomad.su>
4. [Electronic resource]. – Available from: <http://greenkaz.kz>
5. [Electronic resource]. – Available from: <http://inform.kz>
6. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.primeminister.kz>

Kuznetsov Andrey Nikolayevich,
Odessa National Economic University,
Senior Lecturer, Department of Organization Management
E-mail: akuz@ukr.net

Impact of personnel labour motivation upon solution of bank development strategic goals

Abstract: the article is devoted to the issues of existing links between bank development strategy and personnel motivation. Original definition of bank development strategy is offered, and the necessity to improve personnel quality assessment methods for further development of bank competitive strengths and stability is justified.

Keywords: bank, strategy, motivation, development, competitive strengths, effectiveness.

In current situation of Ukrainian economics functioning and its banking sector operation there is an increasing necessity to solve the problems related to strategic development of banks and formation of personnel labour motivation for effective solution of strategic issues.

Increasing banking crisis in Ukraine leads to swift augment of insolvent banks, eventually, there is a necessity to refine methods of antirecession bank management; meanwhile, the processes of bank personnel management gain their particular importance. They are implemented via the motivation system and formed on the basis of various tools and methods inducing bank employees to effective activities. Therefore, the research on bank personnel motivation for solution of its anti-crisis strategy tasks is vital nowadays for the majority of modern bank institutions.

Various aspects of personnel work motivation impact upon bank development were analyzed in works of national and foreign scientists like: O. Volgina, L. Kuznetsova, N. Lobanova, Y. Maslanchenkov, V. Mischenko, Y. Odegov, P. Rous etc. Nevertheless, commencement problems of the bank personnel inspiration process upon the bank strategic development under the conditions of crisis are still due to further research.

The aim of the given research is the identification of interrelation and connection between bank development strategies and work motivation of its employees.

It is necessary to outline that there are various approaches in definition of the “strategy”. Initially the “strategy” meaning was used in the middle of the twentieth century by A. Chandler. He identified the term “strategy” as a set of essential long-term aims and objectives of the company, approved steps and resources distribution necessary to achieve these goals [1, 5].

Further the definition “strategy” was used to characterize target development features: market share increase (Boston Consulting Group); strategy of transfer from competitive struggle to contest for a potential client (client-orienting approach); value chain (M. Porter) etc.

The aim of our research is to identify the meaning of bank development strategy. Conducted analysis of scientific publications allows concluding the absence of shared vision to the definition and specific features of bank development. We agree with the statement expressed by Y. Maslanchenkov showing

that it is necessary to distinguish general strategy of the bank as unified direction of its operation from the strategy of particular bank business development on the basis of system approach to the problem solution (goal achievement) in unorthodox situation on the chosen horizon (interval) of bank operation planning. The number of bank development strategies can vary due to imperative factors of business intercourse (legal provisions, macro environment, share of external micro environment) and discretionary nature of business intercourse (share external and the entire internal bank environment) [2, 132].

Fiercer competition on the financial market due to globalization led to identification of bank development strategy with consideration of necessity to develop competitive strengths. As to current situation the bank development strategy is in itself the description of its imaginary but desirable (mostly favorable) condition, development of which aims to form and maintain long-term competitive strengths on the target markets, reflects quantitative targets of bank development and those internal changes to occur in perspective for further improvement of competitiveness.

Development strategy aims to achieve long-term competitive strengths providing necessary efficiency of bank capital and its operations and represents a set of actions for development objectives and bank functioning within the given period of time as well as ways of resources use for achievement of the identified goals.

In our view bank development strategy — is an estimated sequence of interrelated steps made by managers that lead to continuous competitive strength on the market of bank services and facilitate implementation of innovations and amendments that aim to increase effectiveness and bank stability.

The proposed definition gives an opportunity to justify the bank development strategy as a concept of its stable development from existing state to anticipated target one, i. e. the bank with all the essential competitive strengths, obtained on the basis of rational managerial decisions made by the bank personnel. For the possibility of effective decision making by the personnel it is necessary to create bank personnel management strategy, bearing in mind that it is the integral part of general bank development strategy. Meanwhile, one has to consider that one of the most important constituents of the management strategy is motivation.

In the Encyclopedia of Banking and Finance by Charles J. Woelfel motivation is defined as internal aspiration and desire that serves as an inducement or driving force for every single person or a group of people that challenge them to act in a particular manner and to abstain from certain steps [3, 775].

We have to outline here that in its turn work motivation possesses its own motivational strategies: strategy of achievement and strategy of abstinence.

The art of bank personnel management is composed of ability to combine these very strategies and substitute them deliberately due to the objectives of strategic bank development.

To solve various tasks of bank employees motivation — both tactic and strategic, effective managerial personnel assessment methodology is required. First of all, it is necessary for objective understanding of available managerial resources, this is quite vital, especially on the stage of extension and development of the bank, when new goals and objectives are set out and new directions of bank operation are opened. This assessment does not lose its importance in crisis situations as well, specifically when there is a need for strong and tight-knit managerial team able to take responsibility for unorthodox anti-recessionary decisions [4, 320].

To achieve strategic goals of bank development it is necessary to employ various methods of bank employees motivation. There are four basic methods to improve motivation and increase ability to deliver good results amidst personnel:

- system of personnel encouragement, based on the reinforcement hypothesis (material method);
- regulation of employees' behavior via goal setting, or management on goals (goal method);
- job enrichment and re-projecting method based on the alteration of work characteristics (method of job enrichment);
- involvement of employees into management process (participative principle).

It is necessary to mention that modern banks in Ukraine employ all the above-mentioned methods in formation of their motivation system.

Within the implementation of work motivation system in bank for performance of its development strategy tasks the main attention should be paid to the development

of indicators that identify the efficiency of motivation and they are traditionally called key performance indicators (key performance indicator, KPI).

There are two essential types of key performance indicators: leading indicators and lagging indicators. Meanwhile lagging indicators are quite easy to identify (they include the most of financial indicators), the leading indicators (or as they are sometimes called — value drivers) are not that easy to choose. Formation and employment of work motivation system for bank employees will allow [5, 138]:

- To diagnose distinctions in motives of different bank employees categories, both at the stage of personnel recruitment and formation of working groups;
- To perform choice of promoting tools and ways of impact upon the personnel of the bank;
- To optimize financial results of bank activities;
- To influence not only on the material and safety motives but to use wide variety of socially important motives formed due to needs, values and interests of the personnel and clients of the bank.

Summary and recommendations. Therefore, effective solution of bank strategy development tasks by the personnel under nowadays circumstances requires improvement of existing methods used to form employees' work motivation.

During development of work motivation system it is necessary to use: awareness on the bank employees' motives, continuous agreement between personnel needs and possibilities of the bank in relation to their performance, meaning that it is necessary to collate systems of inducing and motivation of the personnel and elimination of discrepancies that might appear here. This means the transfer from labour inducing to work motivation, when every offered promotion is based on precise needs of bank employees.

Performance of tasks for competitive strengths formation and achievement of anticipated effectiveness of bank operation depends upon both professionally developed strategy and personnel motivation.

Personnel that is able to see its bank as perspective employer can be more lawful and interested in achievement of the strategy goals of the bank development. Therefore, this very information shall be delivered to the other interested parties, i. e. bank clients.

To achieve the said goals there should be used a code of ethic principles for banking as well.

References:

1. Chandler A. D. Strategy and Structure/Chapters in the History of the Industrial Enterprise 'Cambridge, – 1965. – P. 5.
2. Maslennikov Y. S., Dubankov A. A. Bank Economics. Approach for the Management of Bank Financial Activity. – M.: Publishing Group «BDS-PRESS», 2002. – 168 p.
3. Encyclopedia of Banking and Finance/Charles J. Woelfel; English translation. – Samara: Conporation «Fedorov», 2000. – 1584 p.
4. Methodological Tools for Formation of Bank Personnel Motivation Concept/A. M. Kuznetsov//Bulletin of Social and Economic Researches: Digest of Scientific Works. – 01/2012. – N1 (44). – P. 319–325.
5. Kuznetsova L. V. Theoretical and Methodological Basics of Bank Financial Operation: Monography/L. V. Kuznetsova/Odessa State Economic University – O.: Publishing House «Atlant», 2009. – 324 p.

*Syroizhko Valentina Vasil'evna,
Voronezh State University,
doctor of economics, professor
E-mail: val.syroizhko2012@yandex.ru*

*Golikova Galina Viktorovna,
Voronezh State University,
doctor of economics, professor
E-mail: ggalina123@yandex.ru*

*Khorokhordin Denis Nikolaevich,
Voronezh cooperation institute, candidate of economic sciences,
department of accounting, audit and finance,
E-mail: vik-kaf-bu@bukepr.ru*

Features reflect the acquisitions of the companies in the consolidated financial statements in accordance with IFRS

Abstract: The main task of the development of accounting in Russia is its convergence with the practice in the countries with market economy. Of all the foreign models accounting in the domestic economy were selected by the international financial reporting standards. The article discusses the features of the application of IFRS when reflected in the consolidated financial statements acquisitions of private companies.

Keywords: corporate structure, consolidated financial statements, the group's associated companies, IFRS.

One of the common areas of the development of the modern global economy is the creation of corporate structures, based on integration that allows access to new knowledge, technologies and, thereby, to ensure greater competitiveness, financial sustainability business partners.

The Association of companies in the group are interconnected economically, but at the same time remaining independent legal entities reinforces the importance of these consolidated financial statements based on IFRS.

General theoretical and methodological approaches to the preparation of consolidated accounts were studied in the works of M. A. Bakhrushina, L. P. Guseva [2], I. M. Dmitrieva, I. Y. Drozhilovskoe, O. C. Efimova, R. Casinói, N. P. Kondrakov, O. I. Leonova [3], B. D. Of Novodvorskoe, Centuries Paliy, V. F. Paliy, L. C. Popova, O. C. Rozhnova, O. C. Solovieva, J. C. Sokolov, A. N. By, such as Tea, L. H. Shneidman and others. However, the problem of optimizing the consolidated financial statements has not received sufficient lighting in the economic literature.

Professional interest for this study represent N. A. Mislavsky, V. V. Syroizhko [5; 6; 7; 8], L. B. Trofimova, which discusses some theoretical aspects of consolidation of financial statements and practical problems of business combinations the group of companies.

Methods of financial analysis consolidated financial statements of commercial companies is reflected in the works of N. V. Grishenko [4], In. A. Kovalev, M. C. Miller, N. Peskovoy and other Russian scientists.

Despite numerous publications on the preparation of the consolidated financial statements, in domestic science under-represented development, revealing the organization of the

process of consolidation of financial statements in IFRS format. In this regard, research is required in the direction of the transformation process of the financial statements of the parent and its subsidiaries, organization of the working process of the formation of the consolidated financial statements.

In the consolidated financial statements include the parent, subsidiary, and affiliated companies, and joint ventures, together representing a group. In the formation of the group, you must use IFRS 3.

The purpose of IFRS 3 is to determine the procedure of preparation of financial statements in a business combination. In this standard, the business combination is defined as a transaction or other event in which an acquirer obtains control over one or more businesses. Thus, the standard States that the result of almost all transactions for business combinations is that one company is the acquiring party obtains control over one or more organizations acquired by the parties.

According to IFRS 3-business is defined as «an interconnected set of functions (actions) and assets that can ensure the proper management of: income owners or income in the form of dividends, lower costs or other economic benefits directly to investors or participants on a Pro rata basis» [1, 463]. All transactions on its Association must be accounted for using the purchase method and the recognition of the acquired identifiable assets and incurrence of liabilities is recognised separately from goodwill (goodwill), which is not amortized, but is reviewed for impairment. Goodwill represents the difference between the fair value of the acquired business as a whole and the fair value of the acquired assets and liabilities.

The application of the purchase method starts from the date of actual receipt of the acquirer of control over the

acquired party, when determining the moment when the acquiring party obtains control, and evaluate all relevant facts and circumstances related to the transaction for business combinations.

The date of acquiring control depends on a number of factors, including whether the acquisition through a public offering or in a private transaction, subject to the approval of the other parties or made upon issuance of shares.

With regard to the acquisition through a public offering, the acquisition date may be the time when the offer becomes unconditional as the result of a sufficient number of proposals received. In a private transaction this date is usually the date when an unconditional offer accepted sellers.

From the foregoing it is clear that one of the main factors is the «absolute» nature of the proposal. Thus, if a sentence depends on its approval by the shareholders of the

acquiring company, the control cannot be obtained until then, until it is approved.

Date when the parent company obtains control over the subsidiary, is the date of its acquisition. The date of receipt of the first control of a subsidiary is regarded as the date of formation of the group. The first consolidated financial statements prepared as at the date of acquisition (date of creation of the group, i. e. the date of obtaining control of a subsidiary).

The application of the purchase method consists of several stages (table 1).

When determining the acquiring side, it is assumed that one of the combining companies to gain control of the other merging company. Under normal conditions, the acquisition of more than half of the voting rights suggests that control passes to the acquiring party. However, the acquisition of more than 50 % of the shares is not required to gain control.

Table 1. – The stages of the purchase method in IFRS 3

Identification of the buyer
Determining the acquisition date
The fair value of business acquired side
Recognition and measurement of the identifiable assets and liabilities and non-controlling shareholders (minority interest)
Recognition and measurement of goodwill gain on acquiring the best deal

The company may receive the control and without the acquisition of more than half of the rights of the votes in another company due to various circumstances, including, with the ability to appoint and dismiss the majority of members of the Board of Directors, in connection with the agreements with the other investors. Thus, control means the power to govern the financial and operating policies of the company in order to obtain benefits from its activities.

The fair value of the business consists of the fair value of the business acquired by the parent company and the fair value of the business attributable to non-controlling interest. When establishing the fair value of the business (or its part), acquired by the parent company, transaction costs cannot be capitalized and recognized as an expense. Expenses on issue of equity or debt instruments are recognised according to the rules established by the rules of accounting standards for financial instruments. Given as compensation by the company buyer of assets and liabilities measured at fair value with recognition of the profit (or loss). The assets and liabilities transferred to the acquiree are recognised at book value without recognition to profit or loss.

In accordance with the procedure set out in IFRS 3, contingent consideration must be recognized at fair value and classified as either a liability or as equity, or as an asset. Thus, the value of the consideration given for the acquisition of the business, always included the fair value of the contingent consideration at the date of merger. Subsequent measurement of a contingent consideration depends on the classification of the contingent consideration — liability — asset — equity. If we are talking about the asset or liability, changes in fair value should be reflected as income (loss) for the period, and if

the contingent consideration represents the equity capital, its revaluation never done [5].

The next step is recognition and measurement of the identifiable assets and liabilities of the acquiree.

At the date of acquisition of the identifiable business articles must meet the definitions of assets or liabilities. The recognition of the identifiable assets and liabilities at fair value at the acquisition date is required even if assets and liabilities are conditional, i. e., if future economic benefits attributable to the asset or the expenditure required to settle the obligation depend on the onset or occurrence of one or more events in the future. Classification of the acquired assets and liabilities is carried out repeatedly for all contracts, based on the contractual conditions in force at the acquisition date, except for leases and insurance, which is stored classification on the effective date of the agreements. Purchased rights are recognized as an identifiable intangible asset separately from goodwill.

The rules of IFRS 3 stipulates the procedure for valuation of the acquired assets and liabilities at fair value. For its establishment should use either the market price or net realizable (net sales price), or the present value or the replacement cost (current replacement cost). For example, for land and buildings, machinery and equipment, securities with a quoted market price, fair value is its market value; the fair value of goods and finished products is their net selling price; the fair value of the raw materials used in their current replacement cost; accounts payable and notes payable, long-term debt, accruals and other requirements to maturity are measured at present value.

Also in a business combination should take into account specific group of intangible assets that can be identified and recognized only since the business combination according

to IFRS (IAS) 38. Such assets may include trademarks, customer base, etc. Such intangible assets should be reported at fair value, which may be quoted market prices in an active market, the estimated discounted value of future cash flows from the asset. Also worth noting is that intangible assets can be identified, if they satisfy:

- the criterion of reparability is acquired intangible asset can be separated from the acquired company and may be licensed or assigned to a third party for a fee or free basis;
- the contractual — legal nature.

If the parent company does not own 100 % of the shares in the subsidiary, it means that there are other shareholders owning voting shares of the subsidiary, and define them for the purposes of consolidated financial statements of as «non-controlling (minority) interest [4]. In the absence of an assessment of non-controlling (minority) interest at fair value non-controlling interest determined on the basis of the proportional share of non-controlling interest in the fair value of the identifiable net assets.

The final step in a business combination is the recognition and measurement of goodwill, which is considered as the future economic benefits arising from assets that are not amenable to individual identity and individual recognition.

In this regard, the acquiring party must reflect the date the recognition of goodwill as an asset. The initial valuation of goodwill must equal the excess of cost of business combination over the share of the acquiring party in the net fair value of the identifiable assets, liabilities and contingent liabilities. Consequently, goodwill acquired in a business combination is a transaction acquirer in anticipation of future economic benefits from assets that cannot be individually identified and recorded separately.

Consider the example associated with the acquisition of the company in order to reflect the methodology of the calculation of goodwill.

Suppose that company A acquires 100 % of the shares of company B for 42 500 thousand rubles. Date of actual receipt of the control of the company B is 1 July 2014. As of this date, the net assets according to the Russian accounting standards amounted to 5 222 thousand rubles in order to calculate the result from the transaction, as well as to reflect all assets and liabilities of the acquire in accordance with IFRS 3, the company A applied in the evaluation Agency. According to the results of an independent assessment of:

1) Fair value of own fixed assets amounted to 72 231 thousand rubles, while their residual value was 22 596 thousand rubles. In further transformation statements of the company B for IFRS purposes the initial cost will be equal to 72 231 thousand rubles, depreciation will be calculated based on this value and useful life according to the evaluators.

2) As part of receivables equal to 178 358 thousand rubles identified debt unrealistic to recover, in the amount of 7 719 thousand rubles. In the future, if the transformation of statements you want to track this doubtful debts. If in accordance with Russian accounting standards will be established

reserve according to the debtors, the appropriateness of the allowance for IFRS purposes is eliminated.

3) According to the assessment of fair value reserves (replacement cost) is 7 455 thousand rubles, while according to RAS inventory value is 8 254 thousand rubles.

4) The analysis of leases part of the contracts meet the conditions for recognition of fixed assets as held under Finance leases according to IAS 17 «leases». Fair value of fixed assets is 39 515 thousand rubles, Finance lease liabilities 44 397 thousand rubles. Also under leases provided by the lease Deposit that are returned by the lesser at the end of the lease term. The amount of deposits according to RAS is 12 071 thousand rubles discounted amount equal to 10 451 thousand rubles.

5) The analysis used software products that are not intangible assets in accordance with accounting standards, some of them are recognized as intangible assets in accordance with IFRS in an amount equal to 1 234 thousand rubles.

6) According to IFRS 3 «business combinations», the buyer must also recognize deferred tax assets and liabilities resulting from business combinations, in accordance with IAS 12 «income Tax». The effect on deferred taxes amounted to 8 455 thousand rubles.

Also the evaluation was evaluated specific group of intangible assets such as customer base, by forecasting future cash flows generated by large clients. The cost of the customer base is 6 376 thousand rubles.

Based on the above, the comparative figures under RAS and IFRS are shown in table 2.

Table 2 shows that net assets increased by 33 780 thousand rubles as a result of the evaluation. Net assets for the purposes of IFRS 3 can be calculated as follows: net assets under Russian GAAP, increased (decreased) by the amount of changes as a result of revaluation. According to initial information, the amount of net assets equal to 39 002 thousand rubles.

It should be noted that in the calculation of net assets accounted for deferred tax liability, which was determined by multiplying all changes (except changes of deferred tax assets, capital and reserves) on the rate of income tax [6]. Hence, the resulting deferred tax liability is equal to 8 455 thousand rubles, from which you subtract the deferred tax asset equal to 3 281 thousand rubles. Thus, in reporting for IFRS purposes only reflect the deferred tax liability in the amount of 5 164 thousand rubles.

The example shows that the amount of net assets is lower than the amount the company paid for the acquisition of company B. In this regard, there is goodwill, equal to 3 498 thousand rubles (42 500 m. p. – 39 002 t. d.).

Thus, based on the above example, we can conclude that in a business combination should work, covering all aspects of activity of the acquired company to evaluate the fair value of the assets, to predict future cash flows, to identify specific groups of intangible assets, to calculate the amount of goodwill.

Table 2. – Comparative figures under RAS and IFRS
according to the evaluation on 1.07.2014, thousand rubles

The name of the line reporting	the Data to the RSBU	Data IFRS according to the estimate	the Change
Asset			
Non-current assets			
Intangible assets	–	7 610	7 610
Own fixed assets	22 596	72 231	49 635
Fixed assets in financial lease	0	39 515	39 515
Lease deposits	12 071	10 451	(1 620)
deferred tax asset	3 281	0	(3 281)
current assets			
Cash	1 499	1 499	–
Short-term receivables	178 358	170 639	(7 719)
Stocks	8 254	7 455	(799)
Other current assets	1 567	1 567	–
Balance	227 626	310 967	83 341
Liabilities			
Long-term liabilities			
Obligations under Finance lease long-term portion	0	41 226	41 226
Deferred tax liability	0	5 164	5 164
Short-term liabilities			
Loans and credits	10 932	10 932	–
Obligations under Finance lease current portion	0	3 171	3 171
Payables	197 748	197 748	–
Other short-term liabilities	13 724	13 724	–
Capital and reserves			
Capital and reserves	5 222	39 002	33 780
Balance	227 626	310 967	83 341

Table 3. – The calculation of goodwill in the acquisition of the company

The cost of the investment	21 200 thousand rubles
51 % of the net assets of company B at the date of acquisition (39 002*51 %)	(19 891) thousand rubles
Total goodwill	1 309 thousand rubles

Table 4. – The calculation of goodwill in the acquisition of the company at fair value

The cost of the investment	21 200 thousand rubles
The fair value of non-controlling interest	20 100 thousand rubles
Net assets of company B at the date of acquisition	(39 002) thousand rubles
Total goodwill	2 298 thousand rubles

If the sum of the acquisition of the business was below the amount of the net assets of company B, then the difference would be recognized as the best shopping and related to financial result of period in which was made the deal.

But not always, the company acquired 100 % of the shares of another company. In this case, there is the non-controlling shareholders, which gives the right to a proportional part of the net assets, measured at fair value, or as a proportional part of the net assets of the enterprise. Therefore, the acquiring party shall have the right at all net assets of the acquiree, which affects the calculation of goodwill. Based on the above example, let's assume that is not purchased 100 % shares of company B, and, for example, 51 % 21 200 thousand rubles, the company And receives control.

In the case of proportional allocation of the goodwill is calculated as follows (see table 3). If the company And reflects the non-controlling interest at fair value at the acquisition date, it is necessary to estimate this proportion. Suppose that the estimated fair value of non-controlling interest as at the date of purchase is 20 to 100 thousand rubles.

In this case, goodwill is calculated as follows (see table 4).

In that case, if the initial allocation of goodwill may not be implemented until the end of the financial year during which the combination occurs, then it necessarily must be made before the end of the next financial year.

However, according to IFRS 3, if the acquiring company has to take into account the Association with the use of the intermediate value indicators, these indicators can be adjusted

within twelve months after the acquisition date. Until the final determination of such an intermediate value indicators of the initial allocation of goodwill may not be possible [7].

Thus, IFRS 3 allows to produce the final calculation of goodwill within 12 months after the acquisition date, while IAS 36 allows you to complete the allocation of goodwill to the end of the next fiscal year, giving the company more time to correct the allocation of the goodwill asset.

According to the results of completing the initial accounting within twelve months from the date of acquisition goodwill, preliminary data can be updated, which means that:

- the carrying value of the identifiable assets, liabilities or contingent liabilities recognized or adjusted as a result of completing the initial accounting shall be calculated as if its fair value at the acquisition date was recorded with such date;
- the goodwill or gain is adjusted from the acquisition date for an amount equal to the fair value adjustment recognized or adjusted the identifiable assets, liabilities or contingent liabilities at the date of acquisition;
- the comparative information presented for periods prior to the completion of the initial accounting the acquisition, it seems as if the initial accounting had been completed from the acquisition date. These adjustments include additional amortization, other gains and losses recognized in the result of the initial accounting.

IAS 36 «Impairment of assets» requires an annual test for impairment of goodwill. In accordance with the provisions of IAS 36 goodwill is subject to allocation to cash-generating units (each or group) since the date of acquisition. An acquirer allocates goodwill to cash-generating units, the effectiveness of which should be increased as a result of acquisition [8].

It should be noted that the test for impairment of goodwill follows along with the group assets that are used to generate the related future economic benefits. Hence, an important role for the subsequent reporting plays an identification of cash-generating units, and the allocation to them of business reputation.

Therefore, when the acquisition of the business and the distribution business reputation can distinguish the following stages:

- the first stage is the identification of assets, which include the economic benefits associated with the acquisition of business reputation;
- the second step is to determine the method of allocating goodwill identifiable group.

The definition of a minimum set of assets that generates largely independent cash inflows, can be largely subjective. For example, the company owns a warehouse with heavy lifting equipment. This equipment can be realized only at the price of scrap, and cash flows from him cannot be determined separately from all other activities associated with the warehouse.

It follows that the recoverable amount of the lifting equipment cannot be calculated, because it is impossible to determine the value of its use. Therefore, the company expects total

the recoverable amount of the cash-generating unit, which includes lifting equipment, i. e. all warehouses.

Sometimes it is possible to identify the cash flows from the asset, but these flows cannot be generated separately from other assets. In such cases, the asset should not be considered separately, because it should be considered as part of the cash-generating unit.

For example, the company manages the airport, which provides services for certain socially important areas for domestic flights at fixed prices set by the state. The company is entitled to provide services for passengers on international flights. Thus it is possible to calculate separately the assets used in connection with each of the routes and the cash flows from each route. The air in socially important areas are carried out with considerable losses.

Hence, the company cannot reduce the amount of regulated services, so the minimum level of identifiable cash flows, almost independent of the cash inflows from other assets or groups — this is money that generates in the whole airport. Accordingly, the airport is the cash generating unit.

In the allocation of goodwill for the cash-generating unit is an important factor determining parts of the enterprise in which it is expected synergy effects of the merger through acquisition of business. In other words, goodwill acquired in a business combination is allocated among all units as part of the acquiring company's cash-generating unit. The distribution business reputation is in line with management estimates. For the allocation of goodwill for the cash-generating unit it is necessary to distinguish between the main goodwill and additional benefits that arise from the acquiring party in connection with synergetic effects.

To determine the amount of goodwill, attributable to certain cash-generating unit, IAS 36 provides a specific set of requirements:

1) Each cash generating unit (or group) that is allocated to goodwill, should represent the lowest organizational level within the company, in respect of which management monitors goodwill; must not surpass the size of the operating segment defined in IFRS 8 «Operating segments».

The purpose of this requirement is to connect the test goodwill for impairment with the internal structure of the monitoring of goodwill within the company. Based on the requirements for segmentation, this correlation leads to the fact that the companies listed will not be able to offset goodwill at the corporate level, in the case of impairment of individual units.

2) After allocation of goodwill between the cash-generating units, they must be tested for impairment at least once a year. In addition, they are reviewed for impairment when indications of impairment of goodwill or of the units.

3) Various cash-generating unit may be tested for impairment at different times. However, if the goodwill allocated to the cash generating unit, has been fully or partially acquired through business combinations in the current period, this unit be tested for impairment before the end of the current fiscal year.

Consider the allocation of goodwill for the cash-generating unit in the following example. Suppose that a group of airlines operates flights to various destinations: America, Europe, middle East, Africa. These areas are segments in which the group discloses information in the financial statements.

In addition to the transportation group of companies operates airports and financial activities. The activities of the group companies are also segments for which information is disclosed. The structure of the segments of the group companies is presented in the figure 1.

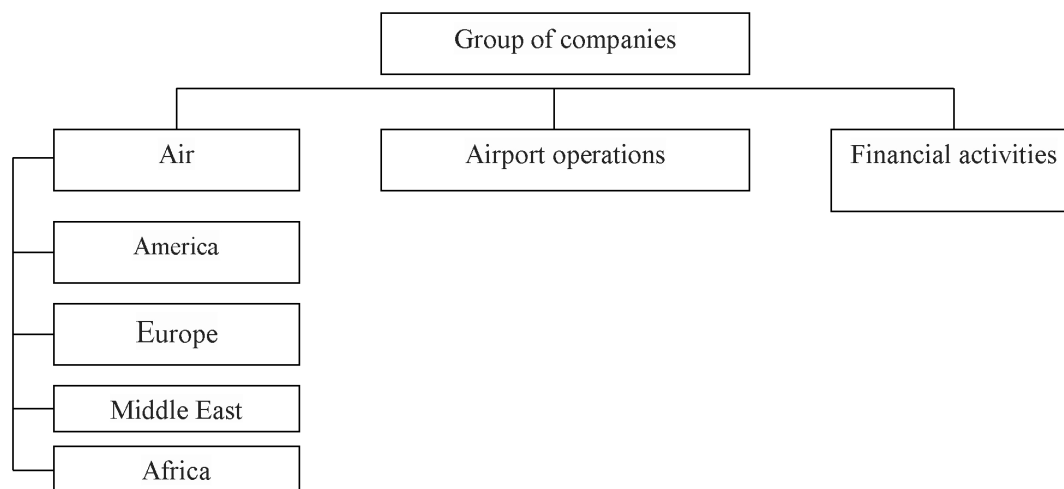

Fig. 1. The group's segments airlines

In 2014, the group has decided to purchase airline transport in Asia and the middle East with the aim of strengthening its positions in these areas, while Asia is a priority of the acquired company. The amount of the transaction amounted to 24 680 thousand rubles, the fair value of net assets is equal to 19 200 thousand rubles, the main business reputation equal to 2 192 thousand rubles, the benefits arising from synergies, is 3 288 thousand rubles.

Purchased goodwill is attributed to air travel due to the fact that the activities of the acquired company is fully characterized this segment the group's activities. Further, in the air are directions, one of which will be enhanced by the acquisition, and there will be a new direction, in which the group has not previously operated. So part of the acquired goodwill is subject to distribution on these two segments. In connection with the acquisition is expected a significant increase in the value segments.

Suppose that an increase is possible with enough reliability to assess in monetary terms. Then the allocation

of goodwill will be made in proportion to the increase in the value segments. Assume that the ratio of the increase in segment «middle East» to segment «Asia» is 2 to 5. Then the amount of the allocated goodwill between these segments will be: «the middle East» — 1 315 thousand rubles; «Asia» — 4 165 thousand rubles (3 288 T.R. * 3/5 + 2 192 T.R.).

The research methodological approaches of the integration process of business allowed to make the following conclusions:

- Is in a business combination the important point is the date of acquiring control of the acquiree, because on this date to estimate the fair value of assets and the calculation of goodwill (the best buy).
- The process of consolidation business reputation consists of the allocation of goodwill for the cash-generating units and impairment testing. The distribution business reputation is based on management estimates.

References:

1. Bonham Mike. The application of IFRS: translation from English. – M.: The Harvard Business Review: Ernst & Young, 2008. – 137 p.
2. Guseva L. P. Consolidation of financial statements: monograph/L. P. Guseva. – Voronezh, 2011. – 139 p.
3. Leonova O. I., Kuznetsova, I. C. Features of the tax audits of the consolidated group of taxpayers/O. I. Leonova, I. C. Kuznetsova//In the collection: Socio-economic problems of innovative development of the materials of the III International scientific-practical conference: in 3 parts. Voronezh state University of engineering technologies; Ryazan state radio engineering University, Belgorod University of cooperation, Economics and law, Voronezh branch, 2012. – P. 151–155.
4. Sirotkina N. V., Gryshchenko N. V. The procedure of formation of corporate entities in the food industry/N. V. Sirotkina, N. V. Gryshchenko//Region: Economics, management. – 2013. – № (22). – P. 108–114.
5. Syroizhko V. V., Mazurina E. V. IAS 18 REVENUE and Russian accounting rules incomes: a comparative perspective/V. V. Syroizhko, E. V. Mazurina//International accounting. – 2012. – № 14. – P. 52–63.
6. Syroizhko V. V. Forms and types of economic regulation/centuries Sirocco//Bulletin of the Belgorod University of cooperation, Economics and law. – 2012. – № 2. – P. 53–66.

7. Syroizhko V.V. Methods of analysis of the direction of development of the organization/Syroizhko V.V.//Accounting. – 2008. – № 10. – P. 67–74.
8. Syroizhko V.V. The Basic principles of market self-regulation organization/V.V. Syroizhko//Entrepreneurship. – 2008. – № 5. – P. 61–69.

*Tverdokhlib Oleksandr Stepanovych,
Nationalakademie für öffentliche Verwaltung bei dem Präsidenten
der Ukraine, Chefangestellte der Abteilung für Tätigkeitskoordinierung
wissenschaftlicher Beiräte und Attestierung von Wissenschaftlern,
Departement für wissenschaftliche Personalausbildung, Dr. rer. publ.
E-mail: tverdokhlib@academy.gov.ua*

Staatliche informationelle Politik unter Umständen gesellschaftlich-politischer Entwicklung in der heutigen Ukraine

Abstrakt: Der vorgegebene Beitrag gibt eine kurze Übersicht über aktuellen Sachstand im Informationsbereich der heutigen Ukraine. Die wichtigsten Richtlinien der staatlichen Informationspolitik unter modernen Umständen der gesellschaftlich-politischen Entwicklung werden hier begründet. Dabei werden auch entsprechende Besonderheiten anlässlich Entwicklung der Informationsfreiheit in der Ukraine hervorgehoben.

Stichwörter: Informationsbereich, Informationspolitik, Informationsfreiheit, Informationskrieg, gesellschaftlich-politische Entwicklung, Staatsregelung, öffentliche Verwaltung, die Ukraine von heute.

Informationelle Politik eines Staates bestimmt Funktionsnormen des Informationsbereiches, dessen Objekte informationelle Verläufe und Verhältnisse, informationelle Ressourcen und informationelle Infrastruktur auftreten [2, 42]. Sie kann bei der Lösung wirtschaftlicher, sozialer, militärischer Aufgaben helfen, weil moderne Gesellschaften sich im Wesentlichen auf ihre informationellen Bestandteile gründen [5, 10]. Dadurch folgt: nicht nur Angehörige eines Staates sollen die Behörden zuhören, sondern ist die Gewalt verpflichtet, auf Gedanken und Worte ihrer Bürger zu horchen. So ist eine fehlerfreie und effektive informationelle Politik eines Staates imstande, mehrere politische, wirtschaftliche, diplomatische usw. Probleme lösen.

Das Konzept der Informationsfreiheit sieht das Recht jedes Staatsangehörigen auf Information, die in den Dokumenten der Staatsbehörden festgelegt ist, vor [6, 8]. Dadurch sind die Staatsbehörden und Staatsangestellte verpflichtet, Angehörige eines Staates mit ihren Tätigkeiten bekannt zu machen und über von denen erlassenen Akten zu informieren. Das genannte Konzept hatte einen riesengroßen Erfolg, so dass es sich schnell über Grenzen eines Kontinents verbreitet hatte. Zurzeit zählt man zu den FOI-Staaten (engl. Abkürzung — freedom of information — Informationsfreiheit) 103 Länder über die ganze Welt [7], darunter auch die Ukraine.

Gerade Informationsraum wird heute als Instrument für Lösung einer Mehrzahl von Fragen im Bereich der öffentlichen Verwaltung genutzt. Ja, man erkennt, dass zu diesem Raum schon seit langem eine erhöhte Aufmerksamkeit seitens des Staates geschenkt wird. Aber nur während der letzten Jahrzehnte wird er systematisch, absichtlich und sogar habsüchtig verwendet. Dabei hat die totale Globalisierung nicht die

letzte Rolle gespielt. Die Staatspolitik ist heute fast völlig von äußeren Faktoren abhängig. Der informationelle Status eines Staates, seine Darstellung im informationellen Weltraum ist ein Teil seiner politischen oder wirtschaftlichen Bedeutung auf der Erde. Es existieren heute keine Staaten, deren Status im informationellen Bereich sich stark vom Status in allen anderen Bereichen unterscheidet. Es ist aber nicht zufällig: ein starker Staat soll stets alles im Auge behalten.

Informationelle Gesellschaft stellt ihre eigenen spezifischen Anforderungen sowie zu den Staatsbehörden als auch zu den Kommunalverwaltungen. Das System der öffentlichen Verwaltung verändert sich in der Richtung des demokratischen Typus. Die gesellschaftliche Rolle ist dabei konstitutiv: gerade Bürger sind berechtigt, einen direkten Einfluss auf Staatsbehörden auszuüben. Die informationelle Gesellschaft ist eine transparente Gesellschaft, wo es eine wirkliche Möglichkeit besteht, eigene Interessen zu verteidigen. Dies bezieht sich nicht nur auf Mehrheit, sondern auch auf Minderheit — alle sind gleichberechtigt. Transparenz der Behörden, die insbesondere den Informationsbereich anbetrifft, ist in diesem Prozess ein sogenannter Baustein.

Das Recht auf Information wird mittelbar oder unmittelbar durch das Grundgesetz eines beliebigen Landes seinen Staatsangehörigen gewährleistet. Dieses Recht wird als ein unabdingbares Recht eines Menschen, eines Bürgers ersehen [3, 193]. Zugleich soll die Verwirklichung dieses Rechtes keinesfalls gesellschaftliche, politische, wirtschaftliche, soziale, geistige u. a. Rechte anderer natürlichen und juristischen Personen verletzen. Dies steht leider aber nur in der Theorie, insbesondere mit Rücksicht auf jüngste Ereignisse, die neu in der Ukraine stattgefunden sind.

Europäische Bestrebungen und demokratische Methoden deren Erreichung haben zum großen Bedauern zum „Knickpunkt“ geführt. Während einerseits eine Menge von Staaten der Welt alle demokratischen Änderungen in der Ukraine unterstützen, bleiben einige Konfliktsituationen vorhanden. Und gerade diese geschehen eben im Informationsbereich, was stufenweise unter günstigen Umständen zur offenbaren Militärkonfrontation führen kann. Informationelle Waffe ist heute eine der effektivsten Waffen, die zum Sieg einer der konfrontierenden Seiten führen kann. Zugleich kann der Gebrauch von traditioneller Waffe im globalen Konflikt alle Teilnehmer zur Vernichtung oder unverbesserlichen Verluste in der Struktur der nationalen Sicherheit, Wirtschaft und anderen Bereiche in solchem Maß bringen, dass niemand von denen Ergebnisse des Sieges kaum gebrauchen kann.

Heute kann man schon genau über Ausbrüche des Informationskrieges seitens äußere Nachbarstaaten sprechen. Heute ist die Ukraine allein nicht imstande, den entsprechenden Zustand der nationalen informationellen Sicherheit zu versorgen. Wie bekannt, wird dieser durch ausgewogene Interessen einer Persönlichkeit, einer Gesellschaft und eines Staates erreicht [1, 14].

Heutzutage beobachten wir in der Ukraine eine riesengroße Reihe von Bedrohungen im Informationsbereich, unter denen sind zu nennen:

- Manipulation mit der Information (Desinformation, Verzerrung und Verfälschung der Information);
- Verletzung der festgesetzten Ordnung der informationellen Austausch, unbefugter Zugang oder unbegründete Beschränkung des Zugangs zu den informationellen Ressourcen;
- rechtswidriges Einsammeln der Information und deren Verwendung.

Die obengenannten Faktoren beeinflussen wesentlich den Informationsbereich der heutigen Ukraine und bestimmen bedeutend ihre gesellschaftlich-politische Lage in moderner Welt. Die neue Rolle des informationellen Bestandteils macht heute den Sturz der Regierungen mehreren Staaten möglich. Mechanismus der Resonanzwirkung hilft die Regierung des beliebigen Staates leicht verändern; dabei empfinden die Teilnehmer des Vorgangs überhaupt keinen äußeren Einfluss.

Dieser Einfluss prägt sowie konstruktive als auch destruktive Wirkungen. In erstem Fall ist dieser Einfluss auf Verstärkung der politischen, psychologischen und anderen Bestandteile der Gesellschaft gezielt. Zugleich kann der Einfluss Instabilität verursachen, was sich auch in informationeller Unterstützung der Zentren, die diese sowie innen als auch äußerlich des Landes schaffen können, verkörpert ist.

Das globale Wesen des Informationskrieges wird durch Besonderheiten der informationellen Gesellschaft, deren Errichtung alle Mitglieder der Gesellschaft in Beteiligung an informationellen Vorgängen einbezieht, verursacht. Jedes Subjekt der gesellschaftlichen Verhältnisse tritt als Teilnehmer der „Kriegshandlungen“ im Informationskrieg auf, was mit dem Konzept der Bürgergesellschaft verbunden ist. Hier spielen eine wichtige Bedeutung einzelne Persönlichkeiten und

deren Vereine. Das alles verursacht auch in der informationellen Gesellschaft eine potentielle Zugänglichkeit der informationellen Waffe für jedes Mitglied sowie entsprechende Mittel und Komponente für deren Schaffen. Das Hauptziel des Informationskrieges ist Schaffen von Bedrohungen in der informationellen Sicherheit der Gesellschaft, deren Zustand durch den Zustand der informationellen Sicherheit ihrer einzelnen Bestandteile verursacht wird [4].

Informationelle Sicherheit ist ein spezifisches Objekt des Einflusses, weil mit deren Verletzung auch indirekt andere soziale Werte bedroht werden. Führung eines Informationskrieges ist ein berührungsfreies Mittel, das eine weitere „Klemmung“ von Interessen der „Zielscheiben“ in verschiedenen Bereichen des Lebens, ggf. durch Selbstbehauptung des Aggressors, verursacht.

Trotz aller Schwierigkeiten in moderner Staatsleitung der Ukraine verfolgt jeder Staatsangehörige dieselben Absichte wie der Staat — man braucht Information, um entsprechende Entscheidungen zu treffen. Der Unterschied ist nur bei dem Niveau dieses Verlaufes zu ersehen. Das zugesicherte Recht eines Staatsangehörigen auf Information erfüllt lebenswichtige Funktionen eines Individuums.

Informationelle Freiheit, Offenheit und Transparenz der Staats- und Kommunalverwaltungen sind jetzt als wichtigste Merkmale ihrer Tätigkeitseffizienz zu ersehen. Sie gelten auch als nötige Bestandteile der ständigen quantitativen und qualitativen Verbindung zwischen den Staatsangehörigen und dem Staat selbst. Dabei ist diese Verbindung auch ein der wichtigsten Bestandteile der Nationalinteressen jedes Landes im Informationsbereich.

Einen riesengroßen Einfluss auf Informationsfreiheit haben heute zugleich Zugänglichkeit der Dateien sowie Zugänglichkeit adäquater Methoden ihrer Interpretation. Mangel an erwähnten Faktoren führt zum demselben Ergebnis: die Information wird unzugänglich. Dadurch kann unvollständige, unadäquate oder unzuverlässige Information entstehen. Zuverlässigkeit, Sicherheit der Informationspolitik, höchstmöglich effektive Anwendung informationeller Ressourcen, äußerlichen und inneren Kanäle erhöhen die Qualität öffentlicher Entscheidungen, stellen Stabilität der sozial-politischen Entwicklung eines Staates sicher.

Besonderheiten der historischen Entwicklung, sozial-politische und sozial-wirtschaftliche Veränderungen in der Gesellschaft beeinflussen wesentlich die Informationspolitik eines Staates. Jeder Staat hat seine spezifischen Nationalinteressen, die aus Interessen der Gesellschaft und des Landes bestehen. Gerade sie bestimmen die Informationspolitik eines Staates. Die Aufgabe der staatlichen Informationspolitik ist dadurch die Befriedigung nationaler Interessen einer Gesellschaft. Jeder Staat ist einzigartig und ist durch eine Reihe von Angaben und Besonderheiten gekennzeichnet. Durch eine korrekte und fehlerfreie Informationspolitik eines Staates wird eine stetige Stabilität und Zuversicht für seine Bürger gewährleistet. Und gerade dieser Umstand wird als einer der Höchstwerte eines Staates beurteilt.

Referenz:

1. Гурковский В.І. Організаційно-правові питання взаємодії органів державної влади у сфері національної інформаційної безпеки: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. наук з держ. упр.: спец. 25.00.02 "Механізми держ. упр." / В.І. Гурковский; Нац. акад. держ. упр. при Президенті України. – К., 2004. – 20 с.
2. Дрешпак В.М. Концептуальні основи періодизації державної інформаційної політики України / В.М. Дрешпак // Аспекти публічного управління. – 2013. – № 2. – С. 41–47.
3. Заніздра Н. О. Державна інформаційна політика України на сучасному етапі та шляхи її вдосконалення / Н. О. Заніздра // Вісник КрНУ імені Михайла Остроградського. – 2012. – № 4. – С. 193–196.
4. Почепцов Г.Г. Информационные войны / Г.Г. Почепцов; отв. ред. С.А. Удовик. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. – 576 с. – (Образовательная библиотека).
5. Почепцов Г.Г. Інформаційна політика: навчальний посібник / Г.Г. Почепцов, С.А. Чукут. – 2-ге вид., стер. – К.: Знання, 2008. – 663 с. – (Вища освіта ХХІ століття).
6. Право на доступ до інформації: теорія та практика / Харківська правозахисна група. – Х.: Права людини, 2008. – 348 с.
7. Mozambique President Signs FOI Legislation; 103rd Nation. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.freedominfo.org/2015/01/mozambique-president-signs-foi-legislation-103rd-nation/>. – Title from the screen.

*Shuvalov Valeriy Alekseevich,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, undergraduate, Moscow, Russian Federation,
E-mail: shuvalov.valeriy@gmail.com*

The role of government regulation in the innovative development of the regions of Kazakhstan

Abstract: The role of the government in the industrial development of the regions. The emphasis is on innovative component.

Keywords: Kazakhstan, government regulation, the policy of industrialization, the region.

*Шувалов Валерий Алексеевич,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
магистрант, институт бизнеса и делового администрирования
E-mail: shuvalov.valeriy@gmail.com*

Роль государственного регулирования в инновационном развитии регионов Казахстана

Аннотация: показана роль государства в индустриальном развитии регионов. Акцент сделан на инновационную составляющую.

Ключевые слова: Казахстан, государственное регулирование, политика индустриализации, регион.

Казахстан определил свой путь масштабной индустриализации, как основы перехода к инновационной экономике. Государственная поддержка инноваций определила их как стратегически важное направление индустриального развития Республики Казахстан [1, 2, 3].

Реализуемая в Казахстане государственная инновационная политика предполагает развитие инновационных кластеров, формирование инновационной среды, коммерциализацию научно-технологических разработок с применением различных инструментов государственно-частного партнерства в сфере развития и продвижения инноваций на всех уровнях.

Результативность инновационной составляющей с позиции взаимодействия и сотрудничества власти и бизнеса во многом определяется тем, на каком уровне развития находится государственно-частное партнерство, как продвигается сотрудничество государственных органов управления и представителей бизнес сообщества. Большие надежды связаны с применением в практике Казахстана германской программы по развитию малого и среднего инновационного бизнеса ZIM.

Мировой опыт показывает, что динамичное развитие государства и его экономики, а также стремление достичь высокие позиции в мировом рейтинге во многом опреде-

ляется тем насколько конкурентоспособны его регионы, каковы результаты работы по улучшению на региональном уровне бизнес-климата.

Чтобы реализовать и внедрить на практику управленческие решения, касающиеся предприятий различных отраслей и форм собственности нужна четкая координация взаимодействий между представителями малого и среднего бизнесом, с одной стороны и государственными органами и предприятиями, с другой стороны.

Но как показывают исследования, инновационная активность на уровне регионов Казахстана, все — так и остается крайне низкой. Лишь единицы предприятий в состоянии самостоятельно провести научно-исследовательские работы, связанные с инновациями. И это при том, что около 30 % предприятий ведут проектно-конструкторские разработки и активизируют технологическую деятельность, т. е. они осваивают новые технологии или те технологии, которые уже используются другими предприятиями, более активными в инновационной деятельности.

В результате исследований автора и проведенного им анализа, удалось выявить ключевые проблемы, которые неразрывно связаны с инновационной активностью регионов в Казахстане:

- ситуация, когда государственный заказ на инновации не в полной мере согласован и как следствие, не полно финансируется;
- производственные (реальные) мощности действующих предприятий недостаточно загружены;
- наблюдается низкий уровень деловой активности предприятий в области инновационной и инвестиционной деятельности;
- наблюдается несоответствие между действующими технологическими структурами основного производства и теми потребностями, которые выдвигает новое производство;
- ухудшение научной составляющей инновационного процесса, сокращение финансирования научных работ, как бюджетного, так и внебюджетного, отток кадров из научно-исследовательских институтов из-за низкой заработной платы.

Сейчас в Казахстане набирают силу принципы государственно-частного партнерства, поскольку с их помощью разрабатывается новый механизм активного включения представителей бизнеса в принятие инновационных управленческих решений. Большие надежды связаны с инновационными управленческими технологиями и их возрастающей ролью в управлении регионом. Они позволяют достичь новые более высокие качественные характеристики в области управления инновациями на уровне региона.

Управленческие технологии, нацеленные на совершенствование инновационного развития промышленного региона, позволяют усилить роль региональной экономики, увеличить охват предприятий и других региональных субъектов и привлечь их за счет масштабности для участия в инновационных процессах.

В настоящее время, когда экономика Казахстана развивается динамично и необходим переход на инновационный путь, цели инновационного развития и ускоряющегося научно-технического прогресса стали доминирующими, они постепенно ставят себе государственную политику и экономику себе в подчинение. Сегодня условием экономического роста и прогрессивного развития общества представляется инновация, а инновационное развитие рассматривается как совокупность условий, внешних и внутренних факторов, обеспечивающих воспроизводство новых товаров и услуг, технологий, эффективных управленческих решений во всех сферах и областях жизнедеятельности регионов и представляющих их субъектов.

При разработке инновационной стратегии следует принять во внимание то, насколько развита научно-технологическая сфера. При этом учитывается, что наука, техника и технология относятся к самым важнейшим факторам развития государства. Это объясняется тем, что научно-технический потенциал играет определяющую роль в повышении конкурентоспособности Казахстана на мировой арене, в интеграционных процессах. Кроме того, научно-техническая продукция нацелена на учет геополитических аспектов с интересами каждого государств и его места в экономической глобализации.

В Казахстане сегодня делаются шаги по формированию новой модели, нацеленной на управление наукой. Это модель обеспечит переход от финансирования проектов на уровне научных учреждений к управлению теми научно-исследовательскими проектами, которые будут признаны перспективными. Ежегодно планируется увеличивать размер финансовых средств, выделяемых на научные исследования и разработки. Планируется добиться соответствия уровню финансирования, принятому в промышленно-развитых странах. В Казахстане будут функционировать Национальные лаборатории. Это лаборатории открытого типа, оснащенные современным уникальным оборудованием. Они будут созданы в ведущих университетах (национальных, государственных и региональных) на базе лабораторий, имеющих инженерный профиль.

Для мобилизации усилий государства и бизнеса с целью решения различных технических проблем, ориентированных на долгосрочный временной период, при Правительстве Казахстана создан Совет по технологической политике. В 2012 г. решением Совета стартовали десять целевых технологических программ, носящих пилотный характер. Это проекты по разработке катализаторов для нефте- и газопереработки; разработке новых технологий, способствующих росту нефтеотдачи пласта и другие проекты.

От того насколько высока экономическая эффективность деятельности предприятий в области инноваций, полностью зависит инновационная привлекательность конкретного региона. Инновации очень восприимчивы не только к какому-то конкретному изделию, но и в значительной мере зависимы от инвестиционной активности реги-

она. И в целом по Казахстану и по регионам страны инновационная активность предприятий тоже пока еще низкая, но постепенно набирает темп. То есть именно на уровне конкретных регионов следует внедрять мероприятия, ориентированные на привлечение внешних инвесторов.

Измерить инновационный потенциал региона можно показателями, которые используют для позиционирования инновационной деятельности и роста экономической эффективности инновационной деятельности в перспективе. Они необходимы для достижения конкретных показателей деятельности предприятия (оценить эффективность инновационного потенциала за заранее оговоренный временной интервал; оценить использование трудовых, материальных и финансовых ресурсов; определить и очертить круг потенциальных проблем, с которыми можно столкнуться при реализации проекта).

Для того, чтобы провести качественный мониторинг выполнения инновационного проекта следует анализировать: весь период, на протяжении которого предприятие проявляет свою инновационную активность; период, когда оно эффективно выживает; период, когда оно создает инновационные продукты; инновационная составляющая научных исследований и разработок предприятия; результативность продаж инновационных продуктов; относительно высокие показатели экономической и социальной эффективности инновационных исследований и разработок; показатели инновационной активности персонала; составляющие индивидуального процесса разработки и внедрения новых изделий; результативность инновационной доходности на одного работающего предприятия; уровень вложений конкретных частных инвестиций в новое производство; показатели по различной рентабельности от внедрения инноваций в различных подразделениях предприятия.

Быстрота и результативность внедрения инновационных разработок на уровне конкретного региона, определяются тем, насколько они чувствительны к внешним изменениям [4]. Необходим постоянный поиск факторов внутренней и внешней среды и установление класса чувствительности, к которому принадлежит предприятие. Предприятия, которые включены в разные классы по чувствительности внедряемых инноваций, предъявляют очень различные и сложные требования к потенциальным инновационным проектам. В том случае, когда предполагаемое к внедрению в производство нововведение не полностью отвечает требованиям различной чувствительности в риску предприятия, то достаточно велика вероятность того, что все ожидания потребителей, связанные с внедрением и использованием инноваций, реально не оправдаются.

Все процессы, которые тесно связаны с конкретной разработкой и принятием научно-обоснованных управленческих решений на промышленных предприятиях, неразрывно связан с выяснением вопросов о том, как влияет организационная структура на реальный инновационный процесс.

Когда на практике приступают к моделированию и внедрению организационной структуры предприятия, широко используют методы, распространенные в системной диагностике. В частности, делают анализ динамического развития и становления предприятий.

Новые платформы по организации инноваций должны отвечать требованиям развития инновационного потенциала и циклического развития конкретного предприятия. Эти платформы могут быть созданы на уровне государства (или субъектов, функционирующих в Республике Казахстан) и градообразующими и крупными предприятиями, которые составляют реальную конкуренцию на внутреннем и внешнем рынках. Со стороны государства могут быть сформированы ключевые элементы, поддерживающие результативное использования инновационных потенциалов предприятий или создание уже готовых эффективных организационных структур в целях развития инновационной активности и потенциала предприятия. С дальнейшим, развитием данного предприятия потребность в регулярной поддержке и стимулировании снизится, что будет способствовать переизбытку различных форм по развитию и продвижению инновационных разработок, а это в свою очередь положительно отразится на становлении региональной экономики.

То, как эффективно будет развиваться инновационная деятельность региона зависит, прежде всего, от того, какова будет эффективность организационной структуры, которая обеспечивает и поддерживает инновационную деятельность и активность предприятий. Эта структура предполагает наличие двух взаимосвязанных комплексов: один из них формирует инновации и реализует их, а другой комплекс управляет ими с помощью процедур, определяющих тесную взаимосвязь этих двух комплексов на уровне предприятий, задействованных во внедрении инноваций.

В стратегии формирования и развития инновационной деятельности региона следует учесть требования гармонии и достижения пропорциональности, в частности между предприятиями, участвующим в инновационной деятельности (наличие у них функций, отсутствие их дублирования, достижение непрерывности в управлении конкретными инновациями, обязательное присутствие как прямой, так противоположной связи).

Для рационального управления инновационной деятельностью предприятиям на уровне региона необходимо: сформировать цели; спланировать и организовать инновационную деятельность; вести контроль за инновационной деятельностью.

Для управления процессами инновационной деятельностью предприятий региона используется инструментарий: различные процедуры, конкретные правила и нормативные материалы, планы, инновационные программы, бюджет по инновациям, сметы. Это все определяет механизм того, в каком виде будут реализовываться процессы разработки и внедрения инноваций.

Наибольшее число проблем связанных с государственным регулированием процессов, отражающих иннова-

ционную политику в Республике Казахстан, может быть сведен к следующим: во-первых, четкая координация всех процессов, во-вторых, активное финансирование инноваций и в-третьих, всестороннее развитие.

Очень важно для конкурентоспособных регионов достижение перманентности инноваций. Это на сегодняшний день один из способов для достижения устойчивости на рынке и предотвращения банкротства. Для управления предприятием с позиции его инновационной деятельности, необходимо соблюдать принцип перманентности касательно инноваций. Этот принцип основан на соединении трех различных свойств:

- долгосрочной преемственности, что предполагает такое развитие, когда все новое сумеет сохранить старые уже зарекомендовавшие себя элементы;
- непрерывности в развитии, предполагает достаточное продолжительное отсутствие интервалов времени, когда инновационные научные разра-

ботки предприятием не проводятся, что способствует нарушению научного, технологического циклов;

- соблюдение последовательности, означает, что существуют этапы или их совокупность, причем они строго подчинены какой — то цели или целям.

Все перечисленные выше свойства имеют системность, которая достигается моделированием в области инновационной деятельности с позиции решения стратегических задач. При этом они соответствуют общим логическим построениям модели и предполагают очень тесную связь между элементами, достижение целостности и однородности в области развития инноваций. Системный подход в совершенствовании инновационной деятельности нацелен на устранение односторонности в процессе корпоративного управления, достижения требуемой согласованности и четкой сбалансированности в принятии решений.

Список литературы:

1. Концепция Инновационного развития Республики Казахстан до 2030. – Астана, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kazenergy.com/images/stories/Pravovaia.../konception.doc>.
2. Закон Республики Казахстан от 9 января 2012 г. № 534-IV «О государственной поддержке индустриально-инновационной деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nomad.su>.
3. Программа по развитию инноваций и содействию технологической модернизации в Республике Казахстан на 2010–2014 гг. Утверждена Постановлением Правительства РК от 14 апреля 2010 г. № 302.// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://online.prg.kz>
4. Егорова А. А. Инновационный потенциал как фактор развития региона/А. А. Егорова//Экономические и юридические аспекты развития регионов. – 2009. – № 2 – С. 24–28.

Shulepina Svetlana Aleksandrovna,

Kuban State Agrarian University,

PhD in Economics, lecturer of Department of Accounting

E-mail: shulepinasv@mail.ru

Degaltseva Zhanna Vladimirovna,

Kuban State Agrarian University,

PhD in Economics, professor of Department of Accounting

E-mail: degaltseva_1996@inbox.ru

Features implementation of controlling in management system of householding organization

Abstract: Difficulties of controlling introduction in workflow of Russian companies are described in the article. Problems of costs controlling introduction in household organization are presented. The structure of responsibility centers and grouping cost centers by type of business processes in household organizations are suggested.

Keywords: Household organization, housing and communal services, controlling, management accounting, responsibility center.

The appearance of innovate management technology in Russia is above all due the needs of developing and using new approaches of creation of economic agents organizational structure for all industries. Very important issue is application of the latest techniques in the management of

socially significant organizations, especially for householding industry.

There are needs to provide timely, complete and the address information for operational control in householding organizations of the Russian Federation.

Regarding of this, it is necessary to create and implement in management system organization a tool to:

- correctly determine and put the purposes of strategic and operational to management of organization;
- identify the cause of the unfavorable effects of activities in the economic entity and its separate structural units;
- provide information support of management of business processes in the organization by forming a complete system of an account and analytical;
- predict the effects of management decisions, factors of external and internal environment to carry out business processes.

This tool is controlling. Controlling is a systematic exercise which is called as a process of checking actual performance against the standards or plans with a view to ensure adequate progress and also recording such experience as is gained as a contribution to possible future needs [1].

The objects of research are householding organizations. Housing and communal industry is one of the most reformed industries in the Russian Federation. Needs of modernization of technological systems and the distribution of financial flows was a cause of the creation new institutions — householding organizations.

At the present stage, many researchers pay a great attention to the identification and investigation of the essence of category controlling. This explained the need to solve problems of the forming information for the financial and management accounting in the terms of modernization and convergence with International Financial Reporting Standards.

In domestic science controlling researched: R. A. Alborov, M. A. Vahrushina, V. V. Govda, G. V. Degaltseva, V. B. Ivashkevich, E. I. Kostyukova, N. K. Kemaykin, N. I. Olenov, M. N. Pavlenko, M. A. Fedotov, L. I. Horuzhy and others.

In the works there are base of growing of controlling as one of the most effective management tool that needs to additional research. Despite the large number of scientific works, problems of adaptation and organization the controlling in the Russian organizations are not completely investigated, especially for the housing industry.

During the implementation of controlling in the organization Russian scientists classify three categories of problems: historical, psychological, and methodological [2]. Historical problems are the absence of formalized and orderly organizational structures and effective communication channels. Influence negative stereotypes of Western experience on creation of management system, opposition managers of all

levels in any changes are psychological problems of controlling introduction. One of the methodological problems is the disparity between the Russian theory and practice of accounting to Western standards.

The research activities of householding organizations showed that now there are favorable conditions for the development of controlling in the industry:

- 1) the development of private business — on 01.01.2014, about 99 % of householding organizations of the Krasnodar Region have private ownership;
- 2) introduction of innovative management technologies based on controlling;
- 3) creation of professional associations in the householding industry.

The study identified the following specific features of the functioning of householding organizations have an impact on forming of system of controlling:

- price for housing services is formed on the basis of approved tariffs;
- terms of household contract have a direct impact on the implementation of financial and economic activity of the organization;
- specificity connections in the chain of “communal service provider — the householding organization- consumer”.

Implementation of the system of controlling in the householding organization is going to allow:

- to conduct a comprehensive analysis and evaluation of activities the economic entity;
- to reorganize the structure of the organization based on the strategic and tactical direction of its development;
- to optimize costs and taxes;
- improve the key financial performance indicators of householding organizations.

Therefore the aim of controlling is to optimize the stability of the economic situation and development potential opportunities of economic entity.

In conclusion, it should be noted that today in Russia segment of the market of householding is rudimentary. The search for new ways of increasing the efficiency of management is important for the growth of their investment attractiveness and creating a competitive environment, improves the quality of housing and communal services.

Development of controlling mechanism allows to optimize making of management decisions, delegate authority and responsibility, which leads to the forming of an effective organizational structure of the householding organization.

References:

1. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.businessdictionary.com/definition/controlling.html>
2. Degaltseva G. V. Problem of development of management account in modern terms / G. V. Degaltseva, A. A. Remezko, E. A. Tonchu // Scientific journal KubGAU. – Krasnodar: KubGAU, 2014. – № 04 (098). – С. 632–644. / [Electronic resource]. – Available from: <http://ej.kubagro.ru/2014/04/pdf/46.pdf>

*Jusupova Irina Valerievna,
The Department of the Republic of Komi of the Population Employment,
Deputy Head of the Control and Analytical Division, Ph. D., Economics
E-mail: selezen2009@yandex.ru*

The population follows the production or balance model of labor resources of Komi Republic

Abstract: The process of formation of the Russian labor market has a distinctly pronounced regional specificity. The huge scale of the country, territorial differentiation of unemployment, the increase in illegal employment transform the solution of problems of balance of labor resources in one of the most acute problems. From this perspective article is of great interest, because it contains not only the analysis of the author's Method of formation of human resources in the region, which is fundamentally different from the Federal, but also highlights the possibility of using the balance model of the Republic of Komi at problem solving of the rational distribution of productive forces and economic in the districts.

Keywords: population, human resources, human resources' estimation, balance model, methods of composing the human resources' balance forecast, labour chart, road map.

*Юсупова Ирина Валерьевна,
Управление Республики Коми по занятости населения,
заместитель начальника отдела, кандидат экономических наук
E-mail: selezen2009@yandex.ru*

Население следует за производством, или балансовая модель трудовых ресурсов Республики Коми

Аннотация: Процесс формирования российского рынка труда имеет отчетливо выраженную региональную специфику. Огромные масштабы страны, территориальная дифференциация безработицы, увеличение нелегальной занятости превращают решение задач сбалансированности трудовых ресурсов в одну из самых острых проблем. С этих позиций статья представляет большой интерес, поскольку содержит не только анализ авторской Методики формирования трудовых ресурсов в регионе, которая принципиально отличается от федеральной, а также освещает возможности применения балансовой модели Республики Коми при решении задач рационального размещения производительных сил и экономики районов.

Ключевые слова: население, трудовые ресурсы, оценка трудовых ресурсов, балансовая модель, методика формирования прогноза баланса трудовых ресурсов, трудовая карта, дорожная карта.

Республика Коми имеет выгодное географическое положение на европейской части России. Территория республики — 416,8 тыс. кв. км., численность населения на начало 2014 года — 872,1 тыс. человек. Расстояние от столицы Коми Сыктывкара до Москвы — 1410 км., до Санкт-Петербурга — 1125 км.

По данным переписи 2010 г., на территории республики проживало около 100 национальностей, из них коренное население — коми — составляло 22,4 % проживающих на территории региона, русские — 61,7 %.

В республике 10 городов, 32 поселка городского типа, 741 сельский населенный пункт. Наиболее крупные города — Сыктывкар, Воркута, Ухта, Инта и Печора.

Республика располагает уникальным (по запасам, условиям залегания, разнообразию и качеству) сочетанием минерально-сырьевых ресурсов. На территорию республики приходится половина запасов нефти, треть запасов газа и половина площади и запасов лесов Европейского Севера.

Наиболее известное крупное производство в Коми — гигант на реке Вычегда ОАО «Монди Сыктывкарский ЛПК». Это один из лидеров целлюлозно-бумажной промышленности и крупнейший производитель бумажной продукции в России. Предприятие специализируется на выпуске офисной и офсетной бумаги, также производит газетную бумагу и картон «топ-лайн». Практически в каждом офисе России есть продукт этой компании — бумага «Снегурочка». На предприятии трудятся 6,5 тыс. человек.

Основное богатство Республики Коми — это ее население. Республика имеет стабильные значения уровня занятости и безработицы, поэтому является удобным и показательным вариантом, чтобы рассмотреть на ее примере методику по разработке баланса трудовых ресурсов и ее особенности.

Идея балансовой модели трудовых ресурсов принадлежит выдающемуся российскому экономисту Сергею Густавовичу Струмилину (1897–1974). Первый пятилетний

план развития народного хозяйства России был создан под руководством и при непосредственном участии С. Г. Струмилина. Таким образом, впервые в мире был разработан перспективный плановый баланс труда на 1927/28–1932/33 гг., идеология которого была основана на принципе: «Население следует за производством» [1, 13].

Большой опыт оценки и планирования размещения трудовых ресурсов был наработан в СССР. Каждую пятилетку на основе макроэкономических расчетов плановой экономики составлялся баланс трудовых ресурсов. Национальный доход страны создавался только в отраслях материального производства, а отрасли непроизводственной сферы участвовали в его перераспределении. При разработке баланса трудовых ресурсов и плана подготовки кадров предусматривалось обеспечение полной занятости населения [2, 258–278].

Поступление рабочей силы, высвобождение рабочей силы в результате технического прогресса на действующих предприятиях и своевременное перераспределение работников внутри территории или за ее пределами — учитывалось все.

Инструментарий планирования трудовых ресурсов в Советском Союзе представлял собой:

- 1) сводный плановый баланс трудовых ресурсов;
- 2) балансовые расчеты:
  - дополнительной потребности в рабочих и служащих и источников ее обеспечения;
  - дополнительной потребности в квалифицированных рабочих и источников ее обеспечения;
  - вовлечения молодежи в работу и учебу.

Одним словом, именно в СССР был впервые в мире изобретен и вполне успешно работал этот инструмент.

Согласно данным Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, по состоянию на апрель 2013 г. из 83 субъектов Российской Федерации прогноз баланса трудовых ресурсов был разработан в 14. Республика Коми принадлежит к числу регионов, реализовавших лучшую практику формирования прогноза баланса трудовых ресурсов.

Понимая необходимость длительного прогнозирования спроса и предложения на рынке труда, Правительство Российской Федерации приняло постановление от 3 июня 2011 г. № 440 «О разработке прогноза баланса трудовых ресурсов», пунктом 5 которого субъектам Российской Федерации было рекомендовано разрабатывать аналогичные прогнозы по субъектам федерации.

Методика формирования прогноза баланса трудовых ресурсов Республики Коми была разработана автором и 1 февраля 2012 г. (раньше федеральной методики) была утверждена соответствующим совместным приказом Минэкономразвития Республики Коми. Методика формирования прогноза баланса трудовых ресурсов Республики Коми и Приказ, так же как и разработанный баланс трудовых ресурсов, размещены на сайте Управления Республики Коми по занятости населения [4].

Указанная Методика содержит 12 принципиальных отличий от федеральной методики, заключающихся в степени детализации данных прогноза, наличии в алгоритме составления прогноза стадии проверки правильности его составления, сведений о численности инвалидов и др.

В рамках составления прогноза баланса трудовых ресурсов Республики Коми на 2012–2014 гг. была дана оценка резерва трудовых ресурсов, составляющего 114,2 тыс. человек. По результатам оценки, наиболее значительным резервом трудовых ресурсов в регионе являются студенты очной формы обучения (39,4 тыс. человек), работающие пенсионеры (38,5 тыс. человек) и безработные граждане (35,3 тыс. человек).

Рынок труда интересует, откуда будут поступать ему трудовые ресурсы и какого качества: трудоспособное в трудоспособном возрасте население, лица старших возрастов, подростки моложе трудоспособного возраста, «маятниковые» мигранты, межрегиональные мигранты, иностранные трудовые мигранты [3, 128–133].

Также рынок труда интересует резерв рабочей силы с целью определения доли участия в формировании трудового потенциала региона для детального представления об использовании трудовых ресурсов по видам занятости: состав и численность подготавливаемых кадров, уровень их образования, трудоспособные граждане, не занятые в экономике на данный момент, а также могут ли эти категории и в каком качестве дополнительно задействованы в экономике региона.

Согласно Методике разработки прогноза баланса трудовых ресурсов Республики Коми, базой для расчёта баланса трудовых ресурсов являются три укрупненные составляющие: демографические данные по региону, данные ведомственной статистики Службы занятости и данные отраслевых министерств о фактической и прогнозной численности занятых (внутри баланса — данные поставщиков информации, формирующих занятость в регионе).

Как следует из Методики, формирование контингента трудовых ресурсов должно строиться на базе численности постоянного населения, изменение количественных показателей и состава которого влечет за собой изменение в численности и составе трудовых ресурсов.

В начале 2014 г. автор инициировала разработку прогноза баланса трудовых ресурсов на уровне муниципальных образований. Данная инициатива была поддержана Правительством региона, и в результате муниципальным образованиям региона было рекомендовано разрабатывать прогнозы баланса трудовых ресурсов.

Методика разработки Прогноза баланса трудовых ресурсов в муниципальных образованиях Республики Коми размещена на сайте www.komitrud.ru/.

На сегодняшний день данные представленных прогнозов балансов трудовых ресурсов муниципальных образований на 2015–2017 гг. обобщены автором и сопоставлены с данными Прогноза баланса трудовых ресурсов Республики Коми.

Установлены ожидаемые расхождения по отдельным позициям внутри раздела 3 «Распределение занятых в экономике по разделам ОКВЭД» регионального баланса и баланса трудовых ресурсов муниципальных образований ввиду того, что органы статистики, согласно действующим методикам, не высчитывают составляющие данного раздела в разрезе муниципальных образований, а только в целом по региону. В связи с чем данные этого раздела муниципальных балансов трудовых ресурсов основаны не на статистическом анализе, а на методе экспертных оценок. Тем не менее, можно утверждать, что балансовый метод дает весьма надежную обобщенную информацию о трудовых ресурсах.

Проделанную работу можно назвать своего рода инвентаризацией ресурсов региона и составляющих его муниципалитетов, которая поможет выявить перспективные направления формирования рынка труда с учетом стратегии развития отраслей экономики, а, следовательно, повысить эффективность использования данных ресурсов путем их рационального размещения.

Муниципалитеты должны четко представлять, какие трудовые ресурсы им необходимы для реализации планов социально-экономического развития, чем они располагают, и, исходя из этого, строить работу по созданию новых и дополнительных рабочих мест, а также подготовке, привлечению и закреплению необходимых кадров.

Таким образом, Республика Коми располагает фактической и прогнозной оценкой трудовых ресурсов региона, поскольку начиная с 2012 г. разрабатывается прогноз баланса трудовых ресурсов на очередной год и плановый двухлетний период, а с 2014 г. — уже производится и оценка трудовых ресурсов муниципалитетов.

Однако процесс инвентаризации трудовых ресурсов может быть и должен быть продолжен — на уровне сельских поселений. Т. е. в ближайшее время будет подготовлена методическая основа для подсчета трудовых ресурсов сельских поселений, которые, в свою очередь, формируют трудовые ресурсы муниципалитетов, а муниципалитеты — регионов. Иными словами, будет сформирована целостная картина размещения трудовых ресурсов, которая позволит рационально размещать производства, прогнозировать миграционные внутримunicipальные, внутрирегиональные и межрегиональные процессы, регулировать вопросы внешней миграции, предвидеть «узкие», проблемные места с обеспеченностью трудовыми ресурсами, собственными силами обеспечивать сбалансированность трудовыми ресурсами сельских поселений, муниципалитетов, регионов и страны в целом.

Таким образом, основа для составления трудовой и дорожной карты региона, а также для принятия решений по размещению новых производств, созданию новых и дополнительных рабочих мест в части обеспечения трудовыми ресурсами Республики Коми практически готова и поддерживается в актуальном состоянии. В ближайшее время будет проделана работа по картированию оценки трудовых ресурсов в привязке к ресурсной базе муниципалитетов: в пределах границ каждого муниципалитета будут нанесены обозначения природных ресурсов и оценка численности трудовых ресурсов, а также условные обозначения действующих предприятий и предполагаемых к реализации проектов.

Список литературы:

1. Струмилин С. Г. Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926–27/1930–31 годы. Материалы центральной комиссии по пятилетнему плану. // Под ред. С. Г. Струмилина. – М.: «Госплан СССР», 1927. – С. 13.
2. Сигова С. В., Гуртов В. А. Возможности составления прогноза баланса трудовых ресурсов России // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: Сб. докл. по матер. VII Всерос. науч.-практ. Интернет-конф. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. – Кн. 1. – С. 258–278.
3. Юсупова И. В., Власова А. В. Роль и место прогноза баланса трудовых ресурсов в оценке процессов, происходящих и ожидаемых на рынке труда Республики Коми // Профессиональное образование и занятость молодежи – XXI век: Матер. междунар. науч.-практ. конференции (Кемерово, 27–28 марта 2013 г.). – Кемерово: КРИПО, 2013. – С. 128–133.
4. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.komitrud.ru/>

Section 11. Science of law

*Baimuratova Kulmira Abenovna,
International Kazakh-Turkish University H. A. Yasavi,
Faculty of Social Sciences, Department of Jurisprudence,
Master of Laws, associate professor of the University
E-mail: bgulmira74@mail.ru*

Economic courts: preparing personnel training

Abstract: In the article are risen about the need to prepare for new economic judges of the special economic law.

Keywords: the judicial system, specialization, economic law, economic right, economic court.

*Баймуратова Кулмира Абеновна,
Магистр юридических наук, доцент МКТУ,
Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави
E-mail: bgulmira74@mail.ru*

Экономические суды: подготовка обучение кадров

Аннотация: В данной статье рассматриваются о необходимость в подготовке экономических судей по новым специальностям экономической юриспруденции.

Ключевые слова: судебная система, специализация, экономическая юриспруденция, экономическое право, экономический суд.

Основным гарантом демократии — Конституцией — закреплено положение, что государственная власть в Республике Казахстан едина, осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия между собой с использованием системы сдержек и противовесов [1].

Дальнейшее реформирование судебной системы будет проводиться на принципах подлинной независимости судов, эффективного общественного контроля гражданского общества за законностью отправления правосудия, профессионализма и беспристрастности судей, упрощения судопроизводства и исключения излишней регламентации, в результате чего будет достигнута высокая степень доверия общества к судебной системе и повышена эффективность функционирования судов. Будут обеспечены организационно-правовые гарантии независимости судей при отправлении правосудия на всех уровнях и инстанциях судебной иерархии.

В настоящее время в республике функционируют 378 судов, в том числе Верховный Суд — 1, областных и приравненных — 17, районных и приравненных к ним судов — 360. Районные и приравненные к ним суды составляют 266 районных и городских судов, 10 военных судов гарнизонов, 16 специализированных межрайонных экономических судов, 32 специализированных административных

судов, 18 специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних, 17 специализированных межрайонных судов по уголовным делам, в т. ч. военный суд, 1 специализированный финансовый суд города Алматы [2].

«Казахстанская Фемида должна быть полностью готова к тем разительным переменам, которые произойдут в экономике в предстоящий период. Казахстанское судебное сообщество должно быть на высоте любых вызовов времени. Оно должно быть открытым и восприимчивым к судебным-правовым инновациям, которые уже сейчас происходят в глобальной юриспруденции и, безусловно, будут в будущем. Только четко следуя букве и духу Закона, повышая свой профессионализм, развиваясь и самосовершенствуясь, национальная судебная система сможет надежно обеспечить устойчивость правового базиса реализации нашей Стратегии» [3].

Необходимость создания экономических судов представлена и в Распоряжении Президента Республики Казахстан от 22 ноября 1999 года № 95 «О мерах по реализации рекомендаций и предложений второго заседания Совета иностранных инвесторов при Президенте Республики Казахстан». После проведения республиканского совещания по вопросам предпринимательства в октябре 2000 г. Президент Республики Казахстан дал прямое распоряжение об образовании специализированных судов, рассматривающих экономические и хозяйственные споры. Исполнение

данного распоряжения было пручено Комитету по судебной администрации при Верховном суде и Председателю Верховного суда.

«В Республике Казахстан имеется возможность создания специализированных (военных, экономических, административных и других) судов» [4]. В связи с этим много говорилось об образовании экономических судов на втором этапе судебно-правовых реформ. Причиной послужил тот факт, что в связи с расширением видов собственности, развитием рынка и экономики страны, увеличением количества иностранных инвесторов, количество хозяйственных споров, рассматриваемых в судах, резко увеличилось. На третьем съезде судей Казахстана в июне 2001 года Президентом страны была поставлена задача продолжить работу по поэтапному созданию системы специализированных судов — в первую очередь экономических и административных. Анализ деятельности экспериментальных экономических судов за 2001 год показал, что целесообразно образовать экономические суды во всех областях республики и в городе Астане. В связи с этим Указом Президента Республики Казахстан в порядке эксперимента были образованы межрайонные специализированные экономические суды в городах Алматы и Караганде, по результатам их деятельности были образованы межрайонные специализированные экономические суды во всех областях республики и в городе Астане [4].

Развитие специализированных судов заставляет повышать качество выполнения обязанностей председательствующих судей.

На IV съезде судей Казахстана Глава государства указал: «Учитывая, что Алматы развивается как финансовый центр Центрально-Азиатского региона, следует обсудить вопрос о создании в структуре Алматинского городского суда специализированной коллегии по разрешению инвестиционных споров с участием иностранных компаний» [5]. Это указание является актуальным требованием времени, соответствующим международному опыту.

Всесторонняя правовая защита всех владельцев собственности формирует в стране благоприятный инвестиционный климат, усиливает веру граждан в развитие частного бизнеса. Независимая судебная система, как основа социальной среды, расширяет правовую базу владельцев собственности среднего звена и обеспечивает стабильность реформ в республике.

Будущее судейства — специализация, ведь насколько высока специализация судьи, насколько обширна его практика и опыт в определенной сфере, настолько эффективным будет его судейство в данной отрасли. В настоящий момент деятельность экономических судов гораздо улучшилась и удовлетворяет нужды общества. Например, согласно решения Специализированного межрайонного суда по городу Алматы от 26 января 2011 г. АО «VITA» было объявлено банкротом [6]. 22 августа 2014 г. Алматинским специализированным межрайонным экономическим судом было принято решение о лишении лицензии туристической компании «Гульнар-тур» [7].

«Доверие людей к правосудию зависит от работы судебных органов. В частности, следует улучшать работу специализированных экономических судов, чтобы все споры справедливо решались в отечественной судебной системе», — сказал Президент Казахстана [8].

В августе 2014 г. на селекторном совещании по вопросам рассмотрения споров предпринимателей и инвесторов, Председатель Верховного Суда РК Кайрат Мами заметил: «Защите предпринимательства Глава государства уделяет особое личное внимание. Определяющую роль в этом играет судебная система. Поэтому основные задачи судов — качественное и своевременное рассмотрение гражданских дел указанной категории в регионах, повышение эффективности работы экономических судов» [9].

На VI Съезде судей Казахстана ректор Российской академии правосудия, председатель Высшей квалификационной коллегии судей РФ Валентин Ершов говорил: «Экономическая и политическая интеграция России, Казахстана и Беларуси объективно предполагает необходимость унификации, в том числе судостроительства, судопроизводства и подготовки кадров наших стран. В этом направлении Казахстан сделал важные и успешные шаги. Прежде всего, в Казахстане создана единая и высокоэффективная судебная система, позволяющая вырабатывать единообразную судебную практику, направленную на защиту прав и правовых интересов граждан Казахстана. В Казахстане также назрел вопрос и о создании специализированных судов на уровне первой инстанции» [10].

Подготовка судей для специализированных экономических судов является общественной необходимостью, порождающую серьезный спрос. Поэтому открытие специальности «экономическая юриспруденция» даст возможность готовить экономических судей. Данная специальность позволит углубленно обучать экономических юристов экономическому законодательству, то есть законам о республиканском бюджете, нормативно-правовым актам, регулирующим финансовые, банковские, банкротные, налоговые и другие экономические отношения.

Экономическая юриспруденция является гуманной правовой отраслью, защищающей экономические отношения и интересы посредством экономического законодательства и изучающей их с научно-теоретической точки зрения.

«В течении многих лет право и экономика с научной точки зрения рассматривались как две разные отрасли, однако в последнее время эти сферы очень быстро сближаются, устанавливая тесные взаимосвязи и взаимотношения. Например, в настоящее время больше затребованы не инвестиционные консультанты, а стратегические советники, то есть специалисты, способные разъяснить правовые нормы с экономической позиции и оценить экономическую деятельность с правовой точки зрения. В связи с этим мы видим то, что приоритет отдается конкурентному праву и экономической регуляции. Подготовка специалистов в этих двух отраслях вполне осуществима, достаточно открыть в

университетах программу бакалавриата и магистратуры по экономическому праву. В качестве примера хотелось бы заметить, что Германия и Турция подписали договор о сотрудничестве с целью открытия общей магистерской программы в области экономического права, в результате чего на юридическом факультете Университета Билги в Стамбуле и на юридическом факультете Кёльнского университета с 2010–2011 учебного года начат набор студентов на «Турецко-немецкую программу магистратуры по экономическому праву». Указанная программа прошла аккредитацию в Германии в 2009 г. и утверждена Высшим образовательным советом Турции. Основной целью указанного договора о сотрудничестве является подготовка специалистов в области экономики, права, управления и образования, способных установить новые ориентиры в будущих немецко-турецких отношениях. Кроме того, согласно видению Университета Божхум совместное обучение праву и экономике станет серьезной поддержкой для будущих правоведов в области экономики и позволит открыть новые сферы социальной деятельности» [11, 34].

В Независимом Казахстане фундаментом первых признаков официальных понятий «экономическая юриспруденция, экономические законы, экономическое право» стало выражение «**экономический суд**», представленное в Указе Президента Республики Казахстан № 535 от 16.01.2001 «Об образовании специализированных межрайонных экономических судов» [12].

Целью и основными направлениями специализированного межрайонного экономического суда является применение судебной власти и принятие мер по различным гражданским делам, включающим в себя споры между юридическими лицами, частными предпринимателями и государственными учреждениями. С момента образования специализированные межрайонные экономические суды реализуют цели по обеспечению своевременной судебной

защите, охране прав и интересов граждан и юридических лиц, тщательному и эффективному планированию порядка формирования и исполнения судебного корпуса на профессиональном уровне, осуществлении качественного справедливого суда.

«Можно с уверенностью сказать, что современная независимая казахстанская судебная система, получившая свое начало в древней кочевой цивилизации, ставшая продолжением суда казахских биев и прошедшая испытание историей и временем, соответствует меркам высокоцивилизованных развитых стран» [13].

Если так, то для того, чтобы частный сектор действовал на равных с высокоразвитыми странами, наиболее актуальным вопросом совершенствования экономических судов является подготовка экономических судей, адаптированных к рыночным отношениям, способных справедливо решать различные экономические вопросы.

27–28 ноября 2014 г. в Международном казахско-турецком университете им. Х. А. Ясави прошла III Республиканская научно-теоретическая конференция «НАЗАРБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: Роль экономической юриспруденции в формировании правового государства». На конференции был проведен успешный форум, положивший начало научно-теоретическому обоснованию «**Экономической юриспруденции**» как новой инновационной специальности. Главным предложением, обсуждаемым на конференции, стал вопрос о том, что настал момент внедрения специальности «экономическая юриспруденция» в высших учебных заведениях Казахстана.

Мы, в свою очередь, полностью поддерживаем указанное предложение, считая, что посредством внедрения в высших учебных заведениях специальности «экономическая юриспруденция» в соответствии с новой экономической инновационной политикой, мы получим возможность качественной подготовки экономических судей.

Список литературы:

1. Конституция РК. – 30 августа 1995 г. – 3 статья, 4 пункт.
2. Стратегический план Верховного Суда (судебной системы) Республики Казахстан на 2014–2018 гг., утвержденный Постановлением Председателя Верховного Суда Республики Казахстан № 29 от 30 января 2014.
3. Задачи национальной судебной системы в рамках стратегии «КАЗАХСТАН-2050». Речь Президента РК Н. Назарбаева на VI съезде судей Казахстана // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strategy2050.kz>.
4. Указ Президента Республики Казахстан «Об образовании специализированных межрайонных экономических и административных судов» // газета «Егемен Қазақстан», – 13 февраля 2002.
5. Речь Президента РК Н. Назарбаева на IV съезде судей Казахстана Қазақстан // Журнал «Юрист», – № 6, – 2005.
6. KASE, 09.02.11 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kase.kz/news/show/1157184>
7. Астана. 28 августа, ҚазТАГ. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azh.kz/kz/news/view/12649>
8. Н. Назарбаев: необходимо улучшить работу экономических судов. АСТАНА. КазИнформ – Глава государства Нурсултан Назарбаев принял Председателя Верховного суда Кайрата Мами, – 14 августа 2014.
9. Международной информационное агентство. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inform.kz/kaz/article/2690563>
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://strategy2050.kz/news/3465>
11. Жанбаз М. Новый этап в образовательной системе – экономическое право. Материалы III Республиканской научно-теоретической конференции «Назарбаевские чтения: Роль экономической юриспруденции в формировании правового государства» (27–28 ноября 2014 г.). – Туркестан: изд. «Туран», 2015. – 270 с.

12. Yerali A., Baimuratova K. A., Omar B. Economical jurisprudence is the innovative prosperity adapted for market relations. *Life Science Journal* 2014;11 (12s):732–736] (ISSN:1097–8135). [Electronic resource]. – Available from: <http://www.lifesciencesite.com>. 158
13. История специализированного межрайонного экономического суда Мангыстауской области. III. О. Есбаганбетов, Председатель специализированного межрайонного экономического суда Мангыстауской области// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mangobsud.kz/?action=contents&lan=kaz&page=115>

*Bisengali Liliya,
Master of Legal Sciences, Lecturer of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Science of Law Faculty
of the Kazakh National University named after Al-Faraby
E-mail: lilek1989@mail.ru*

*Bazilova Aigul Abayevna,
Master of Legal Sciences, Lecturer of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Science of Law Faculty
of the Kazakh National University named after Al-Faraby*

*Kusmambetov Kyanysh Daniyarovich,
Master of Legal Sciences, Assistant of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Science of Law Faculty
of the Kazakh National University named after Al-Faraby*

To the question about the concept of “Economic criminality”

Abstract: This article is the result of the authors' complex investigation of such social and legal phenomenon as economic criminality. Economic crimes develop, their new types appear, methods of crimes are created on the modern stage of the world community development. The authors made their own conclusions regarding the term of “economic criminality” on the basis of examination of these works.

Keywords: economic crime, commercial criminality, corporate criminality, ownership, and economic relations.

New kinds of crimes directly connected with activity in this sphere appear due to the transit to market economy. Disputes regarding determination of the category of these crimes still arise in science from the beginning of the last century and up to the present moment. Various definitions of economic criminality exist.

The author of special investigation of the problem of economic criminality in the countries with developed market economy E. E. Dementyeva noted that interest to this theme in the west criminology arose already in the beginning of the XX century. Criminality of the poor layers of the population including stealing and other offences against ownership, begging, vagrancy was considered as economic criminality during that period. Fundamentally, the other approach started to be formed only in the middle of the century, in compliance with which the crimes of so called “white collars” were regarded as economic crimes, then a number of economic crimes include a wider range of criminal actions connected with economic power abuse [1, 12].

For the first time the public knew about it as the phenomenon of “white collar criminality” from the works of American criminologist E. Saterland. Thus, in 1940 Edwin Saterland proposed the concept of respectable “white-collar criminal” having higher social status. According to this concept, major

of so named “white collars” are wealthy people: businessmen, politicians, clerks who execute illegal actions causing common nuisance, than usual criminals from lower society layers (“criminals”). Besides, crimes of this rarely judged part of public are often left unpunished [2, 43].

E. Saterland proposed to include them in the subject of researches of criminologists and keep rather intensive struggle with them than with common crimes [2, 46].

In Sweden a well-known criminologist B. Swensson proposed the definition of economic crimes as continuous, systematic, punishable offence of selfish nature executed within commercial activity which forms the basis of this offence [5, 25].

V. N. Burlakov noted that central problem is in the selection of criteria of crime qualification as economic one, and, therefore, in the determination of the borders of social phenomenon of “economic crime”. It is a case of consideration of this phenomenon from criminological or more properly social and criminological positions. Regarding criminal and legal approach the borders of primary concept of “economic crime” in the opinion of a range of domestic specialists are hardly possible to determine [3, 254].

Efforts to classify existing approaches to determine a crime range which falls into the concept of “economic crimes” could be found in special literature. For instance, G. K. Mishin

emphasizes three groups of various approaches (positions). Followers of the first group refer all crimes committed with the purpose of gaining economic benefit (richness) to economic crimes, and include crimes against ownership (property) in this group without any restrictions. Followers of the second group exclude crimes against ownership not connected with commercial activity from the group of economic crimes. Representatives of the third group recognize economic crimes as crimes of legal persons (commercial subjects) [4, 38].

Secondly, economic crimes committed in the sphere of economics can be regarded as economic ones. Therefore, the category of economic crimes will include criminal actions within direct execution of economic activity, not connected with it, but within functioning commercial system. In the last case we have to name crimes as economic, such as production stealing made by wage and salary workers.

Finally, thirdly, the category of economic crimes can include the crimes committed only in key economy segment (system of management), connected with gaining income, that is in the sphere of economic activity = sphere of entrepreneurship, business. Only criminal actions of the subjects of this entrepreneurship (business) themselves committed by them directly during economic activity are reasonable to be considered with this approach.

Economic crime, in the opinion of A. M. Yakovlev, "is expressed in the combination of selfish infringement against social ownership, national economy management order by persons executing certain functions in the system of economic relations" [5, 57].

Thus, professor A. I. Dolgova provides the following concept: "... Economic crime is the combination of selfish infringement against property used during commercial activity, established order of economic process management and economic rights of citizens by persons executing certain functions in the system of economic relations" [6, 268].

I. I. Rogov specified that only "economic activity punished in criminal order is covered with the concept of economic criminality" [7, 91]. Otherworldly, the author, firstly, limits the sphere of economic crimes with the actions connected only with commercial activity. Secondly, he limits his own research only with legal, criminal and judicial concept of economic criminality.

The category of "economic crime" was further developed in program article on this theme published in 1992 by A. M. Medvedev. Economic crimes were defined by this author as "in the broadest form", as well as "socially-dangerous acts infringed against economy as the combination of industrial (economic) relations and causing material loss of it". In this regard, A. M. Medvedev fairly noted that with traditional approach to the definition of the subject of crimes (including economic crime) as public relations, participants themselves do not draw their attention to the last. "Meanwhile, the author continues, participants of economic relations are certain people acting as product manufacturers and product consumers, owners having certain economic rights and freedom, demands and concerns infringed by economic crimes".

"Thus, — the conclusion was made in the article, — it can be said, that economic crimes infringe against economy, right, demands and concerns of the participants of economic relations, violate the functioning of economic (commercial) mechanism, cause material loss to these social values" [8, 81].

Others, on the contrary, believed that commercial crimes were a variety of economic crimes. For instance, B. V. Volzhenkin [9] shared the position of this group of authors, N. F. Kuznetsova thought that economic crime includes infringement against ownership and business crimes (implying all commercial crimes committed as in state, so in private sector of economy) [10, 12], L. D. Gaukhman and S. V. Maximov refer commercial crimes to the crimes in the sphere of economy, together with more two categories — "other state crimes infringed against economic interests of the nation" and "crimes against ownership" [11, 12].

E. E. Dementyeva, summarizing the results of own research of corporate crimes which form the basis of economic criminality in the countries with developed market economy, provides somewhat different classification of these types:

- 1) crimes including misuse of capital investments and causing damage to partners, shareholders and etc.;
- 2) crimes including misuse of deposit capital and causing damage to creditors, guarantors (false bankruptcy causing damage to creditors, fraud in insurance sphere);
- 3) crimes connected with violation of the rules of free competitiveness (industrial spying, artificial increase or decrease of prices);
- 4) crimes including violation of the consumer's rights (production of non-qualitative products resulted in physical damage to consumers);
- 5) crimes infringing on the state financial system (income concealing, tax evasion);
- 6) crimes connected with illegal nature use and causing damage to environment (environment pollution);
- 7) crimes including contrivance in the sphere of social insurance and pension provision, also crimes connected with deliberate violation of safety rules causing material and physical damage to employees;
- 8) commercial bribes;
- 9) computer crimes [1, 43].

Making conclusions, the following features of economic criminality which determine the specific nature of this phenomenon of delinquent behavior predominantly in the sphere of entrepreneurship and business can be emphasized:

- 1) performance in the sphere of entrepreneurship, business undercovered by legal economic activity.
- 2) performance directly during economic (entrepreneurship) activity, within its border lines and competence.
- 3) execution of entrepreneurship (business) by the subjects.
- 4) using criminal methods of acquiring economic benefits during legal economic activity, parasitizing on economic and legal conditions in the official (permitted) market economic medium.

- 5) high social status of businessmen and high credit of trust to it by public, prostituted by businessmen delinquents, which serve as undercover to carry out their criminal activity.
- 6) anonymity, absence of victim personification.
- 7) lack of direct contact with victim.
- 8) peculiarity and majority of offence subjects.
- 9) peculiarity of the subjects of economic criminality.
- 10) mass and generic nature of crimes.
- 11) crimes secrecy.

- 12) selfish nature of crimes.
- 13) reference to the category of nonviolent crimes.
- 14) availability of phenomenon of insensible, indifferent attitude of public to economic criminality.

Thus, complex analysis of the subject matter of economic criminality, various approaches to its definition in the scientific society was carried out in this scientific article, own conclusions were also made concerning the nature of economic crimes, as well as its main characteristics.

References:

1. Dementyeva E. E. Economic crime and struggle with it in the countries with developed market-based economy // *Legality*. – No. 5. – M., 1992. – P. 5–50.
2. Saterland E. *White-collar crime*. – New-York, 1949. – P. 272.
3. Burlakov V. N. *Criminology XX century*. – Saint-Petersburg, 2000. – P. 554.
4. Mishin G. K. Problem of economic criminality. Multi-disciplinary research experience. – M., 1994. – P. 88.
5. *Criminology. Text-book for legal higher educational institutions/Under the general editorship of the doctor of legal sciences, professor A. I. Dolgova*. – M., 1997. – P. 484.
6. *Criminology: Text-book/Under the editorship of V. N. Kudryavtsev, V. E. Eminov* – M., 1997. – P. 316.
7. Rogov I. I. *Economics and criminality*. – Almaty, 1991. – P. 159.
8. Medvedev A. M. Economic crimes: concept and system // *Soviet state and justice*. – No. 1. – M., 1992. – P. 78–88.
9. Volzhenkin B. V. *Economic crimes*. – SPb., 1999. – P. 312.
10. Kuznetsova N. F. Codification of the norm on economic crimes // *Moscow University Messenger. Series 11. Legal right*. – M., 1993. – C. 5–23.
11. Gaukhman L. D., Maximov S. V. Criminal responsibility for crimes in the sphere of economics. – M., 1996. – P. 290.

*Dzhansarayeva Rima Yerenatovna,
Al-Farabi Kazakh National University, Head, Chair of Criminal Law,
Criminal Process and Criminalistics, Doctor of Law, Professor
E-mail: jansarayeva@mail.ru*

*Bissengaly Lilya Bissengalyevna,
Al-Farabi Kazakh National University, assistant Chair of Criminal Law,
Criminal Process and Criminalistics, master of jurisprudence*

The definition of “extremism”

Abstract: On the basis of analysis of the definitions of “extremism” in the contemporary scientific literature, its characteristics, forms of expression, is introduced into the scientific revolution the author’s definition of extremism and its symptoms, examines the ratio of extremism and terrorism.

Keywords: terrorism, countering, legal means, legislation, crime.

Extremism in the modern sense of the word is the embodiment of a certain kind of negative developments, which aim to generate members of the international community doubts about the possibility of maintaining stability in the world on the principles of democracy, respect for human rights and freedoms of man and citizen. Today extremism in one form or another is so firmly entrenched in many spheres of social life, that there is a need to give a legal response to this phenomenon. However, repeatedly made in recent years trying to discover the essence of extremism from the perspective of law, continue to cause controversy among lawyers about the possibility of a legal assessment of this phenomenon in principle.

In Encyclopedic Dictionary defines extremism as «adherence to extreme views, measures (usually in politics)» [1, 52]. However, this definition is vague and does not reflect all the features of this complex phenomenon. It should be noted that it is not clear what looks to be recognized «extreme», and what — no, and who will determine whether any specific extreme views. Any universal criterion for the interpretation of this concept has not yet produced as a conceptual analysis of the phenomenon of extremism in general and the construction of its theoretical models are just beginning to enter the research plans. In doing so, the notion of «views» and «measures» carry completely different meanings. Under the «look» with a certain approximation can be understood as

an ideology, ideological beliefs, not necessarily related to any practical, especially illegal actions. A «measure», in turn, provide the commission of any specific action, including violence aimed at overthrowing the constitutional order or destabilize the situation in the country.

There is the following definition of extremism «is an activity for the dissemination of ideas, trends, doctrines, which are aimed at the elimination of the possibility of legal pluralism, free exchange of ideas; on the establishment of a single ideology as a state; on the division of people according to class, property, race, nationality or religion; on the rejection of absolute values of human rights» [2, 10].

Thus, in the modern scientific literature extremism in its broadest sense is defined as the ideology of providing for compulsory dissemination of its principles, intolerance to opponents and forced their suppression.

Extremism is endowed with the following features, which include:

- Denial of dissent and intolerance to supporters of other views (political, economic, religious, etc.);
- Attempts ideological justification of violence against not only active opponents, but also to any person who did not share beliefs extremists;
- Appeal to any known ideological or religious teachings, claims to their «true» interpretation or «deepening» and, at the same time, the actual denial of many basic provisions of these exercises;
- The dominance of the emotional impact of ways in the process of promoting extremist ideas; appeal to the feelings and prejudices of the people, not to their reason;
- The creation of charismatic leaders image extremist movements, striving to present these individuals «infallible», and all of their orders are not negotiable [3, 112].

It should be borne in mind that all of these features not only occur, but in most cases, work closely together; derive one from the other; are unbreakable inner connection. Most of them are inherent in any extremist movement — from radical religious sects to the pro-fascist organizations.

However, extremist violence against dissent is often called terrorism, which in many cases is inevitable companion of extremism.

Terrorism is one of the most dangerous and complex phenomena of our time, is becoming more rampant. Terrorism — one of the few events that have not received a clear terminological definition in law. Long effort to develop a common definition of international terrorism did not lead to positive results [4, 67].

In the scientific literature, there is more than one hundred definitions of terrorism. Classic terrorism represent either as a specific form of armed violence, either as motivated violence for political purposes, or as a systematic intimidation through the use of violence to achieve political, ideological or social goals in objective reality. For example,

the following definition of terrorism, this American specialists: it is — «the threat or use of violence for political purposes by individuals or groups of people — acting for or against the existing government in a country where such actions are intended to strike or intimidate a larger group than the immediate victims were subject to violence», which was supposed to reflect all forms of terrorism that exist in different regions of the world [5, 29].

E. G. Liakhov defines terrorism as «the systematic execution of extreme violence to achieve political or public purposes» [6, 21].

S. I. Ozhegov in his dictionary adds: «Terror — physical violence, including physical destruction, in relation to political opponents» [7, 611].

In the literature, even the scientific concept of «extremism» and «terrorism» are often treated as synonyms, although they are different entities. However, extremism in its content is much broader than the concept of «terrorism», because it is through terror extremist organizations achieve political goals. Extremism assumes any ideology, theoretical justification of violence, although often argument is based primarily on emotional rather than rationalistic view of the world. Terrorism is, in most cases, is a system of actions, based usually on extremist ideology. However, extremism is not confined to the nomination of any theoretical concepts. He implies certain actions, often forced to achieve the objectives put forward. Terrorism can be represented as an integral (though not necessarily) of the extremism of his most vivid and effective expression in social and political life of society.

However, and terrorism itself is not necessarily associated with extremist activities, as it has in its content elements that can not be reduced only to extremism.

Thus, it can be argued that the concept of «terrorism» and «extremism» is closely related to each other, but can also act as independent objects of study which are not always determined by each other.

In the current research literature usually distinguish three main forms of extremism: political, national and religious [8, 66].

It seems that such a division extremism on political, ethnic or religious grounds, which is present in the majority of scientific papers devoted to this problem, is conditional, since all the factors affecting the kakoe- a social phenomenon, in close cooperation and mutually influence each other. Therefore, the isolated forms of extremism, as a rule, never actually appear in «pure» form [9, 16].

National extremism almost always contains elements of extremism political and often enough — religious. In turn, political extremism, as a rule, is based on if not a purely religious idea, the pseudo-religious. Such an ideology, in most cases, based on the blind emotional faith, to «revelation» rather than on logical rationalist principles and in many ways resembles the ideology of the sectarians. This is proven by any extremist movement, whether it is pseudo-nationalist or religious overtones.

Likewise, religious extremism usually involves not only the spread of any religion, but also the creation of public or administrative entities in which the religion would be the official and dominant. It is often pursued purely economic and political goals. Thus, religious extremism is a political extremist elements. Not less frequently here, the principle according to which the representatives of a nation or several nations known as potential supporters of a particular religion, and all the rest — its opponents. Representatives of extremist movements often equate a person's nationality to his religious beliefs.

Based on the foregoing, it can be concluded that any extremist movement not only includes various elements, but these elements mutually influence each other, in each situation appear stronger or weaker.

Extremism — multifaceted and multidimensional phenomenon. In our opinion, the concept of extremism includes such key concepts as «radicalism», «nationalism», «fundamentalism».

In our view, the concept of «radicalism» is not part of «extremism». Ideological extremism is not homogeneous, can manifest itself in both the left and right spectrum of the political process. Unlike radicals acting legitimately seeking to implement its strategy and tactics in the legal field, the extremists seek immediate destruction of the existing state-legal system and the creation of a society on the basis of specific political ideological concepts and doctrines. The hallmark of «extremism» is to focus on the capture of political power or destabilize the means and methods of struggle, that go beyond the legitimate from the point of view of international or national and state law, including the violent methods and terror.

With the concept of «extremism», «radicalism» is closely related to the concept of «nationalism.» For example, Russian researchers have identified five types of nationalism:

1. Nationalism «classic» — the desire for complete independence;
2. Nationalism parity — the desire for possible full sovereignty based on the concept of shared sovereignty;
3. Economic nationalism — autonomy in the economic sphere as ensuring movement toward possible full sovereignty;
4. Defensive or protective nationalism in which ideology and legislative practice is dominated by the defenses of the territory, culture, etc.;
5. Modernization (liberal) nationalism — the ideology of innovation development in comparison with other regions [10, 375].

In its pure form, these types of nationalism can be traced, but singled out by the dominant ideas.

Thus, considered and evaluated as a multi-valued and multilateral phenomenon of extremism, we can give him the following definition: under the extremism should be understood as the activities of social, political and religious associations or other organizations, the media, individuals in planning, organizing, training, financing or otherwise contribute to its implementation, including through the provision of funds, real estate, training, printing and material-technical base, telephone, fax or other means of communication, information services, and other material and technical resources, as well as actions aimed at the establishment of a single ideology as a state; the excitation of the class, property, racial, national or religious hatred, humiliation of national dignity; on the rejection of absolute values of human rights; a violent change of the constitutional order and violation of the integrity of the state; to undermine the security, as well as public calls for such activities or to commit such acts.

References:

1. The Soviet encyclopaedic dictionary. – M. – 1981. – 1072 p.
2. Report on the objectives and means of combating political extremism in Russia. – M. – 1999. – 86 p.
3. Aruchov Z. S. Extremism in modern Islam. – Makhachkala. – 1999. – 212 p.
4. Litvinov N. The struggle against terrorism in modern Russia: problems and paradoxes // Vlast. – 1997. – № 9. – P. 66–72.
5. Liakhov E. G., Popov A. B. Terrorism: national, regional and international control. – M. – 1999. – 427 p.
6. Liakhov E. G. Terrorism policy – a policy of violence and aggression. – M. – 1987. – 198 p.
7. Ozhegov S. I. Russian dictionary. – M. – 1983. – 968 p.
8. Martinenko B. K. Political terrorism: concept, features, classification // North Caucasus Law Gazette. – 1999. – № 7. – P. 66–74.
9. Verkhovsky A., Papp A., Pribilovski B. Political extremism in Russia. – M. – 1996. – 504 p.
10. Drobizheva L. M. et al. Democratization and images of nationalism in the Russian Federation '90s. – M. – 1996. – 420 p.

Yewtjuchin Jurij Alekseewitsch,
Russische Plechanow-Wirtschaftsuniversität,
Zweigstelle in der Stadt Kemerowo, Dozent, juristische Fakultät
E-mail: ewt-in@yandex.ru

Politischer Streik als Form des zivilen Ungehorsams

Abstrakt: Im Artikel werden politische Streiks behandelt, die in den 90-er Jahren des XX Jahrhunderts in Russland durchgeführt wurden. Der Versuch, politische Streiks im Kemerowoer Gebiet juristisch zu reglementieren, wird

еiner Analyse unterzogen und es wird ein Vorschlag eingebracht, das Recht auf politischen Streik in der Gesetzgebung der Russischen Föderation zu verankern.

Stichwörter: политический Streik, sozialer Protest, ziviles Ungehorsam, Aufstand.

*Евтюхин Юрий Алексеевич,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, филиал г. Кемерово,
доцент, юридический факультет
E-mail: ewt-in@yandex.ru*

Политическая забастовка как форма гражданского неповиновения

Аннотация: В статье рассматриваются факты проведения в России политических забастовок в 90-е годы XX века, анализируется попытка юридической регламентации политической забастовки в Кемеровской области, высказывается предложение закрепить право на политическую забастовку в законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: политическая забастовка, социальный протест, гражданское неповиновение, восстание.

О формах социального протеста в российской научной и публицистической литературе написано достаточно много. Причем, публикации последнего времени в значительной мере вызваны протестными акциями за пределами Российской Федерации: в Египте, Тунисе, Ливии, Киргизии, Украине и других странах. Исследователи стремятся ответить на вопрос, актуальны ли для России закономерности протестных выступлений.

Не ставя под сомнение целесообразность такого рода научного анализа, полагаю, что не меньшего внимания заслуживают формы социального протеста, имевшие место в недалёком историческом прошлом в СССР и в Российской Федерации. Прежде всего — политические забастовки, родиной которых в Советском Союзе по праву считается Кемеровская область (Кузбасс).

Как известно, шахтерские забастовки в Кузбассе впервые были проведены в июле 1989 года с сугубо экономическими требованиями. Но ровно через год они приобрели политический характер. Вот, что говорилось в резолюции Совета рабочих комитетов Кузбасса, инициировавшего забастовку в Кемеровской области 11 июля 1990 года: «Мы требуем:

1. Немедленной отставки правительства СССР. Нам нужно правительство народного доверия, включающее представителей различных партий, независимых общественных движений.
2. Разработки механизма отзыва депутатов всех уровней, лишения депутатских мандатов народных депутатов СССР, выбранных от общественных и общественно-политических организаций.
3. Привести Конституцию СССР в соответствие с ... Всеобщей декларацией прав человека.
4. Национализации имущества КПСС, ВЦСПС, лишения парткомов официального статуса на предприятиях, деполитизации Вооруженных сил, МВД, КГБ, органов суда, государственной прессы, прокуратуры и народного образования». Призыв не повис в воздухе: в течение суток уголь не добывали 38 шахт и 7 разрезов [1, 51–52].

Широко известен факт, когда к политической забастовке призывали федеральные органы власти России. Попытка государственного переворота в августе 1991 года, предпринятая Государственным комитетом по чрезвычайному положению (ГКЧП), встретила решительный отпор, как со стороны руководства РСФСР, так и со стороны общества в целом. Президент РСФСР Б. Н. Ельцин, председатель Совета Министров РСФСР И. С. Силаев и исполняющий обязанности председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатов выступили с обращением «К гражданам России», в котором говорилось: «Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам и требовать вернуть страну к нормальному конституционному развитию. Безусловно, необходимо обеспечить возможность Президенту страны Горбачеву выступить перед народом. Требуем немедленного созыва Чрезвычайного Съезда народных депутатов СССР... Для выполнения этих требований призываем к всеобщей бессрочной забастовке» [2].

Хотя уже на следующий день Президент РСФСР Б. Н. Ельцин отказался от намерения проводить забастовку, потребовав наладить «нормальную организацию труда в соответствии с законами РСФСР и СССР» [3], первоначальный призыв к политической стачке взбудоражил Кузбасс. На внеочередной сессии Кемеровского областного Совета народных депутатов было решено: «В целях активных действий по устранению от власти комитета (ГКЧП — прим. автора) призвать граждан области к кампании гражданского неповиновения. Формы актов неповиновения избирают трудовые коллективы и общественные образования» [1, 150]. Фактически кузбассовцев призывали к проведению привычных им политических забастовок.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что в тот период в России, как и в настоящее время, политическая забастовка не имела закрепления в законодательстве.

Попытка восполнить этот пробел в праве была предпринята в Кузбассе. В январе 1993 года Кемеровский областной Совет народных депутатов принял в первом чтении

Устав Кемеровской области, в котором содержалась глава 7 «Политическая забастовка (стачка)». Документ был опубликован в специальном выпуске газеты «Явь» [4].

Будучи научным руководителем комиссии по разработке Устава области, могу утверждать, что инициатива включения данной главы в проект была поддержана депутатами самых разных политических убеждений. Представители так называемого «демократического блока», в котором насчитывалось немало шахтеров с забастовочным опытом, рассматривали стачку в качестве важнейшей формы политической борьбы. По их мнению, она не могла оставаться «юридическим фантомом», не имеющим правового регулирования ни на федеральном, ни на региональном уровнях. Противники забастовок рассчитывали при закреплении оснований и процедуры их проведения ввести такие ограничения, чтобы практически любая забастовка становилась незаконной. Преследуя противоположные цели, сторонники и противники политических забастовок проголосовали за их правовую регламентацию.

Глава «Политическая забастовка (стачка)» включала в себя пять статей. Право на её проведение предоставлялось трудовым коллективам предприятий, организаций и учреждений всех форм собственности, а также коллективам студентов и учащихся высших и средних специальных учебных заведений. С призывом к политической забастовке могли выступить: «а) любой орган власти, управления и самоуправления; б) общественно-политическое движение, партия, общественная организация, зарегистрированная в установленном законом порядке; в) трудовой коллектив организации, предприятия, учреждения, коллектив студентов и учащихся высших и средних специальных учебных заведений; г) гражданин, обладающий избирательным правом» [4, 9].

Особое внимание было уделено основаниям политической забастовки. В статье 60 проекта Устава Кемеровской области говорилось: «Политическая забастовка может проводиться в случаях: а) незаконного прекращения полномочий конституционных государственных органов Российской Федерации, незаконного изменения формы государственного устройства, формы правления или политического режима, а равно — попытки названных антиконституционных действий; б) игнорирования федеральными органами власти и управления итогов Всероссийского референдума» [4, 9]. Проведение политической забастовки по иным основаниям объявлялось неправомерным.

Как видим, политическая забастовка рассматривалась как форма гражданского неповиновения при узурпации власти или отказе государственных органов от выполнения воли народа, выраженной на референдуме.

Политические перемены, произошедшие в России в октябре 1993 года, принятие новой Конституции Российской Федерации привели к тому, что рассматриваемый проект был положен под сукно. Принятый в 1997 году Устав Кемеровской области имеет совершенно иное содержание и не упоминает понятие «политическая забастовка».

Отсутствие в российском законодательстве норм о политической забастовке автоматически делает остановку работы по политическим мотивам нарушением трудовой дисциплины с вытекающими отсюда последствиями. Тут мы сталкиваемся с явным противоречием. По мнению А. А. Троицкой, хотя право на протест и не закреплено в Конституции РФ напрямую, оно нуждается в конституционно-правовой защите, так как является формой реализации права граждан на участие в управлении делами государства [5, 34].

Важнейшая черта политической забастовки заключается в её ненасильственном характере. Как справедливо замечает профессор политологии И. Ю. Залысин, «гражданское неповиновение характеризуется двумя особенностями, во-первых, стремлением избежать насилия для достижения целей, во-вторых, нарушением существующего законодательства» [6, 259]. В процессе политической забастовки трудящиеся находятся на рабочих местах, но не работают. Тем самым они отказываются создавать материальные и духовные блага в условиях нелегитимной власти или власти, ущемляющей их основные конституционные права. При этом эффективность такой формы гражданского неповиновения может быть весьма велика. Например, остановка доменного производства вообще способна разрушить металлургическую промышленность страны. Государственная власть не останется к этому равнодушной.

Иллюстрацией к данному тезису является телеграмма председателя облисполкома Челябинской области, которая была получена в Кузбассе в разгар политических забастовок 1991 года. В ней говорилось: «На металлургических предприятиях Челябинской области сложилось безвыходное положение ... Предприятиями Кузбасса недопоставлено более 440 тысяч тонн угля. На Челябинском меткомбинате из пяти доменных печей остановлены четыре. Практически прекращен выпуск проката. Коксовые батареи этого предприятия и Магнитогорского комбината — в аварийном состоянии ... Непринятие мер по поставкам угля уже сегодня грозит катастрофой» [1, 106].

Безусловно, политическая забастовка не должна быть орудием шантажа существующей власти. Её использование видится оправданным только тогда, когда необходимо защитить конституционный строй и основы демократии.

Практика проведения политических забастовок в Кузбассе в 90-е годы прошлого столетия показала, что они могут сопровождаться перекрытием улиц, автомобильных дорог и железнодорожных путей, то есть насильственными действиями. Участники таких акций протеста считали их элементом политической забастовки, её естественным продолжением. Такая подмена гражданского неповиновения насильственными формами социального протеста была вызвана отсутствием правовой регламентации политической забастовки.

Право на гражданское неповиновение и социальный протест основано на нормах международного права. Например, во Всеобщей декларации прав человека, принятой

ООН в 1948 году, говорится о праве на «восстание против тирании и угнетения» [7]. Полагаю, что, если в этом уважаемом акте есть право на восстание, то право на политическую забастовку является само собой разумеющимся. Но только не для россиян. СССР и другие социалистические страны, как известно, воздержались при голосовании при принятии в ООН Всеобщей декларации прав человека, для России она не носит обязательного характера.

Следует признать, что в решении вопроса о праве на социальный протест, на гражданское неповиновение многие страны продвинулись гораздо дальше России. Так, в статье 54 Основного закона Эстонии говорится: «Каждый гражданин Эстонии имеет право, за отсутствием иных средств, оказывать попыткам насильственного изменения конституционного строя сопротивление по собственной инициативе» [8]. В Конституции Греции записано: «Соблюдение Конституции вверяется патриотизму греков, которые правомочны и обязаны оказывать сопротивление всеми средствами всякой попытке отменить её путём на-

силия» [9, 406]. Близкая по смыслу норма содержится в Основном законе ФРГ: «Все немцы имеют право оказывать сопротивление всякому, кто попытается устранить этот строй, если иные средства не могут быть использованы» [10, 178]. Это право закрепляется в той же статье, где сказано, что вся государственная власть в Германии исходит от народа. В статье 3 Конституции России тоже подчеркнута, что единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ, но нет ни слова о праве народа защищать свою власть.

Разумеется, при нормальном демократическом развитии России политические забастовки не имеют оснований для возникновения. Но это отнюдь не исключает обращения к ним в чрезвычайной ситуации, как это было в августе 1991 года. Следовательно, политические забастовки должны получить юридическую регламентацию. Иначе может повториться ситуация, когда для защиты конституционного строя и демократии народу придётся прибегнуть к тому, чего юридически не существует.

Список литературы:

1. Не последние пять лет из жизни несогласного политика/Автор-составитель В. С. Кладчихин. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1994.
2. Обращение от 19.08.1991 г. «К гражданам России». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agitclub.ru>gorbi/putsch/elzindoc.htm>
3. Указ Президента РСФСР от 20.08.1991 № 65 «Об обеспечении функционирования предприятий и организаций в РСФСР». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Устав Кемеровской области: проект//Газета «Явь». – 1993, 28 января. – Специальный выпуск.
5. Троицкая А. А. Право на протест: содержание и эффективность реализации//Сравнительное конституционное обозрение, – 2012, – № 5.
6. Залысин И. Ю. Идеи Г. Торо о гражданском неповиновении и современный политический процесс//Проблемы в российском законодательстве, – 2013, – № 5.
7. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
8. Конституция Эстонской Республики. [Электронный ресурс]. – Реж. доступа: <http://www.worldconstitutions.ru/?p=105>
9. Конституция Греции//Конституции буржуазных государств: учеб. пособие/сост. В. В. Маклаков. – М.: Юридическая литература, 1982.
10. Основной Закон Федеративной Республики Германии//Конституции буржуазных государств: учеб. пособие/сост. В. В. Маклаков. – М.: Юридическая литература, 1982.

*Alexei Novikov Vaerievich,
Chief Researcher, PKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor,
Doctor of pedagogical sciences, candidate of jurisprudence
E-mail: novikov.pravo@mail.ru
Gnedov Evgeny Vaerievich,
Director of operations FSIN of Russia
E-mail: gnedov75@mail.ru*

Handling of dangerous criminals

Abstract: In the context of the reform of the penitentiary system (MIS) solution of this question, as the management of dangerous criminals is quite topical. The Russian Federation attaches very great importance to this issue.

Keywords: most dangerous criminal, criminal situation or a sentence.

*Новиков Алексей Валерьевич,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук,
доктор педагогических наук, доцент
E-mail: novikov.pravo@mail.ru*

*Гнедов Евгений Валерьевич,
начальник оперативного управления ФСИН России,
E-mail: gnedov75@mail.ru*

Обращение с особо опасными преступниками

Аннотация: В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы (УИС) решение такого вопроса, как обращение с особо опасными преступниками является достаточно актуальным. Российская Федерация уделяет весьма серьезное значение рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: особо опасный преступник, криминальная ситуация, отбывание наказаний.

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы (УИС) решение такого вопроса, как обращение с особо опасными преступниками является достаточно актуальным.

Российская Федерация уделяет весьма серьезное значение рассматриваемой проблеме. Историческое развитие нашей страны в значительной степени обусловлено ее географическим положением климатическими условиями. На территории России проживают представители более 150 национальных и этнических групп. Указанные обстоятельства обуславливают и создают особенности криминальной ситуации в нашей стране. И борьба с преступностью имеет определенную и специфику организации деятельности пенитенциарных учреждений.

В последние годы Российская Федерация принимает значительные усилия по выполнению взятых на себя для исполнения международных обязательств.

В первую очередь, это касается выполнения требований положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Резолюций о правилах обращения с заключенными, вообще, и в том числе с длительными сроками заключения в частности. В этой связи принимаются определенные меры, по выполнению международных рекомендаций об обращении с данной категорией осужденных по обычным правилам.

При этом основные требования обращения с осужденными носят стандартный характер:

- прежде всего, это касается организации питания по единым нормам, больным осужденным предоставляется питание по медицинским показателям;
- обеспечение по единым нормам одеждой и санитарно-гигиеническими принадлежностями;
- лечение осужденных осуществляется по общим требованиям для граждан Российской Федерации;
- для размещения осужденных в местах отбывания наказания применяются единые санитарные нормы, единый подход обеспечивается при организации трудовой занято-

сти, обеспечении возможности получения образования и профессиональных навыков.

Таковы общие принципы организации отбывания наказания.

К категории опасных преступников в Российской Федерации относятся:

- мужчины, осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, ранее не отбывавшие лишение свободы, а также при рецидиве или опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал лишение свободы. Данные лица отбывают наказание в исправительных колониях строгого режима.

- мужчины, осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений на срок свыше пяти лет, а также при особо опасном рецидиве преступлений могут отбывать часть срока наказания в тюрьме.

- пожизненное лишение свободы устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против общественной безопасности. Пожизненное лишение свободы не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста.

Осужденные к пожизненному лишению свободы отбывают наказание в исправительных колониях особого режима.

Осужденные, отбывающие наказание в исправительных колониях особого режима, а также в строгих условиях содержания, размещаются в камерах, что исключает их свободное передвижение по территории учреждения.

Для несовершеннолетних и женщин, совершивших опасные преступления, никаких особенностей не установлено, и они отбывают наказание на общих условиях.

В настоящее время в России проводится реформирование системы учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, перепрофилирование большей

части исправительных учреждений в тюрьмы общего, усиленного и особого режимов, создание колоний-поселений с обычным и усиленным наблюдением при сохранении учреждений, созданных для выполнения специальных задач (лечебно-исправительных и лечебно-профилактических), а также преобразование воспитательных колоний для несовершеннолетних в воспитательные центры для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте.

Реформирование системы учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, также предполагает:

- изменение видов исправительных учреждений для содержания осужденных в местах лишения свободы с фактическим прекращением их коллективного содержания, постоянного пребывания осужденных в состоянии стресса, обусловленного необходимостью лавирования между требованиями администрации и основной массы осужденных;
- разработку основанных на стандартах Европейских пенитенциарных правил (2006 год) моделей тюрьмы и колонии — поселения с учетом требований безопасности общества и персонала уголовно-исполнительной

системы, а также необходимости реализации целей исправления осужденных;

– разработку технической документации, финансово-экономического обоснования, архитектурных проектов тюремных зданий, отвечающих требованиям европейских стандартов;

– раздельное содержание осужденных к лишению свободы, способных к ресоциализации, с учетом тяжести и общественной опасности, совершенных ими преступлений, поведения в местах лишения свободы, отношения к совершенному преступлению, с одной стороны, и осужденных, совершивших особо тяжкие преступления, прочно усвоивших и распространяющих элементы поведения криминальной среды, с другой стороны.

Все это позволит достигнуть международных стандартов при исполнении уголовных наказаний, обеспечить приоритет гуманности, уважения прав и свобод человека, дифференцирует работу по организации исправления осужденных, индивидуализирует воспитательный процесс в зависимости от социальной запущенности указанных лиц, предоставит им действительную возможность вернуться к нормальной жизни.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. N 1772-р Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. (с изменениями и дополнениями).

*Prikhodko Michael Anatolievich,
Die Moskauer Staatliche Juristische
O. E. Kutafin-Universität, Dr. iur., Lehrer,
Institut für Geschichte der Staat und Recht
E-mail: mprihod@list.ru*

Die rechtliche Ausgestaltung des staatlichen Systems des Russischen Reiches am Anfang des XIX Jahrhunderts

Abstrakt: Die Administrative Reorganisirungen in der Innenpolitik des Russischen Reiches am Anfang des XIX Jahrhunderts sind ganz deutlich in der Gründung des Unerläßlichen Rates, die Senatsreform, die ministerielle Reform und der Gründung des Staatsrates unterteilt, und jede dieser Transformationen hatte ihre rechtliche Absicherung.

Stichwörter: die rechtliche Absicherung, die Verwaltungsreformen, administrative Reformen, der Senat, der Unverzichtbare Rat, die Ministeriums, der Staatsrat.

Die Administrative Reorganisirungen in der Innenpolitik des Russischen Reiches am Anfang des XIX Jahrhunderts sind ganz deutlich in der Gründung des Unerläßlichen Rat, der Senatsreform, der ministerielle Reform und der Gründung des Staatsrat unterteilt.

Jede dieser Transformationen hat die rechtliche Absicherung.

Der Unerläßlichen (Staats-) Rat wurde auf Grund von der Verordnung «ber die Gründung des Unerläßlichen Rat für die Erörterung wichtigen Staatsangelegenheiten» vom März 30, 1801, im Bestande von 12 Mitgliedern und unter der Führung von Generalfeldmarschall N. I. Saltykow, gegründet [2, 598].

Das betreffende Organ hat den Status der höheren gesetzberatender Institution.

In 1802 Imperator Alexander I unternahm den Versuch der Senatsreform.

Nach der Verordnung «Über die Rechte und Pflichten des Senats» vom September 8, 1802 der Senat hat das Beaufsichtigungsrecht über die Einhaltung der verabschiedeten Verordnungen zur bereits vorhandenen Verordnungen [3, 241], aber das Senat verlor dieses Recht bereits in 1803 auf der Grundlage der Verordnung «Über die Unverletzbarkeit der bereitgestellten Adelstandsrechte» vom März 21, 1803 [6, 505].

Die Durchführung der ministerielle Reform und die Einführung der ministerielle Steuerung in des Russischen Reiches entlassen wurden auf Grund von einer Reihe von Rechtsakten entlassen.

Am September 8, 1802 das Manifest «Über die Gründung der Ministerien» und die Verordnung zum Senat «Über die Bildung der ersten drei Kollegien in Gestalt der Herstellung der Staatsangelegenheiten auf der gleichen Grundlage und über die Personen, auserwählenden zu Ministerialsverwaltungen» wurden veröffentlicht [4, 243–250].

Laut dem vom Manifest vom 8. September 1802 die ersten 8 Ministerien wurden gegründet: das Ministerium für Militär — und Landkräfte, das Ministerium für Marinestreitkräfte, das Ministerium für Auswärtigen Angelegenheiten, das Justizministerium, das Ministerium des Innern, das Ministerium der Finanzen, das Kommerzministerium, das Ministerium für Volksbildung [4, 243–250].

Auf Grund von der Senatsverordnung vom September 8, 1802, die Ministers und ihre Stellvertreter — Kameraden der Ministers wurden zugewiesen. Der Fiskal wurde zusammen mit den Ministern zugewiesen [5, 249–250].

Eine neue Welle des Interesses des Alexander I zur Umgestaltung der Russischen Verwaltungsmechanismus wurde mit dem Namen von M. M. Speranskiy, des Staatssekretärs seit März 1801 und der Kamerad des Justizministers seit Dezember 1808, verbunden.

Zum Oktober 1809, im Auftrag des Imperators, M. M. Speranskiy wurde zum Alexander I «Die Einführung zum Gesetzbuch den staatlichen Gesetze», vorgelegt. Das was der umfangreiche Plan für die Reformen des innenpolitischen Staatsaufbaues, in dem die Nachteile der Ministerialsreform wurden systematisiert [1, 143–222].

In diesem Projekt Speranskiy wurde drei wesentliche Nachteile der Ministerialsreform identifiziert:

1. «Mangel an der Verantwortung»;
2. «eine gewisse Ungenauigkeit und Missverhältnis der Angelegenheitsverteilung»;
3. «Mangel an Regeln oder Institutionen» [1, 143–222].

Die neue Reorganisation der Ministerien war auf die Beseitigung dieser Mängel gerichtet. Die abschließende Periode der ministerielle Reform von 1810–1811 Jahren begann.

Drei Gesetzgebungsakte waren die juristische Grundlage dieser Periode: das Manifest von 25. Juli 1810 «Über die Verteilung der Staatsangelegenheiten auf die Sonderverwaltungen, mit der Bestimmung den Gegenständen für jede Verwaltung» [8, 278–280]; «Allerhöchste genehmigte Verteilung der Staatsangelegenheiten zwischen die Ministerien» vom August 17, 1810 [9, 323–328] und die «Die Allgemeine Gründung der Ministerien» vom Juni 25, 1811 [10, 686–719].

Die Projekte aller drei Aktes wurden von M. M. Speranskiy entwickelt.

Das Manifest vom Juli 25, 1810 teilte alle Staatsangelegenheiten «in der executive Ordnung» in fünf Hauptteile: 1) die Auslandsbeziehungen; 2) Die Gestaltung der äußeren Sicherheit; 3) Die Staatseinsparung; 4) Die Organisation

der Zivil — und Kriminalgericht und 5) Die Organisation der inneren Sicherheit.

Das Manifest verkündete die Bildung der neuen zentralen Institutionen der Staatsverwaltung: das Ministerium der Polizei und der Hauptverwaltung der geistlichen Angelegenheiten für die verschiedenen Konfessionen.

Der Titel des Staatskontrolleurs — Chef der Staatskostenrevision wurde instituiert.

Die Beschäftigungsgegenstände des Kommerzministeriums wurden zu dem Ministerium der Finanzen und dem Ministerium des Innern, und dass bedeutete die tatsächliche Abschaffung des Kommerzministeriums.

Im Allgemeinen die Gegenstände des meisten Ministerien wurden statuiert: mit Ausnahme von des militärische Ministeriums, des Ministeriums für Marinestreitkräfte für militärische Marine, des Ministeriums für Auswärtigen Angelegenheiten und des Justizministeriums [8, 278–280].

«Allerhöchste genehmigte Verteilung der Staatsangelegenheiten zwischen die Ministerien» vom August 17, 1810 konkretisierte der Zusammensetzung des Innenministeriums, des Justizministeriums, des Ministeriums für Volksbildung, des Ministeriums der Finanzen, der Hauptverwaltung der geistlichen Angelegenheiten für die verschiedenen Konfessionen und die tatsächliche Abschaffung des Kommerzministeriums [9, 323–328].

«Die Allgemeine Gründung der Ministerien» vom Juni 25, 1811 ist eine wesentliche und konstitutive Rechtsakt der ministerielle Reform.

Es bestand aus zwei Teilen:

1. «Die Bildung der Ministerien»;
2. «Der gemeinsame Auftrag zum Ministerien».

Zusammen bildeten sie 401 Absätze und eine Anlage: «Die Korrespondenzformen».

«Die Bildung der Ministerien» bestimmt die allgemeine Verteilung von den Staatsangelegenheiten und die Gegenstände der einzelnen Ministerien und der Hauptverwaltungs. (In vielem es wiederholte inhaltlich die wiederholen Bestimmungen des Manifests vom Juli 25, 1810). Es festgelegt die einheitliche allgemeine organisatorische Zentralregierungsstruktur.

«Der gemeinsame Auftrag zum Ministerien» festgelegt, die den Grad und die Grenzen der Ministerialsmacht, den Grad und die Grenzen der Abteilungsmacht und der Macht Ihrer Direktoren, die Aufgaben der Premierministerskanzlei und ihre Geschäftsführers, die Pflichten und Haftungsgrad für die Abteilungsbeamten.

Die Anlage zum «Die Allgemeine Gründung der Ministerien» — «Die Korrespondenzformen», instituierte die einheitliche Korrespondenzformen von Dokumenten für aller zentralen Institutionen der Staatsverwaltung [10, 686–719].

Die Gesetzgebungsakte von 1810–1811 tatsächlich abgeschlossen die Ministerialsreform. Tatsächlich fast alle großen Verwaltungszweigen wurden im selbständigern Ministerium und Hauptverwaltungs ausgeteilt. Die Branchenabgrenzung der lokalen Verwaltung wurde instituiert, und dass begünstigt zur Bildung von der Abteilungen — zentralen

staatlichen Institutionen, mit Ihre Unterordnung zur lokalen Staatsorgans und Beamten.

Im 1810 laut «Die Bildung des Staatsrates» vom Januar 1, 1810, der Staatsrat, der höchste gesetzberatender Organ für die Ausarbeitung von Projekten für Gesetzgebungsakte, wurde

anstatt des unerläßlichen Rats gründet [7, 3–15].

Ipso facto, die Verwaltungsreformen rechtliche Unterstützung im Russischen Reich am Anfang des XIX Jahrhunderts hatten die rechtliche Unterstützung und sie wurden auf Grund der Rechtsakte realisiert.

Referenz:

1. Speransky M. M. Projekte und Notizen. – M.-L.: 1961.
2. Gesammelte Sammlung von Gesetzen des Russischen Reiches. Erster (I) Samm. T. 1–45. – Saint-Petersburg, 1830. (Weiter: GSG-1). – V. 26.
3. GSG-1. – V. 27. – Nr. 20405.
4. GSG-1. – V. 27. – Nr. 20406.
5. GSG-1. – V. 27. – Nr. 20409.
6. GSG-1. – V. 27. – Nr. 20676.
7. GSG-1. – V. 31. – Nr. 24064.
8. GSG-1. – V. 31. – Nr. 24307.
9. GSG-1. – V. 31. – Nr. 24326.
10. GSG-1. – V. 31. – Nr. 24686.

Contents

Section 1. Anthropologie	3
<i>Emelyanov Andrej Sergeevich</i>	
Crisis in Anthropology and an ability to be a human	3
Section 2. Study of art	7
<i>Mammadova Rubaba Maharram</i>	
Genre and dramaturgy of mugham-opera — studying paradigms	7
<i>Siryatskaya Tatyana Aleksandrovna</i>	
Art-acoustic realization of the author's composition based on its interpretation (on the example of the Second Concerto for piano and orchestra by R. Shchedrin).....	9
Section 3. History and archaeology.....	15
<i>Bryzgalova Irina Genrihovna</i>	
February 1917: the formation of the structure of civic community, its specificity and the special feature: state and regional aspect (on the materials of Don and North Caucasus)	15
<i>Burchonova Sabo Tulanovna</i>	
Die Geistige Vervollkommnung Wie Die Grundlage Der Geistigen Erziehung Der Heranwachsenden Generation	20
<i>Eprikyan Armine Melsikovna</i>	
Diplomatic and military steps of Turkey to capture Nakhijevan	22
<i>Zaikova Tatyana Mihailovna</i>	
Passionarity ethnogenesis theory and laws of historical development.....	25
<i>Zvonkova Galina Leonidovna</i>	
The features of the basic science of Ukraine (1920–1980).....	27
<i>Nikitin Denis Anatolevich,</i> <i>Kuznetsova Irina Georgievna, Ryzkova Yelena Viktorovna</i>	
Methodology of oral history in the context of studying in history of a family in the history of the settlement	32
<i>Soltanova Nazilya Baguir</i>	
University and Academic beginning in Azerbaijan (the end of XIX – the beginning of XX centuries)	35
<i>Soltanova Nazilya Baguir</i>	
Azerbaijanian Scientists the writings of the Middle Ages	45
<i>Starostenkov Nikolaj Vasilievich</i>	
The legacy of the Fathers of the Church and its role in the formation of spiritual values of youth.....	48
<i>Khodjiev Rasulbek Boynazar ugli</i>	
The conceptions on developing student youth social activity	52
<i>Khamitova Marvan</i>	
The museum exhibition is a historical source (on materials of the Republic of Kazakhstan)	54
Section 4. Linguistics.....	58
<i>Borodina Tatjana Alexandrovna</i>	
Strukturelle Besonderheiten der identifizierenden Äußerungen und Parameter, die sie bestimmen	58
<i>Stasiuk Nataliia Vasylivna</i>	
Pragmalinguistic categories of choice and verbal influence.....	60
<i>Tausogarovaya Ayaujhan Kairatovana, Amrenova Raushan Saktiyarkyzy</i>	
Conception of the meaning of human nature in Kazakh tales	63
<i>Tsersvadze Mzia Giglaevna</i>	
The concept of “heart” in the idioms of Russian and Georgian languages (comparative aspect)	66

<i>Yuldashev Akmal Gulamjanovich</i>	
Of some peculiarities of partial idiomatic compound words in English and Uzbek.	69
Section 5. Pedagogy	72
<i>Karieva Matlubahon, Anvarov Alisher, Kataeva Mukarramxon</i>	
Role of the international cooperation in high education development	72
<i>Rayimjanova Nigora, Mallaboev Nosirjon, Anvarov Alisher</i>	
Recommendations on self-cognition and self development for ensuring spiritual development of students University	74
<i>Nuridinova Fotima, Mallaboev Nosirjon, Anvarov Alisher</i>	
Development of an electronic educational-methodical complex and using in educational process	76
<i>Varetska Olena Volodymyrivna</i>	
Criteria, indicators and levels of elementary school teacher's social competence in the system of postgraduate education (motivational and value component)	77
<i>Voitleva Nafiset Adalgerievna</i>	
The characteristic of qualities of the creative teacher – future music teacher.	81
<i>Bakunova Irina Vladimirovna, Ermakova Alexandra Viktorovna</i>	
Speech therapy support of children with disabilities in the home-based learning	84
<i>Zhubatyrova Botagoz, Duysenbaeva Raichan, Ergarina Zhanna</i>	
Formation of image of the future teacher.	87
<i>Zhubatyrova Botagoz, Maitanova Nuria, Gulmira Karimova</i>	
Formation of image of the competition of the educational institution	91
<i>Zaichenko Nataliia Ivanivna</i>	
The problem of «new school» in Spanish-speaking pedagogical thought of the first third of the XX century.	94
<i>Barmina Natalya Alexandrovna, Borisevitch Vladimir Borisovich,</i> <i>Karelina Maria Yurievna, Tcherepnina Tatiana Yurievna</i>	
Basic trends of developing the educational programs of post-graduate course for their implementation by network means	96
<i>Loza Tatyana Vladimirovna</i>	
Dynamics of readiness' for independent living indicators in conditions of orphans' social and pedagogical support	98
<i>Makhutova Gulnara Mirzakhanovna, Mikitchenko Svetlana Petrovna</i>	
Modeling problem situations in teaching foreign language communication (by the example of the english and french languages)	100
<i>Nersisyan Babken Babken, Tsaturyan Gayane Hamlet</i>	
Enhancing learning progression through solving geometry problems.	104
<i>Palchickova Alexandra Alexandrovna</i>	
System of exercises in formation of foreign students' cross-cultural competency	107
<i>Pylypenko Vadym Valerievich</i>	
Stronins pedagogical views on Education of the Person in the collective	109
<i>Chyhurskyy Anatoliy Sergeevich</i>	
Pädagogische Grundlagen der ästhetischen Bildung Studenten mittels der bildenden Kunst in der modernen Erziehung	111
<i>Shodmanova Feruza Turdalievna</i>	
History of creation of libraries of educational institutions and modern directions of development of the pedagogical libraries in territory of Uzbekistan	114

Section 6. Political science	118
<i>Kolobova Guzel Anisovna</i>	
Staatskorporationen in Russland: das politologische Herangehen	118
<i>Kuppayeva Botagoz Tulegenovna</i>	
Problematics of comparative political science	121
<i>Naumenko Olha Mykhailivna</i>	
The recruitment of political-administrative elites of Ukraine in the terms of state independence	125
<i>Sagdullayeva Dilbar Shuhratovna</i>	
Democratic development and processes of social and political modernization in Uzbekistan	130
<i>Eminov Ruslan Dilyaverovich</i>	
The factor of APR in system of geopolitical interests and goals of European Union	132
Section 7. Psychology	136
<i>Koshkina Ekaterina Nikolaevna</i>	
Psychopathy subtypes and psychopathic violence	136
<i>Matveeva Tatyana Mihajlovna</i>	
Formation in consciousness of youth of need for preservation of moral health	139
<i>Serebryakova Tatyana Aleksandrovna, Larina Olesya Andreevna</i>	
The problem of the impact of innovation processes on the personal and behavioral transformation of the subject	142
Section 8. Philology	146
<i>Aleksandrenko Viktoria Viktorivna</i>	
Semantic analysis of the prairie in the flash fiction of Dmitry Markovych	146
<i>Bondarenko Liliya Nikolaevna</i>	
Some peculiarities of translation of documents of military discourse	149
<i>Jantassova Damira Dulatovna, Khamitova Zulkamal Zhumagulovna, Tugambekova Marksiana Alpysbaevna, Kakzhanova Sholpan Aidarkhanovna, Suleimenova Uruaida Eralievna</i>	
Intercultural literacy is critical to success in a foreign country	151
<i>Zhigulin Andrey Alekseevich</i>	
A. V. Zhigulin – superfine lyric of Russia	155
<i>Kazimova Fergana Ramis</i>	
Academician Mammad Jafar Jafarov and modern literary process	158
<i>Mekhasiuk Svitlana Eduardivna</i>	
Verbal and stylistic means and methods of emphasizing the expression in the novel of L. Andreyev “Satan’s Diary”	161
<i>Okoneshnikova Alina Vasilievna</i>	
Tales of A. S. Pushkin	164
<i>Panteleev Andrew Felixovitsch, Dolmatova Anna Sergeevna</i>	
Superlativ als das Mittel der Bildung der Ausdruckskraft (Expressivität) in der Poesie des russischen Akmeismus	168
<i>Umirzakova Zaure Asetovna</i>	
The role of non-verbal means of communication in the process of language teaching	171
Section 9. Philosophy	174
<i>Boboyorov Bobomurod Normatovich</i>	
“Islamic fundamentalism” as exacerbating international relations	174
<i>Zamilova Rimma Ramilievna</i>	
Heroes and heroic as the ethic-philosophical research objects	180
<i>Rakhmonov Bahodir Ubaydullayevich</i>	
Nature and spirituality of man and history	184

<i>Tkachova Yuliya Mircheslavovna</i>	
Paradigm basis of scientific communication	186
<i>Trynkin Vadim Vladimirovich</i>	
Intentions and possibilities synergetic	188
<i>Filippovskaya Tatyana Vladimirovna, Terentiyeva Galina Sergeevna</i>	
Professionals, unprofessionalism and everyday practices	192
<i>Chernyakova Natalia Stepanovna</i>	
Epistemological sense of the definitions “true”, “erroneous” and “relatively true” in the process of cognition	195
Section 10. Economics and management.....	198
<i>Blahun Ivan Semyonovich, Vasylyuk Natalia Romanovna</i>	
The role of logistics in the management of regional commodity markets.....	198
<i>Buryak Oleg Petrovich</i>	
To the management of the banking sector in modern conditions.....	200
<i>Honak Ivanna</i>	
Methods for determination of synthetic indicators of the assessment of the regional tourism development.	204
<i>Danylova Iuliia Iullianivna</i>	
The adaptability of the market of banking services of Ukraine to the European standards	206
<i>Esaidar Urzada Serimovna, Belgibaev Almaz Kanashevich,</i> <i>Tuebekova Zeinep Zhaparovna</i>	
The international tourism – the factor of integration of Kazakhstan in world association	210
<i>Kaziyeva Assel Negmetovna, Baimagambetova Zulfiya Mazhitovna</i>	
National aspects of the green economy	213
<i>Kuznetsov Andrey Nikolayevich</i>	
Impact of personnel labour motivation upon solution of bank development strategic goals	215
<i>Syroizhko Valentina Vasil'evna, Golikova Galina Viktorovna,</i> <i>Khorokhordin Denis Nikolaevich</i>	
Features reflect the acquisitions of the companies in the consolidated financial statements in accordance with IFRS	217
<i>Tverdokhlib Oleksandr Stepanovych</i>	
Staatliche informationelle Politik unter Umständen gesellschaftlich-politischer Entwicklung in der heutigen Ukraine	223
<i>Shuvalov Valeriy Alekseevich</i>	
The role of government regulation in the innovative development of the regions of Kazakhstan	225
<i>Shulepina Svetlana Aleksandrovna, Degaltseva Zhanna Vladimirovna</i>	
Features implementation of controlling in management system of householding organization.....	228
<i>Jusupova Irina Valerievna</i>	
The population follows the production or balance model of labor resources of Komi Republic	230
Section 11. Science of law.....	233
<i>Baimuratova Kulmira Abenovna</i>	
Economic courts: preparing personnel training.....	233
<i>Bisengali Liliya, Bazilova Aigul Abayevna,</i> <i>Kusmambetov Kyanysh Daniyarovich</i>	
To the question about the concept of “Economic criminality”	236
<i>Dzhansarayeva Rima Yerenatovna, Bissengaly Lilya Bissengalyevna</i>	
The definition of “extremism”	238
<i>Yewtjuchin Jurij Alekseevitsch</i>	
Politischer Streik als Form des zivilen Ungehorsams	240

<i>Alexei Novikov Vaerievich, Gnedov Evgeny Vaerievich</i>	
Handling of dangerous criminals	243
<i>Prikhodko Michael Anatolievich</i>	
Die rechtliche Ausgestaltung des staatlichen Systems des Russischen Reiches am Anfang des XIX Jahrhunderts	245